

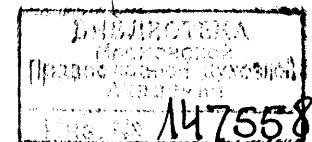
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том 41

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

СТАТЬИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

член-корреспондент АН СССР *З. В. Удальцова* (отв. редактор),
 действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
 доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
 академик АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
 доктор исторических наук *Г. Л. Курбатов*,
 доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
 доктор исторических наук *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
 доктор искусствоведения *В. Д. Лизачева*,
 кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
 кандидат исторических наук *К. А. Осипова*,
 доктор исторических наук *Е. Ч. Скржинская*,
 доктор исторических наук *М. Я. Сюзюмов*

Выходит ежегодно
 41/1980

В 10603—082
 042(02)—80 81—80. 0504020000

© Издательство «Наука», 1980 г.

К. В. ХВОСТОВА

РАССЛОЕНИЕ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ КРЕСТЬЯН

Проблема расслоения средневековых крестьян является одной из кардинальных социально-экономических проблем истории средневековья. В то же время по отношению к Византии она едва намечена в отдельных исследованиях, специально относящихся к другим проблемам социально-экономического развития разных периодов византийской истории. Это объясняется главным образом состоянием византийских источников. Только от XIV и частично XIII в. сохранились источники, которые со многими и немаловажными оговорками могут быть названы массовыми, т. е. такими, которые позволяют хотя бы в ограниченном масштабе проводить статистический и вообще количественный анализ. Такими источниками являются описи (практики) владений крупных собственников (главным образом монастырей). В настоящее время число таких практиков увеличилось благодаря изданию актов Лавры¹.

На первый взгляд кажется, что практики содержат обильный материал по имущественному расслоению крестьян. В описях перечисляются различные виды крестьянского имущества и указываются размеры причитающейся с этого имущества налоговой ставки. Однако более тщательный анализ источников показывает, что перечень имущества в практиках содержит неполную и искаженную информацию не только об экономическом, но даже об имущественном расслоении крестьян. Если судить об имущественном расслоении крестьян по данным практиков, то следовало бы констатировать в указанный период очень высокую степень имущественного и, в частности, поземельного расслоения. Но данные практиков относятся только к собственно паричскому движимому и недвижимому имуществу крестьян, т. е. к имуществу, которым они владели на паричском праве как зависимые крестьяне. Все остальное крестьянское имущество, а именно родовая или купленная собственность (о том, что у париков было собственное имущество, свидетельствуют неоднократные упоминания в описях об иностатиках), а также арендованные париками на разных условиях земли, не фиксируется. Кроме того, в практиках отсутствуют данные о доходах париков от занятий ремеслом, хотя и не вызывает сомнений, что эти доходы составляли для некоторых категорий париков, прежде всего для безземельных, важный источник благосостояния. Все это и означает, что сам по себе перечень принадлежавших парикам различных видов имущества еще не создает исчерпывающего впечатления об уровне их благосостояния и соответственно — расслоения. В то же время есть основание полагать, что доходы от неземледельческих занятий и прежде всего от занятий ремеслом в XIII—XIV вв. учитывались при обложении налогом (телосом). Правда, данные об этом отсутствуют. Однако от X—XI вв. имеются подобные сведения² и не исклю-

¹ Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D. Actes de Lavra, II: de 1204 à 1328. Paris, 1977 (далее — Actes de Lavra).

² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 84.

чено, что и в XIII—XIV вв. данная традиция сохранилась, хотя ее проявления и претерпели известные метаморфозы. Об учете доходов от ремесленной деятельности говорит сам факт перечисления в практиках ремесленников. Очевидно, эти доходы учитывались в виде надбавки к основной подати, исчисляемой в зависимости от размеров движимого и недвижимого имущества. Более того, возможно, что при обложении телосом учитывались не только доходы от ремесленной деятельности, но и в какой-то мере принимались в расчет и размеры той земли, которую парики имевшие на парическом праве небольшие участки или вообще лишены парических держаний, арендовали на различных условиях. В пользу этого предположения говорят следующие соображения. Парики, лишённые земли или имевшие ее в недостаточном количестве, добывали средства для несения налогового тягла и других парических обязанностей за счет иных, так сказать, непарических источников благосостояния. В предшествующий период (X—XI вв.) аренда париками частнособственнических земель на разных условиях, отличных от парического права, как известно, не приводила к тому, что арендованные земли изымались из сферы государственного обложения. Во-первых, пакт (разновидность арендной платы) учитывался при определении ридзы (общей налоговой суммы с податного округа), во-вторых, через 30 лет арендатор чужой земли становился ее держателем на парическом праве и соответственно подлежал занесению в кадастры как налогоплательщик³. В XII и XIV вв., как свидетельствуют отдельные (правда, их сохранилось немного) данные, арендаторы чужих земель на условии уплаты пакта по прошествии 30-летнего срока по-прежнему рассматривались как арендаторы, а не держатели парического надела и не подлежали налоговому обложению. Налог за соответствующие земли платил собственник земли⁴.

Несомненно, государству было бы с формальной точки зрения выгодно, если бы парики — арендаторы земель крупных земельных собственников через 30 лет превращались в держателей этой земли на парическом праве и платили бы телос, поскольку телос в этот период, в отличие от налога с земель, не поделенных на стаси, включал не только подымное и поземельную подать, но и сборы с движимого имущества, а также доходы с ремесленной деятельности.

Но так было теоретически, с точки зрения фискальных порядков. Практически же в силу предоставления крупным собственникам податного иммунитета налоги с соответствующих владений не поступали в казну, и, как правило, оказывалось совершенно безразличным, взимался ли чисто формально с какого-либо участка телос или же только поземельный налог — непосредственно с собственника. Это обстоятельство, т. е. освобождение крупных собственников от уплаты налога, привело, очевидно, к тому, что в ряде случаев арендатор земель крупных собственников не становился через 30 лет париком. Господствующими фискальными порядками, таким образом, практически не функционировали на экзимирированных землях. Однако данный случай являлся все же прецедентом, но не нормой. Известны факты, когда монастырские парики платят одновременно подать и другому лицу⁵. Это происходит, возможно вследствие того, что парики монастыря вначале арендовали земли в своего, а чужого собственника, т. е. являлись для этого последнего ксено-

париками. По прошествии же времени они становились париками и этого другого собственника. Парикия, таким образом, раздваивалась.

Как видно, мы сталкиваемся с явлением, которое было характерно для западных рентных отношений. Но в Византии зависимость парика от двух собственников выступала в специфической форме уплаты не собственно ренты, а налога, пожалованного в порядке предоставления податного иммунитета.

Что же касается тех случаев, когда парик-арендатор частновладельческих земель выпадал в XIII—XIV вв. в отличие от X—XI вв. из сферы государственной регламентации (пакт в этот период не присчитывался к ридзе), то не исключено, что наличие арендованных земель все же влияло на размеры телоса. Это влияние проявлялось, например, таким образом: в XIII—XIV вв. в отличие от X—XI вв. упряжка волов, как уже говорилось, подлежала специальному обложению и сбор с упряжки включался в телос. Однако при обложении крестьян, имевших очень большие наделы, упряжки, как и прочее имущество, исключая землю, не подлежали обложению. Это означает, что при отсутствии больших наделов и наличии упряжки крестьяне могли арендовать землю, и эта возможность учитывалась путем специального обложения упряжки.

Таким образом, если, с одной стороны, размеры налоговой ставки телоса, учитывавшей размеры различных видов имущества и ремесленной деятельности, отражают степень расслоения, то, с другой стороны, известно, что более зажиточные крестьяне платили сравнительно более низкие подати, чем менее зажиточные⁶. Это означает, что при обложении проводилась определенная социальная политика. Хорошо известны и не раз отмечались также факты нарушения при налогообложении стандартных норм обложения податных объектов. (Правда, эти нормы имели ряд вариаций и могут быть названы стандартными лишь в условном смысле.) Нередки случаи прямого нарушения этих норм, т. е. случаи налогового произвола или налоговых льгот. В этих случаях налоговая ставка также неадекватно отражает имущественное положение.

Возможно, обложение париков телосом происходило следующим образом. Определялась некоторая налоговая сумма *ri'za xoris*, которая устанавливалась заранее сверху, а затем раскладывалась внутри общины в соответствии с числом домов и размерами земли. Если бы обложение велось строго в соответствии с размерами принадлежавшей крестьянам земли на парическом праве, то не имеющие такой земли не платили бы налога. Однако на самом деле они уплачивали подать, варьирующую в диапазоне между $\frac{1}{8}$ и 1 номисмой. Следовательно, при определении общей налоговой суммы учитывали и число очагов. И подать с очага — подымное (капникон) — составляла часть подати, взимавшейся с безземельных. Тот факт, что зажиточные парики платили телос по льготным нормам, объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что при определении общей налоговой ставки деревни податные чиновники исходили из предположения о наличии у всех париков нормальных наделов. В действительности у некоторых оказывались наделы, превосходящие по размеру нормальный, а у других — наделы меньшей величины. Поэтому осуществлялась следующая процедура. Для того чтобы получить требуемую налоговую сумму, с безземельных, кроме сбора с очага, дома, т. е. кроме подымного, взыскивались сборы с движимого имущества и учитывались неземледельческие доходы. Что же касается зажиточных, то для получения общей налоговой суммы, причитающейся с деревни, достаточно было взыскать с них только поземельную подать и не взыскивать подымное (капникон), а иногда достаточно было взыскать только часть поземельной подати.

³ Литавин Г. Г. Указ. соч., с. 67.

⁴ Об этом свидетельствует сопоставление разновременных, относящихся к одним тем же владениям, описей Ивирского монастыря, разделенных промежутком времени, превышающим 30 лет. Речь идет об описях 1316 и 1341 гг. И в тех и других упоминаются одни и те же участки под виноградником, переданные в аренду на основе уплаты пакта. См.: Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für da Athoskloster Iheron. — Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss., Philos.-hist. Kl. N. F., 1949, Heft 28, A 316, V, 331—332.

⁵ Actes de Lavra, N 73.

⁶ Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии XIII—XIV вв. — ВВ, 1978, 39, с. 53.

Очевидно, наиболее адекватным образом специфика расслоения могла бы быть учтена путем денежной оценки как движимого и недвижимого имущества, так и других источников благосостояния крестьян. Однако прямые данные для проведения такой оценки отсутствуют. Известно, что оценка различных видов имущества в Византии была дифференцированной и зависела от их качества. Существуют лишь косвенные данные о качественных градациях тех или иных видов имущества, и этими данными опять же являются налоговые ставки. Налог исчислялся как $4\frac{1}{6}\%$ стоимости имущества⁷. Все сказанное означает, что, несмотря на известное несоответствие расслоения, связанного с налогообложением, и имущественного расслоения, целесообразно использовать данные о налогообложении в качестве приблизительного показателя имущественного расслоения. Существенно также то обстоятельство, что при налогообложении учитывался социальный статус налогоплательщиков; так, священники, упоминаемые в описях, подлежали нередко льготному обложению⁸.

Следовательно, тот факт, что налогообложение в ряде случаев неадекватно отражало особенности имущественного расслоения, являлся не только результатом случайного отклонения налоговых ставок от стандартных, но и следствием сознательной налоговой политики, учитывающей различие социальных статусов налогоплательщиков, т. е. отражающей социальное расслоение. Об этом свидетельствуют и такие упоминавшиеся выше проявления налоговой политики, как более льготное обложение зажиточных париков по сравнению с обложением бедных. Все сказанное является еще одним аргументом в пользу целесообразности использования данных о налогообложении для выявления особенностей расслоения париков. Причем по этим данным можно судить не только об экономическом, но в определенной степени и о социально-экономическом расслоении париков.

Ниже мы постараемся показать, в какой мере налоговая политика не только отражала, но и создавала некоторые проявления социального расслоения. Сейчас же обратимся к количественному анализу сведений практиков о размерах налоговых ставок, уплачиваемых крестьянами с целью измерения интенсивности расслоения и получения сравнительной картины расслоения по отдельным районам.

Как определить интенсивность расслоения, пользуясь в качестве показателя степени расслоения каждого крестьянина размерами его налоговой ставки? Чтобы оценить интенсивность расслоения, нужна количественная мера, с которой сравнивалось бы расслоение в каждой конкретной вотчине. Возникает вопрос: каковы те критерии, с помощью которых она должна быть определена? Эти критерии должны учитывать не только индивидуальные византийские, но и общие для средневековой эпохи признаки расслоения крестьян. Для того чтобы выработать такие критерии, необходимо, следовательно, выявить эти общие для средневековой эпохи признаки. Общие признаки отражают общие закономерности, характерные для значительного пространственно-временного диапазона. Общие закономерности являются объектом теоретического изучения в процессе которого происходит абстрагирование от ряда конкретных индивидуальных проявлений этих закономерностей. Это означает, что определить общие признаки можно путем теоретического анализа общих закономерностей, т. е. построения теоретической концепции расслоения. Для получения количественной меры интенсивности расслоения следует формализовать теорию, т. е. записать отдельные ее постулаты и вывод с помощью дифференциального уравнения. Формализация теоретически

рассуждений, проводимая с целью получения количественных критериев оценки интенсивности расслоения (или каких-либо иных отношений), непривычна не только для византиноведения, но и для медиевистики в целом и требует более подробной аргументации.

Естественно, каждый исследователь, не прибегая к количественной оценке, в состоянии как-то «на глаз» оценить интенсивность расслоения крестьян в изучаемой вотчине или регионе. Но для сопоставления даже нескольких, не говоря уже о десятке или нескольких десятках, вотчин необходима количественная мера, в основу которой положены четкие критерии. Кроме того, сравнение расслоения в отдельных изучаемых вотчинах или целых районах, осуществляемое, так сказать, «на глаз», неизбежно основано на интуитивных и, как правило, различных, т. е. для каждой вотчины «своих», иногда существенно отличающихся друг от друга, критериях. Эти критерии, иными словами, не могут быть унифицированными, единственными для всех или, во всяком случае, для многих изучаемых вотчин. Например, рассматриваются две вотчины, характеризующиеся различными держательскими структурами. В одной из них имелся незначительный слой безземельных держателей и большое количество держателей малых наделов. В другой вотчине безземельные держатели отсутствовали, однако, слой держателей малых наделов был очень значительным. При этом в обеих вотчинах было приблизительно одинаковым число держателей среднего уровня зажиточности. Исследователь, не применяющий количественной оценки, основанной на четких критериях, очевидно, каким-то образом решит проблему об интенсивности расслоения в обеих вотчинах. Очевидно также, что он будет при этом руководствоваться не столько общетеоретическими соображениями о закономерностях расслоения средневековых крестьян вообще, сколько своими знаниями о конкретно-исторических особенностях изучаемых вотчин. Возможно, он учтет тот факт, что в целом для района и данного хронологического периода было типичным наличие небольших наделов. Если руководствоваться этим в целом для эпохи феодализма локальным критерием, то следует характеризовать держательскую структуру второй вотчины более типичной для данного региона и соответственно констатировать большую степень расслоения крестьян первой вотчины. Однако возможен и другой подход к проблеме. Можно руководствоваться представлениями о размерах прожиточного минимума и нормального крестьянского надела, представлениями, выработанными на материале, характеризующем данную эпоху и данный регион в целом. И в этом случае критерий окажется конкретно-историческим, а не общетеоретическим. При использовании этого критерия результаты сравнения окажутся иными. При таком подходе к проблеме не исключен вывод, констатирующий большую степень расслоения первой вотчины; возможно также мнение, согласно которому расслоение в обеих вотчинах было примерно одинаковым. Кроме того, критерии, применяемые при качественном анализе, основанном на интуитивном подходе к проблеме, не основаны на учете многих признаков, т. е. такие критерии не являются обобщающими или суммарными. Правда, и при оценке интенсивности расслоения крестьян на качественном уровне исследователь, естественно, исходит и из некоторых общих теоретических представлений о закономерных особенностях расслоения средневекового крестьянства, однако эти представления присутствуют в его конкретно-историческом анализе неявно, словесно не формулируются. В этом нет надобности, поскольку при оценке интенсивности расслоения на качественном уровне отсутствует учет этих общих особенностей. Все это означает, что для выработки критерия расслоения, учитывающего общие особенности расслоения, т. е. унифицированного и обобщающего критерия, позволяющего детально сопоставить интенсивность расслоения в изучаемых совокупностях, требуется детально рассмотреть теоретические принципы расслоения.

⁷ Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 41.

⁸ Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М. 1968, с. 156.

Необходимо дать систему словесных утверждений, являющихся результатом обобщения предшествующего коллективного исследовательского опыта в области рассматриваемой проблемы, а затем следует отыскать то утверждение, которое можно непосредственно выразить с помощью математического уравнения. Решение такого уравнения должно дать формулу, с помощью которой можно получить количественную меру изучаемых отношений, учитывающую общие закономерности расслоения.

Вычисление таких количественных мер, относящихся к разным совокупностям (деревням, вотчинам, общинам и т. д.), позволяет их сопоставлять, т. е. расширить рамки сравнительного анализа явлений.

Переходим к словесной характеристике основных утверждений теории социально-экономического расслоения феодально-зависимого крестьянства в эпоху развитого феодализма, т. е. в эпоху, когда в обществе отсутствовали существенные элементы предкапиталистических отношений. Это расслоение, рассматриваемое на уровне теоретического обобщения, характеризуется следующими чертами.

Социально-экономическое расслоение феодально-зависимых крестьян означает существование в их составе слоев, различающихся наличием имущества в определенном размере и спецификой социального поведения. С известной степенью абстрагирования от ряда конкретных проявлений расслоения в разных регионах и в разные временные периоды можно считать, что в раннефеодальный период численно преобладал и играл наибольшую социальную роль слой крестьян средней зажиточности. На протяжении времени под влиянием многих факторов (прежде всего развитие товарно-денежных отношений), выявленных во многих конкретных исследованиях, ряд представителей среднего слоя беднел или богател. Наряду со слоем крестьян среднего уровня зажиточности четко определяются и другие слои. Однако и в этом случае большинство крестьян имеет прожиточный минимум.

Данная структура расслоения, таким образом, обусловлена и отражает существенные особенности средневековой экономики и эксплуатации, состоявшие в том, что функционирование средневековых социально-экономических отношений возможно только при известной обеспеченности подавляющего большинства крестьян.

Итак, социально-экономическое расслоение феодально-зависимых крестьян — это результат обеднения или обогащения слоя средней зажиточности. Данное утверждение — один из исходных постулатов концепции расслоения. Далее, можно считать, что если бы в обществе существовал только средний по зажиточности слой, то расслоение бы отсутствовало. Рассматриваем данное утверждение как один из выводов, вытекающих из вышеуказанного постулата. Другие исходные постулаты и вытекающие из них выводы выглядят следующим образом. Считаем, что у крестьян средней зажиточности степень бедности равняется степени богатства и соответственно разность между степенью бедности и степенью богатства у них равна нулю. Отсюда следует целесообразность рассмотрения разности между показателями бедности и богатства в качестве коэффициента расслоения. Для крестьян средней зажиточности эта разность, повторяем, равняется нулю, а для других категорий крестьян составляет некоторую величину, характеризующую степень расслоения, вызванного или обеднением, или обогащением.

Задача формализации концепции расслоения средневекового феодально-зависимого крестьянства состоит, очевидно, в нахождении показателей бедности и богатства. Для этого необходимо продолжить начатое рассуждение об обеднении и обогащении крестьян средней зажиточности и найти в этом рассуждении *такое утверждение, которое можно записать в виде дифференциального уравнения*; решение этого уравнения дало бы формулу, позволяющую измерить степень обеднения или обога-

щения. Далее уже не составит труда вычислить разность между мерами интенсивности обоих процессов.

Кроме того, целесообразно считать, что степень бедности определенных категорий зажиточных крестьян близка к нулю, а бедность безземельных крестьян является наивысшей и равна единице. В то же время процесс обогащения не имеет границ, так как приобретение богатым держателем небольшого участка означает его дальнейшее обогащение. Все сказанное и характеризует специфические проявления названных процессов как самостоятельных факторов расслоения.

Далее можно утверждать, что некоторое увеличение степени бедности прямо пропорционально некоторому уменьшению размеров надела и прямо пропорционально степени бедности в данный момент времени. Это последнее означает, что потеря части имущества бедным крестьянином сильнее увеличивает степень его бедности, чем потеря такой же части имущества богатым держателем.

Действительно, если, например, английский полувиргатарий XIII в. теряет $\frac{1}{4}$ виргаты, то для него такая потеря гораздо ощутимей, чем потеря $\frac{1}{4}$ виргаты виргатарием и особенно владельцем двух виргат.

Утверждение о прямо пропорциональной зависимости между названными факторами, следующее из приведенных выше исходных постулатов концепции расслоения, и является тем утверждением, которое можно записать в виде дифференциального уравнения.

$$dP = -Pdx; e^{-x+c} = P,$$

где P — степень бедности, dP — изменение степени бедности в некоторый хронологический период, dx — изменение размеров земли, x — размеры земли, c — некоторая константа, которая в данном случае равняется нулю⁹.

Далее, некоторое увеличение степени богатства прямо пропорционально некоторому увеличению надела и обратно пропорционально степени богатства в изучаемый момент времени. Последнее означает, что при изменении надела на данную фиксированную величину изменение степени обогащения будет большим, если данный владелец менее богат, и меньшим, если данный владелец является более зажиточным. Предположим, богатый крестьянин приобретает небольшой земельный участок. Очевидно, что для оценки степени его богатства это приобретение не очень существенно. Другое дело, если держание бедного крестьянина увеличится на такую же величину. Для него такое изменение более существенно. Утверждение о прямой и обратной пропорциональной зависимости названных факторов также может быть записано в виде дифференциального уравнения, решение которого является формулой меры богатства, обозначаемого R .

$$dR = \frac{dx t^2}{R}; \quad R = \sqrt{2x} t,$$

где x — размеры земли, dx — изменение размеров земли в рассматриваемый момент времени, R — степень богатства, dR — изменение степени богатства.

Параметр t определяем из уравнения:

$\sqrt{2at} = e^{-a}$, где a — имущество среднего крестьянина. Иными словами, исходим из предположения, что у крестьян, принадлежавших к среднему уровню зажиточности, показатель обогащения равен показателю обеднения

$$t = \frac{e^{-a}}{\sqrt{2a}}, \text{ т. е. } R = \frac{\sqrt{2x}}{\sqrt{2a}} e^{-a} = \frac{\sqrt{x}}{\sqrt{a}} e^{-a}.$$

⁹ Подробно проблема рассматривается в статье автора «Вопросы формализации теории расслоения феодально-зависимых крестьян», которая будет опубликована в сборнике «Количественная история», подготовленном совместно с учеными ГДР.

Показатель расслоения имеет вид $D = \sum_{i=1}^n |P_i - R_i|$, где $|P_i - R_i| = d_i$ — показатель расслоения некоторого i -го крестьянина, n — число крестьян в изучаемой совокупности.

Использование коэффициента D предполагает выявление крестьян средней зажиточности. По отношению к Византии этот вопрос требует специального анализа. Если по источникам X—XI вв. нормальным наделом, «идеальной стасью», по-видимому, являлся надел в 48—50 модиев II качества, с которого взималась подать размером в 1 номисму, то для XIV в. в качестве нормального следует рассматривать значительно меньший по величине надел. Это связано с обесцениванием денег и повышением цен на зерно¹⁰. Но поскольку величина налоговой ставки является индикатором не поземельного как такового, а социально-экономического расслоения в целом и при этом нормы обложения, как поземельного, так и поимущественного остались в XIII—XIV вв. теми же, что и в X—XI вв., то считаем, что категорию крестьян среднего уровня зажиточности по-прежнему составляли плательщики 1 номисмы. Это целесообразно еще и по следующим причинам. В X—XI вв. 1 номисма, взимаемая с 48—50 модиев, включала в подать начисление с упряжки волов, тогда как в XIV в. подать, взимавшаяся с меньшего по величине земельного надела и соответственно составлявшая менее 1 номисмы, уже не включала начисление за упряжку, которая являлась самостоятельным объектом обложения. Но так как наличие упряжки являлось необходимым признаком крестьянина среднего уровня зажиточности, а упряжка облагалась от 0,25 до 0,5 номисмы, то можно считать, что в XIV в. держатели сокращенного нормального надела и упряжки платили, как и держатели нормального надела в X—XI вв., 1 номисму.

Итак, при вычислении D считаем, что показателем среднего уровня зажиточности крестьянина является уплата им 1 номисмы в качестве телоса. В табл. 1 отражены коэффициенты для различных деревень в районе Фессалоники и на острове Лемносе по данным практиков XIII—XIV вв., содержащих опись владений Лавры. Коэффициенты D рассчитаны не только по данным о налогообложении телосом, но и по данным о землевладении на паричном праве. Это сделано для сопоставления степени социально-экономического расслоения, отражением которого являлись размеры налоговой ставки и поземельного, связанного с держанием надела пахотной земли или виноградника на паричском праве. Таблица показывает, что во всех без исключения ситуациях показатели D , относящиеся к данным о налоговых ставках, значительно ниже, чем D , относящиеся к размерам землевладения на паричском праве.

Это означает, что расслоение, связанное с держанием на паричском праве, не совпадало по степени интенсивности с социально-экономическим, проявляющимся в уплате телоса. Таблица позволяет определить меру расхождения в каждом конкретном случае, т. е. детализировать и углубить сделанный на основе качественного анализа вывод, согласно которому к XIII—XIV вв. экономическое положение частнозависимых париков не совпадало с их имущественным положением держателей на паричском праве. Характерно, что коэффициенты D , вычисленные по данным о налогообложении и относящиеся к разным районам, варьируют очень незначительно. Более того, многие из этих показателей составляют 0,3—0,5. Такая близость коэффициентов, относящихся к разным вотчинам в разных районах, каждая из которых имела свою экономическую специфику (в некоторых большую роль играли виноградарство и садоводство, в других — иные виды хозяйственной деятельности), означает, что социально-экономическое расслоение феодально-зависимых крестьян в целом

Номер документа	Год составления описи	Район	Метех или деревня	Коэффициенты расслоения	
				по налогу	по винограднику
73	1284	Лемнос	Гомат	0,45	0,86
91	1300	Фема Фессалоники	Гомат	0,31	0,41
91	1300	»	?	0,34	0,48
91	1300	»	Селас	0,33	0,67
91	1300	»	Метилин	0,32	0,51
99	1304	Лемнос	Градишта	0,2	0,44
			Гомат	0,49	
			(Хлеон Нерон)		
			Калецкин	0,4	0,42
			Хрисипп	0,5	0,7
106	1304	»	Чуколарий	0,26	0,61
			Докомпус	0,29	0,35
			То же		
			Фемы Стришон, Волерон, Монополь, Серры		
			То же		
109	1321	Фема Фессалоники	Линосхизма	0,35	
109	1321	»	Гурнаи	0,43	0,7
109	1321	»	Сарантереа	0,53	0,59
109	1321	»	Пинссон	0,32	0,52
109	1321	»	Агиа Евфимия	0,26	0,33
109	1321	»	Лоротон	0,45	0,33
109	1321	»	Неохорион	0,31	0,23
109	1321	»	Карбайон	0,39	0,46
109	1321	»	Генна	0,34	0,5
109	1321	»	Дримоскион	0,33	0,56
109	1321	»	Пасхалея	0,32	0,36
109	1321	»	Панагия	0,33	0,62
109	1321	»	Скелохорион	0,33	0,55
109	1321	»	Кастрон	0,6	0,9
109	1321	»	Логгос	0,41	0,6
			Гомат	0,27	0,5
			Металки	0,26	0,49
			Градишта	0,33	0,68
			Селас	0,39	0,71
			Арсеникея	0,29	0,79

по вотчинам было примерно одинаковым и весьма умеренным. Известно, что именно умеренное расслоение, вызванное преобладанием слоя средних крестьян, было характерно для эпохи феодализма в целом. Расслоение, проявляющееся в сильно варьирующих паричских держаниях, было мнимым и свидетельствовало о том, что держания на паричском праве уже не составляли в рассматриваемый период основного источника благосостояния крестьян.

Выше говорилось, что налогообложение в Византии XIII—XIV вв. отражало характерные черты расслоения, но также и своеобразно регламентировало процесс расслоения. Для того чтобы проследить отдельные характерные признаки политики, осуществляемой при налогообложении, необходимо еще раз обратиться к структуре налога.

Византийский телос XIV в. состоял, как и в XI в., из двух частей: поземельно-поимущественной подати и подымного (или при отсутствии земли — из поимущественной подати и подымного). Следуя терминологии XI в., назовем условно (поскольку в источниках XIV в. эти термины не встречаются) эти части синоной и капниконном. Учет при обложении телосом неземледельческих доходов осуществлялся, очевидно, именно путем взимания капникона. Однако эти доходы учитывались приблизительно, их строгая оценка отсутствовала. Кроме того, полностью неимущие парики, как и активомы XI в., платили капникон. Все сказанное показывает, что капникон правомерно рассматривать как приблизительный индикатор роли внеэкономических факторов в обложении крестьян.

¹⁰ Хвостова К. В. Судьбы парикии и особенности налогообложения в Византии. . с. 44.

Возможно также, что имеются основания рассматривать капникон в качестве выразителя характерной для феодальной эпохи закономерности, сущностью которой являлась относительно более сильная эксплуатация бедных держателей. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, вышеназванный факт уплаты капникона париками, не имевшими земли на паричском праве (они платили от $\frac{1}{6}$ до 1 номисмы), а с другой стороны, льготное обложение париков, имевших большие наделы. Очевидно, льгота состояла в освобождении зажиточных париков от уплаты капникона, а при наличии очень больших наделов льгота распространялась и на часть синоны. С известным приближением, о котором речь пойдет впереди, можно считать, что отношение размеров капникона к размерам синоны находилось в обратно пропорциональной зависимости от величины земельного надела и движимого имущества. Это и означает, что налоговая политика правительства, проявлявшаяся в особенностях капникона, отражала действие в Византии общей для феодализма закономерности, содержанием которой являлась более высокая степень эксплуатации относительно бедных крестьян по сравнению с более зажиточными.

Эта закономерность, как уже отмечалось, в общем виде может быть сформулирована таким образом: некоторое увеличение роли внеэкономических факторов в эксплуатации крестьян прямо пропорционально уменьшению надела и обратно пропорционально размеру надела в данный момент времени. Это утверждение может быть записано в виде дифференциального уравнения: $dy = -dx/x$, откуда $y = -\ln|x| - \ln|c|$; $e^{-y} = xc$ (I), где y — роль внеэкономических факторов в эксплуатации, dy — изменение роли этих факторов в фиксированный момент, dx — изменение величины надела, x — величина надела, c — константа.

Говоря о роли внеэкономических факторов в эксплуатации, подразумеваем отношение ренты, отражающей влияние внеэкономических факторов эксплуатации, к поземельной ренте. В Византии оно, повторяем, проявляется в отношении капникона к синоне. Если обратимся к Англии XIII в., то сохранившиеся от этого периода источники свидетельствуют, что рента вилланов состояла из двух частей — из барщины и поземельных рент *redditus assisae*. Очевидно, барщина в большей мере отражала роль внеэкономических факторов в эксплуатации, и размеры барщины, точнее, ее денежной оценки, могут рассматриваться как приблизительный индикатор влияния внеэкономических факторов на рентные отношения. Отношение этой оценки к поземельной ренте отражает, согласно данному пониманию проблемы, роль внеэкономических факторов в рентных отношениях.

Формула I может быть использована для изучения особенностей византийской налоговой системы и налоговой политики, основанной на предоставлении льгот зажиточным держателям и на относительно более высокой степени эксплуатации бедных. Точнее, применение формулы I дает возможность восстановить несодержащуюся в источниках информацию о размерах капникона отдельных париков. Если говорить более точно, то целью моделирования является определение отношения части телоса, отражающей воздействие на обложение внеэкономических факторов, к поземельной подати для каждого из зафиксированных в описях париков. Зная отношение названных частей и величину поземельной подати (эту последнюю всегда легко определить, умножив норму обложения на число модиев — единиц земельной площади), не составит труда определить капникон. А именно капникон $k = ys$, где y — отношение капникона к поземельной подати (синоне), определяемое по формуле I, s — поземельная подать (синона).

Вся эта информация, повторяем, не содержится в наличных источниках и в восстановлении ее и заключается познавательный смысл моделирования. Обращаясь к вопросу об отсутствии данной информации в источниках, следует сказать, что причина этого не может быть объяснена (или, во всяком случае, не может быть полностью объяснена) недостатком источников

или их плохим состоянием. Она проистекает из-за онтологических особенностей явлений. Дело в том, что подать, отражавшая в составе телоса влияние на обложение внеэкономических факторов, не имела самостоятельного значения. Она взималась вместе с поземельной как единое целое и соответственно отражала латентные проявления названной выше закономерности.

Для того чтобы формула I могла быть использована, необходимо на основе конкретных источников определить параметр C . Для этого следует определить так называемые начальные условия приведенного выше дифференциального уравнения. Для того чтобы это сделать, необходимо детально проанализировать все имеющиеся сведения источников, позволяющие строить определенные предположения о структуре составляющей телоса, названной условно капниконном. Поскольку парики, не имевшие земли, уплачивали только капникон, т. е. при обложении их капникон выступал в явной форме, то изучение обложений именно этих париков позволяет констатировать ряд отличий взимавшейся с них подати от капникона XI в. Согласно данным XI в., в частности практика 1073 г., капникон являлся величиной постоянной и равнялся 0,5 номисмы. Акцимоны и воидаты платили 0,5 номисмы капникона, тогда как зевгараты уплачивали 0,5 номисмы капникона и 0,5 номисмы синоны. Всего зевгараты уплачивали 1 номисму. В качестве нормальной стаси рассматривались 48—50 модиев земли. Это означает, что собственно поземельная подать взималась по норме 0,01 номисмы с модия.

Для X—XI вв. характерно сходство налоговых ставок, взysкивавшихся с крестьян одной и той же деревни. Это сходство отражало незначительные различия в имуществе, точнее, в землевладении на паричском праве, поскольку именно этот вид имущества отражал в тот период благосостояние византийских париков.

Незначительные вариации в размерах земли и платежей, как известно, — характерная черта средневековой экономики в эпоху раннего феодализма. По-иному обстоит дело в Византии XIII—XIV вв. Практики этого периода отражают не только значительные вариации в размерах земельных наделов, но и большие колебания в обложении капниконном париков, лишенных земли на паричском праве. Капникон этих париков, как уже говорилось, варьирует в диапазоне между $\frac{1}{6}$ и 1 номисмой. По-видимому, значительные вариации капникона париков, не имевших земли на паричском праве, обусловлены тем фактом, что эти парики имели доходы от каких-либо иных неземлевладельческих видов деятельности (ремесленные занятия, а иногда и работы по найму), и эти доходы в соответствии со старинными традициями учитывались при налогообложении. Логично предположить, что подать, называемая условно капниконном, состояла в отличие от XI в., в свою очередь, из двух частей, а именно она включала собственно капникон, т. е. подать с дома, и подать, учитывающую неземледельческие доходы с крестьянина. В XI в. эти доходы учитывались иным способом, и капникон представлял собой фиксированную подать с дома. В XIII—XIV вв., возможно, одна из частей капникона, т. е. собственно капникон, также была фиксированной, а варьировала подать с неземледельческих доходов. Такой фиксированной податью была, по-видимому, $\frac{1}{6}$ номисмы, уплачиваемая многими, не имеющими земли на паричском праве. Эти парики, вероятно, имели дом и не только не имели движимого и недвижимого имущества, но и прочих доходов. Что же касается остальных крестьян, не имевших движимости и недвижимости, но располагавших другими неземледельческими доходами, то они уплачивали от $\frac{1}{12}$ до $\frac{5}{6}$ номисмы надбавки к собственно капникону. Уменьшение к XIII—XIV вв. размеров собственно капникона соответствует общей тенденции этого времени к уменьшению размеров телоса, что связано с сокращением в позднее время размеров земельных держаний на паричском праве.

Итак, возникает вопрос, были ли размеры собственно капника в этот период одинаковыми для всех париков, а вариации в размерах от $\frac{1}{12}$ до $\frac{5}{6}$ номисмы отражали учет неземледельческих доходов, или же собственно капник у более зажиточных все же возрастал, но более медленными темпами, чем поземельная подать — синона и в силу этого отношение капника к синоне падает, что и свидетельствовало бы о более высокой степени эксплуатации бедных по сравнению с богатыми. Однако в таком случае, т. е. если бы капник более зажиточных париков превышал капник более бедных, эта тенденция не была бы столь ярко выражена, как в случае одинакового собственно капника для значительного слоя держателей.

Как видно, именно собственно капник отражает роль внеэкономических факторов при обложении телосом. Что же касается надбавки к собственно капнику, то она с большей или меньшей точностью учитывает влияние названных выше экономических факторов. Поэтому следует несколько уточнить то, что было сказано выше относительно использования формулы I в целях определения размеров той неявно существовавшей части телоса, которая отражала роль внеэкономических факторов при обложении. С помощью формулы I мы можем восстановить именно собственно капник, т. е. непосредственно подать с дома, наиболее четко отражающую роль внеэкономических факторов обложения. Определение же надбавки к собственно капнику, возникавшей путем учета неземледельческих доходов, не составит труда. Для определения этой надбавки следует из общих размеров зафиксированного в описи телоса каждого парика вычесть определяемому путем простой арифметической процедуры синону, а также поимущественную подать (чтобы их определить, нужно норму обложения умножить на зафиксированный в описи размер соответствующего вида имущества), а также вычесть рассчитанный с помощью формулы I собственно капник. Цель моделирования с помощью формулы I, таким образом, — в восстановлении размеров именно собственно капника. Тем самым в результате моделирования мы ответим и на поставленный выше вопрос об инвариантности или изменчивости собственно капника всех или подавляющего большинства париков. Это последнее важно еще по следующей причине. Если размеры собственно капника одинаковы для всех париков, то это свидетельствует о сохранении в позднее время тенденции к уравнительному налогообложению. Однако в XIII—XIV вв. эта тенденция не могла в такой же мере отражать небольшие вариации в землевладении на паричском праве, как это было в XI в. И соответственно встает вопрос об изменившемся содержании традиционной по форме налоговой политики.

Переходя непосредственно к моделированию, т. е. к определению начальных условий дифференциального уравнения, учитываем данные источников о льготном обложении зажиточных париков. Считаем, что льгота распространялась в первую очередь на капник, т. е. у зажиточных крестьян капник не взимался в наличных деньгах, а при наличии очень больших надделов захватывал и часть синоны.

Какова же должна была быть степень зажиточности, необходимая для предоставления льготы? В этом отношении наблюдались локальные различия. Практик 1284 г.¹¹, содержащий опись владений Лавры на о-ве Лемнос, свидетельствует, что льгота предоставлялась при наличии держания размером не меньше 40 модиев. Проведем несложный расчет. В практике имеется владлец 40 модиев и трех домов, плативший 0,5 номисмы. Очевидно, на 1 модий приходится около 0,01—0,012 номисмы совокупного телоса. В то же время владлец 30 модиев и 1 зевгара уплачивал в одном случае 0,5, а в другом 1 номисму. 0,5 номисмы платил также владлец 20 модиев, 1 вола и 4 овец. Очевидно, названные держатели

20 и 30 модиев уплачивали около 0,025 номисмы и более с модия, т. е. норма обложения держателя 40 модиев сократилась в два раза по сравнению со стандартной нормой 0,025, свидетельствующей о наличии земли смешанного II и I качества.

Рассмотрим, как обстоит дело с держателями 60 модиев. Некоторые из них также уплачивали около 0,012 номисмы с модия, а другие, по видимому, платили стандартную ставку. Иными словами, мы сталкиваемся в данном случае с иллюстрацией *статистического* проявления отмеченной выше характерной для феодализма закономерности, проявлявшейся в более сильной степени эксплуатации бедных по сравнению с зажиточными, выражением которой в Византии было льготное обложение зажиточных париков. В некоторых случаях эта закономерность не функционировала в силу влияния дополнительных факторов, отсутствующих в ситуациях, когда функционирует рассматриваемая закономерность. Что же касается зафиксированных в практике очень зажиточных париков, владевших 100, 150 и 200 модиями, то все они подлежали льготному обложению. Если же рассмотреть париков Мамицоны по данным практика 1323 г.¹², то выясняется, что только держатели 85 и более модиев (самый большой размер надела равняется 120 модиям) подлежали льготному обложению. Такое расхождение в принципах обложения является наглядной иллюстрацией индивидуальных проявлений закономерностей. Очевидно, то обстоятельство, что во владениях Лавры на Лемносе льготному обложению подлежали владельцы держаний от 40 модиев и выше, а в Мамицоне — только держатели 85 и более модиев, объясняется тем, что на Лемносе имелись держатели столь больших надделов, как 150 и 200 модиев.

Наличие у париков в XIII—XIV вв. больших надделов, превышающих нормальный для этого периода надел в 25 модиев II качества, — явление редкое. Выше говорилось, что общая сумма телоса для податного округа определялась заранее и при ее определении учитывалось приблизительное количество земли, зафиксированное при составлении предыдущего кадастра. Возможно, что крупные надделы, во всяком случае, часть этих надделов, на Лемносе являлись более поздним приобретением по сравнению со временем составления предыдущего кадастра, и соответственно общая налоговая сумма, которую требовалось разложить по стасям и которая была установлена при составлении предыдущего кадастра, не учитывала крупные держания. Это и позволило осуществить льготное обложение уже начиная с 40 модиев. Напротив, в Мамицоне, где наибольший надел по сравнению с Лемносом был меньшим (он равнялся 120 модиям), возможно, имелось меньшее число более поздних по сравнению со временем составления предыдущего кадастра земельных приобретений. Соответственно общая налоговая сумма, распределяемая по стасям, в большей мере соответствовала размерам земли в деревне, поэтому и льготы возможны были только в отношении более зажиточных, чем во владениях Лавры на Лемносе. Ситуация, аналогичная существовавшей в Мамицоне, существовала и в деревне Градец Хиландарского монастыря, для которой также было характерно наличие больших надделов.

Объяснение относительно разных принципов предоставления льгот, конечно, гипотетично, но в любом случае налицо разные условия льготного обложения в рассмотренных поселениях. Это составляет трудности в определении параметра *c*. Очевидно, следует решить, которую из двух ситуаций следует выбрать для определения параметра *c*, т. е. определения начальных условий дифференциального уравнения. Исследовательские цели, состоящие в стремлении выявить динамику отношений по сравнению с предшествующей эпохой, говорят о целесообразности для определения начальных условий дифференциального уравнения, позволяющих рассчитать параметр *c*, использовать данные, относящиеся к владениям Лавры

¹¹ Actes de Lavra, N 73.

¹² Petit L., Korabiev B. Actes de Chilandar. — ВВ, 1911, XVII. Приложение 1, № 93.

на Лемносе по данным практика 1284 г. Действительно, ситуация землепользования и налогообложения, зафиксированная этим практиком аналогична по ряду признаков тем особенностям этих состояний, отраженным в Патмосском практике 1073 г., которые можно рассматривать как характерные для XI в. в целом. В то же время эти состояния обнаруживают к 1284 г. известную динамику. Оба практика свидетельствуют о наличии больших наделов. Кроме того, синона и капникон в составе основного сбора с нормальной для XI в. паричской стаси (40—50 модиев) равнялись между собой. Динамика же состояла в том, что по данным 1073 г. синона и капникон как единый сбор взимались в реальных деньгах, а по данным практика 1284 г. капникон не взимался в наличных деньгах. Об этом свидетельствует сокращение нормы обложения наделов в 40 модиев и более приблизительно вдвое. Как уже говорилось, считаем, что такое сокращение происходило в силу того, что взималась только синона, а собственно капникон упразднялся. Таким образом, определяя начальные условия дифференциального уравнения, решение которого дает формулу I, целесообразно учесть ситуацию, зафиксированную в практике 1284 г., а именно принять во внимание тот факт, что капникон держателей наделов в 40 модиев практически упразднялся, т. е. не взимался в наличных деньгах.

Наименьшее значение взимаемой в наличных деньгах налоговой ставки по данным подавляющего большинства описей составляло $\frac{1}{6}$ номисмы. Минимальное различие между налоговыми ставками равнялось $\frac{1}{12} \approx 0,08$ номисмы. Это означает, что параметр C должен быть таким, чтобы расчетное значение собственно капникона держателей 40 модиев составило величину меньшую $\frac{1}{6}$ номисмы, более чем на $\frac{1}{12}$, точнее, размер собственно капникона должен находиться в диапазоне $0 \leq k < \frac{1}{12}$ номисмы. Именно при таком значении собственно капникона он не взимался в наличных деньгах.

Итак, определяем s из уравнения: $e^{-u} = xs$ (I), где u — отношение собственно капникона (k) к синоне (s), т. е. $u = k/s$; x — число нормальных наделов или доля нормального надела ($y_{\text{норм}}$), т. е. $x = y/y_{\text{норм}}$, где y — число единиц земельной площади; s определяем при $y = 40$, т. е. при $x = 40/y_{\text{норм}}$.

В качестве нормального надела принимаем надел в 24 модия II качества. Надел приблизительно такого размера являлся нормальным для XIII—XIV вв.

Следовательно, значение x , которое подставляем в уравнение I для определения s , составляет $40/24 \approx 1,66$ и соответственно имеем:

$$e^{-u} = 1,66 \text{ с, где } u = k/s; \quad k < \frac{1}{12};$$

$s = (0,02 \times 40)/2 = 0,04$ (норма обложения поземельной податью для земель II качества умножается на число модиев); $xs \leq 1$, т. е. $0 < C < \frac{1}{1,66}$.

Поскольку при наличии надела в 40 модиев капникон практически равнялся нулю, то синона охватывала весь телос. Это проявлялось в том, что норма обложения, как указывалось выше, уменьшалась вдвое и составляла не 0,02 номисмы, а 0,01.

В этом факте заключаются основания для предположения о значении s . Поскольку норма обложения составляла $\frac{1}{2}$ стандартной, то полагаем, что $C = \frac{1}{2}$. В этом случае имеем $e^{-u} = 1,66$; 2 ; $e^{-u} = 0,84$; $u = 0,19$; $k = us$; $k = 0,19 : 0,04 \approx 0,076$.

Таким образом, при $s = \frac{1}{2}$ для держателей 40 модиев расчетное значение собственно капникона составляло 0,076 номисмы. Очевидно, что этот капникон, будучи ниже $\frac{1}{12}$ номисмы, не взимался в наличных деньгах.

Учитывая данное значение параметра C , рассчитанное с учетом данных источников, относящихся к держателям в 40 модиев, вычисляем собственно капникон для держателей наделов разной величины. При этом при норме обложения земли II качества 0,02—0,025 номисм с модия надела размером менее 8 модиев находились вне обложения, так как с них следовало бы взимать менее $\frac{1}{6}$ номисмы. 4 модия составляли тот промежуток в размерах

держаний, в пределах которого подать практически не менялась, так как ее изменение составляли менее $\frac{1}{12}$ номисмы, которые не взимались в наличных деньгах.

Исходя из сказанного, определяем собственно капникон только для значений $sx_i = sy_i/y_{\text{норм}}$, где $y_i = y_{i-1} + \Delta y$; $y_1 = 8$ модиям, $\Delta y = 4$ модиям, $i = 1, 2, 3, 4, \dots, n$.

Итак, производим вычисление для следующих значений

$$sx_i = \frac{y_{i-1} + \Delta y}{y_{\text{норм}}} :$$

$$\begin{aligned} \text{Для } sx_1 &= \frac{8}{48} = 0,17 & \text{Для } sx_7 &= \frac{32}{48} = 0,67 \\ \text{» } sx_2 &= \frac{12}{48} = 0,25 & \text{» } sx_8 &= \frac{36}{48} = 0,75 \\ \text{» } sx_3 &= \frac{16}{48} = 0,33 & \text{» } sx_9 &= \frac{40}{48} = 0,83 \\ \text{» } sx_4 &= \frac{20}{48} = 0,42 & \text{» } sx_{10} &= \frac{44}{48} = 0,91 \\ \text{» } sx_5 &= \frac{24}{48} = 0,5 & \text{» } sx_{11} &= \frac{48}{48} = 1 \text{ и т. д.} \\ \text{» } sx_6 &= \frac{28}{48} = 0,58 \end{aligned}$$

Табл. 2 содержит результаты расчетов.

Таблица 2

$e^{-u} = sx$ (x — доли нормального надела)	Отношение собственно кап- никона к синоне (u)	Синона ($s = 0,01y$)	Собственно капникон ($k = us$)	Налоговая льгота ($\Delta k = 0,17 - k $)
0,17	1,78	$0,01 \times 8 = 0,08$	$1,78 \times 0,08 \approx 0,14$	0,03
0,25	1,39	$0,01 \times 12 = 0,12$	$1,39 \times 0,12 \approx 0,17$	0
0,33	1,09	$0,01 \times 16 = 0,16$	$1,09 \times 0,16 \approx 0,18$	0
0,42	0,88	$0,01 \times 20 = 0,2$	$0,87 \times 0,2 \approx 0,17$	0
0,5	0,69	$0,01 \times 24 = 0,24$	$0,69 \times 0,24 \approx 0,17$	0
0,58	0,54	$0,01 \times 28 = 0,28$	$0,54 \times 0,28 \approx 0,15$	0,02
0,67	0,4	$0,01 \times 32 = 0,32$	$0,4 \times 0,32 \approx 0,13$	0,04
0,75	0,29	$0,01 \times 36 = 0,36$	$0,29 \times 0,36 \approx 0,1$	0,07
0,83	0,19	$0,01 \times 40 = 0,4$	$0,19 \times 0,4 \approx 0,076$	0,084
0,91	0,18	$0,01 \times 44 = 0,44$	$0,08 \times 0,44 \approx 0,04$	0,13
1	0	$0,01 \times 0 = 0$	$0 \times 0 = 0$	0,17
1,27	-0,24	$0,01 \times 60 = 0,6$	$-0,24 \times 0,6 \approx -0,14$	0,31
2,08	-0,73	$0,01 \times 100 = 1$	$-0,73 \times 1 \approx -0,73$	0,9
4,16	-1,43	$0,01 \times 200 = 2$	$-1,4 \times 2 \approx -2,86$	3,93

Каким образом могут быть интерпретированы результаты моделирования?

Как видно, расчетные значения собственно капникона держателей 8—36 модиев отличаются от $\frac{1}{6} \approx 0,17$ номисмы менее, чем на $\frac{1}{12} \approx 0,08$ номисмы.

Это означает, что ставки капникона для держателей разных наделов в диапазоне 8—36 модиев практически не различались. При наделах в 40—48 модиев расчетные значения капникона составляли менее $\frac{1}{6}$, т. е. 0,17 номисмы. Это позволяет сделать вывод о том, что капникон этих париков не взимался в наличных деньгах, т. е. парики имели налоговые льготы в виде освобождения от уплаты капникона. Иными словами, капникон упразднялся. Что же касается держателей больших наделов, превышаю-

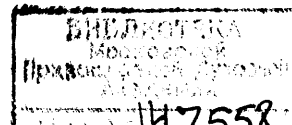

Таблица 3

Земли (модиев)	Коровы	Дома	Овцы	Зевгари	Вола	Ослы	Виноградник (модии)	Телос, вычисленный с учетом стандартных норм обложения (номисмы)	Телос, зафиксированный в практике (номисмы)	Льгота (номисмы)	Средняя льгота держателей надела определенного размера (номисмы)
60							1,5	$0,02 \times 60 + 0,25 \times 1,5 = 1,58$	1	0,58	0,32
60	1	1			1			$0,02 \times 60 + 0,25\% + 0,17 = 1,62$	1,5	0,12	
60	1	3	10	1		1	3	$0,02 \times 60 + 0,25 + 0,75 + 0,38 + 0,17 + 0,17 = 2,92$	3	0	
60				1				$0,02 \times 60 + 0,38 = 1,58$	1	0,58	0,9
100	1	2	150	1		1	8	$0,02 \times 100 + 0,25 + 2 + 0,38 + 1 = 5,62$	4,5	1,12	
100		1	90	1		1	0,5	$0,02 \times 100 + 0,61 + 0,26 + 0,38 + 0,17 = 3,41$	3	0,41	
100		2	20	1			2,5	$0,02 \times 100 + 0,17 + 0,38 + 0,63 = 3,18$	2	1,18	2,35
200	1	1	80	1		1	2	$0,02 \times 200 + 0,5 + 0,38 + 0,25 + 0,17 + 0,53 = 5,83$	3,5	2,35	

щих 48 модиев, то в отношении их происходило расширение собственно капникона за счет собственно синоны, или представляемая этим держателям налоговая скидка была столь велика, что распространялась не только на капникон, но и на часть синоны. (Знак минуса перед k свидетельствует о скидке.)

Таким образом, результаты математического моделирования с помощью дифференциального уравнения позволили уточнить высказанное выше предположение об инвариантности взимаемых в наличных деньгах собственно капниконов значительной части париков. Но известно, что результаты всякого моделирования могут быть признаны адекватными реально существующим отношениям при наличии хотя бы косвенного и частичного подтверждения источниками результатов моделирования. При этом необходимы такие данные источников, которые не были непосредственно использованы при моделировании. Подтверждение источниками необходимо, так как при моделировании учитывались принципы налоговой политики и лишь некоторые ее конкретные проявления, а именно особенности обложения держателей 40 модиев. Многие проявления налогообложения, в частности ставки капникона каждого парика, в источниках не зафиксированы. Именно поэтому и потребовалось математическое моделирование, позволившее восстановить незафиксированную в источниках информацию. Все же в источниках имеются некоторые данные, не учтенные непосредственно при моделировании и позволяющие проверить его результаты, подтвердить адекватность модели реальным отношениям. Эти данные позволяют с помощью простой арифметической процедуры, не прибегая к помощи формулы, рассчитать собственно капникон некоторых париков, а именно тех, которые имели налоговую скидку. Повторим, источник не содержит данных для расчета собственно капникона *всех париков* — если бы эти данные имелись, то отсутствовала бы потребность в моделировании. Однако имеются данные для непосредственного определения собственно капникона некоторых париков. И, очевидно, если определенный непосредственно на основе источников, не прибегая к моделированию, собственно капникон некоторых париков совпадает или частично совпадает с расчетным собственно капниконом, т. е. вычисленным при помощи формулы, то такое совпадение (полное или достаточно близкое приближение) есть аргумент в пользу адекватности осуществленного моделирования. Благодаря такому совпадению понижается гипотетичность предположений, положенных в основу моделирования.

В данном случае вследствие статистического проявления названной закономерности полное совпадение для каждого из зафиксированных в источниках париков не может наблюдаться. Речь идет о совпадении только средних по совокупности значений с расчетными. В отдельных случаях, т. е. в отношении отдельных париков, были возможны произвол при обложении или, наоборот, предоставление дополнительных льгот. Кроме того, у некоторых париков имелась земля более высокого или более низкого качества, чем у остальных держателей; у некоторых париков имелись дополнительные неземледельческие доходы, которые являлись объектом дополнительного обложения, увеличивавшего совокупную поимущественно-поземельную подать. У многих имелся не один, а два или три дома. Все эти факторы приводили к увеличению или уменьшению налоговой льготы зажиточных держателей и к колебаниям размеров собственно капникона или синоны держателей среднего уровня зажиточности. Покажем, однако, что в *среднем* размеры льгот, а следовательно, и собственно капникона близки к расчетным. По данным практика 1284 г. постараемся рассчитать с помощью простой арифметики налоговую льготу, предоставляемую держателям 60, 100 и 200 модиев. Табл. 3 содержит сведения о размерах имущества и величине налога по данным практика 1284 г., а также о расчетном значении телоса, вычисленном с учетом наиболее

употребительных норм обложения отдельных имущественных объектов. Мы учитываем следующие нормы обложения. Зевгари в соответствии с данными рассматриваемого практика облагались в пределах между 0,25 и 0,5 номисмы, поэтому принимаем для зевгаря в качестве нормы обложения 0,38 номисмы. Вола и ослы облагались по 0,25 номисмы. С 25 овец взималась $\frac{1}{6}$ номисмы, а со 100 — $\frac{2}{3}$ номисмы. Виноградник облагался по норме 0,25 номисмы с модия. С земли II качества взыскивались около 0,02 номисмы с модия. Дом + 1 корова облагались в $\frac{1}{6}$ номисмы. Разница между расчетным и действительным значениями телоса дает приблизительный размер налоговой льготы.

Итак, согласно результатам моделирования собственно капникон держателей 8—36 модиев был практически инвариантным и взимался в размере $\frac{1}{6}$ номисмы. Уплата одинакового по величине собственно капникона как держателями среднего, а также выше среднего уровня зажиточности, равно как и бедными, означает, что характерная для средневековой эпохи тенденция к относительно более сильной эксплуатации бедных крестьян по сравнению с зажиточными проявлялась в Византии XIII—XIV вв. очень ярко. Кроме того, этот факт свидетельствует о стремлении правительства обеспечить минимум налоговых поступлений независимо от размеров земельных владений крестьян на парическом праве. Независимость минимальной налоговой суммы от размеров имущества и отражает то новое содержание, которое отличало традиционную по форме налоговую политику византийского правительства в XIII—XIV вв. Правительство всегда стремилось к гарантированию минимума налоговых поступлений. Однако в разные периоды это достигалось разными способами и отражало разные условия социально-экономического развития. В X в. императоры Македонской династии пытались воспрепятствовать обогащению династов за счет разорения крестьянства и тем самым стремились сохранить платежеспособных подданных, способных вносить необходимый минимум налоговых поступлений. В X—XI вв. большинство крестьян еще имело нормальную стаю, и в этих условиях естественной выглядела политика уравнительного налогообложения, проявлявшаяся, в частности, в инва-

риантности капника для значительного слоя держателей и направленная на защиту держателей нормальной стаси от разорения.

По-иному обстоит дело в XIV в. Слой держателей нормального надела, являвшийся прочной гарантией поступления налогов в казну, безнадежно исчез. В этих условиях правительство уже не задается целью сохранить его остатки от окончательного разорения. Такая политика все равно не обеспечила бы минимума налоговых поступлений. В изменившихся условиях правительство встало на путь более сильной эксплуатации бедных по сравнению с более зажиточными. И, как показывают результаты моделирования, это проявлялось не только в предоставлении зажиточным налоговых льгот, но и в том, что более бедные и значительная часть более богатых платила одинаковый по размерам собственно капник.

Таким образом, преследуя те же цели, а именно по-прежнему стремясь обеспечить минимум налоговых поступлений, правительство в XIII—XIV вв. избирает для достижения этих целей прямо противоположное средство. Ранее оно пыталось защищать крестьян от разорения, теперь содействует их разорению.

Нам представляется бесспорным познавательное значение проведенного моделирования, позволившего углубить анализ изучаемого явления путем получения не содержащейся в источниках информации. Выше, однако, отмечалась гипотетичность такого моделирования, гипотетичность, в силу которой данный вид моделирования занимает второе по значимости место по сравнению с моделированием, имеющим цель получить количественную оценку содержащейся в источниках количественной информации.

Гипотетичность моделирования, в результате которого удалось рассчитать собственный капник, а также размеры налоговой льготы отдельных категорий париков, состоит в следующем: в основу моделирования положена концепция о том, что налоговая льгота предоставлялась за счет освобождения от собственно капника, а у париков, имевших очень большие наделы, льгота захватывала и часть синоны.

Качественный анализ, основанный на изучении источников и применении простых арифметических средств, позволяет аргументировать гипотезу. Но в результате проведенного моделирования повысилась свидетельская ценность источников. Некоторые сведения источников рассматривались как проверочные, и это обстоятельство способствовало снижению гипотетичности исходного теоретического построения.

С. Н. ЛИШЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БОЛГАРИИ В X в. И В ЭПОХУ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

После 1018 г. болгарские земли почти на два столетия подпали под византийское господство и прямое влияние византийского феодализма. Перед исследователями этого периода всегда стоял вопрос: достаточно ли разграничены византийское влияние и процесс закономерного внутреннего развития Болгарии и на какую болгарскую основу X в. наслалось византийское влияние после 1018 г.?

В своей монографии «Болгария и Византия в XI—XII вв.» Г. Г. Литаврин подробно рассмотрел византийские феодальные институты в болгарских землях; она является наиболее ценным, основным и первым в своем роде исследованием важного периода болгарской средневековой истории. Крупным вкладом Литаврина в изучение истории юго-западных болгарских земель в XI в. было издание им сочинения Кекавмена. В интересной статье «Темпы и специфика социально-экономического развития средневековой Болгарии в сравнении с Византией — с конца VII до конца XII в.»¹ Литаврин обобщил результаты предшествующих исследований. В этой статье отмечается, что круг письменных источников, необходимых для исследования, крайне ограничен и нет никакой надежды, что когда-нибудь он будет существенно расширен. Быстро увеличивается только археологический материал. Он, однако, обладая некоторыми несомненными преимуществами перед письменными источниками, имеет и недостатки: определить возраст этих «немых» свидетелей, как правило, трудно, а родина их не всегда известна². И все же мы не можем на этом основании отказаться от дальнейших попыток решения указанной проблемы. Оценивая предшествующие исследования, Литаврин отмечает, что в «бескрайнем разногласии мнений» при интерпретации фактического материала, которым мы располагаем, только марксистская болгаристика смогла указать основные факторы, определяющие закономерный ход исторического процесса: она показала решающее значение славянского населения в развитии страны, ограничила роль протоболгар, признала влияние Византии на общественную и культурную жизнь средневековой Болгарии, но одновременно обоснованно опровергла теорию об определяющем значении византийского влияния в развитии болгарского государства³.

В марксистском византиноведении окончательно утвердилось мнение, что не налоговая эксплуатация со стороны государства, а разложение византийско-славянской свободной общины было главным источником

¹ ИПр, 1970, 16, № 6, с. 23—40.

² Литаврин Г. Г. Темпове и специфика на социално-икономическо развитие на средновековна България в сравнение с Византия — от края на VII до края на XII в., с. 23.

³ Там же.

процесса феодализации⁴, т. е. основной путь утверждения феодальной собственности проходил только через общину⁵. Этот процесс внутреннего расслоения и разложения в византийско-славянской общине подготовил необходимую почву для создания феодальной общественно-экономической формации, но он протекал все же медленно в VIII—X вв. из-за слабости мелкого землевладения и распространения рабского и наемного труда в более крупных земельных владениях⁶. В то время как в Западной Европе частновладельческая эксплуатация крестьян осуществлялась частновладельческим аппаратом внеэкономического принуждения, в Византии административный иммунитет создавался медленно, и в течение долгого времени не был сформирован чиновничий аппарат в частном имении для осуществления частных форм внеэкономического принуждения⁷. Вот почему в византийской частной собственности внеэкономическое принуждение осуществлялось первоначально с помощью государственного аппарата. В Византии государственная власть постоянно контролировала и регулировала частную собственность, давала дарственные, подтверждающие и экскussionные грамоты.

Такие полномочия византийской государственной власти вытекают несомненно, из концепции теоретически неограниченной власти вассалов, связанной до известной степени с патримониально-теологической идеей о государстве как собственности (*patrimonium*) императора, — но только до известной степени, так как эта идея ни в Византии, ни в Болгарии не могла быть реализована во всеобщей государственной собственности на землю, подобно тому, как это было на Востоке. Последнее обстоятельство необходимо принимать во внимание, когда мы говорим, что в средневековой Болгарии правитель, как и византийский «самодержец», также регулировал отношения частной собственности, дарил и распределял собственность. Следует иметь в виду, что характерными и определяющими для Византии были нормы классического права частной собственности, являвшиеся основой официально-теологического порядка византийского общества¹⁰. А патримониально-теологические элементы, присущие византийской императорской власти, никогда не имели решающего значения. Следовательно, полномочия византийской центральной власти по отношению к частной собственности никогда не носили характера неограниченного права распоряжения, конфискации или экспроприации¹¹.

В общем можно было бы согласиться с тем, что в период возникновения византийско-славянской общины до начала X в. в Византии протекал

два основных процесса: развитие централизованной государственной эксплуатации (государственные налоги и повинности) и интенсивное развитие частной аллодиальной собственности, которая постепенно превращалась в феодальную. В X—XI вв. формирование феодальных производственных отношений в Византии в основных чертах завершилось. Новейшие исследования еще раз подтвердили, что нет никаких данных о существовании в Византии всеобщей государственной собственности на землю. Из трех основных форм собственности, существовавших в Византии (общинная собственность свободного крестьянства, государственная собственность и частная собственность), две последние приобретают феодальный характер в X—XI вв. и начинают играть к концу XI в. определяющую роль в социальной и экономической жизни византийской деревни. Решающее значение при этом получает частная феодальная собственность, которая расширялась за счет общинных земель и мелкого крестьянского землевладения, а также за счет государственных земель, на которых начали возникать различные формы условной собственности¹².

Наконец, значительный вклад сделан и в изучение истории византийского города. Доказано, что по числу и размерам византийские города в X—XI вв. занимали первое место в Европе. Г. Г. Литаврин не без основания поставил вопрос: почему вопреки этому византийский город по сравнению с западноевропейским играл неизмеримо меньшую роль в социально-экономическом и политическом развитии в XI и последующих веках? Он уделяет особое внимание социально-экономическим вопросам развития города в этот важный период и раскрывает основные тенденции в политике византийской государственной власти по отношению к городскому торгово-ремесленному населению, превращенному в бесправное сословие налогоплательщиков, производственная деятельность которых находилась под строгим контролем фискального и полицейского аппарата византийской власти. В условиях усиления конкуренции со стороны иностранной промышленности и торговли эта политика привела к замедлению и в конечном счете к отставанию в развитии византийского города¹³. Эти выводы, несомненно, касаются и состояния городов в болгарских землях в период византийского господства¹⁴.

УРОВЕНЬ И ФОРМЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В БОЛГАРИИ В X в.

1. *Центральная власть в Болгарии, как и в Византии, была теоретически неограниченной.* Правитель «поставлен богом» — ἐκ Θεοῦ ἄρχων¹⁵. Еще при образовании государства славяне вошли в централизованную военно-государственную организацию, созданную болгарской дружиной во главе с ханом, несмотря на существование бесспорных элементов федерации, племенной обособленности и внутриплеменной самостоятельности у славян¹⁶. Централизованная государственная организация еще больше окрепла при ханах Круме (802—814) и Омуртаге (814—831) и особенно после крещения, принятого в 866 г.¹⁷ В известной степени патримониально-теологическая идея о государстве как патримонии правителя нашла свое конкретное

⁴ Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, 1956, 10, с. 31 сл.

⁵ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 15.

⁶ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — ВО, 1971, с. 17, 18, 22.

⁷ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты. . . с. 17; Они же. Особенности феодализма в Византии. — ВИ, 1974, № 10, с. 106, 108.

⁸ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты. . . с. 29.

⁹ Андреев М., Ангелов Д. История на българската феодална държава и право. София, 1968, с. 135—136.

¹⁰ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 1973, 35, с. 51.

¹¹ Наиболее ясно это показывает факт конфискации имущества малоазийского аристократа Евстафия Малеина, произведенной по приказу императора Василия II. Г. Г. Литаврин приводит свидетельства, что Евстафий Малеин принимал в своем доме Варду Фоку, самого опасного соперника императора, и что в 968 г. в доме Евстафия Варда Фока, который чуть не сверг Василия II (Scyl., р. 332. 59—67), даже был провозглашен императором. Следовательно, Евстафий Малеин был лично виновен перед императором и его имущество подлежало конфискации за государственную измену по византийским законам, т. е. в конце концов конфискация была произведена на законном основании и одновременно — по воле императора Василия II. См.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 23.

¹² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 288.

¹³ Там же, с. 5, 289.

¹⁴ В предшествующих исследованиях по истории болгарского города XI—XII вв. больше внимания обращалось на материальное производство, рыночные и товарно-денежные отношения, чем на социальный облик; см.: Лушев С. Българският средновековен град. София, 1970, с. 36—66.

¹⁵ Андреев М., Ангелов Д. Указ. соч., с. 79, 135, 136; Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963, S. 74—75.

¹⁶ Theophanis Chronographia/Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, I, p. 359. 5—21; см. также: Лушев С. За генезиса феодализма в България. София, 1963, с. 117—134.

¹⁷ Ангелов Д. Образоване на българската народност. София, 1971, с. 244—248.

выражение, например, в отождествлении государственной казны с казной правителя. Все налоги и доходы поступали в государственную казну, которая была одновременно и казной правителя, и затем шли на удовлетворение различных нужд.

Статья 3 сборника «Закон судный людем», где указано, что одна шеста часть военной добычи принадлежит правителю, заимствована из XVII титула византийской Эклоги — с той разницей, что в Эклоге вместо «правитель» употреблен термин *δημόσιος*, которым в Византии обозначалась государственная казна, в то время как казна византийского императора не отождествлялась с государственной и называлась *βασιλικὸν βεστιάριον*. Несмотря на эту разницу и существование некоторых более значительных патримониально-теологических элементов в идеологии болгарской центральной власти, в Болгарии также не возникла всеобщая государственная собственность на землю.

2. *Централизованная эксплуатация свободного крестьянства и ее сущность.* Господствующая централизованная эксплуатация выражалась в государственных налогах и повинностях, которые накладывались от имени центральной власти (правителя). Эта эксплуатация предшествовала частному феодальному землевладению в Болгарии. Она была введена протоболгарской дружиной по отношению к славянским племенам еще при создании государства. В более примитивной форме эта система эксплуатации практиковалась, например, аvarами, в 584 г. проникшим в Нижнюю Мезию вместе со славянами и убеждавшими местное население «сеять и жать, уступив им только часть урожая»¹⁹. В предшествующих исследованиях это известие Михаила Сирийского рассматривалось только как указание на существование первоначальных элементов феодальных отношений у славян²⁰. В сущности же оно свидетельствует о существовании примитивной централизованной эксплуатации.

Формой централизованной эксплуатации в Болгарии был ежегодный государственный налог — по одному модию пшеницы, одному модию проса и одному кувшину вина с каждого владельца пары волов и земли, которая обрабатывается парой волов²¹. Остальные болгарские государственные налоги упоминаются как «чрезвычайные» (эпирии) в первой грамоте Василия II Охридской архиепископии: она владела крестьянами, экскуссированными (освобожденными), как это было и в период правления царя Самуила, от икомодия, от других подобных чрезвычайных налогов. Икомодий, по всей вероятности, был вознаграждением натурой чиновнику подсчитывавшему зерновые продукты при обложении налогом²².

Составной частью централизованной эксплуатации были государственные ангарии, обозначаемые термином «властельская работа», т. е. работа, которая накладывалась представителями государственной власти — «властельями». В Поучительном слове своего Учительного евангелия, относящемся к 894 г., епископ Константин призывает население исполнять одновременно и эту «властельскую работу», и службу богу, т. е. «богобужье, а кesarю кesarево»²³.

Некоторые исследователи в этой «властельской работе» видят ангарии париков в пользу частного собственника²⁴, но в период написания По

учительного слова в Болгарии еще не было париков — они появились в период царствования Петра и Самуила. Термин же «властель» приобретает значение «феодальный собственник» значительно позже — в XIII—XIV вв., когда крупный собственник получил власть над своим работником в силу иммунитетных (налогово-судебно-административных) привилегий²⁵. Эволюция значения термина «властель» от «представителя государственной власти» (в IX—X вв.) до «феодального собственника» (в XIII—XIV вв.) свидетельствует о первоначальном разделении между властью и собственностью в период раннего феодализма.

Значение «представитель государственной власти» для термина «властель» в IX—X вв. засвидетельствовано, например, в славянском переводе Земледельческого закона, где в 18-й статье волостель обозначает государственного сборщика налогов, что соответствует *οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαγορεύοντες* греческого оригинала. Согласно статье 19 волостель собирал десятину с тех, кто обрабатывал заброшенные поля (*τοῦ δημοσίου λόγου* в греческом оригинале). В ст. 80 выражение «без властельска повелѣнія» («без распоряжения государственной власти») соответствует *ἀνάρχως* в греческом тексте. В ст. 17 «Закона судного людем» местные представители государственной власти названы «владыкы земли», что соответствует *ἀρχῶν* в греческом тексте Эклоги, а также термину *τῇ ἀρχῇ* — «государственная власть». В переводе хроники Симеона Логофета термин «помѣстїи властеле» соответствует *οἱ τῶν θεμάτων ἄρχοντες* («правители областей») в греческом оригинале²⁶.

Есть сведения, относящиеся ко второй половине X в., что болгарские местные правители в северо-западных землях располагали налоговым аппаратом для обложения государственными налогами и ангариями: Чалан в области между Дунаем и Тисой, Менмарот — в области между реками Самош и Марош, Глад (Калд) — в области между Марошем и Дунаем. Относительно Ахтума, наследника Глада, определено отмечено, что он с помощью налоговых чиновников (*tributarii*) «обложил всех налогом»²⁷.

Г. Г. Литаврин полагает, что основной формой эксплуатации в Болгарии в период до X в. была централизованная форма эксплуатации, осуществлявшаяся через аппарат государственной власти. Он не без основания считает, что она не была «централизованной феодальной рентой», так как нельзя употреблять термин «феодальный» применительно к явлению, которое появилось раньше, чем оформился класс феодалов-бояр (т. е. крупных землевладельцев) в полном смысле этого слова: государственный налог, который собирался в этот период, еще сам по себе не содержал ничего специально феодального²⁸. Основная масса производителей, т. е. юридически свободное крестьянство, в Шестоднев Иоанна Экзарха обозначена термином «повинники» и противопоставлена господствующему классу — боярам, которые именуются «мужи»²⁹. Термин «повинники» с точностью обозначает непривилегированный класс свободного крестьянства как подданных, исполняющих государственные

²⁵ Ангелов Д. Аргументы отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, с. 15, 29, 91.

²⁶ Лишев С. За генезиса феодализма... с. 152, 154, 155.

²⁷ *Legenda Sancti Gerhardi episcopi*. — In: SS. Rerum Hungaricarum/Ed. E. Szentpetery. Budapestini, 1938, t. 2, p. 490: usque ad Ticiam... conclusit omnia sub tributo. О Чалане, Менмароте и Гладе см.: SS. Rerum Hungaricarum. Budapestini, 1937, t. 1, p. 48—49 sq. Подробную интерпретацию см.: Лишев С. Някои данни за феодални отношения в България в X в. — ИИБИ, 1956, 6, с. 426—433. Некоторые исследователи, например Б. Кымина, Ш. Штефянеску, Л. Полевой, В. Д. Королук, М. Русу и др., не учитывают того, что эти земли были частью территории Первого Болгарского царства, хотя их население имело пестрый этнический состав: славяне, валахи, турки, куманы и пр.; подробнее об этом см.: Търнова-Заимова В. Долни Дунав — гранична зона на византийския Запад. София, 1976, с. 26—29.

²⁸ Литаврин Г. Г. Темпове... с. 29.

²⁹ Трифонов Ю. Към въпроса за старобългарското боярство. — СпБАН, 26, клон истор.-филолог. и философско-обществен., 1923, 14, с. 25.

¹⁸ Ангелов Д. Приходите на средновековната българска държава. — ИПр, 1945—1946, 2, № 4/5, с. 388; Ганев В. Законъ соудный людѣмъ. София, 1959, с. 221.

¹⁹ Пизулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1946, с. 101—102.

²⁰ Андреев М., Ангелов Д. Указ. соч., с. 62 (изд. 1959 г.); Они же. История на България. София, 1961, 1, с. 74. Нет постановки и обоснования вопроса о том, было ли возможным возникновение у славян таких отношений сразу же после поселения на современных болгарских землях.

²¹ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 315.

²² Там же, с. 311—312.

²³ Лишев С. За генезиса феодализма... с. 154.

²⁴ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия... с. 160.

повинности. Некоторые исследователи неправильно связывают свободное крестьянство в Болгарии с термином «свободники» в 18-й статье «Закона судного людем». В сущности «свободник» является точным переводом ἀπελευθερος («освобожденный раб») в Эклоге (XIV, 2, 3), откуда заимствована 18-я статья ³⁰.

В предшествующих исследованиях было сделано ошибочное заключение о «государственном закрепощении» свободных крестьян-налогоплательщиков на основе статьи «О бегстве» в свободной редакции «Закона судного людем»: «Если кто-либо убежит от своего князя и уйдет под власть другого князя, его следует побить хорошенько и вернуть» ³¹. Эту статью нельзя использовать при характеристике болгарского феодализма IX—X вв., так как она ведет свое происхождение от поздней компиляции, составленной в Русском государстве в конце XIII—первой половине XIV в. и отражающей другие общественно-политические отношения ³².

3. Частное аллодиальное землевладение предшествовало частному феодальному землевладению и подготовило почву для его возникновения. Именно необходимость упорядочить окрепшую уже аллодиальную собственность заставила сделать перевод в Болгарии во второй половине IX в. византийского Земледельческого закона и составить «Закон судный людем» на основе византийской Эклоги. В этих двух документах не ставится вопрос о прикреплении крестьян к частному имению: они являются типичными памятниками, отражающими аллодиальную собственность. Интересно отметить, что труд свободного батрака, характерный для аллодиальной собственности, отражен в пространной редакции «Закона судного людем» несмотря на ее позднее происхождение: батрак (наемный пахарь), прежде временно бросивший свою работу, чтобы уйти в другое место, лишался только вознаграждения ³³, т. е. здесь использовалось лишь экономическое принуждение: батрака не возвращали, чтобы заставить его завершить работу с помощью внеэкономического принуждения, — очевидно, он работал на свободных договорных условиях. Исполщики в Земледельческом законе также были свободными крестьянами, работавшими на собственника на свободных договорных условиях. Даже в термине «волоствел» мы не можем видеть феодального собственника, так как в Земледельческом законе он имеет значение «государственная власть» или «представитель государственной власти», что уже было указано выше ³⁴.

Как в Византии в VIII—X вв. протекал процесс накопления крупной аллодиальной собственности, так и в Болгарии аллодиальная собственность постепенно принимала размеры крупного землевладения — особенно во второй половине X в. Такими были, например, имения Ахтума, обозначенные в источнике термином *allodia* ³⁵. Однако существовало и определенное различие. В Византии, наследнице рабовладельческой империи, частная собственность была более развита, а в некоторых крупных византийских имениях, например в имениях целопоппонесской аристократки Даниилиды (IX в.), все еще использовался труд рабов. Три тысячи из них император освободил и создал из них целое поселение ³⁶. И в XI в. все еще использовался труд рабов, как видно из завещания Воилы (1059 г.) ³⁷. В Болгарии освобождение рабов-военнопленных за откуп было узаконено ст. 1

краткой редакции «Закона судного людем» ³⁸. Вообще в Болгарии пережитки рабовладельческой традиции были значительно более ограничены, чем в Византии.

4. Появление париков и частного феодального землевладения во второй половине X в. По мнению Г. Г. Литаврина, уровень социального расслоения в болгарской деревне в середине IX в. не соответствовал уровню расслоения в византийской деревне: из-за большей устойчивости общины болгарская аристократия нуждалась в более активном содействии центральной власти ³⁹. В сущности здесь пересекаются два вопроса. Действительно, в Византии, как мы видели, была более развита частная собственность в форме аллодиального землевладения. Но разве основной первоначальный процесс развития аллодиального землевладения в феодальное в Болгарии не был на том же уровне, что и в Византии? В этом сложном процессе мы можем наметить три этапа в X в.

Первоначально некоторые собственники посягают на отдельные разорившиеся хозяйства. Отдельное хозяйство вместе со своим участком входит в состав крупного земельного владения в силу экономического принуждения, так как крестьянин «убог» (нуждающийся). Данные об этом мы имеем для первых десятилетий X в., когда много крестьянских хозяйств разорилось в результате продолжительных войн царя Симеона. В Шестоднев Иоанна Экзарха, современника Симеона, говорится, что «алчный отнимает имущество у нуждающегося (убогоумоу)» и что таким образом «прибавляет хозяйство к хозяйству (домъ к дому)» ⁴⁰.

Второй этап наступил во время царствования Петра (927—969). В Беседе Козмы против богомилов упоминаются монахи, которые покупали землю и на ней создавали имения («стажаниа»), состоящие из полей и деревень («нивам и селом») ⁴¹. Новое здесь заключалось в том, что на монастырской земле уже создавалось целое феодальное поместье путем разделения (наделения землей) неимущих, т. е. так называемое *поселение*. Но и в это время еще не было притязаний на свободную общину. Следует иметь в виду, что царь Петр покровительствовал монастырям, одаривал их и создавал благоприятные условия для роста монастырского землевладения.

Третьим этапом было фактическое оформление возникших элементов. Оно было проведено государственной властью во второй половине X в., во время царствования Петра и Самуила. Тогда был официально введен термин «парики» для обозначения крестьян, прикрепленных к крупной частной собственности. В крупном частном имении внеэкономическое принуждение (прикрепление и личная зависимость) осуществлялось при содействии государственного аппарата. Это засвидетельствовано в грамотах императора Василия Охридской архиепископии, где определенно указано, что высшее духовенство в Болгарии владеет париками и клириками *со времен царствования Петра и Самуила* ⁴². «Клирики» были выходцами из среды низшего духовенства, но принадлежали к той же социальной категории, что и парики ⁴³. Положение париков, основной категории феодально-зависимого крестьянства, в Болгарии в период византийского господства было подобно положению византийских париков ⁴⁴.

В упомянутых уже грамотах императора Василия II отражен лишь первый вид структуры феодального имения: там упоминается ряд сел,

³⁰ Ганев В. Указ. соч., с. 470, 472, 478. О толковании слова «свободники» см.: История Болгарии. М., 1954, с. 79.

³¹ Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 175.

³² Закон Судный людем/Подгот. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961, с. 103 — с дополнением в прим. 38 «и паки выведут[ъ]». Датировано концом XIII—первой половиной XIV в. — Там же, с. 27.

³³ Там же, с. 69.

³⁴ О имущественном расслоении по Земледельческому закону см.: Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 99—102.

³⁵ Legenda Sancti Gerhaldi, p. 489.

³⁶ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, с. 168.

³⁷ Там же, с. 169.

³⁸ Ганев В. Указ. соч., с. 486.

³⁹ Литаврин Г. Г. Темпове. . . , с. 36.

⁴⁰ Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 168—169.

⁴¹ Св. Козмы Пресвитера Слово на еретики и поучение от божественных книг. СПб., 1907 (ПДПИ, вып. 157), с. 56. Анализ текста см.: Лишев С. Някои данни за феодалните отношения в България през. X в., с. 413—414.

⁴² Иванов И. Български старини из Македония. София, 1931, с. 555—556.

⁴³ Литаврин Г. Г. Крестьянство западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. — УЗ Ин-та славяноведения, 1956, 14, с. 241—242.

⁴⁴ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 176.

в которых жили только отдельные парики и клирики, прикрепленные к отдельным имениям некоторых епископов. Возникает вопрос: почему здесь не упомянуты феодальные поселения или хотя бы целое село, находящееся вместе со своей землей в собственности епископа? Г. Г. Литаврин предполагает, что такие деревни были записаны как отдельные налоговые единицы в налоговые кадастры и к ним не относились привилегии, подтвержденные Василием II, Петром и Самуилом⁴⁵.

Мы допускаем обратное: если бы целые деревни со своей землей были включены в епископское землевладение, именно они должны были бы фигурировать прежде всего как самая большая имущественная привилегия в грамотах Василия II. Но в Византии государственная власть все еще не позволяла передавать в дар такие деревни⁴⁶, а раздавала и дарила только отдельных неимущих крестьян, т. е. париков ἀτελεῖς («неплатежеспособных»), актимонов, апоров, элевферов, дулевтов и пр., входивших в категорию «не дающих дохода фиску»⁴⁷. Болгарские епископы также не могли получить от царей Петра и Самуила привилегию владеть целыми деревнями. Формула дарений при Петре и Самуиле (подтвержденная Василием II) отличалась от формулы дарственных грамот болгарских царей в XIII—XIV вв., когда не указывалось число прикрепленных крестьян, так как передавалось в дар целое село, в то время как в период правления Петра и Самуила число крестьян указывалось всегда, потому что дарились и прикреплялись к имениям не целые деревни, а отдельные крестьяне. В Болгарии также господствовала практика *дарить феодалам именно неимущих крестьян*. Зачатки этой практики можно видеть в том способе, каким ликвидировалась нищета в законодательстве хана Крума: обеспечение «самоудовлетворения» (σὺν αὐτάρκειαν) нищих «за счет» крупной собственности⁴⁸, т. е. путем устройства их на работу в поместья крупных собственников.

Указание на передачу целого села в частное землевладение есть в 1-й ст. «Закона судного людям», согласно которой целая сельская община вместе со всем своим имуществом передавалась церкви только в исключительных случаях — как самое тяжелое наказание за возврат к языческим обрядам. Следовательно, это не было нормой социальных отношений. Даже представитель государственной власти в этой деревне вряд ли мог сделать ее своим частным имением при существовавшем разделении между властью и собственностью.

Что же касается феодальных поселений, то у болгарских епископов такой вид собственности, несомненно, был. Однако следует иметь в виду

что эти маленькие поселения формировались постепенно как населенные пункты и не были достаточно известны в сети деревень, чтобы они могли быть упомянуты в грамотах императора Василия II: там указаны только более известные поселения — города и некоторые большие деревни — для ориентации относительно местонахождения отдельных поместий и прикрепленных к ним крестьян. В общем число прикрепленных крестьян не было велико. Например, согласно первой грамоте Василия II епископ Моровизда (Северная Македония) имел 30 прикрепленных крестьян, расселенных в Моровизде, в предместьях Козяка — около 60 деревень, близ Славиште — около 30 деревень, в Злетово, Луковице, около Пиянец — 42 деревни и у Малешево — около 15 деревень. Трудно представить, как были распределены эти 30 прикрепленных крестьян в 150 деревнях, но все же понятно, что в отдельных селениях число прикрепленных было незначительным и что собственность епископа была сильно раздроблена на отдельные владения по селам, даже если мы примем обоснованное соображение⁴⁹⁻⁵⁰, что, кроме этих 30 экскуссированных крестьян, епископ имел еще какое-то число неэкскуссированных⁵¹.

5. *Возникновение налогового иммунитета (экскуссии)*. Возникновение налогового иммунитета предшествовало возникновению административного и судебного иммунитетов. Налоговый иммунитет фактически являлся передачей части государственного налога в пользу частного собственника, а юридически — освобождением зависимых крестьян от некоторых государственных налогов, чтобы их мог собирать в свою пользу их феодальный господин⁵². Первая грамота императора Василия II свидетельствует, как мы видели, о том, что налоговая экскуссия была дана болгарской церкви во времена царя Самуила. Однако речь идет только об экскуссии определенного числа крестьян, но не об экскуссии поземельной собственности, т. е. экскуссия была частичной⁵³. При неполной экскуссии все еще имело место разделение между собственностью и властью — частные землевладельцы не были освобождены от инспекции государственных чиновников и сборщиков налогов. Существующее разделение между собственностью и властью отразилось и в терминологии. В IX—X вв., как мы видели, термин «властель» означает только «представитель государственной власти», но не «феодальный собственник», как в XIII—XIV вв. В «Законе судном людям» и в древнеболгарском переводе Земледельческого закона понятие «собственник» не идентично понятию «властник» и выражается словами «господарь» или «господин»: например, «господарь винограда» (имеющий в собственности виноградник), «господарь вола» (имеющий в собственности вола), «господин коня» (владелец коня)⁵⁴.

Рассмотренные данные позволяют внести поправку в положение, допускающее, что развитие феодальных отношений в Болгарии в IX—X вв. отставало от развития феодальных отношений в Византии.

1. До X в. в Болгарии, как и в Византии, частное аллодиальное землевладение предшествовало частному феодальному землевладению. Преобладающей была централизованная налоговая эксплуатация, т. е. государственные налоги и повинности, которыми облагалось в Болгарии и Византии юридически свободное крестьянство. В аллодиальном имении основной производительной силой был свободный батрак, который соответствует византийскому свободному «мистию». Для аллодиальной собственности в Болгарии, однако, не было характерно использование труда

⁴⁵ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия, с. 77.

⁴⁶ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии, с. 65.

⁴⁷ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 177.

⁴⁸ Suidae Lexicon./Ed. Ada Adler. Lipsiae, 1928, 1, p. 484. Из всех толкований, которые предлагались для этой статьи законодательством Крума, самым неубедительным является предположение, что хан Крум «начал экспроприировать» имения крупных землевладельцев и раздавать их неимущим, чтобы обеспечить их содержание. ср. Йончев Л. Некои въпроси относено Крумовото законодательство — ИИБИ, 1956, 6, с. 633—634. Это противоречит социальной направленности законодательства Крума, которое в сущности имело своей целью оградить от посягательств именно крупную собственность, что явствует из предусмотренного там наказания воров членовредительством. Подробнее см.: Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 173—180. В то же время не случайно и то, что нищие поставлены под защиту государственного законодательства, — это должно было предотвратить быстрые темпы имущественного расслоения в сельской общине и ее разложения. Такие тенденции, отраженные в законодательстве Крума, не могли бы быть поняты без связи с Земледельческим законом, отражающим отношения в византийско-славянской общине. Дело в том, что Йончев оспаривал и наличие византийско-славянской общины и связь между Земледельческим законом и существованием этой общины, которое сделал необходимым составление Земледельческого закона; см.: Iontschew I. Über die Klassenschichtung in Byzanz und in Bulgarien im 7. bis 10. Jhd. — Etudes historiques, Sofia, 1965, 2, S. 71—84. Ср. также критическую оценку этой статьи и вообще концепции Йончева, данную З. В. Удальцовой (К вопросу о генезисе феодализма в Византии, с. 15, прим. 27).

⁴⁹⁻⁵⁰ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 77. Мы разделяем предположение, что епископы имели и неэкскуссированных крестьян или хозяйства.

⁵¹ Приблизительные расчеты см.: Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 148—149.

⁵² Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, с. 23; Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 219—226.

⁵³ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 226.

⁵⁴ Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 149—160.

рабов, как было в Византии благодаря наследию, полученному от древней рабовладельческой империи.

2. В X в. в Болгарии, как и в Византии, создавалось частное феодальное землевладение, формирование которого протекало в двух основных видах, типичных и для Болгарии, и для Византии в этот период: один вид охватывает некоторые имения с прикрепленными к ним отдельными хозяйствами в рамках свободной в целом общины, второй представляет собой поселение неимущих крестьян на «господской земле». Частные землевладельцы в Болгарии, как и в Византии, начали получать прежде всего частичную налоговую экскусию (иммунитет).

3. При переходе от общинного строя к феодализму в Болгарии и от рабовладельческого строя к феодализму в Византии темпы развития феодальных отношений были примерно одинаковыми, главным образом в силу того обстоятельства, что значительное славянское население и большое число славянских общин были налицо и в Византии: Византии, как и Болгарии, в процессе развития феодализма необходимо было преодолеть большую устойчивость славянской общины.

БОЛГАРСКАЯ ОСНОВА И ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ (XI—XII вв.)

1. *Централизованная налоговая эксплуатация.* В период византийского господства государственный налог был основной формой византийской эксплуатации в одной из важнейших областей покоренных болгарских земель — в области между Старой Планиной и Дунаем (фема Паристрион), потому что здесь вообще не могло возникнуть частное византийское землевладение из-за опасности нападений печенегов, куманов и узов. У нас нет ни одного бесспорного свидетельства о существовании в этих областях в XI—XII вв. частного византийского землевладения, а среди местного болгарского населения здесь преобладали мелкие и средние собственники⁵⁵.

Господство централизованной эксплуатации в феме Паристрион установилось после превращения этой области в непосредственную собственность центральной власти (императора) еще в процессе завоевания. Г. Г. Литаврин доказал это на основании трех достоверных источников — известия Яхьи Антиохийского, согласно которому были посланы «царские люди» (βασιλικοί) управлять имуществом в завоеванной стране; известия Роберта де Клари о том, что в Северо-Восточной Болгарии были созданы коневодческие хозяйства византийского императора, располагавшие обширными пастбищами; открытых Ст. Маслевым в Плиске и Преславе печатей управляющего императорскими конюшнями и коневодческими хозяйствами в этом районе и вообще в феме Паристрион⁵⁶. Нет сомнений, что такая постановка вопроса во многом помогает понять положение болгарских земель после того, как они вошли в состав византийской территории. Централизованная налоговая эксплуатация в Византии продолжала играть существенную роль и в дальнейшем: она была одной из главных причин восстания населения в столице в 1042 г., когда граждане уничтожили налоговые списки⁵⁷.

В Первом Болгарском царстве были, как мы видели, разнообразные натуральные налоги (регулярные и чрезвычайные), ангарии на строительство и ремонт крепостей, дорог, мостов и пр. В период византийского господства налоговое обложение значительно увеличилось путем введения

ряда натуральных десятин, военных поставок, реквизиций, конфискаций продуктов и скота по низким ценам или бесплатно, многочисленных ангарий, денежных платежей и поборов⁵⁸.

Известно, что превращение части натуральных платежей в денежные было тем новшеством, которое принесла с собой византийская налоговая система в болгарские земли. Находки монет XI—XII вв. свидетельствуют о том, что в болгарских землях находились в денежном обращении сотни тысяч медных монет⁵⁹. Было большое количество и золотых монет, но они были сосредоточены, как увидим ниже, преимущественно в руках аристократии. Накопление золотых монет, т. е. изъятие основного денежного капитала из сферы производства и обмена, достаточно убедительно говорит в пользу натурального характера хозяйства в целом: существование денежной основы византийского рынка само по себе не может быть достаточным для отрицания существования натурального хозяйства. Во всяком случае, из-за отсутствия статистических данных все еще остается открытым вопрос о количественном соотношении между денежной и натуральной частями государственного налога, между денежной и натуральной оплатой труда, между товарно-денежным и натуральным рыночным обменом — вопреки многочисленным попыткам достигнуть окончательного результата в этом направлении.

Несмотря на это, исследования показали, что состояние в золотых монетах составляло важнейшую часть богатства византийского господствующего класса в XI—XII вв. и что основным источником получения золота было не частное поземельное имение, а государственное жалованье (руга), выплачиваемое в золотых монетах⁶⁰, т. е. часть централизованной ренты, которая раздавалась государственной казной. Г. Г. Литаврин приводит поразительные факты: новеллиссим Константин имел около 1620 кг золотых монет, у патриарха Алексея IV Студита после его смерти (1043) было найдено около 810 кг золотых монет⁶¹. Золото Симватия Бакуриани, Григория Бакуриани, Феофилакта Охридского и других далеко превосходило доходы от их поземельных владений. Действительно, мы можем удивляться тем сокровищам, данные о которых существенно изменяют бытовавшие представления о размерах и роли централизованной ренты, которую собирала и раздавала в золотых монетах государственная казна. Несомненно, роль государственной казны как источника такого денежного богатства связана прежде всего с налоговыми поступлениями⁶². Но следует иметь в виду, что в государственную казну поступали значительные денежные суммы от таможенников, от таможенных служб, густой сетью покрывших всю византийскую территорию, на которой сходились пути международной торговли⁶³. Есть все основания думать, что доходы византийского государства в значительной степени увеличивались из этих источников благодаря преимуществам, которые имела Византия как центральное звено в большой транзитной торговле.

⁵⁵ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 314—340; Он же. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, 1956, 10, с. 81—110. Здесь отмечается, что превращение некоторых натуральных налогов в денежные фактически означало их многократное увеличение.

⁵⁶ Лишев С. За проникването и ролята на парите, във феодална България. София, 1958, с. 120—151; Asdracha C. La région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles. Athènes, 1976, p. 229. На основе нумизматического материала Асдраха подготовила статистические данные о распространении медных монет в указанной области.

⁵⁷ Литаврин Г. Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. — ВО, 1971, с. 164—168.

⁵⁸ Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г., с. 37, 41. Данные показывают стремление византийского духовенства к накоплению денежного капитала.

⁵⁹ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 202.

⁶⁰ Для решения этого вопроса важны данные, собранные и исследованные в монографии: Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les Douanes à Byzance. Paris, 1963.

⁵⁵ Литаврин Г. Г. Темпове. . . , с. 39—40.

⁵⁶ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии, с. 63—64. Он же. Болгария и Византия. . . , с. 141—142.

⁵⁷ Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. — ВВ, 1972, 33, с. 44.

Очень важным и не решенным до конца является вопрос о преемственности византийской платежно-денежной системы в болгарских землях. С одной стороны, почти все денежные налоги и поборы, введенные Византией в XI—XII вв., продолжали существовать в болгарских землях и после освобождения от византийского господства. Так, во Втором Болгарском царстве основной денежный налог «волоберщина» происходит от византийского налога *ζευγατάσιον* или *ζευγολόγιον* (налог на землю, обрабатываемую парой волов)⁶⁴; денежный налог «дымнина», т. е. «на дымовую трубу» (отдельный дом), является болгарским аналогом византийского *καπνικόν*⁶⁵; денежный налог «перпера» происходит от византийского *πέρπερον*⁶⁶ — его собирали специальные сборщики налогов «перпераки»⁶⁷; византийское происхождение имеет ряд денежных пошлин — на рыболовство, пользование мандрой («кошарница»), горными пастбищами («горнина»), общинными пастбищами («тревнина») и пр.⁶⁸ Деньгами платили и некоторые штрафы⁶⁹. Болгарское название «кумерк» (пошлина) происходит от византийского *κομμέριον*, византийским термином «диавато» обозначалась пошлина за перевозку товаров через мосты и переправы на реках⁷⁰.

С другой стороны, возникает вопрос: почему сразу же после освобождения от византийского господства во Втором Болгарском царстве наступило резкое сокращение монетной эмиссии, сохранявшееся в течение всего XIII в., несмотря на то, что были унаследованы все эти денежные платежи? Три первых царя — Асень I, Петр и Калоян — вообще не чеканили монет, только в период царствования Ивана Асеня II в Болгарии начинают выпускать монеты и то в ограниченном количестве; до сих пор найдено очень мало болгарских монет XIII в. Некоторые нумизматы высказывали мнение, что скудость находок монет, относящихся ко времени Ивана Асеня II, следует объяснять стабильностью политического положения в период его царствования, т. е. при существовании политической безопасности отпала необходимость сохранять деньги в кувшинах, закопанных в землю; отсюда — и незначительность монетных находок⁷¹. Исходя из такого предположения, мы могли бы ожидать обратного явления: го-

раздо больше монет, относящихся ко времени политической неустойчивости (междоусобицы и нашествия), которое наступило в Болгарии после смерти Ивана Асеня II (1241) и продолжалось до конца XIII в. Но сокращение количества находок продолжается до конца XIII в. Таким образом, понятно, что объяснения политической стабильностью или нестабильностью не могут быть достаточно убедительными. Хранение монет в земле стало, в сущности, необходимостью из-за отсутствия кредитных институтов и практики безналичного расчета — иностранные купцы в Болгарии носили деньги при себе и иногда также закапывали их в землю, несмотря на то, что в Болгарии они находились под особым покровительством и в политической безопасности⁷². Денежное обращение в рамках натурального хозяйства не могло поглотить все монеты и часть их всегда превращалась в сокровища. Но так или иначе в конечном счете чем больше монет было в наличии или в обращении, тем больше монетных кладов находят.

Мы считаем, что Вторым Болгарским царством были унаследованы не только византийские денежные платежи XI—XII вв., как мы уже указывали, но и византийские монеты XI—XII вв., которые остались в болгарских землях и продолжали употребляться во Втором Болгарском царстве в течение всего XIII в.: потому и не было необходимости чеканить много болгарских монет в XIII в. В этом и кроется причина сокращения находок монет этого столетия. Наличие византийских монет XI—XII вв. в денежном обращении Болгарии в XIII в. может быть доказано и датировано с помощью находок, в которых монеты XI—XII вв. смешаны с монетами XIII в. Так, найденный у с. Долна Кабда (Тырговицкий округ в Северо-Восточной Болгарии) клад содержит около 2800 медных монет, относящихся ко второй половине XII и первой половине XIII в., среди которых самой ранней является монета императора Мануила I Комнина (1143—1180), а самой поздней — никейского правителя Феодора II Ласкариса (1254—1258); имеются также солунские и константинопольские монеты времен Латинской империи (1204—1261) и болгарские монеты Ивана Асеня II (1218—1241). Все они были разрезаны на мелкие кусочки — вид «мелких монет» для обмена на местном рынке⁷³. Подобный состав имеет и другой клад с нарезанными монетами из Болгарии, получивший название «Петр и Павел»⁷⁴. Такие «мелкие деньги», называемые болгарами «бодки», чеканились в болгарских землях⁷⁵.

Существует много других смешанных находок, подтверждающих наличие медных византийских монет XI—XII вв. в денежном обращении Болгарии в XIII в. Византийские монеты XI—XII вв., смешанные с византийскими монетами XIII в., а также никейскими монетами Феодора I Ласкариса (1204—1222), солунскими Феодора Комнина (1224—1230) и Мануила I (1230—1237) и небольшим количеством болгарских монет, найдены в Северной (в районах городов Преслава, Русе, Тырговишто, Тырново, Плевена, Лома, Бяла-Слатина, Враца, Белоградчика) и Южной Болгарии (в районе городов Стара-Загора, Карлово, Месемврия, Асеновград, Пазанджик, Кюстендил, Кырджали, Благоевград и др.)⁷⁶. Есть только две находки, в которых византийские монеты смешаны с болгарскими: клад, найденный в районе Карлово: монеты Ивана Асеня II вместе с византийскими и солунскими монетами, и клад, найденный в районе Преслава:

⁶⁴ Ср. *ζευγολόγιον δόσιον* в грамоте деспота Алексея Слава от 1220 г.; см.: Дуйчев И. Из старата българска книжнина. София, 1944, 2, с. 32. О волоберщине см. в Византийской грамоте царя Константина Асеня: Иванов И. Български старини из Македония. София, 1931, с. 586.

⁶⁵ Иванов И. Указ. соч., с. 586.

⁶⁶ Там же, с. 586.

⁶⁷ Там же, с. 598.

⁶⁸ Там же, с. 586.

⁶⁹ Ангелов Д. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, с. 222 сл.

⁷⁰ Иванов И. Указ. соч., с. 578, 586.

⁷¹ Димитрова-Чудилова С. Българските средновековни монети от съкровищата, намиращи в България. София, 1977, с. 143. Необходимо иметь в виду, что эта диссертация является первым опытом монографического исследования болгарских средневековых монет, в котором давно нуждалась болгарская нумизматика и медиевистика. Основоположники болгарской нумизматики Н. Мушков и Т. Герасимов издали ряд статей и публикаций по отдельным вопросам нумизматики, но они не воспользовались собранным фактическим материалом для того, чтобы показать специфику денежного обращения как категории феодальной экономики. С. Димитрова-Чудилова впервые рассмотрела основные дискуссионные вопросы нумизматики в рамках проблемы денежного обращения и в результате правильной методической обработки материала убедительно доказала, что обращение монет, выпущенных в XIII в., было гораздо более ограниченным и незначительным в сравнении с обращением монет в XIV в. Она также установила, что болгарские цари чеканили два вида монет: медные — для внутреннего рынка, и серебряные — для внешнего. Это подтверждается данными, относящимися, например, к царю Федору Святославу (1300—1321). Необходимо подчеркнуть, что чеканка большого количества медных монет для внутреннего рынка была традицией, появившейся в Болгарии в период византийского господства и унаследованной Вторым Болгарским царством. К сожалению, Чудилова не имела возможности исследовать материалы, находящиеся в зарубежных музеях. Основным же недостатком работы является то, что там вообще не поставлен вопрос о наследовании денежного обращения периода византийского господства Вторым Болгарским царством.

⁷² Лишев С. Българският средновековен град, с. 140, 143.

⁷³ Йорданов И. Коллективна находка на средновековни монети от с. Долна Кабда, Тырговишки окръг. — *Byzantinobulgarica*, 6 (в печати).

⁷⁴ Metcalf D. M. The Peter and Paul hoard: Bulgarian and Latin imitative trachea in the Time of Ivan Asen II. — *N. Chronicle*, 1973, p. 147—148.

⁷⁵ Мушков Н. А. Монетите и печатите на българските царе. София, 1924, с. 52.

⁷⁶ ИБАИ, IV, с. 322; VI, с. 315; XII, с. 450, 453; XIV, с. 282; XX, с. 608, 610; XXI, с. 231, 324; XXII, с. 359; XXV, с. 227, 231; XXVI, с. 257, 260; XXVII, с. 238—240; XXIX, с. 211—223; XXX, с. 188; XXXI, с. 231—232. Кроме этих опубликованных находок, в музеях имеется ряд других, которые не изучены и не опубликованы и по этой причине не могут быть учтены в нашей статье.

монеты Константина Асены (1257—1277) с византийскими монетами XI—XII вв.

Приведенные данные подтверждают, что в денежном обращении Второго Болгарского царства в XIII в. преобладали византийские монеты XI—XII вв., а также никейские и солунские, в то время как монеты самих болгарских царей были в значительно меньшем количестве. Такое положение — результат сильного экономического влияния Византии и устойчивой преемственности рыночных связей с ней, создавшихся в болгарских землях в период византийского господства.

2. *Частное феодальное землевладение.* С середины XI в. центром византийского частного землевладения становятся главным образом юго-западные болгарские земли — не только потому, что они меньше подвергались нашествиям, но и потому, что Византия потеряла свою территорию в Малой Азии в результате наступления сельджуков.

В первые десятилетия XI в. византийские власти утвердили в болгарских землях имевшиеся здесь два структурных типа частного землевладения, которые существовали и в Византии: 1) феодальное имение на территории свободной сельской общины, расположенное рядом с имениями других феодалов и полями свободных крестьян; 2) феодальное имение как обособленное поселение неимущих крестьян на «господской земле», отделенное от свободной сельской общины.

Что касается третьего, охватывающего всю сельскую общину и типа частного землевладения, то он не был характерен в X в. ни для Болгарии, ни для Византии. Во второй половине XI в. впервые с созданием пронии был сделан решительный шаг к включению целой сельской общины свободных земельных собственников в частное феодальное землевладение. В осуществлении этого процесса византийский господствующий класс пользовался содействием государственной власти как орудием своих интересов. Так, прония первоначально возникла как передача частному лицу права собирать в свою пользу определенное количество государственных налогов со свободных собственников-налогоплательщиков, членов свободной сельской общины; это право постепенно превращалось в право на землю и людей, которые ее обрабатывают и которые превращаются в париков владельца пронии⁷⁷.

К. В. Хвостова подчеркивала, что условный характер пронии обуславливался тем, что дарение делалось с обязательством исполнения государственной службы⁷⁸. Но она обоснованно отвергает отождествление византийской пронии с османским тимаром, проводимое Г. Острогорским⁷⁹. К. В. Хвостова указала на принципиальное отличие византийской пронии от тимара и мусульманской икты и на совершенно различные условия правового развития Византии и средневековых мусульманских государств: в Византии в силу наличия развитого вещного права частная собственность на землю играла большую социальную роль. Это накладывало отпечаток на византийское правосознание и способствовало формированию пронии как дара на совокупность вещных и не вещных прав, в то время как мусульманское право отводило частной поземельной собственности небольшую роль⁸⁰.

С другой стороны, следует внести поправку в утверждение, что еще в XI—XII вв. развитие пронии привело к ослаблению централизованной эксплуатации⁸¹. Напротив, в XI—XII вв. доходы от централизованной эксплуатации, как мы видели, многократно превышали доходы от частных

имений многих крупнейших феодалов. Против преувеличения масштабов распространения пронии в болгарских землях в XI—XII вв. говорит и тот факт, что в этот период не только к северу от Балкан не было условий для развития византийского частного землевладения, но даже во Фракии и в Родопской области до конца XII в. прония все еще не поглотила общину свободных земельных собственников.

О свободной крестьянской общине имеются интересные данные, относящиеся к 1189 г., — в источниках о III крестовом походе. В последнее время К. Асдраха обратила внимание на одно известие у Ансберта: в Пловдиве армяне и болгары-налогоплательщики (*sub tributo*) пришли к императору Фридриху Барбароссе и другим лицам, возглавляющим армию крестоносцев, и получили мир для себя и своих сел (*suis vicis*) на том условии, что они откроют пловдивский рынок для крестоносцев⁸². Отметив, что местные жители могли входить в прямое соглашение с крестоносцами без вмешательства авторитетного посредника, К. Асдраха принимает их за членов свободной крестьянской общины — *vici*, которые являлись государственными налогоплательщиками (*sub tributo*), были подчинены непосредственно государству⁸³. В других западных источниках (*Legenda Sancti Gerhardi*), как мы отмечали, «обложение государственным налогом» обозначалось тем же термином *sub tributo*, что подтверждает предположение Асдрахи. Под словами «свои села» (*suis vicis*) Ансберт имеет в виду села около Пловдива, в которых крестоносцы остановились на зимовку. Асдраха считает, что эти армяне и болгары были еретиками. В таком случае к сближению с крестоносцами («врагами Византии») их могло подтолкнуть, вероятно, оппозиционное отношение к византийской власти. Кроме этого известия, есть и другое — о свободных сельских общинах, оказавших упорное сопротивление крестоносцам в области Родоп⁸⁴.

Частное землевладение в форме пронии локализовалось преимущественно в Македонии, где к концу XII в. оно могло поглощать *целые общины* мелких собственников-налогоплательщиков, как, например, село Могила (около Битоля), ряд сел в междуречье Струмы и Вардара в районе Струмицы и др.⁸⁵ Землевладение афонских монастырей охватывало главным образом Южную Македонию⁸⁶.

И все же нет оснований говорить о массовом включении целых общин в частное феодальное землевладение. Даже такой аристократ, как архиепископ Феофилакт Охридский (1090—1109), несмотря на свои связи с правящими кругами, был вынужден несколько лет вести упорную борьбу с государственными чиновниками и сборщиками налогов, чтобы получить в свое владение две-три деревни в Македонии⁸⁷. Самый могущественный светский феодал в болгарских землях Григорий Бакуриани владел несколькими деревнями, но только относительно двух из них установлено, что они раньше были свободными селами со своей собственной землей — село Прилонкий в Солунской феме и село Здравийкий в Серрской феме⁸⁸.

Григорий Бакуриани, как представляется, предпочитал получать рабочие руки путем создания поселений из неимущих на «господской земле». По нашему мнению, именно такие поселения следует видеть в «строительстве сел» (*περί οἰκοδομῆς χωρίων*), о котором говорится в заглавии хрисовула в параграфе 3 36-й главы типика Григория Бакуриани, составленного для Бачковского монастыря в 1083 г.⁸⁹ Такие новые поселения Григорий со-

⁷⁷ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, с. 23.

⁷⁸ Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 215, прим. 39.

⁷⁹ Острогорски Г. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. — САН, Посебна издања. Београд, 1951, књ. 176, с. 176.

⁸⁰ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 217.

⁸¹ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 247.

⁸² Ansbert, p. 45.

⁸³ Asdracha C. Op. cit., p. 213.

⁸⁴ Ansbert, p. 59.

⁸⁵ Литагин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 147—150.

⁸⁶ Там же, с. 97.

⁸⁷ Там же, с. 80—90.

⁸⁸ Там же, с. 135.

⁸⁹ Typicon Gregorii Pacuriani/Ed. S. Kauchtschischwili. Tbilisiis, 1963, p. 152; Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971, с. 235.

здавал на своих землях преимущественно в районе Пловдива и отчасти в Южной Фракии. Некоторые из них упомянуты в типике как «нивы» (*ἀγρίδια*) и «поля» (*ἀγρός*), но одновременно они обозначены именами, которые носят до сих пор деревни, выросшие из этих поселений на «нивах и полях»: Бачково, Добралък, Добростан, Лалково (Лилково), Яврово, Варвара⁹⁰ и пр. Все это говорит о том, что около 1083 г. под этими именами уже существовали какие-то зачатки поселений, т. е. еще не оформленные заселенные места, поэтому они и названы «нивы и поля». Об этом говорит и заключение 1-го параграфа 2-й главы грузинского текста типика, где упомянуто, что все эти «нивы и поля» в сущности представляли собой «имения» (чифлики) с населенными и прикрепленными к ним зависимыми крестьянами⁹¹.

Есть основания считать, что вовлечение целых сел (с их землей) в частное феодальное землевладение как практика на болгарских землях наметилось в период византийского господства, но распространение эта практика получила лишь во Втором Болгарском царстве.

Внутренняя структура феодального имения представляла собой комплекс, состоящий из земли, которая находилась в прямом владении феодала, и земли париков — *παροικιότιον*⁹², распределенной между зависимыми крестьянами, как видно из типика Григория Бакуриани⁹³. И эта внутренняя структура получила преемственность во Втором Болгарском царстве: «мьста паричка» в Виргинской грамоте⁹⁴ является точным переводом византийского *παροικιότιον*.

В прикреплении зависимого болгарского населения к частным феодальным хозяйствам мы можем различить два момента. Так, в грамотах императора Василия II болгарским епископам, которые отражают не только преемственность от Первого Болгарского царства, но и аграрные отношения, сложившиеся в первые десятилетия XI в., и являются бесспорным документом, свидетельствующим о прикреплении по системе «арифмос», приращение зависимых крестьян к отдельным хозяйствам епископов выражено общей фразой «должны служить церкви»⁹⁵: *οφείλοντας ταῖς ἐκκλησίαις ὑπερτερεῖν*.

Кекавмен, сочинение которого, написанное около 1070 г., отражает социально-экономические отношения в юго-западных болгарских землях, дает совет не задерживать силой поселившихся в земельном владении элефтеров, если они захотят уйти в другое место; насильственно задерживать их, по мнению Кекавмена, было бы «несправедливо» — *οὐ γάρ ἐστι δίκαιον*. Г. Г. Литаврин обоснованно считает, что в этом высказывании Кекавмен имел в виду действующее византийское право, согласно которому (по традиции от римского рабовладельческого права) подданные делятся на свободных и рабов; поэтому феодальная «несвобода» не признавалась *de jure* до конца существования Византии, но все же феодальная «несвобода» существовала *de facto*. По существу слова Кекавмена отражали широкое распространенное явление — крупные собственники лишали элефтеров свободы и силой задерживали их в своих имениях⁹⁶.

Еще более ясно процесс прикрепления крестьян отражен в типике Григория Бакуриани: в 1083 г. Григорий подарил Бачковскому монастырю своих париков вместе с тягловым скотом и землей, которую они обрабатывали⁹⁷. В типике говорится только об одной категории зависимого насе-

ления — париках. Это обобщающее значение термина «парик» еще раз подтверждает, что в XI—XII вв. в болгарских землях так называемые «категории феодально-зависимого населения», о которых мы уже говорили (афелейс, апоры, актимоны, элефтеры, апэлефтеры, дулевты, дулопарики, проскафимены и др.), в сущности были только временными ступенями, через которые проходили мелкие собственники, освобожденные рабы и немощные, прежде чем стать париками феодала⁹⁸.

Важной чертой византийского частного землевладения была его роль как организационно-хозяйственного звена. Ее не следует смешивать с технической организацией производства — деятельностью непосредственных производителей (крестьян и ремесленников). Особым является вопрос о количестве продуктов, производимых в феодальном имении или непосредственным производителем и использовавшихся с целью наживы, для удовлетворения своих нужд, шедших на рынок и т. д. Для его решения мы не располагаем достаточными сведениями.

Во всяком случае, организационно-хозяйственная роль византийского частного имения должна была быть значительной, если производила впечатление на западноевропейцев. Лиутпранд, германский посол в Византии, пишет в 968 г., что византийские епископы превратились в конюхов, трактирщиков и лавочников (*agasones, saurones, tabernarii*), сами продают, сами покупают, сами осматривают скот⁹⁹. Независимо от формы эти заметки являются своего рода «информацией» об организационно-хозяйственной деятельности. Кекавмен называет такую деятельность «автургией» и включает в нее любой вид хозяйственного предприятия, созданного и руководимого крупным землевладельцем, которое может принести ему изобилие плодов, зерна, вина, мяса, овец, свиней и тяглого скота¹⁰⁰.

Важным организационно-хозяйственным предприятием Григория Бакуриани было создание уже упомянутых поселений париков. Он распорядился, чтобы только парики монастыря брали монастырскую собственность в феодальное держание, по-грузински: «сакаргав»¹⁰¹. Этот внутренний феодальный наем в дальнейшем получил широкое распространение во Втором Болгарском царстве¹⁰². Закономерным для периода расцвета и господства феодальных производственных отношений является именно тот факт, что такому внутрифеодальному найму отдавалось предпочтение перед свободным. Григорий создал и рынок при Бачковском монастыре, как он сам указал в своем типике («учрежденное нами торжище») ¹⁰³, на котором продавалась часть продуктов монастырского хозяйства. Он также построил больницу и три гостиницы с большим количеством мест, отоплением, ежедневным питанием, печами для хлеба и пр.¹⁰⁴

По свидетельству Евстафия Солунского¹⁰⁵, во второй половине XII в. монастырские хозяйства в Южной Македонии производили и продавали на рынке пшеницу, вино и скот. Крупные монастырские хозяйства в Средней и Северной Македонии в XII—XIII вв. организовали не только земледельческо-скотоводческое производство, но и работу большого числа сельских ремесленников (монастырские парики): портных, сапожников, скорняков, шляпников, шорников, кузнецов, строителей, плотников, ювелиров, гончаров и др.¹⁰⁶

Часть продуктов этого производства выносилась на городской рынок — на монастырском базаре монополии на продажу имели только монастыр-

⁹⁰ Turison Gregorii Pascuriani, p. 24; Шанидзе А. Указ. соч., с. 287.

⁹¹ Шанидзе А. Указ. соч., с. 287.

⁹² Turison Gregorii Pascuriani, p. 140.

⁹³ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 160.

⁹⁴ Иванов И. Указ. соч., с. 583.

⁹⁵ Там же, с. 550.

⁹⁶ Советы и рассказы Кекавмена/Подгот. текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврин М., 1972, прим. 697 и 699.

⁹⁷ Turison Gregorii Pascuriani, p. 32.19—22; Шанидзе А. Указ. соч., с. 289.

⁹⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 175—195.

⁹⁹ MGH SS, t. III, p. 362.

¹⁰⁰ Советы и рассказы Кекавмена, с. 188—191, прим. 529.

¹⁰¹ Шанидзе А. Указ. соч., с. 320.

¹⁰² Лишев С. Българският средновековен град, с. 182—183.

¹⁰³ Шанидзе А. Указ. соч., с. 299.

¹⁰⁴ Там же, с. 316—318; Turison Gregorii Pascuriani, p. 130—134.

¹⁰⁵ PG, t. 135, col. 824 C, 829 A.

¹⁰⁶ Ангелов Д. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, с. 188—189.

ские товары. Это ограждало их от конкуренции. Вообще монастырские хозяйства были наиболее развитыми и передовыми хозяйствами того времени, именно они доставляли наибольшее количество продуктов на рынок.¹⁰⁷

Доминирующая роль крупного феодального имения в экономике укрепились в XI—XII вв. в результате расширения имущественных привилегий¹⁰⁸. Но данные источников и результаты предшествующих исследований не дают оснований преувеличивать эти привилегии при византийском господстве, переоценивать византийское влияние на развитие этих феодальных институтов в болгарских землях, потому что полному надлогово-судебно-административному иммунитету в болгарских землях в период византийского владычества было только положено начало (например, во владениях Григория Бакуриани), а практикой оно стало лишь во Втором Болгарском царстве.

БОЛГАРСКИЙ ГОРОД

Против преувеличения византийского влияния на формирование болгарского средневекового города говорят данные последних археологических исследований, которые позволяют сделать следующие заключения.

1. Монументальное градостроительство с огромными каменными блоками в Плиске и других аулах протоболгарских ханов в Северо-Восточной Болгарии не является византийской моделью, так как в этот период (VII в.) в Византии уже строили главным образом кирпичные здания¹⁰⁹.

2. Монументальное каменное блочное строительство протоболгары видели, скорее всего, в античных городах Крыма, разрушенных во время нашествия гуннов, с которыми протоболгары имели прочные связи в период двухвекового (V—VI вв.) пребывания в районе Азовского моря. Кроме того, в IV в. одна группа протоболгар поселилась в Армении. В Закавказье у мощных каменных стен Дербента на Каспийском море на протоболгар также оказывало долгое время влияние сасанидская культура Ирана с ее монументальным строительством¹¹⁰. Именно в районе Азовского моря сформировалась специфическая салтовомаяцкая культура, которая была результатом двухвекового сожительства тюркской протоболгарской культуры и сармато-аланской (по сути иранской) культуры древнего местного населения. В районе Азовского моря в VII в. впервые возникли протоболгарские поселения около каменной крепости с блочными строениями¹¹¹. Именно древняя культура сасанидского Ирана дала протоболгарам живую практику в технике каменного строительства, отсюда могли прийти и мастера¹¹². Первоначальные каменные строения в Плиске были продолжением античной традиции, но не в балканском (византийском) варианте, а в ближневосточном (сасанидско-иранском): о существовании преемственности в каменной архитектуре северо-восточных районов Балканского полуострова свидетельствуют многочисленные данные¹¹³.

3. Независимо от влияния этой строительной традиции протоболгары и славяне еще до переселения на Балканский полуостров были знакомы с рядом ремесел, связанных со строительством. Славяне знали ремесло деревообработки, металлургию, ткачество (первоначально как домашнее

производство), гончарное искусство — об этом говорят предметы, найденные в развалинах древних славянских поселений на территории современной Украины, Румынии и Венгрии. Еще тогда славяне пользовались железорудными сыродутными печами, в которые закладывалась железная руда поверх нескольких слоев древесного угля, и все это разжигалось с помощью ручных кожаных мехов¹¹⁴. Важнейшее ремесло — металлургия — достигло высокого развития у славян на северных склонах Карпат еще в первые века н. э., о чем свидетельствуют памятники пшеворской культуры¹¹⁵. Памятники черняховской культуры (III—IV вв.), часть которых принадлежит славянам современной Западной Украины, также свидетельствуют о высокоразвитой железной металлургии¹¹⁶. Эта древнеславянская материальная культура продолжала развиваться и в V—VI вв. у славян, пребывавших на территории современной Румынии до того, как они заселили современные болгарские земли¹¹⁷. Протоболгары тоже были знакомы с железной металлургией, кожевенным делом, среди них были хорошие шорники и гончары. О существовании строительных ремесел у протоболгар говорит тот факт, что к началу VII в. в Дагестане выросли протоболгарские города — во владениях протоболгарского правителя Алпа Илитвера¹¹⁸.

4. Таким образом, протоболгары и славяне пришли на Балканский полуостров, уже имея некоторую практику строительства городов, и она не могла быть подменена или вытеснена «византийским наследством», которое они застали на территории современной Болгарии. Это подтверждается и последними исследованиями характера преемственности в первых славяно-болгарских поселениях, которые возникли на месте древних городов в современных болгарских землях. Стратиграфические и топографические исследования показали, что между позднеантичным и раннесредневековым славяно-болгарским пластами не было функционально-градостроительной связи: два пласта представляют две различные культуры с ясно выраженным стратиграфическим зиянием между ними. Две культуры отделены одна от другой исторической и этнокультурной цензурой. Раннесредневековые славяно-болгарские жилища (землянки и полужемлянки) и другие строения не соответствуют остаткам древних городов и почти нигде не используют их в целом или частично по назначению, которое те имели в античный период¹¹⁹. Не случайно первые болгарские правители упоминаются в раннесредневековых легендах как строители городов, хан Аспарух упомянут как создатель городов Плиски и Доростола¹²⁰. Все это означает, что болгарский средневековый город возник главным образом как результат развития уже сформировавшейся традиции славяно-болгарской материальной культуры. Именно сосредоточение собственного ремесленного производства в одном месте, т. е. в Плиске и Преславе, составляло сущность возникновения болгарского средневекового города в VIII—X вв.

В пользу решающей роли собственного производства независимо от того или иного внешнего влияния мы можем привести как типичный пример художественную керамику, которой славилась болгарская столица Преслав в X в. Одни исследователи считали, что эта керамика была импортирована, другие полагали, что она изготовлена в Преславе иностранными мастерами, согласно третьему мнению, преславские мастерские, изготавливавшие керамику, возникли как подражание византийскому про-

¹⁰⁷ Натан Ж. Стопанска история на България. София, 1957, с. 65—68, 82; Ангелов Д. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, с. 225—245.

¹⁰⁸ Литаурин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 220—245.

¹⁰⁹ Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура (VI—XI вв.). София, 1977, с. 93.

¹¹⁰ Там же, с. 92.

¹¹¹ Там же, с. 29.

¹¹² Там же, с. 93, 95.

¹¹³ Там же, с. 95.

¹¹⁴ Istoria Romaniei. București, 1960, 1, p. 733 sq.; История культуры древней Руси. М.; Л., 1948, с. 78.

¹¹⁵ Ваклинов С. Указ. соч., с. 19, 20.

¹¹⁶ Там же, с. 20.

¹¹⁷ Там же, с. 22—23.

¹¹⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 174—175, 207—208.

¹¹⁹ Ваклинов С. Указ. соч., с. 47—54.

¹²⁰ Иванов И. Богомилски книги и легенди. София, 1925, с. 282.

изводству. Исследования установили обратное: в отношении техники и стиля византийские находки из Константинополя намного уступают преславским и датируются почти на целое столетие позже¹²¹.

Скорее всего, мастера-художники, которые принесли в Преслав первоначальную модель расписной керамики, были выходцами из каких-то областей Ближнего Востока. Некоторые мотивы орнамента на декоративных плитках в Преславе имеют ярко выраженное иранское или ирано-сасанидское происхождение. Но массовая продукция этой художественной керамики в Преславе была делом болгарских мастеров, и важнее всего то, что заимствованной технике и орнаменту болгарские мастера придали болгарский стиль, который отличал их от всех художественных центров X в.¹²²

Некоторые новые данные показали, что болгарские мастера были монахами преславских монастырей: именно преславские монахи изготавливали расписные облицовочные плитки не только для церквей своих монастырей, но и для других зданий в столице. Другими словами, монахи были также живописцами и мастерами, изготавливающими керамику в монастырских мастерских. Многие плитки имеют на обратной стороне кириллические или глаголические буквы как производственные знаки для нумерации плиток; на многих плитках, соединенных в одно целое, нанесены целые тексты на классическом древнеболгарском языке, что является самым убедительным доказательством того, что мастера, делавшие эти надписи, были высокообразованными монахами-болгарами. В сравнении с древним славянским обычаем метить ремесленные изделия различными примитивными знаками¹²³, нумерация с помощью кириллических и глаголических букв является не только шагом вперед, но и сама по себе говорит о массовом производстве расписной преславской керамики. Кроме того, анализ иллюстраций в некоторых ранних древнеболгарских книжных памятниках убедительно показал, что наряду с чисто книжной продукцией те же преславские монахи создавали и иллюстрации к текстам. Работа художников-декораторов на керамических плитках сочеталась с работой иллюстраторов-миниатюристов. Таким образом, замечательная художественно-декораторская школа была связана со всей культурной и литературной деятельностью Преслава. Именно в такой обстановке возникла и сама художественно-декораторская школа в области расписной керамики¹²⁴.

Связь работы декораторов в мастерских, производящих керамику, с работой художников-иллюстраторов во дворцах и монастырях и существование мастерских иллюстраторов, оформлявших книжную продукцию преславских писателей, подтверждаются изучением самых ранних копий произведений преславских книжников. Речь идет о русских копиях XI—XII вв. Особую ценность представляет Остромирово евангелие, некоторые элементы миниатюр в котором полностью совпадают с соответствующими мотивами расписной преславской керамики. По стилю и технике человеческие фигуры и лица здесь очень близки соответствующим образам на преславских керамических плитках. Точно так же в известном Изборнике Святослава 1073 г., который ведет свое происхождение от сборника Симеона, некоторые декоративные мотивы напоминают мотивы на керамике, покрывавшей пол в Преславе¹²⁵.

Никакое внешнее влияние не могло бы способствовать возникновению или поддержанию определенного вида ремесленного производства, если бы

¹²¹ Вакинов С. Указ. соч., с. 216.

¹²² Там же, с. 216—217, 219—220.

¹²³ Такие знаки обнаружены на строительных материалах, найденных в изобилии в Плиске и Преславе, а также около них. Они исследованы в работе: Гошев И. Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX—X в. София, 1961, с. 15—16 и др.

¹²⁴ Вакинов С. Указ. соч., с. 217. Для своих выводов автор привлек результаты некоторых предшествующих исследований.

¹²⁵ Вакинов С. Указ. соч., с. 220—221.

не существовало необходимых для этого внутренних закономерных предпосылок и условий. Так, в производстве преславской керамики, которому не было равных в Европе в X в., наступил резкий упадок и снижение качества сразу после подпадения Болгарии под византийскую власть. В крайне неблагоприятных условиях чужеземного господства фактически наступил конец производству преславской художественной керамики.

Что касается отражения византийского господства на дальнейшем развитии болгарских городских ремесел и вообще на развитии болгарских городов, то Г. Г. Литаврин обоснованно указывает на его неравномерность. Он приводит данные о положительном влиянии византийского рынка на подъем таких городов, как Пловдив, Доростол, Тырново, а с другой стороны — сведения об упадке городских ремесел и аграризации Плиски, Преслава и Ловеча¹²⁶. Об аграризации болгарских городов в целом говорится в «Географии» Идриси (середина XII в.), где они упоминаются как центры «непрерывно тянущихся обработанных полей и земледельческих культур». Только в болгарском городе Авли (село Горно Александрово Сливенского района) упоминаются «искусные мастера по металлу». Но Идриси ничего не говорит о ремесле в таких крупных византийских городах, как Коринф, Фивы, Афины, Солунь. В Константинополе упоминаются только «замечательные ремесленные изделия в императорском дворце», об Афинах говорится, что это был многолюдный город с полями и огородами. Византийские ремесленники упоминаются только в небольших городах Аза (Азала на Мраморном море), Виза, Филиппи и Платамон (на Солунском заливе)¹²⁷. Вообще в «Географии» Идриси не показана социальная значимость и роль городских ремесел в Византии в XII в.

Принимая во внимание аграризацию городов, о которой говорится в «Географии» Идриси, Г. Г. Литаврин сначала пришел к выводу, что занятие городских ремесленников в период средневековья земледельческим трудом было обычным явлением как в Византии, так и в Западной Европе¹²⁸. Затем, однако, он убедительно указал на определяющую роль городского земледелия в Византии, подсчитав, что не менее $\frac{2}{3}$ населения средних и мелких городов в Византии занималось сельскохозяйственным трудом, что зерновые продукты еще в X—XI вв. составляли существенную часть византийского экспорта и что не случайно итальянские купцы в XII—XIV вв. получали большие прибыли от торговли зерновыми продуктами, произведенными в Византии¹²⁹.

В вопрос о социальной роли и организации городских ремесленников предельную ясность внес М. Я. Сюзюмов, установив, что византийские корпорации в Книге эпарха не тождественны западноевропейским цехам и что в Константинополе никогда не было цехового строя. М. Я. Сюзюмов исходит из того факта, что по Книге эпарха вопросы определения цен, размеров прибыли, качества товаров и их закупки у иностранцев решались не собранием свободных цехов (как в Западной Европе), а приказанием государственного чиновника (эпарха)¹³⁰. Э. Франчес считает, что корпорации Книги эпарха исчезают после X в.¹³¹ Сп. Врионис допускает, что они продолжали существовать и в XI в.¹³²

Г. Г. Литаврин, обобщив предшествующие исследования и опираясь на конкретные данные источников, указал, что основные положения Книги эпарха коренным образом отличаются от положений западноевропейских

¹²⁶ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 36—38.

¹²⁷ България и съседните ѝ земи през XII в. според Географията на Идриси. София, 1960, с. 37—87. К сожалению, данные Идриси все еще не использованы полностью для сравнительного изучения городов Балканского полуострова.

¹²⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 24.

¹²⁹ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 236.

¹³⁰ Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962, с. 32, 40.

¹³¹ Франчес Э. Исчезновение корпораций в Византии. — ВВ, 1969, 30.

¹³² Vryonis Sp. Byzantine ANMOKPATIA and the Gild in the XIth Century. — DOP, 1963, 17, p. 32 sq.

цеховых уставов. Корпорации Книги эпарха создавались государственной властью как обязательная форма ремесленной и торговой деятельности в определенных отраслях городской экономики; устав Книги эпарха также создан центральной властью и отвечал в первую очередь ее интересам; эти корпорации возглавлялись или непосредственно государственным чиновником, или старейшиной, утвержденным государственной властью и полностью ответственным перед ней. В Западной Европе цеха были добровольным объединением самих ремесленников и купцов, которые составляли статусы цехов для защиты своих интересов; цехом руководил выборный старейшина, который отчитывался перед его членами. Византийские корпорации цехами не стали. У византийских ремесленников и купцов не только не было собственной профессиональной и социальной организации, но они были отстранены от какого-либо участия в официальной политической жизни и в городском управлении. Правда, на протяжении XI в. граждане иногда вели борьбу за итальянский путь развития, т. е. путь городского самоуправления городов-республик (такие цели имело, например, восстание в Бари в 1009 г., в Херсоне в 1016 г., в Навпакте в 1028 г., в Антиохии в 1035 г., в Драче в 1040—1041 г. и др.), но все эти попытки успеха не имели¹³³.

Такое направление развития сложилось в XI—XII вв. и в болгарских городах; постепенно оно привело к полному господству в них феодальной аристократии, а это прервало развитие тенденций к городскому (бюргерскому) самоуправлению. В сущности господство феодальной аристократии в городах привело к результатам, обратным городскому самоуправлению, т. е. к политическому сепаратизму, превращению отдельных городов в опорные пункты власти групп феодалов. Феодалы и территориально находились внутри города: в источниках они названы «жители городских крепостей» — *καστρώται*, они не жили в замках вне города, подобно западноевропейским сеньорам¹³⁴.

Возникает вопрос: не существовало ли у византийских ремесленников других форм социальной жизни, кроме корпораций Книги эпарха? Литаврин делает необходимую оговорку: «...по нашему мнению, было бы опрометчиво утверждать, что и в столице империи, и в ее провинциальных городах в этой среде отсутствовали всякие социально-профессиональные связи и сообщества, хотя бы неофициальные»¹³⁵. Впрочем, мы видим вовсе не упадок, а, бесспорно, прогрессивный факт постепенной ликвидации (после X в.) казенных корпораций, созданных и руководимых византийскими чиновниками по типу корпораций Книги эпарха. В сущности они уступали постепенно место *добровольным и свободным* социально-профессиональным связям, которые мы видим в группировке ремесленников одной профессии в одном месте. Доказательством является то, что сосредоточение металлургов в западноболгарских и в восточносербских городах породило одновременно и производственные связи и содружества этих ремесленников, в дальнейшем регламентированные сербским Законом о рудниках (1412—1417)¹³⁶.

В предшествующих исследованиях уже было собрано достаточно данных, позволяющих сделать такой вывод. В XII в. в Фивах, Солуни и Афинах было сосредоточено несколько тысяч ткачей-евреев; в некоторых кварталах Константинополя группировались сапожники, находились лавки-хлебопекарни, лавки мастеров, изготавливающих свечи, кожевенные и другие мастерские; металлургия, гончарное производство и стеклоделание были сосредоточены на окраинах, ювелирные мастерские — на главной улице — Месе. Известны названия улиц XIII—XIV вв. — «Сапож-

ная» (*καλιγῶν*), «Мастеров поясов» (*ζωναρῶν*), «Решеточная» (*κοσκινῶδον*)¹³⁷. Для Солуни XIV в. известны старейшины ремесленников-парфюмеров и строителей¹³⁸. Путешественник Ибн Батута также приводит сведения, относящиеся к первой половине XIV в., о группировке некоторых ремесел на отдельных улицах Константинополя¹³⁹. В XII в. в уже упоминавшемся болгарском городе Авли были сосредоточены ремесленники-металлурги, а также в Попина (около Силистры), Преславе, Червене, Чипровцах, Самокове, Велбужде. Существовали целые поселения болгарских ремесленников-горняков, как, например, Чипровци, Самоков, Рударско, Рудово, Рудище, Рудьовица и др. Они имелись и в средневековой Сербии — Рудник, Ново бърдо, Бръсково и др.¹⁴⁰

Очевидно, группировка ремесленников по отдельным ремеслам, производственные ремесленные связи и содружества существовали в городах Византии, Болгарии и Сербии в течение всего периода развитого феодализма, но они не могли перерасти в организацию, имеющую социально-политическую значимость, как западноевропейские цехи. Существенным препятствием этому было не только внутреннее политическое положение, которое мы уже описали, но и приток итальянского торгового капитала на Балканы во второй половине XII в. Отрицательное влияние иностранного капитала отражено и в данных сохранившихся документов: счетоводные книги Дубровника показывают, что во второй половине XII в. уже преобладал не экспорт ремесленных изделий из Византии в Западную Европу, а экспорт пшеницы и мяса из Солуни и Константинополя¹⁴¹.

Во второй половине XII в. рыбаки Константинополя также утратили в большой степени свое значение в результате итальянского импорта рыбы в Византию (рыба была основным продуктом питания столичного населения). Неслучайными были и антиитальянская позиция рыбаков, и участие их в бунте Алексея Враны (1187), и помощь, которую итальянцы оказали византийской власти в жестоком наказании рыбаков¹⁴². То, что ремесленники вообще не могли ни играть самостоятельной роли в политической жизни, ни занимать антифеодальную позицию и лишь иногда принимали участие в некоторых событиях на стороне той или иной феодальной партии, видно и по их участию в бунте против протосеаста Алексея в Константинополе в 1182 г.¹⁴³

В заключение можно отметить следующее. В свете рассмотренных данных серьезные возражения могут быть выдвинуты против концепции, согласно которой в XI—XII вв. впервые при византийском господстве в Болгарии сформировались основные институты феодального общества. Источники показывают обратное — определяющую роль славянской общины на начальной и важнейшей стадии генезиса феодализма в Византии. Заключение о примерно одинаковом уровне развития феодальных отношений в Болгарии и Византии с VIII до конца X в. может быть выведено из того факта, что первоначально развитие феодализма протекало на основе славянской общины в Болгарии и византийско-славянской общины в Византии. Из-за необходимости преодолеть устойчивость этой общины осуществление внеэкономического принуждения в Болгарии и Византии до XI в. стало возможным главным образом при содействии государственного аппарата.

¹³⁷ Сюсюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — ВО, 1961, с. 59.

¹³⁸ История Византии, т. 3, с. 354.

¹³⁹ Горанов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 266.

¹⁴⁰ Лишев С. Българският средновековен град, с. 62, 70—71, 78, 81, 97.

¹⁴¹ Крекић Б. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, с. 60 сл.

¹⁴² Matschke K. Situation, Organisation und Aktion der Fischer von Konstantinopol und Umgebung in der byzantinischen Spätzeit. — Byzantinobulgarica, 6 (в печати).

¹⁴³ Тивцев Р. Sur les cites byzantines aux XIe—XIIe siècles. — Byzantinobulgarica, 1962, 1, p. 173.

¹³³ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 151, 155, 272, 274.

¹³⁴ О термине *καστρώται* у Феофилакта Охридского и Михаила Хониата см.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 129—131.

¹³⁵ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 272.

¹³⁶ Лишев С. Българският средновековен град, с. 70 сл., 97.

Прежде всего мы не можем согласиться с тезисом, что в XI—XII вв. в Болгарии впервые оформились, получили распространение и стали господствующей формой производственных отношений основные феодальные институты. Еще до византийского завоевания Болгарии, в Первом Болгарском царстве уже были созданы эти институты в тех же основных формах, которые существовали в этот период и в Византии, и которые мы подробно рассмотрели. В XI—XII вв. в Византии действительно возник новый феодальный институт — прония, с помощью которой регламентировалось поглощение феодальной собственностью целых общин с их собственной землей; но в этот двухвековой период прония еще не получила распространения в болгарских землях — она локализовалась преимущественно в некоторых районах юго-западных болгарских земель. Впервые в XIII—XIV вв. она распространилась во Втором Болгарском царстве вместе с полным налогово-судебно-административным иммунитетом, который в период византийского господства только появился в болгарских землях. Кажется, что и в XI—XII вв. в Болгарии чаще встречалась старая практика создания феодальной собственности — поселение неимущих, т. е. образование поселений париков на «господской земле».

О прикреплении к частным имениям, которое известно в болгарских землях с X в., есть сведения и для периода византийского господства (наиболее ясно — в типике Григория Бакуриани, согласно которому, парики передавались в дар вместе с тягловым скотом и землей, которую они обрабатывали). Но, несмотря на это, закрепощение не получило *юридического признания* в действующем болгарском и византийском праве ни в X, ни в XI—XII вв., ни даже до конца существования Византии, ни во Втором Болгарском царстве¹⁴⁴. Это в сущности говорит об известной незавершенности процесса формирования феодальных отношений в Византии и Болгарии. И эта общая черта, по нашему мнению, вытекает из устойчивости сельской общины; хотя к концу XI в. устойчивость общины уже была преодолена, все же она продолжала и в дальнейшем играть некоторую, хотя и ограниченную роль.

«Византийское наследство» не сыграло существенной роли и в создании болгарского средневекового города. Каменное монументальное строительство в Плиске действительно базировалось на древней традиции, но не в византийском, а в сасанидско-иранском варианте. Болгарский средневековый город возник в результате развития славяноболгарской материальной культуры, разделения труда и сосредоточения собственного ремесленного производства в Плиске и Преславе и VIII—X вв. Вопрос о дальнейшем развитии болгарских городов в XI—XII вв. не может быть заменен вопросом о товарно-денежных отношениях в болгарских землях в период византийского господства. В сущности формирование денежно-платежной системы, регулярного денежного обращения и связанных с ним товарно-денежных отношений в этот период является *единственным положительным результатом* господства византийского режима в Болгарии, экономического влияния рыночных связей с Византией и прочной их преимущества в болгарских землях. Византийский рынок даже способствовал подъему некоторых болгарских городов в XI—XII вв., но в общем внешние нашествия и само чужеземное господство сильно тормозили развитие ряда болгарских городов. Отрицательным последствием существования византийского режима явился социальный облик болгарских городов XI—XII вв.: городские ремесленники и купцы были отстранены от активного участия в официальной политической жизни и в городском управлении, в городах постепенно устано-

вилось полное господство феодальной аристократии. Городская крепость была местом проживания и стратегической опорой феодальной аристократии. И сами города стали не только территориальным центром феодальной аристократии, но и центром их экономических интересов, т. е. аграрными центрами и главным рынком экспорта зерновых продуктов, произведенных в феодальных имениях.

Несмотря на это, в городах Балканского полуострова в XI—XIV вв. постепенно пробивали себе путь свободные социально-профессиональные связи и производственные содружества, возникавшие как добровольное сосредоточение специалистов одного ремесла в определенном месте. Эти связи не развивались в организации, имеющие социально-политическую значимость подобно западноевропейским цехам, но вопреки этому они были гораздо более прогрессивным явлением в сравнении с казенными корпорациями Книги эпарха, которые исчезли после X в.

¹⁴⁴ В работе М. Андреева и Д. Ангелова (указ. соч., с. 132) говорится, что, может быть, городские парики не были закрепощены, но на с. 176 цитируется Законник сербского короля Стефана Душана, чтобы показать отношение болгарского (?) действующего феодального права к вопросу о закрепощении.

З. В. УДАЛЬЦОВА

НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние годы в нашей стране и за рубежом необычайно возрос общественный и научный интерес к проблемам культуры. Возрастание интереса к культуре и ее истории является отражением важных глубинных закономерностей развития современного мира. Вместе с тем все яснее становится необходимость теоретического осмысления важнейших проблем истории мировой культуры, в частности и византийской, как важного компонента единого динамичного процесса развития человеческого общества. Поэтому понятна острота дискуссий, развернувшихся по проблемам культуры в недавнее время.

Прежде всего, как это ни парадоксально на первый взгляд, ведутся оживленные споры по ключевому вопросу — что такое культура, какой смысл надо вкладывать в это понятие? Многозначность этого термина порождает немало дефиниций самого различного характера, от предельно «широких», «всеобъемлющих» до самых «узких». Не будем останавливаться на всех определениях, приведем лишь отдельные примеры. Так, некоторые ученые феномен культуры определяют как «способ человеческой деятельности», как «все, сделанное человеком, а не данное природой», как «совокупность надбиологических средств и механизмов адаптации общественного человека к окружающей среде». Эти определения культуры представляют высшую ступень абстракции¹. При всей широте и философской значимости этих определений, они, на наш взгляд, таят в себе опасность растворить в понятии «культура» всю историю человечества. Между тем культура — лишь часть общеисторического процесса, один из аспектов жизни общества.

Оживленные споры ведутся и по вопросу о том, включать ли в понятие «культура» материальную деятельность человека? Представители отдельных отраслей науки, вкладывая различные понимания в термин «культура», по-разному решают эту проблему. Этнографы полагают, что культура — это все, что сделано руками и разумом человека, в отличие от даров природы; археологи считают, что в это понятие входит прежде всего материальная деятельность людей, по которой можно судить также об их духовной жизни; историки и специалисты по отдельным отраслям культуры отождествляют «культуру» в первую очередь с духовной активностью общества. Этот вопрос, естественно, весьма спорный, и можно привести немало аргументов в пользу того или иного его разрешения²⁻³.

* Доклад, прочитанный в мае 1979 г. в Тбилиси на Международном симпозиуме, посвященном истории византийской культуры.

¹ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 11 и сл.; Файнбург З. И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития. — Изв. Северо-Кавказского науч. центра высш. школы, 1976, № 3.

²⁻³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 47—77; Маркарян Э. С. Теория

Может быть, однако, существует еще один путь в трактовке этой сложной проблемы. Материальная сфера культуры, по нашему мнению, не тождественна производству, а составляет созидательное, творческое, рациональное начало материальной деятельности человека. Это не само производство, не сами механизмы, машины или технология, а идеи и принципы, знания и творческие импульсы, вложенные человеком в их создание. Однако нельзя сводить понятие «культура» исключительно к духовной жизни общества, как это делают многие зарубежные ученые⁴. Думается, что в феномене «культура» органически сочетаются, сливаются воедино материальная и духовная сферы созидательной, творческой деятельности людей, направляемые разумом, трудом и талантом человека.

Византиноведению в целом и истории византийской культуры в частности очень повезло. История византийской культуры всегда была в поле зрения исследователей⁵. Здесь мы с удовлетворением можем назвать имена выдающихся ученых, внесших ценный вклад в историю византийской культуры. Среди зарубежных византинистов Запада следует особо выделить труды таких выдающихся ученых, как П. Лемерль, Г. Хунгер, Г.-Г. Бек⁶. Весьма плодотворны, на наш взгляд, разыскания известной французской византистки Э. Арвейлер в области политической идеологии византийского общества, которая трактуется в общем контексте социально-политической и культурной жизни Византии⁷. Последнее время особо пристальное внимание ученых привлекает культура поздней Византии⁸. Крупнейший греческий византист Д. А. Закитинос своими трудами пролил новый свет на развитие культуры греческого деспотата в Море и в Византии в эпоху Палеологов⁹. Проблемы византийского

культуры в системе общественных наук. — Изв. Северо-Кавказского науч. центра высш. школы, 1976, № 3; ср. Margaret T. Hogden. Antropology, History and Cultural Change. The University of Arizona Press. Tucson, 1974; Межуев В. М. Культура и история (проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). М., 1977.

⁴ См.: Kroeber A. J., Parsons T. The Concept of Culture and of Social System. — American Sociological Review, Oct. 1958, vol. 23; Parsons T. Culture and Social System Revisited. — In: The Idea of Culture in the Social Science. Cambridge. The University Press, 1973; Berkhofer R. F. Clio and the Culture Concept: Some Impression of a Changed Relationship in American Historiography. — Ibidem; ср.: Кертман Л. Е. К методологии изучения культуры и критике ее идеологических концепций. — Новая и новейшая история, 1973, № 3.

⁵ Библиографию работ по истории византийской культуры и искусства см.: Guillou A. La civilisation byzantine. Paris, 1974, p. 593—594; 603—605; Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970, S. 516—517; Haussig W. A History of Byzantine Civilization. London, 1971, p. 388—390; Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966; Она же. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978, с. 167—183.

⁶ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance dès origines au X-e siècle. Paris, 1971; Idem. Byzance au tournant de son destin. — In: Cinq études sur le XI-e siècle byzantin. Paris, 1977; Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Großen bis zum Fall Konstantinopels, 2. Ausgabe. Amsterdam, 1967; Idem. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz., Wien, Köln, 1965; Idem. Byzantinische Grundlagenforschung. Variorum Reprints. London, 1973; Idem. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts. — Actes du XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974, 1; Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971; Idem. Besonderheiten der Literatur in der Paläologenzeit. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971, p. 43—52; Idem. Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wien, 1974; Idem. Ideen und Realitäten in Byzanz. Gesammelte Aufsätze. London, 1972; Idem. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978.

⁷ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975.

⁸ На эту тему был проведен в октябре 1968 г. в Венеции специальный colloquium, организованный Международной ассоциацией византистов. — См.: Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971.

⁹ Zakynthinos D. A. Byzance: Etat—Société—Economie. London, 1973; Idem. Etats—Sociétés—Cultures. En guise d'introduction. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971, p. 1—12.

и итальянского гуманизма получили оригинальное разрешение в трудах недавно умершего видного итальянского византолога А. Пертузи¹⁰.

Духовная жизнь византийской элиты XIV в. по-новому предстала в сочинениях американского историка и филолога И. Шевченко¹¹. Ислам и религиозные течения в поздней Византии нашли своего глубокого исследователя и истолкователя в лице крупного американского византиста И. Мейендорфа¹².

Мы не имеем возможности перечислить здесь все множество работ западных византистов, посвященных более частным проблемам истории византийской культуры¹³. Хотелось лишь подчеркнуть, что исследования подобного рода являются давней и весьма позитивной традицией западного византиноведения.

Поистине безбрежна научная литература по истории византийского искусства. Из огромного числа работ зарубежных ученых следует выделить прежде всего труды таких крупнейших западных исследователей, как А. Грабар, А. К. Орландос, К. Вейцман, О. Демус, Д. Талбот-Райс¹⁴. За последние годы видное место среди историков византийского искусства заняли М. Хадзидакис, К. Манго, Г. Белтинг и другие¹⁵.

Разработка важнейших проблем византийской культуры находится постоянно в поле зрения византистов социалистических стран. Предметом многолетних исследований видного восточногерманского историка и филолога И. Ирмшера являются проблемы становления и развития византийской литературы, изучение ее связей с социальной структурой

общества¹⁶. Взаимосвязи византийской культуры и культуры славянских народов глубоко изучены в многочисленных трудах болгарских ученых Д. Ангелова и И. Дуйчева, югославских историков искусства Дж. Бошковица, С. Радойича и многих других¹⁷.

В советской историографии мы видим целую плеяду выдающихся ученых, посвятивших свои изыскания истории византийской культуры и ее связям с культурой Древней Руси, Западной Европы, славянских стран и народов Закавказья.

Непреходящее значение для византиноведения имеют труды замечательного советского ученого В. Н. Лазарева. Его исследования по истории искусства Византии, Древней Руси и Италии эпохи Возрождения по праву занимают выдающееся место в мировой искусствоведческой науке. Вместе с тем они непосредственно связаны со всей историей культуры Европы в средние века¹⁸.

Видное место в разработке проблем истории византийского и древнерусского искусства занимают произведения известных советских ученых М. В. Алпатова и Н. И. Брунова¹⁹. Пониманию особенностей византийской культуры и ее связей с древнерусской помогают труды крупнейших советских ученых Б. А. Рыбакова и Д. С. Лихачева²⁰.

Советские византисты старшего поколения весьма плодотворно разрабатывали важнейшие проблемы византийской культуры применительно к определенным хронологическим периодам. Прежде всего хочется

¹⁰ Pertusi A. Leonzio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Venezia; Roma, 1964; *Idem*. Storia della umanistica e mondo Bizantino. Palermo, 1967; *Idem*. In margine alla questione dell'umanesimo bizantino: il pensiero politico del cardinal Bessarione e i suoi rapporti con il pensiero di Giorgio Gemisto Plethone. — RSBN, NS, 1968, N 5.

¹¹ Sevchenko I. Society and intellectual life in the XIV-th century. — Actes du XIVe Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974, 1, p. 69—92; *Idem*. Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Chumnos. Bruxelles, 1962; *Idem*. Théodore Métochites, the Chora and the intellectual trends of his time. — In: The Kariye Djami/Ed. P. A. Underwood. Princeton, 1975, vol. IV.

¹² Meyendorff I. Les débuts de la controverse hésychaste. — Byz., 1953, 23; *Idem*. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959; *Idem*. Society and culture in the fourteenth century. Religious problems. — Actes du XIVe Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974; *Idem*. Spiritual trends in Byzantium in the late thirteenth and early fourteenth centuries. — In: Art et société à Byzance sous les Paléologues p. 55—71.

¹³ Хотелось бы лишь отметить работы французского историка А. Гийю по истории византийской культуры в Италии: Guillou A. Aspects de la civilisation byzantine. Notes sur quelques travaux récents. — Annales, 1969, 24; *Idem*. Demography and culture in the Exarchate of Ravenna. Spoleto, 1970.

¹⁴ Назовем лишь их главные работы: Grabar A. La peinture byzantine. Genève, 1953; *Idem*. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936; *Idem*. Christian iconography. Washington, 1968; *Idem*. Sculptures byzantines de Constantinople. Paris, 1963; *Idem*. Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne (IX—XIe s.). Paris, 1972; *Idem*. Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines du moyen âge. Venise, 1975; Orlandos A. C. 'Αρχαῖον Βυζαντινὸν Μνημεῖον τῆς Ἑλλάδος, τ. 1—3. 'Αθήναι, 1935—1937; *Idem*. La basilique paléochrétienne couverte en bois. Athènes, 1950—1957 2 v.; *Idem*. Quelques notes complémentaires sur les maisons paléologues de Mistra. — In: Art et société à Byzance, p. 75—82; Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX—X Jahrhunderts. Berlin, 1935; *Idem*. The Joshua Roll. A work of the Makedonian Renaissance. Princeton, 1948; *Idem*. Geistliche Grundlagen und Wesen der makedonischen Renaissance. Cologne. Opladen, 1963; *Idem*. Studies in classical and byzantine manuscript illumination. Chicago, London, 1971; Demus O. Byzantine art and West. New York, 1970; *Idem*. Byzantine Mosaic Decoration. London, 1948; Talbot Rice D. The Art of Byzantium. London, 1959; *Idem*. Byzantine painting. The Last Phase. London, 1968; *Idem*. Art of the Byzantine Era. London, 1963.

¹⁵ Chatzidakis M. Classicism et tendances populaires au XIVe siècle. — Actes du XIVe Congrès Intern. des études byzantines. Bucarest, 1974, 1, p. 153—188; Mango C. The Art of the Byzantine empire. Sources and documents. New York, 1972; Belting H. Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970; *Idem*. Die Auftraggeber der spätbyzantinischen Bildhandschrift. — In: Art et société à Byzance, p. 151—176.

¹⁶ Irmscher I. Der Hellenismus im Geschichtsverständnis der Byzantiner. — In: Soziale Probleme im Hellenismus und in Römischen Reich. Prag, 1973, S. 37—62; *Idem*. Geschichtsschreiber der Justinianischen Zeit. Rostock, 1969; *Idem*. Über die Weltanschauung des Agathias. — Studia Patristica, 1966, IX; *Idem*. Die poetische Ekphrasis als Zeugnis Justinianischer Kulturpolitik. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich Schiller Universität. Jena, 1965, 14. Jan.

¹⁷ Упомянем лишь наиболее важные работы этих исследователей: Ангелов Д. Богомилство в България. София, 1969; *Он же*. Кирил и Методий и византийската култура и политика. — В кн.: Сборник в чест на Кирил и Методий. Хиляда и сто години на славянската писменост, 863—1963. София, 1963; Dujčev I. Les rapports littéraires entre Byzance et les Slaves pendant le haut moyen âge. — В кн.: Славянские культуры и Балканы. София, 1978, 1, с. 229—238; *Он же*. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX и др.; Бошковић Б. Архитектура средњег века. Београд, 1962; Kasānin Milan, Bošković Djurdje, Mijović Pavle. Le monastère de Žiča, Histoire architecture, peinture. Beograd, 1969; Radojčić Sv. Icones de Serbie et de Macédoine. Beograd, 1962; *Idem*. Iconi di Serbia e Macédonia. — Silvana, 1967, 17.

¹⁸ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947—1948, т. I—II; *Он же*. Феофан Грек и его школа. М., 1961; *Он же*. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, 1960, 17, с. 93—104; *Он же*. Мозаики Софии Киевской. М., 1960; *Он же*. Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. М., 1973; *Он же*. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978 (издано посмертно). О жизни и творчестве В. Н. Лазарева и библиографию его трудов см.: ВВ, 1968, 29, с. 3—31; Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973, с. 5—30.

¹⁹ Алпатов М. В. Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве. — Труды секции искусствознания. М., 1928, II, с. 108—112; *Он же*. Проблемы изучения византийской живописи. — В кн.: Этюды по истории русского искусства. М., 1967; *Он же*. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси. — ТОДРЛ, 1956, XII; *Он же*. Вопросы изучения и истолкования древнерусского искусства. — Искусство, 1967, 1, с. 64—70; *Он же*. Памятник древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964; Брунов Н. И. Архитектура Константинополя IX—XII вв. — ВВ, 1949, 2, с. 150—214; *Он же*. Архитектура Византии. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. Л.; М., 1966, т. 3, с. 16—160.

²⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Он же*. Русское прикладное искусство. Л., 1971; *Он же*. Первые века русской истории. М., 1964; *Он же*. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. — В кн.: История русского искусства. М., 1953, т. 1; *Он же*. Искусство древних славян. — Там же; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1970; *Он же*. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; *Он же*. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.

отметить работы М. Я. Сюзюмова, Е. Э. Липшиц, С. Т. Еремяна, С. Г. Каухчишвили, Н. Н. Кечакмадзе, Е. Э. Гранстрем²¹.

В сфере изучения истории искусства Византии, Древней Руси, Грузии и Армении значительный вклад внесен известными советскими учеными Ш. Я. Амиранашвили, Н. Н. Ворониным, Г. К. Вагнером, А. В. Банк и многими другими²².

В последние десятилетия в нашей стране круг исследователей различных отраслей византийской культуры заметно расширился, усложнилась проблематика их изысканий, менялась методика, намечались новые подходы к разрешению спорных и трудных проблем. В центре внимания ученых находилась такая кардинальная проблема, как рождение византийской культуры²³. Ценный вклад в решение этой проблемы внесли советские литературоведы, и прежде всего С. С. Аверинцев²⁴. Появились первые работы по византийской эстетике²⁵. Сделан важный шаг в изучении отдельных жанров византийской литературы и творчества выдающихся деятелей культуры Византии²⁶. Большой интерес читателей вызвали работы С. В. Поляковой и А. Д. Алексидзе о византийском романе²⁷. Создана первая в советской историографии обобщающая работа И. П. Медведева по византийскому гуманизму²⁸.

²¹ Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. — ВО, 1916; *Он же*. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗСГПИ, 1948, т. 4; *Он же*. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 1973, 35, с. 3—18; О жизни и творчестве М. Я. Сюзюмова и библиографию его трудов см.: АДСВ, № 10 (К 80-летию профессора М. Я. Сюзюмова). Свердловск, 1973, с. 4—20; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—первая половина IX века). М.: Л., 1964; *Она же*. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976; Еремян С. Т. Культура Армении III—IX вв. — В кн.: Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1954; Кавказ и Византия/Сб. статей под ред. С. Т. Еремяна. Ереван, 1979; Каухчишвили С. Г. Georgica. Тбилиси, 1934—1967, т. I—VII; *Он же*. История греческой литературы, т. III. Литература византийского периода. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; Метрели Е. П. Материалы к истории иерусалимской грузинской колонии (XI—XVII вв.). Тбилиси, 1962. На груз. яз.; *Она же*. Две древние редакции грузинского Ирмология (по рукописям X—XI веков). Тбилиси, 1971. На груз. яз.; Кечакмадзе Н. Н. Из истории общественной мысли в Византии в XI в. — ВВ, 1968, 29, с. 170—176; *Она же*. Иоанн Итал. Сочинения. Тбилиси, 1966. На груз. яз.; Гранстрем Е. Э. Унциальный период византийской письменности. — ВВ, 1968, 29; *Она же*. К вопросу о византийском минускуле. — ВВ, 1958, 13; *Она же*. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — ВВ, 1956, 8; *Она же*. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. I—VIII. — ВВ, 1959, 16—1971, 32; *Она же*. О некоторых приемах оформления византийских рукописей. Доклад на международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

²² Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1963, библ. — с. 417—427; *Он же*. Грузинская миниатюра. М., 1966; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961; Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964; *Он же*. Скульптура древней Руси. Владимир—Боголюбково. XII в. М., 1969; *Он же*. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974; Банк А. В. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960; *Она же*. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966; *Она же*. Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М., 1978 (библ. — с. 167—183). А. В. Банк была одним из главных организаторов выставки византийского искусства в Ленинграде и Москве в 1976—1977 гг. См.: Искусство Византии в Собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977, вып. I—III.

²³ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974.

²⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; *Он же*. На перекрестке литературных традиций (византийская литература: истоки и творческие принципы). — ВЛ, 1973, № 2; *Он же*. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 17—64. См. также: Византийская литература/Под ред. С. С. Аверинцева. М., 1974.

²⁵ Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977.

²⁶ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978.

²⁷ Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979; Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа XIII—XIV вв. Тбилиси, 1979.

²⁸ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.

Значительно возрос интерес советских ученых к специальным дисциплинам: греческой палеографии, сфрагистике, нумизматике, кодикологии²⁹. В наших периодических изданиях, и прежде всего в «Византийском временнике», публикуется все большее число статей по этой проблематике. Продолжается разработка важнейших проблем византийского искусства³⁰.

Ценные сведения о культурных связях Византии с Грузией, Арменией, Древней Русью можно почерпнуть из новейших работ по искусству и художественным ремеслам этих областей³¹.

Все сказанное является, на наш взгляд, достаточно убедительным подтверждением возрастания интереса и расширения масштабов исследовательских работ по истории византийской культуры как в нашей стране, так и за рубежом.

Успехи в изучении византийской культуры не исключают, однако, того, что и в этой отрасли знания осталось еще немало спорных и нерешенных проблем.

Одним из вопросов, волнующих в настоящее время советских византистов, является вопрос о необходимости исследования не только отдельных отраслей культуры, но и создания общей концепции культурно-исторического процесса.

Конечно, мы отнюдь не хотим умалить заслуг специалистов, изучающих различные аспекты культурной жизни византийского общества. Более того, мы считаем весьма полезным продолжение изысканий в этих областях византиноведения. Однако рассмотрение специальной византиноведческой литературы по данной проблематике показывает, что до недавнего времени в византиноведческой науке единый взаимосвязанный процесс развития византийской культуры распадался на большое число зачастую изолированных элементов. Отдельно рассматривалась история науки и техники, философии, религии, общественной мысли, письменности и образования, языка и литературы и, наконец, всех видов искусства. Каждому разделу культуры отводилось свое место, но общий динамичный процесс рождения, расцвета и упадка византийской культуры зачастую ускользал от исследователей³².

Картина стала меняться лишь в последние годы: появились синтетические труды, в которых делаются попытки интеграции отдельных отраслей византийской культуры в единое целое. Однако, как правило, подобные попытки предпринимались в рамках истории византийской цивилизации. При этом по традиции, сложившейся в зарубежной историографии, понятие «цивилизация» трактуется в самом широком смысле и включает

²⁹ Фонкис Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.

³⁰ Полевой В. М. Искусство Византии. — В кн.: Всеобщая история искусств. М., 1960, т. II, кн. 1; *Он же*. Искусство Греции. Средние века. М., 1973; Лихачев В. Д. Византийская миниатюра. Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в Собраниях Советского Союза. М., 1977; *Она же*. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976; Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978.

³¹ Алибегашвили Г. Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги XI—нач. XIII в. Тбилиси, 1973; Мепишасchwili R., Zinzadse W. Die Kunst des alten Georgien. Leipzig, 1977; Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971; Армянская миниатюра. Ереван, 1969; Жанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина X—XIII вв. Ереван, 1974; Даркевич В. П. Путиями средневековых мастеров. М., 1972; *Он же*. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975; *Он же*. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX—XIII вв. (по материалам художественного ремесла). М., 1976; Древнерусская живопись. Новые открытия. М., 1966; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

³² Runciman St. Byzantine Civilization. London, 1933; The Cambridge Medieval History, IV: The Byzantine Empire, pt. 2. Government, Church and Civilization. Cambridge, 1967.

различные стороны жизни Византийской империи: политику, экономику, социальную структуру, государство, церковь и т. п.; собственно история культуры зачастую тонет в обилии общеисторического материала ³³.

Наибольшая интеграция различных элементов культуры достигнута, пожалуй, лишь в фундаментальном сочинении известного французского византиниста А. Гийу — «Византийская цивилизация», являющемся, бесспорно, лучшей из ныне существующих работ подобного жанра ³⁴.

Однако новая стадия развития византиноведческой науки, накопление огромного фактического материала, критические издания источников, новые методы исследований настоятельно требуют от ученых не только интеграции отдельных отраслей византийской культуры, но и органического их синтеза. Для этого необходимо создание общей теории культуры, определение основных закономерностей и генерализующих факторов ее динамичного развития. Это главная еще во многом нерешенная проблема, которая стоит перед историками средневековой культуры в целом ³⁵ и византийской в частности.

Вместе с тем необходимо помнить, что в историко-культурном процессе раскрываются общие закономерности развития культуры, являющиеся, в свою очередь, не только отражением, но и выражением в специфической форме общеисторических законов.

И здесь мы подходим к одному из самых сложных теоретических вопросов — к вопросу о соотношении исторических законов и более частных закономерностей развития культуры. Перед учеными встает крайне трудная задача выяснить, в какой степени эволюция культуры определяется закономерностями социально-экономического и политического характера, каков механизм воздействия социально-экономических факторов на явления культуры.

В марксистской науке установлено, что изменения в культуре в конечном счете отражают коренные перемены в социально-экономической структуре общества. Закономерности культурно-исторического процесса вторичны по сравнению с законами социально-экономического развития человечества. Но механизм этих связей крайне сложен, зачастую противоречив и недостаточно изучен в науке. Еще Ф. Энгельс писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая» ³⁶.

Некоторые формы культурной жизни непосредственно детерминированы особенностями той или иной общественной формации и исчезают вместе с ними. Другие во многом сохраняются в своей неповторимой ценности и переходят в наследство последующим поколениям. Однако в конечном счете кардинальные формационные сдвиги, закономерная смена общественных формаций подчиняют главные направления развития культуры, определяют ее формационные особенности, хотя это и не исключает сохранения отдельных субстратов культуры в нескольких различных формациях. Но культура сохраняет и известную автономию в общем процессе исторического развития человечества. Сфера культуры — относительно саморазвивающаяся система, основной функцией которой является обеспечение рационального и эстетического прогресса в различных

областях человеческой деятельности. В длинной цепи связей между экономическим базисом общества и его культурой можно отметить несовпадение ритма, а иногда и направления движения того и другого. В обществе наибольшая подвижность присуща средствам производства, наименьшая — некоторым субстратам культуры. В истории хорошо известны расхождения во времени, иногда значительные, между фазами подъема и упадка способов производства и фазами расцвета и увядания явлений культуры.

Периодизация истории культуры не всегда бывает тождественна с периодизацией истории общества. Иногда она строго не совпадает с переломными историческими моментами, имея более дробное деление.

Все эти основные положения марксистско-ленинской теории, безусловно, всецело применимы и к истории византийской культуры. Но как эти закономерности проявляются в исторически данных культурах различных регионов, стран, народов? И здесь необходимо обратиться к определению того частного, особенного, неповторимого, в чем проявляется реальная жизнь данной культуры. При этом очень важно сохранить многоплановость, красочность мира, выявить тончайшие проявления умственной и духовной жизни общества и человеческой личности. Человек, представитель данной страны, эпохи, народа, класса, должен постоянно присутствовать в историко-культурных исследованиях. Не «обезлюдить» историю культуры — вот задача, стоящая перед всеми историками культуры и перед византинистами в частности.

Ключом к пониманию как общих закономерностей, так и специфических особенностей того или иного общества и его культуры могут служить, на наш взгляд, типологические построения. В последние годы явно возрастает интерес к изысканиям подобного рода. Делаются попытки вычленивать из целостного культурно-исторического процесса развития мировой культуры так называемые исторические типы культур ³⁷.

Нам кажется весьма плодотворным применение метода типологизации и к истории византийской культуры. Выявление общего и особенного в византийской культуре по сравнению с Востоком и Западом, установление синхронности и асинхронности развития культуры этих регионов, их сходства и различия, противоборства и взаимовлияния, поможет в конечном счете определить не только тип византийской культуры, ее исторический «образ», но и ее место в культурной жизни средневекового мира.

Вместе с тем мы сознаем, что при создании «типа», «образа» культуры Византии как целостной социокультурной системы исследователей подстерегает опасность подмены полнокровного динамичного культурно-исторического процесса статичной, порою даже искусственной «моделью» византийской культуры. При построении типологии византийской культуры необходимо, с одной стороны, избежать сухих, абстрактных схем, оторванных от реальной действительности теорий, умозрительных концепций, но, с другой стороны, очень важно не утопить в мелочах общие закономерности ее исторического развития.

«Для исторической науки существенный интерес представляет именно конкретное исследование сложной, многоцветной ткани исторического процесса, его зигзагообразности и многовариантности, за которыми в конечном счете выступает ведущая тенденция — объективная закономерность» ³⁸. Было бы наивным упрощением выводить то или иное частное явление культуры непосредственно из экономики или политики, но столь же неправомерно отрывать главные тенденции эволюции культуры от общественных условий, ее породивших.

³³ Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970; Haussig H.-W. A History of Byzantine Civilization. London, 1971.

³⁴ Guillou A. La civilisation byzantine. Paris, 1974. В этой книге в понятие «византийская цивилизация» включены такие большие разделы, как государство, общество, хозяйство, культура, им предпослан очерк о природных условиях империи; политическая история Византии в книгу правомерно не включена.

³⁵ Интересные теоретические вопросы средневековой культуры выдвинуты в работах А. Я. Гуревича: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Он же. Время как проблема истории культуры. — Вопросы философии, 1969, № 3; и др.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 176.

³⁷ Типология и периодизация культуры Возрождения/Сб. статей под ред. В. И. Рутенбурга. М., 1978.

³⁸ Жуков Е. М. Некоторые проблемы методологии истории. М., 1977, с. 8.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В советской византиноведческой науке в последние десятилетия все большее признание получают исследования типологического характера. В этом аспекте трактовались советскими учеными проблема генезиса феодализма в Византии³⁹, история византийского города⁴⁰, и, наконец, была сделана попытка создания типологии феодализма в Византийской империи⁴¹.

Все яснее вырисовывается картина типологических особенностей общественного строя Византии, что открывает перспективы для построения типологии византийской культуры. Ведь типологические черты византийской культуры, ее неповторимое своеобразие, естественно, во многом определялись историческими судьбами и спецификой общественного строя Византийской империи. Прочной основой для типологических изысканий служат также многочисленные труды по истории культуры Византии, вышедшие в нашей стране и за рубежом.

Исходя из этого, мы попытаемся высказать здесь самые предварительные, во многом еще гипотетические соображения о типологических особенностях византийской культуры в сравнении с культурой средневекового Запада и Востока.

Для выделения византийской культуры из всей средневековой культуры Европы, Переднего и Ближнего Востока важным ориентиром являются три фактора: в Византии существовала языковая и конфессиональная общность в рамках единого государственного образования. При всей многоэтничности Византийской империи она имела одно главное этническое ядро — греков, в ее культурной жизни преобладал греческий язык. В Византии господствовала христианская религия в ее православной форме, всегда сохранялась устойчивая государственность.

Это, конечно, не исключает того, что византийская культура не только оказала воздействие на обширный ареал соседних стран, но и сама подвергалась постоянному влиянию как племен и народов, населявших ее, так и сопредельных государств. На территории Византии происходило взаимодействие культур народов с весьма различным общественным строем, близких и далеких по этносу и языку, обычаям и нравам. Поэтому так важно установление локальных различий в культуре отдельных областей империи (Малая Азия, Египет, Сирия, Балканы, области Причерноморья, Закавказья и др.).

Роль ведущей греко-римской культуры в истории народов империи и соседних с ней стран может быть до конца понята лишь в контексте взаимодействия культур, а не одностороннего воздействия на них более вы-

сокой византийской культуры⁴². При этом необходимо учитывать ослабление византийского культурного влияния не только по мере территориальной отдаленности того или иного народа, но и в прямой связи с уровнем развития его собственной культуры, степени ее самобытности и устойчивости местных традиций⁴³.

Не менее сложен вопрос о взаимодействии культур народов одного уровня развития. При изучении типологических отличий той или иной культуры чрезвычайно важно установить, являются ли специфические черты данной культуры результатом проявления внутренних, имманентных ей закономерностей развития или выражением стадийальных различий, присущих культуре народов, находящихся на определенной стадии общественного прогресса, а также выявить, какую роль при этом играют внешние влияния.

Византия в течение своего тысячелетнего существования встречалась с внешними мощными культурными импульсами, исходившими от народов близкой ей стадии развития. Это прежде всего были культуры стран Востока, Ирана, Египта, Сирии, Закавказья, а позднее латинского Запада и Древней Руси. В период взаимодействия этих культур явственно проявились общие закономерности эволюции культуры одной феодальной формации при сохранении в данном случае специфики каждой страны.

С другой стороны, Византии приходилось вступать в разнообразные культурные контакты с народами, стоящими на несколько или на значительно более низкой стадии общественного развития (византийцы обычно третировали эти народы, называя их «варварами»). Самобытность культуры этих народов в свою очередь отражала определенную степень их общенациональной и культурной эволюции⁴⁴. Не останавливаясь на всех аспектах этой обширной и чрезвычайно сложной проблемы, подчеркнем необходимость самого пристального изучения культурных влияний не только в районах совместного обитания разных народов, но и в контактных зонах⁴⁵. Самым малоизученным и трудным аспектом этой проблемы является выяснение не только степени и характера влияния византийской культуры, но и обратного влияния культуры этих народов на византийское общество.

Весьма важную роль в складывании византийской культуры, по нашему мнению, сыграли длительные и многообразные контакты с народами Востока. Географическое положение Византии, раскинувшей свои владения на двух континентах — в Европе и Азии, а порою простиравшей свою власть и на области Африки, во многом определяло необходимость и неизбежность подобных контактов⁴⁶.

Постоянное раздвоение между восточным и западным миром, скрещение азиатских и европейских влияний стало историческим уделом Византии. Слияние греко-римских и ближневосточных традиций наложило

³⁹ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — В кн.: ВО, II. М., 1971, с. 3—25; Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе историков в Москве. М., 1970; Удальцова З. В. Генезис и типология феодализма. — СВ, 1971, № 34, с. 13—38; Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период. — АДСВ, 1972, VIII, с. 3—41; Он же. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ, 1974, 35, с. 3—18.

⁴⁰ Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи. — ВВ, 1969, 30, с. 3—37; Вернер Э. Византийский город в эпоху феодализма. Типология и специфика. — ВВ, 1976, 37, с. 8—12.

⁴¹ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 124—157; Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. — Там же, с. 107—123; Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 3—30; Удальцова З. В. Византизм и Западная Европа (типологические наблюдения). — В кн.: ВО, III. М., 1977, с. 3—65; Udalzowa Z. Einige Besonderheiten des Feudalismus in Byzanz. — Gesellschafts-Wissenschaften. М., 1978, 2 (12), S. 192—206.

⁴² Лазарев В. Н. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, 1960, 17, с. 93—104; Он же. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.) Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970.

⁴³ Удальцова З. В. Русско-византийские культурные связи. Доклад на XIII Международном конгрессе в Оксфорде в 1966 г. — Proceedings of the XIIIth international Congress of byzantine Studies (5—10 September 1966). London; New York; Toronto, 1967, p. 81—91.

⁴⁴ Даркевич В. П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX—XIII вв.; Он же. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975; Он же. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1963.

⁴⁵ Королюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. . . , с. 158—184.

⁴⁶ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. . . , с. 132—133; Guillou A. La civilisation byzantine, p. 19—100.

отпечаток не только на общественную жизнь, государственное устройство и социальную структуру, но и на религиозно-философские идеи, политические доктрины, культуру и искусство византийского общества. Византийская культура при этом отнюдь не была механическим смешением греко-римских и ближневосточных компонентов с преобладанием в отдельные эпохи то одних, то других. Она была плодом реального, полнокровного синтеза, в результате которого создавалась новая, неповторимая, совершенно особая в своей самобытности и не имеющая исторических аналогий культура, в свою очередь оказавшая длительное воздействие на культуру многих сопредельных стран и народов.

Вклад культуры народов Востока в формирование и развитие византийской цивилизации по-разному оценивается в византиноведческой науке. Теория «восточных влияний» имеет как своих горячих адептов⁴⁷, так и не менее решительных противников⁴⁸. Особо подчеркивается различная степень интенсивности воздействия восточных элементов в отдельные периоды истории византийского общества.

Думается, что не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значение восточных традиций как одного из составных компонентов византийской культуры. В типологическом аспекте, интересующем нас, кажется бесспорным, что греческая, вернее, греко-римская в своей основе, византийская культура в процессе своего становления и развития значительно обогатилась элементами культуры народов Востока, что придавало ей тот неповторимый колорит, который так отличает ее от культуры Западной Европы⁴⁹. Поэтому первой, на наш взгляд, и важнейшей типологической особенностью византийской культуры, особенно, проходящей красной нитью через всю историю Византии, является синтез западных и восточных элементов в разных сферах материальной и духовной жизни общества.

При определении общего и особенного в культуре разных стран и народов, в частности в византийской культуре, мы встречаемся еще с одним крайне важным вопросом — вопросом о роли традиций и новаторства в культурно-историческом процессе. Ведь известно, что одним из главных условий поступательного развития культуры является непрерывность передачи опыта, знаний, навыков от поколения к поколению. Сохранение вековых традиций, культурного наследия того или иного народа помогает обнаружить не только различия между культурно-историческими эпохами, социоэтническими общностями, но и выявить преемственные (временные и пространственные) связи между ними. Традиции, стереотипы, повторяющиеся явления в культуре на первый взгляд противостоят индивидуальному, творческому началу, но в конечном счете помогают его саморазвитию. Изучение в культуре традиционных явлений, стереотипности в то же время помогает пониманию причин рождения новых индивидуальных черт в культурной жизни общества.

Для византийской культуры проблема культурного наследия, в частности наследия античности, как известно, играет первостепенную роль. Сила традиций, стереотипов, канона в византийской культуре была очень велика, хотя и менялась в различные периоды византийской истории. Византийская цивилизация в отличие от западноевропейской в тревожные времена варварских нашествий во многом оставалась последним оплотом

греко-римской культуры и образованности. Как византийская государственность устояла под натиском варваров, так и византийская культура сумела противостоять волне варварских влияний.

Основные причины длительного переживания в Византии античных элементов во всех сферах жизни общества надо искать, по нашему мнению, в типологических особенностях общественного строя империи. Главными типологическими чертами социально-экономического развития Византии, на наш взгляд, были длительное сохранение рабства, прочность сельской общины, медленное развитие феодализма по сравнению с Западом. Эти особенности общественного строя Византийской империи складывались еще в эпоху генезиса феодализма, в период, когда происходило зарождение и оформление византийской культуры⁵⁰.

Генезис феодализма в Византии происходил на основе синтеза элементов разлагающейся рабовладельческой формации с феодальными отношениями, вызревавшими внутри византийского государства, однако с явным превалированием античных начал, унаследованных от поздней Римской империи⁵¹. Эта кардинальная особенность формирования средневекового общества в Византии, естественно, оказала определяющее воздействие и на характер византийской культуры.

И здесь, как в сфере взаимодействия «восточных» и «западных» влияний, на наш взгляд, произошел органический синтез позднеантичных элементов с нарождающейся культурой средневекового общества, что принимало форму сближения и отталкивания, борьбы и слияния, взаимопроникновения и взаимообогащения античной и христианской культур⁵².

Если на Западе, как известно, замечательные произведения античности были преданы забвению и для их возрождения к новой жизни потребовались столетия, то в Византии античное культурное наследие по существу никогда не переставало существовать, хотя и подвергалось глубокому переосмыслению⁵³.

Особенно интенсивный синтез позднеантичной и зарождающейся средневековой христианской культуры происходил в Византии IV—VII вв. Становление византийской культуры протекало в обстановке полной острейших противоречий идейной жизни ранней Византии⁵⁴. Это было время, когда складывались основы идеологии византийского общества, оформлялась система христианского мирозерцания. Формирование христианства как философско-религиозной системы было, как известно, сложным и длительным процессом. Христианское вероучение синтезировало, впитало в себя многие философские и религиозные учения той эпохи. Христианская догматика складывалась под сильным воздействием не только ближневосточных религиозных учений, иудизма, манихейства, но и неоплатонизма, восходящего к философии Платона, перипатетиков⁵⁵.

Мистический и теистический характер философской системы неоплатоников, их этические воззрения перекликались с христианским аскетизмом, открывали путь к сближению этих учений. Догмат о троичности

⁵⁰ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — В кн.: ВО, II, с. 13—20.

⁵¹ Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы, с. 1—3.

⁵² Удальцова З. В. Из истории византийской культуры раннего средневековья. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. статей к 80-летию академика С. Д. Сказкина. М., 1972, с. 260—276; Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 5 сл.

⁵³ Античность и Византия/ Сб. статей под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975; Алпатов М. В. Проблемы изучения византийской живописи. — В кн.: Этюды по истории древнерусского искусства. М., 1967, т. 1, с. 26—41.

⁵⁴ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии, с. 3—5, 319—328.

⁵⁵ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 71 сл.; Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 9 сл.; Mathew G. Byzantine Aesthetics. London, 1963.

⁴⁷ Айялов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, 1971, p. 70, 85, 194; Haussig H.-W. A History of Byzantine Civilization, p. 168—174, 332—343.

⁴⁸ Lemerle P. Le premier humanisme byzantin, p. 22—37.

⁴⁹ С. С. Аверинцев убедительно показывает в своей книге влияние восточных элементов на византийскую культуру и призывает к дальнейшему изучению этой проблемы (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 246—249).

божества, один из центральных догматов христианского вероучения, — это по существу переосмысленная триада неоплатоников⁵⁶. Однако христианство, несмотря на наличие общих с манихейством и неоплатонизмом черт, принципиально отлично и от манихейского дуализма, и от неоплатоновского монизма. Оставляя в стороне сложные вопросы христианской догматики, мы хотим подчеркнуть, что само христианство являлось не только синкретическим религиозным учением, но и синтетической философско-религиозной системой, важным компонентом которой были античные философские учения. Это, быть может, объясняет в какой-то мере и то, что христианство не только боролось против античной культуры, но и использовало ее в своих интересах. На смену ритористической непримиримости раннего христианства, отрицавшего все, на чем стояло клеймо язычества, постепенно приходит известный компромисс между античным и христианским мирозерпанием.

Наиболее образованные и дальновидные христианские богословы поняли необходимость овладения всем арсеналом языческой культуры, использования ее филигранной формы при создании новых философских и эстетических концепций. В патристической литературе ранневизантийской эпохи, в трудах Василия Кесарийского, Григория Нисского и Григория Назианзина, в речах Иоанна Златоуста мы видим сочетание идей раннего христианства с неоплатонической философией, порой парадоксальное переплетение античных риторических форм с новым идейным содержанием. Христианские богословы, писатели, проповедники все чаще и чаще заимствуют у поздней античности импонирующую простоту и пластичность философской прозы, отточенные методы неоплатонической диалектики, логику Аристотеля, психологизм и искристое красноречие античной риторики. Постепенно происходит подспудная реабилитация классического образования и античной литературы; в школах наряду с Библией изучают Гомера⁵⁷.

В переходную эпоху гибели рабовладельческого и становления феодального общества коренные сдвиги происходят во всех сферах духовной и материальной культуры Византии. Рождается новая эстетика, возникает новое понимание мира, более соответствующие складу мышления и эмоциональным запросам средневекового человека.

Меняется и сам средневековый человек, его видение мира, его отношение к вселенной, природе, обществу. Создается новый по сравнению с античностью «образ мира», воплощенный в особую знаковую систему символов. На смену античному представлению о героической личности, античному видению мира как мира смеющихся богов и бесстрашно идущих на смерть героев, мира героической непреклонности и философской невозмутимости, мира, где высшее благо — ничего не бояться и ни на что не надеяться, приходит мир страждущего, униженного, раздираемого противоречиями, стенающего в слезах от боли маленького, греховного человека. Он бесконечно унижен и слаб, но он бесконечно велик, ибо безгранично верит в свое спасение в иной жизни и в своей ослепительной надежде сохраняет высокое человеческое достоинство⁵⁸.

Если классическое античное представление о человеке было статуарно-замкнутым, целостно-пластичным, то христианство с небывалой интенсивностью выявляет мучительное раздвоение внутри человеческой личности. Меняется и представление человека о космосе, о времени и пространстве, о ходе истории: на смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, обусловленное волей бога,

библейское видение поступательного движения истории средневековых историков и хронистов⁵⁹. Усиливается дидактический, «учительский» элемент во всех сферах культуры; слово и книга, знак и символ, пронизанные религиозными мотивами, занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи⁶⁰. Расшифровать этот язык, понять глубину его символики, прочесть скрытые официальными стереотипами мысли и представления византийского человека, его этические и эстетические взгляды, проникнуть в его сознание означает раскрыть человеческое содержание в византийской культуре, увидеть человека Византии в его социально-культурной обусловленности.

Вся духовная жизнь общества отличается драматической напряженностью, в империи бушуют тринитарные и христологические споры, идет борьба господствующей церкви с ересями⁶¹. Вместе с тем во всех сферах знания, в литературе, искусстве наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой. Эпоха становления новой, средневековой культуры рождает талантливых, порою отмеченных печатью гениальности мыслителей, писателей, поэтов (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец и др.). Индивидуальность художника еще не растворилась в церковно-догматическом мышлении. Интимная биографичность, глубочайший самоанализ, смятенность душевных переживаний характерны для некоторых поэтических произведений того времени. Так, психологизм и душевная открытость поэзии Григория Назианзина перекликаются со знаменитой на Западе «Исповедью» Августина. Патристическая литература, библейская космография, литургическая поэзия, всемирная хроника, христианская агиография приходят на смену античной литературе и овладевают умами византийского общества⁶².

В художественное творчество из народной среды все сильнее проникают стихийный темперамент, цельность и наивность восприятия мира, искренность и эмоциональная приподнятость нравственных оценок (агиография), сильная народная струя ощущается в литургической поэзии, где в это время рождается рифма, ломается античная метрика, торжествуют новые эстетические идеалы, в частности в творчестве Романа Сладкопевца⁶³.

Коренные изменения происходят и в сфере изобразительного искусства. Византийское искусство генетически восходит к эллинистическому и восточнохристианскому художественному творчеству. В ранний период в византийском искусстве как бы слились воедино рафинированная пластичность и трепетная чувственность позднеантичного импрессионизма с наивной, порою грубоватой экспрессивностью народного искусства Востока. Эллинизм долго оставался главным, хотя и не единственным источником, откуда византийские мастера черпали изящество форм, правильность пропорций, чарующую прозрачность колористической гаммы. Испытав воздействие египетских, сирийских, малоазийских, иранских художественных традиций, византийские художники, однако, уже в VI—VII вв. смогли не только впитать эти многообразные влияния, но и преодолеть их, создать свой собственный стиль в искусстве. Эллинистический языческий антропоморфизм наполнялся совсем иным идей-

⁵⁹ Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. — В кн.: Античность и Византия, с. 266—285; Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. — Там же, с. 203—217.

⁶⁰ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 109—128, 150—182, 183—210.

⁶¹ Удальцова З. В. Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи. — ИВ, т. 1, с. 267—281.

⁶² Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии, с. 319—328.

⁶³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 210—236.

⁵⁶ Хаостова К. В. Неоплатоническая философия IV—VI вв. — В кн.: ИВ, т. 1, с. 395—408.

⁵⁷ Удальцова З. В. Византийская наука и просвещение в IV—VII вв. — В кн.: ИВ, т. 1, с. 379—394; Фрейберг Л. А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху. — В кн.: Античность и Византия, с. 5—31.

⁵⁸ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 57—83.

ным содержанием, искусство проникалось философскими представлениями восточного христианства, а эстетика византийских мастеров оказалась органически связана с религиозным мирозерцанием. Византийское искусство, признав примат духовного начала над телесным, победу духа над плотью, ставило своей основной эстетической задачей воплощение в художественном образе трансцендентной идеи. Сенсуалистическая, чувственная эстетика античности не отвечала уже запросам господствующего класса и православной церкви Византии и была вытеснена спиритуалистическими идеалами средневековья⁶⁴. Прекрасные, радостные, пантеистические божества греков заменил трансцендентный, суровый, далекий от мира бог, воплощение чистой идеи; белораморные храмы древней Эллады, пронизанные солнцем, как бы слитые с окружающей природой, сверкающие на фоне неба и моря, сменила скромная по внешнему виду христианская базилика, вся прелесть которой таилась в ее внутреннем убранстве.

В полумраке сводов византийских храмов сумеречно сияло множество свечей и лампад, озарявших таинственными отблесками золото мозаик, темные лики икон, многоцветные мраморные колоннады, великолепную драгоценную утварь. Статуи античных богов и героев, прекрасные в своей мужественной пластичности, навсегда были изгнаны из дворцов и храмов и уступили место аскетическим образам христианских святых, воплощавших на мерцающем золотом фоне икон и мозаик бесплотный идеал христианского смирения⁶⁵.

Глубокий спиритуализм эстетических воззрений византийского аристократического общества не увел, однако, искусство Византии окончательно в мир голой абстракции. В отличие от мусульманского Востока, где примат духовного начала над плотским привел к господству в изобразительном искусстве геометрии и орнаментальных форм, вытеснивших изображение человека, в искусстве Византии человек остался в центре художественного творчества. Человеческая фигура выступала в византийской живописи носителем основных художественных идей⁶⁶.

В византийском искусстве складывается устойчивый канон в создании образа человека. Если языческий мир воспевал в нем телесную красоту, то византийское искусство прославляло его душевное величие и аскетическую чистоту. Голова как средоточие духовной жизни становится доминантой человеческой фигуры, тело же стыдливо скрывается под струящимися складками одеяний, линейная ритмика сменяет чувственную экспрессию. В изображении человеческого лица на первый план художник выдвигает его одухотворенность, самоуглубленную созерцательность, глубину душевных переживаний. Огромные глаза с экстатически расширенными зрачками, пристальный взор, который как бы завораживает зрителя, высокий лоб, тонкие, лишенные чувственности губы — характерные черты портрета в искусстве Византии.

Религиозное мировоззрение и спиритуалистический характер эстетики, порожденные общественными отношениями эпохи, сделали невозможным проявление реалистического течения в искусстве Византии, но сохранение эллинистических традиций, восстановление античной системы пропорций и эллинистической иллюзионистской техники не позволили окончательно дематериализовать человеческий образ, рас-

⁶⁴ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947, т. I, с. 23—62; Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973.

⁶⁵ Кочет А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве. — В кн.: Искусство Западной Европы и Византии, с. 209—223; Брунов Н. И. Архитектура Византии.

⁶⁶ Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 154 сл.; Он же. Об эстетической значимости художественных оппозиций. — В кн.: Теоретические проблемы марксистско-ленинской эстетики. М., 1975, с. 195—200; Аверинцев С. С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1975, с. 371—397.

творить его в абстрактной символической. И огромную роль в этом, конечно, сыграло сохранение античных традиций не только в искусстве, но и во всех сферах культуры.

Но вполне закономерно, что для науки наибольший интерес представляет не сохранение элементов старой, отживающей культуры, а становление новых культурных ценностей средневекового мира. Поэтому не следует ни идеализировать, ни преувеличивать сохранение античной культуры, особенно в период господства феодальных отношений в Византии.

И хотя подавляющее большинство византийских признает переживание античных традиций в течение всего существования империи, однако вопрос о степени, масштабах, характере использования в Византии культурного наследия античности вызывает в науке немалые разногласия. Эти споры, естественно, теснейшим образом связаны с общей дискуссией о континуитете и дисконтинуитете в общественных отношениях Византии⁶⁷. Некоторые ученые отстаивают теорию континуитета античных традиций в общественном строе и культуре империи, особо выделяют периоды взлета, возрождения элементов античности, находят в истории византийской цивилизации несколько Ренессансов («Комнинский ренессанс», «Палеологовский ренессанс» и др.)⁶⁸. Другие подходят к этой проблеме с большей осторожностью⁶⁹. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, мы хотим обратить внимание на главное: в отличие от Западной Европы, почти целиком утратившей в раннее средневековье сокровища античной культуры, в Византии традиции греко-римской цивилизации никогда не умирали, а упадок образованности ощущался в значительно меньшей степени, чем на Западе. Средневековая христианская Византия как бы хочет, но не может сбросить с себя наследие античной культуры и все вновь и вновь обращается к этому источнику знания.

Поэтому вторым важным типологическим отличием византийской культуры является, на наш взгляд, сохранение в Византии в значительных масштабах культурных традиций античности. Объективной исторической закономерностью, породившей эту типологическую особенность культуры Византии, были, как мы видели, основные тенденции общественного развития империи.

Третье важное типологическое отличие византийской культуры по сравнению с западноевропейской было также порождено спецификой социально-политической структуры Византии. Византия была единственной страной в Европе, которая в период варварских завоеваний сохранила свое самостоятельное государственное существование, затем упрочила его и превратилась в одно из сильнейших централизованных государств средневекового мира.

Византийская империя по форме правления и организации государственной власти не имеет аналогий на Западе. Формы государственного устройства, существовавшие в странах Западной Европы, были, как известно, весьма многообразны⁷⁰. Византия же в течение всей своей тысячелетней истории по политической структуре представляла собой самодержавную монархию.

⁶⁷ Weiss G. Antike und Byzanz. Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur. — Historische Zeitschrift, 1977, 224, S. 529—560; Сюжумов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада, с. 3—18; Lemerle P. Le premier humanisme byzantin, p. 301—305; Idem. Byzance et les origines de notre civilisation. — In: Venezia e l'Oriente fra tardo Medioevo e Rinascimento. Venezia, 1966, p. 1—17.

⁶⁸ Haussig H. W. A History of Byzantine Civilization, p. 320—350, 361—370.

⁶⁹ Ahrweiler H. L'idéologie politique. . . , p. 5 sq.; Pertusi A. In margine alla questione dell'umanesimo bizantino: il pensiero politico del cardinal Bessarione e i suoi rapporti con il pensiero di Giorgio Gemisto Pletone, p. 96; Guillou A. La civilisation byzantine, p. 116, 204, 263, 399—400; Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung, XVI, S. 72; XVII, S. 158.

⁷⁰ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе, с. 112 сл.

В Византийской империи окончательно сложилось и получило теоретическое осмысление господствующее в средние века учение о монархическом государстве, единой, вселенской христианской империи во главе с императором. Христианская церковь в Византии обосновала теорию божественного происхождения императорской власти, дав религиозную санкцию неограниченной христианской монархии. В теоретическом оформлении учения об автократии важную роль сыграло унаследованное от поздней Римской империи обожествление личности императора, а также философско-политические концепции абсолютной власти, принятые Византией от восточных народов ⁷¹.

Култ императора — правителя всей православной ойкумены и култ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности рождаются еще в ранней Византии, но достигают своего апогея в конце IX—X в., в период наивысших внешнеполитических успехов империи. Господство «государственной» политической доктрины пронизывает теперь буквально все сферы политики, идеологии, культуры и приводит к унификации и «централизации» общественной мысли и художественного творчества ⁷². В это время наблюдается известная стабилизация византийской культуры, завершается систематизация христианского богословия, богословско-философская мысль окостеневает, теряет свой полемический характер, труды богословов и философов делаются все более догматичными и компилятивными. Происходит как бы обобщение и классификация всего достигнутого в науке, богословии, философии, литературе. Этому способствует усиление традиционализма и консервативных веяний в духовной жизни византийского общества. Идеализация величия империи, прославление василевсов ромеев, истинной веры, правопорядка, превосходства цивилизованных византийцев над невежественными «варварами» получают выражение в застывшем в своем парадном величии придворном этикете и церковном ритуале, в пышности императорских дворцов и храмов, в репрезентативности всей византийской культуры. В общественной жизни господствует политическая ортодоксия ⁷³. Магия обряда проникает всюду — в богослужение, в придворный церемониал, в дипломатию и частную жизнь общества. В греческой литургии как бы сливаются воедино медлительный ритм богослужебного действия, величавое спокойствие церковных гимнов с торжественными интонациями церковной музыки и очертаниями церковного интерьера ⁷⁴.

Византийская литература, как и вся культура той эпохи, строго подчиняется определенному канону, унифицируется, в своей основе становится статичной, бездейственной, рассудочной. Процветают жанры похвальных речей в честь императоров и патриархов (энкомии), метафоры и аллегории делаются все пышнее, но безжизненнее, масштабы повествования грандиознее, но дальше от интимной жизни и психологически переживаний человека. В литературе господствует символика, канонизация ситуаций и образов, повествование замыкается в кругу изблюбленных графетных сюжетов, в церковной литературе поселяются стереотипные герои, бесплотные аскеты и мученики, господствуют абстрактные пейзажи, фразеологический этикет. Полнокровные образы и бытовые детали, грубоватый народный юмор житийной литературы ранней Визан-

тии предаются забвению. Канонизированность и унифицированность всей духовной жизни постоянно поддерживаются строгой регламентацией мышления со стороны государства и господствующей церкви ⁷⁵. Задачи творчества четко ограничены поучительностью, дидактичностью литературы: цель писателя — не осмысление природы и бытия, а просвещение и спасение тех, кто бродит во тьме невежества и греховности. Общественная мысль, литература, искусство как бы отрываются от реальной действительности и замыкаются в кругу высших абстрактных идей.

В византийском искусстве ныне господствует пышная декоративность, символизирующая величине империи и императоров, в живописи и архитектуре побеждает строгая, рассудочная симметрия, спокойная, торжественная уравновешенность линий и движений человеческих фигур на фресках и мозаиках храмов. Византийская живопись все более и более приобретает вневременной и внепространственный характер; абстрактный золотой фон, столь любимый византийскими мастерами, заменяет реальное трехмерное пространство, выполняя важную эстетическую функцию: он призван как бы отгородить отвлеченные образы от живой действительности окружающего мира. Образ человека застывает в величественном бесстрастии, лишается динамизма, олицетворяет состояние аскетического покоя или царственного могущества ⁷⁶.

Одновременно в византийской культуре окончательную победу одерживает аристократическое направление, выражающее эстетические идеалы высшей византийской придворной знати. Столица империи Константинополь превращается в прославленный художественный центр средневекового мира, в признанного законодателя мод, в «палладиум искусств и наук», как называли его современники. Вплоть до крестовых походов да отчасти и позже Константинополь не знает себе равных среди городов Западной Европы. Лондон и Париж, Венеция и Генуя, города других стран Европы казались чуть ли не захолустьем по сравнению со столицей византийской империи. Вспомним хотя бы, как были поражены крестоносцы величием, красотой и роскошью Константинополя. Огромный, хорошо укрепленный город, украшенный великолепными дворцами и храмами, крупнейший порт Средиземноморья, город изнеженной праздности и неутомимого труда, средоточие неограниченной власти и арена социальных битв, город императоров, вельмож, чиновников, пестрой городской толпы, религиозный центр православия и очаг византийской культуры, город поразительных социальных контрастов, город-Левиафан, он по своему экономическому и политическому значению, по своей роли в истории византийской культуры мог сравниться лишь с Римом эпохи расцвета. Недаром Константинополь и называли вторым Римом ⁷⁷.

Рафинированная культура и искусство Константинополя, тесно сплотившись с придворным ритуалом и церковным культом, выполняли в Византии важнейшие социально-политические функции. Подданных империи — христиан — они должны были наставлять в истинной вере, смирять их волю и отуманивать разум в мистическом экстазе, подчинять душу всеобъемлющей власти государства и церкви. Тем более что церковь и государство являли не только полное единство, но церковь сама склоняла голову перед могуществом императорской власти ⁷⁸. Чужеземные же варварские народы они призваны были ослеплять своей пышной роскошью и утонченным аристократизмом, внушать им преклонение перед

⁷¹ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии, с. 29—30; Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, с. 46—56; там же см. литературу по этой теме.

⁷² Ahrweiler H. L'idéologie politique... p. 39—50; Beck H.-G. Res Publica Romana Vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970; Idem. Das byzantinische Jahrtausend, S. 33—86; 257—289.

⁷³ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend, S. 87—108.

⁷⁴ Лизачева В. Д. Искусство книги. Константинополь. XI век, с. 104 сл., 162—165; Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 61 сл.

⁷⁵ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend, S. 109—136; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета. IX—XV вв., с. 17—285.

⁷⁶ Лазарев В. Н. Византийская живопись, т. I, с. 74—94, 104—121; Бычков В. В. Византийская эстетика, с. 144—165.

⁷⁷ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии, с. 145—147; Она же. Византия и Западная Европа, с. 23—25; Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии, с. 25—26.

⁷⁸ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, с. 31—43, 53—56.

величием Ромейской державы и Константинопольской церкви. В Византии той эпохи индивидуум растворялся в обществе, а идея величия в идеологии, литературе и искусстве прилагалась лишь к церкви, государству, императору. Византийское искусство становится все более программным, строго регламентированным, его тематика и иконография подчиняются устойчивому канону, оно, как и другие сферы культуры, как бы закатывается в гордом величии своего неизменного совершенства⁷⁹.

Мы уже отмечали ранее, что особое, доминирующее положение Константинополя представляло собой характерную, типологическую особенность общественной жизни и социальной структуры империи. Теперь нам хочется подчеркнуть, что эта отличительная черта социально-экономического и политического развития Византии наложила свой отпечаток и на культуру империи. Во многом она определила типологические отличия византийского искусства от художественного творчества Западной Европы классического средневековья. В Византии нивелирующая струя единого художественного стиля была значительно сильнее, чем на Западе, где царил многообразие школ и направлений, где сказались влияние изменчивых форм местного искусства. В то время как Запад жил многоликой художественной жизнью и там было столько же течений в искусстве, сколько крупных городов, богатых аббатств и замков владетельных феодалов, в Византии местные школы живописи и зодчества большей частью подчинялись воздействию художественных норм столичного искусства⁸⁰. Если на Западе в живописи царила как бы анархия тематики, иконографии менялась, постоянно рождались новые сюжеты, прославляющие местных святых, патронов феодальных княжеств и городов, то в Византии раз созданный иконографический канон, подчиненный дидактическим целям, оставался почти неизменным на территории всей страны. Сковывающее воздействие традиционализма мешало внутреннему саморазвитию византийского художественного творчества и, быть может, послужило одной из причин, не позволивших искусству Византии подняться позже до вершин западноевропейского Ренессанса. Итак, господство государственных доктрин, культ империи и императора, централизация и унификация всей культуры, канонизация эстетики аристократического общества столицы являются, на наш взгляд, третьей типологической особенностью культуры Византии по сравнению со странами Запада.

Победа феодализма в Византии и его дальнейшее развитие (X—XIV вв.) привели к существенным изменениям также и в византийской культуре. В это время растет феодальное землевладение в провинциях империи, укрепляется экономика провинциальных городов, начинается упадок Константинополя⁸¹.

В связи с этим в Византии появляются новые центры культуры, оформляется феодальная идеология⁸².

В канонизированной культуре Византии, где, казалось, бы, незбылемо царили раз и навсегда установленные идеи и представления, уже с XI—XII и особенно в XIV в. пробиваются ростки новых, более прогрессивных идейных течений, идет подспудная, а порою и открытая борьба

передовых мыслителей, философов, писателей, представителей народных ересей против господства государственной и церковной идеологии.

Было бы неверно полагать, что господство канонов свидетельствует о полном духовном застое, ленисти мысли, бессилии ума византийцев. В XI—XII вв. в Византии появляются рационалистические идеи в философско-богословских трудах, которые проявляются в стремлении сочетать веру с разумом, и даже иногда поставить разум выше веры. Выразителями рационалистических веяний в византийской философии были Михаил Пселл и Иоанн Итал⁸³. Последний, как известно, за свои прогрессивные идеи подвергся жестокому гонению со стороны господствующей церкви. Представление о застойности, косности византийской культуры, отсутствию в ней динамики, развития творческой мысли, долго господствующее в историографии, за последние годы опровергается многочисленными трудами византинистов у нас и за рубежом. Ростки нового прорастают с XI—XII вв. в литературе (антицерковная сатира, воинская повесть, любовный роман), в историографии (Никита Хониат) и других областях знания. По мере роста провинциальных городов кончается монополия Константинополя в сфере культуры, возникают новые культурные центры в Мистре, Никее, Трапезунде⁸⁴ и в других регионах империи. Под покровом стереотипов жило, действовало и пробивало себе дорогу новое, творческое начало в культуре византийского общества.

Прогрессивные явления в византийской культуре, появившиеся в XI—XII вв., нашли свое дальнейшее развитие в последний период существования империи. Даже в самую тяжелую годину вражеских нашествий в Византии сохранились очаги культуры, билась живая мысль, зрели новые идеи, порою опережавшие свой век и предвосхищавшие эпоху гуманизма. Передовые социально-политические идеалы зилотов, оригинальные философские концепции Феодора Метохита, смелая, пусть и утопическая, философско-религиозная система Георгия Гемиста Плифона, стремившегося создать не только языческую пантеистическую религию, но и возродить в Византии идеальное государство Платона, хотя и были обречены на неудачу, но оставили заметный след в развитии человеческой мысли⁸⁵. Последний период истории Византии был в то же время веком выдающихся византийских эрудитов, таких, как Дмитрий Кидонис, Мануил Хрисолор, Виссарион Никейский и др. Их труды вызвали восхищение итальянских гуманистов, многие из которых были их учениками. Заметен в это время прогресс в точных и естественных науках, в историографии появляются крупные писатели (Халкокондил, Сфрандзи, Критовул, Дука), в произведениях которых прослеживаются гуманистические черты — интерес к человеческой личности, к природе, мирозданию, наряду с библейской концепцией исторического процесса зарождаются новые историко-философские концепции⁸⁶. Теснее становится идейное общение византийских эрудитов с итальянскими учеными, писателями, поэтами, все сильнее проявляется их влияние на форми-

⁷⁹ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I, с. 104 сл.; Липшиц Е. Э. Банк А. В. Искусство Византии IX—XI вв. — ИВ, т. 2, с. 387—420.

⁸⁰ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I, с. 189—207; Он же. Константинополь и национальные школы... с. 93—104.

⁸¹ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, с. 25—37, 51—52; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977 (библиография — с. 294—304).

⁸² Советы и рассказы Кекавмена. М., 1972 (см. введение Г. Г. Литаврина — с. 5—115); Медведев И. П. Мистра. Л., 1973.

⁸³ Любарский Я. Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. М., 1978 (библиография — с. 264—274); Михаил Пселл. Хронография/Пер., статья и прим. Я. Н. Любарского. М., 1978; Stéphanou P. Jean Italos, philosophe et humaniste. Roma, 1949.

⁸⁴ Медведев И. П. Мистра, с. 95—148; Жаворонков П. И. У истоков образования Никейской империи. — ВВ, 1977, 38, с. 30—37; Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. — ВВ, 1975, 36, с. 83—99.

⁸⁵ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976; Sevchenko I. Théodore Méthochites... — In: Art et société à Byzance, p. 13—39.

⁸⁶ Красавина С. К. Мирозрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. — ВВ, 1973, 34, с. 3—16; Удальцова З. В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии. — ВВ, 1973, 35, с. 75—88; Она же. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского. — ВВ, 1976, 37, с. 74—93.

вание раннеитальянского гуманизма. Именно византийским эрудитам суждено было открыть западным гуманистам прекрасный мир греко-римской древности, познакомить их с античной литературой, подлинными трудами Платона и Аристотеля.

В искусстве так называемого Палеологовского ренессанса выступают гуманистические черты, вырабатывается более экспрессивный живописный стиль, усиливается динамизм, жестикация фигур делается порывистой, одеяния развешаются, ракурсы делаются свободнее и смелее. Усложняется иконография, иные изображения приближаются к жанровым сценам, образы теряют былую монументальность и неподвижность (Кахрие Джами, Мистра). И тем не менее искусство Византии как бы остановилось на пороге Ренессанса, так и не перейдя заветной черты, отделяющей средневековое спиритуалистическое искусство от полнокровного, чувственного реалистического искусства Возрождения⁸⁷.

Объяснения этому, естественно, надо искать опять-таки в исторических судьбах Византии, в типологических особенностях ее социально-экономического и политического развития. Слабость ростков предкапиталистических отношений, отставание экономики городов поздней Византии от Западной Европы, особенно от итальянских городских центров, застой феодолов и слабость городских классов⁸⁸, острая идейная борьба в империи, закончившаяся победой мистического течения — исихазма, катастрофическое внешнеполитическое положение и многое другое обусловили то, что блестящий взлет Палеологовского возрождения оказался кратковременным, гуманистические идеи потерпели поражение, а расцветший на почве Мистры и в Кахрие Джами хрупкий цветок предренессансного искусства увял под холодным дыханием аскетических идей исихазма и канонизированного эстетства господствующей церкви.

Мы наметили лишь три главные типологические особенности византийской культуры в целом: влияние культуры Востока (Египет, Сирия, Палестина, Иран, арабы, турки и др.), длительное и устойчивое сохранение античных традиций, господство государственной доктрины и доминирующая роль столицы, приведшие к централизации и канонизации византийской культуры. Это, естественно, главные, но далеко не единственные особенности культуры Византии. Дальнейшие исследования прольют дополнительный свет на эту сложную и еще не изученную проблему.

В заключение хочется подчеркнуть, что в истории культуры, как и в истории общества, доминантой является прогрессивное развитие человечества. Однако поступательное движение общества и его культуры идет не прямолинейно, в нем наблюдаются зигзаги и отступления. Каждый прогрессивный этап в развитии общества имеет начало, кульминацию и упадок, что относится и к явлениям культуры. Но это отнюдь не циклическое развитие, а чаще всего развитие по спирали. Ведь оно состоит из непрерывного ряда фаз или этапов подъема и упадка, один законченный этап сменяется другим, новым, более высоким по своему внутреннему содержанию и уровню. Вместе с тем новое явление в культуре пока не ясна генеральная тенденция его движения, может показаться даже менее развитым по сравнению с предшествующим культурно-историческим этапом. Это положение вполне применимо к истории византийской культуры. Средневековая византийская культура в целом по своим главным тенденциям была более прогрессивной по сравнению с рабовладельческой культурой позднеантичного времени. Между тем в науке долгое время господствовало представление о том, что византийская

культура была шагом назад по сравнению с античной культурой, что в византийское время произошла утрата ряда достижений и ценностей античного мира. Многочисленные и разнообразные исследования византистов за последние годы полностью опровергли это представление. На передний план в исследованиях византистов выдвигаются именно прогрессивные тенденции в развитии византийской культуры, знаменующей поступательное движение как всего византийского общества, так и различных проявлений его культурной жизни.

И вряд ли сейчас кто-либо из ученых будет возрождать ушедшую в прошлое теорию о застойности, неподвижности византийской культуры, ее консерватизме и даже мнимой отсталости по сравнению с блестящей культурой античности. Теперь, думается, стало достаточно ясно, что византийская культура — это закономерный этап поступательного развития мировой культуры, этап, имевший, однако, свои специфические, неповторимые типологические особенности.

⁸⁷ Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I, с. 208—258; Он же. Византизм и древнерусское искусство, с. 38—54; Алпатов М. В. О мозаиках Кахрие Джами. — В кн.: Этюды по истории русского искусства, с. 56—62.

⁸⁸ Удальцова З. В. Византия и Западная Европа, с. 34—37.

В. В. КУЧМА

«ВИЗАНТИЙСКИЙ АНОНИМ VI в.»: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ И СОДЕРЖАНИЯ

VI век в истории византийской литературы представлен значительным количеством памятников военной науки: по подсчетам А. Дэна¹ их одиннадцать. Одним из них является сочинение, автор которого, оставшийся неизвестным, попытался создать руководство, охватывающее основные сферы военной науки. Единственное издание трактата (с переводом на немецкий язык) было осуществлено Г. Кэхли и В. Рюстовом², ими же предложено закрепившееся в литературе наименование сочинения³.

«Византийский Аноним VI в.» не привлекал пристального внимания исследователей, и литература о нем весьма небогата. Сохраняют свою ценность «Erläuternde Anmerkungen» первых издателей трактата⁴. Представляет интерес (хотя и не свободен от ошибочных положений) соответствующий обзор в обобщающем сочинении М. Иенса⁵. Первая (и в целом плодотворная) попытка использовать сведения Анонима для характеристики социально-экономической действительности VI в. была предпринята Н. В. Пигулевской⁶. Наряду с материалами других трактатов военно-исторические реалии Анонима анализировались и нами⁷.

Задачей настоящей статьи является комплексная характеристика анонимного трактата VI в. как составного звена в серии памятников греко-римско-византийской военной науки, вызванного к жизни особыми обстоятельствами эпохи и отразившего в себе эту эпоху через призму военной традиции предшествующего времени. Как и всякий другой военный писатель, Аноним VI в. стоял перед необходимостью творческого переосмысления достижений военно-теоретической мысли предшествующих эпох — без этого его практические рекомендации не имели права на существование, на внимание к себе как со стороны современников, так и потомков.

Прежде чем приступить к конкретному анализу названного сочинения представляется уместным сделать одно предварительное общее замечание.

К большому числу критериев оценки военных трактатов, уже существующих в историографии, следует, по нашему мнению, добавить еще

¹ Dain A. Les Stratégistes byzantins. — TM, 1967, 2, p. 340—347.

² Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. — In: Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855 (далее Анонимус).

³ А. Дэн предпочитал более обобщающее «De re strategica»; см.: Dain A. Op. cit., p. 34.

⁴ Анонимус, S. 311—335.

⁵ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaft, 1. Abt. München und Leipzig, 1886, S. 146—151.

⁶ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946, с. 58—83—85.

⁷ См., например, последнюю работу: Кучма В. В. Византийские военные трактаты и исторические источники. — ВВ, 1979, 40, с. 49—50.

один, который можно условно назвать критерием трансформативности. Суть дела заключается в следующем. Поскольку система военно-научных знаний периода античности и средневековья базировалась на принципах преемственности и континуитета, проявляющихся гораздо более непосредственно, чем во многих других отраслях науки, все памятники греко-римско-византийской военной науки без единого исключения оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Однако эта взаимная связь может иметь различные степени и формы проявления. Можно выделить такие трактаты, степень зависимости которых от предшествующей литературы гораздо меньше, чем их влияние на последующую военно-теоретическую традицию. Такое сочинение передает в будущее больше, чем получает из прошлого. Наиболее показательной в этом плане является судьба трактата Онасандра (середина I в. н. э.): его зависимость от предшествующей литературы практически ничтожна, тогда как воздействие на последующую традицию оказалось очень существенным. Причина этого — специфика самого предмета научных интересов Онасандра. В центре его внимания — этические, морально-риторические проблемы военной теории; именно эти, новые для данной отрасли науки идеи наиболее активно воспринимались позднейшими адептами. Сформулированные Онасандром критерии нравственного облика военачальника лежали в сфере абстрактных, общечеловеческих принципов — построенные на основах благоразумия и здравого смысла, они фактически совсем не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо — со спецификой должности, к которой они прилагались. Именно в силу своей универсальности и безотносительности максимы Онасандра оказались столь живучими в последующей литературе, вплоть до самых последних звеньев военной традиции. Так, морально-риторические сентенции Онасандра оказались включенными практически в первоизданном виде в «Тактику Льва», созданную почти тысячелетие спустя.

Ко второй группе трактатов можно отнести такие, которые являются в той же степени итоговыми, в какой и программными. Это самые типичные звенья военной традиции, обеспечивавшие нормальную эволюцию античной и средневековой военно-теоретической мысли, ее поступательное развитие в условиях, когда отсутствовали «перерывы постепенности».

К третьей группе относятся такие военные сочинения, которые как бы олицетворяют собой принцип работы понижающего трансформатора: они воспринимают и перерабатывают в себе гораздо больший объем научно-теоретической и практической информации по сравнению с той отдачей, которая сопровождает их в последующей традиции. К указанному ряду военных сочинений принадлежит и анонимный трактат, который является предметом настоящего анализа. Несмотря на то, что достаточно свободное владение своим предметом позволило Анониму профессионально раскрыть важнейшие проблемы военной науки, соблюсти правильную пропорцию между общетеоретическими положениями и рекомендациями сугубо практического характера и в результате создать произведение, отражающее современное ему состояние военной организации, трактат не стал эпохой в военной науке, не оказал сильного влияния на последующую традицию. И причиной тому, как ни парадоксально это звучит, — именно современность содержащейся в трактате информации.

Дело в том, что современная Анониму военная организация базировалась на устаревших, отживших свое время материально-технических и организационных основах. Известно, что залог успеха реставрационной политики юстиниановское правительство усматривало в возрождении военного могущества империи. В соответствии с господствовавшей тогда идеологией это возрождение могло быть обеспечено единственно путем изучения и использования военного опыта «древних». В этом плане сочинение Анонима является типичным продуктом своей эпохи: вся система его методологических принципов, теоретических построений,

доктринальных воззрений целиком базируется на концепциях военной науки античности.

Последствием колоссального перенапряжения сил, пережитого империей при Юстиниане, явился глубокий кризис, охвативший в последней трети VI в. практически все области экономики, социальных отношений, политики, идеологии. Потерпела крах и старая военная организация, основанная на принципах наемничества. В соответствии с этим оказались устаревшими и те основополагающие идеи, которые определяли существо военно-научных взглядов Анонима.

Начиная с VII в. военная организация империи стала базироваться на принципах фемного строя; отныне ее квалифицирующим признаком стал принцип народного ополчения. Военно-теоретическая мысль византийцев приступила к осмыслению и обобщению объективно складывающегося порядка вещей. Начало было положено «Стратегиком Маврикия».

Между сочинениями Анонима и Маврикия имеется сравнительно не-большой хронологический перерыв — в пределах одного полустолетия. Но эти авторы — представители различных эпох в истории военной организации Византии. Поэтому в традиции военно-научной литературы между сочинениями Анонима и Маврикия отмечен заметный «перерыв постепенности». Р. Вари был излишне категоричен, когда отрицал существование между ними каких-либо точек соприкосновения⁸, — такие точки все же есть, и мы обратим далее на них внимание. Но это именно точки, и все они — из сферы чистой технологии; различия же между трактатами принципиально существеннее. Взгляд Анонима объективно обращен в прошлое; «Стратегикон» всем своим содержанием устремлен в будущее: пока сохранялись в силе основы фемной военной организации, принципы, заложенные «Стратегиком», сохраняли жизнеспособность. Практически вся последующая литература, вплоть до самых последних ее памятников, испытывала заметное влияние «Стратегикона». Информация же Анонима подверглась быстрой инфляции: опоздав (в силу объективных причин) стать памятником военной теории, это сочинение очень быстро превратилось в памятник ее истории.

Все сказанное вовсе не означает, что мы связываем критерий трансформативности с определением ценности того или иного трактата как исторического источника: трактат, в котором преобладает итоговый аспект, может не уступить по ценности информации сочинению программного характера. Но мы считаем нужным подчеркнуть, что сам подход к изучению таких различных произведений тоже должен быть неодинаковым. Здесь важно соблюсти правильную пропорцию между перспективной и ретроспективной. «Трактат-итог» предстанет перед исследователем в более ярком свете, если подойти к его анализу преимущественно с позиции предшествующей письменной традиции, так сказать, «с фронта»; наоборот, все детали, подробности и нюансы «трактата-программы» высветятся более ярко при анализе следующих за ним памятников военной науки (подход «с тыла»). Разумеется, в обоих случаях эти подходы — лишь дополнение (хотя и очень существенное) к анализу трактата «изнутри».

С учетом высказанных соображений мы и перейдем к характеристике «Византийского Анонима VI в.».

Текст трактата был издан впервые Г. Кэхли и В. Рюстовом по рукописи не являющейся архетипом⁹. Впрочем, и в лучшей рукописи середины X в., знаменитой Laurentianus LV—4¹⁰, составление которой, по мнению А. Дэна, «являлось предприятием официального характера»¹¹, отсутствует одна первая страница с указанием названия произведения и имени

⁸ Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker. — BZ, 1906, 15, S. 70.

⁹ См.: Jähns M. Op. cit., S. 146, Anm. 1.

¹⁰ О ней подробно см.: Dain A. Les stratégistes. . . , p. 382—385.

¹¹ Dain A. Histoire du texte d'Elie le Tacticien. Paris, 1946, p. 185.

его автора. Сохранившийся материал, занимающий 27 листов рукописи (размер листа 325×260), распределен по 43 главам, которые можно сгруппировать в следующие разделы:

I. Характеристика основных сословий городского населения в плане их отношения к военному делу. Качества военачальника и подчиненных. Общие взгляды на проблемы войны и мира. Определение стратегии (гл. I—V).

II. Мероприятия по защите от вражеского нападения (гл. VI—XIII).

III. Подготовка армии к войне (подразделения пехоты и кавалерии, их вооружение, тактика и взаимодействие) (гл. XIV—XXV).

IV. Лагерное устройство, караульная служба (гл. XXVI—XXIX).

V. Способы передачи военных приказов и распоряжений (гл. XXX).

VI. Организация сражения и меры обеспечения его успеха (боевой порядок, ход сражения, ночные нападения, засады и другие военные хитрости, организация разведывательной службы) (гл. XXXI—XLIII).

Избранный автором план, отличающийся оригинальностью, позволил ему достаточно полно охватить основные разделы военной науки, дать комплексное изложение ее главных принципов. Вместе с тем произведение не свободно от ряда структурных недостатков. М. Иенс полагал, что главы о перебежчиках, шпионах и послахах, заключающие трактат, стоят не на своем изначальном месте. Ему казался и слишком резким переход от характеристики военного оборудования укреплений к проблемам тактики, т. е. от главы XIII к главе XIV — следствие либо лакуны, либо неавторской перестановки¹².

Трактату свойственны и существенные пробелы в содержании. Так, отсутствует материал об обучении воинов — сюжет, традиционный для большинства памятников военной литературы. Нет и сведений об организации войны на море, хотя одно место XIV главы можно понять так, что автор имел намерение осветить этот вопрос. Имеются два вида войны, указывает он, — морская и сухопутная; каждой из них следует посвящать особую часть тактики, поскольку характерные черты каждого из этих видов отличаются друг от друга. Для того чтобы их не спутать, продолжает Аноним, «мы хотим говорить особо о каждом виде, а именно — сначала о войне на суше»¹³. Но на протяжении последующего изложения материала автор пишет только о сухопутной армии.

В научной литературе XIX в. было высказано предположение, что анализируемый нами комплекс из 43 глав является лишь частью более крупного целого, оказавшегося в рукописях расчлененным на три отдельных фрагмента. Первый из них — текст, опубликованный Г. Кэхли и В. Рюстовом, второй — фрагмент анонимного трактата, известный в литературе под наименованием «О стрельбе из лука» (Περὶ τοξείας), третий — принадлежащий неизвестному автору фрагмент о морской войне, впервые введенный в научный оборот К.-К. Мюллером. Наиболее последовательного сторонника эта точка зрения нашла в лице М. Иенса¹⁴. Приписывая все три сочинения одному и тому же автору, М. Иенс тем самым снимал выдвинутые против него обвинения: если рассматривать «Περὶ τοξείας» как раздел, посвященный обучению воинов¹⁵, а фрагмент К.-К. Мюллера — как реализацию обещания, содержащегося

¹² Jähns M. Op. cit., S. 147. С этим предположением можно согласиться. Обычно для Анонима характерны последовательные, зачастую мотивированные переходы от одного сюжета к другому; в наиболее показательных случаях заключительный параграф предыдущей главы формулирует содержание последующей (см., например, переходы от гл. XI к гл. XII, от XVI к XVII, от XVII к XVIII, от XVIII к XIX, от XX к XXI). Встречаем и случай, когда последний параграф главы XXI определяет содержание сразу трех глав — XXII, XXIII и XXIV.

¹³ Anonymus, XIV, 3—4, S. 88.

¹⁴ Jähns M. Op. cit., S. 150—151.

¹⁵ М. Иенс предлагал помещать его после XVI главы Анонима, содержащей описание вооружения (ibid., S. 151).

в XIV главе, тогда охват проблем военной науки Анонимом можно признать практически полным.

Следует несколько подробнее охарактеризовать военные сочинения, упомянутые выше.

Фрагмент «О стрельбе из лука» был впервые издан Г. Кэхли и В. Рюстовом непосредственно вслед за текстом Анонима¹⁶. Как бы предвосхищая гипотезу М. Иенса, издатели подчеркнули связь этого фрагмента с Анонимом, отметив общность содержания, сходство в способах изложения материала¹⁷. Фрагмент состоит из предисловия и трех коротких глав, соответствующих трем главным принципам: стрелять точно, сильно и быстро. Для выработки этих навыков рекомендуются специальные упражнения. Общие взгляды автора на способы и приемы подготовки лучников, на их роль в сражении вполне соотносятся с воззрениями писателей юстиниановской эпохи¹⁸.

В современной историографии мнение М. Иенса не встречает поддержки. «Περὶ τοξείας» рассматривается как особое сочинение, не принадлежащее Анониму. А. Дэн считал его извлечением из неизвестного трактата датируемого V в.¹⁹ Истоки его можно отыскать в «Кестах» Секста Юлия Африкана; без значительных изменений текст «Περὶ τοξείας» вошел в состав 60—62-й глав корпуса, условно названного А. Дэном и Р. Вьейе фондом «Apparatus bellicus» и датируемого временем Константина Багрянородного²⁰.

Что касается фрагмента о морской войне, то он был впервые издан К.-К. Мюллером по миланской рукописи Ambrosianus 139, датируемой концом X в.²¹ В сохранившемся тексте, включающем IV—X главы неизвестного трактата, идет речь об обязанностях морского военачальника об организации дозорной и сигнальной служб; далее содержатся рекомендации по подготовке к морскому сражению, его непосредственному проведению, использованию его последствий. К.-К. Мюллером было обосновано положение об огромной исторической ценности этого первого известного нам обобщающего специального сочинения о морской войне.

Установлением источников названного трактата занимался Ф. Ламмерт²²: в качестве таковых он называл Энея, Вегеция, Анонима VI. Как видим, он не разделял мнение М. Иенса и датировал мюллеровский фрагмент более поздним временем, чем сочинение Анонима. А. Дэн считал автором военно-морского сочинения некоего Сириана Магистра²³, имя которого сохранилось в позднейшей «Тактике Никифора Урана» (конец X в.), а также трижды упомянуто в приложении к «Книге церемоний Константина Багрянородного»²⁴. Глава V сочинения Сириана Магистра послужила исходным материалом для 119-й главы «Тактики Никифора Урана». Поскольку совпадение содержания этих глав является далеко не полным, А. Дэн предполагал существование либо двух версий текста Сириана, либо промежуточной компиляции между Сирианом и Никифором Ураном. Время создания анализируемого морского трактата А. Дэн определял как VI в.²⁵; К.-К. Мюллер и Ф. Ламмерт считали эти границы более широкими — V—VI вв. Существенным для датировки является факт незнакомства автора с греческим огнем.

Таким образом современная историография отвергла тезис М. Иенса об идентичности Анонима VI в. с авторами трактатов об обучении лучников и о морской войне. Опубликованный Г. Кэхли и В. Рюстовом комплекс из 43 глав следует рассматривать как отдельное, самостоятельное произведение; что же касается пробелов в его содержании, то они, очевидно, были присущи ему изначально.

Как уже отмечалось, рукописная традиция не сохранила имени автора сочинения. О его личности можно судить лишь по самому трактату. Г. Кэхли и В. Рюстовом было высказано²⁶, М. Иенсом обосновано²⁷, а Н. В. Пигулевской активно поддержано²⁸ предположение о принадлежности Анонима к сословию военных инженеров. С этим нельзя не согласиться. Военно-инженерный подход отчетливо проявляется в главах, посвященных сооружению крепостей²⁹, начиная от выбора места будущего строительства. Детально, со знанием дела повествуется о размерах и конфигурации крепостных стен, о мерах их дополнительной защиты (протейхизма, ров); высказываются рекомендации по военно-инженерному обустройству местности (искусственное террасирование). Так же профессионально освещаются проблемы осады и обороны городов. И хотя здесь, как будет показано ниже, автор менее оригинален, чем в вопросах градостроительства, все же его предметное знакомство с проблемой не вызывает сомнений.

Глава XIX, посвященная переправам через реки, является наиболее самостоятельной в трактате и свидетельствует об особом знакомстве автора именно с данной областью военно-инженерного искусства. Он подробно описывает способ переправы, предложенный в свое время Аполлодором, знаменитым архитектором и инженером первой половины II в. н. э. К этому способу Аноним относится весьма критически³⁰, подробно рассматривая случаи, когда его использование становится совершенно нецелесообразным. Ссылаясь на собственный опыт³¹, Аноним дает целый ряд других рекомендаций, не оставляющих сомнения в его глубокой компетентности.

Что же касается утверждения М. Иенса и Н. В. Пигулевской об участии Анонима в одном или нескольких дунайских походах³², то для такого вывода, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Название Дуная (Ἰστρος) действительно встречается в трактате³³, но всего лишь один раз, в нейтральном контексте и одновременно с названием другой реки — Евфрата. Все дальнейшее повествование не привязывается ни к какому конкретному географическому региону. Описываются переправы и через глубокие, спокойные реки, примером которых назван Дунай, и через мелкие, но быстрые и стремительные (примером их служит Евфрат). Рассуждения о преодолении топких берегов³⁴ могут относиться к Дунаю с такой же вероятностью, как и к любой другой реке.

Итак, автор анализируемого трактата принадлежал к сословию военных специалистов. Подобная социальная и профессиональная принадлежность наложила специфический отпечаток на его мировоззрение, на методологические принципы его подхода к проблемам военной науки.

Античное обществоводение считало военную деятельность важнейшим свидетельством нормального функционирования государственного организма. Отсюда понимание военного дела как части государственной поли-

¹⁶ Anonymus, S. 198—209.

¹⁷ Ibid., S. 37.

¹⁸ Например, Прокопия; см.: Procop., BP, I, 14, 18; BG, I, 22.

¹⁹ Dain A. Les Stratégistes... p. 338.

²⁰ Ibid., p. 359—361.

²¹ См.: Müller K.-K. Eine griechische Schrift über Seekrieg. Würzburg, 1882.

²² Lammert F. Die älteste erhaltene Schrift über Seetaktik und ihre Beziehungen zum Anonymus Byzantinus des 6. Jahrhunderts. — Klio, 1941, 33, S. 271—288.

²³ Dain A. Naumachica. Paris, 1943, p. 43—55.

²⁴ См.: Dain A. Les Stratégistes... p. 342, 361.

²⁵ Ibid., p. 342.

²⁶ Anonymus, S. 38.

²⁷ Jähns M. Op. cit., S. 147.

²⁸ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 20.

²⁹ Anonymus, X—XII, p. 68—76.

³⁰ Ibid., XIX, 7—14, p. 112—114.

³¹ Ibid., XIX, 23, p. 118.

³² Этот тезис утвердился в литературе с легкой руки первых издателей Анонима (см.: Anonymus, S. 38).

³³ Anonymus, XIX, 1, p. 110.

³⁴ Ibid., XIX, 22—24, p. 118.

тики, военного искусства — как части искусства государственного руководства, военной науки — как части государственного управления. Такое понимание свойственно и Анониму. Государственная наука условно делится им на теоретический и практический разделы (*λογικὸν μέρος καὶ πρακτικὸν μέρος*); последний раздел в свою очередь — на *πολιτική*, занимающуюся проблемами социально-политической организации общества, и *στρατηγική*, т. е. собственно науку о военном руководстве.

В соответствии с указанным делением Аноним посвятил начальную главу своего трактата характеристике социального строя современного ему общества, стремясь определить место той или иной группировки в экономике империи, ее политике и, разумеется, военной организации.

Мы не будем воспроизводить здесь картину, рисуемую Анонимом, — это уже было сделано до нас³⁵. Следует лишь отметить, что его картина в целом достаточно яркая, далека от завершенности. Дело в том, что автор ограничился анализом сословий городского населения, тогда как жители сельской местности оставлены им без внимания. Отсутствует и суммарная характеристика военного сословия, к которому он сам принадлежал. Объяснять эти пробелы отсутствием у автора соответствующих сведений не представляется возможным; вероятнее всего, опущения сделаны автором сознательно и продиктованы какими-то соображениями композиционного порядка³⁶.

Оригинальность авторского замысла, равно как и способ его реализации, должны быть оценены в полной мере — больше ни один из памятников греко-римско-византийской военной литературы не включает в себя подобных разделов. Разумеется, сведения о социальном устройстве общества в той или иной степени имеются практически во всех военных трактатах, но все они несравнимы с Анонимом по полноте и систематичности информации.

Современное Анониму общество — это общество, где господствуют позднеаравладельческие отношения. Еще нет и признаков того социального переворота, который произошел в VII в. вследствие перераспределения собственности, в первую очередь земельной³⁷. Все это подтверждает мнение о принадлежности трактата эпохе царствования Юстиниана.

Уже первые издатели трактата привели в пользу такой датировки ряд доказательств³⁸. В отрывке II, 2 они усмотрели отзвук восстания Никиты в отрывке III, 15, по их мнению, упоминает о триумфе Велизария, поскольку только этот торжественный акт имел такие неповторимые особенности (пленных обводили вокруг сцены театра). В дальнейшем изложении Аноним положительно расценил опыт Велизария по расчленению вражеского войска и разгрому его разрозненных частей³⁹; вероятно, здесь речь идет о войне с остготами. Наконец, похвалы, расточаемые в адрес «нашего императора» по поводу его мудрой внешней политики⁴⁰, могут относиться лишь к Юстиниану.

Известно, что перечень военных соперников империи, содержащийся в том или ином военном трактате, может пролить свет на характер современной ему внешнеполитической ситуации и, следовательно, дать дополнительный материал для его датировки. Вспомним, какая значительная по объему и ценная по содержанию информация содержится, например, в «Стратегиконе Маврикия» или «Тактике Льва». Сведения Анонима по этому счету несоизмеримо беднее. Военные соперники империи здесь практически не персонифицированы; описания военных обычаев других народов

отсутствуют. Вообще этнографические обозначения чрезвычайно редки на страницах трактата. Одни из них идут в контексте исторических иллюстраций — таковы, например, македонцы⁴¹, карфагеняне⁴², египтяне⁴³. По-иному выглядит свидетельство об арабах — единственное в трактате. Приступая к описанию засад, Аноним указывает, что их применяют «и нынешние римляне, и арабы, и многие другие народы»⁴⁴. Здесь речь идет о современных автору событиях, однако невозможно установить, причисляет Аноним арабов к врагам или к друзьям империи.

Два сообщения о персах более подробны, но еще менее определены. В первом случае Аноним развивает мысль о той опасности, которая возникает для осажденных, если среди них окажутся соплеменники осаждающих, — их нужно заблаговременно выслать из города. «Следует иметь в виду не только их, — продолжает Аноним, — но также и рабов, которых нам враг посылает в подарок. Однажды персы послали 300 человек под видом рабов в качестве подарка и с их помощью овладели городом»⁴⁵. По смыслу данного пассажа персы определенно отнесены к разряду врагов; остается, однако, неясным, о каком времени здесь идет речь. Второе сообщение о персах не проясняет картину; можно лишь предполагать, что оно относится к очень отдаленным временам, поскольку упоминаются противоречия между Персией, Египтом и Карфагеном⁴⁶.

Итак, свидетельства Анонима об арабах и персах следует признать крайне неопределенными. Пассаж об арабах не содержит никакой информации о характере их отношений с империей. Из двух сообщений о персах одно фиксирует их враждебность империи, но его не представляется возможным датировать; второе относится к разряду исторических иллюстраций и с интересующей нас точки зрения абсолютно нейтрально. В связи с этим мы не считаем возможным, как это делали Г. Кэхли и В. Рюстов⁴⁷, а вслед за ними и Н. В. Пигулевская⁴⁸, видеть в упоминании арабов и персов дополнительные аргументы в пользу датировки трактата временем Юстиниана. На наш взгляд, для такой датировки вполне достаточно и прямых свидетельств, которые были приведены выше. Не случайно в ученой литературе практически нет расхождений по данному вопросу: исследователи относят сочинение к середине или второй половине VI в. Существенным является наблюдение А. Дэна: о Велизарии говорится то в настоящем, то в прошедшем времени (как известно, его смерть последовала за восемь месяцев до кончины Юстиниана)⁴⁹. Как будет показано ниже, на время Юстиниана (точнее — на заключительный период его царствования) указывает и уровень военной организации, отраженный в трактате, равно как и характер исповедуемой автором военной доктрины, его общий подход к проблемам войны и мира.

Будучи военным специалистом, Аноним построил свое сочинение на двух основаниях: с одной стороны, заметно влияние на трактат греческой и римской военной теории предшествующих эпох, с другой — в трактате обобщен современный автору боевой опыт, в том числе и его собственный. Элемент самостоятельности, самобытности обнаруживается в трактате достаточно четко, что особенно бросается в глаза на фоне последующей военно-научной литературы, где все более и более усиливаются черты

⁴¹ *Anonymus*, XVI, 7, p. 102.

⁴² *Ibid.*, XLIII, 6, p. 194.

⁴³ *Ibid.*, XLIII, 7, p. 194.

⁴⁴ *Ibid.*, XL, 1, p. 182.

⁴⁵ *Ibid.*, XLI, 4, p. 188.

⁴⁶ *Ibid.*, XLIII, 6—7, p. 194.

⁴⁷ *Ibid.*, S. 38.

⁴⁸ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 20.

⁴⁹ Кроме литературы, указанной ранее, см. также: Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937, p. 56; *Idem*. Les Stratégistes. . . , p. 343. Лишь Р. Варри сдвигал время создания трактата к периоду царствования Маврикия (*Vari R. Op. cit.*, S. 70).

³⁵ См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 114—122, 132—133.

³⁶ Одно из допустимых объяснений приведено нами в статье, указанной в прим.

³⁷ Об этом см.: Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки. ВО, 1977, с. 182—194.

³⁸ *Anonymus*, S. 38.

³⁹ *Ibid.*, XXXIII, 8, p. 164.

⁴⁰ *Ibid.*, IV, 4, p. 56.

компилятивности и парафразы. Не случайно за трактатом закрепились репутация сочинения современного, имеющего несомненную практическую ценность. К. Крумбахер, столь склонный к гиперкритицизму, оценивал его как «выдающееся по самостоятельности и самобытности сочинение»⁵⁰. А. Дэн, который благодаря своей непревзойденной эрудиции и блестящему чутью филолога и палеографа умел обнаруживать компиляцию там, где другие исследователи о ней и не подозревали, характеризовал трактат как произведение, «вполне вероятно, дающее точные свидетельства и — факт исключительный! — имеющее современный характер»⁵¹.

Анонима можно признать автором достаточно эрудированным; вместе с тем он не стремится эту эрудицию демонстрировать. События военной истории, по-видимому, знакомы ему по произведениям Геродота (у которого он мог взять сведения о соотношении сил греков и персов в сражении при Марафоне⁵²) и особенно Ксенофонта, хотя их имена не встречаются на страницах трактата. Так, в XIX главе упоминается об эпизоде, имевшем место при форсировании реки Кентритес и описанном Ксенофонтом в «Анабасисе» (IV, 3): воины, переходившие реку вброд, были вынуждены вступить в сражение, находясь в воде⁵³. В этой же главе рассказывается о способе преодоления бурных и полноводных рек, который был применен Киром: вдоль реки прорывается канал, концы которого упираются в реку; вследствие этого водное полотно оказывается разделенным на два рукава, в которых напор воды будет гораздо слабее первоначального⁵⁴; описание этого приема впервые встречается в Ксенофоновой «Киропедии» (VII, 5, 9 сл.).

Из полководцев древности Анониму известны Кир⁵⁵, Филипп Македонский⁵⁶, его сын Александр⁵⁷, Регул, римский полководец периода первой Пунической войны⁵⁸, Ганнибал⁵⁹; из современных военных деятелей, как отмечалось выше, Аноним называет лишь Велизария⁶⁰.

Что касается специальных военных сочинений, которые использовал Аноним, то идентификация их оказывается делом весьма затруднительным. Автор не называет своих предшественников по именам (единственным исключением является упоминание Аполлодора⁶¹), используя обобщающее наименование «древние»⁶². Кроме того, автор избегает текстуальных заимствований, так что единственным указанием на источник может служить лишь содержание соответствующего отрывка.

В большинстве случаев невозможно установить с достоверностью, использован ли Анонимом тот или иной источник, но в случае совпадения их информации по содержанию можно по крайней мере утверждать, что такое использование было возможно. Так, в трактате сказано, что иногда сражение завязывается в момент форсирования пехотой реки, прямо в воде; такие случаи, продолжает Аноним, имели место в период войн Александра Македонского с персами⁶³. Данная информация могла быть заимствована из арриановского «Анабасиса Александра» (I, 13—16), где приводится эпизод из сражения на реке Граник (334 г. до н. э.). Уже упоминавшийся прием по разделению реки на два рукава с целью более лег-

кого ее форсирования описывается и Юлием Цезарем под 49 г. (переход через р. Сегр)⁶⁴. В трактате Вегеция⁶⁵ рекомендуется разделять реку не на два, а на возможно большее количество рукавов. Поэтому данную информацию Аноним мог заимствовать и у Ксенофонта, и у Цезаря, и у Вегеция.

Любопытна сентенция в начале XX главы. Подчеркивая необходимость тщательных мер обеспечения от внезапного нападения врага, Аноним обязывает стратега держать эти вопросы постоянно в центре внимания. «Выражение „я не думал об этом“, как указал один из древних, мало подходит для военного искусства», — заключает Аноним⁶⁶. Был ли прямой источник этой сентенции не представляется возможным: как отметили уже первые издатели трактата⁶⁷, ссылка на незнание (попутага, οὐκ ᾔσθην), не могущее служить оправданием, встречается во многих произведениях античной литературы (Полиен, Валерий Максим, Сенека, Цицерон).

Можно предполагать влияние предшествующих военно-научных исследований не на отдельные сюжеты, а на целые разделы трактата. Так, главы V и VI, намечающие общий план мероприятий по обороне от вражеского нашествия, созвучны содержанию соответствующих глав трактата Онанасандра, поскольку стратег, если можно так выразиться, являлся одновременно и главнокомандующим, и военным министром; в его обязанности входила подготовка к войне не только армии, но и гражданского населения пограничных областей. Глава XVIII, посвященная порядку совершения маршей, имеет аналогии в трудах Асклепиодота и Элиана, но отличается от них несколько большей живостью изображения, хотя построена в сугубо теоретическом плане и не отмечена духом авторской самостоятельности; единственный исторический пример, приведенный в этой главе, относится к глубокой древности (ко временам Ганнибала⁶⁸).

Сведения о лагерьном устройстве (гл. XXVIII—XXIX) в общем соответствуют принципам Полибия и Гигина⁶⁹, хотя здесь встречаются некоторые практические указания, обобщающие современную Анониму боевую практику. Так, рекомендуется создавать дополнительную защиту из щитов, развешенных на копьях, которые воткнуты в землю снаружи лагерьных палаток⁷⁰. Подступы к лагерю укрепляются посредством триболов (металлические шарики с острыми шипами, которые способны поранить ноги людей и лошадей). Отметим, кстати, что автор питает особое пристрастие к этим триболам, рекомендуя применять их в самых различных условиях⁷¹. В самом деле, они могли быть достаточно действенным оружием против конных подразделений, особенно если учесть, что в те времена лошади не имели подков. Кроме того, по всему периметру лагеря протягивались тонкие шнуры с колокольчиками — средство для обнаружения ночных нападений противника⁷².

Заслуживают более подробного анализа свидетельства Анонима, касающиеся градостроительства, фортификации и полиоркеттики. Этот материал еще не был объектом специального изучения; между тем именно здесь можно найти данные для решения таких вопросов, как степень зависимости трактата от предшествующей традиции, соотношение общетеоретического

⁵⁰ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 635.

⁵¹ Dain A. Les Stratégistes. ... p. 343.

⁵² Anonymus, XXXIII, 4, p. 162.

⁵³ Ibid., XIX, 19, p. 116.

⁵⁴ Ibid., XIX, 20—21, p. 116—118.

⁵⁵ Ibid., XIX, 21, p. 118.

⁵⁶ Ibid., XXIV, 3, p. 130.

⁵⁷ Ibid., XIX, 18, p. 116.

⁵⁸ Ibid., XLIII, 5, p. 194.

⁵⁹ Ibid., XVIII, 12, p. 110.

⁶⁰ Ibid., XXXIII, 8, p. 164.

⁶¹ Ibid., XIX, 7—14, p. 112—114.

⁶² Ibid., VIII, 6, p. 64; XIII, 15—17, p. 82; XX, 1, p. 120; XXIII, 1, p. 126; XXI, 4, p. 130; XXX, 4, p. 148; XXXV, 1, p. 166.

⁶³ Ibid., XIX, 18, p. 116.

⁶⁴ См.: Г. Юлий Цезарь. Гражданская война, I, 61.

⁶⁵ См.: Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела. — ВДИ, 1940, № 1 (далее — Вегетий), III, 7, с. 263.

⁶⁶ Anonymus, XX, 1, p. 120.

⁶⁷ Ibid., S. 319.

⁶⁸ Ibid., XVIII, 12, p. 110.

⁶⁹ Об этом см.: Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom IV. — X. Jahrhundert. — BZ, 1913, 22, S. 98—102.

⁷⁰ Anonymus, XXVIII, 5, p. 142.

⁷¹ В том числе и в условиях полевого сражения: ibid., XXXII, 14, p. 158; XXXVIII, 5, p. 178.

⁷² Ibid., XXIX, 6, p. 144.

и практического аспектов в информации Анонима, старое и новое в трактате, ценность его как исторического источника и т. д.

Вопросы градостроительства, фортификации и полиоркеттики решаются Анонимом в широком аспекте проблем стратегической обороны — они являются органической составной частью мероприятий по подготовке страны к отражению вражеского нашествия. Детально представлен материал о пограничных сторожевых постах, с которых должно вестись постоянное наблюдение за передвижениями неприятельских армий, даны подробные рекомендации по инженерному оборудованию постов, подбору лиц, несущих службу на этих постах, снабжению их продовольствием и фуражом⁷³. Собранные сведения о противнике должны передаваться с помощью сигнальных огней; при этом должен сообщаться не только самый факт вторжения на территорию империи, но и численность неприятельской армии⁷⁴.

Известно, что система пограничных сторожевых постов была создана в древней Греции еще в эпоху греко-персидских войн; по некоторым предположениям, она связывала Аттику с побережьем Малой Азии. Тогда же стали разрабатываться и первые приемы передачи военной информации⁷⁵. Вполне вероятно возрождение аналогичной системы во времена Юстиниана: детальная разработка Анонимом указанного сюжета наталкивает на мысль о практическом характере его рекомендаций. По предположению М. Иенса, обобщенная Анонимом практика питалась идеями Ксенофонта, Энея, Аполлодора, Витрувия⁷⁶.

Значительное внимание уделено в трактате строительству новых городов — явное воздействие атмосферы грандиозного строительства юстиниановской эпохи. Однако автора интересует не весь этот вопрос в целом, а лишь его военно-утилитарный аспект. Не случайно поэтому указания как по выбору места будущего строительства, так и по защите города исходят из главных принципов — обеспечения безопасности города на случай войны, создания условий для затруднения его осады. Если город закладывается на берегу реки или моря, его стены должны возводиться не ближе 20 локтей от воды (чтобы неприятель не мог атаковать город непосредственно с кораблей) и не далее 100 локтей (чтобы все пространство до воды поражалось эффективной стрельбой со стен)⁷⁷. Минимальная толщина стен определяется в 5, а высота — в 20 локтей⁷⁸. Известна автору идея фланкирования, определяющая конфигурацию крепостных стен, а также форму башен и их чередование с куртинами⁷⁹. Необходимый атрибут парапета крепостной ограды — прямоугольные зубцы, защищающие от обстрела, но не мешающие передвижениям по стене⁸⁰. Автор энергично защищает идею протейхизмы. Необходимость ее сооружения мотивируется двумя целями: во-первых, она препятствует подведению к стенам осадных механизмов противника; во-вторых, образуемый между протейхизмой и крепостной оградой перибол должен служить местом сбора жителей сельской округи, искавших спасения от врагов в городе; их следует по возможности привлечь к защите, но вводить их в город Аноним считает нецелесообразным⁸¹.

Передовую линию обороны должен составлять ров шириной не менее 40 локтей. Его глубина должна превосходить глубину фундаментов стен

чтобы препятствовать вражеским подкопам⁸². Земляной вал при наличии протейхизмы Аноним считает излишним.

Специальная (XIII) глава трактата посвящена проблемам полиоркеттики. Из всех более ранних трудов, в которых эти проблемы получили подробное освещение, наиболее близким ко времени Анонима является сочинение Вегеция. Однако сравнение этих двух трактатов приводит к выводу, что зависимость Анонима от Вегеция ничтожна. Пожалуй, только один сюжет описан обоими авторами в сходных выражениях: когда осаждающим удастся проделать пролом в крепостной стене, они сначала закладывают его вертикальными деревянными подпорками и на время задерживают обвал участка стены, а затем, используя хворост и другие легковоспламеняющиеся материалы, поджигают завал и добиваются того, что стена рушится в нужный момент, вызывая панику среди осажденных⁸³. Но даже и в этом случае говорить о прямом заимствовании из сочинения Вегеция не приходится. Во-первых, данный прием был известен с глубокой древности и сведения о нем Аноним мог получить из другого источника. Во-вторых, хотя результат мероприятия в обоих трактатах одинаков, исходная ситуация различна: в данном описании Вегеция пролом осуществляется только с помощью подкопа (следовательно, имеется в виду разрушение фундамента стены), тогда как Аноним говорит о проломе стены на любом уровне (достигаемом, например, с помощью тарана).

В целом заметна существенная разница в подходе Вегеция и Анонима к проблемам полиоркеттики. У Вегеция преобладает описание активных форм осады и обороны, сопровождаемых применением военной техники; об осаде говорится столь же подробно и обстоятельно, как и об обороне. Изложение материала строится по принципу «действие — противодействие»; Вегеций как бы попеременно ставит читателя то в положение осаждающего, то в положение осажденного, давая рекомендации и по тому, и по иному поводу. Аноним всецело поглощен проблемами обороны. В центре его внимания — два основных сюжета: борьба с неприятельскими подкопами и меры противодействия метательным орудиям противника. При этом Аноним оперирует фактами тысячелетней давности: истоки подавляющего большинства его рекомендаций можно обнаружить в трактате Энея, созданном в середине IV в. до н. э.⁸⁴

Аноним указывает, что неприятели обычно скрывают начало подкопа специальными прикрытиями и именно по ним можно определить то место, откуда начат подкоп⁸⁵. Свидетельство Энея даже более конкретно. Он не только знает об этих прикрытиях, но и рекомендует самый рациональный способ их изготовления. Для этого должны использоваться телеги с оглоблями, поставленными под углом к поверхности земли: оглобли и должны служить каркасом прикрытия⁸⁶. Если направление подкопа точно определить невозможно, то Аноним советует прокопать ров с наружной стороны стены параллельно ее протяженности; когда неприятельский подкоп откроется, в этот ров следует направить против подкопщиков либо поток воды, либо струю дыма — тем самым усилия неприятеля будут сведены на нет⁸⁷. Этот прием был также знаком Энею: он прибавляет, что, кроме воды и дыма, в подкоп можно пустить ос и пчел⁸⁸. Ему был известен и

⁷³ *Anonymus*, VII, 1—4, p. 60—62; IX, 1—8, p. 66—68.

⁷⁴ *Ibid.*, VIII, 1—8, p. 62—64.

⁷⁵ См. об этом: Эллинистическая техника / Под ред. академика И. И. Толстого. М.: Л., 1948, с. 315—318.

⁷⁶ *Anonymus*, S. 147.

⁷⁷ *Ibid.*, XI, 3, p. 70—72.

⁷⁸ *Ibid.*, XII, 1, p. 72.

⁷⁹ *Ibid.*, XII, 2, p. 74.

⁸⁰ *Ibid.*, XII, 3, p. 74.

⁸¹ *Ibid.*, XIII, 5, p. 74; ср. VI, 2, p. 58.

⁸² *Ibid.*, XII, 6, p. 76.

⁸³ Вегеций, IV, 24, с. 286; *Anonymus*, XIII, 2—5, p. 76—78.

⁸⁴ *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. London; New York, 1923 (далее — *Aeneas*). Имеется русский перевод: Эней Тактик. О перенесении осады. — ВДИ, 1965, № 1/2. См. также: Беляев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности. — Там же; Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975, с. 178 слл.

⁸⁵ *Anonymus*, XIII, 6—7, p. 78.

⁸⁶ *Aeneas*, XXXVII, 9, p. 186—188.

⁸⁷ *Anonymus*, XIII, 8, p. 78—80.

⁸⁸ *Aeneas*, XXXVII, 1—4, p. 184—186.

такой активный прием борьбы, как применение встречных подкопов⁸⁹, о чем Аноним не упоминает⁹⁰. Для обнаружения направления подкопа Эней рекомендует воспользоваться приемом, который уже ему был известен как старый: следует прикладывать к земле медный щит, и там, где под землей будет подкоп, щит будет издавать особый звук⁹¹. Способ же, рекомендуемый Анонимом, более примитивен и проводится без применения «технических средств»: нужно лечь на землю и, приложив ухо к земле, стараться услышать шум земляных работ⁹². Представляется, что такой прием менее рационален, чем те, которые рекомендуются его предшественниками.

Вторую половину XIII главы Аноним посвящает борьбе с осадными механизмами противника. Борьба с «черепахами», указывает он, описана древними полиоркетиками; далее сообщаются сведения, не оставляющие сомнения, что и в данном случае основным источником Анонима служили рекомендации Энея⁹³. Покончив с этим, Аноним делает следующее замечание: «Мы имеем добавить к этому нечто новое, что может быть еще более действенным против них (т. е. против «черепах». — В. К.). Об этом мы хотим здесь рассказать»⁹⁴. Что же рекомендует далее Аноним? Когда «черепахи» приблизились, на участках стены против них следует развесить полотнища, изготовленные из льна, шерсти или волос; будучи закрепленными сверху, на зубцах стены, специальными колышками, они свободно ниспадают на стену⁹⁵. Назначение таких полотнищ двояко: во-первых, они скрывают от наблюдения и защищают от обстрела солдат, расположенных на стене; во-вторых, они гасят энергию метательных снарядов противника. Если указанные полотнища невозможно изготовить из-за недостатка времени или средств, тогда вместо них следует использовать спальные принадлежности (циновки, покрывала, одеяла), взятые у местных жителей⁹⁶. К этим рекомендациям примыкает еще одна: кроме постоянно висящих полотнищ следует изготовить и передвижные сети из веревок толщиной с палец. Вынесенная перед стеной на расстояние двух локтей, такая сеть надвигается на тот или иной участок, по которому неприятелем ведется прицельная стрельба из петробол. Встречая бросок камня, сеть защищает стену от разрушения⁹⁷. Заканчивая данный раздел, Аноним рекомендует применять эти приспособления как против «черепах», так и против таранов⁹⁸.

Сопоставив рекомендации Анонима со свидетельствами современных сирийских хроник, Н. В. Пигулевская пришла к убедительному заключению, что в данном случае мы имеем дело с материалом, обобщившим накопленный боевой опыт⁹⁹.

Практический смысл рекомендаций Анонима бесспорен. Вызывает недоумение другое обстоятельство: Аноним описывает эти приемы как

новые, современные, не известные древним полиоркетикам. Между тем анализ источников приводит к выводу, что они были известны не только Вегецию (за 200 лет до Анонима), но и Энею (за 900 с лишним лет до него). У Вегеция читаем: по верхнему периметру стен развешиваются прикрытия, защищающие расположенных здесь солдат. Рекомендуемый материал — козьи шкуры и циновки. Известен ему и принцип «гашения» тканью летящего снаряда: нелегко пробить то, «что качается и уступает удару»¹⁰⁰. У Энея сведения на этот счет еще более подробны. Против таранов и других механизмов, пробивающих стены, на угрожаемых участках развешиваются мешки, наполненные мякиной, тюки с шерстью, бычьи шкуры, надутые или чем-либо наполненные¹⁰¹. Против метательных орудий по стенам навешиваются полотнища типа парусов — они не только защищают стену, но и задерживают каменные ядра, которые можно собрать и использовать против врагов¹⁰². Наконец, кошмы и шкуры, развешенные перед зубцами стены, служат также прикрытием от зажигательных снарядов¹⁰³.

С учетом изложенного вернемся вновь к вопросу о том, что же принципиально нового внесено в военную науку Анонимом. Приходится констатировать отсутствие всякой новизны. В самом деле, не считать же вкладом в теорию полиоркетики рекомендацию Анонима об изъятии у жителей спальных принадлежностей, хотя об этом не пишут ни Вегеций, ни Эней. Все же остальные идеи, так смело представленные Анонимом как новые, известны его предшественникам, а в некоторых деталях разработаны ими даже более подробно.

Ситуация требует разъяснений. Одно из них дать несложно. Сочинение Вегеция, очевидно, не было известно Анониму — сравнение этих двух трактатов как в данном случае, так и в более общем плане приводит к выводу об отсутствии между ними непосредственной связи. Труднее объяснить положение с Энеем — как мы видели ранее, истоки многих рекомендаций Анонима обнаруживаются именно в его сочинении.

Объяснение, по нашему мнению, может быть следующим. Устанавливая параллели между Анонимом и Энеем, мы одновременно отмечали, что совпадение свидетельств трактатов является неполным как по объему анализируемого материала, так и по детализации такого анализа. Многие вопросы, разработанные Энеем, оставлены Анонимом без внимания; в целом охват проблем полиоркетики у Анонима гораздо уже, чем у его предшественника. В одном месте он объявил новыми те из своих рекомендаций, которые были известны Энею, но в этой же главе есть и пример противоположного свойства: один из сюжетов, действительно не разработанных столь четко в предшествующих полиоркетических сочинениях, изложен Анонимом как бы между прочим. Мы имеем в виду отрывок, где говорится о способе срочного ремонта участка оборонительной стены, разрушенного неприятелем. Если в стене образовался пролом, пишет Аноним, нужно изнутри крепостной ограды срочно воздвигнуть сооружение, которое начинается по одну сторону от пролома, а кончается по другую. Оно должно иметь вид треугольника, вершина которого обращена внутрь города, а основанием является участок стены с проломом. Враг, бросившись в пролом, упрется в стену; одновременно он будет подвергнут обстрелу сразу с двух сторон и даже с тыла¹⁰⁴.

Оговоримся, что данная рекомендация питается двумя идеями, издавна известными в теории полиоркетики: первая из них заключается в том, что на любом участке обороны неприятель должен иметь перед собой неподвижную преграду, защищаемую людьми; вторая — это идея фланкирования, на которой строилась вся теория фортификации: линия крепост-

⁸⁹ *Aeneas*, XXXVII, 5, p. 186.

⁹⁰ Следует добавить к этому, что способы борьбы с неприятельскими подкопами разрабатывались и Витрувием, римским архитектором и инженером второй половины I в. до н. э.; см.: *Марк Витрувий Поллион*. Об архитектуре. Десять книг. Л., 1936. X, XVI, 10—11, с. 327—328. Влияние Витрувия на трактат Анонима не ощущается.

⁹¹ *Aeneas*, XXXVII, 6—7, p. 186. Витрувием (X, XVI, 10, с. 327) описан следующий прием: в направлении вражеского подкопа вырываются встречные подкопы, в которых развешиваются медные сосуды; по их звону устанавливается точное направление вражеского подкопа.

⁹² *Anonymus*, XIII, 9, p. 180.

⁹³ *Anonymus*, XIII, 15—16, p. 82; 25, p. 84; *Aeneas*, XXXII, 5—6, p. 176; XXXIII, 1—2, p. 180.

⁹⁴ *Anonymus*, XIII, 17, p. 82.

⁹⁵ *Ibid.*, XIII, 18—19, p. 82.

⁹⁶ *Ibid.*, XIII, 21, p. 84.

⁹⁷ *Ibid.*, XIII, 26, p. 86.

⁹⁸ *Ibid.*, XIII, 27, p. 86.

⁹⁹ См.: *Пигулевская Н. В.* Осада городов в Месопотамии в VI в. — УЗ ЛГУ, 1941, вып. 12, с. 49, 77.

¹⁰⁰ *Вегеций*, IV, 6, с. 281.

¹⁰¹ *Aeneas*, XXXII, 3, p. 176.

¹⁰² *Ibid.*, XXXII, 9—10, p. 178.

¹⁰³ *Ibid.*, XXXIII, 8, p. 180.

¹⁰⁴ *Anonymus*, XIII, 13—14, p. 80—82.

ной ограды должна быть изломанной, чтобы любой участок фронта пора-жался по крайней мере с двух направлений. Описанный Анонимом способ имел, несомненно, широкое практическое применение и в более раннюю и в более позднюю эпохи; Аноним отнюдь не был его изобретателем, но детальное описание этого способа, сопровождаемое теоретическим обосно-ванием, мы впервые встречаем именно в анализируемом трактате.

Все сказанное выше приводит нас к заключению, что XIII глава трактата не имела своим непосредственным письменным источником ни одно из известных ныне теоретических руководств по полиоркетике. Разумеется, не исключается возможность использования Анонимом сочинения ныне утраченного. Однако более вероятным, на наш взгляд, является предположение, что материалом для написания XIII главы явилась современная Анониму боевая практика, которая, в свою очередь, основывалась на исследованиях военных теоретиков античности (в том числе и в первую очередь — Энея). Время Анонима — это время преимущественно оборонительных войн империи; отсюда — известная односторонность в подборе сюжетов, заслуживших внимание автора. Естественная ограниченность собственного опыта объясняет как недостаточную масштабность в подходе к проблемам полиоркетике, так и ошибки в расстановке акцентов между старым и новым, между чужим и собственно авторским.

Заслуживают подробного анализа и разделы, посвященные тактике, которая понимается как «наука, по которой масса людей вооружается делится на подразделения и целесообразным способом приводится в движение»¹⁰⁵.

При описании вооружения главное внимание автора сосредоточено на характеристике его защитных элементов. Пехотинец вооружен щитом диаметр которого должен быть не меньше 7 пядей (около 1,6 м)¹⁰⁶. В середине щита помещался круглый умбон с острым и длинным наконечником которым можно причинять вред противнику в рукопашном бою¹⁰⁷. Далее упомянуты шлем, панцирь, наголенники¹⁰⁸. Все это защитное вооружение должно надеваться не на обычное платье, а на специальный гиматий, изготовленный из стеганой ткани толщиной не менее пальца¹⁰⁹.

Будучи облачен в такие доспехи, пехотинец, как можно предполагать, был скован в движениях и неспособен к ведению боя в одиночку. Если принять во внимание преимущественно жаркие климатические условия большей части империи и пограничных регионов, то целесообразность подобных рекомендаций возбуждает серьезные сомнения¹¹⁰. Однако стремление во что бы то ни стало «закрыть войско броней, чтобы никакой вид вражеского оружия не мог его поразить»¹¹¹, превалирует в сознании автора над всеми другими соображениями. Мы снова встречаем здесь вариант идеи глухой обороны, доведенный до крайнего выражения.

Лишенный подвижности пехотинец мог действовать только в составе фаланги. Ее первые четыре шеренги были составлены из воинов, вооруженных копьями. Поскольку расстояние между шеренгами составляет около одного локтя, копья каждой из шеренг, следующих за первой, становятся все более длинными; эти копья лежат на плечах стоящих вперед воинов. Удар неприятеля с фронта отражается копьями четырех первых шеренг¹¹². По аналогии с ними вооружены воины четырех последних шеренг, а также солдаты, стоящие в четырех крайних правых и четырех крайних левых рядах фаланги. Пехотинцы, расположенные внутри этого

копьеносного четырехугольника, вооружены метательным оружием — главным образом дротиками¹¹³.

Как видим, пехотная фаланга, обрисованная Анонимом, была способна лишь к оборонительному бою, причем только к дальнему. Если противнику удавалось расчленивать фалангу, неповоротливые, обремененные тяжелыми доспехами пехотинцы оказывались абсолютно беззащитными, и весьма слабой компенсацией представляется рекомендация Анонима использовать в ближнем бою острые наконечники шлемов¹¹⁴.

Фаланга Анонима — свидетельство упадка пехоты как рода войск в позднеримскую и ранневизантийскую эпохи. «Соприкосновение с иррегулярной конницей Востока, — пишет Ф. Энгельс, — все более и более понижало значение пехоты и влияло на ухудшение ее качества. Конные лучники сделались излюбленным родом войск. . . Обычным сделался бой на расстоянии, а рукопашная схватка рассматривалась как нечто устаревшее»¹¹⁵.

Нарративные источники, относящиеся к VI в.¹¹⁶, рисуют картины сражений, которые иногда продолжались по нескольку часов, но не сопровождались рукопашной схваткой. Дело ограничивалось тем, что две армии, обратившись фронтом друг к другу, но разделенные значительным расстоянием, вели стрельбу из луков преимущественно по навесной траектории, поскольку лучники размещались либо на флангах, либо позади тяжеловооруженной пехоты. В этих условиях судьбу сражения могли решить удары даже немногочисленных кавалерийских частей, если им удавалось войти в непосредственное соприкосновение с пехотными подразделениями. Поэтому усилия авторов военно-теоретических руководств были направлены на то, чтобы не допустить ближнего удара противника по боевым порядкам, удержать его на расстоянии как можно более продолжительное время и тем самым создать условия для извлечения максимальной выгоды из своего оружия дальнего действия. Именно эта мысль пронизывает весь тактический раздел трактата Анонима. И не случайно его приверженность к триболом, о чем уже говорилось выше. Задержать атаку вражеской конницы, хоть на время лишить ее подвижности, обеспечить возможность прицельной стрельбы по ней — вот цели, достигаемые применением триболов. Разумеется, эти цели могли быть достигнуты с помощью более эффективных средств — ям, канав, засек и т. д. Но сооружение таких искусственных препятствий требует больших затрат времени и средств, а в условиях меняющейся военной обстановки это не всегда возможно. Применение триболов не связано с этими затруднениями: они легки, портативны, менее заметны; к тому же это средство многократного использования. Короче говоря, триболы обладают всеми достоинствами деревоземляных препятствий и одновременно свободны от недостатков, свойственных последним. Не случайно создание запаса триболов включается Анонимом в общий план мероприятий по подготовке страны к отражению вражеского нашествия¹¹⁷. Не случайно и то, что собственная кавалерия должна быть защищена от губительного действия триболов: копыта лошадей рекомендуется подбивать специальными железными пластинами¹¹⁸.

Свидетельства Анонима о вооружении пехотных и кавалерийских подразделений представляются достаточно современными и вполне соответствующими духу эпохи. Вероятно, здесь мы снова имеем дело со случаем,

¹⁰⁵ *Anonymus*, XIV, 1, p. 88.

¹⁰⁶ *Ibid.*, XVI, 1, p. 100.

¹⁰⁷ *Ibid.*, XVI, 2, p. 100.

¹⁰⁸ *Ibid.*, XVI, 3, p. 100.

¹⁰⁹ *Ibid.*, XVI, 4, p. 100—102.

¹¹⁰ *Jähns M.* Op. cit., S. 148.

¹¹¹ *Anonymus*, XVI, 1, p. 100.

¹¹² *Ibid.*, XVI, 6—7, p. 102.

¹¹³ *Anonymus*, XVI, 8, p. 102—104.

¹¹⁴ *Ibid.*, XVI, 5, p. 102. Данный сюжет в свое время развеселил М. Иенса, живо представившего воинов, поставленных перед необходимостью «бодаться как козлы» (*Jähns M.* Op. cit., S. 148).

¹¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 361.

¹¹⁶ Например, Прокопий (Война с персами, I, 14, 18) и др.

¹¹⁷ *Anonymus*, VI, 3, p. 58.

¹¹⁸ *Ibid.*, XVII, 4, p. 106.

когда информация Анонима основывается в большей степени на материалах современной боевой практики, чем на теоретических изысканиях «древних». Лишь с этих позиций можно объяснить одностороннее увлечение автора защитными элементами вооружения и полное игнорирование элементов наступательных. Он, в частности, даже не упоминает в XVI главе ни мечей, ни луков, которые, несомненно, состояли на вооружении воинов (это следует и из дальнейших описаний). Совершенно отсутствует материал об обучении воинов владению тем или иным оружием. Если бы автор имел под руками какое-либо письменное руководство по вооружению, такие пробелы вряд ли были бы возможны. Вспомним для сравнения, сколь детальные характеристики всех видов вооружения у Вегеция, как подробны его рекомендации по обучению воинов. Такой подход Анониму не свойствен. Его трактат не обладает признаками универсальности и энциклопедичности, он заметно односторонен — как в целом, по охвату проблем военной науки, так и при анализе конкретных сюжетов. Вероятно, это следует расценивать как недостаток; но это недостаток, являющийся продолжением достоинств трактата: его самостоятельности, самобытности, тесной связи с современностью, практического характера содержащейся в нем информации.

Однако есть в трактате и разделы, где Аноним, отступая от своих основополагающих принципов, оказывается в плену книжной традиции. Типичным примером служат глава XV, посвященная характеристике различных элементов пехотной фаланги, и главы XXI—XXV, где речь идет о способах ее перестроения. Информация, сообщаемая в этих главах, имеет абстрактный, умозрительный, вневременной характер; автор словно упрямится в чистом теоретизировании. В полном противоречии с исходными установками Аноним излагает не практические, а исключительно теоретические аспекты перестроений, причем не в плане современных требований, а в плане историко-информационном. Анализируются вопросы, которые являлись историей уже во времена Асклепиодота, Элиана Арриана и были связаны с македонской фалангой времен Филиппа Александра. Заметно меняются и стиль и лексика автора: повествование ведется в прошедшем времени, оно переполнено специальной терминологией, многочисленными дефинициями. По своей сухости и безжизненности способ изложения материала напоминает манеру Асклепиодота.

Мы уже говорили ранее о недоумении М. Иенса по поводу слишком резкого, немотивированного перехода Анонима от проблем полиоркетик к проблемам тактики. Представляется возможным конкретизировать тезис немецкого исследователя: несовершенная стыковка двух данных разделов трактата объясняется тем, что они существенно различаются характером изложенного в них материала. Полиоркетический раздел характеризуется в целом достаточно современным звучанием и носит отпечаток заметной авторской самостоятельности; главы о членении пехотной фаланги и ее перестроениях, воспроизводящие свидетельства какого-то александрийского письменного источника, оказываются включенными в текст трактата настолько неорганично, что возбуждают сомнение в их изначальной принадлежности данному сочинению.

Теоретическим, умозрительным характером отличаются и разделы, содержащие описание различных видов боевых построений. Основой боевого строя является пехотная фаланга. Она может выступать в различных модификациях: колонна, линия, «косой строй», каре, клин и т. д.¹¹⁹ Характер изложения материала напоминает манеру Вегеция, только Аноним более многословен; ощущается и сходство некоторых идей. О прямом заимствовании вряд ли может идти речь — скорее можно предполагать влияние более ранней военно-научной традиции, предшествовавшей и Анониму, и Вегецию.

¹¹⁹ *Anonymus*, XXXI, 1—13, p. 154—160.

В историографии уже высказывались отрицательные мнения по поводу тактических воззрений Вегеция: они признавались устаревшими для периода IV в. Пехотно-фаланговые схемы Анонима не являлись (да и не могли быть) более живыми: исходные установки здесь те же самые, что и у Вегеция, а время Анонима — на два века позднее. Кризис позднеримской пехоты, о котором уже говорил во весь голос Вегеций, в эпоху Анонима продолжался и углублялся.

Какие существовали теоретически возможные выходы из этого кризиса? Во-первых, имело бы смысл обратиться к поискам еще неиспользованных возможностей фалангового построения, попытаться отыскать в самой фаланге ресурсы ее собственного усиления. Во-вторых, предстояло совершенствовать взаимодействие тяжеловооруженной фаланги с другими видами пехоты и родами войск. В-третьих, широкие перспективы открывались на пути развития идеи тактических резервов, как присутствующих на поле боя (вторая, третья линия боевого строя), так и скрытых (засады). В-четвертых, плодотворными могли стать разработки новых форм боевых действий (отступление, контрнаступление, ночной бой и т. д.). Наконец, практически неисчерпаемыми были поиски новых способов ослабления и разложения противника (военные хитрости, диверсии, шпионаж и др.).

Очевидно, военно-теоретическая мысль позднеримской и ранневизантийской эпох действовала сразу во всех указанных направлениях — сама жизнь, характер внешнеполитической ситуации (чаще неблагоприятной, особенно во второй половине VI в.) требовали таких поисков. Трактат Анонима отразил их достаточно отчетливо.

В главе XXVII содержится подробное описание одного из видов боевого построения¹²⁰, которое представляет собой попытку скомбинировать принципы фалангового строя с манипулярной тактикой римских легионов. Рекомендуются разделить фалангу на две части и построить их фронтом в одном направлении. Промежуток, равный по длине фронту каждой из частей, следует заполнить двумя или тремя шеренгами пехоты, чтобы издали врагу казалось, что все войско образует единую монолитную фалангу. Это впечатление усилится, если будет выбрана подходящая местность, где передние ряды стояли бы выше задних. Когда противник приблизится, промежуточные шеренги должны податься назад, пока не окажутся на уровне задних шеренг фаланги. Этим маневром прежде всего удастся достигнуть перевеса сил на флангах, тогда как центр вражеского строя окажется выключенным из сражения. Если же вражеские подразделения, противостоящие отступившему центру, устремятся вперед, они окажутся под ударом сразу с нескольких сторон; к тому же произойдет неизбежная деформация вражеского строя, нарушится взаимодействие его частей. Разумеется, заключает Аноним, осуществление такого сложного тактического маневра требует предварительного обучения. В ходе его следует преодолеть своеобразный психологический барьер: отступление одной из частей фаланги не должно неблагоприятно отразиться на моральном состоянии остальной массы войска. Важно и точно согласовать этот маневр по времени: отступление промежуточных шеренг должно произойти не раньше соприкосновения с противником (чтобы враг, разглядев неравномерное распределение сил, не успел перегруппироваться), но и не позже его (чтобы не произошел прорыв слабого центра боевого строя).

Маневр, описанный Анонимом, не является абсолютно новым по своей главной идее: фактически это — вариация идеи Эпаминонда о неравномерном распределении сил по фронту. Однако указать прямой источник этой рекомендации Анонима не представляется возможным.

Одновременно следует подчеркнуть, что предложенный прием вряд ли мог найти широкое практическое применение. Византийцам VI в. почти не приходилось сталкиваться с неприятелем, применявшим классическую

¹²⁰ *Anonymus*, XXVII, 3—11, p. 172—176.

фаланговую тактику, а против конного войска использование такого приема было бы чрезвычайно рискованным делом. Поэтому рассмотренный сюжет следует отнести к сфере теоретических, «кабинетных» изысканий нашего автора.

Строй пехотной фаланги, по описанию Анонима, должен быть усилен легковооруженными воинами (псилами), которые поддерживают сражение фаланги¹²¹. Псилы размещаются либо на флангах фаланги (если она глубока)¹²², либо позади нее (если она неглубока и псилы могут стрелять из луков и пращей через головы своих тяжеловооруженных пехотинцев)¹²³. Когда предстоит сражение с конным неприятелем, псилы рассыпаются цепью перед строем фаланги; нанеся первый удар, они могут скрыться за фалангой¹²⁴.

Кавалерию можно размещать и на флангах пехотного строя, и в его середине; первый вариант, по мнению Анонима, предпочтительнее¹²⁵. Главная цель конных частей — преследование разбитого противника¹²⁶. Основная же тяжесть сражения, по Анониму, ложится на пехотные подразделения¹²⁷. Представляется, что в данном случае Аноним вновь оказывается в плену старых военно-теоретических воззрений, не соответствующих духу эпохи.

Затрагивая вопрос о числе линий боевого строя, Аноним ставит его решение в зависимость от тактических схем, избираемых неприятелем¹²⁸. Наличие второй линии он не считает обязательным: она создается лишь тогда, когда ромейское войско, по крайней мере, вдвое сильнее неприятельского¹²⁹. Создается впечатление, что Аноним даже опасается выстраивать вторую линию, ибо из-за этого может произойти окружение неприятеля, что нежелательно, поскольку окруженный противник, оказавшись в безвыходном положении, может «превзойти в храбрости самого себя». Следовательно, главная цель сражения, по Анониму, заключается не в полном разгроме противника, а лишь в отбрасывании его; эта цель должна определять и выбор тактических схем. Мысль о том, что противнику следует представлять возможность для бегства, не является у Анонима случайной: он возвращается к ней еще раз¹³⁰, причем формулирует ее в сходных выражениях. Заметим, кстати, что эта идея еще со времен Ксенофонта (Киропедия, IV, 1, 16) являлась важнейшим составным элементом военной теории и до Анонима, и после него¹³¹.

Взгляды Анонима на проблему второй линии следует также признать устаревшими. Как известно, последующие военно-теоретические произведения, начиная со «Стратегикона Маврикия», интенсивно разрабатывают идею многолинейности боевого построения, с полным основанием усматривая здесь существенный резерв усиления боевой мощи войска.

Более современен Аноним при разработке проблем скрытых тактических резервов. Засадные подразделения следует комплектовать из мужественных, опытных в военном деле кавалеристов; их следует выстроить на 2—3 мили¹³² позади боевого строя и скрыть, используя для этого особенности местности¹³³. Цель засад — нанесение внезапного удара, когда

враг, расстроив свои ряды, бросается преследовать отступающего противника¹³⁴. Чтобы отступление было более правдоподобным, рекомендуется бросать на поле боя что-либо из вооружения и снаряжения. Это внесет еще большую сумятицу в ряды преследователей, а иногда служит причиной их ссор из-за добычи¹³⁵. В таких условиях внезапный удар из засады может оказаться особенно эффективным.

Представляется достаточно оригинальной и идея своего рода «полускрытого» резерва. Аноним предлагает выделить часть войска и держать ее на значительном удалении (3—4 мили), чтобы враг ее видел, но не имел возможности на нее напасть. Такая демонстрация будет сковывать инициативу врага, его наступательную активность¹³⁶.

Разработка проблем засадной тактики, на которую обращено внимание Анонима, стала объектом пристального внимания военных авторов более позднего времени.

Среди видов сражения в описании Анонима преобладает оборонительный бой. Автор мыслит византийское войско в положении исключительно обороняющейся стороны. Боевая инициатива полностью отдана противнику — как в общестратегическом плане, так и в тактическом. Помыслы Анонима направлены лишь на то, чтобы всеми силами ослабить эффект вражеского удара, а в том, что этот удар последует, причем он будет первым, Аноним не сомневается.

Если Вегеций, впервые разрабатывавший теорию тактического отступления¹³⁷, еще характеризовал данный вид боевых действий как менее престижный по сравнению с наступлением и потому, падая самолюбие воинов, требовал от военачальников мотивировки своих действий, то Аноним рассматривал отступление как явление ординарное — очевидно, военные неудачи приучили его именно к такому взгляду на вещи. Если обстановка позволяет, такие отступления должны иметь временный характер: отступив днем, следует вернуться на прежние позиции ночью¹³⁸. При этом отступать нужно в места защищенные, лучше всего — господствующие над местностью, чтобы максимально использовать возможности лучников и пращников; иногда случается и отбивать атаки врага, метая камни вручную¹³⁹. Отступление должно проводиться под прикрытием засад и с применением триболов¹⁴⁰.

Идеи контрнаступления высказываются Анонимом лишь в самом общем виде — в этом плане его вклад в военную теорию незначителен. Как известно, теория контрнаступления как особого вида боевых действий, в дополнение к наступлению и отступлению, начала приобретать сколько-нибудь определенные очертания лишь в более поздних трактатах, начиная со «Стратегикона Маврикия».

Аноним уделил внимание и характеристике ночного боя (глава XXXIX). Весьма оживляют этот сюжет некоторые организационные детали. Для участия в ночном нападении рекомендуется отбирать лишь добровольцев. Между ними и военачальником заключается клятвенный договор: за успешное осуществление намеченной цели воины должны получить особое вознаграждение; в случае уклонения от выполнения своего долга они будут наказаны смертью¹⁴¹. Заранее разведываются силы противника, их размещение, подыскиваются надежные проводники; выбирается ночь не лунная, но звездная, ибо ориентировка проводится по звездам¹⁴². Направление движения указывается специальными фонарями,

¹²¹ *Anonymus*, XXXII, 16—17, p. 158.

¹²² *Ibid.*, XXXV, 6, p. 168.

¹²³ *Ibid.*, XXXV, 7, p. 170.

¹²⁴ *Ibid.*, XXXV, 8, p. 170.

¹²⁵ *Ibid.*, XXXV, 1—3, p. 166—168.

¹²⁶ *Ibid.*, XXXV, 4, p. 168.

¹²⁷ *Ibid.*, XXXVI, 1—3, p. 170—172.

¹²⁸ *Ibid.*, XXXIV, 1—3, p. 164—166.

¹²⁹ *Ibid.*, XXXIV, 4, p. 166.

¹³⁰ *Ibid.*, XXXIX, 12, p. 182.

¹³¹ См., например: *Mauricius. Arta militaria*/Ed. H. Mihăescu. Bucuresti, 1970 (далее — *Strategicon*), IX, 2, 11, p. 228; *De velitatione bellica*. — In: *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn, 1828, 14, pars XI, p. 253—256.

¹³² Римская миля — 2 тыс. шагов.

¹³³ *Anonymus*, XXXVIII, 1, p. 176.

¹³⁴ *Ibid.*, XXXVIII, 2, p. 176.

¹³⁵ *Ibid.*, XL, 5—7, p. 184—186.

¹³⁶ *Ibid.*, XXXVIII, 3—4, p. 178.

¹³⁷ Вегеций, III, 22, с. 275—276.

¹³⁸ *Anonymus*, XXXVII, 2, p. 172.

¹³⁹ *Ibid.*

¹⁴⁰ *Ibid.*, XXXVIII, 5, p. 178.

¹⁴¹ *Ibid.*, XXXIX, 2, p. 178.

¹⁴² *Ibid.*, XXXIX, 4—6, p. 180.

свет от которых падает только назад и врагам не виден¹⁴³. Для отвлечения внимания врага от направления главного удара рекомендуется создавать шум (крики, барабанный бой и т. д.) на других направлениях¹⁴⁴.

Подробное описание организации ночного боя свидетельствует о зарождении внимания военных теоретиков к этому специфическому виду боевых действий, способному (в случае успеха) принести эффективные результаты. Следует признать ошибочным мнение о том, что тактика ночного боя была создана византийцами лишь в конце IX или начале X в. Эту дату следует сместить к гораздо более раннему периоду: уже в VII в. усилиями Анонима и Маврикия¹⁴⁵ основы этой тактики были разработаны достаточно полно.

На примере ночного боя Аноним демонстрирует понимание той истины, что сама по себе сила оружия может быть многократно увеличена ее умелым применением. Развивая эту мысль, Аноним дает разнообразные рекомендации, направленные на то, как ослабить противника, извлечь выгоды из его слабых сторон, использовать преимущества собственного войска. Учет этих обстоятельств требуется при решении как общестратегических проблем, так и частных задач, которые возникают в ходе конкретной военной кампании.

Аноним производит впечатление человека, отрезвленного военными неудачами, не питающего никаких иллюзий по поводу исхода военных действий. Война может принести только тяжести и страдания, поэтому она рассматривается как «крайнее зло и воплощение всего дурного»¹⁴⁶. Следует всемерно и до последней возможности уклоняться от вступления в нее и всегда предпочитать мир, даже если он связан с ущербом для империи¹⁴⁷. Если все же избежать войны не удалось, следует организовать систематическое и тщательное изучение численности, вооружения вражеского войска, состояния воинского духа противника¹⁴⁸. Если эти показатели у вражеского войска лучше, чем у войска ромеев, нужно уклоняться от открытого сражения. Когда же оно станет неизбежным, его следует провести в условиях, гарантирующих собственное войско от поражения (благоприятная местность, подходящие погодные и временные условия и т. д.)¹⁴⁹. Следует добиться, чтобы положение врага было хоть в каком-то отношении худшим. Считаются благоприятными случаи, когда неприятельское войско утомлено длительным и трудным маршем, когда оно не успело устроить защищенный лагерь, когда в течение всей ночи оно находилось в состоянии страха и тревоги, а византийское войско хорошо отдохнуло¹⁵⁰. Но особенно предпочтительна ситуация, когда враг, испытывающий острую нехватку продовольствия, распыляет свои силы, — тогда открывается возможность его разгрома по частям. В данном случае даже небольшое войско имеет шансы одержать верх над более многочисленным противником¹⁵¹.

Последняя рекомендация Анонима вполне отвечала характеру его эпохи. Известно, что такая тактика измора лежала в основе воинских успехов Велизария, и как раз его имя пришло на память Анониму при описании данного сюжета¹⁵². Вспомним в этой связи высказывание Ф. Энгельса: «Тактика Велизария целиком базировалась на принципе: избегать рукопашного боя и брать противника измором»¹⁵³.

Описанные Анонимом различные приемы по обману, дезориентации, дезинформации противника сравнительно немногочисленны, в этом отношении его трактат уступает более поздним сочинениям. Однако создается впечатление, что Аноним был знаком как с практикой применения таких хитростей, так и с литературой по данному вопросу, прежде всего со сборниками стратегем Фронтин и Полиена. В этом смысле Аноним — промежуточное звено между названными «древними» писателями и авторами позднейших сочинений.

В заключительных главах трактата затронуты вопросы, связанные со сбором военной информации. Первостепенное внимание уделено при этом разведчикам.

Разведчики должны комплектоваться из верных, надежных людей. Когда они направляются за границу, в империи должны остаться их родные и близкие: по мнению Анонима, это достаточная гарантия против их предательства¹⁵⁴. Разведчики должны свободно владеть чужим языком, знать нравы и обычаи того народа, среди которого они работают¹⁵⁵. Анонимом высказываются и некоторые советы по конспирации, касающиеся выбора квартиры для поселения¹⁵⁶, места встреч с коллегами по профессии — разумеется, лучшим местом для встреч признается рынок, где в процессе мнимых торговых сделок можно незаметно передать секретную информацию¹⁵⁷. Сообщения, поступающие от разведчиков, способны сыграть решающую роль при выработке планов военных кампаний¹⁵⁸.

Из дальнейших рассуждений Анонима следует, что определенные разведывательные функции возлагались и на официальных послов, направляемых с дипломатическими миссиями в соседние державы. Одновременно говорится и об иностранных послах: они должны находиться под постоянным наблюдением, чтобы в их руки не попала какая-либо секретная информация¹⁵⁹. Послам далекой и не очень сильной в военном отношении державы можно показывать все¹⁶⁰. «Если же страна превосходит нашу, силой ли войска, храбростью ли его, то нельзя показывать им ни наши богатства, ни наших прекрасных женщин, а, напротив, [демонстрировать им] массу мужчин, крепость оружия и высоту стен»¹⁶¹. Носителями военной информации могут быть и перебежчики — им в трактате Анонима также посвящена специальная глава¹⁶².

Материал, касающийся разведчиков, перебежчиков и послов, представлен в трактате Анонима более широко и рассмотрен более основательно, чем это сделано его предшественниками и последователями. Установить прямой источник этой информации не представляется возможным — вероятнее всего, следует предполагать существование какого-то специального сочинения, до нас не дошедшего. В более поздней литературе ряд созвучных высказываний обнаруживается в «Стратегиконе Маврикия»¹⁶³, а через его посредство — и в «Тактике Льва».

Анализ основных разделов «Византийского Анонима VI в.» приводит нас к выводу, что мы имеем дело с интересным, сложным по структуре, богатым по содержанию сочинением. Оно сочетает в себе и черты самобытности, оригинальности, и элементы явных заимствований; абстрактно-теоретические выкладки соседствуют в нем с рекомендациями сугубо практического характера. По всем этим признакам изучаемый трактат являет собою типичный образец памятника военно-научной литературы.

¹⁴³ *Anonymus*, XXXIX, 8—9, p. 180—182.

¹⁴⁴ *Ibid.*, XXXIX, 12, p. 182.

¹⁴⁵ *Strategicon*, IX, 2, p. 226—228.

¹⁴⁶ *Anonymus*, IV, 2, p. 56.

¹⁴⁷ *Ibid.*, VI, 5, p. 58—60.

¹⁴⁸ *Ibid.*, XXXIII, 1—2, p. 160.

¹⁴⁹ *Ibid.*, XXXIII, 6, p. 162.

¹⁵⁰ *Ibid.*, XXXIII, 7, p. 162—164.

¹⁵¹ *Ibid.*, XXXIII, 9, p. 164.

¹⁵² *Ibid.*, XXXIII, 8, p. 164.

¹⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 361

¹⁵⁴ *Anonymus*, XLII, 8, p. 190.

¹⁵⁵ *Ibid.*, XLII, 9, p. 190—192.

¹⁵⁶ *Ibid.*, XLII, 11, p. 192.

¹⁵⁷ *Ibid.*, XLII, 7, p. 190.

¹⁵⁸ *Ibid.*, XLII, 1—5, p. 188—190.

¹⁵⁹ *Ibid.*, XLIII, 2, p. 192.

¹⁶⁰ *Ibid.*, XLIII, 3, p. 192.

¹⁶¹ *Ibid.*, XLIII, 4, p. 192.

¹⁶² *Ibid.*, XLI, 1—4, p. 186—188.

¹⁶³ *Strategicon*, VIII, 1, 32, 34—36, p. 202; VIII, 2, 25, p. 208; IX, 2, 4, p. 226.

Место трактата Анонима в традиции военных писателей — между сочинениями Вегеция и Маврикия. Но Аноним не является прямым наследником Вегеция, как не является он и прямым предшественником Маврикия. Его питают идеи более ранней эпохи; в целом для периода VI в. его концепции не намного современнее принципов Вегеция для IV в. Наоборот, некоторые материалы, включенные Анонимом в трактат, были отброшены еще два века назад Вегецием, поскольку они даже тогда уже представлялись архаичными (мы имеем в виду главы XV, XXI—XXV трактата Анонима).

Почему же в таком случае мы говорим о современности рекомендаций Анонима? Дело в том, что военная организация юстиниановской эпохи направленная на осуществление реставрационных замыслов правительства, сама являлась продуктом реставрации. Она базировалась на старых переживших свое время социальных и материально-технических основах и вдохновлялась идеями многовековой давности. Видимо, мы не допустили большой ошибки, если выскажем предположение, что военная организация империи во времена Юстиниана была не менее, а, может быть, даже и более консервативной, чем во времена Вегеция; поэтому концепции Анонима иногда даже более архаичные, чем у Вегеция, могли вполне адекватно соответствовать современной Анониму ситуации.

Из сказанного следуют два существенных вывода. Во-первых, информация трактата Анонима оказывается весьма ценным источником для изучения как юстиниановской эпохи в целом, так и ее военной организации в особенности. Анонима отличает отсутствие претенциозности, авторской амбиции, стремления изрекать вечные истины — эти черты были свойственны как Вегецию, так и (в меньшей степени) Маврикию; существенным было то, что и тот и другой создавали официальные военные руководства с энциклопедическим охватом проблем военной науки, адресуясь при этом непосредственно к императору. В отличие от них Аноним ставит перед собой более скромные задачи; он более свободен в выборе сюжетов своего повествования; ему не нужно демонстрировать всестороннюю ученость и универсальную осведомленность. В результате мы имеем достаточно полное, добротное произведение, написанное современником Юстиниана, византийцем среднего уровня — и в социальном, и в интеллектуальном, и в профессиональном плане.

Во-вторых, все отмеченные особенности как самого трактата, так и той эпохи, которая в нем отражена, объясняют причины относительно слабого воздействия Анонима на последующую военно-научную литературу. Окончательный крах юстиниановской военной организации лишил концепции Анонима перспектив их дальнейшего развития; военно-теоретическая мысль со времен «Стратегикона Маврикия» вдохновлялась принципами совершенно иного свойства. В теоретических изысканиях позднейших военных авторов иногда встречаются идеи, которые звучат в трактате Анонима. Но ни в одном из этих случаев Аноним не является основоположником таких идей — все они восприняты им из предшествующей традиции.

Так, во введении к «Стратегикону» развивается мысль об упадке военного дела в империи¹⁶⁴ — с этого же начинается глава XV своего трактата Аноним¹⁶⁵. Но еще раньше об этом говорил Вегеций¹⁶⁶, а до него эта мысль присутствовала практически во всех предыдущих трактатах: ссылка на упадок военного искусства была традиционной мотивировкой создания каждого нового военного руководства. Автору «Стратегикона» известен способ преодоления реки, заключающийся в разделении ее на несколько рукавов с целью уменьшения скорости течения и напор

воды¹⁶⁷. Аналогичную рекомендацию мы встречаем у Анонима¹⁶⁸. Но, как уже было показано ранее, об этом мы можем прочесть и у Вегеция, и у Юлия Цезаря, и у Ксенофонта. В «Стратегиконе» говорится о способе поимки вражеских шпионов, проникших в византийский лагерь. В заранее установленное время следует дать команду всем воинам войти в свои палатки, пригрозив наказанием тем, кто останется снаружи; вражеские лазутчики в этих условиях поневоле выдадут сами себя¹⁶⁹. Этот способ известен и Анониму¹⁷⁰, но также и Вегецию¹⁷¹, а последний, в свою очередь, основывает его на традиции, ведущей начало со времен Полибия и Гигина. Выше уже говорилось об особой приверженности Анонима к триболам; о них часто упоминается и в сочинениях более поздних военных писателей — «Стратегиконе Маврикия»¹⁷² и «Тактике Льва»¹⁷³. Но еще Вегеций, характеризуя триболы, подчеркивал давнюю традицию их применения¹⁷⁴.

Перечень подобных примеров может быть увеличен. Но и сказанное достаточно ясно свидетельствует о том, что некоторые теоретические положения и практические рекомендации могли быть восприняты и развиты в последующей военно-теоретической литературе как через Анонима, так и без его непосредственного воздействия, а под влиянием более ранней традиции. Но и в том и в другом случае наша общая оценка анализируемого трактата остается без изменений: «Византийский Аноним VI в.» есть органическое составное звено в цепи памятников греко-римско-византийской военной литературы. Именно в этом качестве он должен занять свое место среди памятников юстиниановской эпохи и заслужить адекватное его достоинствам и недостаткам внимание исследователей.

¹⁶⁴ Strategicon, prooem., 2, p. 42.

¹⁶⁵ Anonymus, XV, 1, p. 90.

¹⁶⁶ Вегеций, I, 28, с. 243—244; III, 10, с. 267—268.

¹⁶⁷ Strategicon, VIII, 1, 19, p. 200.

¹⁶⁸ Anonymus, XIX, 20—21, p. 116—118.

¹⁶⁹ Strategicon, IX, 5, 20, p. 246.

¹⁷⁰ Anonymus, XXVIII, 7, p. 142.

¹⁷¹ Вегеций, III, 26, с. 279.

¹⁷² Strategicon, IV, 3, 2—4, p. 142; 3, 8, p. 144; XII, 8, 6, p. 316; 8, 18, p. 342; 8, 22, 1, p. 354; 8, 22, 10, p. 358; 8, 22, 27, p. 362; 9, 1, p. 366.

¹⁷³ Leonis Imperatoris Tactica. — PG, t. 107, V, 5, col. 720; VI, 27, col. 729.

¹⁷⁴ Вегеций, III, 24, с. 277.

Г. Г. ЛИТАВРИН

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ВОССТАНИИ В ПАРИСТРИОНЕ
И ОБРАЗОВАНИИ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА *

Греческий ученый Федон Малингудис известен как специалист, проявляющий особый интерес к проблеме славяно-византийских отношений. Одной из характерных особенностей его работ является также далеко не обычная, к сожалению, для современных греческих исследователей осведомленность в научной литературе социалистических стран.

Новая работа Ф. Малингудиса остро полемична. Автор поставил задачу рассмотреть наиболее спорные проблемы, связанные с образованием Второго Болгарского царства. В качестве самых важных и до сих пор, на его взгляд, неудовлетворительно решенных в научной литературе проблем он называет следующие: 1. Причины и характер восстания Петра и Асена против византийских властей в Паристрионе; 2. Сравнительная роль в ходе восстания и степень участия в нем болгарского и владшского населения этой провинции империи; 3. Надежная датировка основных, связанных с восстанием событий начиная с осени 1185 и кончая летом 1190 г.

Поскольку главным источником при изучении указанной проблематики остаются сочинения Никиты Хониата (и прежде всего его «История»), сообщения этого автора по преимуществу и подвергаются анализу в исследовании Ф. Малингудиса.

В кратком введении к монографии (с. 53—58) автор формулирует свои основные методологические принципы и дает сжатую характеристику внутреннего и внешнеполитического положения Византийской империи в период, непосредственно предшествующий восстанию.

В первых же строках Малингудис подчеркивает отличие своей исследовательской позиции от подхода к проблеме, свойственного, по его мнению, историкам Болгарии и Румынии как в довоенный, так и в послевоенный период. Первая фраза труда греческого ученого — цитата из сочинения Н. Йорги: «Я много писал... и все то, что я писал, несовершенно, поскольку моей стране надлежит наверстать немало упущенного времени. Необходимо лучше знать себя, чтобы идти вперед». Поясняя это признание «мастера среди историографов европейского юго-востока», Малингудис считает, что оно дает «ключ к пониманию творчества всех тех историков последнего столетия, которые в поисках исторической самобытности их нации открывали ее прошлое, а порою — как «добрые лжецы» — его изобретали» (с. 53).

Однако, говорит автор, это — лишь намек на «побочные задачи», неизбежные в работе такого рода, которую он предпринимает, — в дальнейшем, в ходе конкретного исследования, он постарается дать представление и об историографическом вкладе тех же историков.

* *Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des zweiten bulgarischen Staates. — BYZANTINA, 1978, 10, S. 49—148.*

1 Так и в данном контексте пытаюсь передать значение употребленного автором термина «Identität» (с. 53).

Малингудис пишет о необходимости чрезвычайной осторожности и критичности при оценке как сведений Никиты Хониата (для средневекового писателя важно то, к чему мы утратили вкус, мы мыслим в категориях, которые ему чужды), так и заключений современных исследователей, в особенности если они представляют разные по национальности спорящие стороны. Поэтому автор ставит задачу не с тем, чтобы вынести однозначное решение, кто прав (болгарские или румынские исследователи), а с целью рассмотреть сведения источника в их исторической обусловленности. Амбивалентность, двойственность свидетельств Никиты Хониата о болгарях и влахах — мнима сама по себе, и стремление истолковать эту «дилемму» только в пользу одной стороны является «proton pseudos», так сказать, «исходным заблуждением» (с. 54—55).

Исключая слишком категорические и широкие обобщения Ф. Малингудиса относительно национально-психологических истоков концепций болгарских и румынских историков в целом, я бы признал методическую позицию автора вполне оправданной. Мало того, я считаю (и надеюсь показать это ниже), что тому подходу к сведениям «Истории» Никиты, о необходимости которого исследователь говорит, отнюдь не были чужды и критикуемые им авторы.

Монография Ф. Малингудиса, помимо введения, состоит из восьми глав, заключения, двух приложений-экскурсов и списка использованных источников и литературы, включающего одновременно и список принятых автором сокращений.

Для того чтобы отчетливее проследить ход рассуждений и доказательств автора, буду следовать порядку его изложения.

Прежде чем перейти к трактовке поставленных выше трех вопросов, Ф. Малингудис посвящает самую большую, первую главу («Византийские провинции Болгария и Паристрион. Позиция населения и восстания», с. 59—72) рассмотрению положения завоеванной Василием II Болгаробойцей страны и отношения этого населения к византийским властям и византийцам в течение всей предшествовавшей восстанию Асенидов эпохи византийского господства. В соответствии с аспектом исследования автор сосредоточил основное внимание на событиях, связанных с восстаниями в Болгарии и соседних с болгарскими землями районах в 1040—1041, 1066, 1072 гг. и с антивизантийским движением в Паристрионе в 70-х годах XI столетия.

Отмечу прежде всего такие заключения, которые представляются вполне обоснованными. Заключение эти не оригинальны, но Малингудис, как он подчеркивает во введении (с. 55), и не ставил непременно получение новых выводов своей главной целью. Повторяя уже известные выводы, исследователь нередко прямо ссылается на марксистскую историографию. К такого рода заключениям относятся, например, следующие выводы. Причинами восстания Петра Деляна Малингудис считает экономический (налоговый) гнет и стремление болгар к возрождению своего «национального» государства (с. 61—62). Коммутация натуральных налогов в денежные, осуществленная в конце 30-х годов XI в., означала, полагает автор, распространение на завоеванные земли общевизантийской налоговой системы и привела к увеличению податного гнета (с. 60). Помимо открытых выступлений против византийской власти, население прибегало к пассивным формам борьбы, в частности к отказу от уплаты налогов и выполнения повинностей (с. 61). Данные источников не позволяют заключить о каком-либо систематическом и целенаправленном правительственном курсе на «ромеизацию» (или «эллинизацию») местного населения в период византийского господства (с. 67—68). Хотя отдельные представители местной знати в четвертом или пятом поколении (после завоевания Болгарии) могли носить еще славянские имена, они, скорее всего, уже не были болгарскими и, во всяком случае, не входили в состав болгарской аристократии (с. 64, прим. 24). Археологические культуры, подчеркивает автор (в том

числе культура, называемая «Дриду», или «проторумынская»), не могут служить надежным показателем этнической принадлежности их носителей; методологически оправданной этнической атрибуция археологической, материальной культуры может быть признана, на взгляд автора, лишь тогда, когда данные археологии совпадают для изучаемой территории с данными лингвистики и письменных источников (с. 71—72) ².

В этой же главе, однако, по ряду важных вопросов и при трактовке конкретных событий Ф. Малингудис высказывает решительное несогласие с болгарскими и румынскими исследователями, как и с автором этих строк.

Прежде всего Малингудис отвергает защищавшийся мною 20 лет назад тезис о том, что в Болгарии с конца 30-х годов XI в. налоговый гнет стал более тяжелым, чем в «искоинных» провинциях с греческим населением. Нормы налогообложения, подчеркивает автор, были едиными во всех частях империи. Уточняя ныне свою позицию, я признаю, что официально центральной властью завышенных для болгар норм налоговых взысканий не существовало, но я по-прежнему считаю, что произвол налогового чиновничества (а следовательно, и общие размеры податей, поборов и повинностей) был на болгарских землях более ощутимым, чем на греческих, а права болгар, не знающих или плохо знающих законы и язык представителей власти, — менее обеспеченными. Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют данные (в том числе писем Феофилакта Болгарского), рассмотренные мною в книге «Болгария и Византия в XI—XII вв.» Для того чтобы отстаивать это мнение, отнюдь не обязательно, как думает Ф. Малингудис, исходить из представления о «колониальной эксплуататорской политике империи (что было бы, несомненно, грубой модернизацией)» (с. 60, прим. 9). Кроме того, в налоговом правительственном курсе по отношению к тем или иным провинциям бывали и отклонения от общеимперских, для всех провинций одинаковых налоговых норм. Два таких случая приведены (и в указанном смысле не интерпретированы) в рассматриваемой работе греческого ученого.

В 1064—1065 гг. Фессалия была в числе провинций, налоги в которых были увеличены (говоря о восставших «болгарах», «влахах» и «лариссянах», Кекавмен пишет, что налоговые надбавки были сделаны, «для них» — ἐπ' αὐτοῖς) ³. Атталиат примерно под тем же годом пишет о волнениях населения в «епархиях», получивших налоговые надбавки ⁴. Собираясь пышно отпраздновать свою свадьбу с венгерской принцессой, Исаак Ангел приказал в качестве дополнительного побора собрать мясной скот со всех провинций — овец, свиней и быков. «Но так как, — говорит Георгий Акрополит — более всех других вскармливает их [провинция] болгар, в большем размере с нее и потребовали» ⁵. Мне уже приходилось подробно останавливаться на фразе из хрисовула Никифора III Вотаниата от 1079 г. о том, что «иноязычие» ивилов Афона было для местного чиновничества поводом для их притеснения ⁶.

По мнению автора, переход в Болгарии к «денежному хозяйству» (так он трактует упомянутую замену натурального налога денежным) был осуществлен не вдруг, а постепенно. Цитируя сообщение Иоанна Скилицы о том, что при Самуиле (т. е. до завоевания Болгарии) болгарин, имеющий упряжку волов, вносил в казну один модий пшеницы, столько же проса или один кувшин вина, а теперь должен был уплачивать вместо всего этого

деньги, Малингудис пишет, что реформа коснулась не широких слоев населения, но только «относительно зажиточного среднего слоя, так как не каждый владел парой волов» (с. 60, прим. 8).

Это ошибка. Реформа была обязательна, несомненно, для всех налогоплательщиков-земледельцев. «Зевгарь» Скилицы — лишь принятая в налоговой системе империи основная единица налогового исчисления (размеры налогообложения других имущественных категорий сельского населения оценивались по сравнению с обложением зевгарата) ⁷. Разумеется, и в Болгарии при Самуиле натуральные подати вносили не одни зевгараты.

Восстание в Фессалии в 1066 г., которое я и болгарские историки рассматривали как восстание по преимуществу болгар и влахов, хотя в нем приняли участие и греческие жители Лариссы, Фарсала и Трикалла, Малингудис считает антиналоговым выступлением представителей всех слоев населения, среди которых наиболее активными были греки (лариссы) и влахи. Болгар среди восставших было, по мнению автора, очень мало — они всего дважды упомянуты в рассказе Кекавмена. Ни антифеодальным, ни народно-освободительным это движение, резюмирует Малингудис, назвать нельзя: в нем участвовали и богатые люди, носители императорских титулов; греки и влахи составляли большинство восставших (с. 62—63).

Малингудис отмечает, что в «Советах и рассказах» (Комментарий, с. 516—544) Г. Г. Литаврин, говоря о событиях 1066 г., «несколько смягчает свою позицию» (с. 63, прим. 22). Действительно, восставшие провозгласили Никулицу Дельфина, скорее всего, императором, а не царем Болгарии. Не столь однозначно, однако, следует заключать об отсутствии в восстании антифеодальных тенденций. Участие в восстании представителей знати вряд ли нужно рассматривать как решающий контраргумент: почти все крестьянские восстания средневековья носили царистский характер, едва ли можно назвать хотя бы одно, даже самое «крестьянское» восстание, в котором не приняли бы участие оппозиционно настроенные представители знати ⁸. В восстании 1066 г. к тому же мятежные аристократы помышляли о прекращении бунта в случае уступок императора и, едва получив от него «обещания чинов и много другого», приложили все силы к тому, чтобы ликвидировать восстание, несмотря на желание подавляющего большинства продолжать борьбу.

Что касается степени участия в восстании «болгар», то я хотел бы прежде всего уточнить здесь понимание этого этнонима. Кекавмен (а возможно, и сам Никулица Дельфин, описавший восстание в своих «мемуарах»), опираясь прежде всего на личный опыт общения со славянами в Болгарии и Фессалии, не видели существенной (этноязычной) разницы между ними. К тому же сравнительно не столь давно (при Самуиле) район восстания временно входил в состав Болгарии. Но данные о переселении славян в Фессалию в это время или после 1018 г. отсутствуют. Вполне вероятно, что эти «болгары» были потомками поселившихся здесь в VII в. славян, отнюдь, следовательно, еще не ассимилировавшихся (хотя процесс этот, несомненно, имел место и к XIII—XIV вв., видимо, завершился).

Заключать о степени участия «болгар» в восстании лишь потому, что они упомянуты в источнике 2 раза, а влахи — 11 и лариссяне — 4 раза, по меньшей мере опрометчиво ⁹. Сам автор монографии считает лариссян наиболее активной и ведущей силой восстания (с. 63), а они упоминаются почти в три раза реже, чем влахи. Столь же неосторожно считать всех ла-

² Как на пример такого совпадения данных археологии, топонимики и письменных памятников автор указывает на находки славянской керамики VI в. в Олимпии в Греции, сделанные 15 лет назад, наличие в этом районе древних славянских топонимов и сведения письменных источников о славянах на Пелопоннесе в конце VI в. (с. 72, прим. 59).

³ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подг. текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972, с. 260. 17—18.

⁴ Michaelis Attaliotae historia. Bonnae, 1853, p. 77.1—11.

⁵ Georgii Acropolitae opera, rec. G. Heisenberg. Lipsiae, 1903, 1, p. 210.

⁶ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 16.

⁷ Там же, с. 218—219.

⁸ О таких восстаниях в Византии в XI в. см.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 282—283.

⁹ Кстати говоря, метод такого рода статистики этнонимов применялся как раз теми историками, которых критикует в своей монографии Ф. Малингудис, как критиковал их за это и я; см.: Литаврин Г. Г. Влахи византийских источников X—XIII вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 99.

риссян (как и фарсальцев и трикаллитов) греками. В Лариссе жил влах носивший славянское имя Веривой, в ней не могли не жить и славяне («болгары»), населявшие деревни близ города. Можно ли полностью пренебречь тем фактом, что, взяв Лариссу в 982—986 гг., Самуил переселил ее жителей в Подунавье, зачислил их в войско и «пользовался ими как союзниками против ромеев»? ¹⁰ Зачислять пленных в воинские контингенты (например, арабов) было в обычае и у византийцев. Но посылали ли эти воинов немедленно против своих соотечественников? Самуил же поступал именно так. Я не хочу сказать, что славяне Лариссы были болгарами по «самосознанию»: в течение четырех лет они выдерживали жестокую осаду войск болгарского царя Самуила. Но и их этническая близость к болгарам могла быть принята Самуилом во внимание, когда он зачислил их в свое войско и отправил на войну с византийцами. Во всяком случае, мне не известны факты участия *греческих* отрядов (а не отдельных лиц) в войне Самуила против Византии.

Из рассказа Кекавмена о собрании мятежников в доме Веривоя Влаха следует, что здесь присутствовали горожане (лариссяне), пастухи (влахи) и земледельцы (неизвестно — кто). Далее сказано, что земледельцев пастухов, решившихся было отказаться от восстания, лариссяне сумели переубедить, и едва через два-три часа, окончательно укрепившись в мысли взяться за оружие, они «снова пришли. . . все вместе, и влахи болгары» ¹¹. Имелись ли у меня основания полагать, что земледельцы в данном случае — по преимуществу болгары? ¹² Ведь на упомянутом собрании Никулица выдвигал как главный довод против восстания наступление времени жатвы: народ может остаться без хлеба. Известно, что и горожане (лариссяне) сеяли и жали. Но не этих «земледельцев» пыталось пугать гибелью урожая Никулица — лариссяне не проявляли никаких колебаний — они действительно были наиболее решительными сторонниками восстания. Мне кажется, что подобный контекст упоминания о «болгарах» в источнике важнее беглых, хотя и частых, упоминаний иных этнонимов в стилистически неловких и полных плеоназмов фразах.

Встав во главе восставших, Никулица с целью пополнения рядов повстанцев пришел в долину р. Плирис, где «собрал живущих в тех местах поблизости влахов и болгар, и к нему стеклось большое войско» ¹³. Можно ли с уверенностью говорить о том, что в долине, в деревнях, жил больше пастухов-влахов (в то время как их семьи и скот находились на летних пастбищах в горах), чем болгар-земледельцев? На мой взгляд, дело обстоит как раз наоборот. А ведь к Никулице здесь собралось «большое войско». И это (второе) упоминание о «болгарах» нельзя просто, как «бесликую» единицу, учесть в общей формальной статистике этнонимов.

Малингудис обращает внимание и на то, что в повествовании Кекавмена не названы «архонты» восставших болгар, тогда как «архонты» влахов и лариссян упомянуты. Я не считаю слишком смелым сделанное мною 20 лет назад предположение, что у пастухов (влахов) были свои архонты и свои (общие для лариссян и земледельцев) архонты имелись также у оседлых жителей ¹⁴.

Остановившись на восстании 1072 г., Малингудис опровергает главным образом три тезиса, встречающиеся в марксистской историографии. Во-первых, он считает необоснованным вывод, что среди причин поражения восстания сыграл свою роль раскол в среде болгарской знати во время восстания. Во-вторых, неубедительной ему представляется мысль об участии в борьбе против византийцев богомилов. В-третьих, нельзя, по е-

мнению, говорить о преследовании болгарской (славянской) культуры со стороны властей и греческих иерархов в период византийского господства (с. 64—68).

Единственным основанием для вывода о расколе во время восстания 1072 г. в среде местной знати Малингудис называет сообщение Продолжателя Скилицы о том, что в числе укрывшихся в Кастории от повстанцев знатных лиц находился носивший славянское имя Борис-Давид (с. 64, прим. 24). Даже если его считать болгарин (что отнюдь не очевидно, пишет автор, поскольку многие болгары, став византийцами и в четвертом, и в пятом поколениях еще могли носить славянские имена), он уже не входил в состав «болгарской феодальной аристократии» (с. 64, прим. 24).

Готов согласиться: Борис-Давид сознавал себя уже византийцем («ромеем»), хотя жил в среде своих единоплеменников и носил славянское (болгарское) имя, т. е. уже «денационализировался» («ромеизировался»). Конечно, его к этому непосредственно не принуждали. Но так вели себя далеко не все выходцы из среды знатных болгар: Георгий Войтех и другие «прухонты» Скопье были даже инициаторами восстания, хотя, как полагает автор, и их нельзя уже называть частью «болгарской знати», так как Болгарии не существовало. Не отдает ли все это софистикой? Я считаю, что о расколе в среде болгарской по происхождению знати можно говорить уже потому, что часть ее мечтала о восстановлении независимого Болгарского государства и была готова к борьбе за это, а часть влилась в состав византийского господствующего класса и помышляла о карьере в имперской иерархии чинов и должностей ¹⁵.

О расколе болгарской знати можно говорить еще и потому, что в Касторию спаслись от повстанцев, по моему мнению, и другие видные болгары, а не один Борис-Давид. Сюда стеклись не только «ромеев», но и «державшие сторону ромеев» (οἱ τὰ Ῥωμαίων φρονούντες), как выразился Продолжатель Скилицы ¹⁶. Когда Войтех изменил делу восстания (не акт ли это также «раскола» в среде видных болгар?) и без сопротивления сдал Скопье военачальнику империи, он, пишет тот же автор, также оказался «державшим сторону ромеев» (τὰ Ῥωμαίων ἐφρόντισε) ¹⁷. Но Малингудис как будто не сомневался, что Георгий Войтех — болгарин (?). Провозглашенный восставшими царем Болгарии Бодин после занятия им Ниша «держался уже как царь болгарских районов, опустошая все на пути, истребляя и разоряя не признающих его и не покоряющихся ему» ¹⁸. И здесь, на мой взгляд, имеются в виду не только ромеи, но и знатные болгары, враждебные восставшим (хотя, по логике автора, их в таком случае следует считать только ромеями).

Гораздо сложнее вопрос об участии в борьбе против византийского господства богомилов. В своей книге по истории этой эпохи я подчеркивал, что данных, бесспорно свидетельствующих о таком участии, источники не содержат ¹⁹. Однако было бы неверно, на мой взгляд, решительно отвергать такую возможность. Не исключает этого и Малингудис: «Сопротивление богомилов преследующим их представителям императора исключать, следовательно, было бы нельзя» (с. 65). Но автор подчеркивает чисто богословский, антицерковный аспект движения еретиков, которое не могло быть ни «националистическим», ни «антивизантийским». Малингудис повторяет при этом ничего общего не имеющие с действительностью обвине-

¹⁰ Об этом см.: Советы и рассказы Кекавмена, с. 513.

¹¹ Там же, с. 259, 12—15.

¹² Литавин Г. Г. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. — ВВ, 1956, 1, с. 127.

¹³ Советы и рассказы Кекавмена, с. 260, 7—9.

¹⁴ Литавин Г. Г. Восстание болгар и влахов. . . , с. 132.

¹⁵ Именно поэтому я сделал не нравящееся Малингудису заключение, что между местной и греческой знатью укрепились связи и это, как и усиление гнета, свидетельствовало о росте силы и значения болгарской аристократии, т. е. об углублении процесса развития феодальных отношений; см.: Литавин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 409).

¹⁶ Τσολάκης. Εδ. Θ. Ἡ συνήθεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτῃ. Θεσσαλονίκη, 1968, σελ. 165.5.

¹⁷ Ibid., p. 166.10.

¹⁸ Ibid., p. 164.24—26.

¹⁹ См.: Литавин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 395, прим. 37; с. 461, прим. 100.

ния западных и американских историков в адрес марксистской историографии, что она якобы изображает еретиков средневековья как «пролетарских революционеров», борцов за «национальное освобождение» (с. 66—67). Добавлю, что в литературе, на которую как на авторитет при этом ссылается автор, утверждается, что, по мнению марксистов, еретики представляли «пролетарское движение» (являлись «коммунистами средневековья», составляли «крестьянский пролетариат»!). В ответ на это можно сказать лишь о поразительной предвзятости и недобросовестности таких пересказчиков сущности марксистской концепции средневековых богословских ересей.

Все это — свидетельство слабого знакомства с марксистской специальной литературой, в которой нет и не может быть ни подобных утверждений, ни тем более подобной грубо-модернистской терминологии. Однако здесь не место поднимать большой и сложный вопрос о социальной сущности еретических средневековых движений. Отмечу только, что и по моим представлениям сама по себе богомилская ересь не содержала в себе непосредственно никакой определенной программы переустройства мира социальной несправедливости или идеи возрождения болгарской государственности. Строго говоря, такого рода цели принципиально противоречили бы (как и личное участие в пролитии крови) их религиозной доктрине: мир «зла» — мир дьявола улучшить было невозможно. Спасение объявлялось тем более вероятным, чем основательнее рвались все узы, связывающие человека с материальным миром. Но само спасение было возможно лишь после победы сил «добра», в потустороннем мире, после гибели телесного мира.

Сила богомилства состояла не в позитивных идеях, а в отрицании существующих социальных порядков. И более всего на угнетенных (в том числе на недовольных византийским господством болгар) должна была действовать не еретическая теософия и космогония, а отрицание богомилами официальной церкви и государства. Многие не ведают, писал о богомилах Козма Пресвитер, что они внимают речам еретика-богомила, и верят, что их преследуют «за правду»²⁰. А учили эти, вызывавшие сочувствие и доверие простых людей подвижники не делать как раз того, что отягчало жизнь поселян — не трудиться для господ, не работать на царя и его слуг и т. п. Именно потому церковь и государство так преследовали еретиков, что их влияние приобретало социальное значение, побуждая простой народ к неповиновению, а не потому, что «сектанты» губили души и вовлекали в секту отнюдь не широкий круг лиц, обставляя при этом прием нелегкими условиями.

Д. Оболенский, на которого как на своего союзника ссылается в данном вопросе Малингудис, пишет между прочим в той же самой работе, что в условиях, когда интересы церкви и государства были тесно связаны, выступления богомилов против церкви являлись одновременно выступлениями и против государства, против светских законов и утвердившегося в обществе порядка, что в то время, как церковь проповедовала повиновение земной власти, еретики призывали к «гражданскому неповиновению»²¹. Малингудис ставит под сомнение данные о деятельности еретиков в Болгарии в XI—XII вв. Но богомилы занимали враждебную позицию еще по отношению к Болгарскому царству во время царя Петра. Трудно допустить, что их позиция в корне переменялась, когда установилась власть империи, власть Константинополя, где, по их представлениям, поселился сам дьявол.

О том, что эти религиозные сектанты-фанатики были отнюдь не без опасны для государства, свидетельствует Анна Комнина, обладавшая, не

сомненно, гораздо более основательным знанием эпохи, чем это доступно нам. Рассказав о еретиках-армянах, богомилах и павликианах Филиппополя и его округи, она заключает, что «в отношении догматов они различаются, но все они согласны в восстаниях с манихеями»²². Богомилы не могли призывать, как я полагаю, к возрождению Болгарского государства. Но они выступали против государственной власти, которая в то время была властью империи, и объективно, следовательно, содействовали борьбе за освобождение от иноземного господства. Если они не брали сами в руки оружия, то призывали к неповиновению. Трудно сказать, что было важнее в конкретных условиях.

Не менее сложен и вопрос о так называемой «ромеизации», в котором Малингудис не согласен с историками Болгарии и со мною. Думаю, что подход автора в данном случае должен был быть более дифференцированным. Как я уже отметил выше, я считаю верным вывод об отсутствии в официальном правительственном курсе империи в Болгарии целенаправленной системы мероприятий по эллинизации этих районов. Но одно дело — отсутствие такого курса, другое — реально сложившаяся ситуация. В своей книге я именно это и старался подчеркнуть, говоря, что объективно, на практике, деятельность в Болгарии византийских властей (чиновники были, как правило, греками), церкви (с 30-х годов XI в. средние и высшие церковные посты были в руках греков), господство греческого языка в официальной жизни общества, пренебрежение к местной культуре и т. п. — все это в конечном итоге содействовало ассимиляционным процессам, все это обусловило упадок славянской культуры в Болгарии в эпоху византийского господства²³. Поддержка государственной властью развития отечественной культуры, письменности и литературы на языке, который одновременно является официальным языком церкви и светской власти, была, несомненно, важным стимулирующим фактором. И такого фактора в Болгарии 1018—1185 гг. не было. Это — непреложный факт. Развитие культуры здесь, вне всякого сомнения, хотя и не прервалось (а обратно никто и не утверждал), но замедлилось. Я полностью согласен с тем положением А. Достала, которое Малингудис цитирует в опровержение точек зрения В. Златарского и Г. Литаврина: «Итак, можно констатировать, базируясь на факте появления славянских рукописей в эту эпоху, что развитие культуры и славянской литературы отнюдь не прервалось под византийским господством, хотя и не пользовалось особой поддержкой» (с. 68).

Что касается вопроса о так называемом «национальном чувстве», решительно отвергаемом автором для той эпохи, то буду предельно краток, поскольку по этому поводу мне уже довелось говорить не столь давно и неоднократно²⁴. Не было ни у болгар, ни у греков той поры национального чувства, но было чувство этническое, соответствовавшее степени консолидации этнической общности того времени. Человеку любой эпохи было свойственно чувство (при всей специфике его содержания на каждом этапе истории) принадлежности к данной, породившей его этнической общности — в противном случае не существовало бы не только наций, но и племен, союзов племен и средневековых народностей. Разумеется, византийцы негреческого происхождения, прожившие многие столетия в лоне одной церкви и одной власти (если они не ассимилирова-

²² Anne Comnène. Alexiade (régne de l'empereur Alexis I Comnène 1081—1118), texte établi et traduit par B. Leib, t. III. Paris, 1945, p. 99.

²³ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 363—374.

²⁴ См.: Литаврин Г. Г. Le problème de la symbiose dans les Etats latins formés sur les territoires byzantins: phénomènes sociaux, économiques, religieux et culturels. — In: XVe Congrès International d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976, p. 14—18; Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 163 сл.; Он же. Этническое самосознание славян в VII—X вв. (К проблеме формирования раннефеодальных народностей). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978, с. 241 сл.

²⁰ Бегунов Ю. К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973, с. 32.

²¹ Obolensky D. The Bogomils. A Study in Balkan Neo-manichaeism. Cambridge, 1940, p. 136—138.

лись полностью²⁵), признавали себя также и «ромеями» — представителями и подданными «единственной» подлинной империи. Но в этническом отношении и их сознание (во всяком случае, уже с X в.) было иерархичным. Независимо от того, кем считал себя Борис-Давид, в целом в XI—XII в. традиции своей, болгарской (в том числе народной) культуры, особая письменность, историческая память, специфика жизненного уклада и повседневного быта, свой язык, нравы и обычаи не дали болгарам забыть в период 1018—1185 гг., что они — болгары. Именно это и проявилось в ходе восстаний 1040, 1072 и 1186 гг. Сами византийцы-греки — в том, что касается собственно этнического чувства — также не составляли исключения. Как бы ни расценивать деятельность Феофилакта Болгарского, но и он называл болгар «издевающимися над нами иноплемениками»²⁶. Думаю, что от этого вопроса нельзя избавиться простой ссылкой на то, что наций в современном смысле тогда не было.

Переходя к вопросу о волнениях населения Паристриона в 1072—1073 гг. и о восстании воинов в городах по Дунаю, Малингудис сосредоточил свое внимание главным образом на проблеме влахов, времени их поселения здесь и формах политической жизни. Автор считает, что бесспорные данные о влашском населении в Паристрионе относятся лишь ко времени столетием позже, хотя «как возможность» этого нельзя исключать и для последних 40 лет XI в. Что же касается идей современной румынской историографии, что уже в недрах Первого Болгарского царства и затем в XI в. в Паристрионе появлялись прогосударственные влашские объединения, то греческий ученый считает эти заключения совершенно лишены опоры источников (с. 70, прим. 55; с. 71).

Мне кажется, что ссылки на М. Дьони об отсутствии прямых данных от конца XI в. о влахх в Паристрионе не совсем правомерны — более уместны они при трактовке вопроса о времени поселения влахов на севере от Дуная (следствие континуитета или миграции). Едва ли влады заселяя Балканы с севера, как считает Малингудис, абсолютно пренебрегли нижним правобережным Подунавьем. Выше мы отмечали, что сам автор готов допустить, что в 60-х годах XI в. влады Фессалии пасли лето свой стада на Геме. Считаю достаточно определенными на этот счет свидетельства Анны Комнины: вторгшиеся через Дунай в начале 90-х годов этого века куманы «узнали от влахов тропы через ущелья и легко перешли Зиг»²⁷. Иными словами, эти влады северных предгорий Балканского хребта были здесь уже старожилами²⁸.

Со второй главы («Восстание Асенидов. Ход войны против Византии 1186—1190 гг.») автор приступает непосредственно к теме своей работы, решая в основном следующие вопросы: причины восстания, место его начала, степень участия в восстании широких слоев населения и датировка основных этапов войны Асенидов с Византией.

Малингудис подчеркивает экономические причины восстания: дополнительный побор скотом под предлогом свадьбы Исаака II и Маргариты Венгерской. Местом начала восстания он считает Балканский хребет, поскольку все известия Хониата, по мнению автора, связанные с начальным периодом восстания, относятся к Гему, а не к Тырнову. По восставшими ученый понимает и болгар и влахов, решительно отвергая предпринимавшиеся в историографии попытки приписать при этом глав-

ную роль влахам. Целью Асенидов он называет не только освобождение Паристриона, но и других земель, входивших некогда в Болгарию (с. 73—77).

Решению спорных вопросов хронологии событий, связанных с восстанием, Малингудис уделяет особенно большое внимание. Наименее обоснованной он считает датировку начала восстания 1185-м годом. Нанесенное Асенидам оскорбление на аудиенции у Исаака II автор относит ко времени вскоре после битвы с норманнами 7 ноября 1185 г., мир с венграми, договор о брачном союзе и реквизицию скота у болгар — к ноябрю-декабрю, свадьбу Исаака II — к самому концу 1185 или к январю-февралю 1186 г., восстание — к весне 1186 г.

Справедливо отмечая, что датировка первого и второго походов Исаака II против восставших зависит от датировки мятежа Алексея Враны (с. 115), в данной главе автор, не вдаваясь в аргументацию (этоу специально посвящена 7-я глава), датирует первый поход летом 1186 г. Хотя отправление в поход самого императора и неспособность византийских гарнизонов в Паристрионе «восстановить порядок» свидетельствовали о слабости позиций империи в это время в данной провинции, вассалы, перейдя Гем, «легко рассеял» восставших, и их предводители бежали за Дунай, чтобы «искать защиты» у половцев (с. 76).

Действия против вернувшихся вскоре с половецкими полчищами Асенидов, разорвавших Северную Фракию, император доверил своим военачальникам (сначала севастократу Иоанну, затем Иоанну Кантакузину и, наконец, Алексею Вране) вместо того, чтобы «снова» (*παλιν*), как говорит Никита Хониат) выступить в поход самому. Эти события Малингудис датирует осенью 1186 — началом следующего года.

Мятеж Враны, по мнению Малингудиса, имел место весной 1187 г., и после его подавления, осенью этого года, император отправился в свой второй поход, который был в целом неудачным: Исаак II действовал против половцев, болгар и влахов лишь в Северной Фракии, в предгорьях Гема, и его успехи были очень скромными.

Весной 1188 г. исследователь датирует третий поход, когда Исаак II вторгся в Паристрион из района Софии, три месяца бесплодно осаждал Ловеч и ушел, не добившись серьезных результатов. Последовало еще большее «ухудшение положения дел» (через балканские земли империи почти в течение года, с лета 1189 до весны 1190 г. проходили войска крестоносцев во главе с далеко не дружелюбно настроенным к Константинополю Фридрихом Барбароссой).

Летом 1190 г. датируется, наконец, последний поход императора в Паристрион, когда Исаак II обнаружил крепости и города болгар и влахов хорошо укрепленными, а население — готовым к более решительному сопротивлению войскам императора. Два месяца осады Тырнова не привели к успеху. При слухе о подходе половцев на помощь Асенидам Исаак II начал поспешное отступление, допустив при этом грубый просчет: он повел войско через ущелье, где болгары и влады получили «легкую возможность» устроить византийцам «кровавую баню» (с. 80).

Именно это событие Малингудис и рассматривает как поворотный пункт в борьбе империи с Асенидами: «Византия, — пишет он, — должна была отныне бороться не с восставшими, а с населением, которое решилось на защиту территории, которую оно считало теперь своей собственной» (с. 81). Уже эта фраза позволяет судить о том, каково мнение автора о роли самого болгарского и влашского населения в событиях до 1190 г., но целесообразно вернуться к этому несколько позже.

Новой в данной главе является мысль о том, что Тырнов не был с самого начала опорным пунктом восставших, которые сперва держались будто бы только в горах и были немногочисленны — не случайно автор говорит о восстании «пастушеского населения» (*Hirtenbevölkerung* — с. 58) или даже «кучки пастухов» (с. 56). Оба эти утверждения представляются

²⁵ См., например, выводы П. Хараниса и Сп. Вриониса об упорном сохранении армянами империи VIII—XIII вв. своей этнической индивидуальности (*Charanis and Bryonides, The Armenians in the Byzantine Empire*. — BS, 1961, 22, p. 235, 238; *Vryonides, The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. Berkley and Los Angeles, 1972, p. 67).

²⁶ PG, t. 126, col. 433 D, 436 A.

²⁷ См.: Анна Комнина. Алексиада/Вступ. статья, пер. комм. Я. Н. Любарского. М. 1965, с. 268.

²⁸ Об этом см.: Литаврин Г. Г. Влахы византийских источников, с. 100.

мало обоснованными. Тырнов играл, видимо, важную роль уже в начале движения, этот хорошо укрепленный Асенидами город в 1190 г. не могла взять императорская регулярная армия. Не считаю я доказанным и то, что скот отбирали только у пастухов Гема, отчего именно они и восстали.

Что касается идеи автора отказаться в пользу 1190 г. от датировки начала Второго Болгарского царства 1187-м годом, то целесообразнее также высказать свое мнение об этом несколько ниже.

Я согласен с основательностью аргументов автора, датировавшего начало открытого вооруженного восстания не концом 1185, а началом 1186 г. Но начало народных волнений в Болгарии связывают все-таки и Никита Хониат, и Акрополит с реквизицией скота у населения Паристриона, а это происходило, как признает сам Малингудис, в конце 1185 г. К весне, по всей вероятности, Петру и Асеню удалось лишь придать этим волнениям характер организованного выступления²⁹.

Третья глава монографии — «Происхождение Асенидов», причем имеется в виду именно этническое происхождение (с. 83—88). Автор подтверждает в этой главе новыми аргументами следующие выводы, которые уже делались в историографии и которые мне представляются справедливыми: 1) что братья Асень и Петр принадлежали к богатой и социально видной верхушке местного общества в Паристрионе; 2) что они несли какую-то службу царскому двору, связанную с поставками боевых коней, и в силу этого имели право на аудиенцию у императора; 3) что половцы, жившие в XII в. в пределах империи, постепенно переходили к оседлому образу жизни.

Малингудис отдает предпочтение болгаро-половецкой теории происхождения братьев. Основными доводами в пользу этого он считает, во-первых, имя «Асень» (Асан, а также Белгун), встречающееся именно у половцев в этот период³⁰, и, во-вторых, тот факт, что Робер де Клари говорит об Асене как о «пастухе коней» императора (разведение же коней автор считает исключительным видом скотоводства у половцев). Указывает также Малингудис на то, что сын сестры Асеня и Петра, Борил, впоследствии царь Болгарии, также носил половецкое имя. Можно было бы указать и на матримониальные связи братьев с половцами. Доводы эти в науке не считаются бесспорными, но опровергать мнение Малингудиса в данном случае нет никакой необходимости.

Следовало бы все-таки отметить, что в отличие от случая с Давидом-Борисом, здесь автор склонен придавать иноязычному происхождению имени чрезвычайно важное значение, хотя, казалось бы, и эти «полуполовцы» — слуги императора, христианизированные, несомненно, и входившие в состав «византийской аристократии». Всего этого, однако, оказалось недостаточным для полной перестройки их этнического самосознания.

В связи с этим я мог бы лишь повторить свое утверждение, сделанное более двух десятилетий назад: «Проблема происхождения самих Петра и Асеня (решение которой при современном состоянии источников не может быть бесспорно) отняла у историков, на наш взгляд, больше сил и внимания, чем она того заслуживает. Кем бы они ни были — болгарами, влахами, куманами или русскими, — они должны были быть тесно связаны с местным населением и выражать, по крайней мере на первом этапе освободительного движения, общие интересы борьбы с иноземным господством»³¹.

²⁹ Об этом см.: Литавин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 440 сл.

³⁰ Кстати говоря, имя «Борис» как тюркское может быть увязано и с протоболгарами, а оно встречалось на Балканах и в XI и в XII вв.; с другой стороны, имя «Асан» было известно не только среди половцев, но и у других тюркских народов того же и более раннего времени. См.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958, Bd. 2, S. 72 f., 96.

³¹ Литавин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 433.

Логика изложения в этой главе монографии такова, что «куманское происхождение» Асеня и Петра у автора обретает особое значение ввиду их союза с куманами в борьбе в Византией. Вполне возможно, этот фактор (если только братья действительно — полукуманы) мог способствовать заключению упомянутого союза, но нельзя исключить и того, что союз с куманами состоялся вне какой-либо зависимости от этнического происхождения братьев.

Представляется упущением, что Малингудис никак не комментировал свое заключение на с. 88—89: «Этническая принадлежность второго из двух братьев, который (до переименования при коронации. — Г. Л.), согласно «Синодику царя Борила», именовался Феодором, была в соответствии с современными византийскими источниками славянской». Было бы излишним приводить здесь свидетельства и византийских и славянских авторов о том, что братья были родными, и единокровными, и единокровными.

Более важным мне представляется вопрос о том, чего хотели добиться братья от императора, получив у него аудиенцию в Кипселлах. Никита Хониат пишет, что они домогались у императора зачисления их в «ромейское войско» и передачи им «малодоходного *χωρίου*», лежащего на Геме³². Малингудис пишет, что осторожнее не усматривать здесь непременно указания на желание братьев получить именно пронию (хотя в сочетании с просьбой знатных лиц зачислить их в войско эта гипотеза представляется наиболее вероятной)³³. Не буду настаивать на обратном — действительно, это «было бы осторожнее». Но не могу согласиться с переводом у автора слова *χωρίου*. Оно может в данном случае означать только «деревня», «сельский населенный пункт», как это и имеет место в большинстве дарственных актов того времени. О каком «кусочке земли», «дарении земли» могли говорить с императором знатные «пастухи коней», в распоряжении которых были обширные пастбища Паристриона? Они хотели иметь, как я это понимаю, землю с зависимыми париками, т. е. деревню.

Особый интерес представляет 4-я глава «Несколько замечаний о «влахах» Никиты Хониата» (с. 89—100). Малингудис касается здесь спорной проблемы происхождения влахов, ареала и времени их расселения на Балканах, а также вопроса об их роли в образовании Второго Болгарского царства.

Сравнительно с концепцией венгерского ученого М. Дьони, работам которого автор дает высокую (и по большей части справедливую) оценку, Малингудис выступает в этой главе скорее как сторонник континуитета, чем приверженец миграционной теории происхождения влахов, точнее — их появления на территории, входящей ныне в границы Румынии. Автор признает живую традицию латино-романского элемента на левобережье среднего и нижнего Дуная, непрерывно существовавшую со времен римской Дакии до изучаемого им периода. Более того, говоря о миграции влахов, автор пишет об их переселении не с юга (т. е. с Балканского полуострова, из районов к югу от Дуная, как полагали «миграционисты») на север, в левобережные районы, а, напротив, с севера, из левобережья на юг от Дуная.

При этом Малингудис опирается на следующие доводы: во-первых, самый этникон «влахи» вошел в греческий язык, несомненно, как заимствование из славянского, а именно — из южнославянского, в котором уже исчезло полногласие и утвердилось неполногласие при сонорных «л» и «р» (т. е. произносилось «влах» вместо «волох» по типу: «злато» вместо «золото»). Согласно же изысканиям лингвистов, указанная фоне-

³² Nicetae Choniatae Historia. Berolini et Novi Eboraci, 1975, I (далее — Nic. Chon.), p. 396.

³³ Примечательно, что среди работ о проблеме пронии Малингудис не назвал ни одной советской, хотя более всего эта проблема обсуждалась именно в историографии Советского Союза.

тическая дифференциация в славянском языке датируется началом IX в. Поэтому, заключает Малингудис, влады появились в балканских провинциях Византии не ранее того же времени (первая половина IX в.). Во вторых, в ранних памятниках, в которых упомянуты влады (Жития св. Мефодия, Повесть временных лет³⁴), они еще идентифицируются (след давней традиции) с «италийцами», а именно из Италии проник в I в. н. э. романский элемент в Подунавье. В-третьих, еще у Кекавмена (последняя треть XI в.) можно усмотреть указание на сохранение связей фессалийских владов с владями Балканского хребта (я полагаю, что семьи владов Фессалии кочевали, скорее всего, не на Геме, а в Родопах и на Пинде). В-четвертых, наконец, в византийских источниках термин «влады» зафиксирован впервые только под 966 г. (автор имеет в виду сообщение Скилицы о владях-«путниках», убивших комитопула Давида, брата Самуила, но это известие относится не к 966 г., а к 976—979 гг.³⁵).

Особенно серьезным мне представляется первый аргумент, хотя при упоминании о мнении лингвистов автор почему-то не дал ни одной ссылки на специальную литературу. В обоснование защищаемого Малингудисом тезиса можно было бы привести еще одно обстоятельство, на которое уже указывалось: в трех, совершенно независимых друг от друга документах (в Повести временных лет, в сочинении Кекавмена и в хронике венгерского анонима) место первоначального расселения владов неизменно связывается в Дунаем, Савой и Тиссой³⁶.

Не согласны мы с автором при всем этом, пожалуй, лишь в одном: недостаток известий о положении дел в Паристрионе — не аргумент для того, чтобы исключать до XII в. этот район из мест расселения владов и в IX—XI вв. (но об этом уже была речь выше). Это тем более непонятно, что в IX—X вв. в пределы Первого Болгарского царства входила полоса придунайских левобережных земель, что, несомненно, должно было облегчать передвижение подданных, в том числе владов, в пределах одного государства.

К выводам Малингудиса (точнее — к утверждениям в историографии, которые автор разделяет), не вызывающим у меня возражений, я отношу его заключение о том, что до конца XII в. (я сказал бы вместе с М. Дьони — до начала XIII столетия) термин «влады» в византийских источниках имеет прежде всего этническое содержание, а не равнозначен слову «пастух». Справедливо, на мой взгляд, мнение автора, что «мисыне» Никиты Хониата означают и болгар и владов, как и вывод, что в восстании приняли участие и болгары и влады, но основанное Асенидами государство с самого начала было государством, несомненно, болгарским (с. 93—100). Что же касается вопроса о том, кто из них (болгары или влады) составлял основную силу восставших и сыграл главную роль, то его Малингудис относит к числу неразрешимых, и Никита Хониат, по заключению исследователя, не дает на этот счет никаких определенных свидетельств. Предлагавшиеся однозначные решения дилеммы не состоятельны, так как не было самой дилеммы: основной роли не сыграли ни болгары, ни влады. Предвосхищая свой вывод, Малингудис пишет, что этот вопрос «для изучения факторов, которые привели к успеху восстания, не имеет значения. После всего того, что мы знаем о роли куманов, участие и болгар и владов — безразлично — предстает как мало повлиявшее на военные мероприятия Петра и Асеня» (с. 99—100).

К обоснованию этой давно высказывавшейся в историографии идеи автор обращается в самой краткой по объему 5-й главе («Роль куманов» — с. 101—105), поскольку вопрос кажется ему вполне ясным.

В начале главы Малингудис дает краткий очерк истории половцев. При этом несколько противоречиво выглядит датировка автором первых контактов куманов с Русью и Византией. Балканского хребта (т. е. района в глубине земель империи), пишет он, половцы достигли в конце XI в. и вскоре, 29 апреля 1091 г., в битве с печенегами при Левунионе помогли (а по сути сыграли главную роль) в разгроме врагов Алексею I Комнину. Вместе с тем, по словам Малингудиса, «на границах Руси и Византии» они появились лишь в «следующей половине века» (с. 102). Но половцы поддержали Лжедигиена против Алексея I едва через три-четыре года после битвы при Левунионе, в 1114—1115 гг. состоялся их набег на земли Северной Македонии, вторгались они в Паристрион и в следующие десятилетия³⁷. Что же касается русских земель, то первые свои набеги на них половцы совершали уже в 1062 г., а в следующем их нашествие должно было отражать ополчение из горожан самого Киева³⁸.

Автор говорит о важности наблюдений Д. Расовского, установившего, что близ Дуная и на Балканах половцы появлялись только в холодный сезон, с октября по апрель; в теплое время их кочевья передвигались вместе с табунами коней³⁹ далеко к северу и северо-востоку, к границам Руси. Следовательно, и помогать Асенидам они могли лишь в период с октября до апреля-мая.

По мнению Малингудиса, все решающие битвы с имперскими войсками были выиграны Асенидами благодаря помощи куманов. Летом 1186 г. император, в сущности, не встретил сопротивления, и лишь беззаботность помещала ему упрочить позиции империи в Паристрионе. Неудача похода 1187 г. может быть объяснена, по мнению автора, действиями союзных Асенидам половцев, применивших непривычную для византийцев тактику. Во время похода 1188 г. император также не встретил войск Асенидов — источники не сообщают о каком-либо сражении с врагом в открытом поле. Поражение в балканских ущельях в 1190 г. автор приписывает лишь тактической ошибке Исаака II.

Я считаю эту аргументацию недостаточной и мало объективной. Прежде всего летом 1186 г. восставший народ еще не был хорошо организован и хорошо вооружен. Императорская регулярная армия вторглась к тому же в период жатвы, в крайне неблагоприятный для восставших момент. Но и при этих условиях Исаак II встретил серьезное сопротивление у горных проходов, и только выход по горным тропам в тыл повстанцам принудил их к отступлению. Описывая борьбу с Асенидами («болгарами и владями», как неоднократно говорится в источнике), Никита Хониат упоминает не только о половцах и их тактике, но и о стратегическом таланте Асеня, маневры которого привели к раздроблению войск императора и утрате контроля за ходом событий.

Летом 1188 г. куманов не было в Паристрионе, и тем не менее Исаак II не добился никаких успехов в деле восстановления власти империи в провинции и не смог взять отнюдь не первоклассную крепость Ловеч, несмотря на трехмесячную осаду. То же самое следует сказать и о походе 1190 г. Императору не могло не быть известно, что в октябре вновь появятся союзные Асенидам половцы. Следовательно, если принять во внимание логику автора, император рассчитывал достигнуть решительного поворота в борьбе до этого срока. Почему же он не добился этого? Ответ, по нашему мнению, может быть только один: планы Исаака II были

³⁴ Автору неизвестна статья В. Д. Королюка об этом (Влады и славяне русской летописи), как и упоминавшаяся моя статья («Влады византийских источников...»), хотя он и ссылается на историографический обзор Л. Л. Полевого, опубликованный в том же сборнике (Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 46—91).

³⁵ Златарски В. История на българската държава през средните векове. София, 1971, т. I, ч. 2, с. 615—619.

³⁶ Литавин Г. Г. Влады византийских источников, с. 137—138.

³⁷ См.: Литавин Г. Г. Болгария и Византия..., с. 421—422 сл.

³⁸ Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, ч. 1, с. 174.

³⁹ Автор считает, что половцы разводили только коней; ср.: Очерки истории СССР. IX—XIII вв., ч. 1, с. 202: они имели также верблюдов, быков, коров.

сорваны болгарами и влахами, хотя их в это время не поддерживали половцы.

Совершенно необоснованным мне представляется мнение автора, что его заключения о роли половцев позволяют будто бы сделать вывод о «незначительности» участия болгарских и влашских повстанцев даже в том случае, если согласиться называть это движение «крупным народным и крестьянским восстанием» (с. 104). Вряд ли методологически справедливо утверждение, что если бы не половцы, то «предприятие» Петра и Асеня не завершилось бы успехом (с. 105).

Конечно, успех восстания был обусловлен и тем кризисом, внутренним и внешним, который переживала империя, и помощью половцев. Но главная причина успеха состояла не в этом, а в массовости движения за освобождение страны. Войны такого рода выигрываются не только в прямом столкновении войск, но и благодаря постоянной поддержке населения, пополнявшего поредевшие отряды повстанцев, снабжавшего свои воинские силы продовольствием и оружием, укреплявшего крепости и города, выполнявшего роль разведывательной службы, создавшего всевозможные неудобства на пути движения враждебного войска, изматывавшего его силы бесчисленными и постоянными, хотя и мелкими, атаками, и т. п. Малингудис сам пишет о том, что Асень и Петр применяли тактику «партизанской войны» (с. 76). Но то, что я только что перечислил, и есть отдельные стороны такого рода войны.

Автор неоднократно и совершенно справедливо предостерегает против опасности предвзятых положений и беспочвенных спекуляций. Но этой опасности не избегает и он, решительно отрицая роль народа в деле своего освобождения от иноземного господства и в возрождении собственного, «национального» государства.

Дело отнюдь даже не в «необычности воинской тактики» половцев. Эта тактика — ординарная для кочевых народов и было издревле хорошо известна византийцам, не один раз описавшим ее в «стратегиконах». Да и в самих имперских войсках X—XII вв. имелись воинские контингенты из кочевников. Ссылка на тактику куманов — не аргумент.

Дело в том, что в самой «Истории» Никиты Хониата о колебаниях части населения упоминается лишь для начального периода восстания, когда люди страшились «грандиозности дела», затем же говорится, что «весь народ» склонился к восстанию, «все вооружились», что борьбу с имперскими войсками вели «болгары и влахи»⁴⁰. Что же касается пастухов или «кучки пастухов», как заметил Малингудис, в качестве единственных соратников Петра и Асеня, то об этом в источниках нет ни слова. Это заключение — лишь логическое следствие вывода автора о том, что восстание вспыхнуло на Геме и что на равнинах Паристриона император не встречал вооруженного сопротивления.

По моему мнению, автору не удалось достаточно убедительно обосновать свою мысль, что «решительный поворот» нужно датировать не 1187, а 1190-м годом. Говоря о походе Исаака II в 1190 г., Хониат пишет не о том, что лишь тогда народ поднялся на борьбу, а о том, что население укрепило города и крепости (использовав для этого, несомненно, передышку в 1189 г.) и почувствовало себя уверенным. Согласно смыслу свидетельства Никиты, «своими» болгары и влахи стали считать освобожденные земли не после провала похода 1190 г., а значительно раньше (по моему мнению, уже после неудач Исаака II в 1187 г.).

Особенно интересной представляется 6-я глава («Собрание одержимых» — с. 107—112), в которой автор рассматривает сообщение Никиты о собрании, видимо, в феврале 1186 г. в церкви, построенной Петром и Асением во имя св. Димитрия, в канун открытого выступления. На этом собрании, по словам хрониста, некие «одержимые демонами» из того и другого на-

рода, т. е. из болгар и влахов, приведенные сюда братьями-зачинщиками, иступленно призывали собравшихся оставить сомнения и решительно выступить на борьбу. Они говорили, что сам бог и св. Димитрий благословляют борьбу за освобождение от власти империи, — в результате весь народ согласился взяться за оружие⁴¹.

Малингудис ставит под сомнение это известие Хониата. По его мнению, собрание, о котором более не сообщает ни один источник, — литературный вымысел средневекового автора, сделанный в духе того времени. У Федора Скутариота, пересказавшего данное место Никиты позднее, эти «одержимые» названы *ἀσθενάρια*, что парэтимологически равнозначно *ἀνασθενάρια* (народное *νεστινάρια*, на болгарском — нестинарство). Следовательно, заключает Малингудис, Хониат описал здесь древний обычай на Балканах — ходить по раскаленным углям во время празднования дня святого — «хранителя» данного населенного пункта. Этот обычай был усвоен болгарами от автохтонов (фракийцев) и сохранен до XX столетия. Известно, что Никита Хониат некоторое время был правителем Филиппополя и в этой феме мог наблюдать указанный обычай. Включил же он его в свое описание лишь с целью оживить изложение. Иными словами, сцена, нарисованная Никитой, к известиям о восстании болгар и влахов не имеет никакого отношения: «собрание» возникло лишь под пером хрониста (с. 75, 108. 111—112).

Трактовка сообщения Никиты как древнейшего сообщения о сохранившемся среди болгар обычае нестинарства, несомненно, весьма ценна и интересна. Я считаю этот вывод Малингудиса серьезной научной находкой. Но мне осталось неясным, почему данное заключение непременно предполагает признание недостоверным самого факта собрания представителей болгар и влахов с целью обсуждения вопроса о восстании. Действительно, Никита мог приукрасить обстоятельство и формы проведения такого собрания, перенес при этом на Гем тот обряд, который он видел под Филиппополем. Но почему подобная изобразительная воля должна вызвать сомнение в возможности усмотреть в известии хрониста указание на совещание повстанцев? Сплошь и рядом в византийских памятниках при сообщениях о восстаниях и «мятежах» рассказывается о предварительном собрании зачинщиков. Накануне упоминавшегося восстания 1066 г. состоялось несколько таких совещаний, в том числе одно в доме Веривоя Влаха; в канун восстания 1072 г. во главе с Георгием Войтехом имело место собрание видных лиц Скопье, на котором было решено просить у сербского князя Михаила его сына Бодина как царя Болгарии.

Разумеется, сомнительно, чтобы на собрание в церкви пришло очень много народа. Маловероятно, может быть, и участие в нем «бесноватых». Но самый факт собрания, в соответствии со свидетельством Никиты, я считаю достоверным, — без собрания перед восстанием братья попросту не могли обойтись. Вполне правдоподобным я считаю также сообщение о построенной Петром и Асением церкви св. Димитрия, будь то в Тырнове или в каком-либо поселении на Геме. Привез же из первого похода против восставших, согласно сообщению Феодора Вальсамона, Исаак II икону св. Димитрия, захваченную в «доме Славопетра» (с. 88, прим. 115)⁴².

Никто из современников, кроме Никиты Хониата, не сообщает о собрании болгар и влахов, подчеркивает Малингудис. Но исторических фактов средневековой эпохи, о которых науке известно лишь из одного источника, великое множество. О собрании в доме Веривоя и собрании

⁴¹ Nic. Chon., p. 371.

⁴² О значении культа св. Димитрия в событиях 1186—1190 гг. см. новую работу: *Таркова-Займова В. Quelques représentations iconographiques de saint Démétrius et l'insurrection des Assénides — première scission dans son culte «oecuménique».* — *Byzantinobulgarica*, 1978, 5, p. 261—267.

в Скопье в 1072 г. известия также уникальны, но ни один исследователь, насколько мне известно, не поставил их под сомнение только на этом основании.

Кстати говоря, неправомерно и название главы — «Собрание одержимых». Там были не одни одержимые и даже главным образом не одержимые. Считаю возможным скорее предположить, что царедворец Никита карикатурно и явно намеренно изобразил в неблагоприятном свете горячих проповедников «отпадения» от империи. Даже в передаче этого хрониста, безусловно враждебного восставшим, содержание «выкриков» «бесноватых» вполне разумно: высказывания этих фанатично уверенных в поддержке дела восстания самим божественным провидением проповедников вполне соответствовали той ситуации, которая сложилась тогда в Паристрионе.

7-я глава («Датировка восстания» — с. 113—122) посвящена обоснованию, как упоминалось, датировки начала восстания весной 1186, а не концом 1185 г. Эта датировка представляется мне вполне убедительной. Аргументы автора при этом сводятся к следующему.

Хронология второго похода зависит от датировки мятежа Враны, ибо поход состоялся сразу после разгрома мятежников. Мятеж же нельзя отнести к весне 1186 г. (а так его датировали те, кто относил восстание к концу 1185 г.), так как имеются ясные свидетельства о том, что Врана при осаде Константинополя был убит Конрадом Монферратским. Но по достоверным данным, Конрад в марте 1187 г. был еще в Италии, а 15 июля (побывав по пути в столице империи) прибыл в Палестину. Следовательно, мятеж приходится на период между мартом и началом июля этого года, а действия трех полководцев против восставших (включая Врану) — на время с осени 1186 до весны 1187 г. Полководцам же этим Исаак II вверил войско после возвращения из первого похода летом 1186 г., вместо того, чтобы «снова» (πάλιν) самому возглавить свою армию. Восстание, таким образом, следует отнести к весне этого года. Попытку И. Дуйчева толковать слово πάλιν в смысле «иначе», «иным образом» автор справедливо отклоняет как неудачную (упомянутое толкование помогало И. Дуйчеву избежать противоречий, отнеся оба похода императора ко времени после мятежа Враны — к весне-лету 1186 г.; мятеж этот ученый датировал весной 1186 г.). Ту же дату начала восстания (весна 1186 г.) можно получить и при рассмотрении событий не в их ретроспективном, а, так сказать, «нормальном» течении. Но об этом я уже говорил выше.

Таким образом, как обосновывает автор, первый поход Исаака II состоялся до мятежа Враны, а второй — после подавления мятежа.

Имеются, однако, три свидетельства, противоречащие тщательно аргументируемой автором хронологии событий (дело в том, что датировка, поддерживаемая Малингудисом, была выдвинута задолго до его работы — в последнее время, в частности, как на это указывает автор, И. А. ван Дитеном, издателем «Истории» Никиты — с. 113—114 и прим.).

Во-первых, согласно сообщению брата Никиты Михаила Хониата, ставшего митрополитом Афин в 1182 г., только после подавления мятежа Враны состоялся первый поход императора. Малингудис с основанием замечает в связи с этим, что лучше обстоятельства дела должен был знать не афинский митрополит, а его брат, непосредственный участник описанных им событий.

Во-вторых, тот же Никита пишет, что во время осады Константинополя Враной произошло солнечное затмение. Согласно же астрономическим справочникам, на 22 марта и 21 апреля 1186 г. действительно происходили два солнечных затмения, на которые как на свой главный аргумент и ссылается И. Дуйчев. Однако Малингудис указывает на то, что эти затмения, согласно тем же справочникам, в Константинополе видны не были (Никита их наблюдать не мог). Он мог видеть затмение 14 сентября 1186 г., но тогда, по хронологии самого И. Дуйчева, Враны уже не

было в живых. Вывод Ф. Малингудиса, подкрепленный десятком примеров из разных частей «Истории» Никиты и иных византийских авторов, состоит в том, что описание разного рода небесных и других чудесных явлений у средневековых писателей обычно сопровождает рассказ о каких-либо важных событиях или предшествует такому рассказу. Явления эти толкуются как «знамения», и повествование о них выступает в роли выразительного литературного приема. Иными словами, свидетельство Никиты Хониата о затмении независимо от того, перенес ли он сентябрьское затмение 1186 г. на весну этого года или вообще измыслил «новое» затмение, не имеет значения сообщения о реальном историческом факте. Следовательно, и опираться на это сообщение при установлении хронологии событий по меньшей мере опрометчиво.

В-третьих, в надгробной речи Евфимия Торника на смерть логофета Дмитрия Торника, датированной 1185/86 г., говорится о том, что во втором своем походе император разгромил «варваров», спустившихся с круч Гема. И. Дуйчев опирался и на это известие, относя второй поход к осени 1186 г. Но это свидетельство, по мнению Малингудиса, подкрепляет, напротив, обосновываемую им хронологию, а не ту, которую отстаивает И. Дуйчев. Греческий исследователь указывает на то обстоятельство, что датировка речи Евфимия опирается на примерно установленную дату письма Михаила Хониата (1185—1186 гг.) Дмитрию Торнику. Но И. Дуйчев не заметил, что в письме Михаила Дмитрий обозначен как «ἐπὶ τοῦ καυχλείου», тогда как в речи Евфимия указывается на его должность «логофета». Следовательно, заключает Малингудис, речь Евфимия и описанные в ней события нужно относить к следующему, 1187 г., когда Дмитрий, вероятно, и стал логофетом.

Считаю высказанные Малингудисом соображения вполне резонными: речь Евфимия, может быть, следует относить к 1187 г., как и упомянутый в ней второй поход Исаака II. Однако и аргументация автора в данном случае не бесспорна. Письмо Михаила Хониата датируется 1185—1186 гг., т. е. весьма приблизительно, и бывший «ἐπὶ τοῦ καυχλείου» Дмитрий мог успеть в течение лета-осени 1186 г. и стать логофетом и умереть. Я не хочу тем самым поставить под сомнение датировку Малингудиса — мне хотелось лишь указать на излишнюю уверенность автора там, где источники допускают иное толкование.

Восьмая глава монографии — «Восстание Асенидов в зеркале болгарской и румынской историографии» (с. 123—129) — представляется мне инородной в несомненно серьезном, хотя и спорном исследовании Ф. Малингудиса. Ни по материалу, привлеченному к критическому рассмотрению в данной главе, ни по методу этого рассмотрения я не считаю ее репрезентативной и поэтому воздерживаюсь от ее комментирования.

Заключение к работе (с. 131—134), помимо концентрированного повторения уже изложенных выше выводов, содержит некоторые идеи, которые заслуживают особого разговора. В полемическом плане Малингудис высказывает здесь тезис о том, что восстание болгар и владаров в 1186 г. против византийского господства не может быть расценено как некая «закономерность» (Gesetzmässigkeit) (с. 131). Во время почти двухсотлетнего господства империи на болгарских землях, пишет автор, было много локальных восстаний, не приведших к победе, и «болгарские земли оставались воссоединенными с имперским сообществом» (или «союзом» — Reichsverband — с. 56 и 131). Основные причины успеха восстания Петра и Асеня автор усматривает не в торжестве некоей закономерности, а в случайном совпадении трех факторов: критическое положение империи, вмешательство половцев и целенаправленное руководство Асенидов. Их восстание, как и предыдущие, носило по преимуществу антиналоговый характер (т. е. вызывались экономическими причинами) и поэтому, говорит Малингудис, не могут рассматриваться как «антифеодальные». Настаивая на этом автор замечает, что он не боится обвинения в «буржуаз-

ной бесконцепционности» (bürgerliche Konzeptionslosigkeit — с. 132). Богомилство, продолжает он, нельзя расценивать как ответ на некую политику «денационализации», и оно не было феноменом идеологической «надстройки» (Überbau) восстания. Если оценивать события в категориях, соответствующих той эпохе, то, по мысли Малингудиса, следует признать, что целью восставших в 1186 г. было освобождение от власти империи и восстановление своего, Болгарского государства.

«Не боясь обвинения в буржуазном объективизме и нежелании широких обобщений», я также считаю, что непосредственной причиной этого и иных восстаний был экономический гнет, что империя переживала кризис и не имела достаточных сил для борьбы за Паристрион, что поддержка половцев содействовала успехам Петра и Асеня, а их умелое руководство и ясно поставленная цель воодушевляли восставших. Как и 20 лет назад, я не усматриваю в богомилстве идеологическую надстройку восстания 1186 г., которое, на мой взгляд, также не было непосредственным ответом на политику ромеизации.

Однако все это не дает оснований решительно отрицать закономерность образования Второго Болгарского царства. Мне представляется вообще свершение крупных исторических событий гораздо более закономерным, чем их несвершение. Ведь не были случайными ни гнет налогов, ни восстание, ни неудачи походов царя и т. п. Трудно счесть случайным и кризис империи: 800 лет византийцам удавалось отражать натиск врагов, порой одновременный на всех границах, а отныне делать это становилось почему-то все более трудно. Кризис, видимо, был закономерен, и империя не вышла из него вплоть до падения Константинополя в апреле 1204 г.

Не считаю я удачным и термин Reichsverband для обозначения Византийского государства. «Имперским сообществом» (имеется в виду — «союзом народов») империя не была никогда, хотя ее существование было вполне закономерно. Однако, к концу XII в. эта исторически сложившаяся форма правления и государственности изжила себя: империя уже не могла ни противостоять врагам, ни удерживать в повиновении подвластные ей народы, тяготевшие к выходу из состава империи и созданию независимых государств. Рассматривать ход этих событий как проявление определенной исторической закономерности, на мой взгляд, гораздо больше оснований, чем объявлять их результатом хаотического стечения роковых случайностей.

Прежде чем сделать общее заключение о работе Ф. Малингудиса, коротко остановлюсь на двух экскурсах-приложениях в ее конце. Сначала о втором экскурсе «Несколько „влашских“ имен у Никиты» (с. 139—140). Автор рассматривает здесь четыре имени (Добромир Хриз, Иванко, Митко и Шишман), которые неоднократно объявлялись в историографии «влашскими». Еще ранее в своей работе Малингудис подчеркивал, что при упоминании о влахах Никита Хониат дает им обычно славянские и куманские имена. От выводов на этот счет автор предпочитает воздерживаться, чтобы не дать повода для «спекуляций» (с. 94). В данном экскурсе он лишь констатирует, что первые три имени являются, безусловно, славянскими, а последнее — половецким. Я также воздержусь от каких-либо далеко идущих суждений, основанных на этих фактах.

В первом экскурсе рассматривается сообщение Никиты Хониата о том, что среди приведенных братьями из-за Дуная половцев осенью 1186 г. находились «те из Вордоны, которые презирают смерть, ветвь тавроскифов, народ, любезный Арею и помогавший варварам на Геме»⁴³. Первым, еще по рукописи, это место оценил и интерпретировал Ф. И. Успенский, который и высказал предположение, что Никита имеет в виду русских, так как византийцы именно их обычно называли тавроскифами. Этот же ученый указал на то, что «тавроскифы из Вордоны», скорее всего,

идентичны упоминаемым другими источниками в левобережье Дуная «бродникам»⁴⁴.

Рассматривая это известие, Малингудис прежде всего отмечает, что, кроме Успенского, никто более не обратил на это известие внимания. Это ошибка: сообщение Никиты не раз использовалось в советской историографии⁴⁵. Совсем недавно интересные наблюдения над локализацией этникона «бродники» сделал В. П. Шушарин, указавший, что в латиноязычных грамотах Венгерского королевства места обитания бродников связываются обычно с южными предгорьями Карпат и это вполне согласуется с известием Никиты о тавроскифах из Вордоны⁴⁶.

Малингудис дает новую интерпретацию данному свидетельству, с которой, однако, я согласиться не могу. Он утверждает, что русских Никита Хониат называет обычно терминами «рос» и «скифы гиперборейские», а под «тавроскифами» имеет в виду другой народ, составляя в этом отношении исключение среди византийских авторов. Установив, что где-то в устье Дуная существовал топоним «Куманский брод», автор заключает, что там и обитали тавроскифы-бродники, а поскольку брод — «куманский», то и жившие здесь бродники — также куманы. В подтверждение этой догадки Малингудис ссылается на русскую летопись, согласно которой зимой 1187 г. киевский князь громил половецкие вежи у Днепра, когда половцы-воины находились в походе на Дунай — поход этот был, считает автор, организован в помощь Асенидам, и в нем вновь могли принять участие куманы и бродники (но не с Дуная, а из Приднестровья) (с. 135—137).

Во-первых, совершенно не соответствует действительности заявление Малингудиса, что Хониат не называет русских тавроскифами: упоминая о «тавроскифах» в своей «Истории» 6 раз, он имеет в виду только русских⁴⁷. Во-вторых, бродники отмечены в Нижнем Подунавье не только после того, как их в 20-х годах XIII в. отбросили из мест к востоку от Днепра наступавшие татаро-монголы, а, видимо, ранее: к 1222 г. бродники — уже хорошо известные венграм соседи на востоке, у границ королевства. В-третьих, существование деревни (Dorf) «Куманский брод» и ее славянское название (как славянским было и само наименование — «бродники») говорит скорее в пользу славянского, а не половецкого по преимуществу происхождения бродников. В. П. Шушарин считает это наименование самоназванием, что было бы совершенно исключено, будь они куманами⁴⁸. В-четвертых, топонимы с корнем «брод» были широко распространены издревле, в том числе — в Словакии и Трансильвании, и были связаны как раз со славянским населением⁴⁹. В-пятых, наконец, как в латиноязычных грамотах, так и в «Истории» Никиты бродники четко отличаются от куманов — обстоятельство малопонятное, если бы они были только одним из половецких племен.

Все это заставляет меня по-прежнему считать гипотезу Ф. И. Успенского о «тавроскифах из Вордоны» как по преимуществу русских на сегодняшний день наиболее основательной.

Итак, теперь следует подвести общие итоги и дать окончательную оценку исследованию Ф. Малингудиса. К числу несомненных достоинств

⁴⁴ Успенский Ф. И. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, Приложение № 3, с. 35—39.

⁴⁵ См.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 456, прим. 80; Он же. Русь и Византия в XII в. — ВИ, 1972, № 7, с. 44, прим. 51; Котляр М. Ф. Русь на Дунае. — Украинский исторический журнал, 1966, № 9; Он же. Кто такие бродники (До проблемы винижения козацтва). — Украинский исторический журнал, 1969, № 5; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 202—203.

⁴⁶ Шушарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. — История СССР, 1978, № 2, с. 39—43.

⁴⁷ Nic. Chop., р. 129.29—30; 312.1—4; 333.50—57; 347.39—40; 348.62—65.

⁴⁸ Шушарин В. П. Указ. соч., с. 42.

⁴⁹ Там же.

работы я бы отнес стремление автора разобраться в сложных и спорных проблемах истории болгарского народа в период византийского господства и в особенности его борьбы за возрождение своего государства в 1186—1190 гг., сохранив при этом научную объективность и не потеряв опоры на тщательно выверенные данные исторических источников. Плодотворной мне представляется и методическая позиция автора рассматривать свидетельства средневековых авторов, строго учитывая особенности их мировосприятия, обусловленные обстоятельствами места и времени их творчества, а также специфические нормы и каноны жанра исторического повествования, свойственные той далекой эпохе.

Наиболее важными и достаточно обоснованными я считаю выводы Ф. Малингудиса о том, что главной целью восстаний на землях бывшего Болгарского государства в эпоху византийского господства было стремление к политической независимости от империи, к возрождению своего независимого государства. Я совершенно согласен с автором в том, что созданное в результате народно-освободительной борьбы, вспыхнувшей в 1186 г. в Паристрионе, государство было государством болгарским. Хронология событий 1186—1190 гг., тщательно обоснованная Ф. Малингудисом, представляется мне на сегодняшний день наиболее достоверной среди всех тех датировок, которые были предложены в современной историографии⁵⁰. Монография Малингудиса вызовет, несомненно, большой интерес среди специалистов, стимулирует научную дискуссию по одной из крупных проблем славяно-византийской истории XI—XII вв. и тем самым будет способствовать прогрессу исторических знаний об этой эпохе.

Вместе с тем, решая в своем исследовании некоторые «побочные задачи» (Nebenaufgabe), автор исходил из достаточно распространенных к сожалению, на Западе и далеко не точных общих представлений об историографии социалистических стран в целом и поэтому не смог в ряде вопросов избежать той пристрастности при анализе исторических фактов, которую усматривал в трудах других ученых.

Ж.-П. АРИНЬОН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В СЕРЕДИНЕ X В. И КРЕЩЕНИЕ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Отношения между Византией и молодым Русским государством в церковной, экономической и политической сфере начались, по-видимому, с 860 г., после осады руссами Константинополя¹. Они привели вначале к посылке на Русь патриархом Фотием епископа в 867 г.², затем к заключению торговых договоров 911 и 944 гг.³ и, наконец, к посещению княгиней Ольгой Константинополя, где она была принята в 957 г. императором Константином VII Багрянородным и императрицей Еленой. Последнее событие, связываемое в некоторых источниках с крещением Ольги, несколько десятилетий составляет предмет полемики историков, особенно дата и место крещения русской княгини⁴. Нам кажется поэтому правомерным новое исследование, основанное на повторной интерпретации всех источников.

Наряду с такими современными свидетельствами, как рассказ Константина VII в сочинении «О церемониях византийского двора»⁵ или сообщение Продолжателя Хроники Региона Прюмского⁶, нужно принять во внимание и более поздние византийские хроники Скилицы — Кедрина⁷ и Зонары⁸, а также русские источники, Киевскую летопись, так называемую летопись Нестора⁹ и Память и похвалу князю Владимиру мниха Иакова¹⁰.

¹ Shepard J. Some Problems of Russo-Byzantine Relations, c. 860—1050. — The Slavonic and East European Review, 1974, 52, p. 10—33.

² Halperin C. J. Now you see them, now you don't. A note on the first Appearance of the Rhos (Rus') in Byzantium. — Canadian American Slavic Studies, 1973, 7, p. 494—497.

³ Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle. — Cahiers du monde russe et soviétique, 1961, 2, p. 447—465.

⁴ Изложение основных положений см.: Laehr G. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930, S. 103—106; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 222—237; Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга. — In: To Honor R. Jakobson. Essays on the Occasion of his seventieth Birthday. La Haye; Paris, 1967, 2, p. 1458—1473; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 66—68, 119—121; Афанасьев М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973, с. 64—72.

⁵ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo/ Rec. I. I. Reiske, Bonnae, 1829, 1 (далее — De cerimoniis), p. 595—598.

⁶ Reginonis abbatis Prumensis Chronicon cum continuatione Treverensi/Rec. Fr. Kurze. Hannover, 1890, p. 170—172.

⁷ Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1839, 2, p. 329.

⁸ Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XIII—XVIII/Ed. Th. Büttner-Worbst. Bonnae, 1897, p. 484—485.

⁹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, I (далее — ПВЛ), с. 44—46. Англ. пер. см.: Cross S. H., Sherbowitz-Wetzor O. P. The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text. Cambridge, Mass., 1953 (далее — RPC), p. 82—84; см. также: Szeftel M. The Russian Primary Chronicle. Laurentian Text. — Speculum, 1955, 25, p. 257—267; Szeftel M.

⁵⁰ Об этом же см.: Zankova-Petkova G. La libération de la Bulgarie de la domination byzantine. — Byzantinobulgaria, 1978, 5, p. 96, 107 sq., 115 sq. (к сожалению, статья Цанковой вышла в свет, когда данная работа находилась в печати, и мы не смогли в полной мере использовать труд болгарской исследовательницы).

Уже Г. А. Острогорский отметил, что вопрос о крещении Ольги в специальной литературе сводился в сущности к тому, какое значение придавалось соответствующему свидетельству каждого источника или каждой группы источников: следует ли, таким образом, для локализации крещения Ольги в Константинополе или Киеве принять в пользу первой гипотезы свидетельство немецкой хроники и русских источников или же вывести вторую из факта отсутствия в сочинении «О церемониях византийского двора» всякого упоминания о крещении в Константинополе? Мы рассмотрим проблему несколько иначе: вместо того чтобы противопоставлять источники, и особенно «О церемониях» — Хронике Продолжателя Региона Прюмского, составленные современниками, принимавшими участие в описываемых событиях, мы рассмотрим, в какой мере и как они дополняют друг друга. Такой подход приводит нас к тому, чтобы сначала представить всю совокупность источников (их можно разделить на три группы — греческую, латино-германскую и русскую), затем исследовать два достоверно известных события — поездку Ольги в Константинополь в 957 г. и отправку русского посольства во Франкфурт-на-Майне к Оттону в 959 г.; подытожив наши знания об этих двух событиях, мы попытаемся датировать и локализовать крещение Ольги.

Первая группа источников включает в себя прежде всего трактат «О церемониях византийского двора», составленный в 958—959 г.¹⁴ в котором Константин VII подробно рассказал о приемах, устроенных в честь княгини Ольги во время ее пребывания в Константинополе в конце 957 г. Отметим в этом свидетельстве три важных момента:

1. Представительная русская делегация, возглавляемая «архонтиссой Эльгой», была принята в Константинополе в 957 г. Она имела в своем составе, кроме восьми придворных слуг, племянника княгини, личные представители князя-наследника Святослава, 20 или 22 купца, священника Григория и двух переводчиков.

2. Русской княгине оказывали исключительные знаки внимания: после официального представления при дворе архонтиссу пригласили в покои императрицы, где с разрешения императора ей позволили сесть и беседовать с ним; кроме того, как владетельную государыню, ее не заставили совершить тройной проскинесис — она ограничилась лишь легким наклоном головы; ее посадили за императорский стол и, наконец, одарили богатыми дарами, составившими в целом 700 милиарисиев (около 60 номисм)¹⁵.

3. Константин VII ничего не говорит ни о частных беседах, которые он имел со своей гостьей, ни о причинах, которые привели русскую делегацию в Константинополь.

4. Не сделано никакого намека на крещение архонтиссы, называемой исключительно ее языческим именем Эльга.

К этому свидетельству нужно также добавить сообщение более поздних греческих хронистов — Скилицы — Кедрина (XI в.) и Зонары (XII в.). Их рассказы совпадают почти дословно — в такой степени, что их можно рассматривать как один и тот же источник.

Russians Institutions and Culture up to Peter the Great. London, 1975. Франц. пер. см. Marichal R. Premiers chrétiens de Russie. Paris, 1966, p. 41—46.

¹⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901, т. 1, первая половина тома с. 241—242.

¹⁵ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1459—1460.

¹⁶ Vogt A. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies Commentaire. Paris, 1935, p. XXVII.

¹⁷ В эпоху, когда Филофей составил свой трактат (Клиторологий) (сентябрь 899 г.), 12 милиарисиев были равны одной номисме; см.: Oikonomides N. Les listes de présence byzantines des IXe—Xe siècles. Paris, 1972, p. 228, n. 279. Русская княгиня в первый раз получила 500 милиарисиев от императора, а затем 200 — от императрицы, т. е. всего 700 милиарисиев, или 60 номисм.

Мы отметим здесь три момента:

1) отсутствие указания о времени прибытия архонтиссы в Константинополь¹⁴;

2) объединение двух элементов: прибытие в императорский город Эльги, еще язычницы, вдовы русского князя, военная и морская деятельность которого представляла угрозу для империи¹⁵, и ее крещение;

3) постоянное употребление для обозначения русской княгини только языческого имени Эльга.

В качестве современного исследуемым событиям источника можно рассматривать рассказ Продолжателя Региона Прюмского, который с небольшими вариантами был воспроизведен в большинстве западных хроник конца X—начала XI в.: вероятно, речь идет о прямом свидетельстве, поскольку его автором является, по-видимому, Адальберт, архиепископ Магдебурга, главный участник событий, о которых он сообщает¹⁶. Действительно, в 953—958 гг. он жил при дворе Оттона, где исполнял обязанности «королевского нотариуса», затем удалился в Трирский монастырь св. Максимиана, откуда вышел только в 961 г. в связи с посвящением в епископы и отъездом на Русь. Под 959 г. он сообщает сведения, вероятно, переданные его предшественниками из королевского окружения, которых можно считать хорошо информированными, а под 962 г. — собственные воспоминания.

Мы отметим в его свидетельстве четыре момента:

1) в 962 г. *regina Rugorum*¹⁷ была крещена в Константинополе в правление императора Романа II; тогда она получила христианское имя Елена;

2) Ольга-Елена отправила к Оттону Великому посольство, вероятно, с просьбой о епископе и священниках;

3) вопрос о назначении этого епископа породил интриги в германских церковных кругах;

4) в конце 961 или начале 962 г. Адальберт столкнулся на Руси с враждебным к себе отношением и с трудом выбрался из этой страны.

Третья, русская группа источников на первый взгляд содержит более всего подробностей. Прежде всего Киевская летопись излагает под 6463 (955) г. красочный рассказ, основанный, видимо, на двух разных источниках: один, церковного содержания, ограничивается известием о поездке и крещении русской княгини и приводит отрывок из проповеди патриарха, другой приписывает Ольге требование стать крестницей императора, затем ловкость, с которой она использует это, чтобы избежать матримониальных притязаний Константина VII, и вспоминает, наконец, о долгом ожидании, к которому ее будто бы принудили византийцы, прежде чем ее принял император¹⁸.

¹⁴ Согласно А. Е. Преснякову (Лекции по русской истории, I. Киевская Русь. М., 1938, с. 82), нужно обратить внимание на 955 г. в связи со свидетельством Скилицы, которое не датирует крещения Ольги, но относит его к правлению патриарха Феофилакта, умершего, по мнению Преснякова, в 969 г., на самом же деле — 27 февраля 956 г.; см.: Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slaves de 395 à 1054. St.-Petersbourg, 1833, p. 826. Эту деталь следует принять с оговоркой: в действительности в заметке Скилицы-Кедрина о Феофилакте нет ни малейшего намека ни на Ольгу, ни на ее возможное крещение.

¹⁵ По-видимому, именно угроза новой войны с русскими была причиной заключения договора 944 г. между Игорем и Византией; см.: Vernadsky G. Kievan Russia. New-Haven; Londres, 1973, p. 34—38.

¹⁶ Алпатов М. А. Указ. соч., с. 66—67.

¹⁷ О различных гипотезах, высказанных по поводу идентификации этой княгини, см.: Левченко М. В. Указ. соч., с. 233.

¹⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 111—114; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. — ЧОИДР, кн. 3, 1915, с. 7. Положения А. А. Шахматова недавно были подтверждены О. В. Твороговым; см.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий). — ТОДРЛ, 1976, 30, с. 3—26.

Этот дипломатический карантин, опровергаемый современным событием источником — «О церемониях византийского двора»¹⁹, заставляет нас поставить вопрос об исторической ценности Киевской летописи. Д. С. Лихачев указал по этому поводу, что «Повесть» содержит шесть рассказов, которые характеризуются тематической однородностью и стилистическим единством: их предметом является христианизация Руси; эти шесть текстов — крещение княгини Ольги, ее кончина, расправа с первыми мучениками, крещение Руси Владимиром, убийство Бориса и Глеба, похвала Ярославу Мудрому — по-видимому, были произведением одного автора²⁰. Сказание об Ольге, помещенное произвольно под 6463 (955) г. в хронологический разрыв между 6456 и 6471 гг.²¹, вероятно, было включено в древнейший свод Киевской летописи, составленный в 1037 г. в кругу книжников Ярослава²². Однако думается, что вначале это сказание было более кратким, чем дошедший до нас текст, окончательная редакция которого датируется 1096 г. Действительно, вероятно, только «церковный» рассказ был переписан в 1037 г.; три политических эпизода — император как крестный отец Ольги, предложение вступить в брак, дипломатический карантин — являются как будто отражением более или менее искаженных легенд: например, долгое ожидание Ольги и всей русской делегации быть может, напоминает обыкновение византийцев заставлять ждать русских купцов, прежде чем позволить им войти в Константинополь²³. Предложение вступить в брак, сделанное княгине императором, также слишком явно противоречит, как мы это увидим ниже, тому, что мы знаем о матримониальной политике византийского двора, чтобы можно было это принять буквально.

Одна деталь, сообщенная «церковным» рассказом и отсутствующая в других источниках, должна привлечь наше внимание: важная роль, приписанная патриарху, в крещении Ольги. Этот штрих отражает, на нашему мнению, положение церкви на Руси в первой половине XI в., когда отношения между Константинополем и Киевом были настолько напряженными, что это вылилось в войну 1043 г. — «последний русский поход против Константинополя»²⁵, который привел к отказу князя от всякой императорской potestas по отношению к его стране²⁶. Но это и поставило под сомнение иерархическую власть патриарха, признанную русскими с конца X в. (незадолго до 1039 г. в Константинополе был посвящен новый греческий митрополит для Руси — Феопемпт). Эта практика оправдания настоящего прошлым не единична в русской литературе XI в., как показывают сказания о Борисе и Глебе (убитых в 1015 г. имевшие целью поднять престиж Ярослава Мудрого²⁷). Возникает вопрос: не попытался ли составитель, вспоминая о крещении Ольги, представить отношения между Русью и Византией не в плане политической субординации²⁸ — как раз в тот момент, когда в Константинополе содействовал

«возрождению византийского универсализма»²⁹, — а лишь в границах канонической зависимости от вселенского центра; русский князь отвергает императорскую potestas, но в религиозном вопросе признает auctoritas императора и главным образом патриарха, что хорошо показывает наш текст.

Другой документ русской группы — «Память и похвала князю Владимиру», написанная около 1070 г. монахом Иаковом. Мы выделим в ней три основных момента:

- 1) отмеченная божественной благодатью Ольга решает отправиться в Константинополь, чтобы принять там крещение;
- 2) она получает христианское имя Елена;
- 3) она жила после крещения 15 лет и скончалась 11 июля 6477 (969) г.

А. А. Шахматов отметил, что отрывок об Ольге, вероятно, был взят из ее похвалы и интерполирован в текст похвалы ее внука Владимира³⁰. Эту гипотезу можно подкрепить другим наблюдением: в то время как произведения середины XI в. Повесть, Похвала Владимиру и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона³¹ проводят постоянную параллель между Ольгой-Еленой и Еленой, матерью Константина Великого, фрагмент похвалы Ольге ограничивается упоминанием имени Елены без какой бы то ни было ссылки. Однако византийская традиция требовала, чтобы неопит принимал при крещении имя своего крестного или вместо него — жены последнего; например, Борис Болгарский принял имя Михаил в честь императора Михаила III³², Владимир-Василий — в честь Василия II³³. Ольга, по-видимому, получила имя Елена в честь жены Константина VII в соответствии с достаточно распространенным обычаем, чтобы автор похвалы Ольге счел нужным его не упомянуть; зато параллель между Константином Великим, с одной стороны, и Владимиром и его бабушкой Ольгой — с другой, является литературным клише XI в. Ее отсутствие в похвале Ольги подтверждает большую древность этого произведения. Оно могло быть составлено после крещения Владимира и сооружения в Киеве церкви, посвященной богородице, — Десятинной, где, согласно автору текста, покоилось нетленное тело святой³⁴; однако эта церковь была закончена в 996 г., а тело перенесли туда, быть может, в 1007 г.³⁵ Следовательно, составитель древнейшего свода 1037 г. имел перед собой, вероятно, эту похвалу, где нашел одну деталь: Ольга жила после своего крещения 15 лет. Поэтому, можно думать, он поместил свой рассказ под 6463 г., поскольку о смерти Ольги сообщается в 6477 г. Хронология Повести, как и Памяти и похвалы, по-видимому, зависит от хронологии и похвалы Ольге. К сожалению, у нас нет возможности проверить точность цифры 15, приведенной, по крайней мере, через 40 лет после смерти княгини и с большей или меньшей точностью переданной рукописной традицией³⁶. К этому второму источнику, следовательно, тоже надо относиться осторожно.

Действительно, русские источники XI в. доносят до нас только эхо, возможно, очень искаженное, событий, засвидетельствованных современными греческими или латинскими источниками, а именно поездка Ольги в Константинополь и ее крещения в императорском городе, относя

¹⁹ Как это недвусмысленно показывает выражение ἐπὶ τῇ ἐφ' ὅδῳ, «после их прибытия» см.: De cerimoniis, p. 594.

²⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947, с. 65—66; эта гипотеза была взята под сомнение Н. Н. Ильиным (Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, с. 7).

²¹ Повесть, с. 44, 46; RPC, p. 82—84.

²² Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 58—76.

²³ Sorlin I. Op. cit., p. 456.

²⁴ Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der juridiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln, 1959, S. 84.

²⁵ Poppe A. La dernière expédition russe contre Constantinople. — BS, 1971, 22, p. 1—233—268.

²⁶ Wasilewski T. La place de l'Etat russe dans le monde byzantin pendant le haut moyen âge. — Acta Poloniae Historica, 1970, 22, p. 43—51.

²⁷ Fennell J., Stokes A. Early Russian Literature. London, 1974, p. 13—14.

²⁸ Dvornik Fr. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. — DOP, 1956, 9—10, p. 95—96; Poppe A. Op. cit., p. 233, n. 85.

²⁹ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. Paris, 1975, p. 40.

³⁰ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 13—18.

³¹ Müller L. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubenskenntnis. Wiesbaden, 1969, S. 118.

³² Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. New York; Washington, 1971, p. 85.

³³ Ibid., p. 198.

³⁴ ИВЛ, с. 85; RPC, p. 120—121.

³⁵ Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 84.

³⁶ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 149—150. Эту хронологию, однако, воспринял Г. Острогорский, который относит крещение в Киеве к 955 г. (указ. соч., с. 1405—1466).

последнее событие ко времени до 9 ноября 959 г. — даты кончины Константина Багрянородного. Единственное новое и, вероятно, достоверное известие, которое сообщают эти источники, — принятие Ольгой при крещении имени Елена в честь правящей императрицы. Что же касается других подробностей, сообщаемых этими текстами, в частности Повестью, можно принять только после критического сопоставления с другими источниками. Это мы и попытаемся сделать, исследуя вопрос о поездке русской княгини в Константинополь.

В конце лета 957 г. (а не в апреле этого года)³⁷ русская княгиня Ольга прибыла в Константинополь во главе представительной делегации. Ее состав, упомянутый выше, был очень близок к составу посольства, прибывшего для обсуждения договора 944 г., в котором тоже были 21 представитель князей, 19 купцов, но ни одного священника³⁸. Обе русские делегации были, очевидно, официальными посольствами. Поэтому гипотеза Е. Е. Голубинского, согласно которой Ольга предприняла поездку, чтобы «удовлетворить свою любознательность»³⁹, маловероятна; с другой стороны, исключив всякий мотив религиозного характера, исходя из того, что Константин VII считал Ольгу языческой княгиней, эту поездку можно объяснить только двумя причинами: торговой или политической.

Первая причина обосновывалась В. В. Мавродиным: Ольга будто бы воспользовалась купеческим караваном, который каждую весну отправлялся из Киева (это как будто подтверждается тем, что она прибыла в Константинополь летом), для нового обсуждения договора 944 г., расцененного как невыгодный для русских, во всяком случае, менее выгодный, чем договоры 907 и 911 гг.⁴⁰ Но известно, что договор 944 г. воспроизвел главные положения договора 907 г. и что два единственных ограничения последнего договора были вызваны не желанием византийцев пойти на уступки сделанные русским в 907 г., а необходимостью применения нового более строгого торгового законодательства, введенного при Романе Лакапине; последнее, однако, еще не гарантировало русским важных торговых привилегий⁴¹. Следовательно, гипотеза В. В. Мавродина может быть принята с трудом.

Зато наряду с торговыми статьями договор 944 г. содержал и политические статьи: так ст. 10 предусматривала военную помощь русских против черных болгар⁴², тогда как ст. 7 оговаривала неприкосновенность византийской территории Херсона и обещала русскому князю военную помощь Византии для обеспечения безопасности в этом районе. Д. Л. Талис увидел здесь создание византийско-русского союза, направленного против хазар⁴³. Если эта интерпретация точна, то мы имеем налицо поворот византийской дипломатии; сам Константин VII в трактате «Об управлении империей» составленной в 948—953 гг. для политического образования своего сына Романа, представляет союз с печенегами как основу политического равновесия в этих районах по отношению к русским, венграм и болгарам.

Первая попытка изменения указанной политической ориентации была сделана в 927 г.: в том году священник Гавриил был послан с миссией к венграм, чтобы направить их на завоевание от имени Византии стран печенегов⁴⁴. Конечно, это было неудачей, и, вероятно, в этом причина

того, что Константин VII, составляя 20 лет спустя свой трактат о внешней политике, остается верен союзу с печенегами. Однако новая ориентация византийской внешней политики, намеченная в начале X в., была продолжена в течение следующего периода: в 944 г. Византия доверила подержание порядка в понтийском районе русским, хорошо знающим эту страну⁴⁵. Поэтому исключительные знаки внимания, оказанные Ольге и ее свите во время двух больших приемов в 957 г., означают, по нашему мнению, завершение медленной политической эволюции, в ходе которой в конечном счете должен был пострадать союз с печенегами. Делая официальным новое место, занятое Русью в иерархии государств середины X в., Византия лишь подтвердила роль, которую было призвано сыграть молодое Киевское государство в причерноморских степях. Случай для этого вскоре представился: русские Тавриды под угрозой натиска хазар или печенегов действительно призвали на помощь не византийцев, а русских из Киева, более близких им по образу жизни⁴⁶, а главным образом, думается, потому, что поддержание status quo в этих районах отныне было вверено киевским князьям; и в этом же ряду следует поместить поход Святослава против хазар в 964 г.⁴⁷

Присутствие священника Григория в русской делегации объясняется легко. Как и его собрат Гавриил, а веком раньше Константин-Кирилл и Мефодий, Григорий входил в ту категорию дипломатов-клириков, которых императорский двор часто использовал для ведения дипломатических переговоров. Григорию, вероятно, было поручено разработать с русскими такую систему взаимоотношений, в которой их государство должно было бы играть главную роль. Таким образом, прибытие в Константинополь представительного русского посольства находит свое оправдание — санкционировать соглашение, подготовленное Григорием, и торжественно признать главное место, отныне занимаемое Русью в дипломатической расстановке в Северном Причерноморье. Но для этого с русской точки зрения было необходимо заключить официальный, т. е. матримониальный, союз.

В самом деле, варварские князья рассматривали личный союз с правящей династией как признание Византией их суверенных прав: в 913 г. Симеон Болгарский снял осаду Константинополя, получив обещание, что одна из его дочерей выйдет замуж за императора Константина, обещание, которое императрица Зоя не сдержала, что вызвало вторжение Симеона во Фракию и взятие Адрианополя⁴⁸. Лиутпранд, епископ Кремонский, прибыл в 968 г. в Константинополь, также домогаясь руки одной из принцесс для сына императора Оттона I, но получил высокомерный отказ⁴⁹. По этому вопросу позиция императорского двора была определена самим Константином VII в сочинении «Об управлении империей», где он решительно осуждает браки членов императорской семьи с варварскими правителями, среди которых правители хазар, венгров и русских более всего к этому стремились⁵⁰. Поэтому не удивительно, что Константин ни слова не говорит о русском проекте. Зато воспоминание об этом проекте могло сохраниться в Киеве и дойти до составителя свода 1096 г. в фантастическом виде, конечно, благоприятном для русских. Действительно, настолько же невероятно, что вдовой Ольге было сделано предложение о браке с женатым императором, насколько правдоподобно,

³⁷ Manteuffel T. Les tentatives d'entraînement de la Russie de Kiev dans la sphère d'influence latine. — Acta Poloniae Historica, 1970, 22, p. 38.

³⁸ ПВЛ, с. 34—35; RPC, p. 73—74. Франц. пер. И. Сорлен дает неполный список купцов вследствие пропуска одной строки (Sorlin I. Op. cit., p. 448).

³⁹ Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 78.

⁴⁰ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 254.

⁴¹ Sorlin I. Op. cit., p. 457—458.

⁴² Ibid., p. 461—462.

⁴³ Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X в. — ВВ, 1958, 14, с. 103—115.

⁴⁴ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, I/ Greek text edited by Gy. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jenkins. Washington, 1967 (далее — DAI), p. 56—57.

⁴⁵ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IXe siècle. — Association internationale des études byzantines. Bulletin d'information et de coordination. Athènes; Paris, 1971, 5, p. 68—69; Eadem. Byzance: les pays et les territoires. London, 1976.

⁴⁶ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes, p. 69.

⁴⁷ Vernadsky G. Op. cit., p. 43.

⁴⁸ Obolensky D. Op. cit., p. 108—109.

⁴⁹ Liutprand, évêque de Crémone. Relatio de legatione Constantinopolitana/Ed. par I. Bekker. Hanover, 1915, p. 184.

⁵⁰ DAI, p. 70—73.

что русская княгиня попыталась получить руку дочери императора своего сына Святослава, представители которого находились в ее свите. Ольга тогда стала бы свекровью багрянородной принцессы и могла получить высшее придворное женское звание «опоясанной патрикии»⁵¹. Однако в сочинении «О церемониях византийского двора» русская княгиня носит этого титула, но пользуется связанными с ним привилегиями. Вероятно, если матримониальные проекты Ольги не имели успеха, император постарался компенсировать ее, воздавая ей почести, которыми она имела бы в случае женитьбы ее сына на византийской принцессе. Кроме того, он пожаловал ей денежную сумму, в три раза большую, чем которую она получила бы как опоясанная патрикия в рамках обычных придворных раздач⁵².

Таким образом, искусно используя императорский этикет, Константин VII постарался сохранить союз с русскими, важнейший в новой византийской политике в понтийских районах, не соглашаясь тем не менее на их матримониальные притязания, противоречащие его принципам. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует то, что уже было сказано о «хорошей организации» византийских служб и о «дипломатической ловкости Константина Багрянородного»⁵³.

Наконец, последнее уточнение должно быть извлечено из аргумента *silentio*. Отсутствие в сочинении «О церемониях византийского двора» намека на крещение Ольги, по мнению некоторых исследователей, может быть вызвано тем, что это произведение было лишь сборником протокольных обычаев, без конкретных исторических справок, предназначенным для приема иностранных делегаций, посещающих византийскую столицу. Конечно, эта книга, помимо других, имела и практическую цель, но не верно утверждать, что она и была написана только с этой целью. Действительно, описание приемов русской делегации, возглавляемой княгиней Ольгой, как показал Г. Острогорский, является историческим документом, отличающимся как по содержанию, так и по форме от аналогичных описаний, имеющих общий и показательный характер⁵⁴. Поэтому упоминание о крещении, если бы оно имело место в Константинополе в 957 г., вполне соответствовало бы характеру этого произведения. Кроме того, его ясно показывает то значение, которое придавал император в конце своего правления военно-политическому союзу с русскими. В таком случае невозможно представить, чтобы Константин VII, приписывавший себе выдающуюся религиозную роль и рассматривавший себя как «христа среди апостолов»⁵⁵, упустил возможность упомянуть о крещении при его дворе с его участием в качестве крестного отца, как этого желала бы Повесть или при участии императрицы, что как будто доказывает выбор имени Елена. Однако Константин VII не знает этого имени и называет, как и видели, русскую княгиню только ее языческим именем Эльга⁵⁶, тогда как болгарского хана Бориса, крещенного в 863 г. под именем Михаил, Константин VII почти постоянно называет двойным именем Борис-Михаил. С другой стороны, это замечание, на наш взгляд, исключает гипотезу

Г. Острогорского, согласно которой Ольга будто бы была крещена в Киеве в 955 г., до своей поездки в Константинополь⁵⁷.

Второе достоверное событие — присутствие русского посольства в 959 г. во Франкфурте-на-Майне при дворе Оттона I. Это обращение к королю Германии⁵⁸ вызвало у историков многочисленные гипотезы. А. Д. Воронов, основываясь на данных Повести, считал, что эта инициатива была вызвана охлаждением отношений между Русью и Византией после неудачи посольства Ольги в Константинополь в 957 г.⁵⁹ Е. Е. Голубинский полагал, что русская делегация не искала на Западе епископа и священника, но имела другую задачу, нам не известную; Оттон тогда якобы воспользовался этим случаем для отправки на Русь епископа, где последнего — не без основания — приняли плохо⁶⁰. Ф. Я. Фортинский увидел в этой инициативе средство, с помощью которого русские, оказав давление на Константинополь, пытались вырвать некоторые уступки у греков; речь будто бы шла о демонстрации независимости Руси по отношению к Византии. К тому же, добавляет он, в этой позиции Ольги не было ничего оригинального; веком раньше болгарский правитель Борис-Михаил, крещенный по греческому обряду, также обратился к Риму после отказа Константинополя предоставить болгарской церкви автокефалию⁶¹. Эта точка зрения была принята М. Д. Приселковым, который увидел в дипломатическом шаге Ольги следствие неудачной поездки в Константинополь, целью которой якобы было учреждение епископской кафедры в Киевской Руси⁶². Наконец, Б. Я. Рамм рассматривает эту миссию в общих рамках немецкой наступательной политики против славян и ставит даже вопрос о том, не выдумал ли попросту Адальберт это обращение Ольги к Оттону для оправдания своей миссии в Киеве⁶³.

Прежде всего отметим, что Ольга отправила свое посольство к королю Германии, а не в Рим. Однако создание новой епархии зависело от папы⁶⁴. Поэтому, например, Борис-Михаил одновременно с посольством к Людовика II Германскому с просьбой о посылке франкских миссионеров (866 г.) отправил послов к папе Николаю I, чтобы попытаться получить патриарха и священников⁶⁵. Оттон Великий, хотя был уже коронованным императором, ходатайствовал перед папой Иоанном XII в 968 г. о разрешении перегруппировать славянские страны под юрисдикцией епископа Магдебурга. Следовательно, в 959 г. король Оттон не мог удовлетворить своей властью ходатайства русской делегации в том виде, как нам об этом сообщают немецкие источники.

Их внимательное чтение, впрочем, подтверждает следующую точку зрения: вводящим предложением *ficta ut post claruit* хронист дает ясно понять, что у русских не было ни большого и искреннего желания принять христианство, ни получить латинскую церковную иерархию. Поэтому, по всей вероятности, Либуций, посвященный в епископы Руси в конце 959 г., задержал отъезд в свою епархию более чем на год, а после его смерти 15 февраля 961 г. его преемник Адальберт, видимо, не считал это назначение почетным, приписывая его интригам майнцского архиепископа. По прибытии в Киев германский миссионер, впрочем, быстро

⁵¹ Guillard R. Contribution à l'histoire administrative de l'Empire byzantin. La patricienne à ceinture. — BS, 32, 1971, p. 269—275; Idem. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. London, 1976, 24.

⁵² Острогорский Г. Указ. соч., с. 1471.

⁵³ При этих раздачах опоясанная патрикия получила 20 номисм; см.: Oikonomides Op. cit., p. 224—226. Следовательно, дары, поднесенные Ольге, вовсе не были значительными, но, напротив, подчеркивали, что русской княгине был оказан стойкий прием.

⁵⁴ Ahrweiler H. L'idéologie politique, p. 49.

⁵⁵ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1465—1466.

⁵⁶ De cerimoniis, I, p. 638.

⁵⁷ Ibid., p. 594.

⁵⁸ DAI, p. 150—151, 154—155.

⁵⁹ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1465—1466.

⁶⁰ Оттон Великий стал императором только 2 февраля 962 г., так что Ольга в 959 г. обращалась к королю Германии, а не к императору; ср.: Vernadsky G. Op. cit., p. 41.

⁶¹ Воронов А. Д. О латинских проповедниках на Руси Киевской в X и XI в. — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, 1879, 1, с. 119—122.

⁶² Голубинский Е. Е. Указ. соч., с. 83.

⁶³ Фортинский Ф. Я. Крещение святого Владимира и Руси по западным известиям. — Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, 1889, 2, с. 118—119.

⁶⁴ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XIII вв. СПб., 1913, с. 13.

⁶⁵ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М., 1959, с. 31—39.

⁶⁶ Lot F., Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. Paris, 1962, III. Les institutions ecclésiastiques, p. 9—12.

⁶⁷ Obolensky D. Op. cit., p. 87.

понял, что все его усилия будут напрасны, и тотчас же отправился в обратный путь.

Таким образом, выявляется явное противоречие, с одной стороны между недостатком рвения у германских миссионеров и их конечно неудачей, а с другой стороны, наличием ходатайства русского посольства об учреждении латинской иерархии на Руси. Однако это противоречие кажется, исчезнет, если его связать с важным событием истории Западной Европы второй половины X в. — основанием империи Оттонов. С 951 г. король Германии стремился к императорской короне. Это мероприятие было тщательно подготовлено как внутри, так и вне королевства: заключение тесного союза между монархией и церковью, стремящейся сделать из нее настоящий правительственный орган Reichskirche, оживление — вероятно под влиянием определенных церковных кругов, прежде всего майнцского архиепископа — миссионерской каролингской традиции⁶⁸. Все это позволяло предположить, что Оттон использовал прибытие русской делегации для того, чтобы отправить в Киев миссионера и показать папе, что он de facto осуществляет императорские prerogatives в том виде, как их интерпретировали императоры Запада со времени Карла Великого. Следовательно, как полагал уже Е. Е. Голубинский, миссия Адальберта на Руси представляется главным образом как утверждение императорских притязаний Оттона, а не как результат инициативы русских, что как будто объясняет отсутствие энтузиазма у германских клириков при отъезде на Русь и принеженный Адальберту в стране: христианский клир, находящийся в Киеве⁶⁹, не мог благосклонно смотреть на прибытие латинского епископа.

Кроме того, ситуация в Киеве изменилась: 961—962 гг. были временами языческой реакции, сторонники которой сгруппировались вокруг молодого князя Святослава⁷⁰. Поскольку желание русских получить германского епископа после только что сказанного кажется маловероятным, возникает вопрос: какая миссия была возложена на посольство, отправленное во Франкфурт? Наиболее правдоподобной представляется гипотеза о переговорах по поводу торгового договора, аналогичного тем, которые были заключены между Киевом и Византией с начала X в. Западные источники, действительно, свидетельствуют о значительном торговом обмене между Русью и германским миром в X в. Раффельштеттенский устав, датированный 903—906 гг., доказывает наличие торговой деятельности вдоль верхнего течения Дуная и Ретеля: купцы перевозили воск, лошадей и рабов. Раввинские тексты свидетельствуют о том, что европейские общины вскоре после их обоснования в Майнце, Аугсбурге, Регенсбурге и Праге стали отправлять торговые караваны через Краков и Перемышль до Киева. Наконец, В. М. Потин доказал, что серебряные немецкие денарии поступали на Русь в середине X в. в основном из Рейнской области, Кельна и главным образом из Майнца⁷¹. Напомним, однако, что Либудий, первый посвященный епископ для Руси, был монахом монастыря св. Альбана и что его преемника Адальберта выбрали вследствие интриг Майнцского архиепископа. Следовательно, в момент посвящения в епископы и те

и другой имели тесные связи с Майнцем, экономические контакты которого с русскими засвидетельствованы лучше всего. Но в отличие от торговли с Византией торговля, которую поддерживали русские с Западом, не была государственным предприятием⁷² — она находилась в значительной степени в руках еврейских купцов. Мы полагаем, что именно для устранения этого положения Ольга попыталась заключить с германским королем договор, аналогичный тем, которые были заключены с Византией: тогда торговля с Западом контролировалась бы правителем Киева и питала княжескую казну. Но в Западной Европе X в. организация товарообмена с иностранными государствами решительно отличалась от византийской практики, поэтому переговоры не имели успеха, и тогда можно объяснить молчание об этом Адальберта.

Что касается крещения Ольги, то германский хронист подтверждает, что русские источники и более поздние византийские хроники, согласно которым церемония якобы имела место в Константинополе, но дает совершенно другую хронологию: Ольга, вероятно, приняла крещение до конца 959 г., русское посольство отправилось к Оттону, по-видимому, незадолго до этого, так как слова «sub imperatore Romano» не позволяют относить дату крещения ко времени ранее 9 ноября 959 г., даты кончины Константина VII⁷³, тогда как, согласно Повести, последний был крестным отцом Ольги. Но это terminus a quo, определяемый на основе анализа немецкой Хроники, подтверждается Константином Багрянородным, который в 957 г. говорит об Ольге как о языческой княгине. Нам кажется поэтому, что его нужно оставить вопреки сообщениям русских источников, свидетельство которых, как мы видели, сомнительно.

Кроме того, дата 959—960 гг. может быть косвенно подтверждена другими событиями. Конец 959 и начало 960 г. были отмечены интенсивной дипломатической и военной активностью в отношениях между Русью и Византийской империей, вызванной положением на Средиземном море, где обосновавшиеся на Крите арабские корсары делали жизнь населения империи невыносимой. После нескольких неудачных попыток отвоевания острова Роман II в 959 г. доверил организацию нового похода Никифору Фоке. Последний постарался заручиться помощью русских наемников и присутствие их отрядов действительно засвидетельствовано в Константинополе в 960 г.⁷⁴ Этой инициативе, позволившей отвоевать Крит в 961 г., вероятно, предшествовали переговоры между русскими и византийцами. Нельзя ли предположить, что во время этих переговоров 959 г. Ольга приняла крещение, может быть, непосредственно от ведущих переговоры византийцев, которыми чаще всего были церковнослужители.

В этом случае ей могли дать имя правящей императрицы Елены, вдовы Константина VII и матери Романа II; как известно, она была отправлена в монастырь только в начале 960 г.⁷⁵ Эта последняя дата подтверждает устанавливаемый для крещения Ольги terminus ante quem, которым является дата миссии Адальберта (конец 961 г.). Но русская княгиня крестилась персонально, что одновременно объясняет молчание современных источников о самой церемонии крещения и трудностях, которые встретил Адальберт, прибывший в Киев в разгар языческой реакции.

Остается решить вопрос о месте крещения. Все источники относят его к Константинополю. Следовательно, если принять предлагаемую нами

⁶⁸ Santifaller L. Zur Geschichte des Ottonisch-Salischen Reichskirchensystems. Wiesbaden, 1964, S. 279.

⁶⁹ Dvornik Fr. Les Slaves: histoire et civilisation de l'antiquité aux débuts de l'époque contemporaine. Paris, 1970, p. 180—181.

⁷⁰ Vernadsky G. Op. cit., p. 40.

⁷¹ Inquisitio de theoloneis Raffelstettensis. — MGH, Legum 11/2. Hanover, 1895, p. 249—262. Комментарий этого текста был предложен Ф. Цолнером (Zollner R. Rugier oder Russen. Mitteilungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung, 1952, 60, S. 108—119) и А. П. Новосельцевым и В. Т. Пашуто (Внешняя торговля древней Руси до середины XIII в. — История СССР, 1967, № 3, с. 80—103). О месте евреев в этой торговле см.: Brutzkus J. Der Handel der Westeuropäischen Juden in Deutschland, 1931, S. 101—105; idem. Trade with Eastern Europe 800—1200. — Economic History Review, 1943, 12, p. 33; Потин В. М. Древняя Русь и европейское государство в X—XIII вв. Историко-экономический очерк. Л., 1968, с. 115—172, табл. 16.

⁷² Gieysztor A. Local Markets and Foreign Exchanges in Central and East Europe before 1200. — Kwartalnik Historii kultury materialnej, 1966, 14, suppl., p. 762.

⁷³ Едва ли можно принимать во внимание провозглашение соправителем Романа II (6 апреля 945 г.), так как эти наследственные распоряжения византийского двора, вероятно, не были известны германскому Западу.

⁷⁴ Schlumberger G. Un empereur byzantin au Xe siècle, Nicéphore Phocas. Paris, 1890, p. 46—67.

⁷⁵ Ibid., p. 22—28.

дату, нужно или предположить вторую поездку Ольги в Константинополь, что маловероятно для такого короткого промежутка времени (958—959) или продление пребывания 957 г., что тоже трудно допустить. Нужно таким образом, оставить гипотезу о крещении в Киеве, совершенном или византийскими священниками-дипломатами, или местным, греческим или славянским, клиром⁷⁶. Как же в последнем случае объяснить ошибки источников, в частности самого древнего — Продолжателя Хроники Региона Прюмского? Возможно, ошибочная информация, сообщенная германским хронистом, была умышленно передана Адальберту или русским кругами, уже обращенными в византийскую христианскую веру, или греческим клиром Киева, так как те и другие враждебно относились к прибытию латино-германских священников, прозелитизм которых был известен в славянских странах с IX в.⁷⁷

В дальнейшем традиция о крещении Ольги в Константинополе могла закрепиться после того, как Владимир, в свою очередь, принял крещение по греческому обряду и официально ввел Русь в византийскую ойкумену. Таким образом, Скилица-Кедрин и Зонара могли объединить посещение Ольгой Константинополя в 957 г. и ее крещение в 959 г., два события очень близкие хронологически, поскольку крещение русской княгини в императорской столице льстило «греческому ортодоксальному патристизму» византийских интеллектуалов XI и XII вв.⁷⁸ Русские авторы XI в. принадлежащие к церковной среде, зависящей от вселенского патриарха, могли легко сделать ту же ошибку. В качестве примера смешения в русских источниках разных, но хронологически близких событий можно вспомнить крещение Владимира (январь 988 г.) и взятие Корсуни (весна 989 г.)⁷⁹.

Итак, крещение княгини Ольги имело место, вероятно, в конце 959 в Киеве. Присоединение к христианству являлось сугубо частным актом и не имело серьезных последствий для молодого Русского государства. Значение этого события было, однако, преувеличено церковными греко-русскими кругами XI в., тогда как в последующие за крещением Ольги годы его затмили политические перемены, наступившие в византийско-русских отношениях в конце правления Романа II, попытка Ольги установить торговые связи с Западом, наконец, языческая реакция в правлении Святослава.

Но если сугубо религиозное значение такого события, как крещение Ольги, не нужно переоценивать, то изучение его политического контекста позволяет сделать интересные выводы. Действительно, правление Ольги свидетельствует о становлении и укреплении Киевского государства как во внутреннем, так и в международном плане. Мы уже знаем, что вдовствующая Иггорь создала административный аппарат для взимания дани⁸⁰; ее попытка обратить в пользу государства прибыль от торговли Руси с Западом была подчинена той же цели — укреплению материальной базы молодого Киевского государства. В международном аспекте Киевская Русь утверждается одновременно и как новая держава⁸¹, и как фактор стабильности, искусно используемый Византией в этом регионе. Что касается короля Германии, он увидел здесь только одно из средств для реализации своего устремления — достижения императорской короны. Впоследствии не известно о какой-либо новой серьезной попытке латинской церкви покорить Русь вплоть до XIII в.: политико-религиозные отношения с Западом в отличие от торговых связей останутся эпизодическими.

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА ГЕННАДИЯ

Среди дошедших до нас сообщений о ереси жидовствующих в Новгороде в конце XV в. большой интерес для историков искусства представляют факты, изложенные главой обличителей ретиков — новгородским архиепископом Геннадием — в послании суздальскому епископу Нифонту (январь 1488 г.)¹. Факты эти расценивались новгородским владыкой как еретическое «бесчинство... над церковью божиею и над кресты и над иконам и над христианством»². Геннадий просит уведомить великого князя и митрополита, что дело о новгородских еретиках ведется слишком медленно, и еретики усилили свою деятельность.

«Ино познают: еретикам ослаба пришла, уже ныне наругаютца христианству — вяжут кресты на вóроны и на ворóны, — рассказывает Геннадий. — Многие ведали: ворон деи летает, а крестъ на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино таково наругание: ворон и ворона сядятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат! А zde се обретох икону у Спаса на Ильине улици — Преображение з деянием, ино в празницех Обрезание написано — стоит Василией Кисарийский, да у Спаса руку да ногу отрезал, а на подписи написано: Обрезание господа нашего Иисуса Христа. Да с Ояти привели ко мне попа да диака, и они крестянину дали телник древо плакун, да на кресте том вырезан сором женской да и мужской, а христианин де и с тех мест сохнути, да немного болел да умерл»³.

Что касается сообщения о крестах, привязанных к птицам, то связь этих эпизодов с ересью вполне вероятна. Труднее усмотреть такую связь в колдовских манипуляциях с нателным крестом. Однако полностью отрицать причастность виновных к ереси нет оснований, особенно если принять во внимание известие Геннадия о виновном дьяке, который «сказываетца племенник Гриди Ключу еретику»⁴, что в подлинник не писан»⁵.

Зато эпизод с иконой из церкви Спаса Преображения на Ильине улице, поставленный в один ряд с перечисленными инцидентами, вызывает недоумение.

¹ Послание опубликовано по единственному дошедшему до нас списку второй половины XVI в., хранящемуся в ГПБ, Q.XVII.50, л. 296. См. в кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955, с. 312—313.

² Там же, с. 313.

³ Там же, с. 312—313.

⁴ По сведениям Иосифа Волоцкого, Гриди Ключ был учеником ересиарха попа Деписа; см.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 469, 479.

⁵ Там же, с. 313. Подлинником здесь назван первоначальный список имен и преступлений новгородских еретиков, составленный Геннадием и отправленный им великому князю и митрополиту.

⁷⁶ Dvornik Fr. Les Slaves. . . , p. 180.

⁷⁷ Dvornik Fr. L'évangélisation des Slaves, des Magyars et des Russes. Paris, 1958, p. 142-164.

⁷⁸ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes, p. 63.

⁷⁹ Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus'. Byzantine-Russian Relations between 986—89. — DOP, 1976, 30, p. 194—244.

⁸⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М. 1972, с. 151—155.

⁸¹ Острогорский Г. Указ. соч., с. 1472—1473.

Если клеймо с изображением Василия Кесарийского рассматривать вслед за Геннадием как глумление над святыней, то, во-первых, даже предположив, что священнослужители находились под воздействием еретиков, трудно понять, как они осмелились выставить подобную икону посвященную к тому же храмовому празднику, для всеобщего обозрения. Во-вторых, удивительно, почему столь дерзкое оскорбление святыни не вызвало всеобщего осуждения; почему при перечислении преступлений еретиков об этой иконе ни слова не говорит Иосиф Волоцкий, который едва ли упустил бы возможность упомянуть о таком неслыханном кощунстве. Наконец, если допустить, что икона — дело рук еретиков, то почему надругательству подверглись не все ее сюжеты, а только один? Ведь ясно, что архиепископ придирчиво изучил каждое изображение, однако в среднике, ни в клеймах ему больше не удалось обнаружить ничего подозрительного.

Все это дает основание усомниться в справедливости обвинения, во вмененного Геннадием на неизвестного живописца и заказчиков иконы.

Если представить, как выглядело злополучное клеймо, и поискав иконографические параллели, то станет очевидно, что изображение о котором идет речь в послании новгородского архиепископа, представляло собой редкую, но вполне каноничную живописную интерпретацию так называемого евхаристического чуда.

Рассказы о евхаристических видениях были распространены повсеместно как в странах византийского мира, так и на Западе. Основу этих рассказов составляет чудо пресуществления святых даров. Язычники иудей или сомневающийся христианин видит во время литургии вместе с евхаристическим хлебом младенца Христа, которого разрезает на части ангел или священнослужитель.

Древнейшие рассказы о евхаристическом чуде восходят к византийским патерикам. Свидетелями чуда являются здесь монахи, которые усомнились в таинстве евхаристии⁶. Один из подобных рассказов — об ангелах, закалывающих младенца во время литургии, — послужил основой для слова о литургии, автором которого ошибочно считал Григорий Богослов⁷. Другой под названием «Слово блаженного Ефрема о проскуре рекше о комкании» включен в славянские и русские списки «Паренесиса» Ефрема Сирина, в том числе — в древнейший русский список XIII в.⁸ Особую группу составляют рассказы о сарацинском царе, который крестился после аналогичного чудесного видения. Заклание младенца совершается здесь священником. Один из таких рассказов приписывался в Византии Григорию Декаполиту⁹. В древней Руси были известны два варианта этого рассказа, один — краткое переложение сказания Григория Декаполита, другой — более подробный вариант, в котором сарацинский царь назван Амфилохом¹⁰.

Что касается интересующего нас изображения, то объяснение ерархическим Геннадием мог бы найти в житии Василия Великого, которое

было принято надписывать именем Амфилохия Иконийского¹¹. Согласно рассказу жития, некий иудей зашел во время богослужения в храм и увидел Василия Великого, который вместо евхаристического хлеба рассекал на части младенца. Увидев собственными глазами, что евхаристический хлеб — истинная плоть Христа, иудей — видимо, прикинувшийся христианином, — принял причастие, а наутро, окончательно уверовав, пришел к Василию Великому с просьбой крестить все его семейство.

В Древней Руси были известны два перевода псевдоамфилохиевского жития Василия. Один из них, древнейший, издан А. И. Соболевским по спискам XII и XIV вв.¹² Интересующий нас эпизод здесь опущен; однако он содержится в сборнике XIV в. из собрания Троице-Сергиевской лавры¹³. Второй перевод дошел до нас во многих списках начиная с XIV в.¹⁴ и опубликован в издании Четых Минеи митрополита Макария¹⁵. Приведу оба перевода рассказа о видении иудея.

ГБЛ, ф. 304, № 8 (XIV в.)
(л. 362) О смотрившем жидовине
святую литургию.

Честней же службе твориме еврейянин некто, аки крестьян вместились в народ в время службы, (л. 262 об.) и подания святого смотри хотя, виде младенца дробим в руку Василия. И взявшим всем приде и ть [и], и подая ему поистине плоть сущи. Паки приде к потиру, полн крови сущю, и тому бысть причастник. И от обоего схранив мало, шед в дом си показа подружью си на извещение, о глаголемь сказав, еже своим очима виде, веровав же, яко поистине гордо и дивно есть крестьянско таинное. Наутри приде к Василию, моля его всем сердцем взяти о Христе знамение. И си не ленился, но по обычаю благодарение хотящему спастися принес, крести и с всем домом ему веровавша к господу.

ГБЛ, ф. 304, № 129 (XIV в.)
(л. 5) О еврейне.

Божествену бо службе сътвореем, еврейяне некий себе яко христианина примесив к людем, чин служебный и дар святого причащения съмотри хотя, зрит младенец раздроблем на уды в руку Василиеву. И причастившемся всем приде и ть. И дана бысть ему чясть в истину плоть сущи. Таже приступи к чаши крове плне сущи, и тоу бысть причастник. И от обоих схранив (л. 5 об.) останки, шед в дом свои. Показа съжителници свои, к извещению глаголемых поведав, яко своими очима видель есть. Веровав убо, яко в истину страшно и преславно есть христианское таинство, заутра приходит к Василию, моля его неотложне прияти еже о Христе знамение. Он же не какъ снєвь, но обычное благодарение хотящому всем спастися принес, крести его с всем домом веровавша господеву.

¹¹ Греческий текст и латинский перевод жития см.: Ss. Patrum *Amphilochii*, Methodii Patarensis et Andreae Cretensis Opera Omnia. Parisiis, 1644, p. 155—225. Латинский перевод напечатан также в кн.: PG, t. 29, p. CCXCVI—CCXCVI.

¹² См.: Соболевский А. И. Жития святых по древнерусским спискам. СПб., 1903, с. 19—57.

¹³ ГБЛ, ф. 304, № 8. Житие занимает в рукописи лл. 355—368 об. Начало: «Възлюблени не бе не лепо мудром сыном отчем дряхлом быти, оумеряваемъ и слезы ему даяти часто. . .»

¹⁴ Житие озаглавлено: «Иже въ святых отца нашего Амфилохия епископа Иконийскаго слово о величии Василии и о чудесах его». Начало: «Любимици, не бе нелепо благонравным сыном отчемъ поскръбети о житии, и слъзы томоу подаати праведно. . .» (см. список конца XIV в. — ГБЛ, ф. 304, № 129. Житие помещается здесь на лл. 1—17 об.; чудо «о еврейне» — л. 5—5 об.). Ср. русские списки XV в. в сборниках того же собрания: ф. 304, № 130 (житие — лл. 1—23 об., чудо «о еврейне» — л. 7—7 об.) и № 748 (житие — л. 47—85, чудо «о еврейне» — л. 56 об.—57).

¹⁵ Великие Минеи Четии, собранные и изданные всероссийским митрополитом Макарием. Январь, тетрадь первая, дни 1—6. М., 1910, стб. 8—53. Чудо «о еврейне» — стб. 20.

⁶ См.: Туницкий Н. Древние сказания о чудесных явлениях Младенца-Христа в евхаристии. — Богословский вестник, 1907, май, с. 205—206.

⁷ «Слово» включено в «Златую цепь» XIV в. из собрания Троице-Сергиевской лавры (ГБЛ, ф. 304, № 11).

⁸ ГБЛ, ф. 304, № 7. См.: Яцимирский А. И. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, 1910, т. 15, кн. 1, с. 7 сл.; ср.: Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890, т. 3, с. 24—26; Туницкий Н. Указ. соч., с. 206—207.

⁹ Греческий текст издан С. Муретовым в «Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения» за 1894 год (отдельный оттиск, с. 1—28). Ср.: Калужняцкий Е. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских. — В кн.: Труды III археологического съезда в России. Киев, 1878, т. 2, с. 238—240; Туницкий Н. Указ. соч., с. 212—213; Яцимирский А. И. Указ. соч., с. 3—4.

¹⁰ Туницкий Н. Указ. соч., с. 213—215; Яцимирский А. И. Указ. соч., с. 2—3.

В древнейших дошедших до нас житийных иконах Василия Великого сюжет о видении иудея опущен. Не встречается этот эпизод и в миниатюрах, и в известных нам храмовых росписях. Исключение составляют выполненные в 1694—1695 гг. росписи жертвенника ярославской церкви Иоанна Предтечи в Толчкове. Однако самое чудо здесь не воспроизведено и лишь констатируется в подписи к изображению литургии Василия Великого: «Святому Василию Великому служащу святую литургию жидовин некий виде, яко отроча раздробляшеся в руках святого Василия, и егда вси причащавшася, и той иде, и прия часть святых таинств».

Зато интересующий нас эпизод включен в композицию, которая иллюстрирует «Чудо об Амфилоге». Слева здесь изображен Амфилог в восточном кафтоне, справа от него — священник, который склонился над престолом и разрезает копием лежащего на диске младенца, придерживая его левой рукой за голову. Подпись над фреской: «Амфилог царь Срацынский, в Ерусалиме, пришед в церковь божию во время литургии, виде, яко священник Христа яко младенца зарезал»¹⁶.

Известны, однако, и более древние изображения, которые иллюстрируют рассказ о евхаристическом чуде. В росписях церквей святого Николая в Люботене и Богоматери в Матейче (оба живописных цикла датируются серединой XIV в.) сохранились композиции¹⁷, где изображены святители Петр и Афанасий по сторонам престола. Святитель слева склонился над престолом и рассекает на части младенца, который лежит на диске¹⁸.

На основании этих однотипных композиций нетрудно представить, как выглядело не дошедшее до нас изображение Чуда о жидовине. В центре находился престол с лежащим на нем младенцем Иисусом¹⁹. По-видимому, слева от престола был изображен Василий Кесарийский (во всех дошедших до нас аналогичных композициях священнослужитель с копием стоит слева), склонившийся над Христом и рассекающий его копием. Свидетель чуда — жидовин — не упоминается в описании архиепископа Геннадия. Иудей не мог быть изображен справа от престола — это приравнило бы его к Василию Кесарийскому. Маленькая фигура жидовина могла располагаться только в нижней части клейма сбоку или посередине. Но едва ли она ускользнула бы от внимания новгородского владыки. Скорее всего, иудей вообще не был изображен, а композиционное равновесие сохранялось за счет помещения справа от престола фигуры второго священнослужителя.

И все же одна деталь в истории с «еретической» иконой остается неясной. На клейме, которое возмутило новгородского архиепископа, была подпись: «Обрезание господа нашего Иисуса Христа».

Праздник Обрезания Иисуса Христа был установлен в IV в.²⁰ В изобразительном искусстве «Обрезание» встречается чрезвычайно редко. Древнейшая среди известных византийских миниатюр на эту тему датируется

¹⁶ См.: Покровский Н. В. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских. М., 1890, с. 139—140; Перuzzi Н. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. М., 1917, с. 51 и табл. (25) перед с. 49.

¹⁷ В церкви св. Николая в Люботене (см.: Petcović V. R. La peinture serbe du Moyen Age. Beograd, 1930, première partie, pl. 132b) и в церкви Богоматери в Матейче (там же, pl. 136a. Ср.: Millet G. La vision de Pierre d'Alexandrie. — In: Mélanges Charles Diehl. Paris, 1930, V, 2, p. 108. Здесь приводится прорисовка фрески в Матейче (fig. 2).

¹⁸ Изображение младенца Иисуса, разделяемого верующим, сохранилось также в церкви Успения Богородицы в Протате (Афон). См.: Туницкий Н. Указ. соч., с. 226.

¹⁹ Впрочем, живописец мог изобразить и взрослого Христа, как это сделал сербский художник в Дечанах; см.: Petcović V. R. Op. cit. Beograd, 1934, seconde partie, p. CXXXVIII.

²⁰ См.: Kraus F. K. Realencyklopädie der christlichen Altertümer. Freiburg, Bd. 1, 1886, S. 491—492.

тируется концом X в.²¹ Самое раннее из дошедших до нас русских изображений относится к XVI столетию²².

Композиция Обрезания обязательно включала фигуры богородицы с младенцем, священнослужителя с ножом в руке и — почти всегда — Иосифа²³. Из рассказа Геннадия совершенно ясно, что возмущившее его клеймо новгородской иконы не имело с этими изображениями ничего общего. Но, может быть, существовала связь между Обрезанием и эпизодом из жития Василия Кесарийского? В каком отношении находились оба эти эпизода к центральному сюжету иконы — Преображению?

От интересующей нас эпохи сохранилась, насколько мне известно, лишь одна икона Преображения «с деянием». Этот памятник датируется началом XVI в. и происходит из собора Покрова Богородицы суздальского Покровского монастыря²⁴. Между 20 клеймами, которые сопровождают средник с «Преображением», отсутствуют как «Чудо о жидовине», так и «Обрезание Христа».

Изображение Обрезания Христа, несмотря на редкость этого сюжета, бесспорно, могло сопутствовать «Преображению» в числе клейм, которые подтверждали реальность соединения в Христе божеского и человеческого. В богословии этот эпизод фигурировал как доказательство истинности человеческой природы Христа. «Если не был плотью, кого обрезал Иосиф?» — писал о Христе Ефрем Сирий в «Слове на Преображение»²⁵.

Обрезание, этот важнейший иудейский обряд, символ союза между богом и Израилем, пользовался особым уважением жидовствующих. В «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф Волоцкий сообщает, что наиболее последовательные из новгородских еретиков хотели «обрезаться в жидовскую веру», но иудей-ересиархи из Литвы запретили, приказав держать «тайно жидовство, явственно же христианство»²⁶. Более ранние источники косвенно подтверждают это сообщение. Например, в послании митрополиту Зосиме (октябрь 1490 г.) Геннадий указывает, что еретики следовали «жидовским обычаям»²⁷.

Можно предположить, что иконописец, зная о влечении новгородских еретиков к обрезанию, использовал эпизод из жития Василия Кеса-

²¹ Под 1 января в Минеологии Василия II (Vat. gr. 1613). Автор миниатюры — Нестор, один из восьми художников, которые иллюстрировали эту рукопись около 986 г.; см.: Il Menologio di Basilio II. Torino, 1907, p. 287. Другая миниатюра с изображением Обрезания Христа — в Евангелии конца XI в. той же библиотеки (Vat. gr. 1156).

²² Клеймо иконы XVI в. «Рождество Христово» в экспозиции Львовского гос. музея украинского искусства. О позднейших русских изображениях Обрезания см.: Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892, с. 99—101. Как свидетельствует Описание московского Успенского собора, составленная в 1627 г., в местном ряду иконостаса находился «Образ Обрезание Господне, обложен серебром» (РИБ, СПб., 1876, т. 3, стб. 411). Икона «Обрезание» упомянута и в Описи 1701 г. (там же, стб. 853).

²³ Кроме упомянутых выше византийских памятников, такая композиция встречается, например, в миниатюре Сийского евангелия 1693 г. (БАН, № 8339, л. 783).

²⁴ Ныне находится в собрании ГРМ, инв. № 1879. Об этой иконе см.: Отчет Русского музея имп. Александра III за 1914 год. Пг., 1914, с. 22; Георгиевский В. Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927, с. 6. Приложение; Ростово-Суздальская школа живописи. Каталог. М., 1967, № 106, с. 112.

²⁵ Ephraem Syrus. Opera omnia, quae extant graece, syriace, latine. Romae, 1743, t. 2, p. 47.

²⁶ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 469, 479. В «Сказании о новоявившейся ереси» и в «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 г.» сообщается также, что многие еретики убежали «за море к жидовом» и обрезались «в жидовскую веру», и среди них — купец Иван Зубов и клирошанин Иван Черный (там же, с. 471, 481, 506). В Архангельском и Холмогорском синодиках (списки XVIII в.) о еретиках сказано, что они «обратившись в иудейство всезлобно, и обрезание приемши» (см.: Никольский К. Т. Анафематствование. СПб., 1879, с. 194).

²⁷ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 376. Ростовский синодик начала XVI в. называет еретиков «новыми жидове» и анафематствует их как «учившихся от жидов и тех скверную и треклятую жидовскую веру восприимших» (Никольский К. Т. Указ. соч., т. 191. Цитата приведена по списку XVII в.).

рийского для полемики с ними, представив евхаристическое «Чудо о жидовине» как исторический аргумент в пользу крещения — христианского обряда, сменившего иудейское обрезание. Если новгородские еретики, убежденные проповедью заезжих евреев из Литвы, приняли «жидовскую веру» и стремились «обрезатися», то рассказ жития Василия Великого передавал прямо противоположную ситуацию: уверовавший в Христа жидовин стремился креститься. Обрезание воспринималось христианами как прообраз крещения²⁸. Между прочим, именно Василий Кесарийский, сопоставляя в одной из бесед оба эти таинства, называет крещение — вслед за апостолом Павлом — «обрезанием нерукотворенным в совлечении плоти»²⁹.

Остается ответить на вопрос, что натолкнуло иконописца (или его заказчика) на мысль о возможности сопоставления Обрезания Христа и эпизода из жития Василия Великого. Для этого достаточно вспомнить, что в христианском календаре празднование Обрезания Христа и празднование памяти Василия Кесарийского совпадали — оба приходились на 1 января. Это совпадение отразилось и на характере богослужения. В служебной минее подчеркивалось: «...сугубь въистинну церкви праздник днесъ, обрезание, яко младенцу, владыце явльшуся на земли, и память раба мудра и треблажена»³⁰. Следует отметить, что соединение этих двух праздников фиксировалось и в живописи. Так, на иконе XVII в. из ГИМ³¹ рядом с «Обрезанием» помещена фигура Василия Великого.

Если предложенная гипотеза верна, то рассказ Геннадия о возмущении его изображении свидетельствует не о происках жидовствующих, а о попытке необычной полемики с ними. Нельзя не признать, что осуществлена эта попытка была на редкость неуклюже. Сочетание изображения и подписи производило комический эффект, очевидный даже для человека, знакомого с иконографией евхаристического чуда и посвященного в замысел иконописца. Клеймо воспринималось как глумление над святыней.

Не удивительно, что Геннадий счел уместным поместить известие об иконе из церкви Спаса среди сообщений о бесчинствах еретиков. Лишенный активной поддержки великого князя и митрополита, новгородский архиепископ стремился использовать все факты, способные убедить светские и церковные власти в необходимости скорейшего принятия самых решительных мер для пресечения ереси. С другой стороны, как покажет дальнейший рассказ, Геннадий был принципиальным противником любых новшеств в иконописи.

Во время пребывания во Пскове в 1495 г.³² новгородский владыка обнаружил другой необычный образ.

На иконе был изображен Спас в образе царя и пророка Давида, в белой митре, в одеждах святителя, в саккосе. Над ним — облако с отверстыми дверями, откуда на голову Христа, окруженную восьмиконечным венцом, спускался белый голубь. Правая рука Иисуса была простерта вверх: левая, в железной рукавице, держащая меч, — опущена вниз. В сопроводительной надписи читалось: «ІС ХС». Фигура Спаса располагалась позади голгофского креста с традиционным изображением под ним черепа и костей Адама. На верхней перекладине креста на уровне груди Иисуса помещалось второе его изображение в виде огненного юноши в царском венце, с мечом в руке. Ниже, на средней перекладине креста, — белый серафим, руки и ноги которого были пригвождены к кресту, а по концам крыл располагались изображения четырех евангелистов (вероятно, символы евангелистов). На уровне средней перекладины крест фланкировали два багряновидных херувима. Центральная композиция, вписанная в восьмиугольник, четыре стороны которого ограничивались полями иконы, а четыре — изображениями евангелистов, делилась на две равные части: «большого ж образа до половины с левую сторону в тме, а с правую ж сторону бело»³³.

Четверть века спустя переводчик Дмитрий Герасимов в послании псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину вспоминал: «А бывала, господине, о том образе речь великая и при Геннадии архиепископе. И посадники възложили на иконников. И ставъ иконник болшей Переплав с прочими иконники, и рек: „Мы, господине, те образы пишем с мастерских образцов старых, у коих есмя училися, а сниманы з греческих. А писан(ь)я, господине, о том не предложили никоторого. И псковичи, господине, тогда паче послушали иконников, а не архиепископа, якоже въини, бывшии в карабли с Павлом, паче послушаху науклира, а не Павла“»³⁴.

В начале послания Герасимов сообщает: «Показал ми, господине, твой подъячей образ необычен, его же опроче одного града в всей русской земле не написуют. А молвил ми, господине, твоим словом, чтобы мне о том посоветовать с мудрыми людьми»³⁵.

Герасимов обратился за консультацией к Максиму Греку, с которым вместе работал в то время над переводом Псалтири. При этом он показал Максиму «писанье» — упомянутое выше сочинение «О Ветхом деньми»³⁶,

²⁸ Такое истолкование обрезания встречается, например, в сербском сборнике начал XIV в. из собрания П. С. Сречковица в Белграде. На вопрос: «Чимъ се иудеи крестятъ?» приведен ответ: «Обрезаниемъ, от Аврама начыньше». См.: Мочульский Е. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса 1893, с. 260.

²⁹ PG, t. 31, col. 428 A. Ср. Послание колоссянам, II, 11.

³⁰ Цит. по тексту служебной минее за январь (ГБЛ, ф. 256, № 273, л. 11 об.), написанной в 1441 г. «повелением боголюбиваго и преосвященнаго архиепископа Еоуфимия великаго Новагорода» (запись на л. 439).

³¹ Инв. № И VIII 3086.

³² За время своего архиепископства Геннадий посетил Псков дважды. Охарактеризованный ниже спор с псковскими иконописцами мог произойти как в первый его приезд, в 1486 г., когда Геннадий прожил в городе три недели, с 19 по 30 января, «и в Федорове недели в среду, пришед на вече, народ благослови, и многа словеса оучительная простер...» (Псковская вторая летопись. — В кн.: Псковские летописи. М. 1955, вып. 2, с. 69; ср. то же: ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 46), так и десять лет спустя, во время второго посещения Пскова, когда Геннадий провел в городе тридцать дней, с 26 февраля по 28 марта 1495 г. (Новгородская четвертая летопись по Архивскому сборнику. — ПСРЛ. Л., 1925, т. IV, ч. 1, вып. II, с. 533—534). По-моему, вторая дата вероятнее. Если бы спор об иконах случился в 1486 г., то Геннадий, наверно,

вспомнил бы о нем два года спустя, в послании Нифонту Суздальскому и Филофею Пермскому, когда доносил о «еретической» иконе Преображения с деянием.

³³ Описание иконы читается в рукописном сборнике второй половины XVI в. ГИМ, Син. № 322 (Патр. № 569) на лл. 243 об. — 244 об.; см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 3. М., 1862, с. 639. Это описание — не отдельная статья, а первая из двух частей сочинения «О Ветхом деньми», целиком посвященного истолкованию образа. В других списках сочинение это называется «О образе Спасове, иже Ветхий деньми» (ср., например, списки XVII в. ГПБ, Q.I.254, Q.I.261, Q.I.262, O.I.67).

³⁴ Послание Герасимова датируется 1518 или 1519 г. Оно сохранилось в упомянутой выше рукописи ГИМ, Син. № 322, где помещается на лл. 250 об. — 253 об., непосредственно за статьей «О Ветхом деньми», и озаглавлено: «Посылной список с Москвы к Мисюрю к великому князю дьяку о том же образе». Приведенный отрывок — на л. 252 об. Послание опубликовано как приложение к статье А. В. Горского «Максим Грек, святогорец» (Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1859, ч. 18, с. 190—192), но текст напечатан с пропусками и ошибками. Поэтому цитаты я привожу по рукописи. О случае с апостолом Павлом рассказано в «Деяниях апостолов» (27, 11). О послании Герасимова см.: Калугин Ф. Зиновий инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, с. 254—255; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 550; Андреев Н. Е. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании. — СК, 1936, 8, с. 272—273.

³⁵ Син. № 322, л. 250 об.

³⁶ См. прим. 33. Указание Герасимова, что это «писанье» составлено недавно, после спора с Геннадием («А что, господине, о том ныне писанье изложено...» — Син. № 322, л. 252 об.) позволяет датировать его временем между 1495—1518 гг.

вторая, неопубликованная часть которого — «сему сказание»³⁷ — отражает специфику понимания образа в начале XVI в. Приведенные в нем доводы, как будет показано далее, устойчивы и, по-видимому, традиционны, т. е. восходят к аргументации, использованной иконописцами в споре с Геннадием.

«Сему сказание.

От небеси двери отверсты — сие знаменует, яко ума нашего двери (л. 245) отверсты, еже познати нам истинного бога Отца с Сыном и святым Духом³⁸. Но елико по возможен(ь)ю ума нашего дать нам постизати себе, прочее ж положит му за кров свои, по богословному Григорью. И егда придеши к реце, велик сосуд имея, то много и воды почерпещи, аще ли мал сосуд, толико и воды возмешь; река ж не умалитца. Или в храме темне, аще велико оконце сотвориши, то болма храм светисыполниши; света ж не умалиши. Тако и ум наш, аще истрезвитца о лукавых помыслх, душа ж омыститца от грех, тогда велик свет богоразумия в себе прии (л. 245 об.) мет. Яко же сам господь в евангелии глаголет: реки потекут от чрева его воды живы. И да плачем душа своея, яко Марфа и Мария над Лазарем, да пришед Иисус камень жесточаи от гроба отвалит, и гроб тмы невидения нашего отверзет, и яко Лазаря ума нашего воскресит, и въздвигнет его на видение света, божественного своего познания.

Веровати убо нам сие подобает: в святую и животворящую Троицу в единого бога Отца нерожена, и в единого господина Сына рожена, и в единого святого Духа исходяща. Три собщества свершена, мыслена разделяемы чистом, (л. 246) а не божествам, разделяют бо ся неразделно, и совокупляюща несместно (так в ркп.), Отец бо бог Отец присно сый пребывающ в отечестве, нерожен, безначален и начало и всем, единым нерожением разнествуя Сыну и святому Духу, еже убо быт е Отец, от него ж раждает Сын преже всех век, исходит же Дух святой от Отца безлетно и безплотно (так в ркп.); вкупе Отец, вкупе Сын, вкупе Дух святой есть. Сын подобосущен и безначален Отцу, прес(вя)тый же Дух Отцу и Сыну подобосущен и присносущен. Отцу бо отечество, Сыну же сыновство, святому же Духу исхождение. Ни Отец бо в Сыне или в Духе преступает, ни Сын в Отца и Духа, ни Дух в Сына или в Отца, неподвижна бо свойства. Не три бози, но един бог, понеже в трех лицах едино божество знаем (л. 246 об.) и веруем.

А еже в святителстей одежи, то есть господь въдариши и в благолепии облечися, понеже от святителского благолепия и царство свершаетца.

А еже в образе Давидове царstem, сей убо Давид первый в царстве угоди богу. Того ради и Матфей евангелист пишет о нем: Книга родства Иисуса Христова, сына Давидова, сына Авраамля. Учинил преже Авраам по добродетели его в царех. Лука же (л. 247) евангелист пишет: Давид слышаша, яко Иисус мимо ходит путем тем, и возопиша, глаголюще: Сыне Давидов, помилуй ны. Тако же и о ханаанитяни Марко пишет, рече: Иисусе, сыне Давидов, помилуй мя, яко дщи моя зле бесуется. В Иоанновом же евангелии пишет: Егда множества народа со младенцы ветвям среташа его, глаголюще: Осанна сыну Давидов(у), благословен грядый во имя господне. Отвещавает бог, глаголя: От семени Давидова въздвигнути Христа. Глаголет сие: Обретох Давидова, раба моего, и елеем святым моим помазах его. Тъи въззовет мя: (л. 247 об.) Отец мой еси ты, и аз первенца высока положю его над цари земными, и в веки съхраню ему милость мою.

³⁷ Публикуется ниже по списку Син. № 322, лл. 244 об. — 250 об. В других списках эта часть называется «толкование» (например, в списках ГПБ, Q.I.254, Q.I.261, Q.I.262) или «толк» (ГПБ, O.I.67).

³⁸ В списках ГПБ, Q.I.254, Q.I.261, Q.I.262 и O.I.67 дальнейший текст до слов «... в трех лицах едино божество знаем и веруем» включительно — отсутствует.

О десней же руке, еже простерта выспрь, в Второзакон(ии) пишет: Яко въздвигну на небо руку (так в ркп.) мою, и кненуся (так в ркп.) десницею моею, живу аз в веки, — глаголет господь.

На шуйе же рукавица железна — сие, яко же железа жестокость и неумягчение, гнев ярости своей показывает.

В ней же меч — глаголет: Поощрю яко молнию меч мой, и примет суд рука моя, и въздасть месть врагом, и ненавидящим мя въздасть, — еже есть (л. 248) ответ на грешныя, острее меча всякого обоюдоостра; и тма — в ню же имут поити.

А еже Иисус млад, бесплотен, в бранях — пророк Исая глаголет о нем: Будете ми свидетели, и аз свидетел, глаголет господь бог, отрок, его же избрах, и да увесте, и веру имете ми, и разумеете, яко аз есмь бог, и несть разве меня спасающ.

Бесплотен же, яко же в нашем сердце раждаетца слово рождением неким непостижным и бесплотным, и пребывает в сердце невидимо. Раждает же ся вторым рождением тесными нашими устами, тогда всем познано бы (л. 248 об.) вает. От рож(д)ения же его душа не разлучается, яко да по сугубому слову нашего рождению яве познаваем божияго Слова рождение сугубое. Родил бо ся невидимо и неказанно и непостижно преже век от Отца, и пребывает неведомо и невидимо, яко по души у Отца, дондеже, яко от сердца некоего, от пречистыя Девы нетленно и безболезненно родися и в плоти явися нам вторым рождением.

А еже в бранях — сие Соломон о избавлении праведных глаголет, яко десницею своею покрывает их и мышцею своею защитит я, (л. 249) примет оружием рвения своя и осужением осудит тварь³⁹ в отмщение врагом. Облечется в броня правды, и възложит плем, и суд нелицемерен примет.

А еже на кресте сидит — грядет победу сътворити на д(и)авола, разрушити крестом имущаго державу⁴⁰.

А еже серафим бел — се есть святая его душа, бела убо, понеже не сътвори греха, ни обретется леть в устех его.

По обою ж страну — два херувима. Се есть ум и слово, понеже душу словесну и умну прият.

А еже четыре евангелисты в концев крил у серафима — понеже вси четыре евангелисты о божестве (л. 249 об.) неи его страсти написаша.

А еже руке и нозе пригвождени — а о сем ответа не имам: душа убо не пригвождаетца, ни держима бывает. Аще бы плотяне руке и нозе были, то подобаше бы им пригвождатися, но понеже плот(и)ю пригвоздися Христос бог наш.

А еже под крестом глава глава (так в ркп.) Адамова — убо согрешившу Адаму, и из раа изгнану, и смертию осужену бывшу, и тамо умершу, и погребену бывшу. И по 1000 и по 110 летех повелением Божиим потопною вьдою, еже и аггельская некая сила, яко некое диво, глава его но (л. 250) шашеся чрез океан и в Палестине положиша. По многих летех обрете ю Соломон (так в ркп.) и, познав величества ради, принесе ю в Иерусалим, и честь въздав, яко създану первые от бога, и повеле камением посыпати. И сотвори гору, и нарече имя ей Голгофа, еже есть Главное место. И ту въздрузися крест господень, идеже собою сам Сын Божий за первозданного Адама и за всего мира жертву своему Отцу принес. Вшед на крест и възложи ся на олтарь, телець упитенный, еже есть на главу Адамлю, и копием прободеша⁴¹ в ребра, и изыде кровь и вода, и освяти олтарь, еже есть главу Адамлю. И ту (л. 250 об.) съвершился конец пятидесятого псалма: Тогда възложит на олтарь твой тельца».

³⁹ Здесь обрывается текст списка ГПБ, Q.I.262.

⁴⁰ В списках ГПБ, Q.I.254 и Q.I.261: «державу смерти».

⁴¹ Отсюда в списках ГПБ, Q.I.254, Q.I.261 и O.I.67 начинается текст, заимствованный из другого, позднейшего источника — статьи «О имени Иисусове, како пишется во образе Давидове».

Прежде чем продолжать рассказ об этой иконе, следует отметить, что, помимо публикуемого, в сборнике Син. № 322 содержатся еще три истолковательных сочинения. Одно из них — «О образе господина Саваофа»⁴² — предшествует статье «О Ветхом деньми» и посвящено доказательству того, что Христос — видимый образ Отца. Поэтому «живописцы невидимаго божества не описуют, а пишут в церквах и на иконах господина Саваофа по человечеству по древним образцам греческим»⁴³. Что же касается подписи, то «Господь Саваоф» пишется «по пророческому виденью» а «ІС ХС» — по Евангелию и по свидетельству Григория Богослова «И в том разньствия нет никоторого, — заключает автор. — И по том достоверному свидетельству о том православным не подобает никоторо сумнения дръжати, ни же о том инако мудръствовати»⁴⁴.

Два других сочинения содержат толкования композиции, заинтересовавшей Геннадия.

Одно из них — «О имени Иисусове, како пишется во образе Давидове»⁴⁵. Подобно статье «О Ветхом деньми», оно состоит из двух частей: пространного богословского вступления на тему о предвечном совете Отца, Сына и Духа, о спасении человеческого рода от гибели за первородный грех посредством искупительного подвига едиnorodного Сына Христа, и второй части, озаглавленной «Сущее», т. е. посвященной объяснению сущности изображения⁴⁶.

Эта вторая часть короче толкования в статье «О Ветхом деньми», и многие цитаты и формулировки заимствованы отсюда почти буквально с незначительными сокращениями или добавлениями. Необходимо отметить одно важное отличие: если автор статьи «О Ветхом деньми» признается, что не может ответить, почему бесплотные руки и ноги серафим изображены пригвожденными, то автор статьи «О имени Иисусове» уверенно объявляет их плотскими, подчеркивая, что изображается человеческая плоть, а не божественная сущность Христа: «А еже руце и нози плот(я) пригвождени ко кресту — сие не сущее, понеже плотию распяты и пострада Христос»⁴⁷. Выпущено здесь и рассуждение о «бесплотности восседающего на кресте юноши — Иисуса. Можно добавить, что статья «О имени Иисусове» была, по-видимому, знакома судьям И. М. Висковатого о чем говорит ряд совпадений в формулировках⁴⁸.

Другое сочинение имеет характер отрывка из толкового подлинника⁴⁹. Толкование иконы предварено здесь двумя другими краткими статьями — об изображении Саваофа «в образе Адамовом» и Спаса Эммануила⁵⁰. В интересующей нас части отсутствуют богословские экскурсы, но она более пространна, поскольку включает в себя формулировки как публикуемого нами сочинения, так и статьи «Об имени Иисусове». Пригвожденные к кресту руки и ноги объяснены здесь так: «А руце нозе плотяне и к кресту пригвождене, понеже плотию пострада господ наш, а божество его без страсти пребысть»⁵¹. Изображение Христа в ви-

юноши в броне, с мечом толкуется как образ предвечного совета и снабжено отсутствующим в статьях «О Ветхом деньми» и «О имени Иисусове» многозначительным замечанием о еретиках: «При персех Иисус млад, оболчен в броня, и в руку меч. В Премудрости пишет: «Оболчется в броня правды и възложит шлем, и суд нелицемерен примет, и поострит гнев на противныа. Противник есть диавол и его бесове, и человецы еретицы, иже неправе о бозе мудръствующей, их же убьет господь духом уст своих»⁵². А иже на верх креста сидит, то есть превечный съвет бога Отца с едиnorodным Сыном и с святым единосущным Духом вкупе. Яко неразстоим съвет их, тако и божество их неразделно, яко едиnorodному Сыну животворящим крестом ада разорити и диавола связати, и тако всему миру спасение съдеати»⁵³.

Как видно из послания Герасимова, обе статьи были ему неизвестны. С другой стороны, близкие к ним по смыслу и текстуально формулировки «Розыска» о сомнениях И. М. Висковатого пространнее, содержат больше цитат. Все это позволяет предположить, что статьи «Во образе Адамовом» и «О имени Иисусове» возникли между 1518 и 1553 гг. Вопрос о более точной датировке выходит за рамки статьи и нуждается в специальном исследовании.

Что же сказал о необычной иконе Максим Грек, ученый инок, знакомый, по словам Герасимова, с обычаями многих земель — «греческих, и латыньских, и фряских, и аламаньских»?⁵⁴

«И он, господине, рекль: Не видал, деи, есмь тем подобием образа ни в коей земле; познают, деи, то иконописцы здешние от себя составили, — сообщает Герасимов в послании Мисюрю. — Да хулы, господине, не положили. Токмо о серафиме, еже наречен душею Иисовою и пригвожден, то, деи, ка бы от ереси, занеже серафим и душа безплотни, а безплотное не может пригвоздиться»⁵⁵.

«А что, господине, о том ныне писанье изложено, — продолжает Герасимов, переходя к сочинению «О Ветхом деньми», — и Максим, господине, того не похулил, рекл: все де имал списатель от Писания, а не от себя писал. А о души Иисусове, еже есть о серафиме пригвожденном, похвалил списателя, еже оградился безъответием; аще ли бы не оградился неведаньем, то нарек бы его еретиком. Да поносит, господине, о том: Иисус де был един Сын божий, а у вас де пишут многие Иисусы на одной иконе: в Давидове образе Иисус Христос, а в бронях — другой Иисус Христос, а на той же иконе»⁵⁶.

В целом, по мнению Максима Грека, «презизлишнии таковые образы писати, иноверным и нашим хрестьяном на соблазн. Довлеют, деи, хрестьяном те образы писати и поклонятися им, их же святии отцы уставивша и повелеша соборне, и празники их уставивша. А хто, деи, захочет, емлючи строки от Писанья, да писати образы, и он бесчисленны образы может съставити»⁵⁷.

Опасения Максима Грека оказались не напрасны. Именно так в XVI—XVII вв. было составлено множество сложных аллегорических композиций. Каждое такое произведение не только формально нарушало иконографическую традицию, но и противоречило каноническим представлениям об иконе как непосредственном отображении божественного архетипа и, следовательно, не могло возводить ум к его созерцанию. Оно требовало напряженной логической работы рассудка, привычки к схола-

⁴² Син. № 322, лл. 242—243 об.

⁴³ Там же, л. 242.

⁴⁴ Там же, л. 243 об.

⁴⁵ Там же, лл. 258—265 об. Статья встречается в сборниках XVI—XVII вв. см., например, рукописи ГПБ, О. XVII.64, лл. 310 об. — 315; О. I.65, лл. 102—113 и др.

⁴⁶ Опубликована в кн.: *Калугин Ф.* Указ. соч., с. 259—260. Перепечатано Н. Е. Андреевым в статьях: Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании (с. 268—269, прим. 63) и Литература и иконопись: к истории идей в Московских Руси (In: *To Honor Roman Jakobson.* Mouton. The Hague, Paris, 1967, p. 79—80).

⁴⁷ Син. № 322, л. 265.

⁴⁸ См., например, Син. № 322, л. 258: «Сии убо съвет превечных лет, прежде създания миру, прежд дней слънца, бога Отца с единачадым Сыном и единосущным и животворящим Духом». Ср. ЧОИДР, 1858, кн. 2, отд. 3, с. 20.

⁴⁹ В сборнике Син. № 322 оно помещено дважды — на лл. 138—141 и 238—241.

⁵⁰ Там же, лл. 138—138 об. и 238—238 об.

⁵¹ Там же, л. 240—240 об., ср. л. 140.

⁵² Точно такая же формулировка встречается в «Розыске» по делу И. М. Висковатого (ЧОИДР, 1858, кн. 2, отд. 3, с. 19, 22, 36). Цитата — из Прем. Солом., V, 18, 20.

⁵³ Син. № 322, л. 239 об., ср. лл. 138—139 об.

⁵⁴ Там же, л. 251.

⁵⁵ Там же, л. 251—251 об.

⁵⁶ Там же, лл. 252 об. — 253.

⁵⁷ Там же, л. 252—252 об.

стическому сопоставлению священных текстов⁵⁸. Не удивительно, что подобные изображения периодически вызвали сомнения и споры и породили особый жанр «толкований».

Широкое распространение получили и различные варианты композиции, вызвавшей протест архиепископа Геннадия в 1495 г. Позднее она стала называться «Ты еси Иерей во век по чину Мелхиседекову»⁵⁹.

Судя по содержанию переданной Герасимовым речи живописца Переплава, архиепископ Геннадий, подобно Максиму Греку, выступил против этой иконы, объявив ее изобретением псковичей. Отвечая Геннадия Переплаву указал, что такие иконы пишутся со старых образцов, выполненных мастерами. По этим образцам, сказал Переплаву, мы учились и сняты они с греческих⁶⁰.

Вместо того чтобы продемонстрировать архиепископу древнюю икону, которая послужила оригиналом для подобных изображений, Переплаву сослался на образцы, т. е. на листы лицевого подлинника, по которому обучали иконописцев, — источник поздний, сомнительный и Геннадия не убедивший. Как видно, древней иконы, олифа на которой успела бы почернеть, иными словами, насчитывающей не менее ста лет, во Пскове не существовало. С другой стороны, композиция не была только что составлена во всяком случае, живущее поколение не помнило об этом, иначе свидетели-псковичи не приняли бы столь единодушно сторону иконописцев. Оба этих обстоятельства позволяют приблизительно установить время появления иконы во Пскове: не ранее начала и не позднее 30-х годов XV в.

Ссылку на лицевой подлинник можно воспринимать двояко. Либо среди его изображений имелась законченная композиция, которую оставалось

только перенести на левкас, — и тогда для убедительности можно было показать Геннадия такой «старый» образец, но, как можно заключить из слов Герасимова, сделано это не было; либо утверждение Переплава следует понимать так: детали, составляющие смутливую Геннадия композицию, можно найти среди образцов, снятых с «греческих».

Действительно, такие элементы, как символы евангелистов, голгофский крест с изображением под ним черепа и костей Адама, херувимы, Ветхий деньми и Великий Архиерей, были к XV в. достаточно распространены. Вся композиция построена по образцу иконографического типа «Отечества», известного в России с XIV в.⁶¹

Не исключено, что создателю иконы были знакомы южнославянские и западноевропейские варианты «Отечества»⁶². Но, во-первых, тринитарную тему в псковской иконе сменила тема христологическая; во-вторых, произошло совмещение иконографических типов Ветхого деньми и Великого Архиерея; в-третьих, появились новые детали, ранее в русской живописи не известные и, по всей вероятности, заимствованные с католического Запада⁶³, но кардинально переосмысленные.

Какой же смысл был вложен в эту композицию ее создателями?

Ветхий деньми, представленный как Великий Архиерей, олицетворял идею богоустановленности церковной иерархии, защиты священства самим богом. Распятый серафим — «единородный Сын, сущий в лоне Отчема»⁶⁴ — Христос, изображенный в виде распятого ангела, видимо, на том основании, что в Ветхом завете Сын выступает под именем ангела Иеговы⁶⁵, ангела великого совета⁶⁶, который открыл миру божественное определение об искуплении первородного греха и выражает идею, что в единородном Сыне нераздельно соединены божество и человечество. Через искупительный подвиг на кресте Сын стал «Царь славы», «Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в бранях»⁶⁷ и взшел на небеса в «двери отверсты», изображенные в верхней части иконы («Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы!»⁶⁸). Юноша Христос в царском венце, в доспехах, сидящий на кресте, и есть Царь славы. Возможно, это иллюстрация к словам пророка Исайи о том, что Сын будет бог сильный, Отец будущего века, князь мира; «владычество

⁵⁸ Именно поэтому неверно вслед за Н. П. Кондаковым называть такие произведения «мистико-дидактическими»; см., например: Кондаков Н. П. Русская икона. Праг 1933, т. 3 (текст, ч. 2), с. 269; Андреев Н. Е. Инок Зиновий, с. 273, 274, 277; Он же. Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства — СК, VII, 193, с. 244; Он же. Иоанн Грозный и иконопись XVI века. — СК, 1938, 10, с. 188, 194, 197, 222. В этих изображениях нет ничего мистического, а дидактизм сведен на сложной символикой, доступной только начитанному книжнику.

⁵⁹ Псал. 109, 4; Евр. VII, 21. См.: Виноградов А. Н. Иисус Христос под видом Первосвященника-Ангела и Воина-Царя, или, по надписи иконы: «Ты еси Иерей во век по чину Мелхиседекову, Господь Израилев». — Известия имп. Русского археологического общества. СПб., 1877, т. 9, вып. 1, стб. 53—61 и табл. V, 1. Здесь описаны два подобных изображения — икона из СПб. Академии художеств и прориси из собрания В. А. Прохорова, сходные по композиции, но различающиеся в деталях (например, на иконе юноша, сидящий на кресте, изображен как воин, в доспехах, а на прориси — в плаще и тунике; распятый серафим на иконе имеет восемь конечный нимб, подобно Спасу в образе Первосвященника, а на прориси и Сын и серафим — с крестчатыми нимбами, и т. п.). Прорись с иконы из музея Академии художеств издана также в кн.: Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии, с. 373, рис. 176. Н. В. Покровский дает описание и объяснение композиции (с. 372—374) и упоминает при этом еще одну подобную икону XVII в. из собрания музея СПбДА. Три иконы «Ты еси Иерей» находятся в собрании ГРМ, № 610, 11 и 2505. Одна из них (№ 1111) воспроизведена в кн.: Покровский Н. В. Церковная археология. СПб., 1916, рис. 410, а также в статье: Мацулевич Л. А. Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском. — Ежегодник Русского Института истории искусств. Пб., 1921, т. 1, вып. 2, рис. 5 на с. 277. См. Мансветов И. Д. Об изображении Распятия на лицеве, находящейся в Антониевой монастыре в Новгороде. — Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1874, т. 4, вып. 2, рис. на с. 46 (описание — с. 45—47); Лихачев Н. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906, рис. 208 и 399.

⁶⁰ Ссылка на «греческие», «древние» образцы стала впоследствии излюбленным способом аргументации защитников аллегорических изображений. См., например: ЧОИДР, 1847, № 3, отд. II, с. 8, 21 и др.; ЧОИДР, 1858, кн. 2, отд. с. 14, 22, 23, 25, 29 и др. Традиция возводить истоки псковской живописи к «греческим» образцам сохранилась и в позднейшее время. В старообрядческом рукописном сборнике XVIII в. из собрания Ундольского (ГБЛ, ф. 310, № 522) среди меток о древности двухрестного сложения на л. 91 об. записано следующее: «О псковских же иконописцах глаголют неции, яко от греков то доброе писание прииде. И тамо в граде, в церквах и в домах безчисленное множество древняго писания иконнаго, и люди тщливы на таковое дело».

⁶¹ О зарождении и развитии этого иконографического типа см.: Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 279—291.

⁶² На миниатюре Псалтыри Томича (XIV в.) «Видение пророка Исайи» (ГИМ, Муз. 2752, л. 129. См.: Лазарев В. Н. Указ. соч., рис. на с. 285) в изображении Отечества, как и в рассматриваемой композиции, присутствуют символы четырех евангелистов и два херувима, а над ореолом, окружающим Ветхого деньми и отрока Христа Эммануила, виднеются крылья серафима. Ср.: Щепкина М. В. Болгарская миниатюра XIV века. Исследование Псалтыри Томича. М., 1963, с. 68 и табл. XXVI. Известны западноевропейские изображения Отечества, где бог Отец поддерживает руками Распятие. См., например: Мансветов И. Д. Указ. соч., с. 38; Лазарев В. Н. Указ. соч., рис. на с. 286.

⁶³ О том, что истоки изображения Спаса, восседающего на кресте, следует искать на Западе, см.: Мацулевич Л. А. Указ. соч., с. 260. Что касается распятого серафима, то еще анонимный автор сочинения «О Ветхом деньми», а позднее Максим Грек и Зиновий Отенский (Инок Зиновий. Истины показание к восприсовившим о новом учении. Казань, 1863, с. 988—989) отмечали, что деталь эта православной иконографии чужда и не находит объяснений в Писании. Л. А. Мацулевич установил, что распятый серафим — мотив, широко распространенный в западноевропейском искусстве с 1230-х годов: это — видение св. Франциска в 1226 г. (Мацулевич Л. А. Указ. соч., с. 272—276). Согласно объяснению Бонавентуры, помещенному в составленном им житии св. Франциска, видение означало, что св. Франциск «не телесными муками, а пламенем духовным... должен всецело преобразиться во Христа распятого» (там же, с. 273).

⁶⁴ Иоан., I, 18.

⁶⁵ См.: Лебедев А. С. Вероучение ветхозаветной церкви во времена патриархов. СПб., 1886, с. 105 сл.

⁶⁶ Ис., IX, 6.

⁶⁷ Пс., XXIII, 8.

⁶⁸ Пс., XXIII, 9.

(ἀρχή) на раменах Его»⁶⁹. Василий Великий писал, что слова эти означают царство и могущество на кресте; вознесенный на крест Христос всех привлекает к себе⁷⁰.

Четыре символа евангелистов указывали, что все изображенное подтверждается авторитетом евангелий.

Создание столь сложной по иконографии и по смыслу композиции могло быть вызвано только чрезвычайными обстоятельствами.

В иконе отчетливо выражены и отстаиваются три положения.

1. Священство — предвечное божественное установление. Бог пребывает в священстве постоянно и вечно. Он сам карает противников священства.

2. Христос — не просто человек, но воплотившийся бог. Он ангел великого совета, едиnorodный Сын, который оставался богом и на кресте.

3. Этот Сын, вознесенный на крест, выполнил искупительную миссию, определенную предвечным советом Троицы, и открыл человечеству путь к спасению.

Как известно, отрицание священства было главным пунктом учения новгородских и псковских стригольников. В начале XV в. во Пскове ересь получила дальнейшее развитие и дала ряд ответвлений⁷¹. В послании Псков от 22 июня 1427 г. митрополит Фотий сообщал, что ему стало известно о некоторых «новъзмущенных», которые «и чин великаго божия священства, иночества яко ни во что же полагающе, но и умаляюще; и те по слышанию слышу, иже яко садукеем онем проклятым подражающе сущи еже и яко и въскресению не надеюще быти мняху»⁷². Фотий отмечает, что неверие в воскресение происходит от одного корня со всеми другими ересями⁷³, и высказывает предположение, что «таковии в вас обретаются». В послании от 23 сентября 1427 г. Фотий говорит о псковских еретиках, которые не признают земной церкви «и на небо взирающе беху», «тамо от себе наричаю. . . самых того истинных евангельскихъ благовестий и пряданий апостольскихъ и отеческихъ не верующе»⁷⁴, — иными словами, признают евангельского учения о божественной природе Христа⁷⁵.

В житии Ефросина Псковского сохранился любопытный фрагмент, относящийся ко времени спора Ефросина с псковским распопом Иев Столпом о сугубой аллилуе⁷⁶, где рассказывается о такой же ереси. Как в посланиях Фотия, еретики эти сравниваются с древними с целью дать исторический пример, узаконивающий их наказание. Но о заблуждениях их сказано здесь больше и конкретнее.

Отвечая Иеву, обвинившему его в «умалении» божества Троицы через двоеение аллилуйи, Ефросин указывает, что «есть неции еретици, не сущи и древле на Христа присносущнаго Слова Отца и спешающе приязненною злобою, яко тящущии влщци и разбойници, облякши в броня дьяволи. . . Есть бо покусишася множицею напаснии асп

⁶⁹ Ис., IX, 6.

⁷⁰ PG, t. 30, col. 512. Ср. Иоан., XII, 32.

⁷¹ Никитский А. И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, с. 231.

⁷² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 251.

⁷³ Интересно сопоставить эту мысль с рассказом Иосифа Волоцкого об отрицании воскресения митрополите Зосиме, который пришел также к отрицанию царства небесного, второго пришествия, икон, креста и утверждал, что «Христос сам с нарек богом» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 473). Ср. I кор. XV, 13: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша».

⁷⁴ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 252.

⁷⁵ Там же, с. 254.

⁷⁶ Ср. там же, с. 67.

⁷⁷ По мнению Н. И. Серебрянского, спор этот относится к 1453—1458 гг.; см.: Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1910, с. 258.

⁷⁸ Ср.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 175—176.

змиеве человекообразии, движуще съставления своа от ухищрения преисподняго змиа и богомудрьским коварством учашу сице приложити или уложити от страшнаго славы смотрення вседръжителя; приложения же их и уложения сицева: овем глаголющим, яко не воплотися бог, тые духовборци суть и мняхуся славу прилагаючи к нагому божеству, а бог Слово плоть бысть; друземъ же глаголющимъ: тленно быти Христово естество, тые суть уемлють славы от единосущнаго Троицы, отсекающе животворящее Слово Христа от Отца и Духа. . . Глаголють бо духовборци, яко не воплотился бог, и како разделяють неразлучнаго; глаголаху бо христовборци, яко не присносущен Сын Слово божие Христос Отцу и Духови. . . не восхотеша бо приати безумнии царя славы Христа, от пророкъ проповеданнаго, преже векъ живущаго Слово во бже, в Отце и во пресвятемъ Дусе. . .»⁷⁹.

Ефросин намекает сторонникам Иева, что, отрицая прославление в сугубой аллилуе божеского и человеческого естества Христа, они умаляют славу Христа и уподобляются тем еретикам, против которых столь активно боролись псковская церковь и сам Иев, который в 1422 или 1425 г. посылался псковскими властями к митрополиту Фотию с очередным донесением о еретиках⁸⁰.

В пользу существования во второй трети XV в. такой ереси свидетельствует теперь и появление во Пскове в эти же годы рассмотренной выше иконы.

Следует заметить, что сложная композиция эта могла быть понятна только людям, обладавшим солидной богословской эрудицией. Именно такими единогласно представляют источники стригольников, говоря о них как о «книжниках»⁸¹, которые досконально изучили «слова книжная»⁸².

С другой стороны, не меньшей эрудицией должен был обладать и тот, кто сочинил эту композицию. Едва ли будет ошибкой предположить, что в создании иконы принял деятельное участие тот самый Иев Столп, который по характеристике, данной ему автором жития Ефросина, «смыслен мняйся имети разум и мудр зело помышляея и внутрь себе кичайся и глаголаше яко съвършенно от бога сице даровася ему протлькование всякого писания, ветхаго и новаго завета; та же и извыче много повествовати и многу протолкуа силу книжную. Та же бяху вси людие, купно же и священници и причет церковный, прихождаху к нему вопрошати от него о всяком писании неразрешенем, и о церковном устроении, купно же о законныхъ вещех. . . да того ради от всехъ досточестен и достознаем и словяше в нихъ дострочен философ, имаше бо остроумен ум на божественное писание, того бо ради и Столп нарицашеся, яко столп церковный благочестию поддръжаше крепость и тверд учитель православию наставник»⁸³.

В своих посланиях во Псков митрополит Фотий постоянно и настойчиво напоминает о необходимости попыток переубедить еретиков, «направить их в богоразумие и в познание истинны евангелии слушати и апостольскихъ и отеческихъ преданей»⁸⁴. В грамоте от 23 сентября 1416 г. он советует: «а техъ омраченыхъ очесы и ушесы уверяйте и наказайте ко истинному пути»⁸⁵. Создание символической иконы было буквальным исполнением этого совета.

⁷⁹ Житие преподобного Ефросина Псковского (первоначальная редакция). СПб., 1909, с. 25—26. В начале цитаты при издании текста допущена ошибка: слово «нечестующе» напечатано слитно с союзом «и»: «нечестующей древле».

⁸⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 248.

⁸¹ Там же, с. 242.

⁸² Там же, с. 239.

⁸³ Житие преподобного Ефросина Псковского, с. 11.

⁸⁴ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 250; ср. с. 252, 253, 254.

⁸⁵ Там же, с. 246.

Из послания Фотия от 23 сентября 1427 г. следует, что наиболее активных еретиков «обыскали и показали»⁸⁶. Как видно, ересь носила локальный характер и как широкое движение во времена Геннадия уже не существовала, хотя идеи ее продолжали волновать общество⁸⁷, о чем свидетельствует сам факт бытования рассмотренной композиции в позднейшую эпоху.

Распространение новых аллегорических икон послужило одной из причин стилистических изменений в русской живописи XVI в. Количественный рост символики и повествовательных элементов привел к усложнению композиций, к перегрузке их деталями, что, в свою очередь, обусловило измельчание письма и утрату былой живописности.

Постепенно менялись и представления об идеальном живописце. Из практика-созерцателя он превращался в толкователя-схоласта, все более подчиненного влиянию духовной цензуры. Он еще почитался «паче простых человек»⁸⁸, но уже не за способность созерцать невидимое, достигнутую благодаря развитию духовных способностей, а за ремесленное умение «знаменити с добрых образцов»⁸⁹. Требование моральной чистоты осталось, но смысл его постепенно забывался, отмирал вместе с необходимостью непосредственного отображения «мысленного мира». Не случайно на рубеже XV и XVI вв. возник новый литературный жанр толкований на аллегорические иконы, появились попытки унифицировать бессистемные собрания «образцов», на основе которых сложились и получили широкое распространение основные редакции иконописных подлинников.

Возможно, Геннадий понимал, что как «еретическая» икона из Новгорода, так и аллегорическая композиция из Пскова не были созданием еретиков. Однако такие детали, как неуместная подпись на клейме новгородской иконы и распятый серафим на иконе из Пскова, давали серьезные основания представить оба изображения как еретические. Клеймо иконы из Преображенской церкви Геннадий причислил к еретическим «бесчистствам». Не известно, как он оценил новшества псковских иконописцев. Но важно отметить другое. Оба раза, в 1488 и в 1495 гг., Геннадий, предвосхитив высказывания Максима Грека, Ивана Висковатого и Зиновия Отенского, выступил за сохранение чистоты древних традиций и принципов иконописного искусства, против аллегоризма и схоластических умствований, справедливо опасаясь, что они могут послужить поводом для кривотолков и возникновения новых сомнений.

В. П. БУДАНОВА

ГОТЫ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РИМСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ О ВАРВАРСКИХ НАРОДАХ

История готв таит в себе неясные, запутанные преднамеренно и в силу исторических обстоятельств моменты, сложность решения которых усугубляется скудостью и отрывочностью письменных источников. До сих пор, когда речь идет о готах, правомерно замечание П. Сестренцевича, что «трудно собрать с великой точностью обстоятельства, относящиеся к народу рассеянному, смешанному с многими другими и коего имя исчезло уже»¹.

Вполне закономерным надо признать широкое обращение отечественных и зарубежных историков к исследованию одного из центральных вопросов готской проблемы — расселению готв в Северном Причерноморье и на Балканах в III—IV вв. Споры и дискуссии охватывали и такую сторону проблемы, как соответствие данных письменных источников о готах археологическому материалу. В основе их лежит понимание того, что при углублении в историю готв их южного периода необходимы самые широкие сопоставления, прежде чем говорить о реальном вкладе готских племен в генезис ранних славян, об их месте в процессе формирования черняховской культуры.

Однако становится все более очевидным и принципиальным тот факт, что определение локализации готв и выявление аналогий письменного материала археологическому ограничено в большинстве случаев наличием в источниках смешения готв с другими племенами. Все это подтверждает актуальность обращения к такой стороне готской проблемы, как этнические названия готв и смешение их с другими племенами. Нам представляется также целесообразным проследить с помощью этнической номенклатуры письменных источников, уделяли ли древние авторы готам исключительное внимание или интерес к ним был таким же, как и к другим германским племенам.

Сравнительное изучение сложного комплекса многообразных свидетельств древних авторов о готах дает возможность пересмотреть скептические высказывания некоторых исследователей относительно направления и перспектив решения готской проблемы. Анализ, основанный на изучении этнонимов в источниках и распределении их по племенной номенклатуре, позволяет составить общее представление о готах не только в ряду других германских племен, но и на фоне остальных этнических категорий, сведения о которых содержатся в письменных свидетельствах.

Этническая номенклатура письменных источников III—VI вв. состоит из названий следующих племен: скифских, синдо-меотских, германских, алаано-сарматских, фракийских, македонских, иллирийских, славянских, финно-угорских, кавказских, мидийских, кельтских, иберийских, рето-этруссских, итальянских, греческих, армянских, малоазийских,

⁸⁶ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 254. Иосиф Волоцкий сообщает, что стригольников «в темницу ввергоша даже до конца живота их» (Иосиф Волоцкий. Провосветитель. Казань, 1904, с. 542).

⁸⁷ В послании собору епископов (октябрь 1490 г.) Геннадий упоминает о стригольнике чернице Захаре (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ. соч., с. 380). Захар, удалившийся в Москву, примкнул к жидовствующим и вместе с ними был обвинен на соборе 1490 г. Среди пунктов приговора фигурируют обвинения в том, что некоторые из еретиков «Иисуса Христа Сыном Божиим не звали» и «вскресению Христову и его святому възнесенью не веруют» (там же, с. 383).

⁸⁸ Стоглав. СПб., 1863, с. 151.

⁸⁹ Там же.

¹ Сестренцевич П. История о Таврии. СПб., 1806, с. 260.

семито-хамитских, тюркских, африканских. В источниках встречаются также значительная группа мифологических названий, названия племен, недостаточно изученных или спорных в плане этнического определения, а также такая группа этнонимов, в которых трудно видеть этническое происхождение и которые более походят на топонимы. Кроме того, в письменных источниках представлены обобщающие собирательные названия — скифы, германцы, эллины, римляне и т. д.

Номенклатура племен и народов в источниках показывает противоречивость этнических представлений древних авторов. В этническом определении варварского мира как римские, так и византийские историки не всегда оставались свободными от традиции. Многие авторы не всегда относились столь строго к названиям различных племен, как нам бы этого хотелось. Этнонимы в их сочинениях далеки от идеала в смысле строгости определения, связности и однозначности. В то же время нельзя обойти молчанием альтернативную традицию и шаблон в этнических характеристиках варварских народов тенденцию к обновлению этнического словаря исторических сочинений по мере расширения общения с германцами, в том числе и с готами.

В плане этническом уместно подчеркнуть следующую характерную особенность источников III—VI вв. С одной стороны, круг этнонимов для каждого конкретного отрезка времени очень подвижен — в одних случаях он расширяется, в других, наоборот, сужается. Причины этого для этнонимов каждого конкретного племени могут быть самыми различными. С другой стороны, в каждом столетии при видимой подвижности этнонимов внимание древних авторов сосредоточено на отдельных этнических названиях. Рассмотрим эту специфическую особенность источников на материале, касающемся только германцев.

В письменных источниках II в. преобладают иллирийские, кавказские, италийские, фракийские, кельтские этнонимы. Германских этнонимов всего 16. Они содержатся главным образом в сочинениях Аппиана и Птолемея². Среди них одно из первых упоминаний о готах находится у Птолемея. Из тех германских племен, сведения о которых встречаются у Аппиана и Птолемея, только готы, бастарны и бургундионы привлекают внимание древних авторов в дальнейшем, вплоть до конца VI в.³

² Appiani Historia Romana/Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1878, v. 1, p. 46 (танхрей, усипеты, тевтоны, кимвры); Claudii Ptolemaei Geographia/Rec. C. Müller. Paris 1883, v. 1, p. 422 (певкины), 423—426 (аварины, омброны, трансмонтаны, вораны (сулоны), оссии), 431 (тагры).

³ Бастарны: Bauer A. Die Chronik des Hippolytos im Matritensis Graecus 121. — Text und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, 1905, T. 29, S. 56; Müller K. Itineraria Romana — römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916 (далее — Tab. Peut.), col. 613—614; Eutropii Breviarium ab urbe condita/Rec. F. Rühl. Lipsiae, 1901 (далее — Eutrop.), p. 69; Eusebii episcopi Constantiae opera/Ed. G. Dindorf. Lipsiae, 1859, v. 1, p. 216; Eusebii Chronicorum libri duo/Ed. Alf. Schöne. Berlin, 1875 (далее — Euseb., Chron.), v. 1, p. 181; Rufi Festi Avieni descriptio orbis terrae/Rec. C. Müller. — GGM, v. 2 (далее — Avien.), p. 181; Sextus Aurelius Victor. Liber de Caesaribus/Rec. Fr. Pichlmayr. Leipzig, 1911 (далее — Aur. Vict., De Caesaribus), p. 133; Prisciani Periegesis/Rec. C. Müller. — GGM, v. 2 (далее — Prisc. Perieg.), p. 192; C. Sollius Apollinaris Sidonius Epistolae et carmina. — PL, t. 58 (далее — Sidon. Apoll.), col. 671—672; Paulus Orosius. Historiarum adversus paganos libri VII/Rec. C. Zangemeister. Wien, 1885 (далее — Oros.), p. 266, 491; Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova/Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887 (далее — Zosim.), p. 52; Pseudo-Arrianus. Periplus Ponti Euxini/Rec. C. Müller. — GGM, v. 1, p. 419; Iulii Honorii Cosmographia/Rec. A. Riese. — GLM (далее — Jul. Honor. Cosm.), p. 40; Stephani Byzantii ethnographum quae supersunt. — In: Latyshev B. Scythica et Caucasia — ВДИ, 1948, № 3 (далее — SC), с. 317; Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Вступ. ст. пер., комм. Е. Ч. Скрипчинской. М., 1960 (далее — Iordan., Get.), с. 80; The Scriptores Historiae Augustae. London; Cambridge, 1967 (далее — SHA), v. 1, p. 187, v. 3, p. 373; Claudius Claudianus. Carmina/Rec. J. Koch. Lipsiae, 1893 (далее — Claud. Claudian.), p. 122, 142. Бургундионы: Mommsen Th. Gesammelte Schriften

Свидетельства о готах в III в., несмотря на приближение их к границам Римской империи и постоянные вторжения в ее пределы, менее часты, чем, например, о таких племенах, как колхи, тавры, персы, армяне, мифические гипербореи. Описания многих варварских народов переходили из сочинения в сочинение и для авторов III в. являлись своего рода составной частью литературной традиции. В ряде случаев традиционные представления становились более широкими и точными. Поэтому важно не только учитывать частоту, повторяемость свидетельств, но и отличать их по характеру и объему информации. Указанное обстоятельство особенно нужно учитывать при изучении истории готы, так как многие трудности исследования готского вопроса связаны именно с тем, что эти два момента не разграничивались. Однако на фоне других этнонимов, которые представлены в письменных источниках III в., больше всего германских. Это не случайно, так как начиная уже со II в. Римская империя постоянно испытывает вторжения германских племен. Из всех племен обширного варварского мира германцы становятся наиболее опасными и чаще других нападают на империю о себе⁴. В источниках III в. мы встречаем свидетельства о германских племенах, уже известных из материалов II в., и о новых объединениях германцев. Круг германских этнонимов расширяется более чем вдвое.

Сообщения о новых германских племенах содержатся в основном в двух источниках конца III в. При Диоклетиане был составлен список племен и этнических групп (Nomina provinciarum omnium), так называемый Laterculus Veronensis, в который вошли известные римлянам к этому времени варварские племена, в том числе и германские⁵. Новые германские этнонимы появляются также в «Панегирике, произнесенном в день рождения Максимиана Августа»⁶. Причем для этнонимов некоторых германских племен, появившихся в историографии III в., характерно то, что их применяют латинские и греческие авторы на протяжении трех веков — до VI в. включительно. Это — аламанны, вандалы, гепиды, квады, тайфалы, ругии, саксы, герулы, скиры, маркоманны, франки, свевы. Большинство из них вошло в Пейтингеровы таблицы и было использовано Вонписком, Капитолином, Поллионом, Спартианом; часть этих этнонимов была включена в список середины IV в., составленный до гуннского нашествия, содержащийся в «Землеописании» Юлия Гонория⁷. Большая группа племенных названий в источниках III в., к сожалению, не поддается идентификации с исторически известными племенами и народами. В какой-то мере они лишь подтверждают факт продвижения к границам империи новых племен.

В сочинениях авторов IV в., как и в текстах последующих столетий, которые говорят о событиях IV в., интерес к готам растет. В сравнении с тем вниманием, которое уделялось другим германским племенам, это осо-

Bd. 5. Berlin, 1908 (далее — Lat. Veron.), S. 564; XII panegyrici latini/Ed. W. Baehrens. Leipzig, 1911 (далее — XII paneg. lat.), p. 266, 288; Tab. Peut., col. 613—614; Ambrosii Expositio super septem visiones libri Apocalypsis. — PL, t. 15, 1866, col. 1000; Sidon. Apoll., col. 671—672; Jul. Honor., Cosm., p. 40; Hieronymi epistolae. — PL, t. 22 (далее — Hieron.), col. 1057—1058; Iordan., Get., § 97, 161, 232, 238, 244, 281, 298.

⁴ Обзор движения германцев на границах Римской империи до нашествия гуннов дан в работе: Ensslinn W. Einbruch in die Antike Welt Völkerwanderung. — Historia Mundi, 1956, Bd. 5, S. 78—132.

⁵ Lat. Veron., S. 564.

⁶ XII paneg. lat., p. 287—288.

⁷ Вандалы, маркоманны, свевы: Tab. Peut., col. 613—614; Jul. Honor., Cosm., p. 40; SHA, v. 1, p. 174—200; vol. III, p. 226—260. Франки: Tab. Peut., col. 613—614; Jul. Honor., Cosm., p. 40; SHA, vol. 3, p. 34, 204, p. 322, p. 360. Квады: Tab. Peut., col. 613—614; Jul. Honor., Cosm., p. 40; SHA, v. 1, p. 168—200; vol. III, p. 344. Аламанны: Tab. Peut., col. 613—614; SHA, v. 2, p. 26; v. 3, p. 322, 360; Гепиды: Jul. Honor., Cosm., p. 40; SHA, v. 3, p. 162, 372. Герулы: Jul. Honor., Cosm., p. 40.

бенно заметно. Наиболее часто пишут о готах именно в IV в. Можно увидеть, как описание варварских народов все больше склоняется в сторону германских племен. В сочинениях этого времени можно найти рассказы почти обо всех германских племенах, которые уже представлены в историографии предшествующих веков. Однако Пейтингеровы таблицы, Аммиана Марцеллина, Клавдиан, Аврелий Виктор и такие биографы «Истории Августов», как Спартиан, Капитолин, Поллион, Вописк, Лампридий, дают не несколько новых названий германцев⁸. Именно в это время мы встречаем впервые такие названия готы, как грейтунги (Grutungi, Greuthungi), остроготы (Ostrogothi, Austrogoti) и визиготы (visi). Мы не ставим своей целью проследить развитие и обновление этнической карты этого времени и выяснить все вопросы, связанные с ее изменением. Однако хотелось бы отметить, что у биографов «Истории Августов» Аврелия Виктора и Епифания определения этнические часто заменяются топонимическими (остийцы, фессалоникийцы, виенты и т. д.). Наряду с исторически засвидетельствованными племенами и народами часто можно встретить упоминания некоторых германских племен, о которых молчат историки как предшественников, так и последующих столетий.

В сочинениях V в. преобладают кавказские и мидийские этнонимы. Не уступает им в разнообразии и перечень названий германских племен. Правда, в сочинениях V в. нет новых германских этнонимов, но используются те, которые были введены в литературу в предшествующее время.

В источниках VI в. круг германских этнонимов снова резко изменяется. Начиная с Иордана он расширяется более чем вдвое. Иордан называет значительное число германских племен, не встречавшихся в источниках ранее⁹. При этом отделить вымысел от подлинного этнографического описания не всегда представляется возможным¹⁰. В сочинениях VI в. имеется также группа этнонимов, упоминаемых в источниках начиная со II в. И здесь большое внимание уделяется авторами готам, вандалам, гепидам, герулам, франкам, лангобардам, скирам, аламанным, бургундионам, квадам, маркоманнам, свевам, ругиям.

Таким образом, круг германских этнонимов в письменных источниках подвижен. В сочинениях древних авторов ряд германских племен отмечен лишь эпизодически. Только немногие из них продолжают привлекать пристальное внимание писателей, а именно те племена, которые появились в источниках III в. Можно увидеть, как начиная с IV в. растет число авторов, интересующихся готами. Наибольшее количество источников, содержащих самые разные по объему и характеру информации сообщения о готах, относится к IV в. Наблюдая общую тенденцию для письменных источников уже с III в. — переключение внимания древних авторов на германские племена, можно отметить, что этот акцент не сосредоточивается только на одних готах. Преобладание их среди других народов, названных в письменных источниках, оказывается далеко не очевидным — даже на фоне одних германских племен. Готы — отнюдь не единственное из племен варварского мира, которое привлекает внимание древних.

⁸ Остроготы: Claud. Claudian., In Eutropium, p. 74; визиготы: SHA, v. 3, p. 132; Claud. Claudian., De Consulatu Stilichonis, p. 141; грейтунги: SHA, v. 3, p. 162; v. 2, p. 372; Claud. Claudian., In Eutropium, p. 74—86; Idem. 4 cons. Honor., p. 127; Ammian. Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt/ Rec. C. U. Clark. Berlin, 1915, v. 2, p. 429, 562—567 (рус. пер.: Аммиан Марцеллин. История/ Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Киев, 1906—1908, вып. 1—3, с. 63, 243—244, 249—250); австроготы: SHA, v. 3, p. 162; лакринги: SHA, v. 1, p. 186; хавки, вари, грестринги, хамавы, армилаусины: Tab. Peut., col. 613—614; сикамбры: Aur. Vict., De Caesaribus, p. 133; гермундуры: SHA, v. 1, p. 186—200; Tab. Peut., col. 613—614; кавхи: SHA, v. 1, p. 350; тунгуры: SHA, v. 1, p. 338.

⁹ Jordan., Get., § 19, 21—24, 26, 36, 96, 113, 114, 242, 280, 291.

¹⁰ Jordan., Get., § 29, 38—40, 44, 47—50, 56—60, 67, 74. Подробнее об этом см.: Svennung J. Jordanes und die gotische Stammsage. — Studia Gotica. Stockholm, 1972, S. 20—56; Idem. Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967, S. 1—20.

В письменных источниках названия готы представляют довольно пеструю картину: гитоны (Gutoni), готы (Gothi), визиготы (Visigothi), везеготы (Vesegothi), визиготы (Visi), остроготы (Ostrogothi), австроготы (Austrogothi), грутунги (Grutungi), грейтунги (Greuthungi), граутунги (Grauthungi), тервинги (Tervingi). Конкретные лингвистические нюансы в характеристике этих названий являются до настоящего времени предметом многочисленных споров¹¹.

С другой стороны, в исторической науке сложилась традиция, говоря о готах, ограничиваться упоминанием таких названий, как «готы», «визиготы» (они же «тервинги»), «остроготы» (они же «грейтунги»). Наблюдения лингвистики допускались лишь на задворки готской проблемы. Однако уместность и полезность исследования названий готы, этимологией которых в настоящее время занимаются лингвисты, можно оценить лишь с точки зрения обстоятельной реконструкции истории этих племен, особенно в южный ее период¹².

Этнонимом «готы» одно из германских племен чаще всего обозначалось в сочинениях авторов IV—V вв. Эти описания воссоздавали главным образом картину внешнеполитических событий на Балканах в IV в. Структура рассказов о готах почти всегда отличалась однотипностью. В основном это россыпи незначительных в плане информативности сообщений или заметок о военных конфликтах как в III в., так и при императорах Константине, Валенте и Феодосии¹³.

По характеру изложения материал о готах можно условно разделить на две группы. Первая — это развернутые сообщения, более или менее подробное и последовательное изложение отдельных событий с характеристикой исторических лиц и т. д. Такие сочинения важны не только потому, что количество их ничтожно мало. Ценность их заключается в том, что писались они или участниками событий, как «История» Аммиана Марцеллина, или обращение к историческим сюжетам с участием в них готы являлось главной целью автора, как, например, речь Дрепаня. Безусловно, основным источником по истории готы IV в. является сочинение «Res gestae» Аммиана Марцеллина¹⁴. Можно утверждать, что ни один автор до и после Аммиана не уделял готам такого внимания. В сочинении имеется богатейший материал и о других варварских народах.

Более представительна другая категория материала о готах — многочисленные упоминания, замечания, в которых скупо и схематично освещены отдельные факты. Относясь к этим сообщениям с величайшей осторожностью, можно составить лишь самые общие представления о географии готы, складывании у них отношений с Византийской империей, пересечении исторических судеб готы с другими племенами варварского мира, о такой сложной цепи событий готской истории, как распространение

¹¹ Hachmann R. Die Goten und Scandinavien. Berlin, 1970, S. 15—135; Svennung J. Op. cit., S. 20—57; Idem. Scandinavia und Scandia. Uppsala, 1963; Wagner N. Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. — Quellen und Forschungen zur Sprach- und Kulturgeschichte der germanischen Völker, N. F., 1967, 22; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. — In: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961.

¹² Хронологическое разделение истории готы на два периода было разработано еще в конце XIX в. Пальманом (Pallman P. Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung bis zum Tode Alarichs. Gotha, 1863, S. 237) и Ф. Брауном (Браун Ф. Разыскания в области готско-славянских отношений. СПб., 1898, с. 25).

¹³ XII paneg. lat., paneg. V, cap. X; paneg. VII, cap. II; Aur. Vict., De Caesaribus, cap. XLI, § 13; cap. XLVI, § 2; cap. XLVII, § 5; Eutrop., p. 69; Excerpta Valesiana/ Rec. J. Moreau. Leipzig, 1961 (далее — Anon. Vales.), p. 151—152; Prosperi Tironis Epitoma Chronicon edita primum a 433, continuata ad a 455. — MGH, Auct. Antiquiss., t. 11, p. 877, 1036, 1163; Optatiani Porphyrii carmina/ Ed. Luc. Müller. Lipsiae, 1877, p. 11.

¹⁴ Удальцова З. В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 70—73; Ременников А. М. Источники по истории войн племен Подунавья с Римом в III—IV вв. н. э. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Казань, 1972, с. 220—225.

у них христианства¹⁵. Желчные замечания Амвросия в адрес ученика Ульфила епископа Авксентия Доростольского и его последователя Меркурина, безусловно, нацелены против арианства у готов¹⁶. О христианстве у готов свидетельствует и сочинение самого Авксентия, написавшего краткое жизнеописание Ульфила и изложившего его учение¹⁷. Во многих ситуациях мы имеем дело с цепью событий, которые нелегко изолировать друг от друга. В этих обстоятельствах интерпретация сообщений представляет собой довольно трудную задачу.

Однако этот материал источников является реальной научной базой на основании которой можно если не ответить с точностью, то хотя бы высказать предположения, относящиеся к следующим важным для готской проблемы вопросам: является ли термин «готы» названием только этнических или он используется также и в качестве собирательного для всех германских племен? Можно ли рассматривать термин «готы» и как собирательный в широком смысле, т. е. равнозначный понятию «варвар» вообще?

Работа в этом направлении связана с анализом многих не решенных до сих пор проблем текстологии письменных источников. У нас нет оснований для окончательных выводов, однако в плане предварительных наблюдений можно сказать, что в источниках встречаются единичные случаи, когда этноним «готы» применялся в качестве собирательного для всех германских племен начиная с IV в. Таким случаем является, например, упоминание готов в анонимном географическом трактате «Полное описание вселенной и народов». Аврелий Виктор применительно к тайфалам использует этноним «готы» как равнозначный понятию «германцы»¹⁸. Случайны эти факты или за ними стоят определенные закономерности — это еще предстоит решить. Имея, однако, в виду фрагментарность источников, трудность интерпретации большинства из них, нужно думать, что пройдет немало времени, прежде чем мы будем располагать сравнительно полными данными по этому вопросу. История исследований готской проблемы показывает, что понимание источников, опирающееся на неполный или неполноценный материал, оказывалось малоубедительным.

В некоторых случаях древними авторами термин «готы» используется в качестве собирательного, но уже не в этническом смысле, а скорее как показатель формирования союзов племен, в которых готы играли, возможно, не последнюю роль, или как синоним слову «варвар». Можно говорить, что «готы» в качестве собирательного наименования, покрывавшего собою различные племена, встречается у Анонима Вalezия, который сообщает о борьбе императора Константина с «fortissimi et copiosissimae gentes Gothorum»¹⁹. Особняком стоит сообщение Сальвина о «варварах готах» и «варварах среди готов»²⁰.

В целом мы можем прийти к выводу, что этноним «готы» в письменных источниках неоднозначен. Нам кажется более правильным рассматривать его как этноним многозначный, имеющий различные значения в зависимости от автора, времени и места написания, характера и цели сочинения.

¹⁵ *Salviani De gubernatione Dei*/ Ed. Fr. Pauly. Wien, 1883 (далее — *Salv.*, *De gubernatione Dei*), I. VIII, cap. V—VII; *Malchi fragmenta*/ Ed. B. G. Niebuhr. — Bonn, 1822, fr. II, XVII, XIX—XX; *Olympiodori fragmenta*/ Ed. B. G. Niebuhr. — Bonn, 1822, fr. XXVII; *Augustini De civitate Dei*/ Rec. E. Hoffmann. Wien; Leipzig, 1900, cap. XVIII, 52; *Ambrosii Expositio evangelii secundum Lucan libri X.* — PL, t. 1, col. 1534.

¹⁶ *Ambrosii epistolae.* — PL, t. 16, col. 1055, fol. 869c—d.

¹⁷ *Waitz G.* Über das Leben und die Lehre des Ulfila. Hannover, 1840; *Kauffmann F.* Texte und Untersuchungen zur altgermanischen Religionsgeschichte. Texte, I. Strasbourg, 1899.

¹⁸ *Полякова С. В.* и *Феленковская И. В.* Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». — ВВ, 1956, 8, с. 286; *Aur. Viet.*, *De Caesaribus*, cap. XLVII, § 2.

¹⁹ *Anon. Vales.*, cap. VI, § 34.

²⁰ *Salv.*, *De gub. Dei.*, I. VIII, cap. V, § 36, 57.

в одном случае он применялся по отношению к варварским племенам вообще, в другом — более тесно связывался с германскими племенами или — конкретнее — с племенем готов²¹.

В письменных источниках переплетаются весьма сложным образом такие названия готов, как «тервинги», «грейтунги», «визиготы» и «остроготы». Традиционной является точка зрения, что в названиях «визиготы» и «остроготы» отражено племенное разделение готов с приходом их в Северное Причерноморье. Границей этого раздела служил, согласно одному мнению, Днепр, согласно другому — Днестр; некоторые ученые ее вообще не определяют²². Ряд исследователей считает, что такое разделение племени произошло еще до переселения готов на юг и указанные названия принесены ими с севера. Кроме того, принято идентифицировать визиготов с тервингами и остроготов — с грейтунгами²³. В настоящее время эта концепция в связи с тем, что ее отдельные положения малообоснованны и базируются на скудном материале источников, подвергается пересмотру.

Традиционная концепция основывалась на свидетельстве Иордана о разделении готов на восточных и западных с приходом их «в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем. . .»²⁴. Однако это утверждение может быть подвергнуто сомнению по двум причинам. Р. Хахманом был предложен весьма перспективный метод анализа текста Иордана. Его сочинение, как известно, имеет компилятивный характер. Р. Хахман пытается выделить в тексте «Getica» фрагменты, принадлежащие Аблабию, Кассиодору и самому Иордану²⁵. С позиций данного исследования вопрос о смысловом значении указанных названий готов возникает заново и притом в гораздо более сложном виде. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что факт разделения готов отмечен не только в «Getica». Однако данные о времени и месте разделения этих племен у других авторов не совпадают с данными Иордана²⁶.

Приведем некоторые предварительные наблюдения относительно использования древними авторами указанных названий готов.

Первыми в сочинениях древних появляются названия «тервинги» (Tervingi) и «грейтунги» (Grutungi, Grauthungi, Greuthungi). Характерно, что они встречаются уже в источниках III в. и сохраняются, исключая компиляцию Зосимом Клавдиана, вплоть до конца IV в.²⁷ Это же характерно и для этнонима «визи» (Visi) (в V в. «вези», Vesi)²⁸. Причем племена, называемые «тервингами» и «грейтунгами», показаны как в союзе с другими варварами, так и самостоятельно. Эти свидетельства обладают еще одним

²¹ *Hachmann R.* Die Germanen. München, 1971, S. 49—50.

²² См., например: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. М., 1883, ч. 1, с. 334 («... утвердившись на Украине, готы завладели северным берегом Черного моря. . .»); *Бергер А.* Государство вестготов и падение Западной Римской империи. — Исторический журнал, 1940, № 3, с. 100 («... вестготы и остготы. . . утвердившиеся во второй половине III в. между Доном и Днестром. . .»); *Беттингер.* Всеобщая история. М., 1832, с. 137—138 («... остготы между Днестром и Волгою. . . за Днестр — вестготы»); *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913, т. 1, с. 150 («... река Днестр разделяла готов на две части: восточную и западную. . .»).

²³ Подробнее о новейших исследованиях по этому вопросу см.: *Lönnroth E.* Die Goten in der modernen kritischen Geschichtsauffassung. — Studia Gotica. Stockholm, 1972, S. 57—62, 63—72.

²⁴ *Iordan.*, *Get.*, § 28, с. 70.

²⁵ *Hachmann R.* Die Goten und Scandinavien, S. 15—145.

²⁶ *Zosim.*, I. IV, cap. XXXIV, § 2; *Socrates Scholasticus.* Historia Ecclesiastica. — PG, t. 67 (далее — *Soer.*, *Hist. eccl.*), col. 551—556; *Sozomenus.* Historia ecclesiastica. — PG, t. 67 (далее — *Soz.*, *Hist. eccl.*), col. 1403—1408.

²⁷ XII paneg. lat., paneg. III (XVII), cap. 1; *Amm. Marc.*, p. 429, 562—567; SHA, v. 2, p. 372; v. 3, p. 162; *Claud. Claudian.*, carm. X, cap. XX, vers. 576; carm. XVI, cap. XVIII, vers. 623, 635; 4 cons. Honor., carm. VIII, vers. 626; In *Eutropium*, I. II, carm. XX, vers. 153, 576, 196, 399.

²⁸ SHA, v. 3, p. 162; *Claud. Claudian.*, De consulatu Stilichonis, p. 141; *Sidon. Apoll.*, carm. V, cap. 476; carm. VII, cap. 431.

достоинством — они сохранили замечания современников относительно этих названий готов. Так, автор панегирика Максимиану Августу утверждает, что «тервинги — часть готов» (*Tervingi pars alia Gothorum*). Если верить замечанию Зосима, то «гругунги» — местное название готских племен, возможно, данное им в Северном Причерноморье или на Балканах²⁹.

Совсем иначе обстоит дело с названиями «визиготы» и «остроготы». Они появляются в письменных источниках в то время, когда готы уже ушли из Северного Причерноморья, т. е. в конце IV в. В IV в. это — «австроготы» (*Austrogothi*) и «остроготы» (*Ostrogothi*). Но активное применение этнического названия «остроготы» можно найти только в трудах авторов VI в. Этними «визиготы» (*Visigothi*) и «везеготы» (*Vesegothi*) встречаются только в источниках VI в.

Необходимо отметить, что в древней историографии при описании событий III—IV вв. этнонимы «грейтунги» и «тервинги» были гораздо более популярны, чем «визиготы» и «остроготы». Единственный автор, который применяет последние при описании событий III—IV вв. и даже более ранних, — это Иордан. Но в данном случае уместно напомнить, что и он не отличался самостоятельностью: Иордан следует готскому историку Аблавию и Кассиодору — кому из них в большей степени, пока остается неясным.

Это заставляет задуматься над вопросом о правомерности применения в исторических исследованиях наименований «визиготы» и «остроготы» при воссоздании событий III—IV вв. Чтобы избежать противоречий, необходимо отдать себе отчет в правомерности использования этих этнонимов для раннего периода истории готов. Не может быть двух мнений относительно того, насколько важно для изучения всех аспектов готской проблемы определить этимологию этих названий.

На пути решения большинства вопросов, связанных с пребыванием готов в Северном Причерноморье и на Балканах, существенным препятствием является наличие в источниках путаницы этнонимов, в частности смешение готов с гетами. Смешение этнических определений «готы» и «геты» наблюдается уже в первые века новой эры. Однако следует строго различать тенденцию к тождеству данных этнических названий вообще и тенденцию, вызванную определенными историческими событиями. В начале новой эры, когда готы еще не были в центре внимания древних авторов, смешение могло быть случайным, связанным с ошибками лингвистического порядка или плохой осведомленностью автора³⁰.

Несколько меняется характер этого смешения начиная с III в. В источниках все чаще появляются свидетельства о готах и гетах, причем наличие путаницы этнонимов. Эта тенденция особенно заметна у латинских авторов IV—V вв. и характерна в основном для источников, которые описывают события периода правления императоров Константина, Валента, Феодосия. Смешение «готы — геты» в источниках встречается значительно реже, чем «готы — скифы». Сообщения, содержащие эту путаницу, не являются первостепенными для исследования истории готов, за исключением свидетельств наиболее раннего появления готов на Балканах³¹. Важно обратить внимание на следующий момент: с помощью одних письменных источников ответить на вопрос о том, идет ли речь в этих текстах о гетах или готах, невозможно или крайне затруднительно. Отсутствие достаточных условий для понимания причин данного смешения имеет ряд серьезных последствий.

²⁹ Zosim., I. IV, cap. XXXVIII, § 1; XII paneg. lat., paneg. III, cap. 1.

³⁰ В схолиях к Горацию, связанных с именем Геления Акрона, имеет место смешение Getae-Gothi; см.: Acro. Carm., IV, § 15, 22.

³¹ SHA, v. 2, Spartian., v. Caracall., § 10; v. 3, Capitolin., v. Maximini duo, cap. I, § 4; v. 2, Vopisc., v. Prob., cap. XVI, § 18.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что появлению указанной путаницы у позднеримских авторов должны были предшествовать определенные столкновения с готами. Существующие в историографии споры касаются прежде всего наблюдений о времени первого появления готов на Балканах. Ответ на этот вопрос, в свою очередь, помог бы упорядочить и подтвердить многие моменты в истории готов в Северном Причерноморье. Однако о времени первых столкновений римлян с готами можно говорить лишь со значительной долей гипотетичности. Вполне вероятно, что в сообщении о столкновении императора Каракалы с готами отражено одно из первых, причем эпизодических, столкновений, которое не имело важных последствий ни для империи, ни для готов, поэтому его подробности остались вне поля зрения древних авторов.

Любопытно отметить смешение «готы — геты» и в свидетельствах источников о христианстве у варваров³². Оно присутствует главным образом в тех сочинениях Иеронима, Аврелия Пруденция Клемента и Понтия Меропия Павлина, которые посвящены восхвалению торжества и силы христианской веры. Конкретизация распространения христианского учения среди варваров здесь имеет весьма схематичный характер и не претендует на этнонимическую точность. Это смешение еще раз подчеркивает, что понятие «готы» в IV—V вв. не всегда было четким. Под это наименование подводились самые разнообразные этнические группы, в том числе и «геты».

Смешение «готы — геты» в источниках имеет место также и в свидетельствах географического характера³³. Мы не будем рассматривать здесь существующие в литературе толкования случаев такого рода. Возможно, смешение явилось результатом плохой осведомленности древних авторов о районах, где происходили описываемые ими события, или может объясняться растущим несовпадением историко-географической традиции с контекстом происходящих в IV—V вв. событий. Но доказать, как, впрочем, и опровергнуть, такое предположение было бы чрезвычайно трудно. Поэтому, не вдаваясь в детали, мы хотим показать, как фиксируется путаница «готы — геты» самими древними авторами.

О том, что речь идет именно о путанице, может свидетельствовать тот факт, что иногда древние если не пытаются дать объяснение смешению «готы — геты», то, во всяком случае, подтверждают ее. Показательно сопоставление замечаний Спартиана и Иеронима, которые свидетельствуют, что готов называют гетами, с данными церковного историка Филосторгия, утверждающего обратное, а именно что готов называют готами. Синезий Киренский говорит о фантастическом превращении гетского племени в готов³⁴. Видимо, во всем этом можно видеть слабую попытку римских и ранневизантийских авторов разобраться в представлении о племенах, нахлынувших на империю из-за Истра.

Одним из сложных и наиболее запутанных вопросов готской проблемы является смешение «готы — скифы». Сложность заключается прежде всего в том, что из всех этнонимов древней историографии этноним «скифы» наиболее многозначен уже с IV в. до н. э. Интерпретация такого смешения имеет несколько вариантов, но она по сути основана на глубоко укоренив-

³² Aurelii Prudentii Clementis Carmina/ Rec. A. Dressel. Lipsiae, 1860, col. 696—699, 424—432; Hieron., epist., 107, col. 870; Paulini Nolani Carmina/ Ed. W. v. Hartel. Vindobonae, 1894, XVII, 245.

³³ Avien. Carm., p. 435—461; Prisc. Perieg., p. 228—312; Martianus Capella. De Nuptiis Philologiae et Mercurii/ Ed. A. Dieck. Lipsiae, 1925, I. VI, cap. 663; Claud. Claudian., Paneg. de 3 cons. Hon., carm. 145—150; Paneg. de 4 cons. Hon., carm. 41—58; De bell. Gild., carm. 241—245; In Rufinum, I. II, carm. 46—48; Sidon. Apol., Carm., V, § 470.

³⁴ SHA, v. 2, Spartian., v. Caracall., § 10; Philostorgius. Historia ecclesiastica/ Ed. J. Bidez. Leipzig, 1913 (далее — Philostorg., Hist. eccl.), I. II, cap. V; Hieronymi Liber hebraicarum quaestionum in Genesim. — PL, t. 23, col. 999; Synesii opera omnia. — PG, t. 66, col. 1053—1103 (русс. пер.: Синезий Киренский. О царстве/ Пер. и предисл. М. В. Левченко. — ВВ, 1953, 6, с. 345—353).

шейся традиции, идущей со времен Геродота, обозначать всех варваров, нахлынувших из-за Истра, собирательным термином «скифы». Понимание этого термина до сих пор является предметом разногласий среди ученых. Само употребление этого этнонима в письменных источниках применительно к готам является неясным. В ряде случаев в сочинениях древних этот этноним, видимо, имел обыденный смысл: скиф — варвар³⁵. В других случаях оказывается, что он приобретает какое-то специальное значение, но какое точно — не всегда ясно³⁶.

При попытке разобраться, в каких случаях в «скифах» письменных источников можно видеть готов, существует опасность влияния историко-географической традиции. Однако утверждать, что в источниках III—IV вв. по «скифам» следует подразумевать готов, так же как и отрицать, что только готов отдельные авторы называли скифами, нам представляется невозможным. В целом конкретное этническое содержание термина «скифы» у авторов III—IV вв. неустойчиво, и надо думать, что оно не всегда отчетливо представлялось им самим и их современникам. Чаще всего этот термин имел широкое значение, распространяясь одновременно на несколько племен. Задача исследователей должна сводиться к выявлению этнического смысла этого понятия у каждого автора. В сочинениях III—IV вв. последовательность употребления этнонима «скифы» только по отношению к готам не всегда соблюдается, и важно было бы установить, в каких именно фрагментах под «скифами» подразумеваются готы. Источники подтверждают вывод о невозможности однозначной трактовки термина «скиф» даже в одном том же источнике (например, у Зосима и Филосторгия), не говоря уже о комплексе источников. Этноним «скиф» можно считать достаточно гибким, чтобы иметь возможность точно определять его в зависимости от каждого конкретного случая. Ясно лишь то, что разногласия в вопросе о конкретизации этнонима «скиф» в целом оказывают большое влияние на решение готской проблемы.

Вопрос о достоверности этнических известий древних авторов интересен еще и потому, что смешение этнонимов является в какой-то степени показателем отношения древних авторов к готам как к варварам. Как для римских, так и для византийских историков готы — это варвары, и варвары прежде всего в описании таких исторических событий, в которых раскрывались взаимоотношения этих племен с империей. Готы преимущественно характеризовались по традиционному шаблону, который применялся обычно при описании варваров и включал в себя, как правило, слова «разрушили» (*deleverunt*), «опустошили» (*vastaverunt*, *populabantur*) «совершили нападение» (*invaserunt*). В представлении римлян «варвар» был прежде всего воином. Варвары — это грубый нецивилизованный народ, интерес к которому имеет место и может быть понятен только в плане отношений с империей³⁷. Внимание древних привлекали события и столкновения с готами, происходившие только *in solo Romano*. Они остаются равнодушными к вопросу о том, откуда пришли готы и куда они направлялись после набега. В лучшем случае отмечалось, что угроза со стороны готов распространялась из-за Истра. Земли за Истром назывались *a Barbarico, ad barbaricum, barbaricum solum, Sarmatarum solum*³⁸.

³⁵ *Dezippus Atheniensis. Historia*/ Ed. B. G. Niebuhr. Bonnae, 1829, p. 11—38 (рус. пер.: Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец/ Пер. с греческого С. Дестунисом. СПб., 1860, с. 17—56); *Philostorg., Hist. eccl.*, I. II, cap. V; I. XI, cap. VIII; *Zosim.*, I. IV, cap. XXI; I. I, cap. XXXVII; SHA, v. 3, Pollion., v. Claudii, cap. VI § 1—2.

³⁶ *Zosim.*, I. I, cap. XLII; SHA, vol. 3, Pollion., v. Gallieni duo, cap. VI.

³⁷ *Kmiceński J. Die Bedeutung der Germanen östlich der Oder während der ersten Jahrhunderte nach Christus Geburt im Lichte der neueren Forschungen.* — *Studia Gotica* Stockholm, 1972, S. 72—80.

³⁸ *Anon. Vales.*, p. 11; *Eutrop.*, p. 47, 62; *Philostorg.*, *Hist. eccl.*, I. II, col. 2348; *Amm. Marc.*, I. XVII, cap. V, § 6; *Oros.*, p. 505; *Hieronym.*, *Chron.* — PL, t. 27, col. 497—498.

Истр являлся той границей, за которой интерес древних авторов к готам исчезал, так как жизнь и передвижение их *in Barbaricum solum* уже не затрагивали интересы империи.

Не останавливаясь специально на вопросе о локализации расселения готов по данным письменных источников, хотелось бы отметить следующее обстоятельство. Невозможно понять географические известия об этих племенах у древних авторов, не учитывая общих пространственных представлений, которые выработала античная и византийская культура, что нашло свое выражение в языке, науке и искусстве. Важно также помнить, что описание расселения готов в сочинениях древних авторов четко связано с этнической характеристикой этих племен. Последняя же не выходит за рамки традиционно сложившегося представления о варварах, свойственного греческой и римской историографии. Как название «скифы» для греческих авторов начиная с IV в. до н. э. или «сарматы» для римских авторов со II в. н. э., так и название «готы» уже в IV в. н. э. часто теряет конкретный этнический смысл, становится собирательным и означает различные племена. Соответственно и территория к северу от Дуная авторами IV—V вв. называется то *Scythia*, то *Sarmathia*, то *Gothia*³⁹.

Кроме того, разрыв между уровнем восприятия и уровнем отображения пространства у древних имел огромное значение. Отсюда чрезвычайно трудно судить о географии готов, исходя только из контекста тех прямых и косвенных свидетельств, в которых древние авторы формализовали свое представление о расселении этих племен.

Конечно, при исследовании каждого конкретного источника смешение этнонимов может объясняться рядом причин — и плохой осведомленностью автора, и целями его труда, и влиянием глубоко укоренившейся традиции. Необходимость учета традиции неоднократно отмечалась исследователями. В этом направлении представляет интерес работа Б. Застеровой: проделанный ею анализ сообщений Псевдо-Маврикия о славянах подтверждает возможность выявления в сочинениях греческих авторов тех топонимов и штампов, которым следуют древние в описании варварских племен⁴⁰. Необходимо, однако, отметить, что даже в то время, когда готы расселились в пределах империи и авторы имели возможность их этнически классифицировать, они называют готов «скифами» еще чаще.

Римские авторы, писавшие тогда, когда империя и готы сталкивались sporadически, этнически определяют готов более четко. В сочинениях латинских авторов более типично смешение «готы — геты», чем «готы — скифы». Византийские же историки, писавшие тогда, когда сфера отношений империи с готами значительно расширилась, казалось бы, должны были больше знать о них и правильно называть их; тем не менее византийские авторы с еще большим упорством продолжают называть готов «скифами». Видимо, здесь необходимо учитывать не только следование греческой литературной традиции, но и то обстоятельство, что византийские авторы писали тогда, когда готы уже находились в центре важнейших для империи событий: названием «скифы» отдельные историки пытались, по-видимому, подчеркнуть откровенно враждебное отношение к этим варварским племенам, включая в это понятие уничтожительную их характеристику.

Одним из наиболее ярких примеров неясности этнической терминологии и смешения готов со скифами является сочинение Дексиппа. Для Дексиппа «скифы» — это задунайские варвары вообще безотносительно к их этнической принадлежности⁴¹. Исследователи неоднократно отмечали наличие

³⁹ *Oros.*, p. 22, 560; *Anon. Vales.*, p. 11; *Hieronym.*, *Chron.*, col. 497—498; *Prosp. Aquint.*, *Chron.*, p. 451; *Sidon. Apoll.*, col. 602, 679; *Theodoretos. Historia Ecclesiastica.* — PG, t. 82, col. 1191—1192; *Epiphanius. De XII gemmis liber.* — PG, t. 43, col. 299—300, 338; PG, t. 42, col. 371—377; *Aurelius Augustinus. De civitate Dei*, p. 356.

⁴⁰ *Zasterova B. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice.* Praha, 1971.

⁴¹ *Ременников А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э.* — ВДИ, 1964, № 4, с. 132.

данной традиции в трудах ранних византийских историков⁴². Важно подчеркнуть, что об этом в ряде случаев говорят и сами древние авторы. Они указывают, что «скифы» в их сочинениях — понятие собирательное, распространяющееся и на готов. Элементы подобной конкретизации содержатся у Дексиппа, Поллиона, Филосторгия, Зосима и Прокопия Кесарийского⁴³.

Отметим, что начиная с IV в. появляются сочинения, этническая номенклатура которых вообще не содержит этнонима «готы». И только текстологический анализ, сопоставление с материалами других источников позволяют в ряде случаев конкретизировать так называемых «скифов». Среди источников IV в. к таким относятся произведения ораторского искусства — речи Лобания и Фемистия, которые характеризуют войны с готами при Константине и Валенте, а также отмечают распространение у готов арианства⁴⁴. В византийской церковной литературе IV в., как правило, собирательное название «скифы» покрывает все варварские племена Подунавья. Мы имеем основания отнести это к готам, так как указанный круг источников отражает распространение у них христианства. Замечания о пребывании среди готов проповедника Авдия и его последователей имеются у Епифания⁴⁵. Отнюдь не случайно в сочинениях противников арианства Афанасия Александрийского и Кирилла Иерусалимского отмечены готы в числе народов, которых уже достигла проповедь Христа. Афанасий Александрийский описывает воздействие ее на дикую и грубую натуру варваров: они, принося жертвы своим идолам, яростно враждуют друг с другом и даже одного часа не могут остаться без оружия, но, вняв учению Христа, тотчас от войны обращаются к земледелию⁴⁶.

Смешение готов со скифами распространяется преимущественно в свидетельствах источников о событиях второй половины III в., в особенности в описаниях войн империи с готами в 253—275 гг. и во второй половине IV в. Для III в. источники называют «скифами» те племена, которые по косвенным данным можно связать в основном с Северным Причерноморьем, в IV в. — с левобережьем Истра.

Таким образом, более пристальное внимание исследователей к вопросу об этнических названиях и смешению готов с другими племенами позволило бы привлечь к изучению готской проблемы достаточно большой круг письменных свидетельств, которые ранее не были использованы из-за неопределенности приводимых ими этнонимов.

Ю. Р. ДЖАФАРОВ

ОНОГУРЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ХАЙЛАНДУРЫ ЕЛИШЭ

Генезис устойчивых гуннских племенных образований Северного Кавказа V—VI вв. представляет одну из наиболее значительных и сложных проблем эпохи раннего средневековья. Этот процесс явился следствием грандиозных исторических событий, связанных с появлением во второй половине IV в. в степях Восточной Европы нового мощного этнического массива — гуннов. Обширный район степной полосы Северного Кавказа от Каспийского до Азовского морей составил территорию расселения гуннских племен, не вовлеченных в стремительное движение основной массы гуннов к берегам Дуная. В этом регионе — по мере распространения гуннского господства — возникли объективные предпосылки для объединения различных групп кочевых племен в межплеменные военно-политические союзы, длительность существования которых находилась в прямой зависимости от внутренних условий и колебания политической конъюнктуры. В этом отношении особого внимания заслуживает вопрос становления на Северном Кавказе в начале V в. первого крупного объединения гуннских племен, выступающих у армянского историка Елишэ (V в.) под именем *Haylandur'k*¹.

Как будет показано ниже, этим термином обозначается наименование мощной группировки гуннов, игравших заметную роль в драматических событиях освободительной борьбы народов Закавказья против сасанидского Ирана при Иездигерде II (439—457).

Между тем происхождение этого термина, его реальное значение неясно. Уже младший современник Елишэ — армянский историк Лазар Парпеци (V в.), касаясь того же периода, не знает известного его предшественнику имени гуннов². В составленной около 555 г. сирийской хронике Захарии Ритора хайландуры отсутствуют в перечне племен, живущих за Кавказским хребтом³. Греко-латинские источники V—VI вв. (Евнапий, Филосторгий, Сократ, Созомен, Зосим, Приск, Евагрий, Малала, Прокопий, Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта, Аммиан Марцелин, Иордан, Сидоний, Марцеллин Комит, Эннодий) также не упоминают подобного имени. Этот термин не засвидетельствован в двух списках Армянской географии VII в., скрупулезно зафиксировавшей этнические наименования племен и народов, обитавших на Кавказе в историческое время⁴.

¹ Елишэ. О Вардане и войне армянской /Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971 (далее — Елишэ).

² Lazare de Pharbe. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois. Paris, 1869, p. 259—368.

³ Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta. — In: Corpus scriptorum christianorum, Scriptores syri, ser. III/ Ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1926, p. 144.

⁴ Патканов К. П. Армянская география VII в. по Р. Х., приписывавшаяся Моисею Хоренскому. СПб., 1877; Он же. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. — ЖМНП, 1883, март. Единственный источник, где еще раз упоми-

⁴² Lechner K. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner (Die alten Beziehungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewusstseins). Diss. München, 1954; Удальцова З. В. Указ. соч.; Lewicki T. Zagadnienie Gotow na Krymie. — Przegląd Zaehodni, 1951, t. 7; Lowmianski H. Początki polski. Warszawa, 1963, t. 1.

⁴³ SHA, v. 3, Pollion., v. Gallieni duo, cap. 6, vers. 2; Dexipp., fr. 15, p. 11—38; Zosim., l. IV, cap. 25; Philostorg., Hist., eccl., l. XI, cap. 8; Procop., BV, l. I, 2.

⁴⁴ Libanii opera/ Rec. R. Foerster. Lipsiae, 1908, v. 4, p. 252—256; Themistius. Orationes ex codice Mediolanensis / Emendatae a G. Dindorfio. Lipsiae, 1832, p. 131—139.

⁴⁵ Epiph., Haeres. LXX, col. 371—374.

⁴⁶ См. PG, t. 25, col. 187—188 (рус. пер.: Творения иже во святых отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского. М., 1853, ч. 3, с. 207—210); PG, t. 33, col. 947—950.

В научной литературе вопрос о хайландурах впервые был поднят И. Марквартом. Полагая, что в тексте Елишэ речь идет о кавказских гуннах, исследователь при сопоставлении сведений армянского историка с данными Приска Панийского приходит к выводу, что хайландурами называлась «царская» орда гуннов⁵. Принимая точку зрения И. Маркварта, К. В. Тревер, однако, считает, что «хоны» в армянских источниках отождествляются с гуннами ошибочно⁶. По мнению М. И. Артамонова, хайландуры — северокавказские гунны, не имеющие никакого отношения к гуннам Аттилы в Паннонии, которых имел в виду И. Маркварт в качестве главной «царской» орды⁷. Согласно Н. В. Пигулевской, прорвавшиеся в IV в. за Кавказский хребет гунны и в середине V в. сохраняли за собой все позиции на Северном Кавказе. Эти группы гуннских племен и участвовали в борьбе закавказских народов против Ирана при Иездигерде II под именем хайландур⁸.

Таким образом, мнение исследователей, несмотря на ряд существенных разногласий, не определило более конкретной точки зрения по этому вопросу. Между тем он имеет принципиальное значение не только в связи с проблемой гуннских племенных образований. Особую важность он приобретает в свете истории взаимоотношений кочевников Кавказа с народами Закавказья в V—VI вв., тем более что этот весьма значительный раздел раннесредневековой истории Закавказья недостаточно изучен в научной литературе. Поэтому представляется целесообразным еще раз затронуть данный вопрос и попытаться обосновать одно из возможных его решений.

В тексте Елишэ хайландуры впервые упоминаются сразу же после сообщения о походе Иездигерда II на кушан: «... и перестали хайландуры выходить через пограничную крепость Чора, и зажила его страна, окруженная со всех сторон миром...»⁹. Известно, однако, что эта первая восточная кампания сасанидского шаха началась в 442 г.¹⁰ Если же хайландуры «перестали выходить», значит, раньше они «выходили». Следовательно, этот народ уже был известен до того момента, с которого впервые он зафиксирован армянским историком, т. е. до 442 г. «Пограничная крепость Чор» (Дербент) была тем местом, откуда «выходили» хайландуры. Это означает, что последние занимали некую территорию к северу от Дербента. Именно там помещает Елишэ «страну хонов» (гуннов)¹¹ или «страну хайландур»¹². Последнее вытекает из описания событий 450 г., когда в Закавказье вспыхнула освободительная война против Сасанидского Ирана. После победы Вардана Мамиконяна над марзпаном Чора Себухтом у г. Халхал (около совр. Акстафы) восставшие напали «на замки и города, что имели персы в стране албанской»¹³. Затем они направились

на юг хайландуры — это «История албан» Моисея Каланкатуйского (The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci/ Transl. by C. J. F. Dowsett. London, 1961). Албанский историк почти дословно заимствует у Елишэ соответствующий эпизод, где встречаются хайландуры. Это обстоятельство исключает возможность позднейшей интерполяции термина.

⁵ Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901. S. 96, Anm. 3.

⁶ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л., 1959, с. 192, 216. Между тем термин «хоны» как в армянских, так и в грузинских источниках служит для обозначения гуннов Северного Кавказа см. Меликсет-Бек Л. М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье. — ДАН Азерб. ССР, 1957, т. 13, № 6, с. 709—713.

⁷ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 60—61.

⁸ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 46.

⁹ Елишэ, с. 31. Кушаны, о которых говорит Елишэ, — архаизированный термин, обозначающий сильное политическое объединение, возникшее в середине V в. на восточной границе Ирана во главе с кидаритами.

¹⁰ Там же, с. 179, прим. 32.

¹¹ Там же, с. 79, 116.

¹² Там же, с. 127, 169.

¹³ Там же, с. 79.

к «хонским вратам, которыми завладели силою персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Ваһана, бывшего из рода царей албанских»¹⁴. Отсюда Ваһан отправился «в страну хонов и ко многим другим племенам варваров, которые были союзниками страны хонов, чтобы вести с ними переговоры и заключить договор — установить нерушимый союз. А те, когда все это услышали, поспешно, без промедления прибыли на место и стали очевидцами победных дел»¹⁵.

Союз, заключенный восставшими с гуннами в 450 г., не привел, однако, к их совместному выступлению против вторгшейся в Армению весной 451 г. персидской армии под командованием Мушкана Нисалавурта. Лишь спустя некоторое время после Аварарайского сражения 26 мая 451 г. хайландуры с большим войском появились в Закавказье, истребляя персидские гарнизоны, чем «открыто показали царю (Иездигерду) свое единодушие с войском армянским»¹⁶. Этот набег был весьма значителен, судя по масштабам разорений, причиненных сасанидским владениям, когда «... этот хЕран (царь гуннов) истребил в Албании персидские войска и в наезде своем достиг страны греческой, и много пленных и добычи отправил из Греции, и из Армении, и из Иверии, и из Албании...»¹⁷.

Исходя из сообщения историка о том, что персидский царь снарядил Мушкана Нисалавурта с войсками в страну албан, лбинов, чилбов, хечматаков, таваспаров «и во все крепости, которые были разорены войсками хонов по уговору с армянами»¹⁸, надо полагать, что гунны вторглись в Закавказье через Дербентский проход (Чор). Перечисленные области были расположены на крайней северо-восточной кавказской границе Сасанидского государства; проход Чора являлся наиболее удобной дорогой для вторжений в эти области с Северного Кавказа. Кроме того, именно этим проходом постоянно пользовались гунны в грабительских набегах на Закавказье, о чем свидетельствует и Елишэ¹⁹.

Последний раз хайландуры упоминаются армянским историком в связи с восстанием албанского царя Вачэ. После смерти Иездигерда II в 457 г. в Иране разразилась междоусобная борьба за власть между двумя сыновьями шаха — Хормизом и Перозом²⁰. Албанский царь восстал именно тогда, когда «они пребывали в этой вражде»²¹. Междоусобица свирепствовала два года, пока Пероз (459—484), окончательно разбив брата, не сел в 459 г. на престол в Ктесифоне. Следовательно, восстание в Албании началось, по-видимому, уже в 457 г.²² К 459 г. Вачэ, уничтожив в стране персидские гарнизоны, вступил в войну уже с Перозом: «Но хотя в арийской стране и установился великий мир, царь Албании не желал вновь покоряться, окопал паһак Чора и провел по эту сторону войска маскутов, объединил одиннадцать царей горских и противостал войною полку ариев и великий ущерб причинил войскам царским»²³.

Широкий размах освободительного движения в Албании, нежелание Вачэ идти на какие-либо уступки шахскому двору вызвали усилия Пероза сломить его сопротивление силой гуннов: «... отправили огромные со-

¹⁴ Там же. В этом месте под «хонскими вратами» подразумевается тот же самый проход Чор (Дербент), где находилась одноименная крепость.

¹⁵ Там же, с. 80.

¹⁶ Там же, с. 116.

¹⁷ Там же, с. 121.

¹⁸ Там же, с. 117.

¹⁹ Там же, с. 31, 80, 116.

²⁰ Там же, с. 169. Дата смерти Иездигерда II указана автором точно: «... царя постиг конец жизни в девятнадцатый год царствования его», т. е. в 457 г.

²¹ Елишэ, с. 169.

²² Дата начала восстания в Албании трактуется в научной литературе неодинаково. По мнению И. Маркварта, восстание началось в 459/60 г. (Marquart J. Op. cit., S. 98). М. И. Артамонов считает началом восстания 460 г.; см.: Артамонов М. И. Указ. соч., с. 61.

²³ Елишэ, с. 169.

кровища в страну хайландур, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из нонов и сражались один год с царем Албании»²⁴. Восстание удалось подавить, Вачэ отрекся от престола, а страну стал управлять персидский марзпан. «И вся эта долгая вражда происходила до пятого года царя царей Пероза. . .»²⁵. Пятый год правления Пероза — 463 г. Если гунны в течение года участвовали в подавлении восстания Вачэ, значит, вторглись они в Албанию, по-видимому, в 460/61 г., находились здесь год, т. е. 461/62 г., и к концу 462 г. — началу 463 г. восстание было уже подавлено. В приведенном отрывке Елишэ указывает на «страну хайландур». Соответствующее место у Моисея Каланкатуйского представлено следующим образом: «. . . приказал отправить в Агуандрию (гес. Алуандрия) большие сокровища, растворил ворота Аланские, собрал сильное войско у гуннов и в продолжении одного года воевал с царем албанским»²⁶. Албанский историк почти дословно заимствует у Елишэ данный эпизод. Поэтому «страна хайландур» Елишэ и «Алуандрия» Моисея Каланкатуйского — одно и то же. Следовательно, последняя форма явилась либо результатом преднамеренной перифразы албанского историка (по принципу адекватного употребления: страна алан — Алания, страна албан — Албания и т. д.), либо искаженное переписчиками или поздним редактором название страны хайландур — Хайландрия (Халандрия), с выпадением первой согласной фонемы. Исходя из этого, можно высказать сомнение по поводу предположения М. И. Артамонова и К. В. Тревер, что «Алуандрия» — это захваченная гуннами северокавказская Алания²⁷. Алания не стала бы никогда «Алуандрией» даже в случае захвата ее гуннами. К тому же ни один источник этого и последующего времени не содержит даже намека на подчинение гуннами этой страны, хотя, как кажется, нельзя исключать возможность некоторой политической зависимости от гуннов части аланских племен²⁸.

Тот факт, что гунны в 460/61 г. вторглись в Албанию через Аланские ворота, вызвал возражение М. И. Артамонова, который считает, что напавшие Перозом гунны прошли Дербентский проход, а в тексте Елишэ «Аланские ворота» названы ошибочно²⁹. Однако, по сообщению Елишэ, албанский царь «окопал паһак Чора» (Дербент), а согласно Моисею Каланкатуйскому, даже «завалил» этот проход³⁰. Этим сообщением историки подчеркивают намерение Вачэ не допустить вторжения в страну гуннов через наиболее удобный для них Дербентский проход, так как в это время отношения с ними были, по-видимому, враждебны. Вот почему хайландуры воспользовались другим проходом — Аланским (Дар-алан, Дарьял). К тому же если очевидец событий Елишэ называет именно Аланские ворота (Дарьял), а несколько выше говорит о «паһаке Чора» (Дербент), то это еще раз подтверждает, что автор не путает два разных прохода, но четко их различает.

Таким образом, анализируя приведенный материал, представляется возможным выделить следующие основные моменты, характеризующие гуннов, выступающих у Елишэ под именем хайландур.

Равнозначное употребление историком терминов «гунны» и «хайландуры» прежде всего указывает на то обстоятельство, что Хайландур'к — самостоятельная этническая группа, выступающая в то же время и под собирательным именем «гунны». Хайландуры были известны задолго до 442 г., когда они впервые появляются в тексте Елишэ, и до 461/62 г., когда упоминаются последний раз. Для вторжений в Закавказье хайландуры использовали как Дербентский проход (Чор), так и Дарьяльское ущелье (Аланские ворота). Была известна страна хайландур, носящая их имя (Хайландрия Моисея Каланкатуйского), южная граница которой проходила по северным склонам Кавказского хребта от Чора до Аланских ворот. Хайландуры стояли во главе сильной конфедерации кочевых племен Северного Кавказа и принимали участие в борьбе закавказских народов при Иездигерде II и в подавлении восстания албанского царя Вачэ при Перозе.

Однако в самом начале 60-х годов V в. относительно стабильная политическая обстановка на Северном Кавказе резко изменилась. Это было связано с появлением в районе Северо-Западного Прикаспия новой мощной группировки гуннов, известных под именем сабир. С этого времени стремление шире распространить свое господство на местные племена обусловило движение сабир на юг к линии Кавказских гор и проходам (Дербент, Дарьял). К концу V в. в степной полосе Северного Кавказа и Дагестана сложился военно-политический союз кочевых племен во главе с сабирами и определилась основная территория их расселения. Данные византийских источников позволяют следующим образом представить границы этого объединения: от низовий Волги до Дербента (Тѳор) на востоке и до земли алан и Дарьяльского ущелья (Дар и-алан) на юго-западе. Южная граница проходила по Кавказским горам, к которым с юга примыкали закавказские владения Сасанидского государства — Албания и Иберия³¹.

С начала VI в. в источниках все чаще стали появляться сообщения о вторжениях сабир в Закавказье и области Передней Азии^{31а}. В 503 г. гунны-сабиры через Дербентский проход вторглись в Закавказье и в течение пяти лет воевали здесь с шахом Кавадом (488—531)³². В 515 г. уже через Дарьяльский проход сабиры совершили нападение на владения Византии, разграбив и опустошив области Месопотамии и Малой Азии³³. В течение всей первой половины VI в. сабиры четко фиксируются синхронными источниками в качестве преобладающей силы кочевых племен Северного Кавказа³⁴.

Таким образом, самый факт утверждения на Кавказе в конце V в. господства сабирской конфедерации племен заставляет думать, что этот процесс вызвал крушение и распад предыдущей группировки гуннов — хайландур, игравших главную роль на Кавказе в первой половине V в. Между тем, как было указано выше, этническая номенклатура источников этого и последующего времени уже не знает этнонима «хайландуры». Последнее обстоятельство, в свою очередь, предполагает возможность альтернативы: либо гуннское племя (или группа племен), носящее наименование Хайландур'к, потеряв свое этническое имя и влившись в состав нового объединения, выступает под другим, либо этот этноним сохранился, но в передаче Елишэ был трансформирован.

Единственным синхронным источником, позволяющим в целом представить картину событий, происшедших на Кавказе в начале 60-х годов V в., и, что очень важно, проследить, с какими именно племенами столк-

²⁴ Елишэ, с. 169.

²⁵ Там же.

²⁶ Моисей Каланкатвай. История агван/ Пер. Е. П. Патканова. СПб., 1861, с. 16. Издатель и переводчик текста «История албан» на английском языке Ч. Доусон указывает, что все рукописи этого сочинения имеют искажения в слове Алуандреау, а в своем переводе следует тексту Елишэ: . . . to the land of the Хайландур'к см.: The History of the Caucasian Albanians, p. 9.

²⁷ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 61; Тревер К. В. Указ. соч., с. 215—216.

²⁸ Согласно сообщению Менаандра, аланы лишь в середине 70-х годов VI в. подпали под недолговечное владычество тюрков; см.: Menandros. Excerpta de legationibus. Ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 206. 10—15.

²⁹ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 61.

³⁰ Моисей Каланкатвай. Указ. соч., с. 10.

³¹ Procopius. De bello gothico/ Ed. J. Hauri. Lipsiae, 1905, v. 2, VIII, 3, 4, p. 469; Agathias. Historici Graeci Minores/ Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1871, v. 2, 13—14, p. 313.

^{31а} Подробно см. в нашей статье: ВДИ, 1979, № 3, с. 163—172.

³² Zacharias Rhetor/ Ed. E. W. Brooks, Versio Latina, II, p. 40—42; Procopius. De bello persico/ Ed. J. Hauri. Lipsiae, 1905, vol. 1, I, 8, 9, p. 42.

³³ Marcellinus Comes Chronicon/ Ed. Th. Mommsen. — MGH, Auctores Antiquissimi, 1894, v. 2, t. 11, p. 99; Ioannis Malalae Chronographia/ Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831, p. 406; Theophanis Chronographia/ Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 161.

³⁴ Malalae Chronographia, p. 414—415, 430—431.

нулись только появившиеся здесь к этому времени сабиры, является Приск Панийский. В сохранившихся фрагментах его сочинения *Ἱστορία Βυζαντιακή καὶ τὰ κατ' Ἀττίαν* имеются следующие сообщения. На седьмом году царствования императора Льва (457—474), т. е. около 463 г., к восточным римлянам (византийцам) прислали послов сарагуры (*Σαραγόρροι*), уроги (*Ὀύρωροι*)³⁵ и оногуры (*Ὀνόγοροι*), племена, поднявшиеся с мест своего обитания (*ἐθνή ἐξαναστάντα τῶν οἰκείων ἡδῶν*), потому что на них напали сабиры, изгнанные аварами³⁶. Далее поясняется, при каких обстоятельствах состоялось это посольство: изгнанные сарагуры в поисках земли напали на племя акацир (*Ἀκατίροις*) и после долгой борьбы, покорив это племя, прислали к римлянам послов, желая приобрести их благосклонность. Император и его приближенные, обласкав и одарив послов, отправили их назад³⁷.

По мнению большинства исследователей, сабиры до их движения на запад под напором авар обитали в степной полосе Южного Приуралья и Западной Сибири, что подтверждается отложением их имени в топонимике последней³⁸. Д. Намет, опираясь на сообщение китайского источника, полагает, что авары около 460 г. напали на неизвестный по имени народ, обитавший в районе Иртыша, который впоследствии продвинулся к Волге³⁹. По мнению Д. Моравчика, этим неизвестным народом могли быть только сабиры, упомянутые Приском⁴⁰. Согласно точке зрения Маркварта, Моравчика, Немета и ряда других ученых, сабиры в ходе миграции на запад вытеснили в начале 60-х годов V в. обитавшие также в области Западной Сибири угорские племена сарагур, огур и оногур, которые под их давлением переселились в степи Северного Кавказа, где в 463 г. и вошли в контакт с Византией⁴¹. Исходным пунктом, откуда в Константинополь были отправлены послы этих трех племен, желающих вступить в союзные отношения с империей, по мнению Моравчика, могли быть греческие полисы, расположенные на восточном побережье Меотиды (Азовское море)⁴².

Таким образом, согласно этой наиболее распространенной в научной литературе концепции, изгнанные сабирами из мест своего первоначального обитания в Западной Сибири угорские племена сарагур, огур и оногур впервые появляются на Северном Кавказе в 463 г.

Иной точки зрения придерживается другая группа исследователей. По мнению Д. Гамильтона, около 400 г. на территории Северной Монголии образовалась конфедерация племен *t'ie-lo*, получившая наименование *On-Uyur*. В середине V в. в результате политических конфликтов в Центральной Азии различные уйгурские племена этой конфедерации, в числе которых автор называет сарагур, оногур, болгар и др., последовательно переселялись и оседали в районе Северного Кавказа⁴³. Согласно Г. Хауссигу, один из трех упомянутых Приском народов — оногуры, которых исследователь отождествляет с огузами (*Onoguz*), прежде обитали в верховьях рек Сырдарьи, Или и Чу. Одна их часть вместе с гуннами продвинулась

на запад к Черному морю, а позже поселилась в римских провинциях — Фракии и Мезии. С крушением господства Атилы (после 453 г.) эта часть оногур вновь расположилась по северному побережью Черного моря, а одна их группа свернула в области Северного Кавказа и поселилась по соседству с уже обитавшими здесь племенами сарагур и огур вблизи Дарьяльского прохода. Незадолго до 471 г. эти племена были вытеснены к северу появившимися здесь сабирами, которые под давлением авар оставили свои кочевья в Дагестане⁴⁴.

Итак, согласно точке зрения Г. Хауссига, несмотря на ряд его своеобразных отождествлений, упомянутые Приском племена сарагур, огур и оногур уже обитали на Северном Кавказе до прихода в этот район сабир, т. е. до 463 г.

Эта последняя точка зрения представляется наиболее вероятной. С одной стороны, она дает право установить логическую взаимосвязь событий на Северном Кавказе в рамках процесса политической и этнической интеграции в среде обитавших здесь гуннских племен, а с другой — показать преемственность в исторической эволюции кочевых объединений Кавказа в период гуннского господства и в смене одного племенного союза другим.

Из приведенных Приском этнических наименований трех племен, сарагуры еще только раз упоминаются в источниках. В форме *Sagur-gur* они названы среди других племен, обитавших за Кавказским хребтом, в хронике Захарии Ритора⁴⁵. Несколько раз в источниках встречается второе племя Приска — огуры. Они в форме *Oghor* также названы в перечне племен Захарии Ритора⁴⁶. Краткое замечание Менаандра Протиктора об огурах (*Ὀνόγοροις*) в связи с возвращением в Константинополь в 568 г. византийского посла Земарха, бывшего в ставке тюркского кагана Истеми, позволяет локализовать это племя к востоку от среднего течения реки Куфис (Кубань)⁴⁷. В форме *Ὀγῶρ* их в последний раз упоминает Феофилакт Симокатта⁴⁸. Больше всего сведений в источниках сохранилось о третьем племени Приска — оногурах. Последние хорошо известны сразу трем авторам VI в.: византийскому историку Агафию Миринейскому (*Ὀνογόρων*)⁴⁹, латинскому автору Иордану (*Hunuguri*)⁵⁰, сирийцу Захарии Ритору (*Unaghur*)⁵¹. В форме *Ὀύνογορόρων* их упоминает Феофилакт Симокатта, писавший в начале VII в.⁵² Анонимный автор Равеннской космографии (VII в.) знает страну *Onogoria*, расположенную к востоку от Меотиды (Азовское море)⁵³. Именно здесь византийские историки IX в. Никифор

³⁵ Этноним *Ὀύρωροι*, согласно общепринятой конъектуре И. Маркварта, следует читать как *Ὀύρωροι* (угор); см.: *Marquart J. Op. cit.*, S. 98.

³⁶ *Priscus Panites. Excerpta de legationibus*/ Ed. C. de Boor. Berolini, 1903, fr. 30, p. 586. 7—12.

³⁷ *Ibid.*, fr. 30, p. 586. 12—16.

³⁸ *Patkanoff S. Über das Volk der Sabiren.* — *Keleti Szemle*, 1, 1900, S. 258—27; *Fecher G. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V.—XI. Jahrhunderten.* — *Keleti Szemle*, 2, XIX, S. 55—56, 69—70; *Kazsmarki I. Die Sabiren, die Chazaren.* Budapest, 1930, S. 27; *Németh J. Szabirok és magyarok.* — *MNy*, 1929, 25, S. 81—82.

³⁹ *Németh J. Hunok, bolgarok, magyarok.* — *Bp. Sz*, 1924, Bd. 195, S. 167—178.

⁴⁰ *Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren.* — *Ungarische Jahrbücher*, 1930, April 10, S. 59.

⁴¹ *Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge.* Leipzig, 1903, S. 4; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.* Berlin, 1958, 1, S. 68; *Németh J. Hunok, bolgarok magyarok.* S. 173—174; *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 62.

⁴² *Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren.* S. 59.

⁴³ *Hamilton J. Toquz-Oguz et On-Uyur.* — *JA*, 250, 1962, p. 48.

⁴⁴ *Haussig H. W. Theophylakts Exkurs über die Skythischen Völker.* — *Byz.*, 1953—1954, 23, S. 364—365. Г. Хауссиг, не принимая конъектуры Маркварта, продолжает читать этноним *Ὀύρωροι* как *Ὀύρωροι*, что дает ему основания отождествить последний с печенегами (*ibid.*, S. 365, Anm. 344). По мнению Хауссига, сабиры — не алтайский народ, так как уже Аммиан Марцеллин упоминает их еще задолго до алтайского переселения (S. 365, Anm. 342). 471 г. — приблизительное время, когда, согласно Хауссигу, писал свой труд Приск. Особое недоумение вызывает начертанный Хауссигом путь миграции кочевых племен, в частности авар, который проходил из Средней Азии на Северный Кавказ через южное побережье Каспийского моря (там же, карта).

⁴⁵ *Zacharias Rhetor. Versio latina*, II, p. 144.

⁴⁶ *Ibid.* Варианты этих форм см.: *Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, S. 356.

⁴⁷ *Menandros. Excerpta.* . . , p. 453. 10—13. По мнению Моравчика, это племя обитало западнее низовий Волги; см.: *Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren*, S. 61.

⁴⁸ *Theophylacti Simocattae historiae*/ Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 258—259.

⁴⁹ *Agathias.* — In: *Historici Graeci Minores*/ Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1871, v. 2, p. 243, 16—21.

⁵⁰ *Iordanis Getica*/ Rec. Th. Mommsen. — *MGH, Auctores Antiquissimi*, t. 5, pars 1, 5.37.

⁵¹ *Zacharias Rhetor. Versio Latina*, II, p. 144.

⁵² *Theophylacti Simocattae historiae*, p. 260, 10—12.

⁵³ *Ravennatis Anonymi Cosmographia.* Berolini, 1870, p. 170, 16—171, 5.

и Феофан помещают древнюю Великую Булгарию (ἡ παλαιὰ Βουλγαρία ἡ μεγάλη), страну, расположенную около Меотиды до реки Куфа (Кубань) и населенную племенем уногун-дур-булгар (Ὀυνογουνδοῦρ Βουλγάρων)⁵⁴. По сообщению императора Константина Порфирородного (X в.), появившиеся на Дунае в конце правления императора Константина Погоната (668—685), булгары (во главе с ханом Аспарухом) раньше были известны как оногундуры (Ὀνογουνδοῦροι)⁵⁵. На основании всех этих данных исследователи пришли к выводу, что хунгуры, унугуры, унагуры, уногундуры, оногундуры — модификация наименования одного и того же болгарского племени — оногур⁵⁶. Таким образом, исходя из прямых указаний источников, следует, что вытесненные сабирами в 60-х годах V в. оногуры заняли области восточного побережья Азовского моря до Кубани, где уже в VII в. Равеннскому анониму стала известна страна, носящая имя, — Onogoria. Это же самое болгарское племя, по заключению исследователей⁵⁷, упомянуто в Армянской географии VII в. в форме Woghond(u)r — B[kar (транскрипция К. П. Патканова)⁵⁸, а в новом издании этого труда этноним оформлен как o[no]xontor B[u]lkar⁵⁹. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци этот же этноним зафиксирован в форме W[ə]ndur⁶⁰, что соответствует Woghond(u)r (o[no]xontor) Армянской географии⁶¹.

Таким образом, несмотря на различия в фонетической и графической передачах, этническое имя болгарского племени оногур прослеживается в источниках на греческом, латинском, сирийском и армянском языках с V по X в. Если в данном случае допустить, что этноним Onogund(u)r (Onogur) может соответствовать и этнониму Xaylandur, то тогда вырисовывается логически цельная, взаимосвязанная картина хода исторических событий на Кавказе в первой половине V в.⁶²

По-видимому, уже в самом начале V в. в степной полосе Северного Кавказа завершился процесс становления первого крупного политического объединения гунно-булгарских племен во главе с оногурами, этническое имя которых перенеслось на весь этот племенной союз, ставший известным Елишэ под именем «хайландур». Наряду с собственно булгарскими племенами — оногур, сарагур и огур, составлявшими ядро этого военного политического союза и его главную силу, в состав последнего были инкорпорированы также и другие как крупные, так и более мелкие племена

⁵⁴ Theophanis Chronographia, p. 356, 19—20; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica/ Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 33.13—14.

⁵⁵ Constantine Porphyrogenitus. De Thematribus. Città del Vaticano, 1952, p. 85, 29—30.

⁵⁶ Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, S. 356; Idem. Die Chronologie..., S. 88—89; Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren, S. 67—69, 8; Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах. СПб., 1874, с. 92; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 169.

⁵⁷ Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. — ЖМНП, 1908 (февраль-март), XIII—XIV, с. 45 сл.; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 168, 169; Патканов К. П. Из нового списка географии..., с. 24.

⁵⁸ Патканов К. П. Из нового списка географии..., с. 28.

⁵⁹ Еремян С. Т. Армения по Ашхарацуцу (Армянская география VII в.). Ереван, 1963, с. 101. На арм. яз. Данной справкой я обязан любезности К. Н. Юзбашяна.

⁶⁰ Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, с. 109.7. На арм. яз. Форма приведена с помощью К. Н. Юзбашяна.

⁶¹ Кожанцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 92, прим. 1; Артамонов М. И. Указ. соч., с. 169; Minorsky V. Hudud al-Ālam. London, 1937, p. 46; Marquart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert. — Ungarische Jahrbücher, 1924, 4, H. 3—4.

⁶² Трудности, связанные с лингвистическим отождествлением этих двух этнонимов, не являются, однако, существенным препятствием на пути их идентификации в историческом аспекте. Совпадение исторических фактов, и прежде всего хронология в истории оногур и хайландуров Елишэ отнюдь не представляется случайным

и родо-племенные элементы. К их числу следует отнести прежде всего часть кочевых и полукочевых племен сармато-аланского происхождения, остатки которых после гуннского нашествия продолжали обитать в степях Восточного Предкавказья, а также некоторые оседлые племена местного кавказского происхождения (предки дагестанцев, чеченцев, ингушей и др.). Все эти разнородные этнические группы, удельный вес которых в этом объединении был, очевидно, значителен, представляли собой подвластное или союзное гуннам население и дополнительные военные контингенты. Обширный район северо-западной части Прикаспийских степей от низовий Волги на севере до Аланских ворот (Дарьял) на юго-западе и Чора (Дербент) на юго-востоке стал известен как «страна хайландур». Локализовать на этой территории места расселения и кочевий трех основных племен этой конфедерации можно, очевидно, следующим образом: в низовьях Волги и северо-восточной части нынешних Калмыцких степей (возможно, до реки Кумы) располагались кочевья сарагур; южнее, в степной полосе Северного Дагестана, — места обитания огур и, наконец, в бассейне рек Терека и Сулака и далее на юг — кочевья оногур.

Уже в начале первой половины V в. все более усиливающееся и крепнущее оногурское объединение начинает играть решающую роль не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. Несмотря на то, что первые набеги оногур на северные области Сасанидского государства совершались главным образом в целях грабежа и добычи, шахский двор предпринял ряд серьезных мер к тому, чтобы обезопасить свои закавказские владения от гуннских вторжений. При Иездигерде II в проходе Чор были сооружены мощные оборонительные укрепления, а в Албании размещены регулярные части конницы.

В период освободительной борьбы в Закавказье с оногурами (450—451 гг.) через посредничество албанского князя было заключено соглашение, по которому они обязались предоставить восставшим военную помощь. Однако гунны не выполнили своих союзнических обязательств и не приняли участия в решающей битве на Аварайском поле. Лишь год спустя оногуры под предводительством своего царя вторглись в Закавказье и, истребляя персидские гарнизоны, дошли до Месопотамии, грабя и опустошая византийские и сасанидские владения.

В 461—462 гг. оногуры последний раз появляются в Закавказье, участвуя в подавлении восстания албанского царя Вачэ. Эти события четко совпадают с появлением в это же время в степях Северо-западного Прикаспия сабирской орды, вытеснением сарагур, испытывших на себе первый натиск сабир и потому в поисках новых мест обитания напавших на акацир, а также началом распада оногурской группировки. К 463 г. племена огур и оногур вслед за сарагурами ввиду грозной опасности со стороны нового сильного врага оставили места своего прежнего обитания в западной части Прикаспийских степей и откочевали к восточному берегу Азовского моря, откуда впервые и вступили через Лазику (Колхида) в контакт с Византийской империей. Впоследствии в этом районе сложилось новое объединение протобулгарских племен также во главе с оногурами, этническое имя которых стало названием их новой родины — Оногории.

Как было указано выше, младший современник Елишэ — Лазар Парпеци, рассказывая о событиях 450—451 гг., не упоминает термина «хайландуры». В соответствующих эпизодах, где Елишэ называет хайландур, Лазар Парпеци употребляет собирательный термин «гунны». Елишэ называет царя хайландур hEраном, в то время как Лазар Парпеци говорит просто: «царь гуннов»⁶³. Однако Елишэ называет восточных

⁶³ Lazare de Pharbe, p. 302.

врагов Иездигерда II кушанами, что для середины V в. уже архаизм. Лазар Парпеци знает восточных врагов Пероза как эфталитов, что соответствует действительности. Эти обстоятельства дают основания полагать, что Лазар Парпеци, как современник Пероза, был лучше осведомлен о событиях на востоке Сасанидского государства, в то время как Елишэ, современник Иездигерда II, был лучше знаком с событиями в Закавказье. К тому же Елишэ написал свой труд не позже 464 г., т. е. еще под впечатлением недавно пережитых событий. «История Армении» Лазара Парпеци была закончена не раньше 485 г., т. е. события 450—451 гг., отраженные во второй книге его истории, описывались спустя более 30 лет. Исходя из этого можно заключить, что писавшему в 80-х годах V в. Лазару Парпеци уже было неизвестно этническое имя гуннов, участвовавших в событиях 450—451 гг., равно как и название их страны и имя царя. Это прежде всего было связано с процессом изменения политической ситуации на Северном Кавказе в 60-х годах V в., когда здесь начался распад первого крупного гуннского племенного объединения, а становление нового еще более мощного, не было завершено.

В. П. СТЕПАНЕНКО

К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ВЕСТА «МАТИАНЕ КАРТЛИСА»

При описании аннексии Анийского царства Византией анонимный автор Матиане Картлиса упоминает о переходе на сторону царя Грузии Баграта IV некоего веста, передавшего Багратиду девять анийских крепостей¹. Личность веста осталась неизвестной и первому переводчику источника М. Ф. Броссе, и последнему — М. Д. Лордкипанидзе, и издателю и переводчику армянской версии летописи И. В. Абуладзе². В известном ономастическом словаре Р. Ачаряна содержится указание на данный отрывок Матиане Картлиса в переводе Л. Меликсет-Бека³. Р. Ачарян допускает возможность тождества веста с Саркисом Хайказном — одним из ведущих политических деятелей Анийского царства в период правления шаханшаха Йовханнэса Смбага ок. 1017—1021 гг., ставшим регентом после смерти последнего⁴. Данная идентификация была поддержана и К. Н. Юзбашьяном⁵. Мы полагаем, что она может быть определенно доказана. Следует учесть, однако, что это противоречит традиционной трактовке внутриполитической борьбы в Анийском царстве накануне его аннексии Византией, согласно которой все ведущие политические деятели царства рассматриваются как лидеры двух противоборствующих группировок. Саргису Хайказну отводится роль лидера провизантийской группировки при анийском дворе и последовательного проводника экспансионистских планов империи в Закавказье. Данная трактовка стала хрестоматийной как в общих трудах по истории Армении, так и в работах, посвященных частным вопросам истории данного периода⁶. В этой связи появление Хайказна в Грузии и передача им крепостей Баграту IV накануне аннексии Анийского царства Византией, казалось бы, представляются более чем сомнительными.

Вопрос о группировках внутри правящей верхушки Анийского царства был четко поставлен и разрешен в основном в духе борьбы двух партий

¹ Матиане Картлиса /Пер., введ. и прим. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976 (далее — Матиане Картлиса), с. 49.

² Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu' 1469/ Trad. par M. Brosset. SPb., 1849, p. 319; Матиане Картлиса, с. 84, прим. 212; Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник. Картлис Цховреба /Груз. оригинал и древнеарм. пер. издал И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1953, с. 226.

³ Меликсет-Бек Л. Грузинские источники об Армении и армянах. Ереван, 1934, I, с. 205. На арм. яз.

⁴ Научные труды Ереванского гос. ун-та, 1948, т. 26, с. 409, № 49. На арм. яз. Приношу искреннюю благодарность К. Н. Юзбашьяну за указание этого и предыдущего трудов и перевод их соответствующих глав.

⁵ Когда наша статья была завершена, благодаря любезности К. Н. Юзбашьяна мы получили возможность ознакомиться с его работой «Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г.» (ВВ, 1979, 40, с. 76—91) до выхода ее из печати. По мере возможности ряд выводов автора учтен нами далее.

⁶ Из числа последних см.: Арутюнова-Фиданян В. А. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на восток в X—XI вв. — ИФЖ, 1978, № 2, с. 195.

К. Н. Юзбашьяном⁷. Позже он более осторожно подошел к данной проблеме⁸. Затрагивал ее и Р. М. Бартикян⁹.

Мы полагаем, что деление анийской аристократии на две противоборствующие группировки на основании приписываемой им внешнеполитической ориентации не может быть установлено на основании существующих источников. Последние прослеживают судьбы лишь отдельных, на более влиятельных деятелей данного периода, но не судьбы группировок. Этих деятелей практически невозможно делить на последовательных византинофилов и патриотов, ибо каждому из них в той или иной степени были присущи обе эти тенденции, превалировавшие на различных этапах их деятельности. Анализ источников, освещающих данную проблему и используемых всеми ее исследователями, показывает, что термины «про-византийская» и «патриотическая» применительно к группировкам, существование которых проблематично, неадекватно отражают действительность, создавая впечатление о существовании определенных политических партий с четко выработанными программами защиты или предательства национальных интересов. В этой связи целесообразно еще раз обратиться к источникам и проследить роль Саргиса Хайказна во внутриполитической борьбе в Ани накануне византийского завоевания, учитывая при этом постепенное изменение политической ситуации в стране в то период. Внешнеполитическая же ориентация ведущих политических деятелей царства — Хайказна, католикоса Петроса, Григора и Вахрам Пахлавуни, на наш взгляд, была теснейшим образом связана и в основном определялась перипетиями борьбы за анийское престолонаследие, и позиций относительно соглашения 1017/18 г. В этой связи выявление этапов внутриполитической борьбы в Анийском царстве в 10—40-х годах XI в. дает возможность внести существенные коррективы в традиционную суммарную оценку деятельности Саргиса и объяснить тот, казалось бы парадоксальный факт, что накануне сдачи Ани Византии Хайказн перешел на сторону Грузии и сдал ей анийские крепости.

Как известно, после смерти шаханшаха Гагика I (ок. 1017 г.) вследствие междоусобной борьбы его сыновей — шаханшаха Иовханнэса Смбата и выступившего против него Ашота под давлением сторонников первого, не допустивших перехода престола к его младшему брату, Анийское царство было разделено на два удела¹⁰. По соглашению 1017/18 г. Ашот был признан наследником удела Иовханнэса Смбата и власти шаханшаха. Но вскоре ему пришлось восстанавливать власть в собственном уделе с помощью византийских войск¹¹. Возможно, появление последнего в Закавказье явилось поводом для заключения союза шаханшаха Ани с царем Грузии, антивизантийская направленность политики которого несомненна. Поражение Грузии в войне 1021—1022 гг. с Византией предопределило капитуляцию и Иовханнэса Смбата, вынужденного завещать анийский удел империи. Зимой 1021/22 г. к императору Василию II в Трапезунд прибыло анийское посольство во главе с католикосом Петросом и передало императору завещание шаханшаха, признанного пожизненным правителем Ани и получившего сан магистра¹². Трапезундское соглашение фактически аннулировало договор 1017/18 г. и вело к даль-

нейшему обострению внутривизантийской борьбы в стране, на ход которой все большее влияние начинает оказывать Византия. Соглашение повлекло за собой дальнейшую поляризацию сил, выразившуюся в разрыве между братьями и группировавшимися при их дворах феодальными кругами. И если Ашот ориентировался на союз с соседними эмиратами¹³, то Иовханнэс Смбат и его окружение объективно оказались в одном лагере с Византией. По-видимому, империя стремилась привлечь на свою сторону наиболее влиятельных лиц из окружения Иовханнэса Смбата, показателем чего служит пожалование им византийского сана. Так, до 1026 г. стал анфипатом спарпет анийской армии Вахрам Пахлавуни, традиционно рассматриваемый как лидер патриотической группировки¹⁴, до 1041/2 г. стал магистром его племянник Григор Пахлавуни¹⁵, до 1032/3 г. анфипат патрикием, вестом и дукой Востока — Саргис Хайказн (он был женат на дочери Григора Магистра Пахлавуни¹⁶).

К сожалению, начальный период деятельности последнего, обладавшего наиболее внушительным перечнем византийских титулов, может быть реконструирован лишь гипотетически. Принадлежавший к высшим кругам анийской аристократии, по-видимому, один из богатейших феодалов своего времени, Хайказн сравнительно рано начинает играть выдающуюся роль в делах царства, входя в ближайшее окружение Иовханнэса Смбата. В надписи построенной им церкви св. Саргиса в Хцонке Хайказн называет себя «любимым рабом» трех ромейских императоров, «которыми он был удостоен сана анфипат патрикия, веста и дуки Востока»¹⁷. Получение Саргисом первого византийского сана можно связать лишь с событиями 1021 г. Ряд исследователей полагает, что он принял непосредственное участие в анийском посольстве в Трапезунд¹⁸. Это возможно, но недоказуемо.

Следует учесть, что до 1021 г. Византия поддерживала Ашота, брата и противника шаханшаха, подданным которого являлся Хайказн. Очевидно, свой первый византийский сан Саргис получил около 1021 г., когда стал магистром его сюзерен, или чуть позже, когда анийский удел вовлекается в орбиту византийского влияния, но не позднее 1025 г., когда умирает первый из упомянутых в хцонкской надписи императоров — Василий II. Остальных санов Хайказн был удостоен ко времени построения церкви, датированной 1032/33 г. Показательна в этой связи и Тэкорская надпись 1035/6 г., датированная царствованием Иовханнэса Смбата, патриаршеством католикоса Петроса и правлением или господством Саргиса, веста Востока¹⁹. Как Саргиса Великого упоминает его в то же время в ближайшем окружении шаханшаха и Маттэос Урхайеци²⁰. Поэтому весьма вероятно, что к 30-м годам XI в. Хайказн занимает исключительное положение при дворе Иовханнэса Смбата и, возможно, становится одним из лидеров той части феодалов Анийского царства, которая со времени конфликта 1017/18 г. связала свою судьбу с шаханшахом, фактически правила уделом и после Трапезундского соглашения оказалась в одном лагере с Византией. К сожалению, мы можем судить о внешнеполитической ориентации лишь самого Саргиса и обоих Пахлавуни. Насколько она отражала настроения более широких кругов анийских феодалов? На этот счет можно строить лишь предположения. Но можно ли рассматривать данных дея-

⁷ Юзбашьян К. Н. Аристократ Ластивертци и его исторический труд. — В кн.: «Повествование» вардапета Аристократа Ластивертци /Пер. с древнеарм., вступ. статья и комм. К. Н. Юзбашьяна. М., 1968 (далее — Аристократ Ластивертци), с. 23—24, 26.

⁸ Юзбашьян К. Н. «Повествование» Аристократа Ластивертци и закат «эпохи Багратидов». Автореф. дис. на звание докт. ист. наук. Л., 1975, с. 18—19.

⁹ Бартикян Р. М. К вопросу о политической ориентации Григория Магистра. Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван, 1971, с. 63—72.

¹⁰ Маттэос Урхайеци. Хронография. Вагаршапат, 1898 (далее — Маттэос Урхайеци), с. 84—86.

¹¹ Аристократ Ластивертци, с. 60.

¹² Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope/Ab I. Bekkero suppletus et emendatus, P. Bonnæ, 1839 (далее — Cedr.), p. 557.

¹³ Он выдал дочь за владетеля Двина Шаддадида Абу-л-Асвара; см. Аристократ Ластивертци, с. 85.

¹⁴ См.: Орбели И. А. Избранные труды. Ереван, 1963, с. 441.

¹⁵ См. Эмин Н. Армянские надписи в Карсе, Ани и окрестностях последнего. М., 1883, с. 82, № 184.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 83, № 186.

¹⁸ См., например: Кирикян Гандзакечи. История Армении/Пер. с древнеарм. Л. А. Ханларян. М., 1976, с. 269, прим. 236.

¹⁹ Эмин Н. Указ. соч., с. 82, № 185.

²⁰ Маттэос Урхайеци, с. 67.

телей как убежденных византинофилов? (Отметим, что к их числу принадлежат и Вахрам Пахлавун — спартапет анийской армии и анфипат.

Если анийская аристократия признавала Трапезундское соглашение, то это было связано не столько с ее провизантийскими симпатиями, сколько с причинами внутривосточного характера — существованием договора 1017/18 г., предопределявшего переход удела шаханшаха к его младшему брату, противницей которого она являлась. В этих условиях единственной гарантией сохранения власти сторонников Иовханнэса Смбата в анийском уделе являлось упрочение его на престоле в противовес притязаниям Ашота. Но в то же время и Византия, выступавшая как наследница шаханшаха по соглашению 1021 г., являлась соперницей Ашота и, естественно, поддерживала оппозиционную ему группировку анийской аристократии. И анийская аристократия, и Византия были равно заинтересованы в спокойном царствовании Иовханнэса Смбата, что, при сохранении постоянной угрозы их интересам со стороны Ашота и явилось основой их сближения. Именно существованием договора 1017/18 г. можно объяснить то, что Византия пошла по пути вовлечения анийского удела в сферу своего влияния посредством укрепления прямых контактов с правящей верхушкой Ани, включая и самого шаханшаха. Особенность этой политики отметили уже современники. Маттэос Урхайеци, в основе соответствующих разделов «Хронографии» которого лежит современная описываемым событиям хроника Акоба Санаинца, пишет, что «Иовханнэс при жизни дал ромеям грамоту о том, что после смерти его Ани будет принадлежать ромеям и что взамен этого обязательства он получал от ромеев дары и почести в течение пятнадцати лет»²¹. Кульминацией усилий Византии по вовлечению анийского удела в орбиту своего влияния явился второй брак Иовханнэса Смбата, получившего в жены племянницу Романа III Аргира²².

Известное совпадение интересов империи и анийской аристократии, включая и самого шаханшаха, продемонстрировали события 1032—1039 гг. Вследствие разрыва с шаханшахом католикос Петрос оставил патриарший престол в Ани и тайно выехал в Васпуракан, тогда уже византийскую фему, где пробыл четыре года и, «невзирая на просьбы, не желал возвратиться. Но, взятый васпураканским дукой силою, он был доставлен к Иоанну и заключен в Бджни»²³. Причины конфликта неизвестны. Но доказательны два факта — выдача католикоса шаханшаху византийским наместником Васпуракана и заключение его в Бджни-резиденции Григора Пахлавун. Таким образом, и в данном случае имперская администрация действовала в интересах шаханшаха, опиравшегося в конфликт с католикосом на силы, уже поддерживавшие его ранее в борьбе с младшим братом и вновь объективно оказавшиеся в одном лагере с Византией. Отсюда вовсе не следует, что анийская аристократия выступала за передачу удела шаханшаха империи. В последней она видела временную союзницу, равно заинтересованную не допустить перехода удела Ашоту при жизни его старшего брата. Византия рассматривалась как противовес Ашоту, ибо притязаниям его по договору 1017/18 г. анийская аристократия противопоставила претензии Византии по соглашению 1021 г. Такой была позиция правящей верхушки анийского удела и, естественно, одного из ее лидеров — Саргиса Хайказна.

В этой связи для оценки последующей деятельности Саргиса показателен тот факт, что все византийские саны он получил до 1033 г., в период сближения шаханшаха с константинопольским двором, тогда как после этой даты ни одного имперского пожалования ему не известно и, судя

по Тэкорской надписи 1041/42 г., в это время Хайказн все еще оставался вестом. Что касается предположения К. Н. Юзбашяна, согласно которому в 1033—1036 гг. Саргис был византийским стратигом Иверии²⁴, ибо в Хцонской надписи он назван дукой Востока, а «Восток» в ряде армянских и грузинских источников — фема Иверия, то, на наш взгляд, нет оснований связывать сан дуки Востока с административным постом стратига Иверии. Известно, что в 1000 г. этого сана, а точнее — почетного титула, был удостоен признавший сюзеренитет Византии владетель Диарбакра Мерванид Муммахид аддаула Саид, явно не отправлявший функций стратига Иверии и бывший суверенным правителем²⁵.

Таким образом, если следовать традиционному толкованию событий 10—40-х годов XI в., то в качестве провизантийской группировки при анийском дворе следует рассматривать всю анийскую аристократию во главе с деятелями, входившими в ближайшее окружение шаханшаха и обладавшими византийскими санами, как Саргис Хайказн, объявленный византинофилом, и Вахрам Пахлавун, признанный лидером патриотов. По нашему мнению, в данный период оснований для подобного деления анийской аристократии на две противоборствующие группировки нет.

Внутривосточная борьба вспыхивает в Анийском царстве с новой силой, когда один за другим умирает Ашот и Иовханнэс Смбат. Смерть последнего явилась сигналом к вступлению не только Византии, но и бывших вассалов шаханшаха, также претендовавших на анийское наследие²⁶.

Ориентация сторонников Иовханнэса Смбата в данный период неизвестна. Можно лишь предположить, что при жизни шаханшаха, когда вероятность аннексии его удела Византией казалось менее реальной, чем угроза со стороны Ашота, те круги, на которые опирался Иовханнэс Смбат и которые связывали свои интересы с его царствованием, выступали единым фронтом. Как бы то ни было, после смерти шаханшаха реальная власть в уделе осталась в руках его соратников — регентом был назначен Саргис Хайказн. Но именно тогда встал вопрос о судьбах удела. Перед анийской аристократией стояла дилемма: или содействовать выполнению условий Трапезундского соглашения и передать удел Византии, или бороться за сохранение независимости его и, быть может, за воссоединение обоих уделов.

Первый путь был чреват утратой анийской аристократией ее привилегированного положения фактической вершительницы судеб удела. Второй же, предполагавший воссоединение уделов или унию анийского удела с одним из соседних государств, был предпочтительнее, ибо в этом случае позиции анийской аристократии не только сохранялись, но и укреплялись в рамках возрожденного Анийского царства или любого другого государства, владетель которого был бы приглашен на анийский престол. Личная уния, как показали дальнейшие события, была возможна с Ташир-Дзораетом, Двинским эмиратом Шаддадидов, Грузией и уделом Ашота, который унаследовал его сын Гагик. Предпочтительнее были права последнего — единственного представителя старшей, анийской ветви династии армянских Багратидов. К тому же он был юн и в случае возведения его на престол шаханшаха всем был бы обязан своему новому окружению, сохранявшему, таким образом, свое влияние в уделе и восстанавливавшему его в пределах возрождаемого государства. Наконец, оставалось соглашение 1017/18 г., закреплявшее престолонаследие за Ашотом и его потомками. По-видимому, именно признание или непризнание прав Гагика на престол шаханшаха и предопределяло отношение сторонников Иов-

²¹ Маттэос Урхайеци, с. 84.

²² *Cedr.*, II, р. 498.

²³ Всеобщая история Вардана Великого /Пер. с древнеарм. и объяснена Н. Эмином. М., 1864, с. 122—123; Маттэос Урхайеци, с. 75—76.

²⁴ Yuzbashian K. N. L'administration byzantine en Arménie aux X—XI siècles. — REArm., NS, 1973—1974, X, р. 158.

²⁵ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, с. 41—42.

²⁶ Маттэос Урхайеци, с. 84—85.

ханнэса Смбата — придворной аристократии, армии и церкви — к притязаниям Византии и соседних владетелей. Против имперских притязаний выступила армия, отразившая два похода византийских войск против Ани (1041 г.). Аристократия же раскололась. Если Пахлавуни, возможно опираясь на армию, спарпетом которой был Вахрам, признали Гагика и призвали его, то регент анийского удела Саргис Хайказн не признал преемника Ашота на престол и начал борьбу с ним.

Маттэос Урхайеци пишет: «После смерти Иовханнэса один из ишханов Армении по имени азат Саргис Хайказн дал знак ромеям и отдал им стражу Армянскую, а сокровищницу древних царей армянских захватил и увел к абхазам, вступил в крепости и многие города взял под свою власть и во всем намерился править над Арменией. Но не признал его род Багратуни, и он был Хайказн»²⁷. Аристократ Ластивертци сообщает: «Когда весть о смерти царя достигла ушей ромейского самодержца, он счел, что грамота Византии утверждает его права на наследственную собственность, и приступил к захвату города Ани и страны. Но в это время некий Саргис, числясь главным азатом Армении торжественно назначил себя царем в Ширакской страной и окружающими гаварами, ведь он сумел прибегнуть к рукам все сокровища из дворца Иовханнэса, ибо после его смерти был назначен регентом»²⁸.

К сожалению, хронология событий 1041—1045 гг. известна недостаточно²⁹. По-видимому, Саргис стал регентом осенью 1041 г., вскоре после этого он «назначил себя царем», что знаменовало собой окончательный раскол анийской знати, ибо против притязаний бывшего соратника и родственника выступили Пахлавуни. Возможно, именно с этим было связано нежелание Вахрама довести до конца разгром византийских войск в это время их второй экспедиции против Ани (зима 1041 г.)³⁰, ибо это укрепляло позиции регента как главы удела. По-видимому, сам Хайказн претендовал на власть лишь в анийском уделе и поэтому значительная часть анийской аристократии предпочла ему Гагика, коронация которого велась к возрождению Анийского царства во главе с нею. Как бы то ни было, Пахлавуни признали Гагика и «благодаря мудрой уловке доставили в Ани род», т. е. в Ани, который контролировал Хайказн³¹.

На этом этапе внутриполитическая борьба завершается компромиссом — на анийский престол во исполнение условий соглашения 1017/18 г. возводится наследник Ашота при сохранении и даже укреплении позиций сторонников Иовханнэса Смбата, точнее — той части их, которая признавала Гагика шаханшахом. Коронация последнего имела последствия не столько во внешнеполитическом аспекте — как противовес притязаниям Византии и представителей младших ветвей династии Багратидов, сколько означала, что внутри страны Саргису Хайказну, поддержанному частью феодалов, противопоставлен легитимный наследник Иовханнэса Смбата, возведенный на престол родом Пахлавуни при поддержке церкви. Тем самым государство было поставлено на грань гражданской войны, столкновение регента и шаханшаха было неминуемо, и военные действия начались тотчас же после того, как Пахлавуни доставили Гагика II в Ани. «Саргис собрал царские сокровища и пробрался в цитадель неприступного Ани»³². Гагик же подступил к нему и уговорил его с молчаливым согласием. Тогда Саргис покинул цитадель и отправился в бердакалак Сурмари

ю крепость Ани, равно как и другие замки, на которые простиралась его власть, Гагика не выдал. Прибыв в Сурмари, он коварно замыслил передать все, чем владел, под владычество ромеев и самому перейти к ним. Гагик же с немногими людьми вошел в лагерь, приблизился к шатру Саргиса, приказал взять его под стражу и вступил в свой царственный город. Мятежника следовало умертвить, но Гагик мыслил подобно Саулу и пощадил второго Агага, посадил его рядом с собой в колесницу»³³. Маттэос Урхайеци также пишет, что Саргис попал в руки Гагика II и под пытками был вынужден выдать ему «крепости, гавары, города, наследие его предков»³⁴.

Казалось бы, регент потерпел полное поражение в борьбе с шаханшахом. Но если безоговорочно принять версию Урхайеци о полной капитуляции Саргиса, сохранившего жизнь лишь ценой сдачи Гагика II всех контролируемых им крепостей, то совершенно непонятна та колоссальная роль, которую, по данным того же автора, продолжает играть Хайказн в последующих событиях, выступая в качестве главы оппозиции шаханшаху. На наш взгляд, это могло быть связано лишь с тем, что борьба регента и шаханшаха завершилась не столь уж безусловной победой последнего. Потерпев поражение в борьбе за власть, Хайказн тем не менее сохранил свои позиции, сторонников, контроль над частью территории удела и, как следствие, свое влияние на дальнейшее развитие событий, что подтверждают и Урхайеци, и Ластивертци. Гагик II стал шаханшахом до 10 марта 1042 г., т. е. его борьба с регентом началась весной того же года³⁵.

Источники сообщают, что, терпя поражение и не желая передавать анийские крепости шаханшаху, Хайказн намеревался сдать их Византии и перейти на имперскую службу. Данная попытка, если она имела место (армянские авторы пишут лишь о намерении Хайказна), была следствием именно поражения регента в борьбе за власть. Его внутрисполитические позиции оказались достаточно слабыми, хотя, по-видимому, все же существовали достаточно веские причины, помешавшие шаханшаху расправиться с побежденным Хайказном. На контакты Саргиса с Грузией указывает сообщение Урхайеци об отправке «к абхазам» сокровищ армянских Багратидов. Возможно, это было связано с надеждами на помощь царя Грузии, но последний в это время боролся с очередным мятежом Липарита Орбелиани и не мог вмешаться в анийские дела³⁶. Обращение Хайказна к Византии, сохранявшей претензии на анийский удел по соглашению 1021 г., в этой обстановке представляется вероятным, ибо, как показали последующие судьбы бывших соратников Саргиса — Григора и Вахрама Пахлавуни, своевременный переход на сторону Византии обеспечивал блестящую карьеру на имперской службе. Но и Византия, пережившая очередной государственный переворот, в данный период была не в состоянии вмешаться в междоусобную борьбу в Ани³⁷, что дало Гагика II двухлетнюю передышку, использованную им для установления своей власти над всей территорией царства³⁸.

Резюмируя события зимы 1041 — весны 1042 г., можно констатировать, что борьба регента и шаханшаха с обеих сторон имела характер борьбы за власть и со стороны первого ни в коей мере не была связана с интересами Византии. Саргис боролся за свои интересы, отстаивал свою власть в анийском уделе.

²⁷ Маттэос Урхайеци, с. 84.

²⁸ Аристократ Ластивертци, с. 81.

²⁹ В целом мы следуем хронологическим выкладкам Шепарда; см.: Shepard J. Skylitzes on Armenia in 1040 and role of Catechumenos. — REArm., NS, 1971, p. 269—311.

³⁰ Маттэос Урхайеци, с. 81.

³¹ Аристократ Ластивертци, с. 81; Маттэос Урхайеци, с. 86—87.

³² Речь идет о Нерки Берде — южной оконечности Ани; см.: Юзбашян К. Н. Анийская рукопись 1298 г. — Вестн. Ереванского гос. ун-та, 1971, № 2.

³³ Аристократ Ластивертци, с. 81.

³⁴ Маттэос Урхайеци, с. 87.

³⁵ См.: Эмин Н. Указ. соч., с. 73, № 163.

³⁶ Матиане Картелис, с. 49; о дате мятежа см. там же, с. 84, прим. 240.

³⁷ См.: Урхайеци, с. 93; Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82.

³⁸ Урхайеци (с. 93) пишет об отражении набега неких хорасанцев недалеко от Бджни шаханшахом с помощью Григора Пахлавуни.

Последующие события, связанные с аннексией Анийского царства Византией, известны нам и в изложении Урхайеци, Ластивертци и Скилицы. Они детально изложены и проанализированы К. Н. Юзбашяном³⁹, что избавляет нас от необходимости останавливаться на них подробно. Нашему рассмотрению подлежит лишь роль Саргиса Хайказна в этих событиях, ибо она явилась основанием для объявления его главой провизантийской группировки, сыгравшей решающую роль в сдаче Анийского царства Византии⁴⁰. Урхайеци сообщает, что поводом для возобновления византийских притязаний на анийский удел явилось то, что Хайказ подсказал императору Константину IX Мономаху: «Вызови к себе в Константинополь Гагика, якобы желая выказать ему свою любовь, и тогда ты сможешь отнять у него хитростью город Ани»⁴¹. Шаханшах отказался от поездки, «ибо знал двуличие ромеев. Но изменник Саргис и другие азаты, которые были в согласии с ним, предстали пред Гагиком и побудили его предпринять эту поездку», дав в качестве гарантии грамоту, скрепленную подписью католикоса⁴². Аристокс Ластивертци также пишет, что «Гагик не последовал советам Вахрама и других азатов, которые его воцарили, но прислушался к уговорам коварного Саргиса, покинул город и отправился в Грецию, причем, по которому не было возврата»⁴³. Для армянских авторов «Ани был захвачен не по закону войны, но лукавой речью»⁴⁴, и решающую роль в этом сыграло предательство противников шаханшаха во главе с Хайказом, который сознательно действовал в пользу Византии. Для Урхайеци трагедия Ани завершается тем, что во время пребывания Гагика II в Константинополе изменники, давшие ему клятву верности, прислали Мономаху сорок ключей от Ани, что и предопределило капитуляцию шаханшаха, высланного в пожалованные ему владения в Малой Азии⁴⁵. Однако реальная действительность была намного сложнее. К. Н. Юзбашян отмечает, что, «увлеченные нравственным аспектом, армянские авторы драматизируют события и излагают факты применительно к своей этической концепции»⁴⁶. Действительно, Урхайеци сознательно преуменьшает значение частично известного ему комплекса предпринятых Византией военных и дипломатических действий, сыгравших решающую роль в капитуляции шаханшаха, в частности походов имперских войск в 1044 г. с целью захвата анийского удела. Что же касается роли группировки Хайказна, то Ластивертци ничего не знает о послании Саргиса императору и о выдаче ему ключей от Ани. Более того, Аристокс пишет, что, когда Гагик II находился в Константинополе, сюда прибыл Григор Пахлавун, «Видя, что Гагика не отпускают в собственную страну, он предстал перед императором и вручил ему ключи от Бджни, передав ему всю свою наследственную вотчину» в обмен на византийский сан, административный пост и земельные пожалования в Месопотамии⁴⁷.

Возможно, поступок Григора может быть объяснен тем тяжелейшим внешнеполитическим положением, в котором оказалось Анийское царство в данный период⁴⁸. Но показательно, что перед отъездом в Византию

Гагик II назначил регентом католикоса Петроса, а не кого-либо из Пахлавуни, которым он был обязан престолом. Поездка шаханшаха во многом объясняется причинами внешнеполитического характера — походами византийских войск против Ани и набегами на территорию царства отрядов Шаддадида Абу л-Асвара, вступившего в союз с империей. Значительную роль сыграла и слабость внутриполитических позиций шаханшаха, в частности оппозиция ему со стороны группировки Хайказна, объективно способствовавшей успеху империи. В совокупности все это содействовало слабости позиций Гагика II на переговорах в Константинополе. Отход же от него Пахлавуни знаменовал окончательный крах внутриполитических позиций шаханшаха и предопределил его капитуляцию перед империей.

Казалось бы, провизантийская группировка при анийском дворе достигла цели — шаханшах был вынужден выполнить условия Трапезундского соглашения — и должна была приобрести доминирующую роль в государстве накануне передачи его империи. Естественно, должен был выйти на политическую арену и лидер данной группировки Саргис Хайказн. Но этого не произошло. Ни один из современных описываемым событиям источников не сообщает никаких данных о деятельности византинофилов в целом и Хайказна в частности летом-осенью 1045 г. Закономерен вопрос: существовала ли данная группировка в действительности, и если существовала, то обладала ли она тем влиянием на судьбы царства, которое приписывает ей позднейшая историография? На основании существующих источников на этот вопрос может быть дан лишь отрицательный ответ. События, последовавшие за отречением шаханшаха, также свидетельствуют против теории о доминирующей роли провизантийской группировки, сыгравшей якобы решающую роль в передаче Ани империи.

Известие об отречении Гагика II привело к новой вспышке борьбы за дальнейшие судьбы царства. Согласно Ластивертци, городская знать решила сдать Ани либо Давиду Анхолину, царю Ташир-Дзоргета, либо Абу-л-Асвару, либо царю Грузии Баграту IV⁴⁹. Показательно, что среди претендентов не упоминается Византия, в пользу которой не выступила ни одна группировка. Имя Саргиса Хайказна в этой связи не упоминается. Оно окончательно исчезает со страниц армянских источников еще до описания ими отречения шаханшаха, тогда как судьбы остальных политических деятелей этого периода, даже оказавшихся за пределами Анийского царства или признавших власть империи, прослежены ими до конца. Умолчание источников о судьбе Саргиса можно объяснить лишь тем, что он действительно исчезает с политической арены к лету 1045 г. Но ни один источник не сообщает о переходе его на сторону Византии, что было бы естественно предполагать в свете приписываемой ему внешнеполитической ориентации. Нет ни одного свидетельства и о том, что Хайказн участвовал в передаче Ани империи прямо или косвенно, ибо последнее упоминание о нем относится к событиям, предшествовавшим данному акту. Молчание армянских и византийских источников может свидетельствовать лишь об одном — Саргис не участвовал в решающих событиях лета 1045 г., приведших к передаче Анийского царства Византии католикосом Петросом или горожанами Ани.

В этой связи единственным остается свидетельство «Матиане Картлиса»: «Судьба доставила царю Баграту благоприятный час. Перешел под его власть вест с подчиненными ему девятью анийскими крепостями, за исключением Амберда. Передали анийцы Ани матери Баграта, так как сородичами приходились ему армяне — мать Баграта, царица Мариам, была дочерью армянского царя Сенекерима»⁵⁰. Вест в Анийском царстве в то время известен один — Саргис Хайказн. Именно он мог контролиро-

³⁹ Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82—84.

⁴⁰ Даже К. Н. Юзбашян считает Хайказна главой «провизантийски настроенной знати»; см.: Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 84.

⁴¹ Маттэос Урхайеци, с. 93.

⁴² Там же, с. 93—94.

⁴³ Аристокс Ластивертци, с. 84.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Маттэос Урхайеци, с. 96.

⁴⁶ Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 83.

⁴⁷ Аристокс Ластивертци, с. 84.

⁴⁸ См.: Седг., II, р. 558—559; Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82—85. Возможно, Григор попал в опалу после битвы при р. Раздан ок. Бджни; см.: Юзбашян К. Н. Экскурсия в армянской надписи 1051 г. — ПС, 1971, 23, с. 106, прим. 6. Взгляды обоих Пахлавуни в данный период рассмотрены Р. М. Бартияном (см. выше, прим. 9) и К. Н. Юзбашяном (Скилица о захвате Анийского царства, с. 85).

⁴⁹ Аристокс Ластивертци, с. 85.

⁵⁰ Матиане Картлиса, с. 49.

вать часть территории анийского удела и реально передать царю Грузии его крепости. В пользу этого свидетельствует и упоминание Амберда. Он входил в состав анийского удела и принадлежал Вахраму Пахлавуну в данный период — противнику Хайказна, и именно поэтому не мог быть передан Грузии⁵¹. Наконец, в пользу тождества Саргиса с вестом «Матиане Картлиса» свидетельствуют и его предшествующие контакты с Грузией — «к абхазам» были увезены сокровища армянских Багратидов. Таким образом, приведенный отрывок из «Матиане Картлиса», на наш взгляд, объясняет исчезновение имени Саргиса со страниц армянских хроник: Хайказн перешел на сторону Баграта IV накануне передачи ему по меньшей мере юридической власти над Ани и не участвовал в последующей борьбе за судьбы царства.

В целом можно констатировать, что поведение Хайказна в 1042–1044 гг. не дает оснований рассматривать его как убежденного византинофила и проводника экспансионистских планов империи в Закавказье. Междоусобная борьба в Анийском царстве в исследуемый период может быть осмыслена лишь в общем контексте процесса феодальной раздробленности государства армянских Багратидов, заключительным этапом которого явились события 10–40-х годов XI в. Борьба эта в значительной степени способствовала реализации экспансионистских планов Византии в Армении. Объективно группировка Хайказна выступала как союзница империи, Грузии или любого другого государства, способного исполнять внутренние устоицы в своих интересах. Но Саргис боролся с Григором II отнюдь не в интересах Византии, а преследовал свои цели, совпадающие с имперскими и даже противоречащие им. Хайказн боролся за власть в анийском уделе, будучи его регентом. Неудача вынудила его искать поддержку извне. Как следствие — процесс феодальной раздробленности и сопровождавшие его устоицы «сразу же сказались, как только на Ближнем Востоке изменилась внешнеполитическая ситуация. Раздробленная на отдельные феодальные владения, страна... не могла противостоять Византии»⁵².

Из всего изложенного, на наш взгляд, следует, что аргументов в пользу традиционного толкования внутривизантийской борьбы в Анийском царстве в 10–40-х годах XI в. как борьбы патриотической и провизантийской группировок, возглавляемых соответственно Вахрамом Пахлавуну и Саргисом Хайказном, нет⁵³. На основании имеющихся сведений можно охарактеризовать внутривизантийскую ориентацию лишь отдельных, ведущих политических деятелей данного периода, деление которых на византинофилов и патриотов невозможно. В целом можно констатировать, что внутривизантийская борьба в Анийском царстве в исследуемый период была много сложнее общепринятых ныне представлений о ней и «византинофил» Саргис Хайказн мог закончить свои дни на грузинской службе, так же как закончили ее на византийской представители рода Пахлавуну.

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ДИМИТРИЙ КИДОНИС И ИОАНН КАНТАКУЗИН (к вопросу о политической концепции середины XIV в.)

Вопрос о взаимоотношениях между отдельными людьми как проблема исторического исследования уже поднимался в научной литературе¹. Отдельные коллизии развития личных отношений позволяют подчас живее ощутить характер эпохи, ее страсти и заботы. Нити людских связей, переплетаясь, воссоздают отдельные фрагменты картины общественной жизни Византийской империи.

Письма и речи середины XIV в., несмотря на опутывающую их пелену традиционности, усиленную изощренность слога, таят разбросанные в них по крупницам те идеи, которые, будучи собранными воедино, должны составить наше представление о политических воззрениях, имевших место в близких к императорскому двору кругах. Взаимоотношения Димитрия Кидониса и Иоанна Кантакузина дают материал для изучения политических настроений в византийском обществе середины XIV в.

История отношений героев очерка выявляется преимущественно через восприятие их одной стороной: перу Димитрия Кидониса принадлежат 12 писем² и две речи³, адресованные Иоанну Кантакузину; в «Истории» Кантакузина имя Димитрия упомянуто лишь два раза⁴.

Письма и речи Кидониса к Иоанну Кантакузину в той их части, где они не говорят, казалось бы, прямо о взаимоотношениях автора и адресата, представляют, однако, исследователю материал для выяснения отдельных проявлений политической концепции середины XIV в.

Свои первые письма к Иоанну Кантакузину Кидонис написал в 20-летнем возрасте. Разумеется, семейные политические симпатии, как это бывает⁵, оказали несомненное воздействие на формирование настроений молодого человека: его отец был послом при великом доместике императора Андроника III Иоанне Кантакузине. В речи, обращенной к последнему, Кидонис передает свои детские впечатления: «Я вспоминаю, как, придя из школы и поприветствовав его (отца. — М. П.), я слышал от него: "Пусть он будет твоим господином, дитя!"» (ὅς οὗτος εἶη δεσπότης. — Речь I, 70. 1–2).

⁵¹ Ср.: Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства, с. 82.

⁵² Еремян С. Т. Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в. — ВОН АН АрмССР, 1971, № 3, с. 13.

⁵³ Показательна в этой связи судьба Вахрама Пахлавуну, погибшего у стен осажденного византийскими войсками Двина и возглавлявшего анийскую армию, после аннексии царства включенную в состав контингентов новой фемы Иверия и Великая Армения; см.: Аристахэс Ластивертци, с. 85; Маттэос Урхайеци, с. 97. Вахрам Пахлавуну погиб вместе с сыном, возглавляя контингенты уже византийской армии и находясь на имперской службе. К. Н. Юзбашян, рассматривая внешнеполитические воззрения Пахлавуну, полагал, что Григор сравнительно рано понял неовратимость византийского завоевания, тогда как Вахрам был последовательным противником провизантийской ориентации (Скилица о захвате Анийского царства, с. 85). В конечном счете, несмотря на возможные разногласия по внешнеполитическим вопросам, оба они закончили свои дни на имперской службе.

¹ Любарский Я. Н. Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд). — ПС, 1971, 23; Он же. Михаил Пселл и Михаил Кируларий. — Кlio, 1972, 54; Он же. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978; Tinnfeld F. «Freundschaft» in den Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit. — JöB, 1973, 22.

² Démétrius Cydonès. Correspondance/ Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956, v. 1, N 6–16; 1960, v. 2, N 400.

³ Cammelli G. Demetrii Cydonii orationes tres adhuc ineditae. — BNJb, 1922, 3, p. 67–76; Demetrii Cydonii ad Joannem Cantacuzenum imperatorem oratio altera. — BNJb, 1923, 4, p. 77–83; Démétrius Cydonès. Correspondance, v. 1, p. 1–10.

⁴ Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV/Ed. L. Schopen. Bonnae, 1832, v. III, p. 107. 14–18; 185. 4–8.

⁵ Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила). — АДСВ, 1975, 12, с. 105.

Во время дипломатической миссии в Золотую орду⁶ (τῶν Καπίων πολῶν ἐπέκεινα ὁ πατήρ μοι πρεσβεῶν. — Там же, 76.7) отец Кидониса неожиданно скончался, не успев вернуться домой. Сын в речи к Иоанну Кантакузину вспоминает о смерти отца «после долгого и исполненного многих опасностей посольства, вдали от жены, очага и детей» (70. 6—8). Эта смерть многое изменила в жизни семьи Кидонисов: «Неразумная неизбежность судьбы приготовила нам горестную и бесчеловечную трагедию» (70. 5—6). Димитрий упоминает в речи к Иоанну Кантакузину о теплых чувствах отца к нему: «Отец мой был тебе дружественным человеком» (70. 9—10), с благодарностью говоря адресату: «Ты оплакивал умершего» (там же). Естественно, что юноша потянулся после смерти отца к прежнему покровителю, ожидая от него защиты, сочувствия и преисполненный благодарности за добрую память об отце: «К кому из живых относился по-дружески, о тех ты после (их) смерти сохраняешь (прежнее) мнение» (70. 20—24).

Несмотря на молодость автора, его письма и речи к Иоанну Кантакузину 40-х годов обнаруживают стремление дать оценку происходящим общественным явлениям. Конечно, в появлении этого стремления мы также не можем не заметить личных мотивов. Семья Кидонисов пострадала в период зилотского движения. Димитрий называет это время «тяжелым страданием» (μόρος τε κόπος), характеризует его как «состояние, подобное чуме и западне» (ἀντί λοιμοῦ καί μηχανήματος ἡ στάσις. — Письмо 8, 17—19). Сына бывшего приверженца Кантакузина, как видно из письма к Иоанну Кантакузину от 1345 г., преследовал «страх, что дом наш будет разрушен и находящееся в нем будет разграблено», «что братьям и матери будет причинен убыток» (Письмо 7, 62—64). Разумеется, положение семьи Кидонисов в антикантакузински настроенной Фессалонике было трудным: «Много на нас после его (отца. — М. П.) смерти отовсюду наступало зверей, ищущих крови и желающих грызть» (речь I, 70. 11—12). Кидонис рассматривает беды своей семьи на фоне общего положения в стране: «Во всеобщем несчастье, василевс, и наше одновременно погибало» (Ἐν δὲ τῇ κοινῇ συμφορᾷ, βασιλεῦ, καὶ τὰ ἡμέτερα προσπώλετο. — Там же, 70.34). Димитрий, говоря о событиях 1345 г., выражает озабоченность будущим отечества: «В высшей степени меня пугает то, что связано с судьбами родины» (письмо 7, 59).

В письмах и речах к Иоанну Кантакузину, написанных в 40-е годы, Димитрий Кидонис оценивает общее положение страны в самых мрачных тонах. Эти сочинения пестрят словами συμφορὰ, πολέμιος, ἔχθρα, φθора, ἀπορία, λιμός, τραῦμα, τραφδία. О счастье и благополучии речь идет в отношении либо далекого прошлого, либо будущих времен. Ведущий мотив сочинений 40-х годов: «Мы сотрясаемся, василевс, среди непрерывных и больших бед» (речь I, 68. 1), «к нам полное несчастье (δυστυχία πάσης) пришло в пределы края» (письмо 8, 4—5). Виновников бед родины он называет Тельхинами — по легендарной родосской семье, из которой выходили оборотни, за что она и была уничтожена Зевсом: Тельхины «все наполнили убийствами и раздором и выдали врагам тех, о ком должны были заботиться; помешавшего же им править (Иоанна. Кантакузина. — М. П.) они не пожелали. Так что одни, пережившие в безопасности трудности, лишь (с содроганием) осмеливаются о них слушать, другие из понесших кару мучаются в аду» (письмо 6, 7—10).

Впрочем, все эти сетования, не столь уже отличающиеся от царивших в высоких кругах византийского общества настроений, начинают звучать иначе, когда мы обнажаем их социальную подоснову. В первой речи к Иоанну Кантакузину Кидонис, констатируя закономерность неравен-

ства в мире (в том числе и социального, как мы увидим далее), апеллирует к божественному предопределению: «Бог сделал большим и малым» (69.8). Как и в монодии, оплакивающей погибших в фессалоникском восстании⁷, во второй речи к Иоанну Кантакузину Кидонис выражает свое в высшей степени негативное отношение к «оборотням», которые превратили свою бедность в противоположное ей состояние. Он называет новоиспеченных богачей «дерзкими, бесстыдными, наглыми» (θρασεῖς, ἀναιδέεις, ὑβρισταί. — 79. 42—80.1), сетуя, что рабы не прославляют своих господ (οἱ γὰρ οἰκότεριβες ἔχεινοι οὐκ ἠνεύχοντο τοὺς δεσπότας. — 79. 23—24). С неким аристократическим сарказмом Кидонис замечает в первой речи, что «нельзя нанять слугу, ибо все исчезли на государственных должностях» (80. 4—5). Он болезненно воспринимает преследования богатых фессалоникцев: «В отношении богатых были приготовлены и огонь, и железо, и баратр» (79. 17—18). Автор сопровождает свой рассказ описанием мрачных картин: «поля, дома и города покидались жителями», «там встречались тьма вместо сияния, голод вместо неги, брань, и удары, и ругательства пришли на смену прежней благопристойности» (речь II, 79. 25—29). Приведенные фрагменты не позволяют усомниться в классовой принадлежности автора этих строк.

Димитрий Кидонис был из тех молодых аристократов, кто не только сетовал. Его речи к Иоанну Кантакузину свидетельствуют о стремлении автора разобраться в происходящем: «Часто я, спрашивая, искал причину такой жизни» (Ἐγὼ δὲ πολλάκις ζητήσας εὐρεῖν ἀφορμὴν τινα βίου. — речь I, 71. 15). Кидонис пытался найти пути регулирования отношений в обществе, способы отвращения «гибели ойкумены» (68.8). Необходимым условием благополучия он считал существование сильного государства — ойкумены, объединяющей «народы и города, острова и континенты» (письмо 6, 16—17). Кидонис называет «высоким счастьем» то состояние общества, когда «все народы будут покорены, все города примут твои (Иоанна Кантакузина. — М. П.) законы, все признают единого властителя» (там же, 19—21). Энкомиаст видит возможность воплощения идеи общественного благополучия только в просвещенной монархии, надеясь увидеть, как «наука управляет ойкуменой» (там же, 29). Подобное общественное состояние он называет «счастьем Платона» (там же, 4).

Итак, по Кидонису, ойкумене нужен мудрый правитель — эта идея представляет тот «кирпичик», который кладется автором в основу построения образа идеального монарха. «Василевс, украшенный полной мудростью (σοφία πάση)», — образ, находящийся в центре политической концепции Кидониса. Активное самовыражение мудрости («Мудрость будет пользоваться свободой слова». — письмо 6, 24; письмо 8, 14) — ведущая функция правителя. Кидонис считает несчастьем, когда люди, имеющие ум и почитающие справедливость, «влачат жизнь киммерийцев» (письмо 8, 20—21), т. е. пребывают в вечной тьме. Пожалуй, эта фраза, написанная в 1345 г., содержит намек на существовавшее тогда общественное состояние. Лучшие по сравнению с современными рассматриваемым сочинениям времена Кидонис относит к правлению Андроника III, «когда во всем царской власти советовал ум» (νοῦς ἐπὶ τὴν βασιλείαν παρακαλοῦντων. — Письмо 7, 33—35).

Следует заметить, что ведущая, по Кидонису, добродетель василевса — σοφία, которую традиция возводит к Платону, смыкается в его сочинениях, обращенных к Иоанну Кантакузину, с христианской идеей божественной основы власти⁸. Энкомиаст Кантакузина пишет,

⁷ PG, t. 109; Barker J. W. The «monody» of Demetrios Kydones on the zealot rising of 1345 in Thessaloniki. — Μελετήματα στὴ μνήμη Β. Λαοῦρα. Thessaloniki, 1975, p. 285—300.

⁸ Raybaud L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968, p. 15. Рейбо, упоминая об

⁶ Laurent V. L'assaut avorté de la Horde d'Or contre l'empire byzantin. — REB, 1960, 18, p. 145—160; Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès. De la naissance à l'année 1373. — OCP, v. 36, fasc. 1, p. 48.

что бог «поставил в основу дел ум» (письмо 6, 6). Власть правителя как проявление функций высшей сферы должна вызывать у подданных благоговейный трепет («Божественный закон требует и общая природа советует царям нынешним всячески воздавать почести, ушедших же вспоминать с почитательностью» (письмо 7, 1—3). Обращаясь к Кантакузину, Кидонис замечает: «Твое имя словно нечто из (сферы) божественного» (там же, 50). Правителем «бог передал заботу обо всех» (письмо 6, 5—6). Кидонис полагает, что императорская власть вручается богам только тем, кто выдержал выпавшие на его долю испытания: «... прежде назначив (ему) трудности и показывая, что ничто не изменит твердому (его) слову, ныне же, как говорит Платон, в конце пути он (бог. — М. П.) венчает боровшегося, как приличествует. . . тебе, как награду за мужество, словно в состязании, вручил он императорскую власть» (там же, 12—16).

Идеальный василевс, по Кидонису, наделен всеми добродетелями, основной набор которых ведет свое начало от античных времен, — мудростью, справедливостью, мужеством, благоразумием⁹. При таком арсенале «будет процветать добродетель, будет пользоваться свободой слова мудрость; василевс будет для всех имеющих власть примером всего прекрасного» (письмо 6, 21—23). Лишь правитель, «остротой [ума] и здравым смыслом превосходящий всех хореvтов Платона. . . справедливостью и иными добродетелями для остальных представляющий в качестве примера» (письмо 7, 18—20), способен создать счастье подданных. Только при василевсе, «украшенном полной мудростью, добродетелью и (всем) наилучшим», «законы расцветают и мудрость свободно высказывается» (письмо 8, 14—17). Следует заметить, что в наборе добродетелей василевса, по Кидонису, несомненный акцент сделан на σοφία, в то время как его однокашник Николай Кавасила при том же наборе положительных качеств правителя выделяет благочестие и человеколюбие¹⁰.

Необходимость обрисовать идеального правителя в сочинениях, обращенных к Иоанну Кантакузину, определялась желанием Кидониса обосновать свое признание достоинств этого человека: «Ты все соединяешь в себе, как никто» (письмо 7, 17—18). Свой выбор Кантакузина в качестве идеального правителя Кидонис подтверждает ссылкой на божественное мнение: «Но бог с давних пор знал заботящегося о справедливости и устанавливающего власть в силу этого на основе законов» (письмо 6, 11—12) и мнение людей: «Все повторяют, что из всех скипетр тебе (должен) достаться» (письмо 7, 25).

Когда в октябре 1341 г. Иоанн Кантакузин был провозглашен в Димитике императором, Фессалоника, родной город Кидониса, осталась верна центральному правительству Анны Савойской. Димитрий покинул Фессалонику, храня симпатии к Кантакузину. С этого времени он будет напряженно следить за всеми действиями своего избранника. В 1343—1344 гг. он написал Кантакузину три письма (№ 11, 12, 16), наполненные ожиданием победы и уверенности в ней: «Ты победил, царь, и я — сраженный свидетель твоей победы» (νεκίηχας τοίνυν, ὦ βασιλεῦ, καὶ τῆς νίκης σοὶ μάρτυς ὁ νεκίημένους ἐγώ. — Письмо 12, 37—38).

Восторженностью по отношению к Иоанну Кантакузину отмечены письма и речи 1345—1347 гг. (письма 6, 7, 8, 9, 10, речи I и II). Это было время, когда симпатия и уважение молодого Кидониса к Кантакузину выросли до размеров почитания и поклонения. Имя Кантакузина становилось его путеводной звездой: «Я, разбив душу тяжелейшим несчастьем, знал, что следует, устремившись к тебе, обнажить рану и получить твои

лекарства. . . Твое имя было тем, что помогало, василевс» (речь I, 68, 14—16; 71. 16—17). Временный успех в переговорах между Фессалоникой и сыном Иоанна Мануилом летом 1345 г. вызвал бурю восторга в душе Кидониса. Он написал хвалебный эпиграмм¹¹, направив его во Фракию, где находился Кантакузин: «Твоей власти радуются народы и города, острова и континенты. Они прославляют твой характер и воспевают победившего всех. Нас же они считают счастливыми, ибо император дружествен нам, и предсказывают, что нам настолько высокое явится счастье, когда все народы будут покорены, все города примут твои законы, все признают единственного властелина и будут процветать добродетель, будут пользоваться свободой слова, мудрость, василевс будет для всех власть имущих примером всего прекрасного. Ты поднимаешься, словно возносящийся к небу столп, но только не в Пелопоннесе, как при Ификрате, а во всех душах и мыслях. Я же был с самого начала твоим сторонником и приверженцем. И душу мою ранило, если что-то у тебя получалось вопреки замыслу, и я радовался достигающим нас хорошим вестям о твоих делах. Ныне же, считая, что я не выдержу, чтобы только слышать (о них), я желал, отослав гонцов, усладить глаза сладчайшими из зрелищ и, будучи вместе с тобой, видеть, как наука управляет ойкуменой. Для этого я страстно желал (иметь) крылья Дедала, я думал о крылатой колеснице Зевса, но я утешал мысль (об этом) тем, что я не в состоянии получить это по (своей) природе. Прибыв в лучший из городов — я говорю, что ты был с самого начала принят совсем как Дионисий Фетидой, — я даю отдых в красе твоей души душе своей. Будучи вместе с тобой каждодневно и наблюдая в молодом человеке качества, которые составляют силу стариков, и явно прорывающийся юношеский пыл, я считаю, что ты (для меня) — не меньший учитель, чем отец, и что это все (сделали) твои знания. Острый (умом), стремящийся к науке, способный к учению, несклонный к (проявлению) пустого слова и непреклонный в поисках истины — в целом гармония во всех чертах характера. Все отличающее тебя стремительно проявляется, все это переходит по наследству к детям. Ныне же я радуюсь этому, словно сам нахожусь в храме. Да буду и я посвящаться в великие дела и созерцать добродетели василевса, сияющие во всей нашей земле».

Однако, как известно, политическая судьба Иоанна Кантакузина не была спокойной. Кратковременный успех лета 1345 г. сменился полтора годами новых попыток обрести власть. Борьба двух партий — кантакузинской и центральной — достигла наивысшего напряжения. В связи с этим в значительной степени осложнилось внешнеполитическое положение Византии. Димитрий Кидонис написал в эти годы письма 7, 8 (1345 г.), 9, 10 (1346 г.). Сейчас основной акцент делался автором на воинственность Кантакузина, его грозном имени, которое должно «отпугивать врагов» (ἀνασοβεῖν τοὺς ἐχθρούς. — Письмо 7, 50—51). Кидонис полагал, что именно его избранник должен обеспечить внешний и внутренний мир империи: «Варвары будут шуметь, словно стаи крылатых, заметивших большого коршуна, римляне, наоборот, уменьшат грабеж» (там же, 54—56). Автор не осуждал, что по решению Иоанна Кантакузина турки использовались в качестве союзников: «Прежних врагов ныне они (граждане городов. — М. П.) имеют для охраны» (письмо 8, 11—12). Осенью 1345 г. в письме из Македонии он называет Кантакузина «думающим о свободе» (там же, 23) и объявляет его единственной надеждой: «Надежда одна — это ты» (ἐλπίς δὲ μία σὺ — Там же, 21—22). Он призывает к военной активности: «Итак, покажи, василевс, что есть и македонцы, и царь, отличающийся от Александра только по времени» (там же, 20—21).

издании писем, осуществленном Р. Ленерцем, цитирует Кидониса, однако по изданию Каммелли, ориентируясь на отдельные устаревшие датировки писем.

⁹ Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей. — ВДИ, 1972, № 4, с. 19—33.

¹⁰ Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник. — АДСВ, 1973, 9. Об идеале императора см.: Hunger H. Reich der Neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz; Wien; Köln, 1965, S. 61—108.

¹¹ Loenertz R.-J. Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène. — BZ, 1951, 44.

В эти годы Димитрий Кидонис не раз поднимает вопрос о жизни городов, связывая их «счастливую судьбу» (письмо 8, 22) с именем своего избранника. Он пишет, что на находящейся под властью Кантакузинской территории «уже долгое время закрытые врагами ворота города он открыл и граждан, словно истощенных, вывел» (там же, 7—8). Кидонис считал, что в прежние времена, когда Кантакузин занимал высокий пост при Андронике III, он мог активнее оказывать помощь городам: «Когда правил прежний василевс... когда царской власти во всем советовал ум, ты стремился к помощи городам» (письмо 7, 33—35).

В конце 1346 г. Иоанн Кантакузин покинул свою резиденцию Селимврию (письмо 9, 16) и направился в Константинополь. Кидонис написал ему письмо, в котором говорил о шаткости победы их политических врагов и высказывал надежду на победу Кантакузина, приводя слова Гомера «Победа дается то одним, то другим» (там же, 5). Другое письмо, написанное той осенью, также связывает с именем Кантакузина надежду на спасение и счастье: «Приди же, могущий излечить все несчастья людей (ἴκε δῆ, πάσας συμφορας ἀνθρώπων διναμένοιο θεραπεύειν), «все несчастья отступят, когда ты появишься» (письмо 10, 23—24).

В ночь на 3 февраля 1347 г. Иоанн Кантакузин вошел в Константинополь и был коронован как соимператор Иоанна V Палеолога¹². Кидонис ответил на это двумя речами¹³, которые (наряду с письмом № 1345 г.) свидетельствуют о наивысшем проявлении преданности Кантакузину и веры автора в него. Энкомиаст провозглашает в речах наступление эры воскресения людей («Мы живем, словно воскресшие». — Речь 68. 2; «Бог послал спасителя». — Речь II, 81. 34), возносит хвалу богу, приведшему людей к миру: «И слава богу, успокоившему вихрь, зажегшему факел для тех, кто нелепым образом был застигнут бурей, отворившего гибель ойкумены и давшего императорской власти (возможность) умело вести род людской» (речь I, 68. 6—9). Димитрий Кидонис считавший подобное завершение политического напряжения в страстнейшим («... всегда в конце концов приходит победа». — Речь 81.32), благодарил бога и Кантакузина за восстановление безопасности городов и их счастья: «Бог и василевс со справедливостью отогнали бедствия городов» (речь II, 81. 27—28), «слава и тебе (Кантакузину. — М. П.), что трудами и опасностями для себя самого ты вновь завладел городами... и принес им счастье» (речь I, 68. 9—11). Кидонис определял победу Кантакузина как торжество мира и счастья после долгого периода «борьбы правды против лжи, справедливости против жестокости, добродетели против зла» (речь II, 81. 28—30).

Димитрий Кидонис по приглашению Иоанна Кантакузина стал первым министром (месадзоном)¹⁴. Это важное в его жизни событие он описал в «Апологии I» (Δέσμοι πρὸς θεοῦ): «Захлопнув книги, я отправился к императору, имеющему ум и ценящему науки, и, как казалось, я был ведом провидением добра. Я получил его дружбу и почести, которых не удостоился ни один молодой человек, только что отошедший от школьных учителей, и на которые мог рассчитывать лишь старец, (отличающийся) добродетелью и мудростью... Я стал не менее, как одним из самых близких (его друзей)¹⁵. Кантакузин со своей стороны напишет позднее

в своих мемуарах, что Кидонис «всегда находился в царском дворце не только из-за благосклонности (οὐ μόνον διὰ τῆς εὐμένειας), которую в значительной степени он испытывал со стороны императора, но и потому, что, будучи месадзоном, из-за дел имел необходимость всегда быть вместе с императором — ночью и днем» (История, IV. 39, V. III, p. 285. 4—9).

Димитрий Кидонис, приблизившись к власти, побеспокоился о судьбе Нила Кавасилы и Исидора, своих прежних учителей, последний из которых вскоре стал патриархом. Именно тогда написал Димитрий известное письмо и своему другу Николаю Кавасиле, призывая и его служить избранному им василевсу: «Ты уступишь настоятельным просьбам друзей приехать, чтобы созерцать всеобщее счастье нашего императора, который осуществил это чудо... Я утверждаю, что ты можешь повиноваться императору, доставить удовольствие своим друзьям и уменьшить свои жизненные заботы, потому что император обеспечит тебя всем необходимым»¹⁶. Таким образом, по Кидонису, власть и просвещенность объединились.

После 1347 г. мы не встречаем среди сочинений Димитрия Кидониса громких словословий в адрес Иоанна Кантакузина. Это можно объяснить тем, что Кидонис был при дворе и необходимости для переписки не существовало. Но, с другой стороны, учитывая предназначенность византийского письма (и тем более речей), можно было бы считать возможным появление предлога для написания подобного сочинения.

Можно лишь догадываться о причинах возникновения у Кидониса иных настроений (или предчувствия этих настроений). Иоанн Кантакузин, бывший, по замечанию патриарха Филофея, в душе монахом, в значительной степени ориентировался в проведении своей политической линии на поддержку монашества¹⁷. А его месадзон уже в эти годы выражал критическое отношение к невежественным бородатым монахам¹⁸. Мало того, если Кантакузин в разыгравшемся в середине XIV в. идеологическом конфликте поддерживал мистическое направление Григория Паламы, то Кидонис тяготел к противоборствующей партии Варлаама и Акиндина. В первые годы пребывания при дворе Кантакузина (1347—1349) Кидонис написал письмо одному из своих друзей, видному стороннику антипаламитов Максиму Ласкарису Калоферу, позднее сыгравшему заметную роль в переговорах об унии церквей. Письмо это представляет интерес не только потому, что адресовано стороннику латинского направления, но и потому, что оно содержит некоторую характеристику придворной жизни. Максим, также бывший ранее сановником, вследствие разномыслия с Кантакузином из-за приверженности к взглядам Акиндина, неожиданно уехал на Афон, чтобы стать монахом¹⁹. В письме к нему Кидонис расставляет некоторые акценты, касаясь ситуации при дворе. Говоря, что адресат, не уйдя он в монастырь, мог бы быть с ним при дворе, Димитрий полагает, что он (Максим) должен был бы в таком случае вместе с ним (μετ' ἐμοῦ) «жаловаться и переживать такое, о чем слушать можно лишь с содраганием» (письмо 72, 6—7). Кидонис пишет, что пребывание при дворе «пусть выпадет на долю врагов, ибо им мог бы бог подготовить такую долю в возмездие за то зло, которое они совершили в отношении нас» (там же, 10—11). Производит впечатление то, что автор письма с некоторой грустью одобряет выбор друга, который предпочел «Афон

¹² Dölger F. Johannes VI Kantakuzenos als dynastischer Legitimist. — *Parastasis* Ettal, 1961, S. 194—207.

¹³ Ленерц называет первую речь Димитрия Кидониса к Иоанну Кантакузину прощанием, а вторую — панегириком; см. *Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès*, p. 51. О речи, думается, в равной мере вышли из-под пера энкомиаста.

¹⁴ Beck H.-G. Der byzantinische «Ministerpräsident». — *BZ*, 1955, 48, S. 309—338.

¹⁵ Mercati G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteni ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. Città del Vaticano, 1931 (Studi et Testi, 56): 3. Apologie della propria fedeltà (далее — А), p. 360. 26—31. Немецкий перевод трактата: Beck H.-G. Die «Apologie

pro vita sua» des Demetrius Kydones. — *Ostkirchliche Studien*. 1952, 1, S. 208—225; 264—282.

¹⁶ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, v. 1, N 87. 8—10; 30—34. См. об этом: *Поляковская М. А.* Политические идеалы византийской интеллигенции, с. 107—108.

¹⁷ *Порфирий Успенский.* История Афона. СПб., 1852, т. III. Афон монашеский, 2, № 52, с. 849. Об этом см.: *Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. — *ВВ*, 1969, 29, с. 322.

¹⁸ *Démétrius Cydonès. Correspondance*, v. 1, N 88.

¹⁹ *Eszer A.* Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalophoros. — *Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im 14. Jahrhundert*. Wiesbaden, 1969, S. 9.

столице, одиночество императорскому дворцу, здешней изысканности тамошнюю родниковую воду и бобы» (там же, 14—15). Отдаленность от двора Кидонис называет здесь «отдаленностью от наших зол» (там же, 16). Он противопоставляет монашеское уединение Максима своей собственной жизни и жизни себе подобных, «живущих из-за дел более недостоинством любой раб, но рьяно спорящих из-за первенства, полагая, что являются свободными» (там же, 17—18). Кидонис говорит о себе, что его «захлестывают волны», что он «рискует в море» (там же, 23—24). Разумеется, во всех этих сетованиях присутствует изрядная доля риторичности, традиционно используемая при сравнении житейской суеты и монашеской отреченности, однако Кидонисом явно превышены допустимые риторические акценты при характеристике придворной жизни.

Это письмо ни в коей мере не свидетельствует о том, что Кидонис изменил прежним политическим симпатиям. Во многом, несмотря на намечавшуюся трещину, их отношения остались прежними. Даже в занятия латинской схоластикой Кидонис был поощрен Кантакузином, стремящимся познать глубже убеждения своих идейных противников. В рукописи Barb. gr. 398, л. 376 об. имеется запись о сочинении Фомы Аквинского «Summa contra gentiles»: «Эту книгу перевел с латинского на греческий Дмитрий Фессалоникиец, переписал Цикандилис Византиец по предписанию (κατὰ πρόσταξιν) господина автократора Кантакузина»²⁰. В «Апологии» Дмитрий Кидонис писал, что Кантакузин советовал «поспешить перевести книгу целиком, предсказывая от этого большую пользу греческому обществу» (А, 363, 21—23). Месадзон с уважением отмечал, что «император, очень любя книги, тратил много на оплату работы писцов и что переведенные Кидонисом книги он поместил «в свою сокровищницу» (там же, 364. 49—51).

Когда Кантакузин в 1349 г. решил удалиться в Манганский монастырь, его спутниками были Дмитрий Кидонис и Николай Кавасила. Позднее, вспоминая об этом времени, он похвалит их за те качества, за которые и раз и сам был ими хвалим: «Сопровождали его в уходе от жизни Кавасил Николай и Дмитрий Кидонис, достигшие вершин мудрости и не в меньшей степени философствующие в делах» (История, IV. 16, V. III, с. 104—18).

Несомненно, что занятия Кидониса латинской философией не могли не повлиять на мнение двора и на его положение как месадзона. Однако в «Апологии» Кидонис представляет Кантакузина своим защитником, покровителем в создавшейся ситуации: «Василевс откровенно ненавидит и называл клеветниками тех, кто тайком стремился очернить меня перед ним. Они добивались прямо противоположного тому, чего хотели. Приходя как обвинители (κατήγοροι), они тотчас же меняли позицию на защитников (συνηγόρων) и ухилили, восхваляя (меня), ибо император принимал их бесчестность за свидетельство моей чистоты и (укреплял) из-за этого в день мое положение. Он сделал много хороших дел с моей помощью и давал понять, что те, кто хочет оклеветать меня перед ним, говорят вздор» (А, 369. 91—97).

В период обострения взаимоотношений между Иоанном Кантакузином и Иоанном V Палеологом, когда первый вынужден был в связи с этим уехать из Константинополя во Фракию, Кидонис написал ему в ход кампаний 1352 г. три письма (№ 13, 14, 15), выделявшие особо константинопольской политической идеологии — тезис о коммуникативной функции василевса между богом и подданными: «от бога к тебе, от тебя к нам идут обычаи» (письмо 15, 1). Автор говорит и о добродетелях василевса, но не столь пространно, как ранее.

Однако можно предположить, что не так уж гладко складывались взаимоотношения Кидониса и Кантакузина. Не случайно один из друзей Дмитрия сказал, намекая на его пролатинские симпатии: «Ты ведь сам видишь, что это небезопасно — спорить с императором, патриархом и народом» (А, 391. 35—392. 36).

Когда время правления Кантакузина осталось позади, Дмитрий Кидонис написал в похвальной речи императору Иоанну V Палеологу: «Когда по счастливой судьбе престол твоего отца снова вернулся к тебе, а другой удалился, трудности прошли, я же, подобно тем, кто был закован, увидел, что оковы упали. . .»²¹. Трудно сказать, какой смысл вложил автор в эти строки. Может быть, здесь следует увидеть обычные для риторических сетований по поводу тягот службы, но вполне допустимо, что в этих словах звучит и критика в адрес его прежнего кумира.

Явный разрыв в отношениях Дмитрия Кидониса и Иоанна Кантакузина наступил в конце 60-х годов, когда экс-император начал активно выступать против латинофильского направления, защищая учение Григория Паламы. Его сочинения «Беседа с легатом Павлом», «Переписка с Павлом» многократно копировались и были широко распространены²². В 1368 г. был предан собором анафеме видный представитель латинофильского направления младший брат Дмитрия Прохор Кидонис²³. После собора и последовавшей вскоре за этим смерти Прохора Кантакузин, продолжая отстаивать истинность учения Паламы, широко распространял свое «Опровержение Прохора Кидониса»²⁴.

Письмо Дмитрия Кидониса этого времени (1372 г.), адресованное Иоанну Кантакузину, завершает линию развития их взаимоотношений. Приведем его полностью: «Я мог бы по многим причинам возразить, как подобает, на книгу, недавно распространенную тобой против Прохора или, лучше сказать, против истины, но я воздержался, (отбросив) все то, что побуждало меня к этому, кроме уважения к тебе, которое я еще испытывал. Следовало бы и тебе испытывать ко мне уважение и или совершенно раскаться и поэтому уничтожить упомянутый труд, или по крайней мере не устраивать с ним театра, понося человека, до такой степени превосходящего ныне всех мудростью, или, как третье, и мне (дать возможность) принять участие в чтении, чтобы, если ты правильно сказал, похвалив, я мог бы отказаться от своего мнения, почтив твои и Паламы мысли. Конечно же, если я покорюсь твоей Музе, и, услышав убедительные слова, буду поражен, я не предпочту Прохора истине. Но, как видно, дорожа сочинением, ты не можешь от него отказаться, но (скорее) предоставляешь (ему) свободу слова. Так поступают отцы в отношении сыновей, превеличинно их демонстрируя и заставляя блистать перед всеми. Сознывая значительную слабость сочинения, ты никого из обладающих умом не приглашаешь на его чтение, а зовешь лишь тех, кто расхваливает его вследствие (своего) недомыслия. Изготовив большое количество экземпляров сочинения, даря его, ты рассылаешь его повсюду тем, кто окажет ему радужный прием. Ты предписываешь читать и заставляешь произносить похвалы ему. Ты послал много экземпляров в Ионию, на Кипр, Крит, в Палестину, Египет, Трапезунд, Херсонес, все наполнив новой теологией. Одних слабость твоих слов склонила к противоположным мыслям, другим же вследствие незнания показалось, что ты сказал нечто мудрое. Но повсюду мыслящих людей меньше, глупцов же много. Я видел у нас одного такого, кому ты сам послал незадолго до этого книгу. Он был так далек от (возможности) делать вывод о прочитанном, что испытал головокружение, лишь увидев очертания букв, и нуждался при этом

²⁰ Rackl M. Die griechische Übersetzung der Summa theologiae des hl. Thomas von Aquin. — BZ, 1923—1924, 24, S. 52.

²¹ BNJb, 1924, 4, p. 184.

²² Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 319.

²³ PG, t. 151, col. 693—716.

²⁴ Прохоров Г. М. Указ. соч., с. 319—322.

в учителе по грамматике. Мне кажется, тебе нужны именно такие читатели, ибо ты ищешь не уши, а языки, награждаемые тобой и за лживые похвалы. Почему бы и мне, обходящему в молчании многие чудачества, не выразить тебе признательность? Что побуждает меня к возражению? Если это справедливо — заступаться за друзей, то Прохор — брат. Конечно, тебе будет позволено бурлить относительно взглядов Паламы и поддерживать их гниль многими сочинениями, я же совершу преступление, защищая брата. Наконец, я сам был оскорблен в них (в сочинениях. — М. П.) и имел дурную славу. И ослаб — по пословице — разрешается на действие (отвечать) противодействием. Да и сочинение содержит много извращений против истины, среди которых оказывается озлословление и первая истина, за которую никто не побоится опасности в словах и делах. Да к тому же изобличение не много труда доставляет желающим опровергнуть: даже ребенок смог бы опровергнуть сказанное. И как (можно считать справедливым, что ты пообещал бы мне милость при этих законных (до водах), чтобы тебе, изменившему, оставить честь? Однако не об этом (идея речь). Если ты, оставив сочинение при себе, не будешь проявлять тщеславие, мы тоже не будем питать злобы за происшедшее. Но если ты сам все принимаешь мое молчание не как милость, а как нечто должное, и если ты дашь себе свободу говорить о нас дурно, тогда мы, прославив императора, дадим отпор сочинениям, защищая бога и себя» (№ 400).

Несомненно, приведенное письмо содержит элементы поговора. Осмеяние методов пропаганды «новой теологии» достигло в нем гротесковых размеров. Кидонис порицает Иоанна Кантакузина прежде всего за качества, противоположные ранее хвалимым. Если прежде ему импонировали в Кантакузине просвещенность, стремление к занятиям науками, то теперь основной темой критики стало невежество его адресата. Кидонис высказывает гневное неодобрение выступлениями «против истины». Приведенное здесь письмо свидетельствует о том, что поколеблен основной элемент, определявший соответствие Кантакузина политическому идеалу Кидониса.

История взаимоотношений Димитрия Кидониса и Иоанна Кантакузина показывает, насколько тесно переплелись в Византии начиная с середины XIV в. политика и идеология, сколь сильное воздействие оказывала богословская позиция на политические симпатии. Отношение к Кантакузину было для многих византийских писателей и политически-действительных пробным камнем, определяющим сущность их устремлений. Энергия и политическая предприимчивость Иоанна Кантакузина были нередко причиной того, что многие из современников «примеряли» на него свой идеал сильного правителя. Но, как известно, Кантакузин, выражавший устремления крупной феодальной знати, склонной к проявлению сепаратистских настроений, не мог повести империю вперед, к установлению сильной монархии западноевропейского образца переходного к новому времени периода. Признание или непризнание его к концу периода гражданских войн определяло выбор и внешнеполитической позиции. Димитрий Кидонис, порвав с Кантакузином, возглавил направление, связывающее будущее благополучие Византии с помощью Запада ²⁵

П. И. ЖАВОРОНКОВ

ДОПОЛНЕНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «РЕГЕСТ» Ф. ДЭЛЬГЕРА ПЕРИОДА НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Третий том «Регест» Ф. Дэльгера, первая половина которого охватывает период Никейской империи, вышел в свет в 1932 г.¹ С тех пор в научный оборот введено несколько новых документов по истории Никейской империи, в которых содержатся указания на императорские постановления (№ 5, 6, 7, 11, 14). Кроме того, нам удалось в уже давно изданных документах найти ссылки на постановления никейских императоров, на которые Ф. Дэльгер не обратил внимания (№ 1, 2, 3, 4, 8—10, 12, 13, 15—29).

КОНСТАНТИН XI ЛАСКАРЬ
(апрель 1204 — весна 1205)²

№ 1

1204 г., июль—декабрь

Никея.

Договор с Кылич Арсланом III. Содержание не известно.
Текст: утрачен.

Упоминание: *Ibn Bibi*, S. 38.

Литература: *Sinogowitz B.* Byz. Kaisertum, S. 354; *Prinzing G.* S. 8; *Жаворонков П.* Истоки, с. 32—33.

Хронология: Кылич Арслан взшел на трон сразу после смерти своего отца, султана Сулеймана II (6 июля 1204 г.; см.: *Wittek P.* *Torunumie*, p. 22).

Брат Сулеймана султан Кей-Хюсрев I, изгнанный из страны, в конце 1204 г. возвращался в Иконийский султанат по приглашению данышмедов, чтобы отобрать трон у своего племянника Кылич Арслана. Но, прибыв в Никею (Изник) вместе с сыновьями и семейством Мануила Мавродзома, он был задержан императором. Причина задержания — опасение, что султан разорвет договор, заключенный Константином XI с Кылич Арсланом. Передав ромеям города Хоны и Лаодикию, султан уже в январе 1205 г. был в пределах Иконии; см.: *Wittek P.* *Torunumie*, p. 24.

№ 2

1204 г., декабрь—1205 г., январь

Никея.

Договор с Кей-Хюсревом I о передаче ромеям городов Хоны, Лаодикии и др. (вплоть до области Иконии) в качестве платы за разрешение отправиться в пределы султаната.

Текст: утрачен.

¹ *Dölger F.* *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches.* München; Berlin, 1932, Bd. 3, 1204—1282.

² О Константине XI Ласкаре см.: *Жаворонков П.* Истоки, с. 30—37.

²⁵ Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е годы XIV в.). — В кн. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

Упоминание: *Ibn Bibi*, S. 38.

Литература: *Sinogowitz B. Byz. Kaisertum*, S. 355.

Хронология: через несколько дней после прибытия султана в Никею; см. об этом № 1.

ФЕОДОР I ЛАСКАРЬ

(апрель 1204 г. — деспот, весна 1205 г. — провозглашение императором, 6 апреля 1208 г. — коронация, умер в начале 1222 г.)

№ 3

1205 г., февраль — март

Иконий

συνμαχία (11.3; 14.21), εἰρήνη (14.22), λόγους ἐλθεῖν (132.22), στρατιὰ συνμαχίδα (132.27). — Договор о союзе с Кей-Хюсревом I, по которому Феодор получал вспомогательное войско для борьбы с латинянами и укрепления своей власти.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Acrop.*, I, p. 11, 3; 14.21—22; *Nic. Chon.*, Orationes, p. 132.22—132.27.

Литература: *Sinogowitz B. Byz. Kaisertum*, S. 348; *Жаворонков П.* Истоки, с. 33.

Хронология: Прежде всего следует решить вопрос, относятся ли свидетельства Акрополита и Хониата к одному и тому же событию, так как Ф. Дэльгер (*Dölger F. Regesten*, III, 1670) относит сведения Акрополита к 1206 г. У Акрополита и Хониата говорится, что Феодор сам отправился к султану (δόξαν δὲ σοὶ καὶ Πέρσαις ἐπιστῆναι. — *Nic. Chon.*, Orationes, p. 132.21 καὶ περὶ τὸν περσάρχην ἀφίχεται. — *Acrop.*, I, p. 11.2—3) и, получив союзное войско (στρατιὰν συνμαχίαν. — *Nic. Chon.*, Orationes, p. 132.27; συνμαχίαν δούς. — *Acrop.*, I, p. 14.21)), «с его помощью достиг своей цели» (*Acrop.*, I, p. 11.4) «когда находился в затруднительном положении» (*Acrop.*, I, p. 14.20—21). Здесь, несомненно, имеются в виду неудачи в борьбе с латинянами к весне 1205 г., а цель, которой достиг Феодор, — провозглашение его императором, что полностью совпадает с хронологией речи Хониата, где рассказ о поездке Феодора к султану предшествует его избранию императором (*Nic. Chon.*, Orationes, p. 134.14—18), которое, как известно, произошло между мартом и июнем 1205 г. (см.: *Sinogowitz B. Byz. Kaisertum*, S. 348—351). Таким образом, свидетельства Хониата и Акрополита относятся к одному и тому же событию.

Но если март является конечной датой (еще до ухода латинян из Малой Азии), то начальной должен быть февраль, так как Кей-Хюсрев I занял престол не ранее этого месяца (см.: *Wittek P. Toponymie*, p. 23—24).

№ 4

1206 г. зима

σποδάς (137.18; 842.8), σπένδονται (137.20). — Договор с Кей-Хюсревом I после победы Феодора I над Мануилом Мавродзюмом. Император, желая сохранить мир с Иконией, уступил зятю султана Мануилу недавно завоеванные греками Хоны и Лаодикию и местность в нижнем течении Меандра. Текст: утрачен.

Упоминание: *Nic. Chon.*, Orationes, p. 137.18, 20; *Nic. Chon.*, p. 842.8. Литература: *Dölger F. Regesten*, III, N 1670; *Longnon J. L'empire*, p. 86.

Хронология: Еще не прошел год после его провозглашения императором; см. *Nic. Chon.*, Orationes, p. 137.34—138.2.

№ 5

1208 г., 3 апреля

Никея.

ὁρισμός (123.27). — Приказание духовенству дать клятву верности ему и его сыну Николаю как императорам.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Oikonomidès N.*, p. 123.27.

Литература: *Oikonomidès N.*, p. 143; *Darrouzès J. Recherches sur les ὀφφίγια de l'église byzantine*. Paris, 1970, p. 487, N 3.

Хронология: *Laurent V. Regestes*, N 1207.

№ 6

1208—1211 гг.

γράμμα (125.1). — Письмо к патриарху Михаилу Авториану с просьбой избрать духовным отцом иеромонаха Максима и послать последнего к нему. Феодор просил также сообщить о делах в Никее.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Oikonomidès N.*, p. 125.1.

Литература: *Oikonomidès N.*, p. 129—130.

Хронология: *Laurent V.*, *Regestes*, N 1209.

№ 7

1209 г., до 17 июня

παρὰ τῆς βασιλικῆς προβληθέντα (143.21). — Предложение патриарху и синоду избрать архиепископом Кипра Исаяю вместо умершего Софрона. Текст: утрачен.

Упоминание: *Chatzepsaltes K. Ἐκκλησία*, p. 143.21.

Литература: *Chatzepsaltes K. Ἐκκλησία*, p. 145—146; *Angold M. J. The Problem of the unity of the byzantine world after 1204: the empire of Nicaea and Cyprus (1204—1261)*. — *Πρακτικὰ τοῦ πρώτου διεθνoῦς Κυπριολογικοῦ συνεδρίου* (Λευκωσία 14—19 Ἀπριλίου 1969). Λευκωσία, 1972, т. β', с. 3.

Хронология: *Laurent V. Regestes*, N 1210.

Критика: Возможно, что это предложение было устным.

№ 8

1210—1216 гг.

Приглашение Георгию Вардану прибыть в Никею.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Lampros Sp.*, II, p. 318.16—26.

Литература: *Lagopates S. Γερμανός ὁ Β'*, p. 12.

Хронология: В Никею Вардан прибыл поздней осенью (ὅν χειμῶνος ἤδη προσέρποντος. — *Lampros Sp.*, II, p. 318, 16), но когда именно, определить невозможно. Известно, что в 1209. хартофилаком был Мануил Кириц (*Chatzepsaltes K. Ἐκκλησία*, p. 144. 1, 20), а в 1217 г. Вардан был уже избран епископом Гревены, в Македонии, находящейся под властью Феодора Ангела.

Критика: В письме Михаила Хониата к «хартофилаку Георгию Вардану» нет точного указания на письменное приглашение императора Вардану прибыть в Никею. Однако известно, что Феодор приглашал многих выдающихся людей того времени к себе, в том числе трижды — самого Михаила. Едва ли Вардан осмелился бы отправиться из Эллады в Никею по личному желанию в осеннюю погоду. В то же время возможно, что приглашение последовало не от императора, а от патриарха — с предложением занять место умершего хартофилака.

1212—1214 гг.?

ἔρχων πρὸς τοὺς (281. 5), ἔριν κατέστειλε (281.11). — Прекращение спора в церкви относительно решений греков Константинополя о таинствах.

Текст: утрачен.

Упоминание: Scut., p. 281.5.11.

Хронология: Возможно, этот спор можно сопоставить с указанием Никола Месарита (*Heisenberg A. NQ, 3, S. 11.17—12.18*) о возобновлении в конце царствования Михаила Авториана спора по поводу слов Христа «отец выше меня», который возник еще при Мануиле I Комнине и, несмотря на постановления 1166 г., периодически возникал и в дальнейшем; см. *Heisenberg A. NQ, 3, S. 73—74*.

№ 10

1214 г., декабрь.

a principio nuper transacte treuge (упом.). — Договор с Венецией. Содержание его не известно, но, по-видимому, он был идентичен договору 1219 г.; во всяком случае, основные его статьи вошли в текст второго соглашения с республикой св. Марка в 1219 г.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Tafel u. Thomas. Urkunden, II, S. 207*.

Литература: *Brezeanu S. Le premier traité économique entre Venise e Nicée. — RESEE, 1974, XII, N 1, p. 143—146*.

Хронология: Договор был заключен либо одновременно с подписанием соглашения о мире с Латинской империей, на стороне которой выступали и Венеция, либо в самое ближайшее время после этого; см.: *Brezeanu S. Op. cit., p. 146*. О времени заключения договора о мире с Латинской империей см.: *Жаворонков П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. — ВВ, 1976, 37, с. 54—56*.

№ 11

4 индикт (1217 г.), октябрь.

διὰ ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς βασιλικῆς (текст). — Письмо к патриарху Мануилу I Сарантину о необходимости собора вместе с находящимся в Никее патриархом Антиохии и вынесении решения о митрополите Кесарии Каппадокийской Василии Карантине, который, будучи ранее обвинен собором в нарушении канонических правил, обратился с письмом к императору о снятии с него обвинений, но не получил на это разрешения Феодора.

Текст: MM, I, p. 322.

Литература: *Laurent V. Un prostagma impérial faussement attribué à l'empereur Jean VI Cantacuzène. — REB, 1964, 22, p. 250—252; Idem. Regestes, N 1262*.

Хронология: Ранее это послание ошибочно относили к 1352 г. (см.: *Laurent V. Un prostagma*). Упоминание в письме о патриархе Антиохии, находящемся в Никее вместе со своим синодом, при сопоставлении с индиктом позволяет предположить две даты — 1217 или 1232 г., когда антиохийский патриарх Симеон мог находиться в Никее. Изгнанный из Антиохии после 1209 г. (*Laurent V. Regestes, N 1232*; ср., однако, № 1220, где В. Лоран датирует изгнание после 1214 г.) принцем Боэмундом по политическим мотивам, Симеон не позднее начала 1213 г. прибыл в Киликийскую Армению к Левону II, который хорошо его принял, а оттуда — в Никею (согласно № 1232 «Регест» В. Лорана — вскоре после прибытия в Армению, а № 1220 — в самом начале патриаршества Мануила I Сарантина). Таким образом, несмотря на противоречия у В. Лорана, антиохийский патриарх должен был прибыть в Никею не позднее октября 1217 г., где он вместе

со своим синодом раскаялся перед Мануилом в подчинении папе (*Laurent V. Regestes, N 1220*).

В. Лоран (*Laurent V. Regestes, N 1262*) относит постановление синода о митрополите Василии Карантине к октябрю 1232 г., основываясь на единственном предположении, что Василий Карантин и патриарх Мануил Сарантин — родственники, и поэтому такой акт не мог появиться в патриаршество последнего (март 1217 г. — осень 1222 г.). Такой довод, однако, представляется сомнительным. Кроме того, в документах не обнаружено присутствия патриарха Антиохии Симеона в 1232 г. в Никее, хотя в апреле 1234 г. на переговорах с папскими легатами в Нимфее он присутствовал; см.: *Laurent V. Un prostagma, p. 252*. Весной следующего, 1235, года его вновь не было в Никее, и Герман II писал ему письмо с просьбой дать свое согласие на основание тырновской патриархии; см.: *Laurent V. Un prostagma, p. 252; idem. Regestes, N 1278*. Следовательно, если присутствие Симеона в 1232 г. в Никее нуждается в подтверждении, то октябрь 1217 г. не вызывает сомнений. Поэтому предпочтительнее датировать этот императорский акт октябрём 1217 г.

Нам известно, что на поместном соборе в июле 1220 г. в Никее присутствовал митрополит Кесарии Каппадокийской Митрофан; см.: *Mansi J., col. 1137 D — 1141 B*. Однако поскольку нам не известно присутствие Василия Карантина ни на одном из соборов, то Митрофан мог быть как его преемником, так и предшественником.

ИОАНН III ДУКА ВАТАЦ

(начало 1222 г. — 3 ноября 1254 г.)

№ 12

1234 г., 8 апреля — 4 мая.

Нимфей.

tractare de treughis (упом.). — Заключение перемирия с Латинской империей на один год. Предложение папских легатов, вынужденных вернуться из Константинополя в Нимфей для ведения переговоров о союзе церквей и заключения перемирия. Это предложение, вероятно, было принято Ватацем, так как после военных действий с Бриенем зимой 1233 г. между империями не было никакого соглашения.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Mansi J., col. 293 A*.

Литература: *Васильевский В. Г. Обновление, с. 207; Wolff R. Latin Empire, p. 218; Жаворонков П. Отношения, с. 203*.

Хронология: 8 апреля 1234 г. патриарх Герман II послал письмо в Константинополь к легатам, прося их возвратиться в Нимфей (*Laurent V. Regestes, N 1272*). Переговоры закончились 4 мая, и легаты тотчас отправились в Рим.

№ 13

1238—1239 гг.

Никея.

ἔρχους, σπονδῶν. — Договор с Мануилом Комниным, по которому он признает суверенитет Никейской империи.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Асгор., I, p. 61.23; 62.10*.

Литература: *Ферјанчић Б. Тесалија, с. 56; Андреева М. Очерки, с. 70; Златарски В. История, 3, с. 407; История Византии, т. 3, с. 61*.

Хронология: Мануил, изгнанный в 1237 г. из Фессалоники своим братом Феодором Ангелом, отправился в Атталию, откуда с помощью сульджуков переехал в Никею. Заключив союз с никейским императором и получив деньги и 6 кораблей, он отправился в Фессалию, где подчинил Фарсал,

Лариссу и Платамон, но затем порвал союз с Ватацем. Произошло это незадолго до смерти императрицы Ирины (начало 1241 г.); см.: *Асгор.*, I, р. 60.20—62.21.

№ 14

1241 г., май.

Императорское послание к королю и католикусу Армении. Это — ответ на «символ веры» (*libellus fidei*), привезенный митрополитом Селевки Герасимом и королевским логофетом Григорием (находится в *Vat. lat.* 7040, лл. 264—276). Послание было отправлено с посольством в состав митрополита Мелитины и логофета Иоанна, которое должно было начать переговоры об объединении церквей. Однако послы, прибыв в Армению и передав письмо королю Хетуму II, не застали там католикоса, так как он отправился в свою резиденцию на берегу Евфрата. Посольство возвратилось назад, не выполнив своей задачи.

Текст: утрачен.

Упоминание: В письме патриарха Мануила II от 1247—1248 г. католикосу и королю Армении. Письмо не издано, находится в трех рукописях см. *Laurent V. Regestes*, N 1309, р. 115.

№ 15

1252 г., конец.

ἡράκλειον ὑποσχέσεων (91.15). — Грамоты к албанскому князю Гуламу и Феодору Петралифе, побуждающие их перейти на сторону императора в борьбе с Михаилом II. Обещание Ватацем за это щедрых наград; *Асгор.* I, р. 91.11—16.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Асгор.*, I, р. 91.15.

Литература: *Gardner A. Lascarids*, р. 188; *Chapman C. Michael Paléologue*, р. 19; *Nicol D.*, р. 278.

№ 16

1253 г.

πρόσταγμα βασιλικόν. — Императорская грамота о необходимости начать суд над Михаилом Палеологом.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Pseudo-Phrantzes. Chronicon*, р. 154.24—25.

Литература: *Czebe G. Studien zum Hochverratsprozesse des M. Palaeologos im Jahr 1252.* — *BHJb*, 1934, S. 59—80.

Хронология: *Laurent V. Regestes*, N 1320.

№ 17

Хрисовул Хиландарскому монастырю. Содержание не известно. Вместе с ним монастырю были переданы недельное евангелие, писанное золотом в два столбца, и часть животворящего древа господня.

Текст: Хрисовул сгорел в 1722 г. при пожаре в монастыре; см.: Краткая история славяно-сербской Хиландарской лавры. СПб., 1862, с. 52.

Упоминание: Краткая история славяно-сербской Хиландарской лавры, с. 52. *Порфирий Успенский.* История Афона, ч. III. Афон монашеский, отд. 2. СПб., 1892, с. 87; *Он же.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1846 г. Киев, 1877, ч. 2, отд. 1, с. 5. Евангелие и часть животворящего древа сохранились — их видел Порфирий Успенский во время своего первого путешествия на Афон.

Хронология: Возможно, хрисовул был дан Ватацем во время путешествия Саввы, архиепископа Сербии, на Восток (1229/30 или 1234 г.), когда он дважды находил теплый прием в Никее и получал дары.

ФЕОДОР II ЛАСКАРЬ

(1254 г., ноябрь—1258 г., август)

№ 18

1254 г., конец—1255 г., начало.

Никея.

Bulla aurea. — Императорская грамота, посланная с татарским посольством к Менгу-хану. Содержание не известно.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Guillaume de Rubruk*, р. 313.

Хронология: С этим татарским посольством Рубрук встретился в Эрзеруме при возвращении из Каракорума в Акру; см.: *Guillaume de Rubruk*, р. 313.7—9.

Так как известно, что в Акру он прибыл 15 августа 1255 г. (*Андреева М.* Прием, с. 191), то и встреча в Эрзеруме не могла произойти ранее начала 1255 г. Значит, отправление грамоты должно быть датировано концом 1254 — началом 1255 г.

№ 19

1257/58 г.

ἀφορισμὸς καθυποβεβλήσθαι καὶ ἀναθέματι (упом.). — Приказание патриарху и синоду отлучить Эпирский деспотат и самого Михаила II от церкви за неподчинение никейскому императору.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Nic. Blem., Vita*, р. 45.19.

Хронология: *Laurent V. Regestes*, N 1335.

№ 20

1258 г., начало.

Каракорум?

πρόσβεῦσθαι, πρέσβεις δέχεσθαι. — Посольство к татаро-монголам, которое было с честью ими принято. На переговорах было достигнуто соглашение о мире и брачном союзе.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Pach.*, I, р. 137.2.3.

Хронология: Посольство было отправлено Феодором II, как пишет Пахимер, вскоре после отъезда татаро-монгольского посольства в конце 1257—начале 1258 г. из Магнезии; см.: *Андреева М.* Прием, с. 192.

Литература: *Андреева М.* Очерки, с. 72; *Жаворонков П.* Никейская империя, с. 99.

№ 21

?

τῷ δικαιομένῳ παρὰ τοῦ προβεβασιλευκότος. — Грамота Феодора II Никифору Влеммиду, подтверждающая права последнего на основанный монастырь св. Георгия Чудотворца близ Эфеса.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Nic. Blem., Vita*, р. 92.1—2.

Хронология: Влеммид сообщает об этом под 1259 г., когда дука Фракийской фемы Феодот Калофет пытался отобрать монастырь, но по постановлению Михаила VIII Палеолога владение монастырем было закреплено за Влеммидом (см. № 26). Под «прежде царствующим» здесь, скорее всего, имеется в виду не Иоанн IV, а Феодор II.

Литература: *Андреева М.* Адресаты, с. 198.

ИОАНН IV ЛАСКАРЬ
(1258 г., август—1259 г., январь)

№ 22

1258 г., до 13 ноября.

γνώμη... τοῦ δουκὸς κληρονόμου τῆς βασιλείας (упом.). — По решению девятилетнего императора Михаил Палеолог получает титул деспота.
Текст: утрачен.

Упоминание: *Pseudo-Phrantzes, Chronicon*, p. 160. 36—162.4.

Хронология: *Wirth P. Begründung*, S. 90.

МИХАИЛ VIII ПАЛЕОЛОГ
(1259 г., январь—1282 г., 11 декабря)

№ 23

1259 г., январь.

γράμμα βασιλικόν (98.5), τὰ простεταγμένα (98.7). — Императорские грамоты об удовлетворении всех жалоб народа. Такую грамоту мог получить всякий по своему желанию (τὸ κατὰ βούλησιν).

Текст: утрачен.

Упоминание: *Pach.*, I, p. 98.5,7.

Хронология: После провозглашения Михаила соимператором Иоанна I (Pach., I, p. 96.4—15), которое произошло 1 января 1259 г. в Нимфе (Wirth P. Begründung, S. 87—88), но до первой коронации.

Критика: Эти грамоты для средних слоев народа, а также хрисовулы военным и знати (см.: *Dölger F. Regesten*, III, N 1857) Михаил VIII Палеолог широко использовал в этот период как средство для привлечения на свою сторону народа и знати.

№ 24

1259 г., январь—июнь.

στέλλε εἰς τὸν ῥῆγαν τῆς Οὐγγρίας λαόν. — Посольство к королю Венгрии Беле IV, целью которого было заключение союза и получение помощи Венгрии в борьбе с Михаилом II Комниним, деспотом Эпира, накануне решающей битвы. Договор был заключен, и вспомогательное венгерское войско участвовало в сражении при Пелагонии летом 1259 г.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Chronicle of Morea*, v. 3576.

Литература: *Darkó E. Beziehungen*, S. 11.

Хронология: 1 января 1259 г. состоялась первая коронация Михаила VI Палеолога, а через полгода — битва с объединенным войском Эпирского деспота.

№ 25

1259 г., январь—июнь.

στέλλε... ὁμοίως στὸν ῥῆγαν τῆς Σερβίας. — Посольство к князю Ростиславу Михайловичу, зятю Беле IV; цель посольства и результат — те же, что и в случае с посольством к королю Венгрии (см. № 24).

Текст: утрачен.

Упоминание: *Chronicle of Morea*, v. 3576—3577.

Литература: *Darkó E. Beziehungen*, S. 11.

Хронология: См. выше, № 24.

Критика: Несомненно, что в данном случае «король Сербии» — это Урош I, который являлся союзником эпирского деспота, а черниговский князь Ростислав Михайлович. В 1243 г. он женился на дочери венгерского короля, воевал с Даниилом Галицким, а когда последний в 1245 г. заключил союз с Белой IV, навсегда остался в Венгрии. В 1254 г. получил титул

бана Мачвы (в Боснии), в 1256 г. был посредником при заключении мира между Никейской империей и Болгарией. Пытался утвердиться на болгарском престоле, но был вынужден уйти со своим войском в Венгрию, часть которого, состоявшая в основном из сербов и куман, участвовала в битве при Пелагонии на стороне Михаила VIII Палеолога; см.: *Прокофьев В. Г.* Ростислав Михайлович, русский князь XIII века. — В кн.: Юбилейный сборник Археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1936, с. 131—159; *Паушто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 230, 238; *Stodtmüller G.* Ungarns Balkanpolitik im zwölften und dreizehnten Jahrhundert. — In: *Überlieferung und Auftrag. Festschrift für M. de Ferdinandy*. Wiesbaden, 1972, S. 609—610.

№ 26

1259 г.

εἰσπράττεται δίκας. — Постановление императора, подтверждающее права Никифора Влеммида на владение основанным монастырем св. Георгия Чудотворца близ Смирны и отвергающее незаконные притязания со стороны Феодора Калофета, дуки Фракийской фемы.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Nic. Blem.*, Vita, p. 91.27.

Хронология: Феодор Калофет был дукой Фракийской фемы только в 1259 г.; см. *Dölger F. Regesten*, III, N 1868, 1871a, 1874, 1879.

Литература: *Андреева М.* Адресаты, с. 198.

№ 27

1259 г., конец.

προσταγῇ βασιλέως (упом.). — Императорское постановление синоду избрать патриархом Никифора, митрополита Эфеса.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Scut.*, p. 300. 16.

Хронология: *Laurent V. Chronologie*, p. 141—142.

№ 28

1261 г.

τὸ γράμμα (98. 7—8), ἀνελάμβανε τὰ простεταγμένα (98. 6—7). — Императорская грамота, отменяющая грамоты, выданные в январе 1259 г., в которых шла речь о жалобах (см. № 23).

Текст: утрачен.

Упоминание: *Pach.*, I, p. 98.6—7, 7—8.

Хронология: Пахимер сообщает, что это произошло через два года после января 1259 г. (Pach., I, p. 98.6). Это, конечно, не означает, что грамота была издана в январе 1261 г. Вполне возможно, что она появилась вскоре после взятия Константинополя 25 июля.

№ 29

1262 г., после 15 августа.

πρόσταξις... μετὰ γνώμης πατριάρχου (упом.). — Императорское и патриаршее повеление в связи с взятием Константинополя кесарем Алексеем Стратигопулом. Имя кесаря должно поминаться во всех церквах и на всех службах. Стратигопулу разрешается в течение всей жизни ежедневное ношение отличительного знака кесаря.

Текст: утрачен.

Упоминание: *Pseudo-Phrantzes. Chronicon*, p. 164.25.

Хронология, Критика: *Laurent V. Regestes*, N 1357.

ОСНОВНЫЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

- Андреева М. Адресаты — Андреева М. Адресаты и датировка двух писем Никифора Влеммида. — В кн.: Сборник статей, посвященный Павлу Николаевичу Милкову, 1859—1929. Прага, 1929, с. 193—204.
- Андреева М. Очерки — Андреева М. Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927.
- Андреева М. Прием — Андреева М. Прием татарских послов при никейском дворе. В кн.: Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1927, с. 187—200.
- Васильевский В. Обновление — Васильевский В. Г. Обновление болгарского патришества при царе Иоанне Асене II в 1235 г. — ЖМНП, 1885, ч. 238, с. 1—56, 206—238.
- Жаворонков П. Истоки — Жаворонков П. И. У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря). — ВВ, 1977, 38, с. 30—33.
- Жаворонков П. Никейская империя. — Жаворонков П. И. Никейская империя и Восток (Взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40—50-е годы XIII в.). — ВВ, 39, 1978, с. 93—101.
- Жаворонков П. Отношения — Жаворонков П. И. Никейско-болгарские отношения при Иване II Асене (1218—1241). — ВО, 1977, с. 195—209.
- Златарски В. История, 3 — Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове, т. 3. Второ Българско царство. София, 1940 (=1972).
- История Византии, т. 3 — История Византии: В 3-х т. М., т. 3, 1967.
- Ферјанчић Б. Тесалија — Ферјанчић Б. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1977.
- Асеп., I — Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, Vol. I.
- Chapman Michael Paléologue — Chapman C. Michael Paléologue, restaurateur de l'empire byzantin. Paris, 1926.
- Chatzepsaltes K. 'Εκκλησία — Chatzepsaltes K. 'Η ἐκκλησία Κύπρου καὶ τὸ ἐν Νικαίᾳ κοινεὺν πατριάρχεον ἀρχομένου τοῦ ΙΓ' μ. Χ. αἰῶνος. — Κυπριακαὶ Σπουδαί, 1964, т. 1, с. 141—168.
- Chronicle of Morea — The Chronicle of Morea / Ed. J. Schmit. London, 1904.
- Darkó E. Beziehungen — Darkó E. Byzantinisch-ungarisch Beziehungen in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts. Weimar, 1933.
- Dölger F. Regesten, III — Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München; Berlin, 1932, Bd. 3, 1204—1282.
- Gardner A. Lascarids — Gardner A. The Lascarids of Nicaea. The Story of an Empire in Exile. London, 1912.
- Guillaume de Rubruk — Guillaume de Rubruk. Relations des voyages. — Recueil des voyages et de Mémoires / Publié par la société de Géographie. Paris, 1839, t. 4, p. 213—396.
- Heisenberg A. NQ, 3 — Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaiserreichs und der Kirchenunion. III: Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. — SBAW, Phil.-hist. Klasse, München, 1923, N 3.
- Ibn Bibi — Duda H. W. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.
- Lagopates S. Γερμανός ὁ Β' — Lagopates S. Γερμανός ὁ Β', πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως — Νικαίας (1222—1240). 'Εν Τριπόλει, 1914.
- Lampros Sp., II — Μιχαὴλ 'Αχομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα. 'Εν 'Αθήναις, 1880, т. 2.
- Laurent V. Chronologie — Laurent V. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208—1309). — REB, 1969, 27, p. 129—150.
- Laurent V. Regestes — Laurent V. Les Regestes de 1208 à 1309 (Collection de Patriarches Byzantins. Les actes du Patriarcat de Constantinople, fasc. 4). Paris, 1971.
- Longnon J. L'empire — Longnon J. L'empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. Paris, 1949.
- Mansi J. — Mansi J. Sacrorum conciliorum, nova et amplissima collectio. Paris, 1903, t. 23.
- MM, I — Miklosich F. et Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi. — Vindobonae, 1860, v. I.
- Nic. Blem. Vita — Nicephori Blemmidae curriculum vitae et carmina, nunc primum edita. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896.
- Nic. Chon. — Nicetae Choniatae historia. Bonnae, 1835.
- Nic. Chon., Orationes — Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae / Rec. I. A. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1972.
- Nicol D. — Nicol D. M. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957.
- Oikonomides N. — Oikonomides N. Cinq actes inédites du patriarche Michael Autoreianos. — REB, 1967, 25, p. 113—145.
- Pach., I — Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Paleologis libri XIII / Rec. J. Bekker. Bonnae, 1835, v. I.
- Prinzing G. — Prinzing G. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219 im Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen

- Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges. München, 1972.
- Pseudo-Phrantzes. Chronicon. — Pseudo-Phrantzes, sive Macarii Melissenii Chronicon (1256—1481). — In: Georgios Sphrantzes Memorii / Ed. B. Grecu. București, 1966, p. 149—591.
- Scut. — Theodori Scutariotae Additamenta. — In: Georgii Acropolitae Opera. Lipsiae, 1903, v. I, p. 277—302.
- Sinogowitz B. Byz., Kaisertum — Sinogowitz B. Über das Byzantinische Kaisertum nach dem vierten Kreuzzuge (1204—1205). — BZ, 1952, 45, S. 345—356.
- Tafel u. Thomas. Urkunden, II — Tafel F. und Thomas M. Urkunden zur Älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besondere Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien, 1856, Bd. 2.
- Wirth P. Begründung — Wirth P. Die Begründung der Kaisermacht Michaels VIII Palaiologos. — JÖBG, 1961, 10, S. 85—91.
- Wittek P. Toponymie — Wittek P. Von der byzantinischen zur türkischen Toponymie. — Byz., 1935, 10, p. 11—64.
- Wolff R. Latin Empire — Wolff R. The Latin Empire of Constantinople, 1204—1261. — In: A History of the Crusades. The Later Crusades, 1189—1311. Philadelphia, 1962, v. 2.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ О РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ЗАКОНА

1. РУКОПИСИ X—XII вв.

Земледельческий закон, этот уникальный источник по социально-экономической истории Византии, происхождение и датировка которого порождают много споров среди специалистов¹, до сих пор не имеет удовлетворительного научного исследования, так как для этого отсутствовало необходимое условие — подлинно критическое издание, основанное на учете всей рукописной традиции. Вплоть до конца XIX в. указанный юридический памятник был известен в основном как одно из добавлений к «Шестикнижию» Константина Арменопула (середина XIV в.), где он фигурирует в переработанном виде, с измененным порядком статей, с предисловием и заглавиями групп статей, с рядом дополнений и т. д.² (назовем эту позднюю редакцию Земледельческого закона «арменопуловской», хотя некоторые исследователи склоняются к обоснованному, на наш взгляд, мнению о том, что автором ее не был сам Арменопул)³. Правда, еще раньше исследователям было известно несколько списков Земледельческого закона, содержащих его первоначальную редакцию. Так, уже Цахариэ фон Лингенталь в своей «Истории греко-римского права» отметил, что сами древние рукописи Земледельческого закона (указаны Paris, gr. 136 и Marc. gr. 579) содержат редакцию, отличающуюся от «арменопуловской» и в приложении к изданному им Прохирону описал (наряду с другими оксфордскими рукописями юридического содержания) Бодлейанскую рукопись Bodl. 264 (Roe 18), датированную 1349 г. и также содержащую первоначальную редакцию Земледельческого закона⁴.

В связи с последней публикацией Цахариэ фон Лингенталь В. Г. Васильевский обратил внимание на две московские рукописи Синодальной библиотеки с той же редакцией Земледельческого закона (ныне ГИМ № 318 и ГИМ № 322)⁵, датирующиеся соответственно концом XI

¹ В данной работе мы не ставим целью входить в детали этих споров, суть которых и различные точки зрения на проблему достаточно полно изложены, например, в работе: *Crout G. La Loi agraire byzantine dans les pays du sud-est européen. Balkan Studies*, 1974, 15, p. 49—60. Оговоримся, однако, что наиболее обоснованным нам представляется точка зрения о поэтапном складывании текста Земледельческого закона на протяжении веков и о том, что наиболее древняя его часть восходит к VI в. см.: *Karayannopoulos J. Entstehung und Bedeutung des Nomos Georgikos. — BZ*, 1958, 51, S. 357—373.

² *Constantini Harmenopuli Manuale legum cum legibus agrariis illustravit G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851, p. 828—851.*

³ Ср. противоположное мнение: *Dölger F. Harmenopulos und der Nomos Georgikos. In: Tómos K. 'Αρμενοπούλου επί τη ἐξακολουθητικῇ τῆς Ἑξαβίβλου αὐτοῦ. Θεσσαλονίκη, 1953, σ. 151—162.*

⁴ *Zachariae von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin 1892, S. 249; Idem. Commentatio de Bibliotheca Bodleiana cuiusque codicibus ad I. Graeco-Romanum spectantibus. — In: 'Ο Πρόχειρος Νόμος. Neidelbergae, 1837, N 4, p. 315—322.*

⁵ *Васильевский В. Г. О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках Земледельческого закона. — ЖМНП, 1879, январь, 201, с. 161—171.*

и первой четвертью XIV в. (новейшая датировка Б. Л. Фонкича). Поскольку В. Г. Васильевский (как и все последующие исследователи) ошибочно датировал ГИМ № 322 XV веком, то оказывается необоснованным и его тезис о «совершенной невозможности» происхождения Bodl. 264 от указанной Московской⁶. Отнести эти два списка к разным традициям заставляют различия в составе рукописей и разночтения в тексте Земледельческого закона, хотя оба они передают первоначальную редакцию этого памятника.

Первым, однако, ввел в научный оборот Земледельческий закон в его первоначальной редакции А. С. Павлов, опубликовавший в 1885 г. так называемые «Книги законные», т. е. юридическую компиляцию, которая содержала в основном в древнерусском переводе памятники византийского права⁷. И хотя перед Павловым стояла задача издания русских юридических памятников, переведенных с греческих подлинников, а отнюдь не издание самих византийских оригиналов, именно им впервые изданы и названные греческие списки Земледельческого закона, принадлежавшие Московской синодальной библиотеке. При этом список ГИМ № 322, который Павлов датировал, как и Васильевский, XV в., был опубликован им целиком, параллельно с древнерусским переводом памятника, а разночтения рукописи ГИМ № 318, датированной им XI—XII вв., были указаны в аппарате. Павлов аргументирует это тем, что «содержащиеся в нем (т. е. в списке ГИМ № 322) тексты оказываются более близкими к славянскому переводу, чем во всех существующих печатных изданиях»⁸. К этим словам русского канониста мы можем добавить, что список ГИМ № 322 ближе к славянской версии Земледельческого закона не только по сравнению с существовавшими во времена Павлова изданиями, но и со всеми известными нам в настоящее время греческими рукописями: слив тексты около полусотни рукописей, мы не обнаружили ни одного, который был бы ближе к древнерусскому переводу. Павлову, который и не помышлял производить какие бы то ни было изыскания в этом направлении, просто посчастливилось «напасть» именно на тот список, который больше всего соответствовал славянской версии и мог, очевидно, служить для последней оригиналом.

Опубликованное в 1898 г. итальянским ученым К. Феррини издание Земледельческого закона, несколько претенциозно названное им «критическим», базируется на рукописи XIII в. (Феррини считал ее древнейшей) Ambros. gr. M 68 sup. с разночтениями по другой рукописи XIII в. — Ambros. gr. Q 50 sup. и «изданиям» (каким именно, не указано, но несомненно то, что издание Павлова осталось итальянскому ученому неизвестным)⁹. Уже Б. А. Панченко, положивший издание Феррини в основу своей капитальной и широко известной работы «Крестьянская собственность в Византии», отмечал, что «как ни ценен вклад, сделанный Феррини в историю византийского законодательства, критическим изданием крестьянского закона наука еще не обладает»¹⁰. Еще более суровую оценку изданию Феррини дал английский исследователь Эшбернер: «Если под критическим изданием понимается издание, в котором проявлено хоть какое-то умение разбираться, то текст Феррини не может быть назван критическим, так как он просто воспроизводит (с одной или двумя незначительными поправками) рукопись, которая была под рукой у Феррини»¹¹.

⁶ Там же, с. 165.

⁷ *Павлов А. С. Византийские «Книги Законные» в древне-русском переводе. — Сборник ОРЯС, 1885, т. 38.*

⁸ Там же, с. 9.

⁹ *Ferrini C. Edizione critica del Νόμος Γεωργικός. — BZ, 1898, 7, p. 558—571. Перепечатано без изменений в собрании сочинений Феррини: Ferrini C. Opere. Milano, 1929, 1, p. 377—395.*

¹⁰ *Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, с. 6.*

¹¹ *Ashburner W. The Farmer's Law. — JHS, 1910, 30, p. 86—87.*

Сам Эшбернер в цитируемой работе впервые предложил издание первоначальной редакции Земледельческого закона, которое может быть названо критическим, ибо оно основано на сопоставлении 6 списков (и частично седьмого), среди которых имеются и наиболее древние Marc. gr. 579 (X в. — датировки наши), частично Vat. gr. 2075 (X в. Эшбернер дал сличение только 11 первых и 4 последних глав), Ambros. gr. Q 25 sup. (конец XI в.), Marc. gr. 172 (XII в.)¹², две парижских рукописи XII в. — Paris. gr. 1367 и Paris. gr. 1384, а также Vallicel. E 55 (XIII в.). Эшбернеру было известно о существовании большого числа рукописей XI—XVI вв., сохранивших текст Земледельческого закона (он называет цифру «по меньшей мере 100»), а также разных редакций памятника, представленных этими рукописями. Ограниченный выбор тех рукописей, на которых базируется его издание, он аргументирует так: «Это верно, что поздний список может давать иногда лучший текст, чем более ранний, но если все ранние рукописи дают в основном один текст, в то время как более поздние рукописи дают версии, которые очень отличаются одна от другой, есть некоторая вероятность, что подлинный текст — тот, который представлен ранними рукописями»¹³.

Издание Эшбернера оказалось достаточно удовлетворительным, что вплоть до настоящего времени служить базой для исследователей, занимающихся проблемами аграрных отношений, общины, истории византийского крестьянства¹⁴. Тем не менее самим развитием науки на этот день выдвигается вопрос о необходимости подготовки нового критического издания первоначальной редакции (впрочем, и позднейшей тоже) Земледельческого закона, которое бы учитывало по возможности всю рукописную традицию этого памятника. Важно ввести в научный оборот целый ряд превосходных рукописей, выяснить соотношение текстов Земледельческого закона, который они содержат, состав этих рукописей. Именно осознание необходимости проведения этой работы побудило французского ученого Ж. Малафосса предпринять по возможности полное обследование рукописей, содержащих греческую версию Земледельческого закона¹⁵. Проведенное им исследование — единственное, на котором базировались до сих пор наши представления о рукописной традиции этого памятника. В отличие от Эшбернера он насчитал около 80 списков XI—XVII вв., включая «арменопуловскую» редакцию. Однако им использованы группа московских рукописей (шесть списков XI—XVI вв.), группа синайских и ватиканских рукописей, в том числе Барбериновский список XI в. (Barber. gr. 578). К тому же Малафосс ограничил свою задачу исследованием эволюции так называемого «приложения к Эклоге», в

став которого входил Земледельческий закон, так как считал, что «история рукописной традиции Земледельческого закона составляет лишь один из аспектов гораздо более широкой проблемы, а именно — проблемы эволюции этого приложения»¹⁶. Разумеется, ни один исследователь Земледельческого закона не может пройти мимо тех выводов, к которым пришел французский ученый (хотя приходится констатировать, что многие ученые их тем не менее игнорируют), но работа в этом направлении должна продолжаться, и прежде всего — в плане разработки указанных выше и еще не изученных вопросов.

В первой части настоящей работы мы излагаем наши предварительные наблюдения над 11 рукописями X—XII вв. из тех 30, которые отобраны нами в качестве основы готовящегося советского издания Земледельческого закона (вторая часть будет посвящена рукописям XIII—XIV вв.)¹⁷. Мы не привлекаем для анализа рукописи, содержащие текст «арменопуловской» редакции памятника (ибо это особая тема, которая также заслуживает внимания исследователей), а также поздние «поствизантийские» рукописи XV—XVII вв., как ничего не дающие для установления критического текста первоначальной редакции Земледельческого закона. Отобранные нами 30 рукописей включают практически все известные на данный момент списки этой редакции, которые должны быть учтены в издании¹⁸.

Прежде всего отметим находившуюся в нашем распоряжении группу из пяти наиболее древних рукописей, датирующихся X—XI вв., к которой относится к Marc. gr. 579, положенная в основу издания Эшбернера¹⁹. Рукопись бесспорно происходит из Южной Италии, из семейной библиотеки Морозини, как об этом свидетельствуют владельческие пометы: л. 6 — ἐκ τῶν Μάρκου ἱερέως Μορζήνου, л. 195 — Ἐκ τῶν Ἰωάννου Μορζήνου καὶ τοῦ ἀμαρτωλοῦ ἱερέως. Она сильно повреждена, состоит из бумажной части (лл. 1—64, 195), писаной почерком XV в. и содержащей Prochiron auctum (обрывается на титуле XXI), и пергаменной (лл. 65—194), писаной минускулом конца X—начала XI в. с использованием лигатуры «пиковый туз» (когда лигатура *er* образует фигуру , что особенно наглядно выдает ее южноитальянское происхождение: группа аналогичных рукописей, хотя и не поддается точной локализации, все же связывается исследователями с Сицилией, Калабрией, Кампанией²⁰.

¹⁶ Ibid., p. 2.

¹⁷ В работе над изданием участвуют Е. Э. Липшиц, которая подготавливает постановный историко-юридический комментарий, Е. К. Пиотровская, которая готовит новое критическое издание древнерусской версии, и автор настоящих строк, на долю которого приходится изучение рукописной традиции греческой первоначальной редакции Земледельческого закона и собственно издание памятника.

¹⁸ Московские и парижские рукописи были изучены нами *de visu*, все остальные — по микрофильмам или фотокопиям. Мы выражаем нашу сердечную благодарность тем учреждениям и лицам, которые оказали нам содействие и помощь в получении необходимых материалов: Институту исследования и истории текстов Национального центра научных исследований (Франция), его директору Ж. Глениссону и сотрудникам М.-О. Монежье дю Сорбье и Ж.-М. Оливье; Отделу рукописей парижской Национальной библиотеки; Ватиканской библиотеке; профессорам М. Арранцу (Ватикан), Ш. Астрюку и Д. Папахрисанфу (Париж), сотрудникам Отдела рукописей ГИМ, а также А. В. Банк, передавшей нам некоторые материалы своих ранних занятий Земледельческим законом под руководством В. Н. Бенешевича.

¹⁹ См. описание рукописи, сделанное Кастеллани и напечатанное с поправками Фишера в его рецензии на работу Феррини: BZ, 1899, 8, S. 171—175.

²⁰ См.: Devreesse R. Les manuscrits grecs de l'Italie Meridionale (histoire, classement, paleographie). Città del Vaticano, 1955; Canart P. Le problème du style d'écriture dit «en as de pique» dans les manuscrits italo-grecs. — Atti del 4° Congresso Storico Calabrese. Napoli, s. a., p. 55—69; Concasty M.-L. Manuscrits grecs originaux de l'Italie meridionale conservés à Paris. — Atti dello VIII Congresso internazionale di studi bizantini. Roma, 1953, t. 1, p. 22—34. За указание на факт принадлежности Marc. gr. 579 к группе южноитальянских рукописей и литературы об этих рукописях сердечно благодарю Б. Л. Фонкича.

¹² Указанная марцианская рукопись фигурирует у Эшбернера и в работе Малафосса о которой речь впереди, под шифром Marc. gr. 167, и это создает для нас неразрешимую загадку. Marc. gr. 167, которую мы, как и Marc. gr. 172, изучали в микрофильме, не содержит никаких юридических текстов, в том числе и текста Земледельческого закона, тогда как Marc. gr. 172 — это именно та рукопись, которую пользовались Эшбернер и Малафосс. Перемена шифра? Но на наличие в Marc. gr. 172 Земледельческого закона указывал еще В. Фишер, описавший эту рукопись в своей рецензии на работу Феррини (BZ, 1899, S. 176—181).

¹³ Ashburner W. Op. cit., p. 87.

¹⁴ См., например, недавно изданные материалы коллоквиума, состоявшегося 16 октября 1974 г. в Центральном институте древней истории в Берлине: Stud. zum 7. Jahrhundert im Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus/ H. von H. Köpstein und F. Winkelmann. Berlin, 1976. См. также: Kupiszewski H. droit hellénistique dans le Νόμος Γεωργικός. — JJP, 1971, 16—17, p. 85—100; Laiou A. E. A note on the Farmer's Law, chapter 67. — Byz., 1971, 41, p. 197—200; Pantazopoulos N. J. Peculiar institutions of byzantine law in the Georgikos Nomos. RESEE, 1971, 9, p. 541—547; Loos M. Quelques remarques sur les communautés rurales et la grande propriété terrienne à Byzance (VIIe—XIe siècles). — BS, 1973, 39, p. 3—18.

¹⁵ Malafosse J. Les lois agraires à l'époque byzantine. Tradition et exégèse. — Recueil de l'Académie de Législation, 1949, 19, p. 1—75.

Нас интересует прежде всего именно эта древнейшая часть рукописи, так как именно в ней на лл. 191 об.—194 об. содержатся 66 глав (вместо 85) Земледельческого закона. Глава 66 как раз замыкает пергаменную часть рукописи, но есть еще бумажный л. 195, на котором писец XV в. продолжил текст Земледельческого закона до главы 77 включительно, переписав эту часть с какой-то другой рукописи. Первоначально же рукопись содержала, очевидно, 83 главы Земледельческого закона, как указано в заглавии: *Κεφάλαια νόμου γεωργικοῦ κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῆς Ἰουστινιανοῦ βιβλίου κεφάλαια πρὸς τὴν ἐκλογὴν*. Перед главой 23 имеется рубрика *περὶ ἀγελαρίων*. Интересно, что уже в этой, одной из самых ранних дошедших до нас рукописей, в 53-ю главу Земледельческого закона включена интерполяция из Эклоги (XVII, 8). Сам же Земледельческий закон наряду с Морским и Воинским законами включен в состав юридической компиляции X в., известной под названием «Эпитомы, измененной по Прохирону» (*Epitome ad Prochiron mutata*).²¹ Правда, будучи помещенными в разных местах между титулами этой компиляции (Морской закон — между титулами 23 и 24, Воинский закон — после не отмеченного Мортрейлем 44-го титула *περὶ κλεπτῶν καὶ ὑποδρεῦν καὶ ἱεροδούλων καὶ ἐξανδραποδιστῶν* и еще одного текста — *περὶ κεφαλαιῶν ἐν λημμάτων*, наконец Земледельческий закон — сразу же за Воинским законом), данные трех памятников (как показал Малафосс, наиболее устойчивая часть Приложения к Эклоге) не нарушают нумерации титулов, так как сами не имеют нумерации и не мыслились, очевидно, редакторам сборника в качестве органических частей компиляции (не потому ли они и исключены без каких-либо объяснений Мортрейлем из описания состава Эпитомы, измененной по Прохирону?).

Среди других рукописей, датирующихся X—XI вв., нет такой, которая бы повторяла *Magr. gr. 579*. Хотя все они дают одну, первоначальную редакцию Земледельческого закона и, в сущности, один текст, но некоторые особенности в передаче этого текста позволяют различать среди них три группы. Так, очень близки между собой *Vat. gr. 2075* и *Ambros. Q 25 sup.*, обе также южноитальянского происхождения. Первая из них происходит из Гроттаферраты и писана, на наш взгляд, тем же «калабриским почерком» конца X в., которым писана *Vat. gr. 1912* (тот же писец). Рукопись содержит (помимо так называемого «Сборника из 87 глав» — канонов апостолов, юридического лексикона и др.) юридическую компиляцию X в. *Epitome legum* в 45 титулах²⁴, за которой следуют Морской закон (48 глав) и Земледельческий закон (лл. 35—41). Есть в этой рукописи и Воинский закон, но он, по мнению Хаймбаха, писан уже почерком XII в., как и вся последняя часть рукописи, содержащая фрагменты книги 50 Василия (после них идет Воинский закон) и фрагменты из 28 книги этого же памятника, следующие за Воинским законом²⁵.

Что касается *Ambros. Q 25* (конец XI в.; привезена из Калабрии в 1607 г.), то оказалось, что, помимо Земледельческого закона (лл. 5—10 об.), он содержит в фрагментарном состоянии также Морской закон (лл. 1—4 об.) и *Epitome legum* (лл. 10 об.—199)²⁶. Как и *Vat. gr. 2075*, *Ambros. Q 25* имеет наиболее употребительное заглавие Земледельческого закона: *Κεφάλαια νόμου γεωργικοῦ κατ' ἐκλογὴν ἐκ τοῦ Ἰουστινιανοῦ βιβλίου*, а почти по-

ное совпадение текстов обеих рукописей заставляет допустить вероятность того, что редактор Амброзианской рукописи использовал в качестве образца *Vat. gr. 2075*. Незначительные отличия говорят лишь об ухудшении текста копии по сравнению с текстом образца. Так, *Vat. gr. 2075* нормально содержит главу 65, в то время как в *Ambros. Q 25* эта глава пропущена, но следующая пронумерована правильно — как 66 (§ 5). Значит, писец по небрежности пропустил главу 65 или, вернее, дописав в главе 64 текст до фразы *πρὸς ἄμυναν κτλ.*, перескочил на главу 65, выхватив из нее лишь концовку — слово *χειροκοπεῖσθαι* (именно в такой редакции глава 64 содержится в Амброзианской рукописи). Последняя показывает также обилие итализмов, смещение ω — о, αι — ε, удвоение ν, встречающиеся и в *Vat. gr. 2075*, но далеко не так часто. В целом же бесспорно южноитальянское происхождение обеих рукописей делает весьма вероятным высказанное соображение.

Несомненно, близки между собой также едва ли не лучшие по своей сохранности и внутренним достоинствам рукописи ГИМ, № 318 и *Barber. gr. 578*. Первая из них может быть, на наш взгляд, датирована второй половиной или концом XI в. как по своему письму, так и по тому, что в Хронографиконе патриарха Никифора (лл. 1—5) последним императором указан Михаил V (1042 г.)²⁷ и что рукопись содержит ряд сочинений известного мистика XI в. Никиты Стифата (ум. ок. 1090 г.). Рукопись замечательна тем, что текст Земледельческого закона (лл. 211—215 об.) не составляет здесь приложение к какой-то юридической компиляции, представляющей гражданское законодательство, а включен в сборник канонических текстов (наряду с другими текстами из Приложения к Эклоге, в частности с сокращенной версией Моисеева закона и Морским законом) как самостоятельный памятник. Обращает на себя внимание, что основу включенных в рукопись текстов составляет фонд древнейших источников канонического права, восходящих к VI в., в частности Синагога церковных канонов в 50 титулах и Номоканон в 14 титулах — как в его первой редакции (пролог с начальными словами *Τὰ μὲν σώματα καταλλήλως*), так и в редакции, известной под названием Номоканона Фотия (лл. 9—143 об.)²⁸. Вообще наличие здесь сочинений константинопольских патриархов IX в. Никифора (Хронографикон, сочинение об иконах и кресте на лл. 158 об. — 160) и Фотия (кроме Номоканона, еще послание на л. 158—158 об.) в сопоставлении отсутствия в составе рукописи исаврийской Эклоги или какой-либо другой официальной юридической компиляции времен Македонской династии может побудить к заключению такого рода: не послужила ли образцом для создания ГИМ № 318 какая-то рукопись IX в., из которой Эклога императоров-иконоборцев была исключена, а других (для замены) официальных юридических сборников или их частных переработок еще в наличии не было.

Говоря о ГИМ № 318, следует отметить, что это единственная из группы ранних рукописей, которая дает добротный текст Земледельческого закона, содержащий все 85 глав первоначальной редакции (правда, в главе 70 пропущена значительная часть текста — фраза *καὶ μὴ ἐξακολουθοῦντες μέτρα ἀδικα ἔχοντες*), свободный от каких-либо интерполяций и других следов обработки и редактирования, если не считать приписку в конце текста, после главы 85, сделанную, возможно, писцом текста, но, очевидно, позднее: она сжата, изобилует сокращениями, от которых свободен основной текст памятника. Писец пытался втиснуть приписку вниз уже оформлен-

²¹ См. о ней: *Mortreuil J.-A.-B. Histoire du droit byzantin*. Paris, 1844, t. 2, p. 382—383.

²² Ср. *Devreesse R. Op. cit.*, p. 28, pl. I. Библиографию о *Vat. gr. 2075* см.: *Canart L. Peri V. Sussidi bibliografici per i manoscritti greci della Biblioteca Vaticana*. Città del Vaticano, 1970, p. 681; ср. *idem. Op. cit.*, p. 56.

²³ *Бенешевич В. Н.* Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914, с. 17, 288.

²⁴ *Zepos J., Zepos P. Jus graeco-romanum*. Athenis, 1936, v. 4, p. 276—582; *Mortreuil J.-A.-B. Op. cit.*, p. 372—382.

²⁵ *Basilicorum libri LX/Ed. C. Heimbach*. Lipsiae, 1870, t. 4, p. 174—175.

²⁶ *Martini Aem. et Bassi D. Catalogus codicum graecorum bibliothecae Ambrosianae*. Mediolani, 1906, t. 2, p. 755—756 (N 671).

²⁷ Список императоров был позднее кем-то продолжен и доведен до Иоанна Комнина включительно (1143 г.). Описание ГИМ, № 318 см. Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1894, ч. 1. Рукописи греческие, с. 449—454.

²⁸ *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905. Текст издан: *Pitra I. B. Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*. Romae, 1868, t. 2, p. 445—636.

ного листа, стараясь не нарушить его архитектонику и все же нарушая ее. Издаем эту приписку в уточненном по сравнению с изданием В. Г. Васильевского²⁹ виде:

Μηδένα τὸν δανείζοντα γεωργὸν κρατεῖν τὴν αὐτοῦ γῆν, λαμβάνοντα δὲ ἐξ αὐτοῦ ἐφ' ἐκάστῳ ἔτει ὑπὲρ λόγου τόκου τῷ νομίσματι κεράτιον ἅ· εἰ δὲ καὶ σίτος ἐστὶν τὸ δάνειον, τὸν ἰβ' ἀπαιτῆτω τὸν χρεώστην ὑπὲρ τοῦ τοιοῦτου τόκου.

Никто, давая в долг крестьянину, не может держать его землю, взяв лишь с него ежегодно в качестве процентов на (золотую) монету один кератий. Если же заем — хлеб, то должно требовать с должника в виде процентов двенадцатую часть ссуды.

Как отметил еще В. Г. Васильевский, эта дополнительная статья наминает 32-ю новеллу Юстиниана и «по крайней мере в первой своей части, все-таки редактирована при помощи самой Юстиниановой новеллы, или, точнее, ее заглавия, которое читается так: περὶ τοῦ, μηδένα δανείζοντα γεωργῷ, κρατεῖν τὴν ἐκείνου γῆν, καὶ πόσον ὀφείλουσι λαμβάνειν τόκου ἀπὸ τῶν γεωργῶν... Впрочем, постановление Юстиниана перешло также в Василики (XXIII, 3, 76) и Эпаналогу умноженную (XXII, 13)»³⁰.

Именно отмеченные достоинства ГИМ № 318, а также желание ввести в научный оборот отечественный список Земледельческого закона обусловили наше намерение положить его в основу будущего издания, хотя мы располагаем и более ранними списками, в том числе и Barber. gr. 578. Последняя рукопись писана прекрасным «Жемчужным письмом» (Perlschrift) XI в. (только лл. 256 об.—257 об. писаны другой, менее опытной рукой). Содержащийся на лл. 240—244 Синодик в неделю православия дал В. Н. Бенешевичу, впервые частично описавшему рукопись, основания для уточнения датировки: поскольку здесь перечислены патриархи антиохийские от Христофора (960—969) до Феодора (1034—1043) и константинопольские от Германа I до Алексея Студита (1025—1043), но не провозглашается многолетие преемнику последнего Михаилу Кируларию (1043—1069), как живущему во время написания рукописи, «то вернее думать, — говорит Бенешевич, — что она во всяком случае не раньше второй половины XI в.». Рукопись происходит из библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае, как это явствует из пометы XVII в. (?) на л. 261: βιβλίον τῆς ἀγίας Αἰκατερίνης· ὅστις νοσφίστηται γὰρ καὶ ξενόσει τῆς μονῆς ἀφορίζεσθω (см. на л. еще одну владельческую запись: Caroli Strozzeae Thome filij).

Указанные особенности состава ГИМ № 318 в полной мере относятся и к Barber. gr. 578. Если не считать выдержек из 53-й книги Василики (постановлений, относящихся к морскому праву), помещенных между текстами Земледельческого и Морского законов (лл. 248—261 об.), в Barber. gr. 578 также нет памятников гражданского законодательства, и Земледельческий и Морской законы (все прочие тексты Приложения к Эклоге в частности Моисеев закон, отсутствуют) фигурируют наравне с другими каноническими текстами как самостоятельные памятники. Здесь тоже основу рукописи составляют Номоканон в 14 титулов I редакции (лл. 1—60) Синагога церковных канонов в 50 титулов (лл. 60—66, текст канонов не выписан, сделаны только ссылки на них), а также комплекс канонических текстов, находящихся и в ГИМ № 318 (каноны Петра Александрийского, послания Афанасия Александрийского к монаху Амуну и Руфиниану, канонические ответы Тимофея Александрийского, послания Василия Кесарийского, послания Григория Нисского к епископу Литоми и др.). Есть в Барбериновской рукописи тексты, отсутствующие в ГИМ

№ 318 (это прежде всего не отмеченные в описании Бенешевича каноны апостолов и соборов Никейского, Анкирского, Неокесарийского, Гавгрского, Антиохийского, Лаодикийского, Константинопольского, Эфесского, Халкидонского, Сардского, Карфагенского, второго Никейского, первого и второго Константинопольских — лл. 69—184 об.), и, наоборот, отсутствуют тексты, имеющиеся в Московском кодексе (сочинения патриархов Никифора и Фотия, церковные каноны Симона Кананита, сочинения Никиты Стифата).

Таким образом, различия в составе этих двух очень важных для установления текста первоначальной редакции рукописей имеются, но родство их несомненно. Оно заставляет предполагать наличие какого-то общего образца, возможно, гипотетической рукописи IX в., которая была по-своему использована редакторами названных списков в XI в. Это подтверждается и однотипностью текста Земледельческого закона в обеих рукописях. Конечно, есть различия и в тексте (так, например, в Барбериновском списке пропущена глава 74, зато глава 70 представлена полностью; по-разному отредактировано заглавие; Барбериновский список сохраняет все артикли и предлоги, в то время как Московский имеет тенденцию опускать некоторые из них; имеются различия в написании некоторых слов и словосочетаний), но все они могут быть объяснены особенностями работы разных писцов, использовавших один и тот же образец. Как и в ГИМ № 318, текст Земледельческого закона Барбериновского списка свободен от каких-либо интерполяций и следов переделки или редактирования текста (отсутствие главы 74 объясняется, очевидно, небрежностью писца, пропустившего ее).

Итак, первая констатация: Земледельческий закон, который, по-видимому, в начале VIII в. был включен в Приложение к исаврийской Эклоге и с этого времени стал активно распространяться, дошел до нас в самых ранних рукописях, датирующихся X—XI вв., ни в одной из которых уже нет Эклоги: в одних она просто исключена из состава, в других заменена позднейшими кодификациями (Epitome legum и ее переделками). Зато в XII в. мы снова наблюдаем «ранессанс» Эклоги или ее переработок в рукописях, содержащих текст Земледельческого закона, в частности в уже упоминавшейся Marc. gr. 172.

Marc. gr. 172 — это пергаменная рукопись, бесспорно, южноитальянского происхождения. Писец рукописи (а он, вне всякого сомнения, может быть идентифицирован с писцом Четвероевангелия Paris. Suppl. gr. 1265)³² — нотариус Иоанн, изготовивший ее в июле 1175 г., как явствует из пометы на л. 256 об.³³: Ἐτελειώθη τὸ παρὸν νόμιμον βιβλίον μηνὶ ἰουλίῳ ἰνδ. ἡ ἐν ἔτει ς χη' διὰ χειρὸς Ἰω (ἀννου) εὐτελοῦς νοταρίου· οἱ ἐντυγχάνοντες εὐχεσθε τὸ κτήσαντι ταῦτα, ὅπως κύριος ὁ θεὸς δῶῃ αὐτῷ μακροβίωσιν ἐν πολλοῖς ἔτεσιν, ἀμήν· — τῷ δὲ ταῦτα γράφοντι μὴ οὕτως καταρᾶσθε· ὁ γὰρ γράφων παραγράφει καὶ ἔρρωσθε.

Любопытно, что исаврийская Эклога (Ἐκλογὴ τῶν νόμων... ς σμζ') представлена здесь лишь прологом «мудрых и благочестивых» императоров Льва и Константина (лл. 28—30 об. Нач. Ὁ δεσπότης... Кон. παραβάται

²⁹ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 170.

³⁰ Там же.

³¹ Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулов... с. 103—104.

³² Ср.: Concasty M.-L. Op. cit., p. 28—29, pl. VI (тот же почерк, та же организация листа в два столбца, то же оформление с использованием ромбов с вписанными в них лилиями). Девреес допускает возможность происхождения Marc. gr. 172 из каллиграфической школы Бовалино; см.: Devreesse R. Op. cit., p. 38, n. 1.

³³ В микрофильме рукописи, которым мы располагали, этого места нет (микрофильм заканчивается на л. 246). Воспроизводим помету по описанию В. Фишера (BZ, 1899, 8, S. 176). См. также: Mortreuil J.-A.-B. Op. cit. Paris, 1846, t. 3, p. 276; Svoronos N. G. La Synopsis Major des Basiliques et ses appendices. Paris, 1964, p. 55—56. В микрофильме нет также л. 27 об., о котором в описании Фишера сказано, что здесь exhibentur imagines rude pictae Iustiniani imp. et Nicetae Patricii, Leonis et Constantini imperatorum. Ad latus Iustiniani adstat figura Iustitiae schedulam manu tenentis, qua scriptum est Οὐαὶ οἱ δικαιοῦντες τὸν ἀσεβῆ ἐνεκεν δώρων. Subdit Diagramma graduum cognationem, variis coloribus ornatum in rubro exaratum.

γενόμενοι), а текст титулов отсутствует. Затем следуют Морской закон, Земледельческий закон и обширная юридическая компиляция в 63 титула, получившая в литературе название *Epitome Marciana* — плод «творчества» писца Marc. gr. 172 нотариуса Иоанна (лл. 43—243)³⁴. Текст этой компиляции составлен нотариусом Иоанном из произвольно подобранных отрывков из Эклоги, Прохирона, Эпанагоги и Эпитомы, причем титул 61 включает в себя Воинский закон и четыре главы Морского закона с прологом. Рукопись содержит также лексикон латинских юридических и технических терминов и их греческих эквивалентов (лл. 23—25 об. *Ναύτικων ληγάτων*), апостольские каноны (лл. 243—250 об.), Моисеев закон (лл. 250 об.—256 об.), а также новеллу короля Сицилии Рожера II 1150 г.³⁵

Что касается Земледельческого закона в Marc. gr. 172, то текст его осложнен тем, что нотариус Иоанн пытался сочетать разные изводы первоначальной редакции с собственными дополнениями. Так, имеется много мест, которые являются воспроизведением особенностей Marc. gr. 579, почти точное повторение заглавия (только не *ἐκ τοῦ*. . . βιβλίου, а — *ἐκ τῶν*. . . βιβλίων) с указанием 83 глав, которые якобы содержит памятник (на самом деле пронумеровано 80 глав, но и это не отражает действительное положение, так как, с одной стороны, пронумерованы интерполяции, с другой — пропущены рисованные инициалы многих глав, которые поэтому остались пронумерованными, отчего и создалась путаница в нумерации глав); только эти две рукописи дают в главе 1 вместо нормального *παρορίαν* бессмысленное *παρρησία*, а также особое чтение глав 6 и 70; Marc. gr. 172 тоже воспроизводит интерполяцию из Эклоги (XVII, 1), но уже не включает ее в состав главы 53, как Marc. gr. 579, а образует особую главу, которая следует за главой 53, но в соответствии с путаницей нумерацией Marc. gr. 172 получает номер 47 (48); масса мелких текстовых особенностей, отраженных уже в аппарате издания Эшбернера; наличие рубрики *περὶ ἀγέλαριον* перед главой 23 (правда, эта рубрика присутствует еще в Ambros. Q 25, а также в двух более поздних рукописях: XIII в. Ambros. gr. Q 50 sup. и XIV в. — Paris. Suppl. gr. 627) и т. д.

В то же время Marc. gr. 172 имеет много отступлений от текста Marc. gr. 579, причем одни из этих отступлений присущи лишь Marc. gr. 172 (например, введение после главы 21, но под номером 47, интерполяции из Эклоги, измененной по Прохирону³⁶; введение рубрики *περὶ ἐντρίσιον* перед главой 56; некоторые особенности в чтении и т. д.), другие сближают ее с другими «изводами» первоначальной редакции, в частности с «одной из наиболее важных рукописей XII в.», как ее характеризует Малафосс³⁷, — Paris. gr. 1384 (например, особая редакция начала главы 3, введение в главе 35 после *καλάμην* дополнительных слов *ἀπὸ*

³⁴ Mortreuil J.-A.-B. Op. cit., t. 3, p. 271—277 (указана и предыдущая литература). Памятник содержится также в рукописи Palatinus gr. 55 (лл. 55—260), которая в этой ее части является копией Marc. gr. 172. Следует отметить, что перечень титулов и их заглавия, опубликованные Мортрейлем, не везде совпадают с теми, которые дает Марцианская рукопись, хотя Мортрейль утверждает, что его публикация сделана именно по этой рукописи.

³⁵ В микрофильме рукописи, которым мы пользовались, она отсутствует, но указана исследователями; см.: Castellani C. La novella di Rugiero il re di Sicilia e di Puglia sulla successione. — Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, serie V, 1894—1895, t. 6, p. 345—351.

³⁶ Ecloga ad Prochiron mutata, XXV, 18. Очевидно, Эшбернер прав, указывая в аппарате своего издания на то, что именно из этой компиляции данный текст, трактуемый вопрос о насаждениях на чужой земле, попал в Марцианский список, хотя он содержится еще в Кодексе Юстиниана (III, 32, 11). Следует также отметить, что отрывок этот отрывок будет часто встречаться в рукописях, содержащих Земледельческий закон, как в составе этого памятника, так и за пределами его.

³⁷ Malafosse J. Op. cit., p. 5—6.

καλίου ἢ σκέπην οἴκου, в конце главы 49 — слов *τὸ αὐτὸ δὲ καὶ εἰς πᾶν κτήνος* и т. д.).

Paris. gr. 1384 — пергаменная рукопись XII в.³⁸ Она состоит из 25 пронумерованных тетрадей; тетради ιγ и κ, а также ιζ и ιη поменялись местами при переплетении (правильный порядок листов таков: 1—95 об., 148—155 об., 104—127 об., 136—139 об., 128—135 об., 140—147 об., 96—103 об., 156—193+2 пронумерованных). Происходит, на наш взгляд, из Южной Италии, так как те признаки южноитальянских рукописей, которые указаны в цитированной статье Конкасти о парижских рукописях южноитальянского происхождения (хотя она и не упоминает данный кодекс), свойственны и этой рукописи (особенно характерны подкрашенные желтым и красным черные инициалы и заставки). Рукопись побывала в библиотеке знаменитого греческого библиофила и писца XVI в. с острова Корфу Антония Эпарха, о чем свидетельствует владельческая помета на верхнем поле л. 1: *κτῆμα Ἀντωνίου τοῦ Ἐπαρχοῦ δοθέν τῷ κραταίῳ βασιλεῖ κελτῶν*. Не сомненно, что *κραταῖος βασιλεὺς κελτῶν* — это король Франции Франциск I, которому Антоний Эпарх подарил (через посредство посла Франции в Венеции Гийома Пелиссе) целую коллекцию рукописей³⁹, одной из которых была, очевидно, и наша.

Рукопись, действительно, весьма ценная, поскольку содержит комплекс юридических текстов, восходящих, очевидно, ко времени издания Эклоги. Правда, самой исаврийской Эклоги в чистом виде здесь нет, имеются лишь две ее более поздние обширные переработки — *Ecloga privata aucta* и (во фрагментах) *Ecloga ad Prochiron mutata*, т. е. компиляции, датирующиеся соответственно первой временем до опубликования Прохирона, а вторая — значительно позднее опубликования Прохирона. Последний также присутствует в Paris. gr. 1384 (лл. 1—79 об.). Но зато следующий за частной распространенной Эклогой комплекс из 52 юридических текстов представляет, как считают, наиболее полный и наименее подвергнувшийся видоизменениям состав Приложения к исаврийской Эклоге⁴⁰. Помимо прочего, в него входят извлечения из конституций о степенях родства, трактат о еретиках, отрывки о законных браках, конституция Зенона, а также Воинский закон (л. 113 и сл.), Морской закон (лл. 119 об.—127), Моисеев закон (лл. 127 об., 136—139 об.) и Земледельческий закон (лл. 128—134; тетрадь, содержащая текст Земледельческого закона, ошибочно вставлена в середину текста Моисеева закона), т. е. комплекс текстов, который, по мнению Малафосса, образовал «общую основу» (*fond commun*) приложений к Эклоге, Прохирону и распространенной Эпанагоге⁴¹. Достоин упоминания и то, что текст о насаждениях на чужой земле (Cod. III, 32, 11), включенный писцами Marc. gr. 172 и, как мы увидим, других рукописей в текст Земледельческого закона, присутствует и в Paris. gr. 1384, но не в составе этого памятника, а среди выдержек из Юстинианова кодекса (л. 146).

Рукопись ценна именно отсутствием у ее писца стремления производить редакторскую работу по согласованию выбранных для копирования текстов. Он добросовестно списывает их, иногда лишь при помощи отсылок на поля указывая параллельные места. Так, он дает аккуратно переписанный и пронумерованный текст всех 85 глав Земледельческого закона, свободный от каких-либо индивидуальных черт и интерполяций.

³⁸ Суммарное описание рукописи см.: Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale. Paris, 1888, t. 2, p. 34.

³⁹ Legrand E. Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles. Paris, 1885, t. 2, p. CCXIV—CCXV.

⁴⁰ См.: Appendix Eclogae ex Codice Paris. Reg. gr. 1384. — In: Zachariae C. E. Anecdota. Lipsiae, 1843, p. 184—194; Mortreuil J.-A.-B. Op. cit. Paris, 1843, t. 1, p. 381—384.

⁴¹ Malafosse J. Op. cit., p. 11.

Сохранена рубрика *περί ἀγελαρίων* перед главой 23, а на полях помещены две схолии: схолия на нижнем поле л. 131 об. (*Ζήτει τὰ λοιπὰ κεφάλαια τῶν κυνῶν εἰς τὸ τέλος τοῦ βιβλίου*) отсылает отрывок из Земледельческого закона к соответствующим местам Эклоги, измененной по Прохирону; схолия — на л. 128 об. (слева на поле, относится к главе 8, которой придает большое значение Малафосс в своих построениях (им же издана на стр. 45 цитируемого издания).

Нам известна еще одна рукопись XII в., в которой Земледельческий закон сопровождает переработку Эклоги, так называемую Частную Эклогу, — Vat. gr. 1168⁴². Если приводимая Шольцем запись действительно относится к нашей рукописи (в тех фотокопиях рукописи, которыми мы располагали, этого места нет), последняя была исполнена монахом Германом по поручению монаха Феодорита 12 августа 1175 г.: *ἐτελείωσεν το παρον εὐαγγελιον δια χειρος γερμανου μοναχου και δι' επιταγης του μοναχου Θεωδωρητου εἰς μνημοσυνην αὐτου μηνι ᾧ ἱβ' ἰνδ. ἔ του ἔτους 5 χηγ'*⁴³. Письмо довольно грубое и характерное, весьма близко напоминающее «монастырский почерк» (*écriture «des monastères»*) одной южноитальянской рукописи конца XII—начала XIII в. — Vat. gr. 2005⁴⁴ и обличающее южноитальянское происхождение Vat. gr. 1168. Следует также отметить, что текст Земледельческого закона не примыкает непосредственно к Частной Эклоге (последняя занимает лл. 1—27), но включен в состав компиляции, которую Цахариэ в цитируемой работе назвал *Prochiri Vaticanium*. Данная редакция Прохирона содержит не 40 титулов, как обычно, а 50, причем 8 из десяти дополнительных происходят из Эпанаго и Эпитоми, а 2 — не что иное, как Земледельческий закон и Морской закон.

Как мы увидим, такого рода переделки Прохирона будут предприниматься и позднее. Что касается текста Земледельческого закона, то он характеризуется в Vat. gr. 1168 (лл. 115 об. — 122) следующими особенностями: заглавие — *κεφάλαια νόμου γεωργικοῦ κατ' ἐκλογὴν ἐκ τοῦ Ἰουστινιανοῦ βιβλίου*; главы не нумеруются; итацизмы, смешение ω — ο, удвоение ν (например *ννέσιν* в главе 1); отсутствуют какие-либо рубрики и интерполяции; опущены главы 11, 15, 20, 27, 31, 35, 39, 45, 47, 73, 74, 82, 83; глава 26 включена в текст главы 26; глава 79 опущена из тех соображений, что она трактует лишь частный случай главы 78, к которой редактор считал достаточным добавить фразу: *ὥσπερ καὶ ἐπὶ ἀμπέλωνος*; в некоторых местах обнаруживается близость к тексту Marc. gr. 172 (например, в главе 62, и др.), но есть и особенности, присущие только этой рукописи (например *παρουσία* вместо *παρορία* в главе 1, добавочная фраза *ἢ μὴ προσχῶ ἔξω* *ἐκπέσει ἀπὸ τοῦ δένδρου* перед конечными словами *δώσει αὐτό* в главе 4, особая редакция главы 49: *Ἐάν τις εὖρη χοίρον ἐν παιδίᾳ ἢ πρόβατον ἢ καὶ παραγγελίᾳ τῷ κυρίῳ αὐτῶν ἐκ δευτέρου, τὸ δε τρίτον τοῖς εἰσὶ αὐτὸν ἢ φονεῖν ἀφρόβος*).

Прохирон вообще не менее, чем Эклога, характерен для рукописей XII в., содержащих Земледельческий закон. Так, если правильна датировка Деврееса, от XII в. до нас дошла рукопись Vat. gr. 845⁴⁵, содержащая интереснейший список Земледельческого закона. Это — пергаменная рукопись, представляющая собой, по определению Деврееса, «Сборник

⁴² См. описание рукописи (неполное): *Zachariae a Lingenthal C. E. Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. Lipsiae, 1852, p. 58—59. Рукопись изучалась нами по фотокопиям, частично хранящимся в фонде В. Н. Бенешевича (Архив АН СССР ф. 192, оп. 3, № 115) и частично присланным Ватиканской библиотекой.

⁴³ *Scholz J. M. A. Biblisch-kritische Reise in Frankreich, der Schweiz, Italien, Palästina und im Archipel*. Leipzig; Sorau, 1823, S. 97—98.

⁴⁴ Ср.: *Devreesse R. Op. cit.*, p. 41, pl. VI (полной идентификации почерков препятствуют лишь разное написание «беты» и «гаммы»).

⁴⁵ *Codices Vaticani graeci / Recensuit R. Devreesse. Città del Vaticano, 1950, t. 3 (Codices 604—866), p. 402—404*. Малафосс склонен как будто датировать эту рукопись

концов, приспособленный к обычаям провинции Калабрии». Помимо «калабрийской» версии Прохирона (лл. 3—90)⁴⁶, сопровождающего его Земледельческого закона (*κεφάλαια ἀπὸ νόμου γεωργικοῦ κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῆς Ἰουστινιανοῦ βιβλίου*, лл. 90—95), Морского закона (лл. 104 об. — 105 об., 107—113, без пролога), Синописа законов Михаила Пселла (лл. 116—139), отрывков о евнухах, еретиках, *ἀπόβολον* из сочинений Менаандра, рукопись содержит и уже встречавшиеся нам в Marc. gr. 172 лексикон начальными словами *Ἀναλίων λιγάτων* (лл. 95—101), новеллу короля Сицилии Рожера II от 1150 г. (лл. 106—106 об., 141, *Нач. τὰς διατριβὰς τοιοῦμένου*)⁴⁷. Нет ли какой-то связи между этими двумя рукописями?

Что касается Земледельческого закона, то в Vat. gr. 845 мы имеем дело с такой переделкой памятника, которая, очевидно, может уже считаться его особой редакцией⁴⁸. Для автора ее характерно свободное отношение к оригиналу, с которого он списывал Земледельческий закон. Он не нумерует глав, опускает те из них, которые кажутся ему ненужными (главы 11, 13, 24, 27, 45, 47, 53, 56, 72, 77, 79, 82—85), причем в выборе исключенных из текста глав не удается проследить какой-либо тенденции, поэтому соображения, которыми руководствовался при этом редактор текста, неясны. Часто писец переставляет слова и фразы внутри глав, заменяет показавшиеся ему, очевидно, неудобными или устаревшими слова и обороты новыми, по-видимому, в соответствии с нормами языка его места и времени (например, в главе 2 вместо *ἀνευ εἰδήσεως* стоит *ἀνευ τοῦ θελήματος*, в главе 4 вместо глагола *διαστρέφω* последовательно употреблен глагол *μετανοῶ*, в главе 5 вместо *κολοβόν* — *μικρότερον*, в главе 8 вместо *τοῦ ἐπανερχομένου γεωργοῦ* стоит *τοῦ δεσπότου τῆς χώρας*, в главе 19 вместо *ἐκστράδινα* — *τετυπωμένα*, в главе 23 вместо *λυκωθῆναι* — *λυκοβρωθῆναι*, в главе 50 вместо *τάφρον* — *χανδάκον*, в главе 55 вместо выражения *πάσαν τὴν ἀγέλην τῆς ποιμνῆς δότω* стоит *δότω τὴν ποιμνὴν πάσης τῆς ἀγέλης*, трудное место в главе 67 со слов *καὶ τὴν ἄνω* и далее отредактировано следующим образом: *καὶ τὴν ἄνω, καὶ στοιχηράτω εἰς κεφάλαια πᾶσαν τὴν κατὰ ἡμίσειαν ἐκφοράν*, в главе 68 *ἐν ὁρίῳ* пояснено: *ἦγον ἐν ῥογῶ*, в главе 75 вместо *τῷ κυρίῳ* употреблено *τῷ δεσπότῃ*, в то время как в главе 67 сохранены оба термина — *τῷ δεσπότῃ* и *τῷ κυρίῳ*). Приведем для примера сопоставление текстов главы первой (со слова *δίκαιον*) в издании Эшбернера и в Vat. gr. 845:

Издание Эшбернера

καὶ μὴ παρορίζειν αὐλακας τοῦ πλησίον· ἐάν δέ τις παρορίζων παρορίσῃ καὶ κολοβώσῃ μερίδα τὴν ἐγγίστα αὐτοῦ, εἰ μὲν ἐν νεάτῳ τοῦτο πεποίηκεν, ἀπόλλει τὴν νέωσιν αὐτοῦ, εἰ δὲ καὶ ἐν σπόρῳ ταύτην τὴν παρορίαν ἐποίησας, ἀπόλλει τὸν σπόρον καὶ τὴν ἐπικαρπίαν ὁ παρορίσας γεωργός.

Vat. gr. 845

καὶ μὴ διάβαινεῖν τὸν ὅρον τοῦ γείτονος αὐτοῦ· εἰ δὲ παρίσῃ καὶ κρατίσει ἐκ τοῦ μερίδος τοῦ γείτονος αὐτοῦ· εἰ μὲν τοῦτο ποιεῖ ἐν τῷ καιρῷ τῶν μαγισίων, ἀπόλλυσι τὴν νέωσιν αὐτοῦ· εἰ δὲ ἐν τῷ καιρῷ τοῦ σπόρου ταύτην τὴν παρορίαν ἐποίησεν, ἀπόλλυσι καὶ τὸν σπόρον καὶ τὴν ἐπικαρπίαν αὐτοῦ καὶ τὴν ἐπικαρπίαν.

Наконец, следует отметить, что редактор Vat. gr. 845 включил в текст Земледельческого закона две пока не отождествленные нами интерполяции (подобный текст, но совпадающий только по теме, удалось обнаружить лишь в Dig., 9, 2, 39. В конце второй интерполяции на л. 94 об. рукописи есть даже указание источника: *βιβλίον μὲν τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ τοῦ*

XIII веком; см.: *Malafosse J. Op. cit.*, p. 15. Библиографию этой рукописи см.: *Canart P., Peri V. Op. cit.*, p. 500.

⁴⁶ См.: издание Ф. Брандилеоне и В. Пунтони в: *Fonti per la storia d'Italia. Istituto storico italiano*. 1895, v. 30.

⁴⁷ *Capasso B. Novella di Ruggiero re di Sicilia e di Puglia. — Atti dell' Accademia Pontaniana. Napoli, 1867, 9, p. 28—30.*

⁴⁸ Ср.: *Ashburner W. Op. cit.*, p. 87.

αοιδήμου, и тем не менее нам не удалось найти этого отрывка ни в 47-й книге Василия, ни в других кодификациях), которые мы считаем необходимым опубликовать.

1. л. 91 об., после главы 25: Εἰ δὲ τις εὖροι ἐν τῷ ἰδίῳ ἀμπελώνι ἢ ἀγρῷ ἄλογον ἵππον, ζημίαν ποιοῦντα, εἰ μὲν ὁ ἵππος διαγνωρισθεὶς ἀπὸ τοῦ φουσσάτου πλανόμενος ἐποίει τὴν πραιδαν, μὴ ἐχέτω ἀδειαν ὁ κύριος τοῦ ἀγροῦ ἢ τοῦ ἀμπελῶνος κρατῆσαι αὐτὸν ἄχρις ἂν δεῖξῃ περὶ αὐτοῦ τῷ примикηρίῳ τοῦ στρατοῦ· εἰ δὲ ὁ ἵππος ἐξελθὼν ἀπὸ τῆς πόλεως πλανόμενος ποιήσει πραιδαν, καὶ οὗτος οὐκ ἔσται τὸν κύριον τοῦ ἀμπελῶνος ἢ τοῦ ἀγροῦ κρατῆσαι αὐτὸν ἄχρις ἂν δηλώσῃ περὶ αὐτοῦ τῷ ἀρχοντι τῆς πόλεως, καὶ οὕτως ἀναλαβεῖν τὴν ζημίαν αὐτοῦ.

Перевод: «Если кто-либо обнаружит в собственном винограднике или поле верхового коня, делающего потраву, и если станет известно, что конь, отбившись от войска, сделал потраву, да не будет разрешено хозяину поля или виноградняка задерживать его, пока он не поставит о нем в известность примикирия войска. Если же конь сделает потраву, выйдя за пределы города и блуждая, то и здесь хозяину виноградняка или поля не разрешено задерживать его до тех пор, пока он не уведомит об этом архонта города и таким образом не возместит свой ущерб».

2. л. 94 об., после главы 81: Ἐὰν γεωργὸς εὖρῃ ἐν γραστηρίῳ αὐτοῦ ἢ ἐν τῷ σπαρμένῳ αὐτοῦ ἵππον, μὴ ἐχέτω ἀδειαν αὐτὸν κρατῆσαι ἐπιβῆναι ἄχρις ἂν δεῖξῃ περὶ αὐτοῦ τῷ примикηρίῳ τοῦ στρατοῦ ἢ τῷ στρατηγῷ τῆς χώρας, καὶ εἰ μὴ ὡς αὐθάδης κρατῆσαι αὐτὸν καὶ ἐπιβῆσαι αὐτὸν ἢ παραφυλαχῆσαι ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ ἀνάρχως καὶ χωρὶς κλεῦσεως δεσποτικῆς, καὶ διαγνωσθῇ τὸ πρᾶγμα, ὥς κλέπτει δικάως ἐνέχεται τῷ κυρίῳ τοῦ ἵππου, ἀποδοῦναι αὐτῷ καὶ εἰ τι χεῖρον ὁ ἵππος ἐγένετο, καὶ εἰ μὲν παρατηρήσας τὴν διακράτησιν τοῦ νόμου· ἔδειξε περὶ αὐτοῦ τῷ примикηρίῳ τοῦ φουσσάτου ἢ τῷ στρατηγῷ τῆς χώρας πρὸ τοῦ παραφυλαχῆσαι τὸν ἵππον ἢ ἕτερον ζῶον μίαν ἡμέραν ἢ νύκτα μίαν· ἀλλὰ προδραμῶν ἐδήλωσε περὶ αὐτοῦ κατὰ τὴν παροῦσαν ὥραν τοῖς προειρημένοις, τὸ ἀζήμιον ἐχέτω· καὶ ὅσῃν ζῶον μίαν ἐποίησε τῷ γραστηρίῳ αὐτοῦ, ἀποδοῦναι αὐτῷ.

Перевод: «Если земледелец обнаружит в своем грастирии, т. е. на засеянном участке, коня, да не будет ему позволено, завладев им (конем), увести, прежде чем он поставит в известность о нем примикирия войска или стратига области; а если самовольно завладеет им и уведет его или станет держать под охраной в своем доме без разрешения властей и хозяина (коня) и это обнаружится, пусть будет наказан по справедливости хозяин коня, как вор, и отдаст ему (другого коня), если в чем-то конь стал хуже. Если же, соблюдая распоряжение закона, он (земледелец) поставил в известность об этом примикирия войска или стратига области до того, как продержит коня или другое животное сутки, но, упредив, сообщил об этом в настоящий момент названным выше лицам, пусть будет свободен от наказания. И сколько вреда (конь) причинил его грастирию, пусть будет ему возмещено».

Решительное вытеснение Прохироном исаврийской Эклоги в части рукописей XII в., содержащих текст Земледельческого закона, демонстрируют еще две рукописи — Paris. gr. 1367 и Paris. gr. 1383. Они, правда, содержат не Прохирон в чистом виде, но две различные переработки Эпанагоги, т. е. кодификации, осуществленной между 879 и 886 гг. от имени императора Василия (указаны в качестве соавторов также соправители Лев и Александр) и представлявшей собой (по замыслу автора кодификации) второе, пересмотренное и расширенное издание Прохирона.

Paris. gr. 1367 — пергаменная рукопись, 124 лл. (раньше было 216 лл., из которых 57 начальных, 35 в середине и конечные утеряны), писанная каллиграфическим минускулом XII в. Рукопись интересна тем, что показывает работу филолога по упорядочению ее состава, по отождествлению

источников тех сочинений, которые копируются, по осмыслению текста этих сочинений, по подбору схолий, которые в изобилии представлены на полях. Так, на лл. 1—37 (пагинация новая) содержится компиляция, известная под названием Epanagoge cum Prochiro composita⁵⁰ и представляющая собой по существу соединение двух изданий Прохирона, из которых второе (Эпанагога) положено в основу. Однако через несколько листов (37—53), заполненных отрывками из Василия (главным образом из книги 60), фрагментом Морского закона (л. 49 об.), новеллой о противисисе императоров Романа, Константина и Христофора (л. 50 об.) и др., снова встречаются (лл. 54—75) отрывки из переработки Эпанагоги, известной под названием Epanagoge cum scholiis (титуты 18, 19, 21, 28, 32, 33, 35), но подобранные таким образом, что они дополняют, но не повторяют находящуюся в начале рукописи Epanagoge cum Prochiro composita⁵¹. Затем идет приложение из различных сборников под заглавием κατὰ συλλογὴν διάφορα κεφάλαια (лл. 75—124), среди которых как раз находятся Земледельческий закон (лл. 97—101), Военный закон (лл. 101—103 об.) и Морской закон (л. 112 и слл.), причем между двумя последними вклиниваются еще канонические послания св. Василия к епископу Иконийскому Амфилохию (л. 103 об. сл.).

Отмеченные особенности работы писца-филолога в Paris. gr. 1367 проявились и при копировании им текста Земледельческого закона. Он не удовлетворился простым воспроизведением ходячего заголовка, гласящего, что данный памятник является выборкой из Юстинианова права, но постарался точнее определить источники. Результаты его усилий отражены в том знаменитом заглавии, которое он придал Земледельческому закону (л. 97)⁵²: Νόμος γεωργικός· Δηγέστια· Διάταξις Μάρκου· Ὀλυμπιανοῦ (lege Οὐλπιανοῦ)· Ὀδέστου (lege Μοδέστου)· Ἐρμογενιανοῦ· καὶ Παύλου ἀντικινέωρων· ἵνα τινὸς εἰσαγωγὴ νόμου· Θεοφίλου καὶ Στεφάνου ἀντικινέωρων.

Таким образом, если принимать во внимание это заглавие, автор Земледельческого закона использовал переводы институций антецессоров Феофила, Дорофея и Стефана, из которых два последних не дошли до нас, а также другие части Юстинианова законодательства, переведенные на греческий или, вернее, представленные в форме паратитлов. Следует также отметить, что текст Земледельческого закона в Paris. gr. 1367 настолько совпадает с текстом, представленным в ГИМ № 318, что не приходится сомневаться в существовании их общего прототипа. Это подтверждается и одинаковым началом заглавия памятника — Νόμος γεωργικός, которому, однако, каждый из двух писцов придал свое продолжение. Текст Земледельческого закона в Paris. gr. 1367 тоже содержит все 85 пронумерованных глав, он также свободен от интерполяций. Работа писца над текстом здесь выразилась в том, что он разбил его на рубрики (неточно указанные Малафоссом)⁵³, не решившись, однако, ввести подзаголовки в текст, но обозначив их на полях: после главы 22 — περὶ ἀγελαρίων, после главы 37 — περὶ πραιδας, после главы 40 — περὶ κλοπῆς, после главы 47 — снова περὶ πραιδας, после главы 53 — περὶ κυνός, после главы 55 — περὶ ἐμπρησμοῦ, после главы 59 — περὶ θηρισμοῦ κλεπτομένου, после главы 61 — περὶ ἀροτροῦ κλεπτομένου, после главы 67 — περὶ τοῦ ἐν ὀρίῳ κλέπτοντος, после главы 71 — περὶ δοῦλου ἀλλοτρίου θέρματα ποιμαίνοντος.

Вторая из указанных рукописей (и последняя из рукописей XII в., содержащих Земледельческий закон) — Paris. gr. 1383⁵⁴. Эта пер-

⁴⁹ *Morthreuil J.-A.-B.* Op. cit., t. 2, p. 44. Существует мнение, что автором Эпанагоги был патриарх Фотий; см.: *Scharf J.* Photios und die Epanagoge. — BZ, 1956, 48 S. 385—400.

⁵⁰ *Morthreuil J.-A.-B.* Op. cit., t. 2, p. 419—424. Омон неточно называет эту компиляцию Prochiron auctum, initio mutilum, cum Epanagoge, fragmentis e Basilicis, etc. intermixtis; *Omont H.* Op. cit., t. 2, p. 26.

⁵¹ *Ibid.*, p. 416—417.

⁵² В Paris. gr. 1367 два листа имеют номер 97. Начало Земледельческого закона и при- водимое здесь заглавие находятся на первом из них.

⁵³ *Malafosse J.* Op. cit., p. 12.

⁵⁴ *Omont H.* Op. cit., t. 2, p. 33.

гаменная рукопись небольшого формата содержит еще одну, пожалуй наиболее распространенную из всех переработок Эпанагоги — Еpanago austa (лл. 1—164 об.)⁵⁵, за которой в качестве приложения следует трактат X в. «О сроках» (Ῥοπαί), приписываемый антецессору Евстафия (лл. 164 об.—189 об.), Законы Земледельческий (лл. 189 об.—197 об.) Военный (лл. 197 об.—203) и Морской (лл. 203—212, без пролога и главия). Заглавия (там, где они есть, например, в Земледельческом и Военном законах) выполнены красным, но выцвели и почти не читаются (особенно в Военном законе).

Paris. gr. 1383 содержит текст Земледельческого закона (заглавие Νόμος γεωργικός — почти не читается; есть еще слово, не поддающееся прочтению), состоящий из 83 глав, пронумерованных начиная с главы 72 (да и то не везде). Отсутствуют главы 72 и 79, но возможно, что глава 72 в скрытой форме угадывается в том продолжении, которое в Paris. 1383 получила глава 71: Εἰ δὲ ἐν εἰδήσει τοῦ κυρίου αὐτοῦ ὁ δοῦλος τίς καὶ ταῦτα ἐκποιήσῃ, ζημιούσθω. Текст свободен от схолий, интерполяции подзаголовков, но подвергнут известному редактированию, которое, однако, не дает оснований к выделению этого текста в особую редакцию Земледельческого закона. Это скорее один из вариантов — «изводов» первоначальной редакции, для которого характерно стремление писца к замене терминов и выражений (например, в главе 19 вместо важного κατὰ τὰ ἐκστράordiνα τοῦ δημοσίου λόγου стоит πάντα τὰ ἀνήκοντα, в главе 77 вместо κολλωθῆναι — λυκοθῆναι, в главе 84 вместо διὰ τῶν αὐτῶν χωραφίων — διὰ τῶν αὐτῶν τόπων, в главе 85 вместо ἀλλὰ διῶξαι βουληθεῖς — ἀλλὰ σχῆματι δε βουληθεῖς и т. д.), к замене развернутых формулировок сокращенными (например, в главе 1 καὶ τὴν γεωργίαν αὐτοῦ καὶ τὴν ἐπιχαρτίαν заменена сὺν τῷ θέρει αὐτοῦ, в главе 47 опущен конец главы ὥς — φορικίζέσθω, сокращена вся вторая часть главы 75 со слова μαρτυρεῖσθω и т. д.). Есть смысловые изменения. Так, изменен смысл предписания в главе 31, в которой говорится, что если дерево находится на участке возделанной земли (хорафия, в вариантах — χωρίου, села) и если соседний участок — сад, то сад падает тень от указанного дерева, то все рукописи, за исключением Paris. gr. 1383 и более поздних, зависящих от нее, предписывают хозяину дерева (употреблен термин ὁ κύριος) обрубать его ветви, если нет сада, разрешалось не обрубать. Paris. gr. 1383 предписывает в первом случае хозяину дерева (ὁ δεσπότης) срубить дерево, во втором — обрубать его ветви. Случаи редактирования текста наблюдаются также в главах 49, 53, 67, 73 и др. О характере этих разночтений можно составить представление по упоминавшемуся изданию Феррини, так как положенным в основу издания рукописи XIII в. Ambros. M 68 sup., а также рукописи XIV в. — Paris. gr. 1381 A и Sinait. gr. 1795 — буквально производят текст, сохранный Paris. gr. 1383 (о соотношении этих рукописей будет подробнее сказано во второй части данного исследования).

Таким образом, рассмотрение древнейших рукописей (X—XII вв.) сохранивших текст Земледельческого закона, показывает всю сложность происхождения и датировки этого памятника. Если возводить его историю к VI в. и допустить, что в первой четверти VIII в. он получил новую жизнь, будучи включен в число текстов, кодифицированных императором Исаурийской династии (практически в «Приложении» к Эклоге), то приходится признать, что от нашего взора остаются скрытыми несколько веков его существования. Та «первоначальная» редакция Земледельческого закона, которая включает 85 глав (ибо, как заметил еще Малафоссе, «трудно извлечь аргумент из факта опущения отдельных глав в некоторых рукописях; современное состояние наших знаний не позволяет заключить

ознательное ли это опущение или нет»), первоначально только в том смысле, что она, по-видимому, наиболее древняя из дошедших до нас. Не менее гипотетичной остается и мысль о том, что Земледельческий закон был включен в первой четверти VIII в. в «Приложение» к Эклоге и тем самым как бы приобрел официальный характер. Ведь, с одной стороны, далеко не все рукописи, которые содержат исаврийскую Эклогу (скажем, древние Laurent. IX—8, Monac. gr. 309 или значительно более поздний Афинский список, опубликованный Монферратом), содержат и текст Земледельческого закона, хотя другие тексты, считающиеся составными частями «Приложения» к Эклоге, в этих рукописях наличествуют. С другой стороны, он встречается в рукописях, которые отличаются весьма простым составом и могут быть условно разделены на три основных типа: 1) рукописи юридического характера, содержащие преимущественно памятники гражданского права, в которых Земледельческий закон наряду с другими текстами (чаще всего с Морским и Военным законами, составленными вместе с Земледельческим своеобразную трилогию) — образует приложение к одному из крупных юридических памятников, появившихся значительно позднее Эклоги (Эпитама и ее переработки, Прохирон и его переработки, частные переработки Эклоги); 2) рукописи канонического права, в которых Земледельческий закон выступает в качестве относительно самостоятельного памятника, не составляя приложения к какому-то определенному основному юридическому памятнику; 3) рукописи смешанного характера, в которых наряду с памятниками канонического права включен и такой юридический памятник официального характера, как Эпанагога, приложением к которой и служит Земледельческий закон.

Наконец, поражает тот факт, что большинство древних рукописей, сохранивших текст Земледельческого закона, происходит из Южной Италии, факт, которому мы намерены в дальнейшем уделить самое пристальное внимание. Разумеется, для более полного представления о рукописной традиции Земледельческого закона необходимо рассмотреть и более поздние списки, чему и будет посвящена вторая часть нашего исследования.

⁵⁵ Mortreuil J.-A.-B. Op. cit., t. 2, p. 424—435.

⁵⁶ Malafosse J. Op. cit., p. 14.

Б. Л. ФОНКИЧ

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ БИБЛИОТЕК

По приглашению директора Греческого института византийских послевизантийских исследований в Венеции проф. М. И. Мануссакас со 2 октября 1977 г. по 3 января 1978 г. мы занимались изучением греческих рукописей итальянских хранилищ¹. В публикуемых заметках представлены некоторые наблюдения, полученные в результате палеографического исследования рукописей IX—XVIII вв. Марцианской (Венеция), Ватиканской (Рим) и Лаврентианской (Флоренция) библиотек и Греческого института в Венеции.

1. Cod. Vat. gr. 2079. К вопросу об автографах Николая Исповедника

В своем исследовании истории текста гомилий Прокла Ф.-Ж. Леруа не останавливаясь специально на анализе почерка cod. Vat. gr. 2079, определил данную рукопись как автограф Николая Исповедника — писца Порфирьевского четвероевангелия 835 г. (ГПБ, греч. 219)². Этот вывод был принят Э. Фольери³. В 1973 г. Леруа указал как на автограф Николая на Патмосский кодекс № 742, а также, коснувшись вопроса о писцах рукописи ГИМ № 93, опроверг заключение А. Диллера, отождествлявшего одного из писцов Московской рукописи с Николаем⁴. Наконец, на Международном коллоквиуме по греческой и византийской палеографии в Париже (21—25 октября 1974 г.) Леруа было представлено сообщение «Un nouveau manuscrit de Nicolas Stoudite: le Parisinus graecus 494»⁵.

Все перечисленные идентификации Ф.-Ж. Леруа не кажутся нам убедительными: почерки Ватиканской, Патмосской и Парижской рукописей отличаются как между собой (исключение составляют Vat. gr. 2079 и Patm. 742 — см. далее), так и от ленинградского автографа Николая. Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении материалы, а именно образцы почерков ГПБ, греч. 219, Paris. Coisl. 269, лл. 97—286 (автограф Николая, по мнению Б. Мелиоранского), Vat. gr. 2079, Patm. 742, ГИМ № 93, Paris. gr. 494.

¹ См.: *Μανουσάκας Μ. Ι.* 'Εκθεση πεπραγμένων τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰνστιτούτου Βυζαντινῶν καὶ Μεταβυζαντινῶν Σπουδῶν Βενετίας κατὰ τὸ ἔτος 1977. — *Θησαυρίσματα*, 1977, 14, σ. 306—310, 315, 316; *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи итальянских библиотек (по материалам научной командировки). — ВВ, 1979, 40, с. 249—251.

² *Leroy F. J.* L'homilétique de Proclus de Constantinople/ Tradition manuscrite, inédits, études connexes. Città del Vaticano, 1967 (Studi e Testi, 247), p. 231.

³ *Follieri H.* Codices graeci Bibliothecae Vaticanae selecti. Apud Bibliothecam Vaticanam, 1969, p. 23—24, tab. 13.

⁴ *Leroy F. J.* Le Patmos St. Jean 742 (Gregory 2464) un nouveau manuscrit de Nicolas Stoudite (†868). — In: *Zetesis. Bijdragen. . . aan Prof. Dr. Emile de Strijker. Antwerpen; Utrecht*, 1973, p. 488—501; см. также: *Diller A.* A companion to the Uspenski Gospels. — ВЗ, 1956, 49, p. 332—335.

⁵ *La Paléographie Grecque et Byzantine*. Paris, 21—25 octobre 1974. Paris, 1977, p. 181—190.

Автограф Николая известен по единственной датированной и подписанной самим писцом рукописи — Порфирьевскому четвероевангелию 835 г.⁶ Почерк Николая, хотя и является типичным для студийского писца-профессионала первой половины IX в., достаточно просто выделяется из группы современных ему студийских почерков⁷ в силу заметной индивидуальности написания многих букв и соединений, индивидуальности, создающей в итоге совершенно определенную «картину почерка» Николая. Этот почерк производит впечатление очень компактного, круглящегося, какого-то «удобного». Разумеется, впечатление от почерка одного и того же писца может меняться в зависимости от различных обстоятельств, и прежде всего в зависимости от формата рукописи, характера текста и т. п., и при исследовании нужно быть достаточно гибким, подходить к материалу с учетом этих особенностей. Следует, однако, заметить, что, как правило, почерк писца-профессионала может быть опознан специалистом-почерковедом с большой степенью уверенности независимо от подобного рода изменений — в греческой палеографии последних десятилетий этому примеров немало.

Если мы сравним с почерком ГПБ, греч. 219 указанные выше рукописи, то придем к следующему заключению. Vat. gr. 2079 писан другим писцом, почерк которого, по нашему мнению, значительно отличается от почерка Николая Исповедника: в Ватиканской рукописи мы не найдем свойственного писцу Ленинградской рукописи написания многих букв и прежде всего — δ и κ; в Vat. gr. 2079 нет того плавного «хода» строки, своеобразного сочетания заостренности и закругленности письма, которые хорошо видны в уверенном почерке Николая.

Что касается Patm. 742, то Леруа прав (насколько можно судить по фотографиям в его статье 1973 г.), отождествляя писцов Ватиканского и Патмосского кодексов: здесь сходство и в написании букв и соединений, и общего впечатления от письма бросается в глаза.

Почерк Paris. gr. 494 не может быть отождествлен ни с почерком ГПБ, греч. 219, ни с почерком Vat. gr. 2079 + Patm. 742: Парижскую рукопись отличают от этих трех манускриптов как исполнение многих букв (см., например, ζ, ξ, ρ, χαί — обе сокращенные формы), так и «картина почерка».

Итак, идентификации Леруа, по нашему мнению, являются ошибочными, и атрибутируемые им одному писцу ГПБ, греч. 219, Vat. gr. 2079, Patm. 742 и Paris. gr. 494 в действительности вышли из-под пера трех переписчиков: 1) ГПБ, греч. 219, 2) Vat. gr. 2079 + Patm. 742, 3) Paris. gr. 494.

Как известно, еще в 1899 г. Б. Мелиоранский (с помощью Г. Ф. Церетели) идентифицировал писца Paris. Coisl. 269, лл. 97—286 с писцом Порфирьевского четвероевангелия⁸. Единственная фотография, иллю-

⁶ Начиная с конца XIX в. образцы почерка Николая по этой рукописи издавались многократно; достаточно указать наиболее доступные для консультации воспроизведения в альбомах: *Cereteli G., Sobolevski S.* Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum. Mosquae, 1913, v. 2, Tab. I—Ia; *Lake K. and S.* Dated Greek Minuscule Manuscripts to the year 1200. Boston, 1936, v. 6, pl. 420, 432; см. также исследования: *Церетели Г. Ф.* Где писано Порфирьевское Четвероевангелие 835 г.? — В кн.: *Στέφανος*. Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова. СПб., 1895; *Cereteli G.* Wo ist das Tetraevangelium von Porphyrius Uspenski aus dem Jahre 835 entstanden? — ВЗ, 1900, 9. Bd., S. 651; *Allen T. W.* The origin of the greek minuscule hand. — JHS, 1920, 11, p. 1—12; *Гранстрем Е. Э.* К вопросу о византийском минускуле. — ВВ, 1958, 13, с. 224—225; *Ἐλεόπουλος Ν. Ε.* 'Η βιβλιοθήκη καὶ τὸ βιβλιογραφικὸν ἐργαστήριον τῆς μονῆς τῶν Στουδίου. Ἀθήναι, 1967, σ. 88, 94, 96; *Mioni E.* Introduzione alla Paleografia Greca. Padova, 1973, Tav. XI.

⁷ К современному Порфирьевскому четвероевангелию студийским рукописям могут быть, по-видимому, отнесены все перечисленные выше манускрипты.

⁸ *Мелиоранский Б.* Перечень византийских грамот и писем. Выпуск I. Документы 784—850 годов. СПб., 1899 (Записки ИАН, Историко-филологическое отделение, VIII серия, т. IV, № 5), с. 47—49, табл. IV.

стрирующая наблюдение Мелиоранского, не содержит необходимого для надежных выводов материала, однако это тождество, как нам кажется, не является очевидным.

Наконец, что касается тождества одного из почерков ГИМ № 93 и почерка Николая Исповедника, доказывавшегося А. Диллером⁹, то уже Ж. Леруа привел достаточно убедительные аргументы против этой гипотезы¹⁰; Ф.-Ж. Леруа еще более детально проанализировал почерки Московской рукописи в сравнении с ГПБ, греч. 219 и, по-видимому, окончательно отверг предположение Диллера¹¹.

2. О датировке cod. Ottob. gr. 86.

Вышедший из студийского скриптория cod. Ottob. gr. 86 долгое время относился к X—XI вв.¹² Р. Девреес включил рукопись в группу «ранних студийских манускриптов»¹³, Ж. Иригуэн относит ее к IX столетию (без дальнейших уточнений)¹⁴, Э. Фольери привлекает почерк первого писца кодекса, наряду с ГПБ, греч. 219 и Vat. gr. 2079, для иллюстрации древнейшего минускульного письма «типа Николая»¹⁵.

Cod. Ottob. gr. 86 (316/19×220/24) переписан двумя писцами: I — лл. 1—209, II — лл. 209 об. — 232 об. Текст писан на тонком, хорошего качества и обработки пергамене. Тетради — кватернионы, наложение сторон пергамена внутри тетрадей — «правильное» («мясо+мясо» «шерсть+шерсть»). Тип разлиновки у обоих писцов — Леруа V 00A в рукописи — две системы разлиновки — 11 и 3¹⁶, причем в части, переписанной II писцом, применена система 3, тогда как I писец чаще линует по системе 11, но использует и систему 3. Так как одновременно линуют несколько (от двух до четырех) листов, инструмент для разлиновки достаточно острый, но не настолько, чтобы повредить при этом пергамен.

У I писца сигнатуры «студийские» — два маленьких аккуратных крестика по вертикалям на верхнем поле первого листа тетради в сопровождении номера тетради в верхнем правом углу; II писец ставит лишь маленький крестик на внутренней вертикали начального листа кватерниона. Площадь текста у I писца (24—25 строк на странице) — 229/30×140/45 у II (при том же числе строк) — 240×145. Чернила светло-коричневые. На л. 232 об. оформление концовки текста исключительно близко к орнаменту ГПБ, греч. 219, л. 263¹⁷.

Почерки обоих переписчиков рукописи близки как между собой, так и к почерку Николая Исповедника в ГПБ, греч. 219; это особенно относится ко II писцу Ottob. gr. 86, хотя некоторые отличия¹⁸ не позволяют идентифицировать II писца с писцом Порфирьевского четвероевангелия.

⁹ См. выше, прим. 4. Впервые о двух писцах Московской рукописи говорит Ф.-Ж. Леруа; см.: Leroy F. J. Le Patmos St. Jean 742, p. 495—496; см. также наши наблюдения ВВ, 1973, 34, с. 302.

¹⁰ Leroy J. Un témoin ancien des Petites Catéchèses de Theodore Studite. — *Scriptorium*, 1961, 15, p. 53—54.

¹¹ Leroy F. J. Le Patmos St. Jean 742, p. 494—501.

¹² Feron E., Battaglini F. Codices manuscripti graeci Ottoboniani Bibliothecae Vaticanae. Romae, 1893, p. 53. Эту датировку удерживает и Элеопулос; см.: 'Ελεοπούλος Ν. Ε. Op. cit., с. 42, 46.

¹³ Devreese R. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, p. 33 («manuscrits «studites» de la première époque»).

¹⁴ Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins. — *Scriptorium*, 1958, 12, p. 219.

¹⁵ Follieri E. La minuscola libraria dei secoli IX e X. — *La Paléographie grecque et byzantine*. Paris, 21—25 octobre 1974. Paris, 1977, p. 143, tav. 1 b.

¹⁶ Leroy J. Les Types de Reglure des Manuscrits Grecs. Paris, 1976; *Idem*. La description codicologique des manuscrits grecs de parchemin. — *La Paléographie grecque et byzantine*. Paris, 21—25 octobre 1974. Paris, 1977, p. 31.

¹⁷ Ср., например: 'Ελεοπούλος Ν. Ε. Op. cit., с. 78.

¹⁸ В ГПБ, греч. 219 «κ» всегда (или почти всегда) написана в два приема, в результате чего внизу-слева у буквы виден выступ; в Ottob. gr. 86 эта буква, как правило, писана без отрыва пера от пергамена. Не совпадает и общее впечатление, которое создается в итоге исследования почерков обеих рукописей.

Принимая во внимание близость почерков и орнамента Ottob. gr. 86 и ГПБ, греч. 219, а также почти полное отсутствие унциальных форм букв и незначительное количество надстрочных знаков у II писца Ватиканской рукописи¹⁹, последнюю следует датировать первой половиной IX в. и считать одной из древнейших книг студийского скриптория.

3. Cod. Marc. gr. IV, 1 (coll. 542). Новый автограф константинопольского писца Ефрема.

В каталоге Э. Миони этот кодекс, содержащий сочинения Платона, отнесен к XII в.²⁰ Между тем особенности почерка, которым переписана основная часть рукописи (лл. 5—212 об.), позволяют исправить датировку Миони и определить писца — это известный константинопольский скриптор середины X в. монах Ефрем. Некоторые кодикологические характеристики рукописи, и прежде всего сигнатуры в нижнем левом углу первого и нижнем правом углу оборота восьмого листа тетради, сопровождающиеся на первом листе маленьким крестиком, расположенным на верхнем поле на внутренней вертикали разлиновки²¹, совпадают с особенностями организации других книг, вышедших из-под пера Ефрема²², и подтверждают идентификацию по почерку.

4. 'Ελληνικὸ Ἰνστιτούτο Βυζαντινῶν καὶ Μεταβυζαντινῶν Σπουδῶν Βενετίας, cod. gr. № 2. К вопросу о датировке рукописи.

А. Ксингопулос на основании анализа миниатюр отнес время создания Евангелия-апракос Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции (cod. gr. № 2) ко второй половине XIII в.²³ Для датировки кодекса исследователем была привлечена также помета на л. 414 об. с именем Антония Малакиса, владельца греческих рукописей середины — второй половины XIII в.²⁴ Е. Какулиди не только соглашается с датировкой А. Ксингопулоса, но даже считает Антония Малакиса писцом рукописи²⁵.

Непосредственное изучение манускрипта не оставляет сомнений в том, что рукопись должна быть датирована второй половиной XI в. В пользу этого говорит как типичный для ряда константинопольских рукописей указанного времени литургический минускул, так и цвет пергамена и чернил, встречающийся только в византийской книжности X—XII вв.

¹⁹ Ср. рукопись IX в. с малым числом надстрочных знаков: Wilson N. Mediaeval Greek Bookhands. Cambridge; Mass., 1973, p. 13, pl. 12.

²⁰ Mioni E. Bibliothecae Divi Marci Venetiarum Codices Graeci Manuscripti. Roma, 1972, vol. 1, pars altera, p. 199. Почерк лл. 213—255 об. нужно относить, по нашему мнению, не к началу XV в., а к рубежу XIII—XIV вв.

²¹ Приведем другие кодикологические характеристики той части рукописи, которая принадлежит Ефрему: размер листа — 372×292/3; пергамен хорошего качества; аккуратная разлиновка сделана очень тонким острием; тип разлиновки — Леруа 2 2C2n, система разлиновки — 1 (= Vat. gr. 124); тетради — кватернионы; число строк на странице — 50; площадь текста — 260/61×(90+24+90); строки текста расположены на линии разлиновки, под ней, но, пожалуй, чаще всего пронизаны линией разлиновки; чернила темно-коричневые, в схолиях, которые писаны мелким вертикальным унциалом, по-видимому, самим Ефремом, — светло-коричневые; надписания и инициалы киноварные.

²² О рукописях Ефрема см.: Lake K. and S. The scribe Ephraim. — *Journal of Biblical Literature*, 1943, 62, p. 263—268; Diller A. Notes on Greek codices of the tenth century. — *Transactions of the American Philological Association*, 1947, 78, p. 185—187, pl. 1; Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins. — *Scriptorium*, 1959, 13, p. 181—195, pl. 18—19; *Idem*. Les Manuscrits Grecs 1931—1960. — *Lustrum*, 1963, p. 64—65; Diller A. The age of some early greek classical manuscripts. — In: Sertà Turyniana. Studies in Greek Literature and Palaeography in honor of Alexander Turyn. Urbana; Chicago; London, 1974, p. 514—524.

²³ Ευγγρόπουλος Α. Τὸ ἱστορημένον Εὐαγγέλιον τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰνστιτούτου Βενετίας. — *Θεσσαυρίσματα*, 1962, 1, с. 63—88, πίν. Α'—Π'.

²⁴ *Ibid.*, с. 87.

²⁵ Κακούλιδη Ε. Α. Κατάλογος τῶν ἐλληνικῶν χειρογράφων τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰνστιτούτου Βενετίας. — *Θεσσαυρίσματα*, 1971, 8, с. 251.

Типичным именно для греческих рукописей второй половины XI столетия является и художественное оформление манускрипта. Пергамен высокого качества, прекрасный каллиграф, великолепная иллюминация кодекса — все это свидетельствует о создании Венецианской рукописи в одном из лучших столичных скрипториев указанного времени.

Таким образом, более верной, по нашему мнению, является датировка Евангелия Греческого института, предложенная еще Н. П. Кондаковым²⁶.

5. *Cod. Marc. gr. VII, 26 (coll. 1431)*. Еще раз о Венецианском списке греческой версии «Варлаама и Иоасафа».

В заметке, посвященной палеографическому анализу двух греческих рукописей, Венецианской и Парижской, имеющих большое значение для обоснования гипотезы о Евфимии Святогорце как переводчике с грузинского на греческий «Варлаама и Иоасафа», мы предложили новую датировку как самих списков, так и леммы Венецианской рукописи²⁷. Теперь, после непосредственного изучения *cod. Marc. gr. VII, 26 (coll. 1431)*, мы можем дополнить и уточнить наши прежние наблюдения.

Прежде всего (и это — самый интересный факт для истории списка) лемма, содержащая имя Евфимия Святогорца как переводчика «Варлаама и Иоасафа» с грузинского на греческий, писана не на оставшемся свободным с XII в. месте (как мы предполагали прежде), а на месте первоначального надписания, счищенного и заполненного редактором XV в. новым текстом; нарушение структуры пергамента, происшедшее в результате счистки, в «живой» рукописи различается без труда. Первоначальная лемма, судя по следам подчистки пергамента, занимала место нынешней заставки (также принадлежащей редактору) и двух верхних строк нынешней леммы.

Отнесение работы редактора к XV в., предложенное нами раньше на основании изучения фотографии л. 1 Венецианской рукописи, подтверждается благодаря наличию в кодексе бумажных лл. II—IV. Правда, филигрань на этих трех листах отсутствуют, однако они покрыты текстом, принадлежащим другому писцу, — несомненно, XV в. На верхнем пол. л. II имеется двухстрочная помета рукой редактора списка, сделанная красными чернилами. Таким образом, помета редактора писана позже чем текст другой рукой XV в.

Кроме заставки, новой леммы и пометы на л. II, редактор XV в. продолжал следующую работу (красными или коричневыми чернилами):

1) устранил путаницу листов, возникшую до него при переплетении рукописи, сделав ряд соответствующих отсылок и значков на лл. 127 об., 129 об., 131 об., 132;

2) подновил старые или поставил новые знаки препинания и диакритические знаки (лл. 1—2, 72 об., 75 об., 76, 77 об., 78 об., 85 об., 86, 173 об.);

3) подчистил и исправил текст XII в. (лл. 1, 8 об., 10 об., 12 об., 16 об., 18 об., 19, 20 об., 21, 22 об., 23, 26 об. — 28 об., 30 об., 31, 47, 54 об., 56 об., 67, 91 об., 96 об. — 97 об., 115 об., 117 об., 118 об., 120 об., 123 об. — 124, 125 об., 142, 143 об., 148 об., 150, 151 об., 160 об., 169, 171 об., 173, 177 об. — 178, 179, 180, 181, 182 об. — 183);

4) сделал многочисленные маргинальные пометы различного характера — от обычных пометок, обращающих внимание читателя на то или иное место в тексте (например, л. 69 об.: ὅρα ὁ ἀναγινώσκων νοουεὺς καὶ προσεχτικῶς) или являющихся оглавлениями отрывков (например, л. 63: περί το

²⁶ Kondakoff N. Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Paris, 1891, 2, p. 145. Сердечно благодарим О. С. Попову за консультацию относительно датировки миниатюр исследуемой рукописи.

²⁷ См.: Фонкич Б. Л. О датировке Венецианского (*cod. Marcianus gr. VII, 26*) и Парижского (*cod. Parisinus gr. 1771*) списков греческой версии «Варлаама и Иоасафа». — ВО, 1977, с. 210—215.

μνοκέρωτος, л. 64 об.: περί τοῦ τρεῖς ἐσχχότι φίλου), до объяснений отдельных слов (л. 62 об.: οἰκότριψ, ὁ οἰκογενής δοῦλος) или обращений, по-видимому, к своему ученику Нилу (например, л. 96 об.: ὅρα, ὃ ἄθλιε Νεῖλε· ὁ τοὺς λογισμοὺς ἔχων τοὺς αἰσχροὺς ἐν τῇ καρδίᾳ σου ἐν τῷ καιρῷ τῆς προσευχῆς). Маргиналии редактора XV в. находятся на лл. 1, 6, 9 об., 12 об., 40, 45, 53 об., 58 об., 61, 62—63, 64 об., 66 об., 69 об., 73, 79 об., 81, 87, 90, 92 об., 94—94 об., 96—96 об., 107 об., 111, 116 об., 138, 144, 148 об., 153, 167 об. — 168 об., 173 об., 174 об., 178, 189, 192, 194 об.

Активное отношение редактора XV в. к тексту «Варлаама и Иоасафа», внимательно его прочитавшего, сделавшего многочисленные исправления и изменения текста и, наконец, снабдившего Венецианский список новой леммой (ибо едва ли можно думать, что редактор XV в. просто повторил текст леммы XII в.; в принципе это не является невозможным, однако в этом случае скорее нужно было бы ожидать простого поновления, а не счистки прежней леммы), должно быть принято во внимание при исследовании вопроса о роли Евфимия Ивира в возникновении греческой версии данного памятника.

6. *Cod. Urb. gr. 125* и *cod. Marc. gr. VIII, 9 (coll. 1038)*. Планудовский и триклиниевский этапы истории текста сочинений Ливания.

Две указанные рукописи представляют большой интерес для изучения истории текста сочинений Ливания: они возникли на рубеже XIII—XIV вв. в кружках выдающихся византийских ученых Максима Плануды и Димитрия Триклиния. Этот вывод основан на почерковедческом анализе манускриптов, результаты которого мы и приводим.

Cod. Urb. gr. 125 содержит сочинения Ливания, Григория Богослова, Аристиды, Филона и др. и писан на бумаге восточного происхождения, без филиграней²⁸. В рукописи можно различить почерки девяти писцов конца XIII—начала XIV в., работавших над копированием основных текстов сборника, и пяти писцов XV в., заполнивших оставшиеся пустыми части листов, сделавших надписания и разного рода добавления. Конец XIII—начало XIV в.: I — лл. 4—11, 12—34 об., 35 об. — 37 об., 46—63, 64—78 об., 80—83 об., 84—93 об., 136 об. — 138, 158—201, 201—211, 214—277 об., 294—302 об., 303 об., 308 об. (частично), 309—309 об.; этой же рукой писаны маргиналии на лл. 118 об., 123 об., 126, 128 об., 130 об., 142, 147; II — лл. 11 об., 35, 63 об., 201, 286; III — лл. 38—42, 303; IV — лл. 79—79 об., 84; V — лл. 94—136 об., 138—157 об.; VI — лл. 211—211 об., 305 об. — 306 об.; VII — л. 212; VIII — лл. 278—285 об.; IX — лл. 304—305. Первым писцом рубежа XIII—XIV вв. является, насколько можно судить по особенностям почерка, Максим Плануд²⁹. XV в.: I — лл. 42—44, 307 об.; II — лл. 42 об. — 43; III — лл. 44 об. — 45; IV — лл. 278 (лемма), 286 об. — 294, 306 об. — 307, 307 об. (?); V — л. 308. Путем отождествления по почерку определяются также I и IV писцы XV в.: это соответственно Исидор Киевский³⁰ и Иоанн Евгеник³¹.

²⁸ Описание рукописи см.: *Stornajolo C. Codices Urbinae Graeci Bibliothecae Vaticanae*. Roma, 1895, p. 217—227.

²⁹ Образцы почерка Максима Плануды см.: *Gasparrini Leporace T. e Mioni E. Cento codici Bessarionei*. Venezia, 1968, Tav. 40; *Tuyn A. Dated Greek Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy*. Urbana; Chicago; London, 1972, v. 2, pl. 16, 71—72, 223 b—c, 231 c.

³⁰ Ср. с образцами почерка Исидора, опубликованными в следующих работах: *Mercati G. Scritti d'Isidoro il cardinale Rutenio e codici a lui appartenuti che si conservano nella Biblioteca Apostolica Vaticana*. Roma, 1926 (Studi e Testi, 46), Tav. I, 1; II — *Harlfinger D. Specimina griechischer Kopisten der Renaissance*. Berlin, 1974, I. Griechen des 15. Jahrhunderts. Taf. 8; *Kresten O. Eine Sammlung von Konzilsakten aus dem Besitze des Kardinals Isidoros von Kiev*. Wien, 1976, Taf. I—IV; *Griechische Handschriften und Aldinen. Eine Ausstellung anlässlich der XV. Tagung der Mommsen-Gesellschaft in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel*. Braunschweig, 1978, Abb. 16.

³¹ Почерк IV писца XV в. в *cod. Urb. gr. 125* представляет, как нам кажется, скорописный вариант того же почерка, который представлен каллиграфическим образцом

В cod. Marc. gr. VIII, 9 (coll. 1038), содержащем сочинения Ливания³² весь текст (кроме лл. 1—4 об., XV в.) писан одним писцом начала XIV в., исключение составляют лл. 351 об.—359, переписанные Димитрием Триклинием³³. Последний сличил текст всей (или, во всяком случае, значительной части) рукописи с другим кодексом (или кодексами) и сделал поправки и дополнения в тексте, написал многочисленные маргинальные пометы, проставил номера сочинений Ливания, приписал в конце каждого сочинения его название, написанное в начале текста рукой основного писца.

Димитрием Триклинием сделаны различного рода пометы и дополнения на лл. 6 об., 8, 9, 20—20 об., 21 об., 22, 26 об., 28, 31 об., 32 об., 39 об., 43 об., 44, 45, 48, 51, 53 об., 55 об., 62, 64 (?), 67 об., 68, 69, 70 об.—71 об., 72 об., 74, 76 об., 80 об., 86 об., 88 об., 92, 99 об., 107, 109—109 об., 112, 113—113 об., 116, 118 об., 119, 120 об., 124, 125 об.—126 об., 127 об., 133 об., 134 об., 135 об., 136, 137, 138 об., 140, 141—141 об., 143 об., 144 об.—146 об., 148, 149, 153 об., 154 об., 160, 164 об., 168 об., 171 об., 172 об., 175 об., 178 об., 179, 181, 182, 184 об., 186, 192, 201 об., 206, 210 об., 211, 216 об., 217, 220 об., 227, 230 об., 233 об., 237 об., 244 об., 251, 254, 258, 260, 263, 266 об., 278, 280, 304, 306, 329, 340, 362 об., 368.

Определив в Biblioteca Marciana автограф Триклиния, мы изучили в месте подавляющее большинство исследований, посвященных этому византийскому филологу, и не нашли там сведений об описанном выше его автографе. Однако, готовя к печати данную заметку, мы обнаружили, что за несколько лет до нас автограф Димитрия Триклиния в cod. Marc. gr. VIII, 9 был определен А. Турином. А. Турин датирует рукопись около 1315 г. и считает, что она вышла из триклиниевского скриптория в Фессалониках³⁴.

7. Cod. Marc. gr. 511 (coll. 590). К вопросу о происхождении списка Псевдо-Каллисфена Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции.

Принадлежащий Греческому институту в Венеции список Псевдо-Каллисфена (cod. gr. 5)³⁵ изучался пока лишь как памятник поздневизантийской книжной живописи³⁶. Путем анализа художественных особенностей и реальных многочисленных миниатюр кодекса установлено, что рукопись была создана в XIV в. в одной из греческих областей, уже принадлежавших Византийской империи, вероятнее всего, на Кипре или находившемся под венецианским владычеством Крите³⁷.

Нам представляется, что некоторые уточнения (как в плане датировки так и локализации) может дать палеографическое исследование этого манускрипта. Красивый, высоковыработанный почерк писца рукописи свидетельствует не только о хорошей школе, о выучке, полученной переписчиком, но и о широкой книгописной практике, позволившей довести

его почерк до совершенства. Едва ли можно сомневаться в том, что писец Псевдо-Каллисфена Греческого института переписал не одну книгу, прежде чем ему был заказан этот кодекс. Усилия палеографов и должны быть направлены на поиски других рукописей, текст которых скопирован этим легко запоминающимся, каллиграфическим почерком: каждая новая рукопись может дать дополнительный материал для раскрытия судьбы Венецианского Псевдо-Каллисфена.

Одной из таких новых рукописей является cod. Marc. gr. 511 (coll. 590). Рукопись составлена из двух основных частей XIV в. (I — *Moralia* Плутарха, II — сочинения Ксенофонта и Арриана), переписанных соответственно двумя писцами. Оба писца — не только современники, но, вероятно, принадлежат к одному скрипторию, настолько близки их почерки, а также такие кодикологические показатели, как число строк на странице (40—41 у первого и 42 у второго писца), площадь текста ($232/5 \times 157/160$ у первого и $237 \times 157/160$ у второго), отсутствие нумерации тетрадей. Вторая часть рукописи переписана при непосредственном участии каллиграфа, почерк которого исключительно близок (если не идентичен) к почерку писца Псевдо-Каллисфена Греческого института: этим писцом рисованы все заставки, сделаны надписания и инициалы во всех разделах текста сочинений Ксенофонта и Арриана, писаны красными чернилами многочисленные маргиналии поясняющего характера. Имеются следы работы этого писца и в части, содержащей *Moralia* Плутарха, но они незначительны: нумерация отдельных сочинений и маргинальные пометки *σημειώσεις* и *φράσεις*. Таким образом, интерес этого каллиграфа к памятникам того же типа, что и Псевдо-Каллисфен, несомненен.

8. Новые автографы Гавриила Севира, Максима Маргуния и Мелетия Пигаса.

Отдельные тексты некоторых рукописных сборников конца XVI в. Марцианской и Ватиканской библиотек переписаны выдающимися деятелями греческой истории послевизантийского периода Гавриилом Севиrom, Максимом Маргунием и Мелетием Пигасом. Засвидетельствованные многочисленными источниками и хорошо изученные дружеские связи этих трех лиц³⁸ особенно ярко раскрываются в фактах их совместной работы над копированием интересовавших их памятников византийской и новогреческой литературы, комментированием текстов, в объединении переписанных ими самими или их друзьями рукописных тетрадей в большие и сложные по составу сборники³⁹.

Нам удалось определить следующие новые автографы Гавриила Севира, Максима Маргуния и Мелетия Пигаса.

Cod. Marc. gr. II, 93 (coll. 562)⁴⁰ представляет собой по преимуществу сборник писем, состоящий из различных частей, переписанных несколькими писцами XVI в. и объединенных под одним переплетом, по-видимому, Гавриилом Севиrom. Рукой последнего писано оглавление всего сборника на лл. V—VI об.⁴¹, текст на лл. 122—123, 125 об., а также маргинальные пометки на лл. 9 об., 58 об., 96, 101—101 об., 105. Текст на лл. 33—58 (на л. 58 — лишь полторы верхних и полторы нижних строки), 58 об.—62 об. скопирован Мелетием Пигасом. Наконец, на лл. 35, 36, 37, 38 об., 39, 40—40 об., 42 об., 45, 51 об., 53 об., 56 об., 57, 64 об., 65, 71, 72 об., 74 об., 85 об., 90—90 об., 92 об. имеются маргиналии Маргуния. Следует также отметить, что лл. 58, 62 об.—92 об. писаны одним из сотрудников Максима Маргуния и Мелетия Пигаса в рукописи ГИМ № 245, а текст

³⁸ Библиографию см.: Фонкич Б. Л. Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуния. — ВВ, 1977, 38, с. 141.

³⁹ Там же, с. 143—148.

⁴⁰ Описание рукописи см.: Mioni E. Op. cit. Roma, 1967, v. 1, pars prior, p. 279—283.

⁴¹ Ibid., p. 279. Это — единственный автограф Гавриила Севира, отмеченный в данной рукописи предшествующими описаниями.

в cod. Leidensis B. P. G. 33 H (см.: van Groningen B. A. Short Manual of Greek Palaeography. Leiden, 1955, pl. X; Merkelbach R., van Thiel H. Griechisches Leseheft zur Einführung in Paläographie und Textkritik. Göttingen, 1965, Taf. 1—5. В обеих рукописях рукопись неверно датирована первой половиной XIV в.), идентифицированы Д. Харлфингером с автографом Иоанна Евгеника; см.: Harlfinger D. Zu griechischen Kopisten und Schriftstilen des 15. und 16. Jahrhunderts. — In: La Paléographie grecque et byzantine. Paris, 21—25 octobre 1974. Paris, 1977, S. 335, Abb. 1.

³² Mioni E. Op. cit. Roma, 1960, v. 2, p. 132—135.

³³ Ср.: Turyn A. Op. cit., pl. 96—99.

³⁴ Turyn A. Demetrius Triclinius and the Planudean Anthology. — ЕЕВЭ, 1973, 40' — М., 1973, p. 445. Из кружка Димитрия Триклиния вышел также список Ливания начала XIV в. — ГИМ № 489; см.: Каверус Н. Ф. Московская рукопись сочинения Ливания. — ВДИ, 1974, № 4, с. 125—131.

³⁵ Κακούλιδης Ε. Δ. Op. cit., с. 252.

³⁶ Συγγρόπουλος Α. Αἱ μικρογραφίαι τοῦ μυθιστορήματος τοῦ Μ. Ἀλεξάνδρου εἰς τὸν κώδικα τοῦ Ἑλληνικοῦ Ἰνστιτούτου τῆς Βενετίας. Ἀθήναι — Βενετία, 1966.

³⁷ Ibid., с. 93—97.

лл. 101—119 об. является автографом Захарии Скордилиса, почерк которого можно видеть в рукописных сборниках, составленных Маргунием в 80—90-х годах XVI в.⁴²

Cod. Marc. gr. IV, 30 (coll. 1406)⁴³ является сборником, объединенным из пяти частей (I — лл. 1—43; II — лл. 44—46; III — лл. 48—55 об.; IV — лл. 56—67; V — лл. 71—77 об.) Максимом Маргунием, рукой которого не только писан текст на лл. 71—77 об.⁴⁴, но и сделаны надписания на лл. 1 и 56⁴⁵. Текст на лл. 56—67 переписан Гавриилом Севиром.

Автографы Гавриила Севира имеются также в следующих Ватиканских рукописях: Vat. gr. 1695, лл. 1—4 об.; Vat. gr. 1704, маргиналии на лл. 107 об. и 108 об.; Vat. gr. 1756, лл. 117—120 об., 195—204; Vat. gr. 1759, лл. 39—61, 134—138, 219 об.—221 об., 261—272 об. (?). В трех последних рукописях митрополит Филадельфийский сотрудничает с Максимом Маргунием, которому в Vat. gr. 1704 принадлежит текст на лл. 1—31 об. в Vat. gr. 1756 — лл. 125—127 об., 137—142 об., 150—153, 195, 196—196 об., 197 об., 198 об., 199, 202, 203 (на лл. 195—203 Маргунием сделаны маргинальные пометы), 207—223, 235 об., 279—294, 307—346, 347—348 об., а в Vat. gr. 1759 — лл. 11—13 об.

В cod. Vat. gr. 1728 переписанный писцом текст сочинения Мелетия Пигаса правлен самим автором на лл. II, 1, 9 об., 37 об., 39—39 об., 51—51 об., 52, 53 об., 54 об., 56, 57 об., 58, 59, 61—61 об., 74 об., 93 об., 94 об., 95

9. Греческие писцы XIV—XV вв. Некоторые дополнения.

Marc. gr. XI, 15 (coll. 1273). Рукопись писана двумя писцами первой четверти XIV в.: I — лл. 1—48, 58—135 об.; II — лл. 48—58⁴⁶. Второй писец отождествляется по почерку с Феодосием Евфимияном⁴⁷.

Marc. gr. 176 (coll. 492). Изданный А. Турином по этой рукописи 1351 г. образец почерка переписавшего ее писца⁴⁸ идентифицируется по почерку с Константином Мудрым (Κωνσταντῖνος ὁ Σοφός), закончившим в 1348 г. cod. Bodl. 264 (Roe 18)⁴⁹. Помимо Marc. gr. 176, можно указать еще два автографа этого писца: Marc. gr. 259 (coll. 892), лл. 91—146 об. и Marc. gr. 303 (coll. 534), где он дополнил (см. лл. 98—129 об., 131 об.—142, 146—150 об., 155 об.—171, 173—184, 185—196 и др.), вместе с другим, остающимся пока анонимным⁵⁰ писцом третьей четверти XIV в. (лл. 1—8 об., 92—97 об., 130—131 об., 142—146, 150 об.—155 об., 171 об.—173, 184 об., 196—199) рукопись конца XIII в.⁵¹

Ἀλεξάνδρου Γεώργιος — Marc. gr. X, 2 (coll. 1137), лл. 1—1 об., 8—8 об.

Εὐγενικός Ἰωάννης — Marc. gr. VIII, 4 (coll. 1208), лл. 180—209 об.

Χρυσόκλῃς Γεώργιος — Marc. gr. 622 (coll. 851); Barb. gr. 220 (II, 41)

⁴² См.: Фонкич Б. Л. Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуния, с. 144—145.

⁴³ Описание рукописи см.: Mioni E. Op. cit., v. 1, pars altera, p. 222—223.

⁴⁴ Этот автограф указан и в каталоге Э. Миони (р. 222).

⁴⁵ Ср. ГИМ, № 441, где на л. 16 Маргуний делает надписание к тексту, скопированному Гавриилом Севиром.

⁴⁶ Ср. описание: Mioni E. Op. cit., v. III, p. 97—100.

⁴⁷ Ср.: Turyn A. Dated Greek Manuscripts. . . , v. I, p. 130—131; v. II, pl. 102.

⁴⁸ Ibid., v. I, p. 214—215; v. II, pl. 171.

⁴⁹ Идентификация проведена по фотографии л. 81 Бодлейанской рукописи, предоставленной в наше распоряжение И. П. Медведевым, которого мы сердечно благодарим. О писце cod. Bodl. 264 см.: Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 251.

⁵⁰ Отождествляется с писцом А рукописи 1368—1369 г. Bibl. Casanatense, ms. 449 см.: Turyn A. Dated Greek Manuscripts, v. II, pl. 190.

⁵¹ Два писца XIII в.: I — лл. 39—66 об., 71—71 об., 73—88 об., 89—91; II — лл. 67—70 об., 71 об.—72 об. Первый писец идентичен писцу F cod. Vat. gr. 191; см.: Turyn A. Codices graeci Vaticani saeculis XIII et XIV scripti annorumque notis instructi. In Civitate Vaticana, 1964, p. 95, Tab. 60.

10. О происхождении Афонского (Iber. 4573/453) и Ватиканского (Vat. gr. 2613) списков жизнеописания основателей Ивирского монастыря.

Две указанные рукописи содержат жизнеописание основателей Ивирского монастыря на Афоне Иоанна, Евфимия и Георгия⁵². В настоящее время можно считать доказанным, что это сочинение является памятником новогреческой агиографии, возникшим в XVIII столетии⁵³.

Обе рукописи имеют колофоны. Iber. 4573, л. I об.: 'Ο παρών διηγηματικὸς βίος τῶν ὁσίων ἡμῶν πατέρων Ἰωάννου, Εὐθυμίου καὶ Γεωργίου ἐκαλληγραφήθη παρὰ ἀνέρος σαμίου Κοσμᾶ μοναχοῦ, ἐξ οὗ καὶ ἀφιερῶθη εἰς τὸ μέγα καθολικὸν τῆς ἱερᾶς ταύτης εὐαγοῦς λαύρας τῶν ἱβήρων, εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν αὐτοῦ, καὶ εἰς μνημόσυνον αἰώνιον τῆς ψυχῆς αὐτοῦ. Ἀψή, φεβρουαρίου ιθ'. Vat. gr. 2613, л. II об.: 'Εκαλληγραφήθη ἡ παροῦσα φυλλάδα τῆς ἀκολουθίας τῶν ὁσίων καὶ Θεοφόρων πατέρων ἡμῶν καὶ κτητόρων Ἰωάννου, Εὐθυμίου καὶ Γεωργίου διὰ χειρὸς Κοσμᾶ μοναχοῦ, τῇ συνθέσει καὶ διορθώσει τοῦ ἱερολογιωτάτου ἐν διδασκάλοις κυρίου Ἀθανασίου ἐξ οἰκείων ἐξόδων τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει γενομένου κυρίου Ζαχαρίου γέροντος τῆς συναξέως μονῆς τῆς τῶν ἱβήρων, παρ' οὗ καὶ ἀφιερῶθη εἰς τὸν ὑπ' αὐτοῦ ἀνεγειγμένον ἐκ βάθρων νέον ἀρσανᾶν εἰς τὸν ἱερὸν ναὸν τῶν ὁσίων ἡμῶν πατέρων εἰς μνημόσυνον αἰώνιον τῆς ψυχῆς αὐτοῦ. 'Οθεν οἱ ταύτην ἀναγινώσκοντες μέμνησθε πρὸς θεὸν ὑπὲρ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν αὐτοῦ τε καὶ ἡμῶν τῶν μετ' ἐπιμελείας διορθωσάντων καὶ συνεγραψάντων αὐτὴν ἐν ἔτει (стерто. — Б. Ф.) φεβρουαρίου ιθ'.

Таким образом, Ивирский список был переписан 19 февраля 1758 г. монахом Козмой Самосцем в самом Ивирском монастыре (. . . τῆς ἱερᾶς ταύτης . . . λαύρας) и дан им вкладом в кафоликон этого монастыря. Ватиканская рукопись, судя по данным колофона, была переписана монахом Козмой на средства ивирского старца Захарии и вложена в храм, посвященный основателям Ивира; хотя дата написания манускрипта стерта (читаются лишь месяц и день), не может быть никаких сомнений, что рукопись, как и Ивирский список, изготовлена в середине XVIII в.: об этом свидетельствует как почерк (см. далее), так и филигрань «три полумесяца», идентичная водяному знаку Ивирской рукописи.

Текст Афонской рукописи писан одной рукой — монаха Козмы Самосца. Этот же почерк легко различается во многих надписаниях и концовках Ватиканского кодекса, тогда как основной текст его переписан, на первый взгляд, другим писцом. Между тем, согласно сведениям колофона Vat. gr. 2613, рукопись полностью переписана монахом Козмой. Разрешить это кажущееся противоречие помогает рукопись Ивирского монастыря 4442/322 — она закончена в 1757 г. монахом Козмой (л. 161) и писана почерком, идентичным почерку основного текста Ватиканского манускрипта⁵⁴. Приходится, таким образом, констатировать, что Козма Самосец имел два варианта книжного почерка: первый представлен письмом Iber. 4573 и надписаниями и концовками Vat. gr. 2613, второй — письмом текста Ватиканского кодекса и Iber. 4442/322. Это обстоятельство позволяет определить круг лиц, в котором были переписаны два интересующих нас манускрипта, а также, по-видимому, создано и само жизнеописание основателей Ивирского монастыря.

Ивирский монах Козма Самосец был, как можно предполагать, воспитанником Патмосского фронтистиря Макария Калогераса: о своем пре-

⁵² В Ивирской рукописи этот текст (BHG³, 2143) находится на лл. 1—40, в Ватиканской — на лл. 39—70. Краткое описание Афонской рукописи см.: Lambros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, v. II. Cambridge, 1900, p. 147. Уточнением этого описания мы обязаны дружеской помощи Г. Статиса (Афины). Подготовленное для печати подробное описание Ватиканского кодекса, принадлежащее П. Николопулосу, было любезно предоставлено нам (с дополнительными данными кодикологического характера) проф. П. Канаром (Ватиканская библиотека). Сердечно благодарим Г. Статиса и П. Канара за эту помощь.

⁵³ Мачханели М. З. Из истории Афонской грузинской литературной школы (Греческое житие Иоанна, Евфимия и Георгия Афонцев). Тбилиси, 1978, с. 4—9.

⁵⁴ Почерк Iber. 4442/322 мы имели возможность изучать по фотографиям нескольких листов рукописи, любезно изготовленным по нашей просьбе Г. Статисом, которому мы выражаем свою глубокую признательность.

бывании на Патмосе он сообщает в колофоне переписанной им в январе 1737 г. на Афоне Январской минеи⁵⁵. Он был связан с удалившимся на Афон в 1723 г. Неофитом Мавромматисом, бывшим митрополитом Арты⁵⁶: об этом можно судить по тому, что между 1736—1738 гг. Козма была переписана составленная Неофитом и затем подаренная им иеродиакону Игнатию Эпидаврскому Краткая хроника⁵⁷. Не исключено, что знакомство Козмы с Неофитом восходит к 1730 г., когда митрополит Арты посетил фронтистирий Макария Калогераса на Патмосе⁵⁸. Ко второму варианту почерка Козмы ближайшим образом примыкает почерк афонского монаха Никифора, подвизавшегося в скиту св. Анны⁵⁹. Близость почерков такова, что она не может не свидетельствовать о тесном сотрудничестве этих писцов; по-видимому, ее нужно объяснять их совместным обучением или работой в одном скриптории.

Итак, мы располагаем шестью рукописями (пять из них датированы) — Patm. 910 (1730 г.), Patm. 285 (1736—1738 гг.), Patm. 862 (1737 г.), Iber. 4442/322 (1757 г.), Iber. 4573/453 (1758 г.), Vat. gr. 2613 (середина XVIII в.), — на основании анализа которых устанавливается факт сотрудничества афонских книгописцев Козмы Самосца и Никифора, а также определяется связь Козмы с выдающимся деятелем греческой культуры первой половины XVIII в. Неофитом Мавромматисом.

УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ

ГИМ № 93 210, 212
№ 245 217

ГИМ № 441 218
№ 489 216

ГПБ, греч. 219 (Порфирьевское четвероевангелие) 210—213
Ἑλληνικὸ Ἰνστιτούτο Βυζαντινῶν καὶ Μεταβυζαντινῶν Σπουδῶν

Beveridge, cod. gr. № 2 213, 214
cod. gr. № 5 216, 217

Barb. gr. 220 (II, 41) 218

Bibl. Casanatense, ms. 449 218

Bodl. 264 (Roe 18) 218

Iber. 4442/322 219, 220

Iber. 4573/453 219, 220

Leidensis B. P. G. 33 H 216

Marc. gr. 176 (coll. 492) 218

Marc. gr. 259 (coll. 892) 218

Marc. gr. 303 (coll. 534) 218

Marc. gr. 511 (coll. 590) 216, 217

Marc. gr. 622 (coll. 851) 218

Marc. gr. II, 93 (coll. 562) 217

Marc. gr. IV, 1 (coll. 542) 213

Marc. gr. IV, 30 (coll. 1406) 218

Marc. gr. VII, 26 (coll. 1431) 214, 215

Marc. gr. VIII, 4 (coll. 1208) 218

Marc. gr. VIII, 9 (coll. 1038) 215, 216

Marc. gr. X, 2 (coll. 1137) 218

Marc. gr. XI, 15 (coll. 1237) 218

Ottob. gr. 86 212, 213

Paris. gr. 494 210, 211

Paris. gr. 1771 214

Paris. Coisl. 269 210, 211

Patm. 285 220

Patm. 742 210—212

Patm. 862 220

Patm. 910 220

Urb. gr. 125 215

Vat. gr. 124 213

Vat. gr. 191 218

Vat. gr. 1695 218

Vat. gr. 1704 218

Vat. gr. 1728 218

Vat. gr. 1756 218

Vat. gr. 1759 218

Vat. gr. 2079 210—212

Vat. gr. 2613 219, 220

И. Л. КЫЗЛАСОВА

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП В СТАНОВЛЕНИИ
ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА Н. П. КОНДАКОВА

Особое место среди русских историков искусства второй половины XIX—начала XX в. принадлежит Никодиму Павловичу Кондакову (1844—1925). Его труды составили целую эпоху в осмыслении древнерусского художественного наследия. Ученый открыл новый самостоятельный раздел в изучении истории мирового художественного процесса — историю византийского искусства. Специальный интерес представляет вклад Н. П. Кондакова в развитие иконографического метода, который был ведущим исследовательским методом в изучении искусства средних веков на протяжении всей второй половины прошлого столетия.

В 60-е годы XIX в., во время учебы в Московском университете и вскоре после его окончания, Н. П. Кондаков испытал влияние взглядов крупнейшего русского историка искусства тех лет Федора Ивановича Буслаева. Его работы конца 50—60-х годов заложили прочную основу для формирования иконографического метода в отечественном искусствоведении. В европейской науке об искусстве этот метод начал складываться с середины XIX в. и нашел свое отражение в трудах, посвященных как античному, так и средневековому художественному наследию. Н. П. Кондаков, хорошо знакомый с научными поисками зарубежных исследователей, прошел оба пути, ведущие к иконографическому методу. Ученый начал активную исследовательскую деятельность в 70-х годах. Вся первая половина этого десятилетия прошла для него под знаком преимущественного интереса к античному искусству. Но уже в 1875—1876 гг., во время работы в важнейших музеях и библиотеках Европы, Н. П. Кондаков собирал материалы не только для книги о греческой мелкой пластике, но и для сочинения о византийской миниатюре. В эти годы ученый общался с такими выдающимися знатоками классической и раннехристианской иконографии, как А. Конце и Д.-Б. де Росси. Определенное влияние на взгляды молодого русского исследователя оказали его французские коллеги Л. Дюшен, К. Байе, Э. Мюнтц¹. Но если изучение античного искусства и искусства первых веков христианства в европейской науке того времени стояло на высоком уровне, то художественная культура Византии не вызывала серьезного интереса. Как и в первой половине XIX в., было широко распространено мнение о том, что Византия «оцепенела» в своем художественном развитии, что из века в век она создавала памятники грубые и уродливые.

Книга Н. П. Кондакова «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей», вышедшая в 1876 г., совер-

¹ Отчет доцента Н. Кондакова и его занятий за границей со 2-го марта по 1-е сентября 1875 г. — ЗИНУ, XVIII, отд. отт., с. 6; Отчеты доцента Н. Кондакова о его занятиях за границей с 1-го сентября 1875 г. по 1-е августа 1876 г. — ЗИНУ, XX—XXI, отд. отт., с. 4; Вернадский Г. В. Никодим Павлович Кондаков. — СК, 1928, 2, с. XIV.

шила переворот в науке ². Это была работа, впервые показавшая живо-
развитие византийского искусства, его высокую художественную цен-
ность. Книга принесла автору европейское признание и в течение долгих
лет оставалась одним из основных трудов по истории византийского изоб-
разительного искусства. С этого времени русская наука в лице Н. П. Кон-
дакова начала занимать ключевые позиции в данном разделе искусствозна-
ния. В «Истории византийского искусства» иконографический метод
ученого получил законченную формулировку. Позднее, на протяжении
полувековой научной деятельности исследователя, его метод претерпел
определенные изменения ³, главным образом за счет развития теоретиче-
ских положений, высказанных уже в книге 1876 г.

Следует, однако, кратко охарактеризовать те наблюдения над иконо-
графическим методом Н. П. Кондакова, которые уже были высказаны
в литературе.

В многочисленных статьях о трудах ученого, вышедших еще при его
жизни, отмечалось, что, уделяя большое внимание иконографии, иссле-
дователь описывал художественные и технические особенности памятни-
ков, анализировал их культурно-исторические связи ⁴. Исследовательский
метод ученого не получил общепринятого названия — часто использовалось
понятие «сравнительного» метода, а Д. В. Айналов писал о истории
художественном анализе и о методе объективного сопоставления форм
в работах своего учителя ⁵.

Как известно, в 80—90-х годах XIX в. в европейском искусствознании
произошел решительный перелом — возник принципиально новый иссле-
довательский метод, ориентированный на изучение художественной специ-
фики искусства. С 10-х годов XX в. этот метод постепенно начали усва-
ивать представители молодого поколения русских ученых, писавшие
о средневековом искусстве. Иконографический метод в том виде, как он
сложился в трудах Н. П. Кондакова, оказался неспособным к серьезным
изменениям, вызванным новыми веяниями в науке. Таким образом
в период наибольшей зрелости иконографического метода его позиция
ведущего исследовательского метода была утеряна. Все это объясняло
стремление некоторых ученых пересмотреть основы прежней научной
традиции в изучении средневекового художественного наследия.
Это закономерное стремление было облечено, однако, в формы чрезмерно
резкой, лишенной историзма критики. Все же, несмотря на общую тен-
денцию к предельному упрощению взглядов старых ученых, такие авторы
как Н. Щекотов и П. Муратов, высказали ценные замечания о том, что
Н. П. Кондаков разрабатывал не только вопросы иконографии, но и
стиля. Отмечалось, что наблюдения ученого над художественной формой

были интересными, но недостаточно последовательными и исчерпываю-
щими.

В годы становления советской науки В. Сокол писал, что иконогра-
фический метод Н. П. Кондакова включал в себя формально-исторический
анализ. Вновь упоминалось, что последний сводился к случайным заме-
чаниям, а потому и не имел научного значения. Большую историческую
«оснащенность» трудов Н. П. Кондакова, мастерство его стилистического
анализа отмечал С. А. Жебелев. Эта характеристика стала общепринятой
для целого ряда ученых 20-х годов ⁷.

Работа В. Н. Лазарева положила начало собственно историографиче-
скому изучению данной темы в советской науке ⁸. Статья до сего времени
остается наиболее значительным вкладом в изучение научного наследия
Н. П. Кондакова. В. Н. Лазарев подчеркнул закономерность становления
иконаграфического метода, большое значение, которое он имел в истории
науки. Впервые были прослежены этапы развития метода Н. П. Конда-
кова. В. Н. Лазарев видел слабые стороны метода в его отрыве от анализа
художественной формы, в отождествлении иконографии и содержания
памятников, в отсутствии анализа причин изменения иконографии.

В работах Ф. И. Успенского, Д. В. Айналова, Г. В. Жидкова вновь
отмечается глубина стилистического анализа Н. П. Кондакова, обшир-
ность культурно-исторической базы его работ. Исследовательский метод
ученого вновь был назван сравнительным ⁹. Так, во второй половине 20-х
годов окончательно определились противоположные точки зрения на отно-
шение иконографического метода Н. П. Кондакова к изучению средств
художественного выражения.

В 30-е и отчасти 40-е годы наблюдения, касающиеся научного наследия
ученого, встречаются редко, в большинстве случаев они отмечены печатью
подчеркнуто критического отношения. Все же это не помешало А. И. Не-
красову писать о достаточно обоснованном толковании стиля в трудах
Н. П. Кондакова, хотя он и полагал, что исследователь изучал не существо
искусства, а историю культуры в связи с произведениями искусства. Очень
важно, что были отмечены попытки Н. П. Кондакова приблизиться к по-
ниманию социальных корней художественного творчества. Исследователь-
ский метод Н. П. Кондакова был определен как историко-иконаграфиче-
ский ¹⁰. В 40-е годы высокую оценку труда ученого получили в работах
В. Н. Лазарева, И. И. Иоффе ¹¹. В 60-е годы о методе Н. П. Кондакова
упоминал М. В. Алпатов, писал А. А. Сидоров ¹². Последний затронул ряд
малоизученных вопросов, но в целом иконографический метод Н. П. Кон-
дакова все же не получил детальной характеристики ¹³.

² Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков (1844—1925). М., 1925. Работа переиздана с некоторыми исправлениями и дополнениями в кн.: Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971, с. 8 (далее ссылки на это издание).

³ Общую характеристику последующих этапов в развитии исследовательского метода Н. П. Кондакова см.: Кыласова И. Л. Становление и развитие иконографического метода в трудах Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова: Автореф. дис. . . канд. искусствовед. М., 1978, с. 15—18.

⁴ Покровский Н. В. Рец. на кн.: Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя. — ЗИРАО, т. 3, 1887, вып. 1; Редин Е. К. Рец. на кн.: Кондаков Н. Византийские эмали. — ВВ, 1895, II, вып. 1—2. Он же. Профессор Никодим Павлович Кондаков. К тридцатилетней годовщине его научно-педагогической деятельности. — ЗИРАО, 1896, т. 9, вып. 2; Бож В. Г. Рец. на кн.: Кондаков Н. П. Византийские эмали. — ЗИРАО, 1896, т. 8, вып. 3—4, кн. 1; Айналов Д. В. «Русские клады» Н. Кондакова. — ЖМНП, 1897, № 7.

⁵ Айналов Д. В. Указ. соч., с. 161.

⁶ Анисимов А. Этюды о новгородской иконописи. — София, 1914, № 4; Щекотов Н. Иконопись как искусство. — Русская икона, 1914, вып. 2; Муратов П. Русская живопись до середины XVII века. — В кн.: История русского искусства. М., 1914, т. 6; Грищенко А. Русская икона как искусство живописи. М., 1917.

⁷ Сокол В. Иконографический и живописно-формальный методы изучения русской иконописи. — ИОАИЭ при Казанском университете, 1923, 32, вып. 2, с. 187—188, 196; Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг., 1923, ч. 1, с. 134; Никодим Павлович Кондаков. 1844—1924: К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924.

⁸ См. выше, прим. 2.

⁹ Успенский Ф. И. Памяти Никодима Павловича Кондакова. — ИАН, 1926, сер. VI, т. XX, № 9, с. 572; Айналов Д. В. Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог. — СК, 1928, с. 311—321; Жидков Г. В. Московская живопись середины XIV века. М., 1928, с. 37, 86, 93.

¹⁰ Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, с. 12—13.

¹¹ Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М., 1947, с. 19; Иоффе И. И. Проблема всеобщей истории искусств в Петербургском университете. УЗ ЛГУ, 1947, № 95. Сер. ист. наук, вып. 15, с. 248—251.

¹² Алпатов М. В. Из истории русской науки об искусстве. — В кн.: Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967, с. 24 и др.; История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века. М., 1966, с. 238—242; История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века—начало XX века. М., 1969, кн. 1, с. 9—11.

¹³ Историографию вопроса подробнее см.: Кыласова И. Л. Исследовательские методы Ф. И. Буслаева и Н. П. Кондакова: (Итоги и перспективы изучения). — Вестн. МГУ. Серия «История», 1978, № 4, с. 87—94.

Итак, сущность исследовательского метода Н. П. Кондакова вызывала и вызывает различные толкования¹⁴. Кроме того, исследовательский метод ученого не стал предметом специального изучения.

Со времени выхода в свет «Истории византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» прошло 100 лет. За эти годы византистика проделала огромный путь. Думается, что для верной оценки научного наследия Н. П. Кондакова нужно учитывать два обстоятельства. С одной стороны, большинство теоретических положений и исследовательских приемов ученого претерпели серьезные изменения и даже оказались отвергнуты современным искусствознанием. С другой — многие мысли исследователя стали азбукой существующей сегодня науки. Это осложняет восприятие новаторского характера работ ученого. Все сказанное в полной мере относится к книге 1876 г.

В «Истории византийского искусства» впервые в отечественном искусствознании был последовательно применен принцип сюжетно-тематической группировки материала, который лег в основу иконографического метода. Ученый справедливо писал, что его исследовательский метод зиждется на так называемой «гипотезе редакций». Для Н. П. Кондакова было важно, что новый метод, сохраняя историческую последовательность в систематизации памятников, позволял ему, как он подчеркивал, сосредоточить внимание на художественных и иконографических особенностях произведения искусства (с. 5, 6).

Разработанные в исследовании принципы анализа лицевых рукописей по мере сложения их редакций по времени и месту их происхождения определили изучение памятников в их соотношении между собой как «оригиналов» и «копий». Так, известный или неизвестный оригинал вместе со сгруппированными вокруг него «копиями» составлял определенную редакцию в иллюстрировании данного вида рукописей. Определение иконографического «ядра» редакции позволяло рассматривать последующие «копии» лишь с точки зрения тех изменений, которые они вносили. Памятники определенной эпохи, принадлежащие к одной редакции, могли быть охарактеризованы на примере наиболее полного по составу иллюстраций экземпляра. Автор постоянно отмечал распространенные и редкие переводы. Книга 1876 г. явилась весомым вкладом в создание истории типов основных персонажей христианского искусства.

Приступая к изучению византийского искусства, Н. П. Кондаков не случайно обратился прежде всего к миниатюре. Интерес к ней ученый унаследовал от своего учителя Ф. И. Буслаева. Выбор темы был удачен, так как иллюстрированные рукописи обладали большей хронологической определенностью и были более равномерно распределены во времени, чем памятники иных видов искусства. Многочисленность и разнообразие миниатюр позволили Н. П. Кондакову поставить перед собой масштабную задачу — дать общую характеристику развития всего византийского изобразительного искусства.

Исследователю было ясно, что миниатюра в течение значительного времени занимала «главнейшее» место в художественной жизни Византии (с. 11, 14). Но самостоятельность этого раздела была относительно низкой. Новый подход к искусству позволил с особой наглядностью выявить процесс обмена сюжетами между миниатюрой, фреской и мозаикой. Как сравнительный материал в книге использовались также рельефы, эмали и изображения на амулах. Кроме того, в исследовании были сделаны попытки наметить соотношение византийской и каролингской миниатюр, сопоставить ряд образцов византийской иконографии с некоторыми композиционными схемами эпохи Возрождения и с описаниями из русских иконописных подлинников.

¹⁴ Это наглядно отразилось уже в различных наименованиях исследовательского метода Н. П. Кондакова.

Как же ученый определял роль и смысл иконографии в византийском художественном наследии? Этот вопрос возникает уже при знакомстве с названием книги. Мы сталкиваемся здесь со свойственной исследователю неопределенностью терминов и непоследовательностью их применения. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести другое аналогичное сочетание слов в работе «искусство и миниатюра» (с. 134). Текст книги свидетельствует о том, что «искусство» и «иконаграфия» не воспринимались автором как независимые друг от друга или, наоборот, тождественные понятия. Первое было, несомненно, шире второго, включало его как хронологически и функционально ограниченную часть. Согласно концепции Н. П. Кондакова, византийская иконография не только складывалась постепенно, но и закончила свое развитие задолго до того, как прекратилась жизнь самого византийского искусства.

В понятии «искусство» ученый различал две составные части: художественную форму и содержание-иконаграфию. Исследователь пользовался также понятием «манера представления», близким по смыслу к понятию «иконаграфия». Наш комментарий к терминологии ученого позволяет перейти к обоснованию Н. П. Кондаковым особой роли иконографии в истории византийского искусства.

Ученый исходил из мысли, что «всякий период искусства характеризуется прежде всего художественной формой, и манера представления, будучи более устойчивой и менее чувствительной к явлениям времени, не может служить к полному определению эпохи». Но Н. П. Кондаков стремился охарактеризовать прежде всего особенности византийского искусства. Анализируя его истоки и полагая, что многие раннехристианские памятники «античны» по стилю, исследователь писал, что именно история иконографии раскрывает нам ныне всю исключительность художественного наследия Византии. Обратившись к зрелому этапу в его развитии, Н. П. Кондаков отмечал, что вся художественная деятельность была поставлена в «особые, исключительные в истории искусства условия: она избрала себе самое определенное и ограниченное содержание; санкционированные формы художественной композиции довольствовались всевозможными случаями; известное число избранных иконографических типов полагалось для образного воспроизведения евангельского или библейского факта...» (с. 131, 141).

Н. П. Кондаков справедливо полагал, что формирование и функционирование иконографии в византийском искусстве во многом определялись ремесленной «постановкой» мастера, необходимостью выработать для художников мастерской схему каждой фигуры, сцены, определить набор красок. Это привело, по мысли ученого, к схематичности, условности, своеобразной «казенности» типов и композиции: «Как скоро мастер в известном представлении нашел характеристическую его сторону, он разрабатывает исключительно ее и подчиняет ей все остальное». Именно стремление к «характерности», а не принцип верности природе, писал исследователь, направляло руку византийского художника (с. 67).

Н. П. Кондаков не мог обосновать мысль об особой роли иконографии без анализа проблем соотношения традиционного и личного начал в средневековом искусстве, ремесленности и относительной творческой свободы, условности и использования впечатлений реальности.

Исследователь впервые показал, что ремесленная основа художественного творчества, своеобразное «тиражирование» образцов в искусстве Византии ограничивали, но не исключали полностью проявлений творческой свободы художника (до XIII в.). Н. П. Кондаков отмечал, что особыми «привилегиями» пользовались миниатюристы: индивидуальные поиски мастера выражались не только в декоративном оформлении страниц рукописи, но и в области иконографии. Ученый видел, как велика была роль индивидуального выбора сюжета, сокращения композиционных схем, изменения деталей, придававших изображению новый смысл.

Исследователь писал, что византийский художник мог «придумать» отдельную сцену, обновить старый сюжет, наделив его особой эмоциональной окраской. Наконец, ряд символических изображений прямо предполагал «замысел и избрание» (с. 3, 5—8, 44, 174, 177, 178, 239, 245). Полноценная миниатюра определялась Н. П. Кондаковым как «художественное сочинение». Она противопоставлялась бездумному следованию за текстом, буквальному иллюстрированию. Лишь XIII—XIV вв. трактовались как время «самоотречения, уничтожения личности и воли» (с. 108, 265)¹⁵.

Ученый прекрасно чувствовал природу иконографии. Он отметил ее основные качества: отвлеченный, идеальный, строго объективный и символический характер. Исследователь, как и его учитель Ф. И. Буслаев, констатировал, что «идеальное» и «реальное» в византийском искусстве связаны по законам, обратным их естественной связи. Историческая ограниченность взглядов Н. П. Кондакова проявилась в том, что он писал о «уродовании жизненных форм» средневековыми художниками и считал, что это — следствие не общей эстетической установки, а ремесленных искажений¹⁶.

В книге есть ряд определений «натурализма», «реализма» и «идеального», но они вряд ли помогут прояснить здесь позиции Н. П. Кондакова — настолько противоречив и «зашифрован» их смысл, хотя ученые опирались на эстетические воззрения Ф.-Т. Фипера (с. 60, 135, 141—173).

Н. П. Кондаков справедливо видел в Византии прямую и непосредственную наследницу античности. Ему импонировала классическая «реалистическая манера» в раннем и отчасти зрелом византийском искусстве. Исследователь с воодушевлением описывал замечательную «живость», «естественность» композиций, «натуральность» цвета, «живое» движение «реальных» типов лиц. Отмечалось отражение в искусстве бытовых реалий (с. 40, 43, 49, 77, 89, 165, 166). Ремесленность исполнения, известное огрубление, «непонятность» форм, пропорций, движения рассматривались в большинстве случаев как признаки «копий» — в отличие от оригиналов. Однако Н. П. Кондаков замечал, что не следует радоваться чертам натурализма как искре свежей жизни — «это оживление покупается разложением идеала», что особенно ярко проявилось в памятниках XIII—XIV вв. Характеризуя этот этап, ученый писал о «фатальном» преклонении перед действительностью, о «грубом натурализме» (с. 61, 189, 191, 239, 265)¹⁷. Последняя характеристика могла относиться к провинциальным работам и более раннего периода.

Н. П. Кондаков заострил свое внимание и на другом важнейшем условии, определившем и направлявшем иконографический процесс, — тесной зависимости сюжета изображения от священного текста и богословских взглядов. Ученый отмечал, что непосредственная, «живая» связь миниатюры с текстом приводила к тому, что «богословский характер» византийского искусства проявлялся с наибольшей наглядностью именно в этой области художественного творчества. Исследователь часто указывал на соответствие иллюстраций конкретному тексту, ссылаясь на выдержки из творений раннехристианских авторов. Редко и кратко, но все же останавливался он на стилистическом родстве искусства и литературы в одну эпоху — отмечал общность их символическо-риторической

¹⁵ Разрушив концепцию о мертвенности византийского искусства, ученый все же не дал ей определенной дань, признав XIII и XIV вв. периодом «упадка». Важное значение для сложения этого взгляда имело то обстоятельство, что многие блестящие памятники этого времени были не известны до начала XX в.

¹⁶ Правда, в книге можно найти замечания о том, что «искажение» формы и «грубость» исполнения были результатом стремления к иррациональному и даже представляли собой «историческую художественную манеру» (с. 83). Таким образом, перед нами обычный для Н. П. Кондакова-теоретика пример непоследовательности.

¹⁷ Характеристика отношения искусства XIII—XIV вв. к действительности определялась общей оценкой этого периода как эпохи «упадка».

«склада, отвлеченность, общий интерес к ряду специфических тем (с. 6, 7, 139, 196, 204, 205).

«История византийского искусства» содержит десятки описаний иконографических схем и типов. В них входят характеристики черт лица, прически, бороды, одежды, атрибутов, поз, жестов, пропорций фигур, их расположения. Автор видел в наиболее выразительных и определенных типах «основание иконографического идеала». Но этот «идеал» проявлялся, по мнению исследователя, не только в однообразии типов, но и в их индивидуальной трактовке. Именно относительное разнообразие иконографии отвечало, по Н. П. Кондакову, периодам «расцвета» византийского искусства. Во многом это обеспечивалось благодаря жизненным впечатлениям. Ведь «художник хотел быть натурален в пределах данного типа» (с. 75, 98, 145, 213). Ученый проявил большую наблюдательность, придя к выводу, что со времени окончательного сложения основ иконографии, когда в искусстве утвердился греческий национальный тип, поиски большей выразительности и «догматической чистоты» типа постепенно превратили его в своеобразный «штемпель» каждой византийской работы. Вместе с тем, замечал исследователь, простота, ясность и резкая определенность этого типа делала легким его усвоение в мастерских всех стран и давала художникам всегда готовую форму. Нередко это порождало своеобразный академизм, «затверженную типичность», приводило к утомительному однообразию безжизненных голых схем (с. 109, 137, 143, 165, 191, 193, 226). Процесс стандартизации иконографии, согласно концепции ученого, достиг своего апогея в XIII—XIV вв.

Работа Н. П. Кондакова дает повод утверждать, что в ней интерпретация содержания памятников сводится к описанию их типов. Напомним, что в этом видит один из недостатков иконографического метода. Исследователь действительно не раз писал о том, что его важнейшей задачей является выявление «внутренней стороны» искусства, его «содержания». Разумеется, уровень науки того времени не позволил ученому с исчерпывающей полнотой выполнить эту задачу. Содержание византийского искусства раскрывалось в работах Н. П. Кондакова в основном через описание иконографических типов. Но думается, что все же можно отметить довольно многочисленные случаи, когда ученый затрагивал и иные аспекты содержания. Недаром в интересующей нас книге читаем, что иконографические типы и схемы вместе с «идеалами» искусства получают в анализе содержания «первенствующее» место, т. е. не совпадают с ним полностью (с. 27).

Очень важно, что исследователь не игнорировал полностью эмоционально-образное содержание целого ряда описанных им памятников. Ученый отметил довольно широкий спектр психологических состояний своих персонажей: безучастность и пророческий экстаз, задумчивость и благоговейное изумление, выражение добродушия и беспомощного горя, строгости, любви, скорби, страдания. Он увидел на лицах печать слащавости и приторности, вдохновения и энергии (с. 89, 92, 93, 98, 170, 173, 192, 215, 249). Иногда Н. П. Кондаков упрощал свою задачу, ограничиваясь замечаниями типа: фигура «полна выражения» или здесь «отсутствует выражение» (с. 150, 193).

Интересно, что исследователь выделял произведения, утратившие, с его точки зрения, свое идейное содержание. Эта своеобразная неполноценность объяснялась им не только стандартизацией иконографии, но и несовершенством средств художественного выражения¹⁸. Так, автор писал: «Иконографические типы превращаются в условную академическую схему, которая легко может быть описана, но ничего не выражает...». И в другом случае: «Множество евангельских кодексов, идущих непре-

¹⁸ Мнение Н. П. Кондакова о «бессодержательности» целого ряда произведений византийского искусства было явным преувеличением.

рывно с IX в. по конец Византийской империи, также имеет свое значение в истории, хотя, несомненно, самый духовный интерес их изображений очень умален этим жалким копированием». Безудержная тяга к декоративности, «красивости» приводила, по Н. П. Кондакову, к тому, что миниатюра окончательно нисходила к «роли забавной, развлекающей игры, уничтожающей всякое значение высокого сюжета». Это стремление византийского искусства к «праздной забаве» повредило ему больше, чем все «внешние беды» (с. 144, 191, 222, 242, 248).

Приведем несколько примеров, свидетельствующих о том, что эмоционально-образный смысл изображения определялся не только иконографическим типом, но и художественной формой. Ученый писал: «При композициях неудержимо страстного, бешеного характера любовь к сценам жестокости и уродству; темный фон иллюстраций, простота красок сообщает также миниатюрам аскетический оттенок». Автор часто использовал очень выразительное определение «игрушечный» («игрушечная красота» и т. д.). Оно подчеркивало условную трактовку изобразительного мотива и одновременно радостный характер сцены (с. 42, 247).

Все сказанное позволяет перейти к вопросу об интуитивном понимании нераздельности иконографии и средств ее воплощения, проявлявшемся в отдельных высказываниях Н. П. Кондакова¹⁹. Например, он описывал «прекрасные» иконографические типы, со «всеми чертами их стиля» и замечал: «Тип этот есть . . . достояние стиля». В «Истории византийского искусства» можно найти множество аналогичных высказываний. Приведем еще лишь одну характерную, на наш взгляд, цитату: иконографические типы рукописи «представляют все обычные черты, но данные в такой идеальной форме, которая из этой миниатюры делает важнейший памятник византийской иконографии» (с. 98, 154, 163, 231). Итак, в отдельных случаях понятие «иконаграфия» как бы насыщалось «элементами» художественной формы, и наоборот, понятие «стиля» вбирало в себя иногда особенности иконографии. К этому мы еще вернемся.

Вновь подчеркнем, что сама постановка Н. П. Кондаковым проблемы закономерного развития византийского искусства носила новаторский характер. Желание проследить движение, изменения в традиционном искусстве пронизывает всю книгу 1876 г. Одним из важнейших научных достижений ученого явилась созданная им периодизация. Она не только использовалась в последующих трудах Н. П. Кондакова, но и послужила солидным основанием для периодизации, принятой в современной науке²⁰. Вместе с тем взгляды исследователя были ограничены использованием внеисторических категорий «расцвета» и «упадка» и мыслью о направленности развития византийского искусства к «высшему идеалу» (с. 42). Последний тезис приводил к определенной абсолютизации процесса развития. И все же очевидно, что принципы историзма не были вытеснены из концепции Н. П. Кондакова.

Вспомним, что в историографической литературе отмечались попытки исследователя приблизиться к пониманию социальных основ художественного творчества. И действительно, Н. П. Кондаков был «слишком» историком, чтобы не увидеть и не оценить того, что художественная культура выступает как «непременное полное и своеобразное выражение жизни каждого народа» (с. 50). Вопрос о причинах изменений, о движущих силах византийского искусства был рассмотрен им в самом общем виде. Определялись причины, обусловившие облик целых этапов, а не конкретных

памятников. Решение этого вопроса даже в таком ограниченном виде было важным новшеством в изучении византийского художественного наследия.

Ученый исходил из мысли, что полноценная политическая, гражданская и культурная жизнь общества являлись необходимым условием развития искусства. Считалось также, что решающее влияние на изменение характера художественной деятельности оказывали не столько политические события, сколько «внутренняя жизнь» общества, «настроение умов», «дух народа». В книге 1876 г. были даны краткие очерки «внутреннего состояния» Византии в различные периоды. Исследователь останавливался на иконоборчестве, на общей «образованности», на роли монашества и т. д. (с. 111, 112, 260—262 и др.).

Едва ли не самый выразительный очерк посвящен периоду XIII — середина XV в. Лаконично и ярко Н. П. Кондаков описал «подкупность и продажность злого и развратного общества», произвол властей, «политическое невежество, обеднение идей, упадок промышленности и застой в народной жизни», «отрицательную» мораль общества — поиски самозабвения и смерти. Ученый писал, что мистицизм, фатализм и суеверное воображение составляли в то время почву, на которой жило искусство, что церковная обрядность и догматика стали, к сожалению, единственной областью выражения «народной воли». Наконец, была прямо высказана мысль о том, что характер иконографических типов зависел от определенного мировоззрения (с. 145, 260—265). Разумеется, особое место в концепции Н. П. Кондакова занимали те пласты идеологии, которые были восприняты искусством через литературу и богословие.

Вместе с тем иконографический метод открывал широкие возможности для анализа развития искусства как имманентного процесса. Это, несомненно, затрудняло всесторонний анализ взаимодействия искусства с культурно-историческими явлениями. Вот почему мнению В. Н. Лазарева о том, что Н. П. Кондакова не интересовали причины изменений иконографических типов²¹, справедливо, коль скоро речь идет об изучении этой проблемы на уровне конкретных произведений искусства. В книге 1876 г. можно найти лишь один пример подобного анализа (с. 271).

В то же время Н. П. Кондаков ясно видел относительную самостоятельность искусства как сферы культуры, обладающей своей спецификой. Миниатюра, по его мнению, имела свою «внутреннюю» историю (с. 2—3). Это позволяет рассмотреть вопрос об отношении иконографического метода, в том виде как он проявился в книге 1876 г., к анализу средств художественного выражения. Напомним, что в историографической литературе существуют две противоположные традиции в освещении этого вопроса.

В трудах Н. П. Кондакова не только раннего, но и позднего периода его научной деятельности мы не найдем того стилистического анализа, который сложился в европейском искусствознании в 80—90-е годы XIX в. Но Н. П. Кондаков никогда не отказывался от традиционного анализа средств художественного выражения. Думается, что значение последнего не было еще в должной мере оценено в историографической литературе: его скромные заслуги заслонили блестящие открытия Г. Вельфлина, А. Ригля и их последователей.

Итак, Н. П. Кондаков включал в свой «исторический» метод и «разбор форм», с помощью которого он хотел очертить историю стиля и техники (с. 27).

Остановимся на понятии «стиль» в «Истории византийского искусства». Мы уже упоминали о неопределенности терминов у Н. П. Кондакова. К этому следует добавить, что смысловые оттенки ряда понятий выражались набором различных терминов, границы между которыми нередко

¹⁹ И действительно, по глубокому определению В. Н. Лазарева, «иконаграфия является вне всякого сомнения одним из атрибутов формы. . . Поэтому развитие иконографии есть не что иное, как отражение развития стиля». «Атрибут формы» — эти точно найденные слова выражают условный и внешний характер иконографии. См.: Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков (1844—1925). М., 1925, с. 26.

²⁰ Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков. — В кн.: Лазарев В. Н. Византийская живопись. М., 1971, с. 18.

²¹ Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков, с. 14.

размывались. Нечеткость употребления терминов приводит к тому, что соотношение понятий не всегда ясно из контекста.

С помощью слова «стиль» описывались характерные черты и одного памятника, и небольших отрезков времени, и целых эпох. Для обозначения стиля времени иногда использовался и термин «тип» (византийский тип изображения и т. п.). Часто со словом «стиль» отождествлялись «манера» и «характер изображения». Последнее словосочетание нередко употреблялось и в расширительном значении — тогда оно включало в себя художественный замысел, типы и форму, «внутреннее содержание» изображения и его орнаментику (с. 5, 29, 48, 89, 143, 154, 191). Таким образом, «характер изображения» вместе с «манерой представления» являлись терминами, закреплявшими идею единства формы и содержания в искусстве.

Не совсем определенными были и термины «стильная манера» и «стильность». С их помощью, вероятно, подчеркивалась условная передача формы и иногда высокая степень выявленности стиля в данном произведении. Изображение, стилистические особенности которого обладали наибольшей внутренней завершенностью, являлось, по терминологии ученого, образцом «чистого» стиля (с. 206 и др.). Н. П. Кондаков широко пользовался и словосочетанием «внешняя форма», которое обозначало как стилистические приметы, так и черты реального предмета, ставшего объектом изображения.

В описаниях миниатюр, которыми насыщено исследование, содержится множество самых восторженных похвал красоте их «внешней формы». Ученый «любовался» ясностью, грациозностью фигур «необыкновенной» красоты, «истинно артистическими» композициями, «прекрасными классическими» изображениями, «очень высоким художественным достоинством» рисунка (с. 29, 31, 42, 58, 89, 94, 267). Н. П. Кондакова поражаало великолепие и изящество, ослепляющий «внешний блеск» византийского искусства времени «расцвета». По мнению автора, многие миниатюры отличала смелая, легкая, свободная и высоко артистическая «художественность» исполнения, свойственная лишь совершенному искусству (с. 21, 33, 34, 38, 136, 137 и др.). Он ясно чувствовал ту атмосферу культа прекрасной, нередко рафинированной формы, которая наполняет не одну страницу византийских манускриптов. Согласно своим представлениям о «бессодержательном» искусстве, ученый писал, что единственная цель таких миниатюр — дать зрителю художественное наслаждение (с. 40).

Совершенно ясно, что целые группы памятников византийского искусства представляли перед исследователем как значительное эстетическое явление. Уже эта небольшая подборка его высказываний и оценок заставляет предположить, что он обладал тем, что сам называл «чувством стиля» (с. 18). Какое же место занимал довольно специфический стилистический анализ в «Истории византийского искусства»? Группировка материала на основании стилистических признаков являлась вторым руководящим принципом в систематизации произведений искусства. Он был подчинен ведущему — классификации по иконографическим признакам. Второй принцип уточнял первый: в количественно уже определенной группе лицевых рукописей важнейшие памятники — «памятники эпохи» — устанавливались не только на основании их иконографических «достоинств», но и с учетом их эстетического качества. Оценка стиля и качества памятников играла значительную роль в вычленении эпох развития византийского искусства, в выделении собственно византийских памятников из среды произведений, лишь испытывавших влияние этой художественной культуры. В тех случаях, когда по иконографическим признакам трудно было установить время создания памятника, его высокое эстетическое качество позволяло отнести его к так называемым эпохам «расцвета». Интересно также, что блеск исполнения при «ничтожестве» содержания не мог, по Н. П. Кондакову, обесценить памятнику почетное место в истории искусства.

Ученый выделил образцы, обладавшие едва ли не абсолютным качеством для каждой эпохи. Для раннего времени это — знаменитый Ватиканский свиток книги Иисуса Навина и Венский Диоскорид, для послеиконоборческого времени — Библия королевы Христины; «главнейшим представителем» искусства всей эпохи IX—XIII вв., источником «чистого и лучшего византизма» назван Минологий Василия II (с. 206). Разумеется, здесь указаны не все памятники, особенно выделенные ученым, но уже этот подбор свидетельствует о его верном чутье. Ряд датировок Н. П. Кондакова не совпадает с принятыми в науке в настоящее время. Но несомненной его заслугой является то, что он впервые правильно датировал целый комплекс памятников, показав тем самым действенность избранного им метода исследования.

Н. П. Кондаков постоянно сравнивал лицевые рукописи между собой (а также с другими видами изобразительного искусства) по их «степени художества», проводил стилистические аналогии. В книге нередко можно найти такие, например, формулировки: «та же композиция, что и в мозаике церкви Св. Марка...», но гораздо выше по исполнению», или: «художественное достоинство и значение этих рукописей весьма различно» (с. 183, 214, 235). Исследователь не ставил перед собой цель наделить стилистическими характеристиками все анализируемые им лицевые рукописи. О средствах художественного выражения ряда памятников не сказано ни слова. Иногда проанализированы их наиболее показательные, с точки зрения автора, особенности. Чаще всего ученый останавливался на «лучших» и «худших» проявлениях стиля²².

Концепция исторического развития византийского искусства с его эпохами «расцвета» и «упадка», мало разработанные представления об условной природе средневекового искусства, переоценка момента ремесленности в творчестве художников ограничивали анализ художественной формы. Вероятно, наиболее ярко это обстоятельство проявилось в характеристиках произведений, не обладавших, по мнению Н. П. Кондакова, высоким уровнем исполнения. Для описания таких изображений ученый не находил полутонов — они однозначно определялись как грубые, слабые, небрежные, безобразные, как «дурно» нарисованные, «детски-уродливые картинки» (с. 49, 50, 108, 160, 166, 169, 189, 212, 241, 265, 266 и др.). И хотя исследователь высказал мысль о значительном интересе, который представляют для науки даже эпохи «упадка», самый факт использования понятий «недостатки» и «изящный, воспитанный вкус» говорит об ограниченности анализа Н. П. Кондакова (с. 28, 169 и др.). Об этом же свидетельствует и то, что общая оценка исполнения той или иной рукописи не всегда соответствовала конкретному описанию ее миниатюр. Тем не менее в исследовании содержится немало важных и верных в своей основе наблюдений.

Что же включал в себя стилистический анализ ученого? Н. П. Кондаков останавливался на характеристике композиций, отмечая их смелость и живость, сложность и простоту (с. 49, 77, 177 и др.). Понятие «композиция» («группировка» и «компоновка») не поглощалось полностью «иконографией». Последней была больше присуща стандартность, тогда как «композиции» — разнообразие, свобода (с. 231). Это разделение не обладало большой четкостью из-за интуитивного решения вопроса о соотношении иконографии и стиля.

В работе использовались понятия «живописной» и «пластической» («рельефной», реже — «статуарной») манеры. Первое предполагало живописное, близкое к «картинному» размещение фигур, второе оттеняло осмысленность пластической формы, создающей впечатление перевода скульптурной композиции на язык живописи. Обоим этим понятиям противо-

²² Нельзя упускать из виду, что книга 1876 г. была проблемным исследованием, посвященным выяснению важнейших историко-художественных ориентиров и систематизации значительного числа памятников.

поставлялась «иконописная манера». Нигде мы не находим определения этой специфической манеры. Лишь из анализа конкретных памятников можно выяснить, что она предполагала особую условность, которая противостояла «натурализму» «живописной манеры». «Иконописность» предполагала постановку фигуры анфас в церемониальной позе, относительное однообразие типов, «догматически сухой замысел», часто золотой фон. Строгому, аскетическому строю изображений соответствовали темные тона. В лучших своих проявлениях «иконописная манера» привносила в изображения монументальность, «истинное величие и изящество» (с. 89, 169, 217, 229, 237).

Н. П. Кондаков останавливался на характере моделировки форм. По разным миниатюрам он проследил целый ряд градаций в передаче объема формы от самых слабых признаков моделировки до ее совершенных образцов (с. 154, 230 и др.). Ученый уделял большое внимание трактовке складок одежды. Он отмечал как важную черту стиля характер драпировок, передающих формы тела или, наоборот, уничтожающих ощущение объема и материальности человеческой фигуры. Исследователь различал складки классического «типа» и орнаментальные, ломающиеся, кружащиеся волнами и т. д. (с. 81, 169, 242). Наблюдения над особенностями линейного строя изображений сказались в описании рисунка. Ученый анализировал рисунок смелый и широкий, пластический и монументальный, строгий, угловатый и ломкий, создающий игру линий (с. 43, 52, 88, 136, 154, 178 и др.).

Но наибольшее внимание уделялось описанию колорита. В тонком чувстве цвета исследователь видел одну из особенностей византийской живописи. Поэтому он с особым удовольствием останавливался на красках, по сочности превосходящих эмаль, на их блеске, нежности и тонкости тонов (с. 67, 68, 89, 167, 186 и др.). Анализ цветового строя миниатюр часто ограничивался перечислением односложно названных тонов. Но описывались и полутона, изысканно сложные оттенки: дымчато-лиловые, пепельно-голубые, красновато-коричневые, желтоватые, голубоватые, розовые, лиловые и т. д. Автор ценил эффект намеренно блеклых красок, белесоватых полутонов (с. 57, 151—154, 164, 186 и др.). Признаками «упадка» искусства считались хаотическая пестрота цвета, мутность красок и общее потемнение гаммы (с. 81, 231, 255). Насколько тонким иногда был анализ колорита, можно судить по следующему отрывку: «Миниатюра исполнялась самыми светлыми красками, и самая тонкая моделировка дробила краски на множество тонов, повсюду рождая нежные переходы и гармоническое слияние. . . художник, казалось, представлял себе все в розовом цвете и лазурном сиянии; все высокое, великое покрывалось для него пурпуром; нежный кармин выделял детали, а самая картина была заткана тонким флером полутонов». В работе содержится и ряд указаний на особенности характера наложения красок, на тщательность, мелочность или небрежность художественных приемов (с. 114, 135, 154, 166, 186, 230 и др.).

Мы уже упоминали, что отношения между «оригиналом» и «копией» в значительной степени выяснились с помощью анализа качественных уровней произведений. На этом следует остановиться подробнее. «Копия» не всегда была целиком слабее оригинала — она могла хранить черты художественного совершенства оригинала в отдельных элементах своего облика и замысла. Отмечая этот факт, ученый перечисляет такие элементы: общая концепция, композиция, передача движения, иногда технические навыки (с. 38, 115). Если их качественный уровень в произведении был выше разработки пластической формы и колорита, то речь могла идти лишь о «копии». Кроме того, ее признаками нередко были мутные густо наложенные краски, толстые контуры, замена живописной лепки более плоскостными приемами.

Ученый не прошел мимо проблемы различения «рук» в оформлении лицевых рукописей. Так, он указал не только лучшего мастера и его

работу, но и всех последующих мастеров в Минологии Василия II, в котором художники были известны поименно (с. 206—207). Но в целом проблема различения «рук» была заменена ученым концепцией использования нескольких оригиналов.

Таким образом, применявшийся Н. П. Кондаковым традиционный стилистический анализ предполагал интерпретацию важных сторон художественной формы. Лишь с помощью анализа стиля ученому удалось впервые выделить ряд отличительных черт, присущих основным этапам и направлениям в развитии византийского искусства. Но интерпретация формы в «Истории византийского искусства» (как, впрочем, и во всех последующих работах ученого) была лишена цельности, т. е. не имела системного характера, что принципиально отличает ее от зрелого стилистического анализа, возникшего в европейском искусствознании в конце XIX в.

В большинстве случаев отдельные компоненты стилистического анализа Н. П. Кондакова оставались обособленными, их реальная взаимозависимость была скрыта от исследователя или угадывалась им только интуитивно. Кроме того, в работе существовала определенная разобщенность между интерпретацией формы и содержания-иконографии. Все это обусловило разного рода случайные наблюдения. Во многом подобный характер традиционного стилистического анализа определялся теми теоретическими положениями, которые ограничивали его и о которых мы уже писали.

В конечном итоге все особенности исследовательского метода Н. П. Кондакова определялись общим развитием отечественного искусствознания во второй половине XIX в. Хорошо сознавая историческую ограниченность иконографического метода Н. П. Кондакова, мы в то же время видим, что его применение в период первоначального изучения средневекового художественного наследия было единственно возможной и верной дорогой в развитии науки.

Е. В. ГЕРЦМАН, С. Е. МОНАХОВА

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ
ЛАДОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ МУЗЫКИ

Среди основных направлений современного историко-теоретического музыковедения нетрудно заметить одну характерную тенденцию — активизацию в изучении музыкальных культур прошлого. Стремясь понять главные и наиболее характерные черты, исследователи, как правило, ставят своей задачей познание музыкальной практики этих периодов. Но познать музыкальную практику — значит прежде всего изучить образцы художественного творчества тех эпох. Поэтому основные усилия направлены на транскрибирование музыкальных произведений прошлого на современную нотную запись.

Большую популярность приобрело и аналогичное изучение музыкальных памятников Византии. Здесь основная тенденция та же: перевод произведений византийских музыкантов, зафиксированных в средневековой нотной записи, на современный нотоносец. Эта тенденция начала себя проявлять еще с конца XIX в.¹ и утвердилась с 1935 г., с появлением первого тома «Monumenta Musicae Byzantinae»². Исследователи музыки Византии считают эту тенденцию самой важной и самой результативной. С их точки зрения, перевод византийских неум на пятилинейное нотное письмо делает византийскую музыку доступной для современников. Об этом пишут и Х. Ю. Тильярд³, и Э. Веллеш⁴, и М. Велимирович⁵ и другие ученые. В результате музыковедение получило в свое распоряжение громадное количество нотной литературы, представляющей собой переводы византийских песнопений на современный нотописец. Получилось так, что именно эта нотная литература и рассматривается в качестве образцов византийского музыкального творчества.

Сложившуюся ситуацию нетрудно понять. Действительно, если историческое музыковедение хочет досконально изучить византийскую музыкальную цивилизацию, оно должно прежде всего ознакомиться с ее музы-

кальным творчеством, а это можно сделать только в том случае, если в распоряжении науки окажутся художественные образцы той эпохи. Поэтому получившая чуть ли не всеобщее распространение тенденция перевода системы византийских неум в систему современной нотации имеет серьезные основания. Вместе с тем, насколько нам известно, никто не задумывался над одним существенным вопросом: является ли результат, получающийся после операции по переводу византийской нотации на современный нотоносец, адекватным отражением практики византийского искусства? Можно ли по транскрибированным образцам судить о византийской музыкальной эпохе? Ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение. Правильное понимание данной проблемы не безразлично не только для исследования византийской музыки, но и для изучения всех музыкальных культур прошлого.

1. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
МЕЖДУ МУЗЫКАЛЬНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ,
НОТОГРАФИЕЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКОЙ

«Музыкальные принципы» эпохи выражаются в непосредственной практике — в том феномене, изучение которого дает самые истинные сведения о ее музыкальном мышлении. В нем — весь синтез средств художественной выразительности, организованных в индивидуальную по своему качеству систему, благодаря чему музыкальный язык одного исторического периода отличается от другого. Но если нормы художественной практики эпохи недоступны для непосредственного восприятия, то что же тогда может служить идеальной и всеобъемлющей формой для фиксации ее особенностей? И здесь возникает одна из основных дилемм — нотная запись и музыкальный язык, их взаимозависимость, возможности одной для выражения другого.

Общеизвестно, что нотная запись еще не является адекватным отражением музыкального мышления. Она — лишь очень условная и достаточно ограниченная в своих возможностях графическая фиксация самых основных звуковысотных, метроритмических, фактурных и других особенностей художественной практики. В любой, даже предельно квалифицированной, нотной записи опускаются важнейшие элементы музыкальной выразительности. Причина этого кроется в том, что запись слишком приблизительно регистрирует отдельные стороны музыкального языка. Так, орфография современной нотной записи может указать на приблизительный акустический интервал между высотными точками, на направление звуковых тяготений, на довольно схематизированное метроритмическое движение, имеющее лишь отдаленное сходство с реальными временными параметрами музыкального материала. Эти дефекты нотной записи в какой-то степени нивелируются слуховым контролем, т. е. слуховым восприятием, воспитанным на живом процессе музицирования. Смысловые поправки такого рода вносят существенные коррективы в понимание графических изображений, приближая их к реальному интонированию. Следовательно, без сопоставления с реальным процессом интонирования нотная запись остается схоластической формой, не отображающей в полной мере особенности художественной практики.

Другой, не менее важный ее недостаток заключен в смысловой статике. Ведь различные виды нотного письма создавались в неразрывном единстве с конкретными «запросами» музыкального мышления определенной эпохи. Та или иная система нотной записи порождалась не только способностью к более или менее полной фиксации средств музыкальной выразительности (хотя и это играло немаловажную роль), но и была обусловлена спецификой определенного этапа музыкального сознания. Различные виды звукозаписи создавались в связи с целевыми «потребностями»

¹ *Fleischer O.* Die Spätgriechische Notenschrift. Berlin, 1904; *Gastou A.* Introduction à la Paléographie musicale byzantine. Paris, 1906; *Riemann H.* Die byzantinische Notenschrift. Leipzig, 1909; *Thibaut J. B.* Origine byzantine de la notation neumatique de l'église latine. Paris, 1907.

Как известно, еще с первых шагов музыкального византиноведения ему отдала определенную дань и те исследователи, которые занимались древнегреческой музыкой. Например, известный французский филолог Т. Рейнак, посвятивший много работ проблемам древнегреческой музыки, не оставил без внимания византийские музыкальные рукописи; см.: *Reinach T.* Une ligne de musique byzantine. — *Revue archéologique*, 1911, ser. 4, t. 18, p. 282—289.

² *Monumenta Musicae Byzantinae*. Copenhagen, 1935, v. 1.

³ *Tillyard H. J. W.* Handbook of the Middle Byzantine Musical Notation. — *Monumenta Musicae Byzantinae*, Subsidia. Copenhagen, 1935, v. 1, fasc. 2, p. 12.

⁴ *Wellesz E.* Music of the Eastern Churches. Early Medieval Music up to 1300/Ed. Dom A. Hughes. London; New York; Toronto, 1954, p. 44.

⁵ *Velimirovic C.* Praesent Status of Research in Byzantine Music. — *Acta musicologica* 1971, v. 43, fasc. 1—2, p. 3.

музыкального мышления различных эпох. Но развитие мышления рано или поздно приводит к постоянно увеличивающемуся смысловому разрыву между однажды созданной системой нотного письма и развивающейся художественной практикой. Например, современное нотное письмо может «говорить» о звуковых элементах лада только с позиции диатонической семиступенной октавности, так как именно для этой цели она была создана. Но развивающееся художественное творчество не может удовлетворяться подобным письмом, потому что нормы мышления значительно видоизменились. Такое положение рано или поздно приводит к необходимости создания новой системы нотного письма, отвечающей особенностям нового исторического этапа музыкального мышления. Все сказанное позволяет думать, что музыкальное искусство — это не только нотная запись, или, вернее, нотная запись — еще не музыкальное искусство, а далеко не полное и очень приблизительное отражение самых общих его форм.

Приведенные соображения не имеют целью убедить в том, что по нотному материалу нельзя выявить никаких закономерностей музыкального сознания. Они только указывают на его ограниченные возможности даже при благоприятных условиях, т. е. при наличии упомянутой «слуховой поправки», являющейся результатом «слухового воспитания» конкретной исторической эпохи. Но если недостаточность современного нотного письма можно этими поправками свести до определенного минимума, то в отношении нотографии музыкальных цивилизаций прошлого такая возможность абсолютно исключается. Наше слуховое восприятие воспитано на совершенно иной музыкальной практике, на качественно иных средствах музыкальной выразительности, на других нормах мышления. Значит, с этой точки зрения нотографические знаки древних и средневековых музыкальных цивилизаций не являлись серьезными помощниками в деле освоения музыкального искусства тех эпох.

Кроме того, необходимо постоянно помнить, что все знаковые системы прошлого и настоящего имели разную степень приближения к отражаемым ими объектам. Естественно, что самые ранние из них были в этом отношении условнее и беднее, чем последующие, когда неизмеримо возросла способность к более подробному знаковому описанию явлений, привела к созданию более совершенных знаковых систем. Поэтому можно утверждать, что абсолютное большинство нотаций, использовавшихся в древних и средневековых культурах, еще более ограничено в своих информационных возможностях, чем современная.

Думаем, что эти соображения имеют непосредственное отношение к основному методологическому принципу современного музыкального византиноведения. С изложенных позиций утверждение Х. Ю. Тильярда о том, что опубликование образцов византийского музыкального творчества раскроет «художественную сторону византийской музыки»⁶, представляется достаточно спорным. Пора, наконец, понять, что мы уже никогда не сможем осознать и прочувствовать художественную сторону византийской музыки. Она навсегда ушла вместе с мышлением той эпохи. Ведь только при синтезе чувственно-эмоционального и рационально-логического начал можно говорить о живом искусстве. Что же касается византийской музыки (как и музыкального искусства всех других цивилизаций далекого прошлого), то сейчас отсутствует общность музыкального мышления слушателя и композитора, необходимая для их взаимопонимания. Современная слушательская аудитория воспитана на качественно иных средствах музыкальной выразительности, порожденных иным историческим этапом художественного мышления⁷. И если

Х. Ю. Тильярд писал, что при транскрибировании византийских музыкальных памятников изучающие смогут их не только играть и петь, но и наслаждаться ими⁸, то это следует понимать лишь очень относительно.

Мы прекрасно сознаем, что при первом знакомстве с высказанными соображениями может возникнуть целая серия критических замечаний. Самые главные из них, скорее всего, будут основываться на том, что наши утверждения якобы отказывают современникам в понимании произведений не только мастеров средневековья, но и эпохи Возрождения, полифонистов фламандской школы, произведений Баха, Генделя и т. д. Предвосхищая подобные критические высказывания, мы обращаем внимание на то, что изложенные нами положения предусматривают невозможность творческого общения, когда композитор и слушатель находятся в различных художественных формациях. Аргументация этого положения достаточно объемна и может вывести за рамки настоящей статьи. Вместе с тем мы считаем целесообразным хотя бы кратко высказать здесь некоторые соображения, имеющие непосредственное отношение к данной проблеме⁹.

Процесс эволюции творчества — процесс смены систем художественного мышления. Каждая художественная система обуславливает особенности музыкальной выразительности, применяющиеся в конкретную историческую эпоху. С этой точки зрения такие художественные системы достаточно обособлены. Вместе с тем хорошо известно, что всякие «рядом лежащие» музыкальные эпохи, несмотря на относительную разницу в применяемых средствах музыкальной выразительности, достаточно хорошо контактируют друг с другом. В этом необходимо видеть преемственность в художественном развитии человечества. Другими словами, описываемый эволюционный процесс осуществлялся на основе двух диалектически противоположных принципов: индивидуальности каждой музыкальной эпохи и смысловой преемственности между ними. Такое заключение не ново, однако для понимания особенностей указанных принципов важно выяснить временные аспекты их действия. Принцип непосредственной преемственности достаточно активно действует на относительно узком отрезке исторического времени. Это означает, что взаимодействия между художественными стилями, находящимися на довольно близком историческом расстоянии, осуществляются без особых затруднений. Но чем дальше отстоят друг от друга музыкальные цивилизации, тем сложнее контакты между ними. И в таких случаях принцип индивидуальности художественной эпохи действует с наибольшей полнотой. Иначе говоря, если «историческое соседство» уровней художественного развития предполагает максимум преемственности, то их «историческая отдаленность» — максимум индивидуальности.

Преемственность в музыкальной практике осуществляется как на близких расстояниях, так и на отдаленных. Но в первом случае преемственность осуществляется непосредственно, тогда как во втором — опосредованно. Так, художественные контакты между эпохами классицизма XVIII—XIX вв. и романтизма XIX в., т. е. между «рядом лежащими» художественными стилями, более наглядны, чем, допустим, между средневековьем и XX в. Однако нельзя считать, что музыкальное искусство средневековья не повлияло на современную музыку. Но это влияние осуществляется не непосредственно, а через исторически промежуточные художественные

Handbooks. In ten volumes. Hayes, Middlesex: His Master's Voice: vol. 1, Ancient and Oriental music/ Ed. by E. Wellesz. 9 records and 1 booklet, 1957; vol. 2. Early Medieval music up to 1300/ Ed. by A. Hughes. 10 records and 1 booklet, 1953) — имеет скорее художественную ценность, нежели научную. Со строго научной точки зрения сомнительно выдавать за музыкальные памятники древнего Египта, Вавилона, древней Греции, Византии вокальную интерпретацию современными певцами транскрибированных (конечно, на современный нотный носец) древних образцов.

⁸ Tillyard H. J. W. Op. cit., p. 13.

⁹ Все сказанное ниже мы относим только к специфическим особенностям музыкального мышления, а не художественного вообще.

⁶ Tillyard H. J. W. Op. cit., p. 12.

⁷ Думаем, что произведенный в Оксфорде опыт — «История музыки в звуках» (The History of music in sound. General editor: G. Abraham. Albums of two-sided records and

этапы. Такое положение свидетельствует о том, что «историческое соседство» художественных стилей — это прежде всего *максимум преемственности*. Но как бы ни была индивидуальна, например, эпоха музыкального романтизма по сравнению со стилем классицизма, эта индивидуальность не идет ни в какое сравнение с самобытностью двух таких музыкальных цивилизаций, как, скажем, искусство средневековья и искусство XX в. А это подтверждает положение о том, что при исторической «отдаленности» художественных эпох присутствует *максимум индивидуальности*.

Нетрудно представить процесс эволюционного развития музыкального мышления в виде окружностей, где две рядом лежащие окружности (1—2, 2—3, 3—4 и т. д.) имеют значительную общую площадь, а лежащие «через одну» окружности (1—3, 2—4, 3—5 и т. д.) — меньшую, окружности же, лежащие «через две» промежуточные (1—4, 2—5, 3—6 и т. д.), имеют лишь общую точку соприкосновения. Все же остальные не связаны между собой непосредственно (рис. 1). Несмотря на всю условность этой схемы нам представляется, что она в состоянии графически отобразить специфику взаимодействия между различными музыкальными цивилизациями. Чем больше «историческое расстояние» между ними, тем затруднительнее художественные контакты, которые в конце концов становятся невозможными. Но раз отсутствуют такие контакты, то нельзя говорить о понимании слушателем одной эпохи музыкальных произведений, созданных в исторически отдаленных цивилизациях. В самом деле, в таких случаях специфика музыкального мышления слушателя и того музыкального мышления, на основе которого создано произведение, характеризуются совершенно различными качествами. А раз отсутствует способность к подлинно художественным контактам, то невозможно говорить о том, что, например, византийская музыка может быть понятна нам как искусство.

Но если наши современники не в состоянии познать византийскую музыку в таком аспекте, то наука обязана выяснить структурно-логические особенности и качественные стороны системы музыкального мышления средневековья. И в этом отношении византийская нотация может оказать неоценимую помощь, если только не рассматривать ее как феномен, буквально отражающий нормы художественного мышления. Необходимо иметь в виду, что все типы византийской нотации (как и любые другие формы нотации) недостаточны для понимания многих качественных сторон музыкального мышления средневековья. Транскрибирование же невменных знаков на современный нотоносец предполагает совмещение несовместимых систем: невменная нотация, созданная для очень приблизительного описания средневекового музыкального мышления, механически переносится в плоскость совершенно иной современной знаковой системы, которая в свою очередь также неточна и призвана описывать совершенно иные нормы музыкального мышления. Механическое же совмещение двух различных типов нотации создает продукт, который еще более отдален от византийской музыкальной практики, чем сама невменная запись. Этот парадокс можно аннулировать смысловыми поправками нивелирующими не только недостаточность невменного письма, но и большинство негативных последствий по механическому переводу невменных знаков на современный нотоносец.

2. ВИЗАНТИЙСКАЯ НОТОГРАФИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛАДОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В современном музыкальном византиноведении принято разделять типы средневековой греческой нотографии на три основных вида — ранне-византийская экфонетическая (X—XII вв.), средневизантийская (XII—

XV вв.) и поздневизантийская (XV—XIX вв.). Ближайшее знакомство с этими нотациями показывает, что они основаны не на противоположных принципах, а, наоборот, на сходных. Еще в начале 20-х годов нашего столетия было обращено внимание на то, что поздние формы экфонетической нотации близки к ранним формам средневизантийской¹⁰. Впоследствии было выяснено, что переход от экфонетической нотации к средневизантийской осуществлялся не сразу, а постепенно, так как в «промежутке» между использованием этих двух основных форм нотации применялись переходные типы: «Шартрез», «Куаслен», «Эсфигмениан», «Андретик». Несмотря на то, что теперь отказались от некоторых из этих терминов, наличие таких переходных форм нотаций показывает, что их смена происходила не внезапно, а постепенно, на протяжении определенного отрезка времени. Ученые обнаружили связь между нотациями «Шартрез» и «Куаслен», а также между «Куаслен» и средневизантийской¹¹ и т. д. Такие наблюдения говорят о том, что изменения форм византийской нотографии — следствие крепкой связи музыкальной теории с художественной практикой. Только эта связь могла способствовать появлению столь разнообразных, но близких между собой по некоторым существенным принципам форм нотации. В самом деле, постоянное внедрение в практику искусства нотографических новшеств могло быть реализовано только в том случае, если эти новшества отражали изменения, происходившие в самой музыкальной практике. Рассматривать нотографические изменения необходимо только с этих позиций. Поэтому византийская история музыки представляет собой довольно редкий пример некоторой подвижности нотографической системы, стимулируемой эволюцией практики искусства¹². Значит, изучение нотного письма византийской музыкальной цивилизации весьма способствует пониманию практики искусства в его развитии. Задача же заключается в том, чтобы увидеть в изменениях нотографии следы изменений, происходящих в живом музицировании, а это, несомненно, сложнее.

Дело в том, что не все формы византийского письма дают конкретные сведения о важнейших явлениях музыкальной практики. Так, например, ранняя экфонетическая нотация не фиксировала конкретный интервал. Как считают, она описывала лишь направленность мелодического движения и приблизительное метроритмическое оформление музыкального материала¹³. Такие черты экфонетической нотации, безусловно, затрудняют проникновение в сущность музыкальной практики X—XII вв. Здесь мы сталкиваемся с некоторой несовершенностью нотации, которая даже верных приверженцев транскрибирования как основного метода изучения музыкального искусства Византии приводит к мысли о том, что музыка, созданная в VIII—XII вв., не может быть пока представлена в современной нотной записи¹⁴. К. Хёг, понимая это, предпринял попытку выяснить смысл древнейших экфонетических знаков в связи с их этимологией¹⁵. Но, к сожалению, он шел лишь по пути проведения параллелей между названиями невм и грамматическим смыслом терминов, оставляя без внимания их музыкальный смысл.

¹⁰ Tillyard H. J. W. The problem of Byzantine Neumes. — IHS, 1921, 41, p. 29—42.

¹¹ Strunk O. The notation of the Chartres Fragment. — Annales Musicologiques, 1955, 3, p. 14; Tillyard H. J. W. Byzantine music about A. D. 1100. — The Musical Quarterly, 1953, 39, p. 223.

¹² Однако это не может поставить под сомнение изложенное нами утверждение о динамике музыкального мышления и статике нотографии: даже при самой большой изменчивости нотного письма активность его развития не идет ни в какое сравнение с эволюцией музыкального мышления.

¹³ Подробнее об этом см.: Hoeg G. C. La notation ekphonetique. Copenhagen, 1935; Tillyard H. J. W. Byzantine neumes: Coislin Notation. — BZ, 1937, 37, S. 345—358.

¹⁴ Wellesz E. Op. cit., p. 14—52.

¹⁵ Hoeg G. Op. cit., p. 36—42.

Музыкальный смысл экфонетических терминов до сих пор остается невыясненным, правда, для этого имеются объективные причины и прежде всего — неизученность специальной музыкальной греческой терминологии IV—VIII вв.¹⁶ Возможно, тут некоторую помощь может оказать сопоставление позднеантичных и ранневизантийских музыкально-теоретических терминов. Но пока эта проблема не подвергалась тщательному изучению. Следовательно, нет еще никакой возможности выяснить важнейшие особенности музыкального языка посредством экфонетической нотации.

Несколько иначе обстоит дело со средневизантийской нотацией. С точки зрения неум, указывающих на определенные интервалы, она несравненно более конкретна и базируется на одном фундаментальном принципе: восходящие и нисходящие интервалы — примы, секунды, терции и квинты — имеют «свою» неуму, все же остальные описываются различными комбинируемыми группами неум¹⁷. Следует думать, что такие принципы интервальных обозначений средневизантийской нотации довольно тесно связаны с принципами ладотональной организации византийской музыки определенного периода¹⁸.

Как справедливо заметил Э. Веллеш, византийская нотация основывается на наиболее часто встречающихся интервалах¹⁹. Это заключение не противоречит только что высказанной нами мысли, а лишь освещает ее в несколько ином плане. В самом деле, наиболее характерные интервалы являются следствием совершенно определенной ладотональной организации. Общеизвестно, что, несмотря на наличие интервалов, общих для разных ладотональных форм, каждая из них создает свой, характерный только для нее интервальный образ. Значит, если средневизантийская нотация описывала наиболее характерные интервалы, то тем самым она описывала интервалику, популярную для практики определенных ладотональных образований, т. е. косвенно указывала на ладотональные особенности. Поэтому из анализа средневизантийской нотации можно сде-

лать один важный вывод: интервалы, обозначающиеся простейшими невами, — характерные интервалы ладотональных образований определенного исторического периода. Другими словами, эти интервалы могут свидетельствовать о своеобразии ладотональных структур. Ведь каждая нотация развивается от простейших своих разновидностей к более усложненному. При простейших разновидностях должны были применяться одинарные формы знаков и лишь впоследствии — их комбинации. В этом — логика развития каждой нотации. Значит, если одинарные знаки употреблялись для определения примы, секунды, терции, квинты, то это означает, что практика искусства вынуждала к простейшему знаковому описанию в первую очередь именно этих интервалов. Простота обозначения этих интервалов и некоторая сложность в описании других — результат определенной тенденции художественной жизни. Музыкальная практика предопределила наиболее простое невенное обозначение для часто встречающихся явлений. Но часто встречающиеся явления — самые характерные для музыкального материала. Все это говорит в пользу того, что простейшие неумы — «представители» характерных интервалов ладотональных комплексов. Такое предположение влечет за собой совершенно определенные размышления и ставит конкретные вопросы. Какая ладовая форма предполагает наличие примы, секунды, терции и квинты как основных интервалов? В какой ладотональной организации эти интервалы являются характерными? К сожалению, точно и определенно на этот вопрос сейчас, по-видимому, ответить невозможно. Ясно одно: только популярность этих интервалов должна была способствовать тому, что они подлежали знаковому описанию в первую очередь и что это описание было простейшим.

Благодаря такому наблюдению нетрудно увидеть подтверждение некоторых уже известных тенденций в историческом развитии ладотональных комплексов: первичность зарождения автентических норм и вторичность плагальных. Наверное, отсутствием простейшего невенного выражения квартовости, игравшей столь значительную роль в плагальных ладовых системах, указывает на их более позднее происхождение по сравнению с автентическими системами, где ведущая роль принадлежала квинтовости. Простота знакового описания квинты и усложненность невенного описания кварты, с нашей точки зрения, являются прямым подтверждением этого. Более того, такая особенность знакового обозначения интервалов может привести и к другому выводу: частота применения примы, секунды и терции свидетельствует о преобладании постепенного движения, плавности мелодических образований, рецитации и т. д. Иначе говоря, если простейшее описание квинты было связано с функциональной сущностью исторически более ранних автентических ладотональных форм, то аналогичное знаковое выражение примы, секунды и терции — с древнейшими формами мелодических конструкций (что, кстати, также является следствием и функциональных особенностей).

Но науке важно более детально выяснить функциональную сущность византийской ладотональной системы. В этом плане до сих пор, кроме общеизвестных и ставших уже хрестоматийными истин о звукоядных типах автентических и плагальных форм, ничего неизвестно. Причин здесь довольно много. Если выше мы говорили об исторической подвижности византийской нотографии, отразившей изменения, происходившие в практике искусства, то этого нельзя сказать о разделе византийской музыкальной теории, связанной с описанием ладовых явлений. Авторы византийских музыкально-теоретических трактатов, излагая свои соображения, опирались во многом на древнегреческую теорию музыки. Теперь ясно, что основные теоретические концепции византийской музыки базировались на античной теории. Поэтому не случайно выдающиеся представители музыкального византиноведения подчеркивали пропасть, отделяющую теорию от живой практики искусства. Э. Веллеш указывал на это еще в 1927 г.;

¹⁶ Интересно отметить, что изучение средневековой греческой музыки проходило у коренным путем те же этапы, что и исследование древнегреческой музыки. Как и известно, в изучении музыки древней Греции большую роль в первой половине XIX века сыграли филологи. Лишь впоследствии проблемами античной музыки стали заниматься музыканты. Аналогичное явление можно наблюдать и в изучении византийской музыки: Х. Ю. Тильярд и К. Хёга, внесшие огромный вклад в ее исследование, были по образованию филологами. Это связано со спецификой определенного этапа развития музыкального византиноведения, связанного с работой над рукописными источниками. Поэтому естественно, что не все специальные музыкально-теоретические вопросы получали должное освещение. Думаем, что и в приведенном нами случае это обстоятельство сыграло не последнюю роль. Интересные факты о научном сотрудничестве К. Хёга, Х. Тильярда и Э. Веллеша см. в статье последнего, посвященной памяти Х. Тильярда: Wellesz E. Tillyard H. J. W. In Memoriam. In: *Studies in Eastern Chant*, Oxford, 1966, v. 1, p. 1—4.

¹⁷ Wellesz E. *Music of the Eastern Churches*, p. 37; Tillyard H. J. W. *Handbook of the Middle Byzantine musical notation*, p. 14.

¹⁸ Во избежание недоразумений сразу поясним: здесь и далее под терминами «ладотональная организация», «ладотональная структура» и т. д. подразумевается функциональная сущность звуковых норм музыкального мышления, без которого музыка как искусство вообще немыслима. Применяемый часто в связи со средневековой музыкой термин «модальность» указывает лишь на отличие функциональной организации средневековой музыки от функциональных систем более поздних эпох. Но какой бы термин ни употреблялся, «модальность» и «ладотональность» указывают на наличие функциональности, но функциональности различного качества. Однако зачастую термин «модальность» применяют для обозначения средневековых норм музификации, якобы лишенных функциональности. Но общеизвестно, что в функциональности нет музыкального искусства. Именно стремление акцентировать внимание на функциональных особенностях византийской музыкальной практики заставило нас применять термин «ладотональность» для указания на функциональные явления в средневековой музыке (но, безусловно, с учетом всех качественных отличий этого исторического этапа функциональности как от более ранних, так и от более поздних).

¹⁹ Wellesz E. *Music of the Eastern Churches*, p. 40.

он писал об этом и позднее ²⁰. О. Странк справедливо считал, что нельзя отождествлять теоретические положения древней Греции, перенесенные в византийскую науку о музыке, со средневековой музыкальной практикой ²¹. Казалось бы, все ясно: наличие традиционное отставание теории от практики, когда византийские теоретики, видя в античном музыкознании образец для подражания и пренебрегая современной им музыкой, утверждали давно не связанные с практикой теоретические положения. Вместе с тем многие исследователи византийской музыки постоянно указывают на общность некоторых явлений в средневековой и античной музыке, основываясь только на общности теоретических положений. Х. Ю. Тильяр писал, что основой ладотональной системы византийской музыки была система разделенных тетрахордов ²², а Х. Тодберг обнаружил в некоторых манускриптах систему соединенных тетрахордов ²³. Но, как известно, конструкции из соединенных и разделенных тетрахордов были характерны и для практики древнегреческой музыки ²⁴. Значит, подобные утверждения вольно или невольно постулируют неизменность норм музыкальной практики, ибо допускают один и тот же вид ладотональной организации для совершенно различных исторических этапов музыкального мышления ²⁵. Конечно, музыкознанию известны случаи, когда один и тот же звукоряд бытует на различных исторических этапах, но с различным функциональным содержанием. Возможно, и в византийской музыкальной практике также существовали ладотональные структуры, внешне напоминающие античные, но иные по своему смыслу. Это требует опять-таки изучения функциональных особенностей ладотональных комплексов. Но трудности, стоящие на пути изучения этой проблемы, заставили многих ученых констатировать, что исследование ладотональных образований в византийской музыке оставляет желать много лучшего. Так, О. Странк писал о том, что точная природа ступеней тональной системы до сих пор не изучена ²⁶. Почти то же утверждал и Х. Ю. Тильяр ²⁷. Э. Веллеш считал, что даже само происхождение византийских ладов нуждается в тщательных исследованиях ²⁸. А Хр. Тодберг заявляет: несмотря на то, что изучение византийской тональной системы имеет многолетнюю традицию, ее исследование находится лишь на самом начальном этапе ²⁹. Действительно, то, что сейчас известно о византийских ладах, — это их звукорядные формы. Мы знаем, что теоретический звукоряд был представлен в виде октавы от *ре* до *ре* ¹ и, как иногда пишут, соответствовал звукоряду «наших белых клавиш» (выражение, применяемое едва ли не всеми исследователями византийской музыки, что довольно красноречиво говорит о популярности звукорядно-клавишного метода анализа). Но если в основе византийской

ладотональной системы лежала октава, то это несовместимо с тетрахордностью — особым историческим уровнем музыкального мышления. Если же основой греческой средневековой музыки является тетрахордность, то тогда непонятно, зачем необходимо проводить аналогии с активным уровнем мышления. Не случайно Г. Хусман, предлагая свою программу изучения византийской тональной системы, считает важным выявить сущность ее тетрахордов и их ладового объема ³⁰. Здесь нетрудно увидеть сомнения в наличии тетрахордной логики в византийской музыке. В связи с этим интересно привести сопоставление тональных систем Стихирия и Кондакария в трактовке Хр. Тодберга. Он считает, что первую можно обозначить звукорядом типа: А Н С Д Е F G a h c d e f g, а вторую — А Н Cis D E Fis G a h c d e f ³¹. Но такая трактовка не в состоянии ничего сказать современному музыканту о тональных особенностях двух указанных жанров византийской музыки. Схемы Хр. Тодберга отражают только различия в интервальной структуре тетрахордов (и то лишь некоторых). Следствием каких причин явились эти звукорядные отличия? Что с точки зрения ладовой логики представляют собой тетрахорды? Все это продолжает оставаться загадкой.

Одновременно с этим напомним, что сейчас известны только интервальные соотношения «финалисов» автентических и плагальных ладов. А это опять-таки — явление сугубо звукорядного порядка. С такими данными трудно понять глубинные функциональные особенности ладотональных комплексов, так как имеющиеся пока в распоряжении науки сведения не выходят за рамки описания внешних явлений. Вместе с тем некоторые ученые не только говорят об особенностях византийских ладовых образований (правда, по звукорядным аспектам), но и о тональной специфике многих музыкальных произведений, созданных в тот период. Так, Г. Хусман обнаруживает в некоторых рукописях произведения, в которых происходят модуляции в несколько тональностей (он их называет «бимодальными» или «трехмодальными») ³², а иногда и во все восемь церковных тональностей ³³. Думаем, что, не зная функциональной сущности византийских ладов, нельзя понять специфики перехода из одной тональности в другую, так как незнание функциональной сущности ладотональности влечет за собой непонимание границ конкретной ладотональной области. С этой точки зрения вывод Г. Хусмана представляется преждевременным. Однако не следует думать, что византийская музыка была лишена различных типов тональных модуляций. Она, как и музыкальное искусство любой эпохи, базировалась на ладотональных принципах, а значит, и использовала на различных исторических этапах своего развития различные формы модулирования. Более того, существуют вполне определенные исторические свидетельства того, что византийский слушатель очень чутко реагировал на модуляционные явления.

Например, М. Велимирович, описывая документ, связанный с деятельностью византийского композитора Ласкариса Критского (1418 г.), выделяет фрагмент, в котором указывается на способность Ласкариса «перескакивать из одного лада в другой» ³⁴. Это говорит о том, что модуляционные формы развития музыкального материала занимали не последнее место в византийской музыкальной практике. Их изучение — также важная задача.

В связи с этим можно обратить внимание на то, что византийская музыкальная теория рассматривала ладотональную форму не как звукоряд,

²⁰ Wellesz E. Byzantinische Musik. Breslau, 1927, S. 45—48; *Idem*. Music of the Eastern Churches, p. 4.

²¹ Strunk O. The Tonal System of Byzantine Music. — Musical Quarterly, 1942, 28, p. 190.

²² Tillyard H. J. W. Gegenwärtige Stand der byzantinischen Musikforschung. Die Musikforschung, 1954, 7, S. 142—149.

²³ Thodberg Ch. The tonal system of the Kontakarium. — Hist. Filos. Medd. Dan. Vid., 1960, Selsk 37, N 7.

²⁴ Подробнее об этом см.: Герцман Е. Основные этапы эволюции античного ладового мышления. — Научно-методические записки Дальневосточного института искусств. Владивосток, 1975, с. 3—13; Он же. Принципы организации «пикнонных» и «апикнонных» структур. — Вопросы музыковедения. М., 1973, вып. 2, с. 6—26.

²⁵ Под термином «тетрахордный вид ладотональной организации» мы понимаем не звукорядную конструкцию, а тот исторический уровень мышления, при котором логические связи между ладовыми элементами осознаются только в квартовом объеме. Если первая трактовка тетрахордности допускает ее существование на различных этапах (в том числе и в период регемонии мажоро-минорных образований), то вторая — только на древнейшей исторической стадии художественного сознания.

²⁶ Strunk O. The Tonal System of Byzantine Music, p. 192.

²⁷ Tillyard H. J. W. Gegenwärtige Stand der byzantinischen Musikforschung, S. 144.

²⁸ Wellesz E. Music of the Eastern Churches, p. 42.

²⁹ Thodberg Ch. Der byzantinische Alleluiaionzyklus. — Monumenta Musicae byzantinae. Copenhagen, 1966, v. 8, S. 57.

³⁰ Husmann H. Modulation und Transposition in den bi- und trimodalen stichera. — Archiv für Musikwissenschaft, 1970, 27, S. 4.

³¹ Thodberg Ch. The Tonal system of the Kontakarium, p. 32.

³² Husmann H. Op. cit., S. 12.

³³ Ibid., S. 13.

³⁴ Velimirovic M. Two composers of Byzantine music. J. Vatatres and J. Laskaris. Cambridge, 1968, p. 122.

а как комплекс специфических интонационных формул. Поэтому необходимо выявить функциональное содержание этих интонационных формул. Но интонационная формула — синтез многих составляющих: ладотональных, метроритмических, структурных, фактурных, динамических и т. д. Поэтому для решения такой задачи посредством данных нотогрaфии необходимо прежде всего выяснить взаимодействие невм, обозначающих звуковысотные и ритмические стороны звучащего материала.

Действительно, чтобы отказаться от звуко-рядной трактовки ладотональности, необходимо проникнуть в «функциональную жизнь» музыкальных произведений. По широко же распространенному сейчас мнению проникнуть в «функциональную жизнь» произведения можно только при анализе его живого звучания, когда нивелируются дефекты графической нотной записи и само произведение предстает в своей не нотной, а художественной сущности. Но как уже указывалось, такой анализ произведений созданных в византийскую эпоху, невозможен. Частично ликвидировать последствия такого положения можно, лишь создав для анализа произведения максимум условий, приближенных к реальности. Поэтому важно учитывать взаимодействие между звуковысотными, метроритмическими и всеми остальными сторонами когда-то звучавшего материала. Именно таким способом можно будет приблизиться к выяснению иерархической зависимости ладотональных элементов. Как известно, любая ладотональная конструкция состоит из целой серии смысловых элементов, суть которых проявляется благодаря совместным усилиям высотных и временных средств музыкальной выразительности. Следовательно, выяснение взаимодействия между невмами, обозначающими звуковысотные и ритмические стороны музыкального материала, обязательно. Но провести целую серию исследований в этом направлении не так просто, ибо необходимо выяснить взаимодействие между «высотными» и «ритмическими» невмами в каждом из восьми ладов. Кроме того, подобные исследования нужно проводить с манускриптами, созданными в различные эпохи, так как по логике вещей произведения различных времен должны дать неодинаковое соотношение «высотных» и «ритмических» невм. Эта задача очень сложна, а ее решение связано с кропотливым выяснением целого ряда побочных деталей. Исключено, что здесь на первых этапах может оказать помощь статистический метод анализа взаимодействия «высотных» и «ритмических» невм и лишь после этого можно будет перейти к объяснению функционального значения полученных данных. Несмотря на сложность задачи, ее решение необходимо, так как без знания функциональных свойств ладотональной системы нельзя быть уверенным в правильном понимании явлений византийского искусства. Однако проблема метроритмических образований в византийских художественных образцах также остается до сих пор нерешенной. М. Велимирович, описывая состояние современного изучения византийской музыки, справедливо констатирует, что еще не ясно ритмическое значение некоторых невм в различных комбинациях, в частности невмы «горгон» (γόργον)³⁵.

В связи с изучением метроритмических особенностей византийских музыкальных памятников необходимо указать и на существующие расхождения между учеными по многим вопросам ритмической организации музыкального материала. Например, еще не так давно Г. Девай подверг критике издателей «Памятников византийской музыки» за спорную трактовку невмы «цакизма» (τζακισμα)³⁶, а Хр. Тодберг дискутирует с Э. Веллешом по поводу некоторых возможных ритмических вариантов транскрипции Акафиста³⁷.

³⁵ Velimirovic M. Praesent Status of Research in Byzantine Music, p. 5.

³⁶ Devai G. Traces of ancient greek theory in byzantine music. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 1953, t. 2, fasc. 1—2, p. 240.

³⁷ Thodberg Ch. The tonal system of the Kontakarium, p. 18; The Akathistos hymn/ introd. and transcr. by E. Wellesz. Copenhagen, 1957.

Если же говорить об изучении формы и фактуры произведений византийского искусства, то здесь вообще абсолютно ничего не известно. Дело в том, что к форме средневековой музыки нельзя применять те же критерии, которые теоретическое музыкознание использует для определения структурных образований музыкального искусства более поздних эпох. Конечно, во всех без исключения музыкальных цивилизациях в определении закономерностей формы большую роль, как известно, играет понимание функциональных особенностей ладотональных структур. Но, как уже указывалось, в связи с византийской музыкой эта проблема еще далека от разрешения. Что же касается принципа буквальнoй или варьированной повторности, который сейчас принято применять для определения различных структурных построений византийской музыки³⁸, то он вызывает серьезные возражения. Действительно, для выявления степени «вариантности» различных построений одного и того же построения мы можем сейчас основываться лишь на собственной интуиции. Не следует забывать, однако, что наша интуиция воспитана на явлениях совершенно иной музыкальной жизни, чем средневековая, и то, что нам может представляться вариантом, необходимо было таковым с точки зрения византийской музыкальной практики. Другими словами, интуиция — довольно слабый помощник в этом вопросе (не говоря о том, что со строго научной точки зрения такой метод не выдерживает никакой критики). Поэтому, когда на основе такого метода дифференцируют мелодические конструкции византийских песнопений на отдельные относительно самостоятельные интонационные формулы и их вариационные проведения, результат получается не всегда убедительным³⁹.

Вообще представляется, что положение о византийских мелодиях как о своеобразной мозаике различных и повторяющихся интонационных формул требует серьезной проверки. Отдаленность средневековья и неизученность многих сторон его музыки зачастую приводят к непониманию отдельных явлений византийской музыкальной жизни. Если говорить в общетеоретическом плане, то мелодические построения любых музыкальных эпох состоят из серии интонационных формул и их развития. При упоминании же византийских мелодий почти никогда не указывается на момент развития, а всегда акцентируется внимание лишь на повторности одних и тех же формул (либо в буквальном, либо в вариационном виде)⁴⁰. Трудно допустить, чтобы в столь значительном периоде развития музыкального искусства, как средневековье, применялись лишь такие простейшие формы трансформации музыкального материала. Эта проблема также требует более глубокого изучения, так как применяемая методология структурного анализа не всегда в состоянии выдержать критику. Что же касается изучения фактурных особенностей византийских церковных песнопений, то, насколько нам известно, оно вообще не проводилось. Исследование, казалось бы, относительно автономной проблемы ладотональности упирается в неизученность самых различных сторон музыки Византии.

3. ВИЗАНТИЙСКАЯ НОТОГРАФИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛАДОВЫХ СТРУКТУР

Нам также хотелось бы обратить внимание на изучение функциональной сущности византийских ладотональных образований в динамике их

³⁸ Wellesz E. Melody construction in byzantine chant. Belgrade; Ochride, 1961.

³⁹ Нам кажется, что наглядным примером сомнительности указанных критериев может служить анализ, проведенный Э. Веллешем, когда исследователь дифференцировал один из византийских музыкальных памятников на пять интонационных формул, указав также их проведения с вариантными изменениями (см.: Wellesz E. Melody construction in byzantine chant, p. 141). Однако нетрудно заметить, что даже те формулы, которые, по мнению Э. Веллеша, различны, с точки зрения современных критериев могут быть расценены и как варианты друг друга.

⁴⁰ Strunk O. The tonal system of byzantine music, p. 196.

исторического развития. Представляется, что основной метод транскрибирования византийской музыки, который стал применяться со времени появления первого тома «Monumenta Musicae Byzantinae», с этой точки зрения достаточно уязвим. Он основывается на принципе сравнительных транскрипций одних и тех же произведений, сохранившихся в различных нотациях. С указанного момента этот метод стал всеобщим (исключены составили, кажется, только работы Д. Петреску⁴¹ и Л. Тардо⁴²). Несмотря на то, что такой метод очень удобен (сохранилось много дубликатов одних и тех же произведений в различных невменных записях, и это открывает путь к познанию некоторых неизученных особенностей невменных нотаций), он создает новую сложную проблему.

Есть все основания говорить о том, что византийские музыкальные памятники фиксировались в различные времена неоднозначно. Примером этого достаточно много. Например, О. Странк обнаружил, что в манускриптах Lavra T 74 и Sinai 1219, излагающих серию одних и тех же произведений, выполненных в «Шартрез» нотации, присутствуют тождественные каденции, но подготовка вступления этих каденций в различных манускриптах неодинакова⁴³. Тот же исследователь обнаружил в рукописи Koutloumousi 412 варианты одних и тех же певческих ладовых формул, которые отличаются друг от друга своими окончаниями⁴⁴. Подобные факты общеизвестны в современном музыкальном византиноведении. Вместе с тем их никогда не рассматривают как результат исторических изменений. Конечно, легче всего обнаруженные несоответствия отнести за счет ошибок переписчика. Как показали последние исследования И. Раастеда, ладовые структуры, рассматривавшиеся еще относительно недавно как такие «ошибки» переписчика, на самом деле являются продуктом более серьезных эволюционных явлений⁴⁵. Нужно учитывать, что изменения в нотографической фиксации одного и того же музыкального произведения — результат слишком серьезных модификаций. В связи с этим обратим внимание на мнение О. Странка, который совершенно справедливо писал о том, что для понимания византийских ладов большую роль играет анализ заключительных каденций церковных песнопений⁴⁶. Это наблюдение нетрудно поставить в связь с общепринятым взглядом о проявлении наиболее типичных черт ладовой организации в заключительных кадансах. Поэтому нетрудно допустить, что несоответствие каденционных построений различных рукописей — следствие различных исторических этапов развития ладовой форм.

Нам могут возразить: в существующих рукописях изменения касаются только «ремарок» чисто исполнительского порядка. Говоря о подобных явлениях, О. Странк писал, что они не в состоянии вызвать существенных изменений слушательской реакции⁴⁷. Разумеется, при первом взгляде не приходится делать далеко идущих выводов. Однако было бы неверно рассматривать позднейшие добавления к древнейшим рукописям только как следствие индивидуального вкуса исполнителей. Такой подход слишком сужает широкую перспективу исторических изменений. Установлено, что поздние добавления к старинным манускриптам — явление типично встречающееся сплошь и рядом. Значит, они являются в первую очередь

следствием эволюции музыкального мышления, что в конечном счете повлияло и на изменение музыкального вкуса. Скорее всего, если сравнение двух манускриптов, излагающих одно и то же произведение, записанное в различные периоды, обнаруживает дополнения к некоторым невмам, нужно думать, что именно эти несколько трансформированные невмы и являются нотографическими знаками, указывающими на изменения функциональной сути конкретных ладовых элементов. Рано или поздно исследователям музыки Византии надо будет провести подобные изучения, так как, не понимая логики изменения невм, невозможно осознать логику эволюции музыкального мышления.

В связи с изучением проблем развития музыкальной практики Византии нельзя обойти молчанием вопрос о хроматизации ладотональных образований. Как уже говорилось, исследователями было замечено, что в поздних манускриптах обнаруживаются значительные изменения по сравнению с древними записями одних и тех же произведений. Это относится не только к песням безымянных авторов, но даже к произведениям такого выдающегося мастера греческой музыки, каким был Кукузель. Зачастую эти изменения были связаны с внедрением хроматических знаков в прежние «диатонические» невмы⁴⁸. Такие факты многозначительны. Они говорят о том, что хроматизация как серьезнейшее средство модификации тонально-ладовых образований в определенный период развития византийской музыки стала всеобщей. Х. Тильярд первоначально считал, что хроматизация, начавшись в XIII в., получила особое распространение в XV в.⁴⁹ Но несколько позже он обнаружил хроматические знаки в рукописи Sinai 1219, которая выполнена в так называемой нотации «Андреатик»⁵⁰, практиковавшейся еще задолго до XIII в. Следовательно, хроматизация началась намного раньше, чем предполагал Х. Тильярд. Это естественно, так как хроматизация в той или иной форме существует всегда. Высказываемое иногда мнение об эпохах «чисто диатонических» или «чисто хроматических» противоречит логике ладотонального развития, логике взаимодействия между диатоникой и хроматикой — двумя смысловыми сферами ладотональных образований. Это с полным правом можно отнести и к византийской музыкальной практике. Систематически появляющиеся документальные материалы подтверждают такую мысль⁵¹. Возможно, эти обстоятельства и привели к тому, что Х. Тильярд⁵² при транскрибировании музыки, изложенной в первом плагальном ладу, ставит иногда знаки альтерации, а К. Хёг вопреки традиции даже перестал выставлять «ключевые» знаки⁵³. Все это еще раз доказывает, что позднейшие изменения традиционных невм ранних манускриптов необходимо рассматривать не как случайные и единичные явления, а как совершенно определенную тенденцию, связанную с эволюцией музыкального мышления, тенденцию, которую еще также предстоит изучить.

Нетрудно заметить, что в данной статье поставлено достаточно много проблем, но лишь в отдельных случаях указаны пути их разрешения. Для этого есть особые причины. Прежде всего сравнительно небольшая по объему работа не может осветить методологию изучения целой серии столь важных и серьезных вопросов. Кроме того, акцентируя внимание на актуальных, с нашей точки зрения, проблемах исследования византийской

⁴¹ Petrescu I. D. Aspecte si probleme ale muzicii byzantine medievale. — Studii de muzikologie. I. Bucuresti, 1965, p. 99—123.

⁴² Tardo L. L'antica melurgia byzantina nell'interpretazione della scuola monastica di Grottaferrata. Roma, 1938.

⁴³ Strunk O. The notation of the Chartres Fragment, p. 28.

⁴⁴ Strunk O. Intonation and signatures of the byzantine modes. — Musical Quarterly, 1945, 31, p. 28.

⁴⁵ Raasted Ch. Intonation formulas and modal signatures in byzantine musical manuscripts. — Monumenta Musicae Byzantinae, Subsidia. Copenhagen, 1966, v. 7, p. 20—23.

⁴⁶ Strunk O. The Byzantine office at Hagia Sophia. — DOP, 1956, 9—10, p. 183.

⁴⁷ Strunk O. The notation of the Chartres Fragment, p. 30.

⁴⁸ Tillyard H. J. W. The Stenographic Theory of byzantine Music. — BZ, 1925, 25, p. 335.

⁴⁹ Tillyard H. J. W. Handbook of the Middle Byzantine Musical Notation, p. 36.

⁵⁰ Tillyard H. J. W. Byzantine music about A. D. 1100, p. 226.

⁵¹ Thodberg Ch. Chromatic alteration in the Sticherarium. — Actes du XIIe congrès international d'études byzantines. Ochride, 10—16 Septembre 1961. Belgrad, t. 2, 1964, p. 607—612.

⁵² The Hymns of the Octoechos, transcribed by H. Tillyard. — Monumenta musicae byzantinae. Copenhagen, 1940—1949, v. 3, 5.

⁵³ The Hymns of the Hirmologium/Transcribed by A. Ayoutanti and M. Stöhr, rev. and annot. by C. Hoeg with assistance of J. Raasted, p. 1. The first plagal mode. Copenhagen, 1952; The third plagal mode. Copenhagen, 1956.

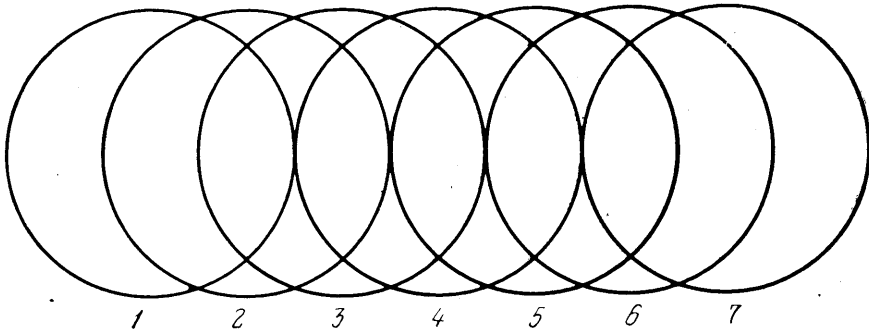

Рис. 1

ладовой системы, мы учитывали одно немаловажное обстоятельство. К сожалению, в отечественном музыкознании за последние полвека не было опубликовано ни одного исследования, посвященного византийской музыке⁵⁴. А ведь именно в наших книгохранилищах наряду с самыми разнообразными памятниками византийской культуры имеется значительное количество рукописных материалов, непосредственно связанных с византийской музыкальной культурой. Изучить их — научный долг наших музыковедов. Рано или поздно начнется активное научное освоение имеющихся памятников. Думается, что его результаты окажутся более существенными, если исследователи-музыковеды, приступая к анализу источников, представят себе границы познанного и непознанного. Именно поэтому в настоящей статье мы стремились обратить внимание на тот аспект изучения византийских музыкальных памятников, который приблизит нас к более глубокому пониманию византийской музыкальной цивилизации.

СООБЩЕНИЯ

М. В. КРИВОВ

ΛΟΓΟΣ ΕΙΣ Τὸ Ἅγιον Βάπτισμα Софрония Иерусалимского КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ АРАБАМИ

В конце прошлого века А. Пападопуло-Керамевсом было издано принадлежащее перу иерусалимского патриарха Софрония (VII в.) «Слово на святое крещение»¹. Оно представляет собой проповедь, приуроченную к празднику Крещения (6 января), и содержит упоминание об арабском нашествии на Палестину, начавшемся в 30-е годы VII в. Этой теме в «Слове» посвящен значительный фрагмент². После рассуждений богословского характера и призыва к пастве достойно встретить праздник Софроний говорит:

«Но и дела, враждебные нашей жизни, мне нужно иметь в виду. Ведь почему у нас бывают войны? Почему умножаются варварские набеги? Почему движутся на нас фаланги сарацин? Почему увеличиваются столь великое растение и грабежи? Почему происходит нескончаемое пролитие человеческой крови? Почему человеческие тела пожирают птицы небесные? Почему церкви разрушены? Почему крест подвергается глумлению? Почему Христос, сам податель всех благ и устроитель такого нашего духовного благолепия, языческими хулится устами и вопиет к нам истиннейшее (изречение) «из-за вас имя мое хулится у язычников»³, что нам тягостнее всех происходящих ужасов? От того ведь и сарацины богоненавистные, нечестивцы и сама мерзость запустения⁴, пророчески нам предреченная, и в места, куда не должно, проникают, и города опустошают, поля пожинаят, селения огню предают, святые церкви сжигают, священные монастыри разрушают, воинским рядом ромейским противоборствуют, ведя войну, воздвигают трофеи, к победам победы присоединяют, более против нас возносятся, на Христа и на церкви хулы приумножают, богохульствуют беззаконно, над всеми господствовать богоборцы похваляются, военачальнику своему диаволу неустойчиво со всем усердием подражая и его гордости позавидовав, из-за которой был с неба низвергнут и в темный мрак обращен. Этого бы нечестивые не совершили и столь великую силу не приобрели, чтобы такое творить беззаконно и возглашать боевой клич, если бы не первыми дар⁵ мы оскорбили и очищение мы осквернили первейшими и тем дарителя Христа огорчили и к гневу на нас его подвинули, благого и несчастьям не радующегося, человеколюбие источающего, мор и гибель людские видеть не хотящего. Но в самом деле мы являемся виновниками всего этого, и ни одного слова к оправданию не най-

⁵⁴ Раздел «Музыкальная культура Византии» в учебнике Р. И. Грубера «История музыкальной культуры» (т. I. М.; Л., 1941, с. 434—447; см. также измененный вариант Грубер Р. И. Всеобщая история музыки. М., 1960, ч. I, с. 130—137) нельзя признавать самостоятельным исследованием, так как он полностью основывается на работах Э. Веллеса, созданных еще в 20-е годы. До предела сжатая обзорная статья К. К. Розеншильда и Ю. В. Келдыша «Византийская музыка» (Музыкальная энциклопедия. М., 1973, т. I, с. 774—778) не в состоянии хотя бы минимально удовлетворить актуальнейшую потребность музыкознания.

¹ Παπαδόπουλος-Κεραμής Α. 'Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. 'Εν Πετρούπολει, 1898, т. 5 (далее — 'Ανάλεκτα), с. 151—168; Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 434—435; Constantelos D. J. The Moslem Conquest of the Near East as revealed in the Greek sources of the VIIth and the VIIIth centuries. — Byz., 1972, 42, p. 329—330.

² 'Ανάλεκτα, с. 166—167.

³ Псайя, 52, 5.

⁴ Даниил, 9, 27; 11, 31; 12, 11.

⁵ Имеется в виду дар крещения.

дятся. Ибо какое слово или изречение будет дано нам в оправдание, если мы, получив от него такие дары, все запятнали и все осквернили мерклыми делами?

Но если вы доверитесь мне, ныне умоляющему, то должны также полностью довериться тому, кто справедливо и по отечески наставляет нас. И если вы, братия, склонитесь к словам моим, мы уйдем покаянием таковы распушенность негодников и всем сердцем обратим их к нему ибо назначено нам иной надежды на спасение. Ведь милосердный от природы человеколюбец не пренебрежет нашим раскаянием, но, радуясь, тотчас примет [его] и да избавит нас от ужасов. . . ».

Этот фрагмент уместно сравнить с двумя другими сочинениями Софрония, где также упоминается арабское нашествие: «Синодальным посланием» относящимся ко времени сразу же после избрания его на патриаршую кафедру (конец 633 — начало 634 г.)⁷, и проповедь, посвященной рождеству Христову (25 декабря 634 г.)⁸. В первом из них, написанном еще в самом начале войны с арабами, содержится обращение к константинопольскому патриарху Сергию, чтобы он молился о победе императоров над всеми варварами, в особенности же над сарацинами, «ныне внезапно поставшими на нас за грехи и все разрушающими с жестокой и зверской целью, с нечестивой и безбожной дерзостью»⁹. Далее выражается надежда на то, что сарацины будут обращены, «как и прежде, в подножие наших богоданным императорам»¹⁰.

Второе сочинение относится к тому времени, когда вся южная Палестина, в том числе и Вифлеем¹¹, была занята арабами. Мысль о потере Вифлеема красной нитью проходит через всю проповедь¹². По своему жанру это сочинение наиболее близко к «Слову на святое крещение». В нем нашествие сарацин также расценивается как божественная кара за грехи и содержится призыв к покаянию. Вместе с тем, как и в Синодальном послании, в нем выражается надежда на победу над врагами¹³.

Такой надежды нет в «Слове на святое крещение». Призывая своих слушателей к покаянию, Софроний, как мы видели, надежду на избавление от ужасов возлагает на Христа, причем эта надежда носит весьма туманный характер¹⁴ и не связывается непосредственно с разгромом арабов.

Второе отличие «Слова на святое крещение» от других сочинений Софрония составляет подробное описание разорения страны, не имеющее себе равного даже в проповеди 25 декабря 634 г. Нарисованная Софронием мрачная картина разорения городов и селений, грабежей, убийств и разрушения церквей, по-видимому, противоречит укоренившемуся в научном мнении о гуманном обращении на первых порах арабов с покоренными народами¹⁵. Однако это противоречие только кажущееся. Завоеватели проявляли снисходительность лишь к жителям населенных пунктов, сда-

вшихся им добровольно и заключивших договор об условиях капитуляции; с населением же тех городов и селений, которые были взяты с бою, они поступали согласно жестоким обычаям войны того времени¹⁶. Очевидно, на это обстоятельство и обращает Софроний внимание своих слушателей.

Можно ли с той или иной степенью точности определить время составления «Слова»? Самый тон проповеди указывает на то, что она была произнесена во время осады Иерусалима¹⁷. Систематическая осада города началась после битвы при Ярмуке в 636 г., а в 17 г. хиджры, согласно арабским источникам, т. е. между 23 января 638 г. и 11 января 639 г., Софроний сдал Иерусалим арабам, заключив договор с халифом Омаром¹⁸. Отнести «Слово» ко времени после сдачи Иерусалима невозможно хотя бы уже по тому, что это исключило бы употребление резких эпитетов, которыми патриарх характеризует сарацин. Вместе с тем тот факт, что в отличие от двух других указанных произведений Софроний не выражает здесь надежды на победу над ними, может навести на мысль, что он в эту победу уже не верил. Упоминаемая в «Слове» проникающая повсюду «мерзость запустения» свидетельствует о том, что многие священные места христиан в Палестине, в том числе, вероятно, и все окрестности Иерусалима, уже были заняты арабами, и надежды на избавление ждать было неоткуда.

Указанные соображения позволяют отнести «Слово» ко времени непосредственно перед сдачей Иерусалима, когда Софроний находился в кризисном состоянии, уже не веря в победу византийского оружия, но еще не решаясь обратиться открыто к жителям города с призывом о капитуляции. Кто знает, может быть, он специально нарисовал перед своими слушателями такую картину разорения страны, чтобы тем самым постепенно подвести их к мысли о том, что в случае штурма их собственный город ждет та же судьба, и тем самым подготовить людей к возможной сдаче на почетных условиях. Упоминание о том, что Христос, если они раскаются, избавит их от всех бед, без конкретного указания на избавление от сарацин позволяет думать, что Софроний в это время уже не отвергал в принципе возможность договориться с арабами и тем купить мир.

Все это позволяет датировать «Слово на святое крещение» 6 января 637 г. или 6 января 638 г. (более вероятной нам кажется вторая дата). Вместе с тем содержащийся в нем материал делает его ценным источником по истории арабского завоевания Палестины и показывает изменение отношения Софрония к арабскому нашествию, происшедшее с 634 по 638 г.

⁶ PG, t. 87, col. 3147—3200; Constantelos D. J. Op. cit., p. 330.

⁷ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918, вып. 4, с. 462—463; Grumel V. La Chronologie. Paris, 1958, p. 451.

⁸ Weihnachtspredigt des Sophronios/ Ed. H. Usener. — Rheinisches Museum für Philologie. NF, 1886, 41, S. 500—516; Constantelos D. J. Op. cit., p. 328—329; Kaegi W. Initial byzantine reactions to the arab conquest. — Church history, 1969, 38, p. 139—141; Usener H. Religionsgeschichtlichen Untersuchungen. Bonn, 1889, I. Das Weihnachtspredigt, S. 335—336.

⁹ PG, t. 87, col. 3197—3198.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Kaegi W. E. Op. cit., p. 139.

¹² Weihnachtspredigt des Sophronios, s. 506—515.

¹³ Ibid., s. 515.

¹⁴ 'Ανάλεκτα, α. 167.

¹⁵ Brentjes B. Die Söhne Ismaels: Geschichte und Kultur der Araber. Leipzig, 1974, S. 63; Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннем средневековье. М., 1964, с. 137—140. В настоящее время это положение подвергается пересмотру см.: Constantelos D. J. Op. cit., p. 325—357.

¹⁶ Об этом см.: Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897—1903, т. 2—4.

¹⁷ Παπαδόπουλος Χ. 'Ιστορία τῆς ἐκκλησίας 'Ιεροσολύμων. 'Αλεξάνδρεια, 1916, σ. 248.

¹⁸ Caetani L. Chronographia Islamica. Roma, 1912, p. 197, 200, 201.

В. Н. ЗАВРАЖИН

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ОДНОГО ФРАГМЕНТА
ИЗ «ПРИЛОЖЕНИЙ» ФЕОДОРА СКУТАРИОТА

В последнее десятилетие одним из важных и дискуссионных в советской историографии является вопрос о поздневизантийской мануфактуре, который занимает «центральное место в спорах о характере экономики и социальных отношений в городах поздней Византии»¹. В задачу настоящей статьи не входит специальное рассмотрение длительной и многоплановой дискуссии по этой проблеме. Комплексное изучение эволюции экономических отношений привело большинство исследователей к выводу о том, что в византийском городе не сложились условия для появления мануфактуры, что поздневизантийский период «отмечен постепенным угасанием экономической деятельности городов и упадком их торговых связей»².

Доказательство тезиса о существовании рассеянной поздневизантийской мануфактуры основывается на некоторых данных венецианских источников³, которые, по мнению И. П. Медведева, не могут считаться неоспоримыми свидетельствами, говорящими в пользу этого утверждения⁴. В связи с недостаточностью материала для обоснования положения о развитии византийской мануфактуры в XIV—XV вв. у некоторых исследователей усилилась тенденция искать предпосылки ее возникновения в XIII столетии⁵. В данном случае их вывод

базируются на одном фрагменте «Приложений» Феодора Скутариота (κατὰ δὲ τὰς μεγάλας τῶν πόλεων καὶ ἄνθρωποι ἦσαν τεχνῖται τῶν διαφόρων ὅπλων ἐπὶ μισθῷ, τόσα μὲν τόξα, τόσα δὲ βέλη, καὶ ἄλλα ὅσα κατ' ἔτος ἐργαζόμενοι ὅπλα, καὶ ἐς δημοσίους οἴκους ἀποτιθέμενοι καὶ ἀριθμὸν ὑπερβαίνοντα, ἵν' ὅτε τούτων χρεῖα ἀνενδεῶς οἱ ἀμυνόμενοι ἔχοιεν)⁶, который в переводе В. А. Сметанина выглядит следующим образом: «В больших же городах находились люди — мастера по различному оружию, изготавливающие за плату ежегодно столько-то луков, столько-то стрел и другое оружие и помещенные в государственные предприятия в количестве, превышающем обычную норму, чтобы сражающиеся ни в чем не испытывали недостатка»⁷. Перевод настоящего отрывка непосредственно связывается с известным высказыванием К. Маркса: «В том, что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»⁸.

Как можно заметить, приведенный перевод фрагмента «Приложений» Скутариота является как бы «прямой» иллюстрацией, источником высказывания К. Маркса. Исходя из этого В. А. Сметанин считает возможным констатировать существование в середине XIII в. византийской мануфактуры в зачаточном состоянии⁹.

Соглашаясь с замечанием исследователя о том, что К. Маркс «выступал против трактовки мануфактуры как формы промышленности, раз и навсегда застывшей в каком-то качестве, на какой-то ступени развития»¹⁰, мы исходим из того, что К. Маркс ставил определенное смысловое ограничение понятию «мануфактура», когда речь шла о докапиталистических формациях¹¹, поскольку для него «мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»¹². Говоря о спорадическом применении кооперации в крупном масштабе в античном мире и в средние века, К. Маркс отмечал, что «она по-прежнему на отношениях непосредственного господства и подчинения»¹³. Напротив, капиталистическая форма кооперации, основанная на разделении труда и приобретающая свою «классическую форму в мануфактуре»¹⁴, «с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»¹⁵. Простая кооперация, на основе которой, как следует из перевода отрывка из сочинения Феодора Скутариота, осуществлялось производство оружия, никогда не образует прочной характерной формы и «особой эпохи развития капиталистического производства»¹⁶. Поэтому наличие предприятий, основанных на принципах простой кооперации даже при использовании наемного труда и работы на рынок, не позволяет говорить о начале буржуазной эпохи. На наш взгляд, логика рассуждений К. Маркса о мануфактуре вообще и мануфактуре в «зачаточном виде» в частности не может сводиться только к количественной оценке этого качественно нового явления. Речь идет лишь о степени его зрелости. Таким образом, независимо от того, говорим ли мы о мануфактуре в «зачаточном» состоянии или более развитой ее форме, для нее как капиталистической по своей сути организации характерны известная степень разделения труда, относительно постоянный характер мануфактур-

¹ Удальцова З. В. Новейшие исследования советских византистов. — ВВ, 1976, 39 с. 8.

² Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения). — В кн. ВО, 1977, с. 34; см. также: История Византии. М., 1967, т. 3, с. 310. Положение о отсутствии в поздней Византии благоприятных условий для зарождения и распространения мануфактурных форм производства в городе, равно как и зарождения элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве наиболее широко в последние годы раскрыто в статье: Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи. — ВВ, 1969, 30, с. 3—37. Здесь в основных чертах рассмотрена динамика социально-экономических отношений в византийском городе XIII—XIV вв. И. П. Медведев отрицая существование поздневизантийской мануфактуры, считает, что «лишь в некоторых центрах, связанных с добывающей промышленностью, для нее могли быть предпосылки» (Медведев И. П. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн. В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 408). С. П. Карпов убедительно показал господство в Трапезундской империи «старых производственных отношений», отсутствие там мануфактуры. И в этом смысле, по его мнению, положение в Трапезунде было аналогично положению в Византийской империи; см.: Карпов С. П. Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII—XV вв.). — В кн.: ВО, 1977, с. 106.

³ Удальцова З. В. Новейшие исследования советских византистов, с. 9.

⁴ Медведев И. П. Указ. соч., с. 404.

⁵ Медведев И. П. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде. — ВВ, 1969, 30, с. 314—315; Сметанин В. А. Турецкое нашествие и военные издержки Византии (1282—1453). — АДСВ, 1976, 13, с. 107, 108; Сванидзе А. А. Проблемы истории и историографии средневекового города. — ВИ, 1978, № 3, с. 121; Удальцова З. В. Новейшие исследования советских византистов, с. 9.

⁶ Theodori Scutariotae additamenta: G. Acropolites. Opera/ Ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1903, v. 1, p. 285.

⁷ Сметанин В. А. Указ. соч., с. 107.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 333.

⁹ Сметанин В. А. Указ. соч., с. 107.

¹⁰ Там же, с. 108.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 142.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 372.

¹³ Там же, с. 346.

¹⁴ Там же, с. 348.

¹⁵ Там же, с. 346.

¹⁶ Там же, с. 347.

ного производства и, что особенно важно, соединение в той или иной форме в одном производственном процессе таких противостоящих друг другу факторов, как рабочая сила и капитал. Причем само производство является сугубо товарным, направленным на ускоренное накопление капитала. Существовавшие уже задолго до капитализма товарное производство и наемный труд в новых исторических условиях, как отмечал В. И. Ленин, имеют тенденцию к их превращению в «абсолютную форму»¹⁷. Там же, где их удельный вес в общественном производстве не возрастает, очевидно, рано говорить о генезисе капитализма.

Можно ли говорить о существовании мануфактуры, имея в виду и ее «зачаточное состояние», в Византии в XIII столетии? Сложилась ли здесь сколько-нибудь прочная основа для мануфактурного производства в то время? Это вопросы, на которые вряд ли можно ответить утвердительно, опираясь на фрагментарное свидетельство одного источника, дающего к тому же в интерпретации В. А. Сметанина недостаточно ясное представление о характере организации данного оружейного производства. Определенно можно сказать, что оно менее всего отвечало духу капиталистического предпринимательства и что целевая установка государства, направленная на его расширение, диктовалась военными задачами исторического момента. Данные «Приложений» Феодора Скутариота не дают нам оснований считать, что в «государственных предприятиях» рабочая сила использовалась на основе свободного найма. Что же касается платы, которую получали оружейники за свой труд, то здесь мы согласны с мнением И. П. Медведева, что «неправомерно рассматривать всякую оплаченную работу как найм капиталистический»¹⁸. Да и в самом привлечении ремесленников к выполнению государственного заказа не было ничего принципиально нового. Очевидно, в сложных ситуациях, таких как ведение военных действий или подготовка к ним, подобное использование оружейников и других ремесленников считалось делом естественным и, возможно, рассматривалось прежде всего как государственная повинность¹⁹. Сомнение вызывает неоднозначный и, на наш взгляд, до известной степени «осовремененный» перевод В. А. Сметаниным — *δημοσίους οἶκους* — как «государственные предприятия». Ближе к истине их более нейтральное определение И. П. Медведевым как «государственные дома»²⁰. Г. Г. Литавриным в данном случае под *δημοσίους οἶκους* подразумеваются государственные складские помещения, предназначенные для хранения оружия²¹. Последнее толкование представляется нам соответствующим контексту фрагмента «Приложений», смысл которого искажен в переводе В. А. Сметанина. Так, перевод активного причастия настоящего времени *ἀποτιθέντες* причастием пассивного аориста *ἀποτεθήντες* привел к тому, что «ремесленники, складывающие оружие в государственные дома в количестве, превышающем обычную норму», превратились в «ремесленников, помещенных в государственные предприятия в количестве, превышающем обычную норму».

Приведем наш перевод рассматриваемого места из «Приложений» Феодора Скутариота: «В больших же городах были люди — мастера по различному оружию, за плату столько-то луков, столько-то стрел столько-то другого оружия изготовляющие ежегодно и в государственные дома (склады. — В. З.) складывающие (курсив наш. — В. З.) количество [его], превышающее [обычную норму], чтобы сражающиеся имели

необходимое из оружия, ни в чем не испытывая недостатка». Отсюда следует, что в данном случае оружейники не были сосредоточены в «государственных предприятиях», но, скорее всего, трудились в своих мастерских (хотя в принципе не исключалась и возможность их привлечения для работы в «государственных домах»), выполняя заказ государства и сдавая готовую продукцию в его арсеналы. Из свидетельства Феодора Скутариота ясно также, что само производство оружия при его относительно увеличении осуществлялось на старой ремесленной основе.

Таким образом, анализ единственного источника, приводимого в подтверждение существования в Византии мануфактуры в «зачаточном состоянии» в XIII в., не дает оснований считать данный тезис доказанным даже для сферы производства, в которой в силу сложившейся ситуации создались условия, стимулирующие производственную деятельность. В других сферах ремесленного производства, при том, что товарно-денежные отношения продолжали развиваться, условия, очевидно, менее всего благоприятствовали созданию прочной основы для перехода к мануфактурному производству (неустойчивость экономической ситуации, конкуренция итальянского купечества, обеднение населения). Денежный капитал не только не вкладывается в производство, но и в сфере торговли находит себе более доходное и безопасное применение — ввиду массового разорения — в посреднических операциях по продаже недвижимости, в спекуляциях продовольствием, в ростовщичестве. Торгово-купеческие круги эволюционировали не в сторону укрепления их связей с производством, а, наоборот, в плане паразитирования на катастрофическом положении общества и государства. К.-П. Мачке в своей еще не опубликованной докторской диссертации убедительно показал, что те слабые тенденции к новым формам организации производства, которые, возможно, могли возникнуть в первой половине XIV в., фактически пресеклись во второй его половине — начале XV в. по мере того, как феодалы продолжали закрепляться в городах, все более подчиняя их экономику интересам феодального хозяйства²². Путь для распространения новых форм производства в последние десятилетия существования Византии оказался окончательно закрытым.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 22.

¹⁸ Медведев И. П. Проблема мануфактуры..., с. 398.

¹⁹ Аналогичный случай приводится В. А. Сметаниным в связи с фактом защиты Константинополя в 1348 г.: «Для обороны города был привлечен весь народ, кроме ремесленников, в подавляющем своем большинстве участвовавших в военном производстве»; см.: Сметанин В. А. Указ. соч., с. 108.

²⁰ Медведев И. П. Проблема мануфактуры..., с. 405.

²¹ История Византии, т. 3, с. 37.

²² В диссертации К.-П. Мачке (Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz-Studien zur späbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422) дается развернутая характеристика социально-экономических процессов, происходивших в Византии в конце XIV—первой половине XV в. Определяя, в частности, роль итальянского купеческого капитала в развитии византийского феодализма, ученый приходит к выводу, что итальянские торговые республики стремились придать экономике Византии такое направление, которое могло бы превратить ее в «аграрный тыл итальянского раннего капитализма», в поставщика зернового хлеба, важного сельскохозяйственного и природного сырья, а также в «рынок для готовой продукции развивающихся мануфактур итальянских городов». Внутренним проводником этого развития, по мнению К.-П. Мачке, был союз феодальных магнатов и провинциальных монастырей, которые, усиливая свои позиции в византийских городах, проводили хозяйственную политику, «находившуюся в противоречии с интересами собственно городских слоев населения».

М. В. БИБИКОВ

О ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ БАЧКОВСКОГО МОНАСТЫРЯ
В СОБРАНИЯХ СОФИИ И ПЛОВДИВА

Основная масса греческих манускриптов библиотеки Бачковского монастыря в настоящее время находится в Центральном церковном историко-археологическом музее в Софии (Синодальное собрание). К сожалению, у нас не было достаточно времени для детального исследования бачковских рукописей¹. Однако ввиду того, что мы до сих пор не располагаем описанием рукописного собрания музея и в ближайшее время, насколько нам известно, такое издание подготовлено не будет, представляется необходимым сообщить некоторые сведения, которые удалось почерпнуть в результате знакомства с библиотеками Болгарии.

В Синодальном собрании нам были доступны 99 греческих кодексов, привезенных из Бачковского монастыря. Древнейшими манускриптами являются: № 807 — Евангелие-апракос, вторая половина X в. (113 лл., 305×220); № 804 — сборник слов, X—XI вв. (235 лл., 370×260); № 803 — сборник слов Василия Великого, XI в. (59 лл., 400×280); № 812 — Минея, служебная, XI в. (264 лл., 200×175); № 806 — сборник житий, XII в. (226 лл., 340×260); № 831 — Иерусалимский типик 1193 г. (бумага восточного происхождения, 130 лл., 215×150).

Из датированных, кроме того, следует отметить следующие рукописи: № 818 — Псалтирь, 1281 г. (274 лл., 275×195; запись писца на л. 267); № 805 — сборник житий, 1346 г. (416 лл., 295×215; запись писца на л. 38 об.); № 858 — Часослов, 1372 г. (43 лл.; запись писца — л. 42); № 901 — Служебник, 1428 г. (91 лл., 140×105); № 829 — Анофологий, 1472 г. (192 лл.); № 893 — Часослов (с месящесловами), 1478 г. (245 лл.); № 856 — Архиератикон, 1540 г. (160 лл., 215×155); № 859 — Евхологий, 1549 г. (69 лл., 225×160); № 638 — Псалтирь, 1557 г. (117 лл., 230×170); № 808 — Псалтирь, 1569 г. (94 лл., 295×200).

Особое внимание обращает на себя пергаменный кодекс № 812 тем, что он содержит единственную, если не считать славянских, иноязычную — грузинскую — запись, обнаруженную нами при работе с бачковскими рукописями Синодального собрания. Помета, сохранившаяся лишь частично с начала (край поля листа с концом записи отрезан при переплете), находится на л. 167: *αὕτῃ βιβλίῳ ἐκτίθηται...* («Эта книга синода...»). Она, по нашему мнению, может быть датирована XVI—XVII вв.

В том же кодексе имеются и две интересные греческие записи, сделанные, судя по почерку, рукой неграка: л. 39 об. — *ἡν ἀπολήτην ἐπὶ τῶν μηνῶν τοῦτον α (ῥ) ἐπὶ τοῦτος ε (ῥ) ζιδ' κ(αι?) ἀθωληρά ἐπὶ τῶν μηνῶν...* л. 146 об. — *...ἐπὶ τῶν μηνῶν ἐπὶ τῶν μηνῶν θώλ μην(ου?) τοῦτον α' ἐπὶ τῶν μηνῶν τοῦτον μην(ου?) ἐπὶ τῶν μηνῶν...*

Приведенные данные о греческих рукописях Бачковского монастыря в болгарских собраниях можно дополнить указанием на находящийся

в Народной библиотеке «Иван Вазов» в Пловдиве конволют (Р № 361, по инвентарной книге библиотеки), первая часть которого представляет собой печатную псалтирь (Lapsiae, 1761 г.), а вторая — рукописный сборник конца XVII—начала XVIII в. На многих листах свода (16 об., 29 об., 30 об., 31 об., 40—43 об. целиком) расписывались прихожане Бачковского монастыря. Самые ранние пометы такого рода относятся к 1788 г. (лл. 40—43 об.), самая поздняя сделана 12 марта 1819 г. (л. 31 об.).

Имея возможность лишь бегло ознакомиться в Пловдиве с теми рукописями, которые удалось найти, мы должны отметить, что это собрание, до сих пор практически не известное специалистам, хранит в себе очень интересные материалы. По нашим подсчетам, там находится по крайней мере 40 греческих рукописей, среди которых — пергаменные листы X—XI вв. (№ 148) и несколько других пергаменных манускриптов (например, № 161, 182, четыре листа в № 121). Не исключена возможность того, что и здесь будут найдены интересные документы, связанные с историей Бачковского монастыря.

¹ Мы глубоко признательны коллеге Хр. Кодову за содействие в работе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976.

В истории византийской культуры найдется мало столь спорных и сложных проблем, как проблема византийского гуманизма. Разработка вопроса о византийском гуманизме в византиноведческой науке ведется уже многие годы. За последнее время интерес к этой проблеме особенно возрос. Появились исследования как общего, так и частного характера, принадлежащие крупнейшим византинистам (П. Лемерль, Х.-Г. Бек, А. Пертузи, И. Мейендорф, И. Шевченко, Х. Хунгер, Фр. Мазэ, И. Ирмшер). В советской историографии вопрос о византийском гуманизме как особом культурном историческом явлении рассматривался в работах акад. С. Д. Сказкина, членов-корреспондентов АН СССР В. Н. Лазарева, В. И. Рутенбурга и многих других, а применительно к Византии затрагивался в работах М. Я. Сюзюмова, Б. Т. Горянова, Г. Л. Курбатова, Е. Б. Веселаго, Б. С. Попова, С. К. Красавиной и др.

Однако эта проблема, на наш взгляд, и по сей день далека от своего окончательного разрешения. Более того, в зарубежной литературе до сих пор дебатруется вопрос о правомерности самого понятия «византийский гуманизм». Так, на Западе раздаются голоса, отрицающие сам факт существования византийского гуманизма. Сторонники континуитета античной культуры в Византии полагают, что интерес к античному наследию в Византии никогда не угасал и его «возрождение» в XIV—XV вв. нельзя рассматривать как новое гуманистическое движение, аналогичное западноевропейскому гуманизму (И. Шевченко, О. Демус, И. Мейендорф). Игнорируя исторические социальные корни гуманизма, некоторые западные ученые даже усматривают в истории византийской культуры наличие нескольких периодов Ренессанса (П. Лемерль, К. Вейцман, М. Хадзидакис).

В этом многоголосом хоре разноречивых концепций раздался голос советского исследователя И. П. Медведева, выступившего с глубоко обоснованным доказательством существования византийского гуманизма. Проведя сравнительно-историческое исследование византийского и итальянского гуманистического движения, автор убедительно показал общие типологические черты, присущие византийскому и итальянскому гуманизму, подчеркнув, что то и другое явление имело одинаковую историческую почву в едином политическом, религиозном и экономическом итало-греческом комплексе, сложившемся в бассейне Центрального и Восточного Средиземноморья в XIV—XV вв. Вместе с тем монография И. П. Медведева направлена на выявление специфики византийского гуманизма и его отличий от гуманистического движения в Западной Европе.

Книга представляет собой глубоко фундированное и вполне оригинальное исследование. Она, бесспорно, явится ценным вкладом в разработку этой трудной и дискуссионной проблемы. К большим достоинствам работы надо отнести тщательное изучение многообразных и порой еще не изданных источников. Украшением монографии служит, в частности, перевод с греческого антихристианского трактата известного византийского философа Георгия Гемиста Плифона «Законы» и некоторые тексты из рукописей, хранящихся в архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

Самой сильной стороной работы И. П. Медведева является анализ философских концепций византийских гуманистов XIV—XV вв., в первую очередь Феодора Метохита и Георгия Гемиста Плифона, в меньшей степени — Никифора Григоры и Виссариона Никейского. Автор убедительно показал, что философской основой мировоззрения византийских гуманистов был платонизм, глубоко переосмысленный византийскими учеными.

Ярко и красочно дана в книге концепция человека в мировоззрении византийских гуманистов.

В центре внимания исследователя находится такой сложный вопрос, как детерминизм и свобода воли в философской литературе XIV—XV вв. Автор показывает отход византийских гуманистов от церковной концепции божественного провидения и замену этой концепции философским детерминизмом, не исключающим, однако, проявления свободы воли человека. Вершиной разработки этой философской проблемы является, по мнению И. П. Медведева, учение Плифона, приближающееся к пониманию свободы как познанной необходимости, хотя и трактуемой в сугубо идеалистическом плане (с. 121).

Большой интерес представляет анализ политических теорий византийских гуманистов. В их среде рождается теория неозллизма. Получают широкое распространение такие понятия, как «эллин», «эллинская культура», «эллинское государство», что было непосредственно связано с появлением в поздней Византии элементов национального греческого самосознания. Признавая зарождение в эпоху гуманизма неозллистической концепции, И. П. Медведев солидаризируется с Х.-Г. Бекем, но настаивает на сохранении в значительной мере наряду с нею традиционной идеи универсальной империи во главе с византийским императором. Думается, однако, что следует учесть некоторые новейшие работы, хорошо аргументирующие значительное распространение неозллизма среди византийских гуманистов. Следует, в частности, напомнить работу Э. Арвейлер *L'idéologie politique de l'Empire byzantin* (Paris, 1975), которая прослеживает борьбу имперской и неозллистической концепции в последние века существования Византийской империи, связывая ее со столкновениями константинопольской и провинциальной знати. Ослабление имперской концепции и победу неозллизма она объясняет упадком Константинополя и усилением провинций, в частности Мистры. В учении Плифона она с особой настойчивостью выдвигает на первый план именно идеи неозллизма.

О распространении неозллистической концепции свидетельствуют, по нашему мнению, исторические взгляды византийского писателя XV в. Лаоника Халкокондила. В самую мрачную эпоху турецкого завоевания Халкокондил верил, что турецкое владычество не будет вечным и в будущем на месте Византии возродится новое греческое государство под властью греческого правителя (Халкокондил, I, 4, 17). Нам кажется, что в последние два века существования Византийской империи уже не было реальной исторической почвы для сохранения имперской идеи и возникновения неозллизма было закономерным историческим явлением. В этом аспекте, нам думается, и вся религиозно-философская концепция Плифона с его попыткой возродить греческое государство и языческую религию не была уж столь оторвана от жизни. Вряд ли следует ее трактовать только лишь как философскую спекуляцию. На наш взгляд, своими корнями она, безусловно, уходила в реальную действительность. Ее можно рассматривать, с одной стороны, как проявление гуманистических антицерковных идей, направленных против церкви и монашества, и как попытку укрепления в Пелопоннесе греческого государства — с другой. Об этом с особой ясностью свидетельствуют знаменитые проекты социально-экономических реформ Георгия Гемиста Плифона, изложенные в его речах, обращенных к императору Мануилу и деспоту Феодору. Сама жизнь и деятельность Плифона, создание им тайного сообщества своих последователей имели ярко выраженную политическую и антицерковную направленность; лишь огромный авторитет Плифона спас его от гибели, помог избежать судьбы его ученика Ювеналия, казненного по обвинению в ереси. Опасность для господствующей церкви учения Плифона хорошо видна из той ожесточенной борьбы, которую вел против него патриарх Геннадий (Георгий Схолярый), предавший беспощадному сожжению знаменитые труды философа. Хотя вся философская система Плифона была облечена в архаическую форму платонизма и язычества, появление ее, на наш взгляд

не случайно — оно знаменует собой глубокий идейно-политический кризис, охвативший византийское общество в XV в.

Что касается политических идеалов византийских гуманистов, то и они, несмотря на господство в них концепции о преимуществе монархии перед другими формами правления (олигархией и особенно демократией), свидетельствуют о решительном отходе гуманистов от господствовавшей в Византии концепции божественности императорской власти. Идеалом правления для большинства гуманистов является теперь мудрый и добродетельный монарх, который правит совместно со своими советниками из числа наиболее честных и образованных граждан, преимущественно философов. На наш взгляд, это чрезвычайно прогрессивное явление, свидетельствующее о качественном новом понимании монархии византийскими гуманистами, хотя у Плифона это опять же облечено в одежды платоновской политики. Бросается в глаза предложение Плифона пополнять императорский совет людьми среднего достатка, так как богатые будут заботиться о дальнейшем своем обогащении, а бедные — о своем пропитании. Бесспорно, это новые и прогрессивные идеи византийских гуманистов, резко контрастирующие с господствующей государственной доктриной. Досадно, что этот чрезвычайно интересный раздел книги заканчивается у И. П. Медведева расплывчатым выводом о том, что «византийские гуманисты... инстинктивно тянулись к идеалу просвещенной монархии» (с. 138).

Специальная глава посвящена социально-экономическим воззрениям византийских гуманистов. Конечно, приходится пожалеть, что в книге отсутствует раздел о социально-экономическом развитии Византии в XIV—XV вв., но мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что при нынешнем состоянии источников такую главу написать очень трудно. Необходимо подчеркнуть, что социально-экономические воззрения византийских гуманистов рассматриваются И. П. Медведевым преимущественно в материале произведений Георгия Гемиста Плифона. Широко используя новейшую литературу и тщательно изучив труды Плифона, особенно его проекты социально-экономических реформ, автор воссоздает стройную концепцию социально-экономического развития Пелопоннеса, выдвинутую Плифоном. Нам кажется достаточно аргументированной гипотеза о том, что в проекте своих реформ Плифон выражал интересы служилой феодальной знати Пелопоннеса, точнее — проиаров, мелкопоместных феодалов, к числу которых сам он принадлежал. Отсюда его недоброжелательное отношение как к высшей феодальной аристократии, так и к монашеству, которое он рассматривает как сословие трутней, вредное для государства (с. 150—151).

Однако нам кажется, что И. П. Медведев недооценил прогрессивное значение реформ Плифона. Для своего времени Плифон выдвинул поистине радикальные реформы, пусть и облеченные в одежду античных реминисценций. Бесспорно, в обстановке господства феодальных отношений надо считать прогрессивным тезис Плифона о том, что «вся земля, как это дано природой, должна быть общей для всех живущих, и никто не должен превращать ее в личную собственность... Каждый должен считаться хозяином возделываемого им участка до тех пор, пока он не оставляет работы на нем, он никому не должен ничего платить, и никто не может вредить ему или препятствовать, кроме того только, кто раньше его получил (этот) участок для обработки, — как устанавливается законом в отношении общей, а не частной собственности» (I, 18).

Не менее прогрессивен и другой тезис Плифона, проходящий красной нитью через все его реформы, — защита трудящегося человека, прежде всего земледельца, пастуха или виноградаря, труд которых рассматривается Плифоном как основа экономического благосостояния государства. Плифон призывает как можно лучше относиться к непосредственным производителям, «этим всеобщим кормильцам», не только защищать их от внешней опасности, но облагать единым справедливым натуральным налогом. В иерархии сословий, на которые должно делиться общество, именно земледельцы-налогоплательщики поставлены на первое место; на втором находятся воины, освобожденные от налогов и обязанные защищать государство, и на третьем — правители, чиновники, управляющие Пелопоннесом.

Плифон сам прекрасно отдавал себе отчет в исключительности и трудной осуществимости своих реформ. Он писал: «Если кому-нибудь покажется, что я излагаю новые и невероятные предложения, пусть он тогда возьмет надо мною верх, когда

докажет, что предлагаемое мною не является наилучшим и выгоднейшим государству и вместе с тем отдельным гражданам» (I, 19).

Бесспорно, И. П. Медведев прав в критике модернизаторских теорий зарубежных авторов, рассматривающих реформы Плифона чуть ли не как социалистические. Но все же, нам кажется, надо было более четко выделить то новое и прогрессивное, что имелось в реформах Плифона.

Многие реформы Плифона были навеяны внешней опасностью, грозившей Пелопоннесу в XV в. Отсюда его тезис о необходимости замены наемного войска местной регулярной армией, его «протекционистская» политика, ограждавшая ремесло и торговлю Пелопоннеса от конкуренции иноземных, в первую очередь итальянских, купцов. Вряд ли это была осознанная политика сельскохозяйственной автаркии Пелопоннеса, она просто диктовалась насущной необходимостью спасения местного производства. И, думается, не следует отрицать, что как укрепление государства, создание армии, улучшение налогового обложения, так и протекционизм отвечали интересам не только сельского, но и торгово-ремесленного населения Пелопоннеса. В целом в оценке социально-экономических реформ Плифона мы склоняемся к тезису о непосредственной связи этих реформ с реальной действительностью. Кстати, этот тезис не нов — он развивался Б. С. Поповым в его диссертации о Плифоне. Поэтому не следовало бы акцентировать внимание на утопичности, бесплодности, отрыве от жизни реформ Плифона. Нам кажется также, что не «возрождавшийся платонизм способствовал возникновению в Византии XIV—XV вв. довольно широко реформационного движения в плане социально-экономических идей» (с. 157), а потребности спасения византийского государства и поиски путей выхода из глубочайшего социально-экономического кризиса породили эти реформы.

Чрезвычайно интересное и насыщенное богатым фактическим материалом исследование И. П. Медведева не лишено, однако, и некоторых недостатков. Прежде всего название монографии несколько шире ее реального содержания. Сам И. П. Медведев, используя работы И. Шевченко, подчеркивает, что в рядах византийских гуманистов насчитывалось большое число ученых: «... из 435 оставшихся нам известными деятелей византийской культуры на протяжении всей истории империи 91 приходится на XIV в. Из них 51 человек (или 55%) может быть приписан к церковной сфере, а 40 (около 45%) от всего числа интеллектуалов XIV в. — светские, *literati*» (с. 13). Между тем в монографии автор рассматривает деятельность сравнительно небольшого числа византийских гуманистов, а всестороннюю оценку по существу дает концепциям только двух выдающихся гуманистов — Георгия Гемиста Плифона и Феодора Метохита и в меньшей степени — Григория и Виссариона. Может быть, было бы лучше вынести в подзаголовок имена Плифона и Феодора Метохита.

Характеристика Метохита была бы еще более полной, если бы автору удалось использовать некоторые его неизданные произведения, в частности поэму Феодора Метохита, обращенную к Никифору Григору (Paris. Gr. 1776, лл. 59—69; Paris. gr. 2751, лл. 40—46), и работы И. Шевченко, Р. Гийана и М. Джиганте об этой поэме. Ведь поэма Метохита представляет собой характерный для гуманистов жанр автобиографии, своего рода исповедь ученого, в которой он рассказывает о самых интимных сторонах своей жизни, о своих этических и эстетических представлениях.

В этой связи следует напомнить об интересной работе И. Ирмшера¹, в которой восточногерманский ученый выдвигает положение о том, что жанр автобиографии появляется в византийской литературе в кризисные, переходные эпохи. Для раннего периода средневековья — это исповедь Августина и произведения Григория Назианзина, а для эпохи гуманизма — упомянутая выше поэма Метохита и ряд других аналогичных произведений.

Книга И. П. Медведева не лишена некоторых модернизаторских тенденций. Так, едва ли следует называть кружки гуманистов «салонами» (с. 19), а встречи итальянских и греческих гуманистов во время Флорентийского собора своего рода «международным симпозиумом», или даже, вслед за Мазэ, Флорентийский собор — «первым международным философским конгрессом» (с. 162).

¹ *Irmischer J. Autobiographien in der byzantinischen Literatur. — Studia Byzantina, 1973, 2, S. 3—11.*

Иногда налицо стилистические небрежности. Так, на с. 31 автор пишет: «В Византии существовала широко разветвленная сеть доносчиков (сикофантов), которых Феодор Метохит называл пиявками, берущими на мушку всех инакомыслящих». Стилистически неудачна также фраза на с. 25 о том, что до XIV в. было возможно совмещение двух традиций развития византийской культуры «не только вовне, т. е. в обществе, но и внутри одного и того же деятеля». На с. 44: Плифон «... одной ногой стоял еще в дремучем традиционализме». Непонятно выражение на с. 155: «прессирование текстов». Трактат Бозия «Утешение философией» ошибочно назван «Утешение философии» (с. 162) и др.

Однако эти недостатки не снижают общего высокого идейного и научного уровня исследования И. П. Медведева. Его монография открывает новое направление в изучении византийского гуманизма как более сложного раздела истории византийской культуры. Огромный материал греческих источников, прекрасное знание новейшей литературы на многих западноевропейских языках, хорошая исследовательская школа, оригинальность и широта научных взглядов — все это позволяет считать монографию И. П. Медведева ценным вкладом в развитие византиноведческой науки.

* * *

З. В. Удальцова

Монография И. П. Медведева посвящена одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем в современном византиноведении и в известной мере в средневековедении в целом.

Разработке данной темы автором предшествовали его многолетние специальные исследования различных вопросов истории поздней Византии (XIV—XV вв.), в особенности истории византийской культуры и проблем общественной и идеологической жизни Морейского княжества, где жили и действовали наиболее видные представители византийской интеллигенции, творчество которых составляет предмет научного анализа И. П. Медведева. Иными словами, книга является итоговым завершением целого цикла работ автора. Многие из вопросов, трактуемых в монографии, уже были затронуты им в книге «Мистра. Очерки истории культуры поздневизантийского города» (опубликована в 1973 г.) и в ряде статей¹.

Монография начинается с краткого (6 с.) введения, в котором излагаются существо проблемы, ее наиболее спорные аспекты и определяется задача исследования — через «возможно более глубокое знакомство с источниками эпохи... попытаться создать обобщающий труд о гуманистическом направлении в рамках византийской культуры XIV—XV вв.» (с. 10).

В современной, по преимуществу в зарубежной — западной и греческой, историографии понятие «византийский гуманизм» трактуется крайне противоречиво: либо как выражение континуитета античной культуры, как непрерывная традиция византийской философской и общественно-политической мысли, сохранявшаяся вопреки господству ортодоксии и религиозной схоластики в течение всей истории империи, либо как периодические «всплески» проявления гуманизма в творчестве отдельных деятелей культуры Византии (так называемая «множественность ренессансов»). При этом одни ученые сближают византийский гуманизм с итальянским, другие противопоставляют эти два понятия, подчеркивая бесплодие, отсутствие творческой мысли и формализм аттицизирующей традиции в трудах гуманистов Византии.

Несмотря на то, что автор хотел бы «чувствовать себя свободным от терминологического гнета, ибо далеко не убежден, что может идти речь о византийском гуманизме как широком культурном движении, выражавшем идеологию нового, нарождавшегося класса буржуазии» (с. 9), сама логика исследования обязывала ученого строить свою работу в сравнительно-историческом плане — анализ осуществляется, явно или в подтексте, в неразрывном сопоставлении основных характеристик византийского гуманизма с идейными критериями итальянского Ренессанса.

И. П. Медведев охватил в монографии широкий круг вопросов, связанных с проблемой византийского гуманизма. Самый крупный раздел посвящен интеллектуальной жизни Византии последнего столетия ее истории, особенностям культурно-общественной среды, в которой вращались и творили изучаемые автором деятели. Рассмотрены вопросы: о неоплатонизме как философской основе творчества гуманистов, об их отношении к христианству, о концепции человека у гуманистов, о характере решения ими философской проблемы причинности и случайности в природе и обществе и, наконец, о политических идеалах и социально-экономических воззрениях виднейших византийских гуманистов XIV и особенно XV в. Заключает книгу особый раздел, где суммируется и сопоставляется общее и специфическое в византийском и итальянском гуманизме.

В книге имеются пять приложений, которые являются ее органической частью и удовлетворяют требованиям старой и доброй научной традиции: в солидном обобщающем исследовании вводить в научный оборот новые материалы источников (задача для медиевиста, в особенности работающего в области зарубежной истории, весьма нелегкая). Автор опубликовал в приложениях впервые переведенный на русский язык весь текст «Законов» Георгия Гемиста Плифона. Кроме того, впервые опубликованы в оригинале (на латинском и среднегреческом) с переводом на русский язык четыре документа из архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, принадлежащие перу западных и византийских деятелей культуры XV и XVII вв. и содержащие новые данные о византийских гуманистах.

Монография хорошо оформлена и тщательно выполнена полиграфически. Аппарат книги составляет около четверти всего ее объема — автор в курсе всей новейшей мировой историографии избранной им темы. Работа завершается списком сокращений и тщательно составленным указателем имен.

Существенным недостатком оформления научной монографии я считаю отсутствие в ней полного списка источников и литературы: получение необходимых справок из подстрочного аппарата, даже при наличии индекса имен, представляется весьма затруднительным.

В первой главе книги И. П. Медведев показал, что византийский гуманизм XIV—XV вв. был явлением, общественно и политически обусловленным. Во-первых, он обладал некоторыми чертами, позволяющими сближать его с западноевропейским Ренессансом. Во-вторых, его формы, специфика и пути развития находились в тесной зависимости от конкретных условий византийской действительности. В-третьих, автору удалось, на мой взгляд, доказать, что передовая мысль в Византии в последнее столетие существования империи находилась в прямой конфронтации с учением византийских ортодоксальных схоластов, известных под именем исихастов. Убедительно выглядит заключение И. П. Медведева, что среди причин, побуждавших деятелей поздневизантийской культуры покидать родину и переселяться в Италию и другие страны Западной Европы, была не только османская опасность, но и преследования со стороны исихастов, представлявших со времени правления Иоанна VII Кантакузина правительственную партию. Считаю совершенно справедливой точку зрения И. П. Медведева на политический исихазм в Византии той поры как на идеологию и практику оголтелой реакции, представлявшей собой византийский вариант средневековой инквизиции: травля инакомыслящих, уничтожение трудов идейных противников, аресты, ссылки, физическое глумление, казни (с. 32—38).

Переходя к вопросу о философской основе византийского гуманизма (гл. II), автор справедливо выдвигает в качестве методологического принципа тезис о необходимости применения структурного метода (учет общественного строя империи, социально-экономических условий ее жизни, особенностей общественно-культурной и социальной среды гуманистов и т. д.), а также генетического подхода к учению гуманистов, позволяющего не только констатировать гносеологические корни их мировоззрения, но и определить специфику этой взаимосвязи. Представляется вполне обоснованным и вывод автора, что философской основой учения гуманистов оставался неоплатонизм — точно так же, как он был основой и самого учения «отцов церкви». Однако в данном случае, как и в случае с «платоновскими академиями» в Италии, гуманисты опирались на те аспекты неоплатонизма, которые были чужды и враждебны

¹ Медведев И. П. Политическая экономия Гемиста Плифона. — ВВ, 33, 1972; Он же. Византийский гуманизм. — ВВ, 1972, № 4; Он же. Современная библиография исихастских споров в Византии в XIV в. — АДСВ, 1972, 1973; Он же. К вопросу о влиянии идеологической борьбы в Византии XIV в. на изобразительное искусство. — В кн.: Искусство и культура Византии. Л., 1975.

христианскому вероучению. Иначе говоря, неоплатонизм гуманистов был не только отличен от неоплатонизма «отцов церкви», но являлся в сущности альтернативой христианству (см. с. 59).

Значительный интерес представляет III глава работы, в которой исследуется сущность критики христианства в трудах византийских гуманистов, и прежде всего в сочинениях Плифона. Автор показал, что гуманисты разрушили монополию церкви на изучение и толкование проблем богословия. Хотя гуманисты XIV столетия оставались в жизни верными сынами церкви и многие из них приняли монашескую схиму, объективно исповедание веры некоторых из них уже нельзя назвать подлинно православным. Безусловный враг христианства Плифон не был, однако, атеистом — он политеист и его политеизм не имел ничего общего ни с христианством, ни с эллинским паганизмом, хотя имена богов плифоновского пантеона в созданной им новой религиозно-системе целиком заимствованы из древнегреческой мифологии.

Сколь искусственно ни выглядит религиозное учение этого философа, из его теологической системы вытекали требования упразднения христианства, ликвидации монашества как общественно вредного института, сведения до минимума роли служителей культа. Ставя вопрос о степени утопичности доктрины Плифона, автор справедливо указывает на ее крайнюю оторванность от действительности. Плифон предпринял попытку обосновать новую идеологию и новую космогонию, которые оправдали бы проведение социальных реформ вне учета условий времени и реального политического климата в стране (в частности, разгула ортодоксального фанатизма, представлявшего угрозу мусульманского завоевания). По мысли И. П. Медведева, в той ситуации, в которой тогда оказалась империя, необходимо было не возрождение подновленного язычества, а реформация церкви (с. 87).

Существенное место в монографии занимает глава IV, в которой рассмотрена концепция человека в миропонимании гуманистов. Вполне оправданным считаю тезис автора, что в данном вопросе византийские передовые мыслители были весьма близки к деятелям итальянского гуманизма. Счастье личности и благоденствие общества находились в центре их размышлений и поисков. Они проповедовали необходимость всестороннего развития личности, ее творческой активности, максимально широкое овладения ею духовными богатствами, ставили задачу исчерпания каждой личности в процессе ее деятельности всех ресурсов своих возможностей. Важным постулатом они считали уважение к чужому мнению и терпимость к инакомыслящим, если те не нарушают общественных законов.

В связи с этим автор вновь — и снова убедительно — противопоставляет этот идеал человека исихастскому мистико-богословскому идеалу человека-созерцателя, стремящегося к трансцендентному слиянию с божеством (с. 89—90).

Наиболее, так сказать, «философской» по содержанию является V глава, где трактуется проблема детерминизма и свободы воли у византийских гуманистов. Выводы этой главы особенно основательно, на мой взгляд, подымают широко распространенное и столь же устаревшее мнение о творческом бесплодии византийской философской и общественно-политической мысли. В противовес этому убеждению автор справедливо акцентирует внимание на таких тезисах учения Плифона, как утверждение о господстве принципа причинности в природе и обществе и всеобщей обусловленности хода событий, о случайности как форме проявления необходимости, о свободе как познанной необходимости и др. Закономерно поэтому и заключение И. П. Медведева, что упомянутые идеи Плифона содействовали десакрализации мысли в эпоху, когда официальные догмы христианства тяготели над умами людей (с. 121).

Вполне оправдано то внимание, которое историк-византист уделил в своей работе политическим идеалам византийских гуманистов, прежде всего Плифона (гл. VI). Это тем более интересно, что Византия переживала в ту эпоху глубочайший кризис и ее положение не могло не волновать гуманистов. Сам Плифон, по словам И. П. Медведева, был порождением «критического состояния византийского общества, стоявшего перед угрозой исчезновения» (с. 44).

В острой полемике с зарубежными историками автор показал, что идеал империи оставался в целом по извечной византийской традиции свойственным и византийским гуманистам. Однако эта империя в их представлениях была несколько иной — она нуждалась в перестройке теократической структуры, поскольку уже не выступала как

высшая стадия государственности в исторической схеме мира, а являлась лишь одним из звеньев в общеполитическом развитии человеческого общества (апогей ее могущества миновал, на смену ей придут иные империи). Таким образом, это уже не империя как «царство божие на земле», а ее император — не помазанник «милостью божией». Он лишь персонифицировал собой (согласно представлениям Плифона) высшую должность в государственной системе и сам должен был отвечать определенным требованиям. Единственной причиной дурного состояния дел Плифон объявлял плохое государственное устройство (с. 132). Император, если он обладает необходимыми добродетелями и является философом, призван провести в жизнь назревшие преобразования. Поэтому вполне оправдан, по моему мнению, вывод автора, что византийские гуманисты инстинктивно тянулись к идеалу просвещенной монархии (с. 138).

В последней (VII) главе анализируются социально-экономические воззрения византийских гуманистов. Предлагавшиеся в этой сфере Плифоном реформы были не менее радикальными, чем в области религии, хотя продуманной и строгой теории, как отмечает автор, у Плифона не было — были лишь постулаты, конкретные рекомендации. Плифон предлагал ликвидировать частную собственность на землю, предоставляя ее бесплатно для обработки любому желающему. Население страны мыслитель видел разделенным на три разряда: на разряд трудящихся (илотов, или эргатов), занятых непосредственно производством потребительских ценностей, разряд обладателей средств производства и разряд управителей и людей, обеспечивающих безопасность.

Налог — именно только натуральный налог — должны были уплачивать лишь илоты. Норма его зависела от того, свои, общественные или принадлежащие другим людям средства производства они использовали в процессе труда. В соответствии с этим Плифон называл источником потребительских ценностей труд, средства производства и условия безопасности. Войны, относимые к третьему разряду, не должны были платить налогов вообще. Мало того, пехотинец должен был обладать одним илотом, всадник — двумя, военачальники — тремя и больше — в зависимости от того, как определит глава государства. Императору также полагалось определенное число илотов, которые, таким образом, рассматривались как своего рода государственные крепостные. Монахам (Плифон называет их «роем трутней») он вообще отказывал в нетрудовых доходах. Кроме того, экономическая система Плифона предусматривала введение протекционизма — высоких пошлин на импорт иноземных товаров и экспорт собственных, в которых ощущалась нужда.

Анализируя эту программу, автор ставит два вопроса: о социальной сущности социально-экономических преобразований, предложенных Плифоном, и о степени их осуществимости в тех условиях. Отвечая на первый вопрос, И. П. Медведев заключает, что Плифон проявил себя в данном случае как выразитель интересов служилой феодальной знати средней руки, а именно — прониаров, получателей условных держаний от короны, ненавидевших, по словам автора, крупных земельных собственников, ибо их земельная собственность сужала возможности получения проний от казны, и заинтересованных в натуральной ренте (а Плифон предлагал именно ее сделать единственной формой налога).

Рассматривая второй вопрос, И. П. Медведев отмечает крайне противоречивые суждения в научной литературе: в советской историографии Плифона определяли как мечтателя и утописта, в зарубежной, напротив, — как «великого реалиста» и даже творца «коммунистической доктрины». Заключение автора на этот счет в сущности совпадает с выводом Б. Т. Горянова, а именно: сколь интересны ни были идеи Плифона, они были совершенно неосуществимы, так как философ игнорировал исторические условия той эпохи (с. 158)².

В заключении автор квалифицирует черты сходства византийского и итальянского гуманизма скорее как внешние и поверхностные совпадения, чем сходство по существу. Византия переживала кризис своей системы, но она до конца дней оставалась феодальной страной. Византийский гуманизм не был идеологией представителей новых форм общественных отношений, как на Западе, он отнюдь не стал общественной и социальной реальностью в качестве творческой и созидательной силы. Его идеи были неведомы

² Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах. Перевод и предисловие Б. Т. Горянова. — ВВ, 1953, 6, с. 395.

широким слоям населения, оставаясь достоянием узкого круга ученых. Все это отразилось и на самом мировоззрении гуманистов. Груз традиционных идей, восходивших к античности и патристической классике, остановил прогрессивных мыслителей Византии на полпути. О византийском гуманизме, пишет в заключение И. П. Медведев, можно говорить лишь как об «аналоге итальянского гуманизма», не как о сформировавшейся системе мировоззрения, а только как о «тенденциях к гуманизму» (с. 161, 169).

Перед Византией XV столетия, говорит автор, стояла альтернатива: либо путь светского гуманизма и включение в общеевропейское русло исторического развития, либо пребывание в застывших рамках ортодоксального ригоризма и консервация византийского средневековья. Исихасты одолели, надев на свободную мысль вериги смирения, а османское завоевание прервало всякую возможность какого бы то ни было выбора (с. 170).

Таковы основные положения монографии. Они, на мой взгляд, вполне оригинальны и достаточно обоснованы материалом источников.

Мои замечания сводятся к следующему. Наименее разработанными мне представляются положения главы о социально-экономических воззрениях византийских гуманистов. Коротко изложенная выше программа реформ Плифона заслуживает более широкого и основательного анализа. Я не намерен ставить под сомнение выводы автора об утопичности этой программы и ее классовой обусловленности. Но я считаю сомнительным, что предлагаемые Плифоном реформы отражали интересы именно византийских проиаров. Как следует из речи Плифона к императору Мануилу II Палеологу, знатным войнам (а среди них как раз было немало проиаров), по мысли философа, полагалось владеть всего тремя илотами, из которых к тому же один должен выполнять одновременно роль не только слуги, но и воина³. Вряд ли такая скромность в пожеланиях (а о том, что нужно довольствоваться самым необходимым, Плифон высказывается многократно) соответствовала помыслам проиаров того времени. То же самое следует сказать и о проекте Плифона ликвидировать частную собственность на землю. Получить проию на основе наследственного права и превратить ее в родовое поместье было в ту эпоху, как принято считать в отечественной историографии предметом домогательств со стороны проиаров.

Нечеткой мне представляется и характеристика отношения Плифона к ремесленникам и торговцам. По словам автора, философ не находит им места ни при характеристике основного податного разряда, ни при распределении национального дохода. Встречающееся же упоминание в речи Плифона об этой категории, по мысли исследователя, «случайно появилось в его записях, будучи или реминисценцией высказывания античных авторов, или попросту констатацией современной ему действительности» (с. 153). Но сколь ни скуп на этот счет Плифон, из его речей с полной очевидностью следует, по моему мнению, что упоминания об этой категории у него отнюдь не случайны и ей отведено философом в его экономической и социальной системе вполне определенное место. Само введение режима протекционизма, предлагаемого философом, предусматривает развитое ремесленное производство. И Плифон действительно подчеркивает, что греки вполне в состоянии обеспечить себя тканями, одеждой и всем необходимым без импорта иноземных товаров (исключение делается им только для железа и оружия). Кстати говоря, эта реформа предполагала защиту отечественного ремесла от конкуренции, в особенности от конкуренции ремесла итальянского. В речи к наследнику престола деспоту Феодору Палеологу Плифон прямо говорит, что под обладателями среднего производства, т. е. под «вторым разрядом» населения страны, он имеет в виду именно «ремесленников, купцов и лавочников»⁴. Именно так трактовал это место и Б. Т. Гряннов⁵.

Несколько более мелких замечаний. Отмечая противоречия во взглядах Плифона и причудливое сочетание в его мировоззрении передовых для его времени идей и остоявшихся положений, И. П. Медведев, однако, считает необходимым защитить философа

от обвинений его некоторыми современными учеными в нетерпимости к чужому мнению, хотя именно Плифон провозгласил тезис об уважении прав инакомыслящих на свои убеждения. Ошибка этих ученых, по мнению И. П. Медведева, состоит в том, что они путают суровость философа к нарушителям закона с его якобы имевшей место суровостью к инакомыслящим (с. 101—102). Я считаю, что в данном случае более правы критикуемые автором исследователи. Ниспровергавший христианство философ предусматривал, кажется, меры по насильственному навязыванию обществу своей космогонии и теософии (придав им силу закона), которые он неоднократно сам оценивал как «наилучшие», мыслимые не иначе, как он «изложил»⁷. В своих «Законах» Плифон выразился на этот счет вполне определенно: сожжению заживо, пишет он, подлежат не только преступившие закон, но и «тот из софистов, который, мудрствуя, выступит против этих наших мнений» (с. 204).

Медведев отдавал себе ясный отчет в том, что переводы стихотворных религиозных гимнов богам, сочиненных Плифоном, представляют необычайную трудность. Он оговаривается во вступлении к переводу, что не претендует на адекватную оригиналу художественную форму (с. 172). Тем не менее, к сожалению, нередко редакция переводов гимнов представляется мало удачной.

Среди крупных обобщающих работ по истории поздней Византии, перечисленных автором (с. 12), почему-то не названа книга К. В. Хвостовой, упомянутая лишь однажды во всей монографии (с. 149).

В заключение еще раз подчеркну, что работа И. П. Медведева представляет собой первую и пока наиболее основательную в советской историографии попытку марксистской трактовки чрезвычайно сложной и широкой проблемы византийского гуманизма. Автору не удалось найти для определения этого специфического общественно-культурного явления достаточно точный и адекватный философский термин, что, кстати говоря, не смогли сделать и его предшественники в научной литературе, но он сумел, на мой взгляд, доказать, что изучаемое им явление выражало тенденцию философской и общественно-политической мысли поздней Византии к гуманизму, соответствующую той стадии исторического развития, на которой империя в эту эпоху находилась.

Г. Г. Литаврин

Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 2. Межвузовский научный сборник/Отв. редактор Г. Л. Курбатов. Л., 1978. 143 с.

Появление межвузовских тематических сборников по истории средних веков — новое и положительное явление в отечественной науке¹. Их публикация дает возможность сконцентрировать внимание ученых на комплексном решении крупных проблем средневековья, объединяет исследователей разных университетских центров страны, способствует обогащению учебного процесса в вузах.

Ряд статей рецензируемого сборника² имеет непосредственное отношение к византиноведению. Сборник открывается работой Г. Л. Курбатова «К проблеме рабства в ранней Византии». В исследовании обобщающего характера автор приводит новые аргументы в пользу концепции о том, что византийское общество IV—V вв. еще в полной мере продолжало оставаться позднеантичным. В качестве основного критерия в определении эволюции этого общества Г. Л. Курбатов выделяет вопрос о рабстве. Считая (так же как А. Р. Корсунский, В. И. Кузищин, Г. Е. Лебедева и др.), что позднеантичному обществу присуще изменение роли рабства в производстве и отношения к нему общества и государства, Г. Л. Курбатов подчеркивает, что, несмотря на все законы об освобождении рабов, главные источники рабства в Византии IV—V вв. не были затронуты, а основная масса рабов еще «воспроизводилась» (с. 4—5). При этом целью ранневизантийского законодательства было не столько прямое использование труда рабов, сколько «прохождение» значительной массы работников через это со-

⁷ Там же, с. 204.

¹ См., например: Средневековый город. Саратов, 1968—1978, вып. 1—5; Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973—1975, вып. 1—2; Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974—1976, вып. 1—3.

² См. рец. на вып. 1 сборника: СВ, 1975, 39, с. 232—235 (А. Р. Корсунский); ВВ, 1977, 38, с. 171—181 (А. И. Озолин).

³ Георгий Гемист Плифон. Указ. соч., с. 401.

⁴ Там же с. 403.

⁵ Там же, с. 407.

⁶ Там же, с. 392.

стояние, эксплуатация труда «бывших» рабов (с. 5). Роль рабского труда в IV—V вв. значительна прежде всего в массовом мелком производстве ранневизантийского города, где рабовладение было широко распространено среди плебейского населения, поддерживалась заинтересованностью последнего и социальными традициями.

Совсем иначе вопрос о характере рабовладения стоял в эпоху османских завоеваний. Этой теме посвящена статья А. Д. Новичёва. Автор отмечает, что рабство «было одним из важнейших средств, при помощи которого турецкий господствующий класс создавал свое государство» (с. 55). Из многочисленных вопросов, предлагаемых А. Д. Новичёвым для характеристики института рабства в Турции, в работе рассматривается лишь один — источники образования и пополнения контингента рабов (с. 57), вопрос этот освещается на основе большого фактического материала разнообразных источников (турецких, византийских, западноевропейских и славянских). Автор еще раз показал огромные масштабы угона в рабство жителей покоренных османами областей и районов, которые подвергались опустошительным набегам турецких феодалов. Погоня за рабами и работорговля были одним из основных средств обогащения турецкой военно-феодалной верхушки.

Н. И. Девятайкина исследует идейно-политические истоки и ведущие принципы этического учения Аврелия Августина. Указывая на «злободневность и политичность» августиновской теологии и этики (с. 104—105, 113), автор рассматривает элементы религиозно-философской системы Гиппонского епископа в связи с глубокими изменениями в социальной и духовной жизни позднеримского общества. Действуя в ситуации глубокого кризиса, в борьбе с многочисленными радикальными еретическими учениями Августин обосновал положение об абсолютном предопределении, о власти, долготерпении и смирении (с. 108). Критика государства вовсе не означает его отрицания Августином (с. 112). Напротив, даже гармонию нематериального небесного Града Августина строит на принципах «чиноначалия и чиноподчинения» (с. 109—110). Защищая церковную ортодоксию от пелагиан и донатистов, Августин выдвигает учение об исключительной роли церкви как единospасающей силы (с. 111). Н. И. Девятайкина приходит к справедливому (хотя и не высказанному со всей определенностью) суждению, что этическим идеалом Августина становится аскетизм (ср., например, особенно яркое место в «Монологах» I, 14 и II, 19, а также «Исповедь»). В интересном исследовании Н. И. Девятайкиной (его продолжение должно быть опубликовано в третьем выпуске сборника) не обошлось без некоторых преувеличений. Автор утверждает, например, что в конце IV—V в. «стоял вопрос о самом существовании» христианской церкви (с. 108), что Августин «доходит до самого настоящего апофеоза смерти» (с. 109). Но совсем точно и положение о том, что под пером Августина «христианское вероучение окончательно принимает те формы, в которых оно выступает затем на протяжении многих столетий» (с. 109). Помимо того, что некоторые положения Августина, несмотря на его огромный авторитет в теологии, вызывали длительную полемику в католической церкви (например, идея об абсолютном предопределении), вряд ли можно говорить о синтезе христианского вероучения на Востоке — до Иоанна Дамаскина, а на Западе — до Фомы Аквината.

Ряд статей сборника представляет интерес для сравнительно-типологического изучения византийского феодализма. Это прежде всего работы А. Р. Корсунского («Об экономической политике государства раннего средневековья в Западной Европе» и Э. Вернера («Изменения в структуре позднесредневекового общества в свете новейших исследований. На примере Италии»). В частности, А. Р. Корсунский показывает активную роль государства в процессе феодализации в странах Западной Европы. Автор приходит к обоснованным выводам о том, что система государственных налогов и повинностей в раннефеодальный период «играла существенную роль в эксплуатации крестьянства, постепенно превращаясь в централизованную форму феодальной ренты, что особые функции королевской власти «обеспечивали ведущую роль королевского землевладения» в экономике общества (с. 17—18), что поступления от имений фиска являлись главным источником государственных доходов (с. 18).

В заключение отметим, что удачно найденному новому жанру публикаций в сборнике «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества» соответствует высокий научный уровень всех вошедших в него исследований.

С. П. Карпов

Н. В. С и н и ц ы н а. Максим Грек в России. М., 1977.

Н. В. Синицыной удалось сказать новое и доказательное слово о творчестве человека, о котором много писали, спорили и, несомненно, будут немало еще писать и спорить.

Монография базируется на поистине огромном материале источников в основном двух типов: сочинения Максима Грека и материалы следствия и двух судов над ним. Источниковедческая изученность огромного корпуса сочинений Максима Грека была до работы Н. В. Синицыной настолько низкой, что исследовательнице пришлось практически впервые решать многие самые фундаментальные проблемы внешней и внутренней критики источника.

Сравнительно небольшие (в сравнении с колоссальным объемом проделанной работы) палеографические и источниковедческие разделы книги принципиально очень важны для нее. Но их значение намного шире темы монографии: это не только обязательный предварительный этап, без которого невозможно истинно научное изучение творчества знаменитого философа. Методика исследования очень интересна и важна для всех, занимающихся древнерусскими рукописями, особенно XVI в. Почерковедческий анализ автографов Максима Грека и близких к нему лиц, с удивительной тщательностью и интуицией проведенный Н. В. Синицыной (а также ее палеографическими единомышленниками Б. М. Клоссом и Б. Л. Фонкичем), позволил не только определить автографы Максима Грека на девяти русских и двух греческих рукописях, но и успешно поставить целый ряд труднейших общих проблем изучения писцовых школ и индивидуальных почерков в средневековых рукописях, многовариантности почерков одного и того же лица и т. д. Особенно интересны примененные Н. В. Синицыной методы, позволившие доказательно сравнить между собой греческий и русский почерки Максима Грека. Итоги проведенного ею почерковедческого анализа — большой успех целого направления современных палеографических исследований. Отметим также, что этот раздел монографии хорошо и обильно иллюстрирован.

Выявление и анализ автографов Максима Грека, значительно расширив первые подобные наблюдения Е. Е. Голубинского, позволили по-новому взглянуть на начальные этапы складывания собраний сочинений афонца, на степень авторского участия в их составлении. Для Н. В. Синицыной это исходный пункт большой работы по систематизации списков собраний сочинений Максима Грека, их датировке, атрибуции. Большой объем наследия Максима Грека и обилие списков (более 300 рукописей XVI—XIX вв.) крайне затрудняли эту работу. Нам кажутся вполне оправданными методы классификации самих произведений Максима Грека, предложенные Н. В. Синицыной. Они гораздо логичнее тех, которые применялись Е. Е. Голубинским и А. И. Ивановым. Целый ряд оправданных заключений, поправок к мнению предыдущих исследователей сделан ею и при атрибуции авторских и особенно переводных трудов Максима Грека.

В спорах последних лет вокруг жизни и творчества философа все большее значение приобретают проблемы датировки ряда его полемических, и в первую очередь нестяжательских, сочинений. Н. В. Синицына занимается ими детально и аргументированно: мы считаем обоснованной предпринятую ею передатировку нескольких важных нестяжательских сочинений Максима Грека, созданных после 1531 г. Основанная на объективных доказательствах, эта датировка, в свою очередь, позволяет более логично проследить этапы развития нестяжательских идей Максима.

Рассуждения Н. В. Синицыной о датировке «Повести страшной и достопамятной и о совершенном иноческом жителстве» можно, на наш взгляд, дополнить: есть одно обстоятельство, не позволяющее датировать Повесть временем ранее 1531 г. На соборном судилище 1531 г. выступил с невероятно путаным доносом дворецкий М. Ю. Захарьин, сообщивший о каких-то слухах относительно причастности Максима к некоей ереси в Италии и сожжении по приказу папы ересиарху и его учеников. Обвинение явно не располагало здесь никакими фактами и поэтому удовлетворилось странным заявлением Максима о том, что он не помнит, было ли такое¹. Если бы упомянутая

¹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подготовил Н. Н. Покровский под ред. С. О. Шмидта. М., 1971, с. 114.

Повесть, с большой любовью рассказывающая о проповеди и подвиге Савонаролы, была уже написана тогда, вряд ли она прошла бы мимо внимания судей, тщательно искавших в сочинениях Максима улики против него.

Наряду с сочинениями Максима Грека Н. В. Синицына широко и умело использует такие сложные, тенденциозные источники, какими являются Судные списки 1525, 1531 и 1549 гг. и отрывки следственного дела 1525 г. В объяснении спорных вопросов, связанных с соборными судами над Максимом Греком 1525 и 1531 гг., наши выводы сходятся с выводами Н. В. Синицыной. Сделанное ею на основе нашего издания Судных списков и других источников предположение о возможности освобождения Максима Грека уже в 1547—1548 гг. (с. 151—152, 159) кажется нам очень заманчивой и довольно вероятной гипотезой. В то же время мы не считаем убедительной попытку решить вопиющие внутренние противоречия приговора Судных списков и Выписи о втором браке Василия III допущением, что Максим после обоих судов был отправлен в одно и то же место — в Иосифо-Волоколамский монастырь (с. 149).

Несомненным достижением Н. В. Синицыной следует признать доскональный подчас пословный анализ двух отрывков светского следствия 1525 г. по хранящемуся в ЦГАДА подлиннику, который считался утраченным (с. 131—139). Оправданным кажется и общее, крайне критическое отношение исследовательницы к этому источнику и главный ее вывод: отрывки не дают оснований для утверждений, прозвучавших в исторической литературе², о предательстве, совершенном на следствии 1525 г. Максимом Греком по отношению к Берсею Беклемишеву.

На наш взгляд, наиболее существенной теоретической разработкой, которой обогатила нас монография Н. В. Синицыной, является ее анализ центральной проблемы изучения идеологии Максима Грека — проблемы характера его нестяжательских взглядов. Исследовательнице удалось очень непростое дело: ясно выделив основную социальную ноту нестяжательского творчества знаменитого философа, она не утратила и тех обертонов, без коих уникальная мелодия творчества Святогорца превращается в стандартизированный мотив, лишенный специфики времени, места, личности.

Нестяжательство Максима Грека представляется нам теперь очень логично связанным и с предшествующей историей развития этого направления в России, и с законами функционирования систем общеправославной этики. Последнее особенно хочется подчеркнуть: Н. В. Синицыной великолепно удается показать, что в анализ нестяжательских взглядов Максима не только должно, но и вполне возможно проверить принципиальное различие между тем, какое место занимали эти взгляды в сочинениях самого философа, в его системе мировоззрения, и какое звучание получали они в обществе того времени. При всей простоте и общепризнанности этого методологического требования осуществить его подчас бывает не так легко.

Последовательное применение его к Максиму Греку потребовало от исследовательницы тщательного анализа семантики важнейших терминов, употребляемых философом. При этом особое значение имеет подробное рассмотрение употребления Максимом терминов «стяжание» и «нестяжание», «бедность». Обнаруживается, что у такого видного нестяжателя, каким являлся Максим, значение этих терминов гораздо более сложно, социально менее однозначно, чем это обычно представляется. Самым главным является здесь во многом удивительный, но подкрепленный неопровержимыми доказательствами факт, что нестяжательство Максима было направлено не только против эксплуататорской практики монастырей-феодалов, но и против секуляризаторских тенденций светской власти. Это один из поразительных примеров того гораздо более конкретного знания данной идеологической системы, которое стало возможно в итоге работы Н. В. Синицыной.

Следует отметить, однако, что наличие этого второго звучания нестяжательства в поздних сочинениях Максима Грека отнюдь не делало из него осифлянина, не превращало его в противника идеологических тенденций Нила Сорского. Максим (как и Нил) пришел к своему нестяжательству от христианской, в первую очередь монашеской этики; это в работе Н. В. Синицыной показано замечательно: нестяжательство для него — прежде всего одна из трех главных монашеских добродетелей (с. 105). И в этом плане исследовательница совершенно справедливо и уместно напоминает положение

о том, что в создании средневекового общества «именно идеальное (дубликатное) бытие монастыря в качестве *ἀγγελικὴ πολιτεία* делало в конечном счете необходимым внешнее обеспечение его источником существования, его реальное бытие как присвоителя чужого прибавочного продукта»³. Поэтому проявление социальных тенденций в правоучительных трактатах, посвященных монашеской теории и практике, не может быть таким прямым и одноплановым, как этого хотелось бы многим историкам XX столетия. Поэтому же по ряду важнейших составных частей идеологии нестяжательства последователи Нила Сорского не могли расходиться и действительно не расходились с последователями Иосифа Волоцкого. Н. В. Синицына интересно показала это на примере обязанности личного труда монахов. Она подчеркнула, что «нестяжание» монаха как одна из главных его добродетелей восхваляется и Иосифом Волоцким и митрополитом Даниилом — все дело в том, какие «различные варианты решения вопроса об источниках монастырского благосостояния» предусматривает «нестяжание» различных идеологов, переходя из этической сферы в область социальной практики» (с. 105).

Представления самого Максима Грека в этой последней сфере прослежены Н. В. Синицыной с той полнотой, с какой позволяют источники; особенно ценно сопоставление с другими идеологами XVI в. Обнаружилось, например, что нестяжательство Нила Сорского в социальном плане гораздо радикальнее взглядов Святогорца. Если учесть, что нестяжательские взгляды Максима, с которыми он приехал на Русь, претерпевали изменения, но наиболее полно и последовательно были выражены лишь в его поздних сочинениях, в последней стадии эволюции, то можно будет говорить о том, что к середине XVI в. пик расхождений между нестяжателями и осифлянами был позади (он приходился на время после осуждения ереси жидовствующих и до осуждения ереси Башкина). Недаром столь гибкий и широкий по своим взглядам осифлянин, каким был митрополит Макарий, смог найти место для сочинений Максима на страницах своих Великих Миней Четых.

Вместе с тем не следует, говоря о проблемах нестяжательства, преувеличивать степень сближения взглядов Максима и Макария: Максим Грек, несомненно, является видным критиком современной ему социальной практики монастырей-феодалов, и это в конечном счете оказалось главным. Н. В. Синицына хорошо видит, что именно такая характеристика является основной при оценке нестяжательства Максима Грека; тем не менее хотелось бы, чтобы данное положение, бесспорно разделяемое исследовательницей, было акцентировано сильнее (в том числе и на с. 213, где говорится о возможности определенного сближения нестяжательства Максима и позиции Макария по проблемам секуляризации церковных имений). Этого требует сама структура анализа Н. В. Синицыной, стремящейся определить глубину эмоциональных критических высказываний Максима в адрес социальной практики монастырей-феодалов и справедливо предостерегающей от преувеличения этой глубины.

В монографии подчеркивается, что уже в первой главе своих сочинений Максим «пишет, что проповедует иноческое житие «без всякого лихоимственного резвоимания и неправды и хищения чужих имений и трудов». Автор понимает, что это могло послужить причиной его обвинения в еретичестве» (с. 213). (Кстати говоря, уже это свидетельствует о весьма значительной дистанции между нестяжательством Максима и взглядами Макария.) Но при более подробном рассмотрении Н. В. Синицыной практической стороны этого всеобщего принципа «нестяжения» оказалось, что «критикуемые Максимом Греком явления касаются не самого факта феодальной эксплуатации, а ее крайностей, злоупотреблений, превышения традиционной ренты». «Говоря о «селах», он не отрицает прав монастыря на владение ими, он обличает поведение и практику монастырских властей», он «осуждает 1) кабальные формы эксплуатации, тесно связанные с ростовщической деятельностью монастырей в принадлежащих им владениях, 2) отношение к феодально-зависимым крестьянам, как к холопам» (с. 199—200).

Этот социальный анализ справедлив, но требует, на наш взгляд, двух уточнений. Во-первых, хотя критика Максима действительно направлена в приводимых текстах Беседы Ума к Душе не против основного принципа феодального землевладения православной церкви, а против «крайностей» феодальной эксплуатации, это как раз такие крайности, которые в XVI в. все более и более определяли главную перспективу раз-

² Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 278—279.

³ См.: ВВ, 1971, 31, с. 53.

вития русского феодализма в сторону крепостничества. Поэтому и традиционная для церковной идеологии борьба против похолощения и ростовщичества выглядела уже совсем не так, как в идиллические времена Киевской Руси, — это была теперь безнадёжная для Максима попытка затормозить сползание феодальных отношений в сторону полукабального крепостничества — реакционный по сути процесс, в котором иосифлянским монастырям-феодалам принадлежала важная новаторская роль. В борьбе с ним традиционализм Максима (который здесь, подобно действиям крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря во время волнений конца XVI в., направлен против лихоимственной практики закабаления) представляется объективно довольно радикальным.

Во-вторых, само признание Максимом землевладения монастыря-киновии в системе его конкретно-социальных, практических взглядов все же неотделимо от общего осуждения им стяжания чужого труда и «имения» в его этической системе. Н. В. Сiniцына хорошо анализирует данную связь для характеристики последней системы, но ведь эта связь — двусторонняя. Становящееся все более утопическим в обстановке наступления крепостничества стремление Максима ограничить крайности феодальной эксплуатации проистекает все-таки из его общей нестяжательской концепции и окрашено ее духом.

Нам представляется очень интересной приведенная Н. В. Сiniцыной характеристика идеала Максима Грека во взаимоотношениях монастыря с «подручными селянами»: «было бы им утешение немало, еже от тебе взаим даемое им серебро, аще бы без росту. . . взаим даил им, и от не могущаго одати последия ради нищеты не истязал бы от него ниже росты, ниже саму истину» (с. 207). Ссылаясь на работы Л. В. Черепнина и Г. В. Абрамовича и других о роли феодального кредита в организации производства, исследовательница считает, что осуществление идеала афонца «максимально способствовало бы проявлению именно этой черты кредита как организатора феодально-производственного процесса. Нам, однако, кажется, что беспроцентный, а подчас и безвозвратный кредит, о котором пишет Максим Грек, был в интересах не столько феодального производства, сколько крестьянского хозяйства и явно противоречил той феодальной практике экономического прикрепления к земле, которая все больше становилась важной реальностью этого производства.

В целом же анализ нестяжательства Максима Грека сделан Н. В. Сiniцыной с мастерским умением проследить доминанту через все противоположные отклонения, избегая вульгаризаторской односторонности и столь понятного стремления завысить уровень «социальной сознательности» своего героя. Она справедливо подчеркивает, что при всей сложности проблемы основу этих его взглядов представляет все же «критика именно монастырской стяжательской практики. . . Поэтому он и предстает как нестяжатель по преимуществу, именно таковым воспринимали его современники, хотя его позиция (и субъективно, и объективно) была более сложной, не столь однозначной» (с. 215).

Подводя итог вопросу о восприятии социальной позиции Максима, Н. В. Сiniцына правильно заключает: «В сочинениях Максима Грека главным для его читателей мог стать факт его критики в адрес монастырских феодалов, их жестокого обращения с подручными крестьянами, а также его гуманная позиция по отношению к эксплуатируемому сельскому населению» (с. 209).

Мы не будем останавливаться подробно на других сторонах мировоззрения Максима Грека, интересно анализируемых исследовательницей. Отметим лишь два момента. Во-первых, рассматривая цикл сочинений Максима, направленных против астрологии, Н. В. Сiniцына делает одно важное наблюдение. Максим борется с астрологией отнюдь не только потому, что она разрушает христианские представления об изначальной божественной детерминированности мира, о божественном промысле, но и потому, что одновременно рушится тезис о самовластии человеческой воли и разума (с. 94—103). Обращение Максима Грека к теме самовластия («самовластное освобождение разума»), по мнению Н. В. Сiniцыной, не случайно. Эта тема занимала видное место и в творениях византийских «отцов церкви», и в сочинениях итальянских гуманистов, и в спорах русских еретиков XV—XVI вв. со своими противниками. Хотя Н. В. Сiniцына считает, что определение места Максима Грека в этом ряду выходит за рамки ее темы, представляет несомненный интерес ее замечание о различии подхода Максима Грека и Иосифа Волоцкого к проблеме самовластия человека.

Второй вопрос, где Н. В. Сiniцыной, несмотря на неизбежную лапидарность изложения, удалось сделать важные наблюдения, — понимание Максимом общественной задачи философа, его права давать советы, наставления правителю (с. 146—148). Конечно, эта важная тема требует особого исследования, но представляется бесспорным, что Н. В. Сiniцына заложила для него хорошую основу.

В заключение хочется сказать, что интересная монография Н. В. Сiniцыной, тщательная и многоплановая, ставит перед нашей наукой важнейшую практическую задачу — осуществить, наконец, полное издание сочинений Максима Грека. Дальнейшее откладывание этого дела все больше оборачивается непростительным невниманием к истории отечественной культуры. Хотя Максим Грек написал очень много, не забываясь о современных издательских проблемах, применяясь к техническому уровню скриптория, а не типографии, издание это готовить надо, несмотря на всю трудоемкость такой работы. Исследование Н. В. Сiniцыной сделало немало для подготовки такого издания и показало всю необходимость его.

Н. Н. Покровский

Некоторые проблемы истории поздневизантийского города в новейших исследованиях

Поздневизантийский город является актуальной сферой изучения в современном византиноведении. Рассматриваемые здесь работы отражают, с одной стороны, очевидный интерес, проявляемый в последнее время авторами к позднему периоду истории Византии, а с другой — свидетельствуют о различиях в характере и методах исследования данной проблематики.

Историографическая статья В. Гроховой посвящена рассмотрению современного состояния исследований о средневековом городе Юго-Восточной Европы на основе болгарского, югославского и греческого материалов, относящихся к периоду с XII по XV в.¹ Выбор указанного региона говорит о том, что автор исходит из идеи об определенной общности развития города на территории, лежащей к югу от Дуная. Особенно интересен балканского города по сравнению с западноевропейским во многом определялись общим развитием экономических и социальных процессов в Юго-Восточной Европе, изучение которых имеет большое значение для определения существенных черт городской жизни данного района (с. 590)². Отмечая дискуссионность проблемы специфики балканских городов и их внутренней типологии, В. Грохова раскрывает в своей статье тот важный вклад, который сделала марксистская историография в разработку этой проблемы, преодолев предшествующую ориентацию на изучение нескольких византийских городов (таких, как Константинополь и Фессалоника) и подходя к исследованию города как «комплексному целому». Благодаря работам историков Болгарии и Югославии возросло внимание к менее значительным городским центрам, создана фактологическая база для новых исследований. Решение проблем балканского города, как отмечает В. Грохова, в значительной мере затрудняется спорами вокруг самого понятия «город» (с. 585). Эта неопределенность вытекает не в последнюю очередь из противоречивости средневековой терминологии, которая, по мнению автора статьи, является недостаточно прочным основанием для характеристики того или иного поселения как города (с. 585).

Останавливаясь на источниковедческой базе, необходимой для решения поставленных задач, В. Грохова полагает, что сведения о средневековых балканских городах нельзя искать только в официальных документах, поскольку среди них преобладают грамоты, связанные с упорядочением дальней торговли, прежде всего — с итальянскими городами-республиками. Переоценка данного типа источников привела бы

¹ Hrochová V. Současný stav bádání o středověkém městě v Jihovýchodní Evropě. — Československý časopis historický, 1977, 25, с. 4, s. 585—606.

² См. также: Тодоров Н. Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 21—71; Hrochová V. Byzantská města ve 13.—15. století. Příspěvek k sídelní topografii středověkého Recka. — AUC, Philosophica et Historica Monographia, 1976, 20; Eadem. Les villes byzantines aux 11e—13e siècles: Phénomène centrifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? — XVe Congrès International d'Etudes Byzantines. Rapports et Co-Rapports, I. Histoire. Athenes, 1976, p. 2—14.

к реконструкции сети балканских городов как торговых колоний итальянского купеческого капитала (с. 587). Вследствие этого исследовательница большое значение придает комплексному анализу источников, важное место среди которых отводится до сих пор недостаточно изученным и используемым сообщениям путешественников и средневековым хроникам. В последней группе источников как сравнительно надежные исторические сочинения упоминаются труды Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина (с. 588).

Трудность в определении понятия «город» для Юго-Восточной Европы также связывается В. Гроховой до известной степени со спорностью применения для этого региона основного тезиса, согласно которому города возникли в результате второго общественного разделения труда. Характер источников не позволяет определить ход и проявление последнего: «Археологические источники подтверждают ремесленное производство в городах, однако вовсе не как исключительно городское явление» (с. 601). В связи с этим ставится вопрос: каким же путем можно подойти к определению городского характера того или иного поселения? На наш взгляд, исходная теоретическая позиция В. Гроховой при ответе на этот вопрос не бесспорна. По ее мнению, город в системе феодальных отношений представлял собой «чужеродный элемент» (с. 585), т. е. нефеодальный по своему существу. И в то же время, выдвигая свой функциональный критерий в определении города, В. Грохова видит основное отличие города от деревни в неземледельческом занятии его населения (с. 601). Однако, как уже было отмечено, В. Грохова отнюдь не считает ремесленное производство исключительно городским явлением. Что же касается неземледельческих функций города, среди которых исследовательница выделяет торговую, ремесленную, военную, политическую функции, в то них, по нашему мнению, нет ничего нефеодального в своей основе. В противном случае пришлось бы рассматривать балканский город XII—XV вв. не как вполне определенное господствующей системой отношений историческое явление, а как некий вневременной, внеисторический феномен.

Исходя из результатов новейших исследований и применяя функциональный критерий, В. Грохова предлагает следующую типологию средневековых городов Юго-Восточной Европы:

- 1) самые важные центры дальней и местной торговли и ремесленного производства (Фессалоника, Патры, Дубровник, Арта, Задар, Сплит и др.);
- 2) центры дальней и местной торговли, которые по численности населения и своему значению находились в тени крупных эмпориев (София, Ларисса, Белград, Ниш и др.);
- 3) города, значение которых было тесно связано с их функцией в сфере торговли;
- 4) города со специфической ориентацией на горное дело (Ново Брдо, Сребреница и др.);
- 5) города, выполняющие, насколько можно судить в настоящее время, только политическую, административную или военную функцию и не имеющие никакого экономического значения.

Предложенная типология до известной степени дает возможность разрешить некоторые трудности терминологии источников, однако очевидна и ее односторонность, так как лежащий в ее основе функциональный критерий при всей его существенности в силу частого смешения различных несельскохозяйственных функций того или иного городского поселения может дать лишь более или менее ориентировочные оценки. С другой стороны, рассматриваемая типологическая схема оставляет в тени весьма существенные моменты социально-политического развития балканского города и, наконец, не отражает динамики, основных тенденций в городском развитии Юго-Восточной Европы в XII—XV вв.

Одно из основных направлений в современной разработке проблем поздневизантийского города представляет статья немецкого историка К.-П. Мачке, в центре внимания которого лежат спорные вопросы социальной структуры, политического развития поздневизантийской столицы³. В отличие от работы В. Гроховой в статье К.-П. Мачке основной упор делается на важные моменты внутреннего развития Константинополя

XIV столетия, города, как известно, занимавшего особое положение среди византийских центров и на котором В. Грохова специально не останавливалась.

Детально анализируя различные по времени и характеру источники, К.-П. Мачке ставит своей задачей не только исследование института димархов, раскрытие их действительной роли и значения в системе государственного и городского управления, но и изучение роли народных масс в политических движениях византийской столицы и других городов в период гражданских войн первой половины — середины XIV в. Полемизируя с западногерманским историком Г. Вайсом, который ссылкой на деятельность димархов частично аргументирует положение о том, что поздневизантийский город не только в теории, но и в действительности был демократией (с. 213), К.-П. Мачке приходит к противоположному выводу (с. 231). Уже из этого становится ясно, какое принципиальное значение имеют поднимаемые в статье вопросы взаимоотношений между представителями господствующего класса, димархами и основной частью населения Константинополя.

С одной стороны, К.-П. Мачке на основании имеющихся источников, главным образом исторических сочинений современников описываемых событий — Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина, показывает очевидное оживление политической активности народных масс византийской столицы в условиях гражданских войн XIV в. Так, говоря об участии «месой», упоминаемых Кантакузиным, в событиях, связанных со взятием Константинополя Андроником III 28 мая 1328 г., К.-П. Мачке определяет их как представителей «средних слоев города», которых в армии молодого императора находилось «целое множество» (с. 220). Здесь же отмечается, что в острой политической борьбе за власть Андроники вынуждены были опираться на ремесленников и другие слои городского населения. Интерпретация К.-П. Мачке данного места из сочинения Кантакузина сходится с мнением И. Шевченко⁴, однако автор рассматриваемой статьи дает «средним» более развернутую и конкретную характеристику. К.-П. Мачке специально не останавливается на роли этой социальной группы в политической жизни Константинополя, возможно, из-за скудости сведений, которые сообщают о них поздневизантийские авторы. На наш взгляд, выявление степени участия столичных «месой» в событиях гражданских войн, определение характера и роли этого слоя населения в социальной структуре Константинополя имеет важное значение для характеристики масштабов и самого социально-политического содержания движения народных масс. Очевидно, не случаен тот факт, что достаточно подробные сообщения Кантакузина об участии «месой» в фессалоникских и адрианопольских событиях связываются им с различными этапами политической борьбы в указанных городах.

Отмечая определенное увеличение удельного веса производительных городских слоев в политической жизни Константинополя, К.-П. Мачке в то же время не склонен переоценивать их активность и реальные возможности. Слабость ремесленных слоев, составлявших основу охраны и обороны византийских городов, К.-П. Мачке видит и в том, что в наступательных действиях за пределами городских стен они в силу своей неподготовленности привлекались в ограниченном масштабе (с. 221). В отличие от Западной Европы, где милиция и городские ополчения часто играли значительную и даже решающую роль в политико-военных столкновениях, в поздней Византии указанные институты неизвестны и, как полагает К.-П. Мачке, «этот факт имел большое значение для поражения народного движения против магнатов в 40-е годы XIV в.» (с. 221).

В непосредственной связи с оценкой роли городских низов в политической жизни Константинополя и других городов дается характеристика института димархов. Если в последних Г. Вайс видит представителей, вождей, выразителей интересов народа, то, напротив, К.-П. Мачке считает, что «димархов надо рассматривать прежде всего в качестве агентов государства, но не как исполнительный орган воли народа» (с. 224, 231). Однако, отмечает он, в некоторых случаях, как, например, в событиях, связанных с выступлением Алексея Апокавка против Кантакузина в 1341 г., димархи могли использоваться как инструмент в руках господствующей верхушки города для активизации низших слоев населения (с. 222). В определенных исторических ситуациях на

³ Matschke K.-P. Rolle und Aufgaben der Demarchen in der spätbyzantinischen Hauptstadt. Ein Beitrag zur Geschichte der Stadt und der städtischen Bevölkerung in Byzanz. — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus, 1977, 2, S. 211—231.

⁴ Шевченко И. Alexios Makrembolites and his Dialogue between the Rich and the Poor. — ЗРВИ, 1960, 6, p. 200.

роль димархов претендовали люди, происходившие частично из нижних слоев и из тех групп, которые на протяжении всей гражданской войны решительно и наиболее последовательно выступали против натиска магнатов (с. 224). Но выдвижение их исходило не от народа, а от вождей формирующегося регентства; они символизировали лишь временное сближение руководителей с народом, сближение, связанное со сложными перипетиями гражданской войны. Попытки отождествления димархов с представителями народа и народных движений в городах, как это делает Г. Вайс в отношении адрианопольского восстания 1342 г., К.-П. Мачке считает сомнительными (с. 222).

Находящийся в распоряжении исследователей материал относительно поздневизантийских димархов очень фрагментарен, но он, по мнению автора рассматриваемой статьи, достаточен для понимания важных сторон их деятельности. Среди основных задач, выполняемых димархами, К.-П. Мачке выделяет следующие: обеспечение безопасности и спокойствия, охрана господствующего порядка внутри и извне (с. 231). Характер института димархов, определяемый прежде всего проведением в жизнь политики государства, по мнению К.-П. Мачке, не был определен раз и навсегда, но в значительной мере зависел от соотношения сил в столкновениях господствующего класса и городских народных масс.

Исследуя вопрос о димархах, К.-П. Мачке также ставит вопрос о структуре и организации столичного населения. Историк считает, что организация жителей Константинополя в поздневизантийский период имела простейшую форму и определялась совместным проживанием, хотя, возможно, она включала в себя различные другие элементы и остатки более ранних организационных форм (с. 231). Расселение ремесленников разных специальностей по тем или иным кварталам столицы вполне согласовывалось с деятельностью димархов, привлекавших жителей вверенных им районов к несению караульной службы и осуществлению мероприятий по обороне города.

Давая общую оценку внутривизантийского развития поздневизантийской столицы, К.-П. Мачке подчеркивает тот факт, что «Константинополь был в палеологовское время не островом классового мира или только аренной конституционной деятельностью народа, но звеном в цепи столкновений, которые потрясли XIV столетие» (с. 231).

В рассматриваемых статьях В. Гроховой и К.-П. Мачке среди прочих трудностей при изучении проблем поздневизантийского города отмечается скудость и фрагментарность имеющихся данных источников. К числу наиболее важных памятников оба исследователя относят «Историю» Иоанна Кантакузина, которой принадлежит особое место среди источников по истории поздней Византии. Автор этого обширного труда, имеющего мемуарный характер, был не только одной из главных политических фигур XIV в. — наряду с Никифором Григорой он является основным историком эпохи, наиболее драматичной и насыщенной решающими для нее событиями. Его труд важен не только для византийцев, но и для всех, кто изучает картину сложного переплетения экономических и политических интересов различных государств Европы в Восточном Средиземноморье. Между тем до сих пор отсутствует полный комментированный перевод этого самого значительного произведения Кантакузина.

В 1977 г. была опубликована диссертация американского исследователя Т. Миллера, представляющая собой комментированное издание (с переводом текста на английский язык) первой части 4-й книги «Истории» Иоанна Кантакузина⁵. Интерес автора издания к этой части источника, очевидно, объясняется, с одной стороны, тем, что рассматриваемые здесь события 1347—1349 гг. по существу подводят итог предшествующему периоду развития византийского общества; с другой стороны, этот интерес обусловлен тем богатым материалом, который содержит кантакузинское повествование по военной, политической, идеологической и социально-экономической истории Византии XIV в. Важно то, что автор диссертации анализирует и оценивает «Историю» как исторический источник в целом.

Структура издания Т. Миллера следующая: общее введение (с. 1—6), введение в текст (с. 7—39), текст (с. 40—146), английский перевод (с. 147—237), комментарий (с. 238—395).

⁵ Miller T. S. The History of John Cantacuzenus (Book IV): Text, Translation and Commentary. Washington, 1977, p. 1—395.

Текст предваряет специальное введение, где Т. Миллер дает общий историко-филологический анализ источника, подробно останавливаясь на особенностях каждой из шести рукописей «Истории», четыре из которых (S, L, B, P) относятся к XIV в., две другие (M, G) датируются XVI в. Внимание исследователя сосредоточено главным образом на рукописях S, L, B, P, являющихся, по его мнению, списками, скопированными с личных записей Кантакузина примерно в одно время — в 1369 г. (с. 30).

Характеризуя предшествующие издания источника, автор отмечает, что все они, за исключением боннского, основывались практически на какой-либо одной рукописи (с указанием вариантов чтения текста по другим рукописям). Так, самое раннее (1645 г.) парижское издание, воспроизводившее греческий текст по манускрипту P, содержало ряд недостатков, имевших основанием не только рукописные ошибки (с. 33). Последующее венецианское издание (1729 г.) было лишь отчасти исправленной перепечаткой парижского текста. Парижская версия использовалась также при издании «Истории» в Боннском корпусе (1828—1832 гг.). Здесь на основе мюнхенской рукописи G были исправлены ошибки парижского издания — как те, которые происходили из особенностей чтения рукописи P, так и типографские ошибки самого издания. Посредством работы над рукописью G были приведены в соответствие разночтения рукописей B и L. Таким образом, боннское издание учитывает три рукописи XIV в.: G, B, P (с. 34). Последнее полное издание «Истории» было опубликовано Минем в 1866 г.; это издание не использует улучшенный текст Боннского корпуса, а опирается, скорее всего, на венецианскую версию, сохраняя многие ошибки парижского текста (с. 35).

Реконструируя текст 4-й книги «Истории», Т. Миллер впервые использовал все шесть известных рукописей, причем S, L, B, P рассматриваются им в качестве первоначальных списков работы Кантакузина (с. 36). Во всех спорных случаях выбор чтения основывается на требованиях грамматики и контекста. Варианты чтения, содержащиеся в манускриптах, указаны в аппарате. Разделение на главы, установление их названий, нумерация глав основаны в издании на сопоставлении списков L и B. По мнению Т. Миллера, «они дают подразделения текста, которые если Кантакузин сам и не составлял, то определенно видел и, вероятно, одобрил, так как они находятся среди копий, изготовленных в хорошо известном ему скриптории» (с. 36). Таким образом, в работе Т. Миллера мы имеем первое критическое, с учетом всех имеющихся рукописей, издание одной из наиболее важных частей «Истории» Кантакузина.

В понимании характерных особенностей комментария Т. Миллера к публикуемому им источнику многое объясняет общеисторическая позиция исследователя, которой присущ известный субъективизм в оценке исторических судеб византийского государства. Так, он пишет: «Победа турок не была неизбежной, и, конечно же, она не казалась таковой для людей того поколения. Этот триумф был результатом серии человеческих решений, которые разрушили византийское государство и устранили какое-либо сопротивление продвижения турок в Европу. Человеком, принявшим многие из такого рода решений, был Иоанн Кантакузин» (с. 1—2).

Давая отрицательную оценку роли Кантакузина в гражданской войне, Т. Миллер упускает из виду, что последняя была вызвана отнюдь не только «серией человеческих решений», но всем комплексом политических и хозяйственных причин при взаимодействии внутреннего и внешнего факторов. Автором не вскрываются социальные, экономические корни противоречий, лежавших в основе борьбы различных сословий поздневизантийского общества. Политическая позиция самого Кантакузина характеризуется весьма неопределенно, и лишь вскользь упоминается о земле и деньгах, за которые боролись сторонники Кантакузина (с. 4). Противоречия между приверженцами и противниками императора по существу сводятся к внешним проявлениям соперничества за власть в государственном аппарате. Трудно сказать, считает ли автор комментария Византию XIV в. феодальным государством. В его терминологическом арсенале отсутствуют такие понятия, как «феодализм», «феодальный» и т. п. Методологическая слабость Т. Миллера обнаруживается как в отсутствии четких характеристик отдельных исторических явлений, так и в неясности общей социально-экономической картины поздневизантийского общества, которая вырисовывается из введения и комментария.

Комментарий, в основу которого, как можно заключить из замечания Т. Миллера, положен принцип проблемного рассмотрения материала источника и относящейся к нему литературы (с. 1), в действительности имеет скорее историко-описательный,

справочный, нежели исследовательский характер. Но часто, не вдаваясь в анализ событий, автор тем не менее дает богатую фактологическую базу, привлекает различные источники, что является важным достоинством настоящего издания.

Значительная часть комментария посвящена социально-экономическим проблемам поздневизантийского общества, в частности его городской жизни. Городские поселения Кантакузин обозначает в зависимости от главной или совокупности основных функций терминами *ἡ πόλις*, *τὸ φρούριον*, *τὸ πολίχιον*, причем почти во всех случаях подчеркивается значимость этих поселений как военно-политических, административных центров. В условиях постоянной военной угрозы извне и внутривизантийской напряженности появление новых городов-укреплений, как и возрастание значимости старых центров обороны, отражает, на наш взгляд, определенную тенденцию развития поздневизантийского города, которая должна учитываться при выработке типологической схемы развития последнего. Т. Миллер дает достаточно историко-географические сведения об упоминаемых Кантакузиным городах (с. 249, 250, 279, 280, 284, 323, 331—333), особо отмечая их стратегическую значимость, однако не делает попытки выявить различия в терминологическом диапазоне Кантакузина при обозначении различных видов городских поселений. На трудность выделения типологических особенностей византийского города с опорой на терминологию поздневизантийских источников указывает В. Грохова в рассмотренной выше статье.

В связи с изучением событий гражданской войны среди важных сюжетов, которые активно разрабатываются в современной историографии, Т. Миллер поднимает вопрос о так называемой поздневизантийской «народной ассамблее», привлекая при этом в качестве параллельных Кантакузину источников свидетельства Никифора Григора и Алексея Макремволита (с. 289, 290, 291, 297, 337, 338). Исследователь считает, что «народные ассамблеи» сыграли важную роль в политической жизни XIV столетия (с. 289). Отмечая существование известных различий между константинопольскими всеобщими ассамблеями и народными собраниями провинциальных городов, автор не ставит перед собой задачу выявления этих особенностей, ограничиваясь рассмотрением «нормальной», «сбалансированной» структуры ассамблеи (с. 290), в рамках которой пытается в общих чертах определить роль и положение различных социальных групп города. Менее всего организованным, по его мнению, является демос, роль руководителя которого в некоторых случаях играли димархи (с. 291). Очевидно, в данном вопросе Т. Миллер солидарен с упоминавшимся выводом Г. Вайса, который расходится с точкой зрения К.-П. Мачке. Последний вообще считает открытым, недостаточно разработанным вопрос о роли димархов в городских народных собраниях. Наряду с династами, клиром, демосом как «сословиями», при непосредственном участии которых функционировала «народная ассамблея», в ее организации принимали участие корпорации (с. 291). Считая народные собрания характерным элементом политической жизни всех больших городов, Т. Миллер отмечает, что структура этого института неясна и, «возможно, он имел нестрогую конституционную форму» (с. 290). В комментарии нет каких-либо конкретных оценок сущности «народной ассамблеи» в условиях XIV в. Автором не учитываются не только советские работы, но и некоторые важные зарубежные исследования по этому вопросу⁶.

Социальным характеристикам Т. Миллера, которые касаются внутривизантийской борьбы, присуща известная модернизация. Его терминология, характеристики являются чрезмерно «рыхлыми» даже для современной буржуазной исторической науки. Так, Т. Миллер считает без каких-либо обоснований возможным оперировать такими понятиями, как «класс богатых греков» (с. 355), «рабочие» (с. 332), «фабричные рабочие» (с. 205), «бизнесмены» (с. 205, 297), «банкиры» (с. 297), «революция» (с. 183). Вряд ли можно согласиться с переводом *οἱ περὶ ἐμπορίας ἡσυχολήμενοι* как «бизнесмены», а *ἐν ἐργαστηρίοις διατρίβοντες* как «фабричные рабочие».

Остановливаясь на финансовых мероприятиях византийского правительства, характеризуя их как «новую экономическую политику Кантакузина» (с. 334), Т. Миллер по существу приходит к выводу, что император, руководствуясь прежде всего ин-

тересами казны, пытался улучшить положение местных торговых кругов в их борьбе с итальянскими конкурентами (с. 334, 352—357, 363).

Ряд комментариев посвящен вопросам внутривизантийской борьбы между различными группировками господствующего класса. Не вскрывая сути противоречий, автор, ограничиваясь перечислением наиболее видных участников кантакузиновской партии и враждебного ей лагеря, приводит некоторые сведения, касающиеся взаимоотношений Кантакузина с Иоанном Калекой, Алексеем Апокавком, Григорием Паламой, патриархом Исидором (с. 242, 245, 246, 256—266, 289, 299). Сопоставляя данные «Истории» со свидетельствами других источников, Т. Миллер, в частности, высказывает мысль, что «Кантакузин — единственный источник, упоминающий отмену отлучения Иоанна Калеки Исидором» (с. 266).

В части, посвященной внешнеполитическим проблемам, составляющим одну из главных сюжетных линий комментария Т. Миллера, значительное место отводится характеристике отношений между папской курией и правительством Кантакузина. В основе этих отношений, как считает автор, лежала не только организация нового крестового похода против турок, в котором были весьма заинтересованы наряду с Византией Генуя и Венеция, но и обсуждение вопроса об унии церквей, на которую был готов император и о чем он предпочитал умалчивать (с. 312). Первое упоминание об этом Кантакузин приводит лишь в связи с ответным посольством папы, всецело приписывая последнему инициативу в вопросе об унии (с. 316).

Противоречия между Византией и итальянскими городами-республиками, разразившиеся самыми различными способами — от заключения соглашений до открытых военных действий, — являются в книге предметом подробного рассмотрения, тем более что эти противоречия были теснейшим образом связаны с социальной борьбой в Константинополе и других крупных городах империи (с. 273, 334—336, 342—348, 358—364). Пагубные последствия итальянского соперничества для Византии можно сравнить только с разрушительной силой турецких вторжений. Последний внешнеполитический фактор служил важным аргументом во взаимных обвинениях Кантакузина и его политических противников (с. 294, 295, 325—329).

Касаясь византийско-сербских отношений (с. 276—282), Т. Миллер останавливается на усилиях Кантакузина вернуть захваченные Душаном области и указывает на то особое значение, которое Кантакузин придавал отвоеванию городов, — передача их Византии оговаривалась условиями договора, заключенного с сербами (с. 278, 279). Т. Миллер ставит под сомнение условия этого договора в том виде, как они приводятся Кантакузиным, считая маловероятным, чтобы Душан согласился по существу бескорыстно помогать императору (с. 278).

Таким образом, основная часть комментария Т. Миллера посвящена политическим и социально-экономическим сюжетам. Особый интерес представляют здесь не столько конкретные наблюдения и выводы автора, сколько та источниковедческая база, на которой ученый рассматривает материал «Истории». Использование свидетельств многочисленных и разнохарактерных источников, не только византийских, но итальянских, турецких, несомненно, помогает полнее и многостороннее исследовать ту или иную проблему. Кроме того, такое сопоставление помогает более глубокому пониманию особенностей «Истории» как источника и выяснению политической роли ее автора в поздневизантийской истории. Значительное внимание, которое уделяется в комментарии социально-экономическим проблемам, делает его важным подспорьем при изучении городской тематики, хозяйственных связей Византии с итальянскими городами-республиками. Достоинство работы Т. Миллера в значительной мере заключается также в том, что по существенным вопросам, поднимаемым в комментарии, даются отсылки к параллельному материалу всех книг «Истории». Настоящее издание отражает растущий в последнее время интерес к «Истории» Иоанна Кантакузина как к одному из основных источников по истории поздневизантийского периода и, несомненно, принесет пользу всем исследователям рассматриваемой эпохи.

Таким образом, статьи В. Гроховой, К.-П. Мачке и издание Т. Миллера, отличаясь друг от друга по своему характеру и методу исследования, представляют важные и взаимосвязанные направления на нынешней стадии изучения поздневизантийского города. Чрезвычайно важно и плодотворно стремление выявить его региональную специфику, дать научно обоснованную типологию и тем самым определить место позд-

⁶ Критический анализ современной буржуазной историографии по рассматриваемой проблеме см.: Медведев И. П. Роль народных масс в истории поздней Византии в освещении новейшей буржуазной историографии. Л., 1976, с. 254—266.

византийского города в европейской истории⁷. Обобщение возможно лишь на основе конкретного исследования различных аспектов городской жизни. Статья К.-П. Мачке, будучи примером такого подхода, фокусирует в себе целый комплекс вопросов, решение которых позволило бы с большей точностью и обоснованностью определить особенности византийского города XIII—XV вв. В связи с этим большое значение приобретает привлечение новых и углубленное изучение имеющихся источников. Попытка Т. Миллера, предпринятая в этом направлении, расширяет наши возможности в исследовании поздневизантийского города.

В. Н. Заважанин

Sirarpie Der Nersessian. *L'Art arménien dès origines au XVIIe siècle*. Paris, 1977. Orient et occident. Art et métiers graphiques, 272 S.

Литература по армянскому искусству обогатилась еще одним монументальным трудом, цель которого — познакомить читателя с первоклассным по своему значению искусством Армении от его истоков до XVII в., проиллюстрировав многочисленными преимущественно цветными, репродукциями всех видов армянского искусства — архитектуры, скульптуры, живописи, особенно миниатюрной. Уже в аннотации к книге выдвинуты положения, которых придерживается автор, а именно: «Посредник между азиатскими народами и народами Средиземноморья, Армения своей культурой, религией и даже своим происхождением более близка к Западу, чем Востоку. Архитектурная традиция ставит эту страну в ряд даже с европейским романским искусством. Наряду с иранским (ахеменидским, парфянским) влиянием, в ранний период имело место сильное эллинистическое течение, которое было стойким долгое время после исчезновения с исторической сцены Селевкидов, в то время как Рим в художественной жизни страны не играл, по-видимому, роли». И далее: «Контакты с соседними и даже отдаленными странами и народами, в том числе с теми, которые обосновывались на армянской земле, расширяли горизонты мастеров, давали им возможность познавать иные художественные формы, на которые они всегда накладывали свой отпечаток. Каждый период независимости Армении отмечен новым подъемом творческой активности без полного разрыва с предыдущим, т. е. с сохранением собственной традиции». Все эти положения не вызывают сомнений.

В книге шесть разделов: 1. Античная Армения, 2. Христианская Армения, 3. Армянские царства Багратидов и Арцрунидов, 4. Киликийское царство, 5. Крупные феодальные роды, 6. Поздний период. Книга снабжена библиографией, списком иллюстраций и индексом.

Поставив целью дать популярное изложение двухтысячелетней истории армянского искусства, С. Дер Нерсисян исходит из своих предыдущих фундаментальных исследований. Книга написана изящным языком, четкие, порой краткие формулировки нередко раскрывают сложные проблемы. Сами памятники рассматриваются на фоне общехристианской культуры и искусства. Главам предшествуют краткие исторические характеристики каждого периода. Однако автор не останавливается на различиях общественного строя, менявшегося в процессе исторического развития Армении, что помогло бы яснее дифференцировать предположенные разделы и выявить их специфику в области идеологии. Возможно, это привело бы и к несколько иным названиям разделов книги. Чтобы показать основную линию развития армянского искусства, С. Дер Нерсисян должна была тщательно отобрать материал, известный ей во всей полноте. Популярное изложение должно было привести к известной хрестоматийности, что неизбежно, например, для античного периода, от которого до нас сохранилось лишь незначительное количество памятников. Это не дает возможности, как замечает автор, представить эволюцию форм и выявить специфические армянские черты (с. 20), но, собранные в одной книге и впервые прекрасно воспроизведенные, они получили новое звучание.

⁷ Как отмечает З. В. Удальцова, в последнее десятилетие в советском византиноведении наблюдается заметное возрастание интереса к исследованиям типологического характера; см.: Удальцова З. В. Новейшие исследования советских византистов. — ВВ, 1978, 39, с. 3.

Значительная часть второго раздела посвящена пережившему в V—VII вв. высокий расцвет армянскому зодчеству, за которым автор признает значение ведущей области искусства средневековой Армении. Широко освещая богатство архитектуры этого времени, автор приводит краткие, но содержательные характеристики ряда памятников. С. Дер Нерсисян указывает на генетические истоки основных композиционных решений армянской архитектуры раннего средневековья, связанные с зодчеством Ближнего Востока, прежде всего с Сирией¹. Заметим лишь, что, говоря об одном из наиболее значительных памятников классического периода армянского зодчества VII в. — Звартноце (рис. 26—28), автор не выделяет, согласно убедительной новой реконструкции С. Х. Мнацаканяна, триконх второго яруса (с. 43), что обедняет художественный облик этого здания. Вызывает сомнение и датировка храма в Сорадире (турецкая часть Армении) VII в. (с. 39, 86). Композиционная близость его к расположенному в том же районе храму на острове Ахтамар (915 г.) склоняет нас, как и многих армянских историков архитектуры, к хронологическому сближению этих двух памятников.

Автор справедливо критикует произвольный перенос дат раннесредневековых храмов Армении с VII в. в IX—X вв., имеющий место в работах Г. Н. Чубинашвили² (с. 48).

Часть второго раздела посвящена скульптурным рельефам. Представленные здесь памятники дают основание рассматривать их не только как неотъемлемую часть архитектурного декора, но и как самостоятельные произведения искусства. Отметим прекрасно воспроизведенный рельеф VI в. — Богоматерь-Одигитрия из Одзуна (рис. 31). По-новому воспринимается отличающийся от предыдущего по стилю рельеф малой капители из Двина, на котором изображена Дева с младенцем (рис. 33).

Особого внимания заслуживает фрагмент капители VI в., также из Двина (рис. 34). Автор отмечает исключительность помещенной на ней композиции не только в армянском искусстве. Этот памятник не находит полных аналогий даже среди широко приведенных автором раннехристианских параллелей. Интерес фрагмента капители выходит за рамки армянского искусства и позволяет С. Дер Нерсисян говорить о связи его с палестинской иконографией (с. 52, 53).

В книге обращено внимание и на давно ждущий изучения двинский рельеф (рис. 35), где символическая сцена сбора винограда, хорошо известная в античном, а позднее переосмысленная в христианском искусстве как «виноградник господний», здесь, по мнению автора, превращена в жанровую сцену. Однако мы думаем, что крест в центре рельефа придает и этому памятнику символическое значение.

Ранние армянские рельефы со светскими сюжетами введены автором в круг парфянских и сасанидских памятников, но между ними, по ее мнению, должно было находиться какое-то промежуточное армянское звено. Останавливаясь на портретах ктиторов, С. Дер Нерсисян анализирует композицию тимпана западного входа собора в Мрене (рис. 36) и по-новому раскрывает ее. Представленных там двух ангелов автор сопоставляет с апсидальной мозаикой Сан-Витале в Равенне и мозаиками римских церквей. Но, как замечает она, между рельефом Мрена, подчиненного форме тимпана, и мозаикой Сан-Витале должен был существовать посредник — армянская апсидальная живопись (с. 56—58). Рассматривая многочисленные армянские надгробные стелы, автор подробно останавливается на усыпальнице Ахца 364 г. (рис. 37). Представленные там рельефы она считает разновременными: лишь рельеф с изображением Даниила во рту львином, по ее мнению, является первоначальным, но не связанным с остальными. Рельеф же с лозами и медальоном, в котором вписан крест, представляет только треть композиции типа архитектурной плиты Касаха, вставленной взамен несохранившегося рельефа. Форма креста исключает принадлежность памятника к 364 г., но заставляет относить его к более позднему времени (конец IV—V в.). Изображение же обнаженного охотника спустя полвека после принятия христианства С. Дер Нерсисян считает невозможным — этот рельеф значителен как один из памятников дохристианского искусства Армении, которых сохранилось очень мало. Такая трактовка рельефов Ахца, безусловно, нова и убедительна (с. 60, 63).

¹ Замечания по архитектурным памятникам здесь и далее сделаны А. Л. Якобсоном.

² Развернутую критику этих передатировок см. в рецензии А. Л. Якобсона: REArm., 1968, p. 463—478.

В части, характеризующей живопись этой эпохи, С. Дер Нерсисян, останавливаясь на мозаиках, отмечает, что эта техника была известна в Армении издавна, и ссылается на мозаику бани в Гарни (рис. 7) как наиболее ранний образец ее. Констатируя крайне фрагментарное состояние мозаик, украшавших храмы Армении V—VII вв., автор упоминает армянские мозаики Иерусалима. Воспроизводя наиболее совершенную из них — у Дамасских ворот (рис. 44, 45), автор не считает эти мозаики образцом армянского искусства, хотя и допускает участие в них армянских мастеров, живших в Иерусалиме (с. 74). Вместе с тем С. Дер Нерсисян подтверждает связь армян с Иерусалимом наличием переведенного в V в. армянского Лекционария, который отражает иерусалимские литургические обычаи (с. 71), но считает апокрифическим, не имеющим исторической ценности, список некоего Анастаса, упоминающего 70 армянских монастырей, основанных в Иерусалиме между IV и VII вв. Однако при всей ненадежности этого источника наличие иерусалимских мозаик с армянскими надписями, так же как и позднейшие отголоски характерной для них палестинской традиции в армянской миниатюре, позволяет думать, что армяне были достаточно тесно связаны с этой традицией.

С. Дер Нерсисян останавливается и на монументальной живописи, подтверждая цитатой из Вртанеса Кертога наличие ее в храмах этого времени. Плохо сохранившиеся росписи не могли быть достаточно качественно воспроизведены и в книге (рис. 46, 47). Реставрация последних лет, быть может, несколько произвольно дополняя краски, позволяет представить величественность апсидальной композиции в храме Талы (Аруч) VII в. (рис. 47 — Христос). На основании сохранившихся материалов автор все же намечает композиционные особенности армянской монументальной росписи в общем характерной для христианского искусства этого времени. С. Дер Нерсисян приводит также самые ранние миниатюры, подшитые к Эчмиадзинскому евангелию 989 г. (Матенадаран³, 2874), и убедительно полагая, что они принадлежали роскошному манускрипту, связывает с ним оклад слоновой кости, которому приписывается византийское происхождение. В настоящее время ряд исследователей уточняет это происхождение как «восточнохристианское». С. Дер Нерсисян сопоставляет лики в миниатюрах (так же как и Л. А. Дурново⁴) с росписями Лмбатаванка, что позволяет датировать их VII в. При этом автор отрицает мнение И. Стрижковского, рассматривавшего листы, подшитые к Эчмиадзинскому евангелию, как сирийские. Он считает, что в намечающейся здесь парфяно-сасанидской тенденции можно видеть собственную традицию, сложившуюся под этими влияниями в более ранний период. Сходство с некоторыми синайскими иконами (Киев), в меньшей мере — с коптскими фресками (быть может, в большей степени — с фаюмским портретом? — Т. И.) говорит, по ее мнению, о скрещении этих течений. В деталях наблюдается воздействие антикизирующих памятников при преобладании восточного направления (с. 75).

Результатом углубленного исследования С. Дер Нерсисян является указание на то, что четыре ранние миниатюры Эчмиадзинского евангелия связаны общей темой Теофании и дают представление о евангельских иллюстрациях с символической тенденцией, единственным образом которых являются эти армянские миниатюры (возможно, отголосок той же тенденции можно видеть в миниатюрах Евангелия 1033 г. М., 283, отличающихся уже крайним примитивизмом стиля. — Т. И.). Автор и здесь предполагает наличие связей с Палестиной, где Теофания была главной темой декора мартириев, хотя мы и не имеем здесь прямых доказательств (с. 79).

Говоря о миниатюрной живописи Васпураканского царства Арцрунидов, автор подчеркивает уникальность ранней армянской рукописи — Евангелия царицы Млке 862 г. (рис. 56, 57), возводя образцы его иллюстраций к произведениям антикизирующего характера.

Основной архитектурный памятник времени царства Арцрунидов — Ахтамар, построенный по приказу царя Гагика (рис. 58, 59), освещен с позиций прежних исследований С. Дер Нерсисян. Отмечено исключительное значение этого храма не только для Армении, но и для всего христианского Востока. Разделяя украшающие его рельефы на несколько групп по сюжету и месту их расположения, автор выделяет

различные художественные течения, пути проникновения которых не всегда удается проследить, — полные аналогии этим рельефам, по ее словам, не встречаются ни в мусульманском, ни в более раннем армянском искусстве. Ряд фигур связывает Ахтамар с домом царя Гагика, а именно — изображение князей Сахака и Амазаспа, принявших в 786 г. смерть от арабов (с. 84—92). Стремление выдвинуть святых из среды царствующего дома служило, как известно, возвеличению его власти. Но каковы бы ни были истоки рельефов Ахтамара, они, как подчеркивает С. Дер Нерсисян, творчески перефразированы в соответствии с армянскими нормами. По стилю рельефы родственны монументальным росписям храма (рис. 60, 61). Уникальным в них является цикл «Бытия», помещенный в барабане купола. Это — единственный на христианском Востоке средневековый памятник, в котором представлен нарративный цикл Ветхого завета, восходящий к более древней эпохе (с. 90). Однако вызывает удивление, что широко освещая храм Ахтамара, автор не привлекает исследования И. А. Орбели⁵, рассматривавшего рельефы этого памятника на фоне эпического наследия армянского народа. Этот труд И. А. Орбели не упомянут и в библиографии книги.

Кратко касаясь хорошо известных в литературе миниатюр Эчмиадзинского евангелия, исполненного в Сюнике в 989 г. (рис. 62), автор подробно останавливается на еще недостаточно широко опубликованных росписях Татевы 930 г. (рис. 63, 64), отмечая большую распространенность монументальной живописи именно в этой области. При анализе этих росписей автор опирается на исторические сведения Стефана Орбелиана и выводы Н. Тьерри, которая, сравнивая росписи Татевы с западными миниатюрами, пришла к заключению, что они являются работой франков, выполненных с помощью армян.

С. Дер Нерсисян обращает особое внимание на наиболее существенную часть грандиозной композиции западной стены. Видимо, предположение об участии в росписи западных мастеров не встречает ее возражений, но позволяет отметить некоторые особенности этой сцены. Так, например, за инверсию первоначального картона, возможно, говорит неканоничное расположение фигур. Кроме того, по ее словам, эта оригинальная и высокохудожественная композиция вызывает в памяти скорее тему «Воскрешения мертвых», чем «Страшный суд» (с. 95, 96).

Достаточно подробно характеризуя анийские архитектурные памятники X—XI вв. (рис. 65—68), автор не указывает в библиографии основополагающий труд Н. Я. Марра «Ани»⁶, хотя, говоря о раскопках Ани (с. 47), и упоминает о его многочисленных статьях.

С. Дер Нерсисян дает представление о развивающемся в X—XI вв. строительстве монастырей (Санаин — рис. 70, Ахпат — рис. 72, 73). Касаясь церкви святых апостолов в Карсе (рис. 77), повторяющей композицию церкви Мастары VII в., она отмечает стилистическое сходство изображений апостолов в антревольтах арок барабана с определенным направлением миниатюрной живописи. Переходя к ней, автор относит к первой половине XI в. богато иллюстрированное Евангелие царя Гагика Карсского (Иерусалим, 2556). Большое внимание уделено портрету Гагика с женой и дочерью (с. 75); констатируется влияние окружавшей царский двор мусульманской среды (что заметно и в тканях, хотя они могли быть вытканы и в самой Армении). Это влияние не отразилось, однако, на изображении фигур. Миниатюры же на евангельские темы (рис. 76, 77), по словам автора, свидетельствуют о контактах с современным рукописи византийским искусством, хотя почти ни одна из них не имеет полной аналогии в известных греческих манускриптах (с. 110). Не позволяет ли это поставить вопрос о том, что художник, несомненно тяготевший к нормам византийского искусства, пользовался какими-то неизвестными, более ранними образцами собственно армянских рукописей, отмеченных антикизирующей тенденцией? За это говорит, например, характерная только для данной рукописи передача мускулатуры и трактовка фигуры сатаны в сцене искушения (рис. 76). Не находят аналогий в греческих рукописях ни декор пышно украшенных хоранов, ни особый характер и богатство маргиналов.

⁵ Орбели И. А. Избранные труды. М., 1968, 1, с. 17—204.

⁶ Марр Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934.

³ Далее собрание Матенадарана мы обозначаем буквой М.

⁴ Дурново Л. А. Краткая история армянской живописи. Ереван, 1957, с. 14.

К тому же художественному направлению середины XI в. относит С. Дер Нерсес-сян и так называемое Трапезундское евангелие (Венеция, 1400), сходные с Карсским евангелием, хораны которого отличаются еще большей роскошью (рис. 79). В миниатюрах, занимающих целый лист, прослеживается византийская иконография; в некоторых случаях автор предполагает даже участие греческого мастера, выделяя в то же время сцену «Преображения» (рис. 78) как работу армянского художника. Представляет большой интерес впервые высказанное С. Дер Нерсессян предположение о том, что этот манускрипт мог быть исполнен для одного из анийских Багратидов (с. 114).

К тому же течению, также впервые, отнесено уникальное панно из дерева с изображением «Снятия со креста» (рис. 81), вложенное Григором Магистром в церковь Хавуц Тар. Композиция сцены, как указывает автор, отличается от всех известных как на востоке, так и на Западе (с. 114).

С. Дер Нерсессян отмечает сосуществование различных тенденций в армянской миниатюре X—XI вв. Наименее ощутимы различия от придворных рукописей, по его словам, в миниатюрах Евангелия Могни XI в. (М., 7736; рис. 80). Затем приведена группа миниатюр, где схематизация доведена порой до орнаментики и полной абстракции. Крайние примеры — миниатюры Евангелия 966 г. (Балтимор, 537; рис. 84) и Евангелия 1064 г. (Иерусалим, 1924; рис. 82, 83). Миниатюра со сценой «Распятия» последней рукописи впервые издана в натуральную величину и в цвете, что дает полное представление об оригинальном видении художника.

Из этой группы С. Дер Нерсессян выделяет Евангелие 1038 г. (М., 6201), отличающееся своеобразием стиля, высоким качеством иллюстраций (рис. 87, 88). К XI в. автор относит и Евангелие из Иерусалима (№ 2555), родственное Эчмиадзинскому евангелию, и дает превосходную репродукцию миниатюры с «Темплетом» (рис. 85), впервые воспроизводит заглавный лист Евангелия от Луки, единственный, как отмечает С. Дер Нерсессян, образец исполнения текста на всем листе художественно оформленными заглавными буквами (рис. 86).

Как и следовало ожидать, результаты исследования киликийской миниатюры, которое готовит в настоящее время С. Дер Нерсессян, нашли отражение в четвертом разделе рецензируемой книги. Отмечая полное исчезновение киликийской архитектуры, автор тем большее внимание уделяет миниатюрной живописи, иллюстрируя текст цветными воспроизведениями мало или совсем неизвестных миниатюр. Среди них следует отметить для XII в. иллюстрации Евангелия Иерусалимского патриарха № 1796 («Христос и донатор», «Святые жены у гроба», «Иисус и святые жены» — рис. 90, 91). По мнению автора, они продолжают линию «византизирующих» царских евангелий, особенно — Гагика Красского, но вместе с тем в них появляется тенденция к линейности и монументализму. Эти же черты стиля отмечены и в работах других художников того же времени.

Особое внимание С. Дер Нерсессян концентрирует на киликийской миниатюре XIII в. и, что естественно, на творчестве Тороса Рослина, отмечая в нем как оригинальность решений, так и реалистическую тенденцию (рис. 92—100). Как замечает автор, удаляясь зачастую от традиционных формул, мастер достигает в своих миниатюрах монументального звучания. Рассматривая Тороса Рослина как лучшего миниатюриста XIII в. — и не только для Киликии (с. 133—143), — С. Дер Нерсессян еще более определенно, чем предшествующие исследователи, отмежевывает от него творчество его последователей, рукописи которых она называет «царскими» (с. 144). Как первый пример приведено Евангелие царицы Керан 1272 г. (Иерусалим, 2563; рис. 104—107). Евангелие же Смбата Гундестабли (до 1274 г.; М., 7644; рис. 102) и Евангелие 1273 г. (музей Топкапу, Стамбул, рис. 101, 103), миниатюры которого впервые воспроизведены в цвете, отнесены к переходной группе. В них, по словам автора, намечаются новые черты, утверждающиеся далее в манускриптах, заказчиками которых были главным образом члены царской фамилии. Сходство же миниатюр Евангелия Смбата Гундестабли и Евангелия Топкапу, исполненного в Скевре художником Ховазаспом, позволяет видеть в них одну и ту же руку (с. 144). Изыскания С. Дер Нерсессян не опровергают, однако, мнения Л. Р. Азаряна о принадлежности первого из этих Евангелий школе епископа Ованнеса. Автор книги предполагает, что Ховазасп был лишь приглашен в Скевру. Все эти высказывания шире раскрывают промежуточный этап эво-

люции киликийской миниатюрной живописи и формирование новых стилевых особенностей, которые, по словам автора, наиболее ярко проявили себя в Евангелии царицы Керан. Миниатюры этой рукописи, существенно отличающиеся от стиля Тороса Рослина, позволяют С. Дер Нерсессян ввести их в круг византийского искусства эпохи Комнинов, Палеологов и итальянского искусства Дученто. Автору удается наметить несомненную связь киликийских художников, особенно послерослиновского периода, с западноевропейским искусством, хотя они и продолжали работать в традициях своей школы.

Так, в миниатюре с изображением донаторов Евангелия Васака (Иерусалим, 2568; рис. 109), где они преклоняют колени перед восседающей на троне Девой, которая покрывает их своим плащом, С. Дер Нерсессян видит вариант, представленный живописью Дуччо 1280 г. («Мадонна с францисканцами» в Пинакотеке Сиенны). За счет чужеземных образцов обогащается и иконография — впервые в том же Евангелии появляется тема «Древа Иессеева» (рис. 110), издавна известная на Западе.

К той же школе автор причисляет и Евангелие 1287 г. (М., 197), где в сцене «Благовещения» (рис. 112) одежда, жест, корона заставляют вспомнить готическое искусство. Впервые отмечено поразительное сходство этой миниатюры с портретом Бланки Кастильской (Библиотека Пирпонт Морган, Нью-Йорк). Из этого ясно, что армянский мастер вдохновлялся французской миниатюрой первой половины XIII в. Связи с французским искусством, столь конкретно выявленные С. Дер Нерсессян, позволяют ей предполагать, что киликийские художники имели возможность видеть иностранные образцы, скорее всего, — в придворной среде (с. 154). Такие изыскания автора новы и представляют большой интерес.

Однако богатство фантазии, сила экспрессии, динамизм, характерный для киликийской живописи данного этапа, доведенные менее талантливыми мастерами до предела (рис. 115, 116), она рассматривает как конец этого направления. Так, в ее расцвете и спаде раскрывает С. Дер Нерсессян киликийскую миниатюрную живопись XIII в., расценивая этот «золотой век» как лучшее, что было создано в средние века в целом; широта кругозора и духовного мира мастеров вполне объясняют заимствование некоторых моделей, модифицированных ими на основе собственной традиции. Важно и то, что С. Дер Нерсессян, выделяя творчество Тороса Рослина как ведущего мастера своей эпохи, подчеркивает также роль художника Евангелия царицы Керан, значение которого было велико для последней четверти XIII в. В начале XIV в., констатирует автор, художественное течение предшествующего столетия ослабевает, но традиция не прерывается. Останавливаясь на творчестве Саргиса Пицака, С. Дер Нерсессян расширяет представление о нем, публикуя миниатюры рукописей 1316 и 1346 гг. (рис. 117—119).

В том же разделе дана сводка киликийских окладов и реликвариев. Для Скеврского складня (рис. 121) автор отмечает близость к нему миниатюр Евангелия царицы Керан.

В следующем разделе приводится подробная характеристика церкви Тиграна Оненца, стены которой покрыты росписями (рис. 122—124). Эти росписи, по мнению автора, исполнены грузинскими художниками (с. 163). Подобная категоричность решения вопроса представляется спорной. Едва ли можно принизить и роль заказчика, несомненное воздействие которого сказалось, в частности, в появлении в росписях сцен жития Григория Просветителя. Кроме того, по словам Н. Я. Марра, «роспись эта тяготеет почти полностью к халкедонитским преданиям армян, как они, эти предания, сохранились в халкедонитской версии жития Григория Просветителя на арабском языке, открытой на Синае»⁷. Не случайно в апсиде среди изображений епископов находятся и изображения двух сыновей Григория Просветителя. Признавая известный синкретизм армянской и грузинской культуры XII—XIII вв., приоритет грузинской монументальной живописи, едва ли следует отрицать определенную особенность росписей церкви Тиграна Оненца. Заметим, что имеющиеся на них грузинские и греческие надписи были, безусловно, приемлемы в армянской халкедонитской среде, к тому же их палеография и правописание, по мнению специалистов, не соответствуют современным им грузинским нормам⁸. Напомним, что в более ранних

⁷ Марр Н. Я. Указ. соч., с. 85.

⁸ Мурадян П. Грузинская эпиграфика Армении. Ереван, 1977.

родственных росписях халкедонитской церкви Бахтагеки в Ани надписи — армянские. Видимо, весь этот комплекс определенного направления армянской монументальной живописи требует углубленного изучения, которое едва ли позволит исключить участие в ней армянских мастеров⁹.

В некоторых других, отличных по стилю росписях анийских церквей С. Дер Нерсисян допускает работу последних так же, как в церкви Святого Знамени монастыря Ахпат (портрет Хутлу Буги).

Обращаясь вновь к архитектуре, автор останавливается на возобновлении строительства в Санаине и Ахпате (рис. 125—130). Особое внимание уделено конструкции перекрещивающихся арок. В гавите 1208—1210 гг. церкви Святого Знамени в Ахпате (рис. 132) автор видит завершение поисков, связанных с этим архитектурным решением, начало которых она относит к концу X в. Применение такой сложной конструкции отмечено как в библиотеке Ахпата второй половины XIII в., так и в его трапезной. С. Дер Нерсисян подчеркивает оригинальность этой армянской архитектурной системы, характерной для многих памятников XIII—XIV вв., и ее логическое развитие в собственно армянском зодчестве (с. 170, 171). Вероятно, все эти достижения указывают на рост светского начала в феодальном обществе, повышение интереса к гражданскому зодчеству, образцом которого являются в ряде случаев и монастырские постройки.

С. Дер Нерсисян связывает архитектурные памятники этого периода со строительной деятельностью крупных феодальных родов. Говоря о монастыре Ованнаванке, построенном Вачутянами (рис. 131), она останавливается на рельефе тимпана портала с изображением притчи о разумных и неразумных девах (рис. 133). Особенностью трактовки является то, что они представлены бородами. По-видимому, в толковании этого необычного явления С. Дер Нерсисян приближается к догадке (с. 174), высказанной Э. Д. Закарян. По мнению последней, армянское слово куйс (койс) обозначает девственника, девственницу и в равной мере относится как к мужчине, так и к женщине¹⁰.

Строительная деятельность Прошянов иллюстрирована пещерным монастырем Гегард (рис. 134—139). Монастырскому комплексу Нораванк-Амагу посвящена характеристика его архитектурных памятников, среди которых особо выделена двухэтажная церковь-усыпальница, возведенная в 1339 г. (рис. 141, 145), видимо, продолжающая традицию ранних армянских мемориалов.

Подробно комментированы и представленные прекрасными репродукциями скульптурные рельефы, украшающие как здания Нораванка, так и других архитектурных сооружений XIV в. Эта область искусства для данного периода мало изучена, поэтому свodka материала, ряд замечаний и атрибуций, предложенных С. Дер Нерсисян, представляют большой интерес.

Особое внимание автор уделяет рельефам на фасаде гавита Нораванка конца XIII в., возможно, реставрированного в первые десятилетия XIV столетия (рис. 143), о чем она, соглашаясь с мнением С. Г. Бархударяна, судит и на основании стиля (с. 181). Рельеф, где представлена Дева с младенцем (рис. 142), автор сближает со скульптурой тимпана церкви Арени (Арпа), построенной Момиком в 1321 г. Рельеф же с изображением «Ветхого деннми» (рис. 144) она приписывает, в соответствии со стилем, руке другого мастера.

Автор останавливается и на самобытных армянских памятниках — хачкарах, выделяя из них группу XIII в. с фигурными изображениями, известными под названием «Всеспаситель» (рис. 157), а также на хачкаре мастера Момика XIV в. (рис. 156). Приводя редкое воспроизведение хачкара в портике Нораванка (Амагу) 1308 г. (рис. 155), где, видимо, изображен Христос, возносимый апокалиптическими животными, С. Дер Нерсисян, хотя и не утверждает авторства мастера Момика, относит все же памятник к тому же художественному кругу (с. 197). Автор отмечает в рельефах этого времени и усиление светской тематики.

⁹ Мы не согласны и с Н. Тьерри, рассматривающей росписи церкви Тиграна Онеца как значительный грузинский памятник; см.: Тьерри Н. Роспись церкви св. Григория Тиграна Хоненца в Ани, 1215. — Тезисы докладов на II Международном симпозиуме по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977, с. 13.

¹⁰ Закарян Э. Д. Об одном рельефе Ованнаванка. — ИФЖ, 1973, № 1.

Переходя к армянскому ювелирному искусству, С. Дер Нерсисян особое место отводит реликвию, известному под названием «Хотакерац Сурб Ншан» 1300 г. (рис. 158), заказчиком которого был Эачи Прошян. Удлиненные пропорции фигур ангелов, их грациозные позы, тонкость черт контрастируют со скульптурой на камне, но автор не считает это признаком иного стиля, объясняя стремлением лучше адаптировать фигуры в кадре (с. 202). Не сказывается ли, однако, в этом новое отношение к художественному образу, быть может, навеянному достижениями киликийской миниатюры конца XIII в. и некоторым пиететом к западным образцам?

Миниатюра Центральной Армении XII в.¹¹ (вплоть до последней трети его) не сохранилась. По мнению автора, «эkleктический» (с. 209) характер первых известных нам с 80-х годов XII в. армянских манускриптов указывает на обрыв традиции и, возможно, на контакты с различными армянскими и чужестранными центрами. В основном соглашаясь со сказанным, мы отказались бы от понятия «эkleктический». В XII в. в условиях нового подъема миниатюрной живописи действительно не был еще найден единый стиль. Это время можно скорее характеризовать как период творческих исканий, в которых намечается лишь общая направленность. Она проявляется в разнообразии орнаментально-декоративных композиций и в поразительной силе колоризма. Родоначальники этого течения, привнося струю народного искусства, сочетали с ним разнообразные стилистические и композиционные элементы и создавали новые художественные ценности, позднее становившиеся источником дальнейшего развития армянской миниатюрной живописи. Евангелие же Аваг-Банка 1200 г. (Британский музей, 13654), которое автор противопоставляет Евангелию 1201 г. (М., 10359), при определенных контактах с Киликией изживает еще один из аспектов византизирующего направления, тогда как в последнем решаются уже новые задачи.

Выявление и исследование рукописей XII в. Центральной Армении позволит рассматривать их иллюстрации как новый творческий этап, завершившийся созданием уникального памятника армянской миниатюры — Мухским Чарынтиром (М., 7729; рис. 163). Заглавный лист и лист с праздничными миниатюрами этой великолепной рукописи воспроизведены, при этом в цвете, в данной книге впервые.

Говоря о миниатюре XIII в., автор останавливается на наиболее значительных рукописях — Ахпатским евангелии 1211 г. (подчеркивая появление в нем реалистических черт) и особенно Евангелии Таргманчац 1232 г. (миниатюры которого, по ее мнению, отличает монументализм и атмосфера таинственности).

Значительный интерес для понимания процесса формирования армянской миниатюры представляет привлечение первой известной нам иллюстрированной в Армении Библии из Ерзнка (Иерусалим, 1925). С. Дер Нерсисян указывает, что, при некотором воздействии Византии, большая часть миниатюр этой рукописи является результатом оригинального творчества, что отражается и на выборе сюжетов. Особый акцент автор делает на грандиозной композиции «Видение Иезекииля» (рис. 166) — редкой для византийских манускриптов и изображений в апсидах капadoкийских церквей. Мастер, по ее словам, отклоняется в некоторых деталях от библейского текста ради создания единого художественного образа (с. 218, 219). С. Дер Нерсисян останавливается и на возросшей активности скрипториев Сюника во владениях Орбеянов и Прошянов. Главное внимание уделяет она Глаззору и творчеству связанного с ним крупного мастера Тороса Торонаци (Библия 1318 г. — М., 206; рис. 169, 170), стиль которого автор противопоставляет пластическому стилю Еранкайской библии. В его работах отмечено влияние французских библий — инициал, в медальонах которого изображены семь дней творения. Однако она видит это влияние только в сюжете, но не в стиле, и объясняет его воздействием французских монастырей, основывавшихся в Армении с XIII в. (с. 223, 224).

Неожиданны и своеобразны малоизвестные миниатюры мастера по имени Торос, творчество которого представлено только одной рукописью 1311 г. (церковь св. Девы в Табризе); миниатюры ее (рис. 168) отличаются большой оригинальностью, но, как нам кажется, выпадают из общего русла армянской миниатюрной живописи.

¹¹ Очевидно, опечатка: вместо: «в конце XIII в.» надо: «XII в.», о чем свидетельствуют перечисляемые ниже рукописи (с. 209).

Для характеристики творчества мастера Авага, хорошо известного по рукописям Матенадарана, С. Дер Нерсисян, расширяя наши представления об этом художнике, демонстрирует его миниатюры из Иерусалимского кодекса XIV в. (№ 1941; рис. 171, 172), образцы для которого заимствованы у Тороса Рослина. Сравнение произведений этих мастеров дает, как отмечает автор, возможность выявить особенности стиля Авага, обладавшего пылким темпераментом, делавшим акцент на драматизме сюжетов.

В целом иллюстрации манускриптов, копированных в северных и западных областях Армении, отличаются, как указано в книге, суровым и народным характером. Сила их — в художественной выразительности, порой непринужденной интерпретации евангельских эпизодов или в монументализме композиций. Эти художники остались верны старым традициям (с. 224, 225).

В последнем разделе книги отмечается оживление деятельности скрипториев Арчеша, Ахтамара и других городов в округе Ванского озера. Охарактеризованы особенности рукописей этого района — применение бумаги, отсутствие золота, ограниченная гамма красок, расширение иконографического цикла. Отказываясь от воспроизведения наиболее типичных, даже несколько стандартных миниатюр многочисленных васпураканских рукописей, автор приводит малоизвестные образцы. Остановившись на миниатюре Евангелия начала XIV в. (М., 4820; рис. 174), она подчеркивает ее народный характер, в котором условность и экспрессия сочетается с реалистическими деталями. Более поздние этапы развития стиля васпураканской живописи представлены рукописями XV—XVI вв. (рис. 175, 176). Рассмотрены и светские миниатюры, которыми, за редким исключением, иллюстрировалась лишь «История Александра Македонского». С. Дер Нерсисян приводит миниатюру рукописи 1536 г. (Иерусалим, 473; рис. 177), отличающуюся от других иллюстраций того же содержания.

Библия 1645 г. (Иерусалим., 1933; рис. 178, 179) знакомит с миниатюрной школой Нор-Джуги, образцами для которой служили константинопольские рукописи с характерным для них копированием гравюр западноевропейских библий. Черта эта, замечает автор, характерна не только для армянской иллюминации, но для всего восточнохристианского искусства того времени. Из мастеров этой школы выделяет Акоп Джугаеци, талант которого отмечен оригинальностью и экспрессией. Приведенные образцы демонстрируют доведенные до крайней условности, мы сказали бы символичности, миниатюры из цикла «Бытия» Евангелия 1587 г. (рис. 181, 182). Автор, считая их лучшими образцами творчества Акопа Джугаеци, отмечает необычную как для армянского, так и для восточнохристианского и западного искусства трактовку сюжетов. На одной из миниатюр образ Бога-Творца, как пишет автор, ближе всего к Будде (с. 236, 237). Было бы желательно, однако, видеть среди иллюстраций книги одну из многочисленных праздничных миниатюр того же мастера, где порой сцены, доведенные почти до гротеска, исполнены в насыщенном колорите на золотом фоне с привнесением реальных деталей.

С. Дер Нерсисян с полным основанием отмечает, что именно благодаря манускриптам мы можем изучать изобразительное искусство этого периода, который был для Армении окончательным завершением средневековья (с. 240). Автор указывает, однако, некоторые памятники того времени иного рода — уникальное шитое знамя 1441 г. (рис. 173), деревянную дверь церкви св. Апостолов на Севане 1486 г. со сценой «Сошествия св. Духа» (рис. 180), хачкар (рис. 184) — с характерной для памятников этого времени архаизацией в сочетании с народным искусством.

Что касается архитектуры того периода, то наиболее значительные ее памятники находятся за пределами Армении, в Нор-Джуге. Их отличительной чертой является обращение к прошлому. С последними поздними сооружениями, хотя и лучше сохраняющими армянскую традицию на собственной территории (рис. 185), мы достигаем, говорит С. Дер Нерсисян, крайней черты того, что можно рассматривать в прямом смысле слова как армянское искусство (с. 242—244).

Закljučая нашу рецензию, которая дает лишь общее представление о полной содержании новой книге С. Дер Нерсисян, следует подчеркнуть, что при всей сложности стоявшей перед ней задачи она сумела ярко осветить многочисленные аспекты армянского средневекового искусства. Предложенный обзор архитектурных памят-

ников образует ясно ощутимую и взаимосвязанную цепь, дающую представление об основных особенностях и направлении развития армянского зодчества. Заложенные в нем архитектурные решения С. Дер Нерсисян считает порой превосходящими те, которые стали известны позднее на Западе. Они имели бы дальнейшее развитие и в Армении, как это было в готике, если бы нашествие Тимура не пресекло всякую культурную деятельность.

В основу обзора все еще малоизученного армянского рельефа положены результаты собственных исследований автора. Ярко развернут показ армянской миниатюрной живописи, особенно киликийской, где по-новому ставится и решается ряд первоочередных проблем, связанных с изучением этой школы. Отмечая стойкость собственной традиции, автор вскрывает воздействие на армянскую миниатюру западноевропейского искусства и указывает на обратное влияние армянской миниатюры на некоторые рукописи латинского Запада и — еще более — Сирии. С. Дер Нерсисян дает представление о широте и высоком уровне оригинального творчества армянских мастеров, создавших произведения, занимающие важное место в искусстве христианского Востока. Книга великолепно оформлена и иллюстрирована репродукциями, выполненными непосредственно с памятников не только западных коллекций, но и Советского Союза, Иерусалима, Турции. Репродукции преимущественно цветные, что особенно важно для миниатюрной живописи, в которую введены и многочисленные, не издававшиеся ранее памятники.

Т. А. Измайлова

АННОТАЦИИ

J. Matthews. *Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364—425*. Oxford, 1975, XIV+427 p.

В последнее время одна за другой вышли в свет несколько работ, посвященных сенаторской аристократии поздней Римской империи. Помимо исследований, в которых делаются попытки рассмотреть проблему в целом¹, продолжают появляться работы в центре внимания которых находятся отдельные представители сенаторской аристократии², а также исследования, ограниченные локальными³ или хронологическими рамками⁴. В ряде статей и книг рассматривается религиозный аспект проблемы в частности вопрос о христианизации сенаторской аристократии⁵. Все эти исследования представляют собой несомненный вклад в изучение структуры и эволюции сенаторской аристократии этого периода.

Рецензируемая монография Дж. Мэтьюза посвящена господствующему классу Италии и отчасти — провинциальной аристократии Галлии и Испании. Она охватывает сравнительно небольшой промежуток времени — от начала правления Валентиниана до вступления на престол Валентиниана III. Автор поставил своей целью дать картину политической жизни Западноримской империи конца IV—начала V в. Он пытается выявить соотношение между общественной и частной жизнью людей, вовлеченных в политические события этого времени, и показать, как реальная власть в Западноримской империи постепенно переходит из ведения органов публичной власти в частные руки.

Монография построена как ряд тематических очерков, посвященных столичной и провинциальной знати, императорскому двору и отдельным личностям (Симмаку, Авсонию, Амвросию и т. д.). Подобные очерки перемежаются с главами повествовательного характера. Эти главы, по замыслу автора, должны были, с одной стороны

явиться связующими звеньями тематических очерков, с другой — дать читателю возможность воспринимать эти очерки на фоне поступательного хода времени (с. XI—XII).

В начале книги автор дает характеристику «двух правящих классов» империи — родовитой аристократии и служилой знати. В IV в. западноримская родовитая аристократия сохраняла особый, сенаторский образ жизни с его культом *otium* и *amicitia*. К должностям в имперском аппарате отношение у сенаторов было двойственным. С одной стороны, связанные с хлопотными обязанностями и беспокойствами политической жизни должности вызывали у них антипатию, с другой стороны, сенаторы с пиететом относились к достоинству и почестям, которые приносили должности, воспринимавшиеся сенаторами как фактор социального престижа.

Это двойственное отношение к государственной службе отражало ту реальную роль, которую играла сенаторская аристократия в политической жизни империи IV в. Сенаторы не занимали административных постов в имперской бюрократии и не имели активных связей с двором (с. 12—17). Начальной ступенью в карьере сенатора являлись должности квестора и претора. В свое время эти посты считались важными ступенями в блестящей политической карьере сенатора и вели к консульству и командованию войсками в пограничных провинциях. К IV в. должности претора и квестора превратились в церемониальные звания, лишенные прежней значимости. Сенаторы занимают их тотчас же по достижении ими зрелого возраста. По отправлении этих должностей сенатор мог быть дополнительно избран консулом (*consul suffectus*), в то время как ординарного консульства удостаивались в основном военачальники и высшие чиновники (с. 16).

Деятельность сенаторов протекала главным образом в провинциях и в самом Риме, где сенаторы сохраняли экономическое и социальное господство. Из 35 известных префектов Рима, занимавших эту должность с 361 по 395 г., 21 являлся выходцем из сенаторской фамилии (с. 16). Провинциями (особенно Италией, Сицилией и Африкой) также управляли сенаторские семьи. Существенно важно то, что именно в этих областях у сенаторов имела земельная собственность. Как крупные земельные собственники, сенаторы господствовали здесь не только в экономической, но и в социальной сфере, поскольку располагали на этих территориях разветвленными наследственными связями (клиентелой). Их позиции в провинциях еще более усилились вследствие перехода политической власти на местах в руки крупных землевладельцев. В итоге, подчеркивает автор, в IV в. сенаторы оставались «наследственным правящим классом», влияние которого было не уменьшено, а скорее увеличено в результате изменений, имевших место в политической структуре Римской империи (с. 30).

Далее автор переходит к рассмотрению имперской бюрократии, которая (включая все ее уровни) являлась самым многочисленным «профессиональным классом» поздней Римской империи (с. 41). Двор и различные канцелярии открывали доступ способным и честолюбивым людям, давая им возможность в случае удачи подняться на весьма высокие посты. Но если при Валентиниане I именно профессионалы-чиновники и военные составляли непосредственное окружение императора, то с приходом к власти Грациана положение существенно меняется. Ядро императорского двора в то время составляет провинциальная аристократия из Южной Галлии. Это создает почву для контактов между сенатом и двором, для возникновения индивидуальных связей в духе *amicitia* между сенаторами и придворными (с. 254—255).

При Стилихоне роль сената была в значительной степени декоративной (с. 305), начиная же с конца первого десятилетия V в. сенаторская аристократия все больше и больше принимает непосредственное участие в решении многих важных государственных проблем. В то время как императорская власть переживает кризис, сенаторская аристократия усиливает свои позиции. При этом сенаторы сохраняют свой прежний образ жизни. Они живут в роскошных имениях, занимаются охотой и поэзией, ведут переписку с друзьями, устраивают дорогостоящие игры на ипподроме. Ядро сенаторов принимает активное участие в языческих праздниках и церемониях, которые переживают в этот период известное возрождение (с. 352—361). Однако для последующего общественного развития имело значение не столько оживление язычества, сколько постепенная христианизация сенаторской аристократии. Сенаторам

¹ Wes M. A. *Das Ende des Kaisertums in Westen des römischen Reiches*. Hague, 1967; Arsac P. *La dignité sénatoriale au Bas-Empire*. — *Revue historique de droit français et étranger*, 1969, N 2, p. 198—243; Chastagnol A. *L'évolution de l'ordre sénatorial aux IIIe et IVe siècles de notre ère*. — *RH*, 1970, 496, p. 305—344; Malcus B. *Le Sénat et l'ordre sénatorial au Bas-Empire*. Lund, 1970; Arnheim M. T. W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, 1972; Shazman I. *Senatorial wealth and Roman politics*. Bruxelles, 1975.

² Barnes T. D. *Two Senators under Constantine*. — *JRS*, 1975, 65, p. 40—49.

³ Overbeck M. *Untersuchungen zum afrikanischen Senatsadel in der Spätantike*. — *Frankfurter Althistorische Studien*, 1973, H. 7; Held W. *Die gallische Aristokratie im 4. J. hinsichtlich ihrer Siedlungsstandorte und ihrer Stellung zur römischen Provinzial- bzw. Zentraladministration*. — *Klio*, 1976, 58, S. 121—140.

⁴ Chastagnol A. *Le Sénat romain sous le règne d'Odoacre: recherches sur l'épigraphie de Colisée au Ve siècle*. Bonn, 1966.

⁵ Matthews J. F. *Symmachus and the Oriental Cults*. — *JRS*, 1973, 63, p. 175—190.

⁶ Eck W. *Das Eindringen des Christentums in den Senatorenstand bis zu Konstantin der Große*. — *Chrin. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts*. München, 1971, Bd. 1; Brown P. *Religion and Society in the Age of Saint Augustine*. London, 1972; Pietri Ch. *L'aristocratie chrétienne entre Jean de Constantinople et Augustin d'Hippone*. — *Jean Chrysostome Augustin*. Paris, 1975, p. 283—305.

импонирует сложившийся к этому времени ритуал христианской церкви. Участие в христианских праздниках и церемониях было для них проявлением их социального престижа. Сенаторы-христиане мыслят себя аристократией среди христиан-мирян, аристократией светской части христианской церкви.

В целом, подчеркивает Мэтьюз, сенаторские фамилии сохранялись на протяжении V и даже в VI в. Сенаторы пережили падение императорской власти на Западе и сыграли важную роль в истории Италии и Галлии как представители римской цивилизации и хранители римских традиций. Нельзя не заметить, сколь сильно идеализирует автор сенаторскую аристократию. Мэтьюз словно забывает о том, в какой степени эта аристократия способствовала падению Римской империи. Автор наделяет сенаторов патриотизмом, считает их хранителями римских традиций, в то время как приведенные им самим факты свидетельствуют скорее об обратном. В трудные для империи годы основные помыслы сенаторов сводятся к защите и сохранению собственного имущества. Во время осады Рима Аларихом зимой 408/09 г., когда страдало все население города, сенаторы всячески отказывались внести свою лепту в сбор выкупного назначенного Аларихом. Именно по вине сенаторов для того, чтобы доставить необходимое количество золота и серебра, пришлось разорять храмы и даже расплавить многие украшавшие город статуи (с. 291). В 397 г., когда Стилихон для борьбы с Гильдоном хотел получить от сенаторской аристократии рекрутов, сенаторы упорно противились этому, неоднократно отправляя посольства ко двору, с тем чтобы им заменили поставку рекрутов денежными платежами (с. 268—269, 277). Это происходило в то время, когда сам император был вынужден разрешить сбор поземельного налога с собственных земель (с. 277). Представители же сенаторской аристократии предпочитали тратить деньги на дорогостоящие игры на ипподроме. Симмах истратил 2 тыс. фунтов золота для преторских игр своего сына, сенатору Максиму игры в честь вступления его сына в должность претора обошлись в 4 тыс. фунтов золота (с. 277).

Но идеализация сенаторской аристократии — не единственный и не наиболее спорный момент в концепции автора. Основу этой концепции составляет тезис о сохранении и даже усилении сенаторского сословия в исследуемый период. Однако автор, по существу, не раскрывает причин этого феномена. Мэтьюз отмечает лишь чисто политические обстоятельства, которые способствовали усилению позиций сенаторской аристократии, а именно — изменение политики императоров по отношению к членам сената после смерти Валентиниана I, а также перенесение императорского двора из Трира в Милан, что территориально приблизило сенат ко двору (с. 256). О глубоких социально-экономических изменениях в позднеримском обществе в книге не говорится ни слова. Между тем несомненно, что именно здесь следует искать основ для разрешения проблемы.

Хотя выводы автора о сохранении сенаторской аристократии совпадают с результатами изысканий других исследователей⁷, не следует преувеличивать масштаб этого явления. По всей видимости, и численность сенаторской аристократии, и размеры ее земельных владений значительно уменьшились в результате конфискаций земель и варварских вторжений.

Выводы автора чаще всего строятся на отдельных примерах. Так, в главе, посвященной режиму Стилихона, Мэтьюз пишет: «Если случай Симмаха был типичным, то сенаторы в период Стилихона могли чувствовать, что их позиции при дворе были прочнее, чем когда-либо раньше» (с. 268). Но читателю хотелось бы убедиться в том, что положение Симмаха было типичным случаем, а не исключением для сенаторской аристократии того времени. Книге явно недостает использования статистически обработанного материала.

Большие возражения вызывают основные положения главы V («Христианство и двор: 1. Константинополь»). Глава посвящена в основном религиозной политике Феодосия I. Отмечая распространение христианства на Востоке, Мэтьюз связывает этот процесс с воздействием испанского окружения Феодосия, которое якобы привнесло на Восток «испанское благочестие». Самое существование некоего «испанского благочестия» в этот период остается абсолютно недоказанным и дано лишь как возможная параллель к «благочестию» аристократии Южной Галлии (с. 146—174). Весма

⁷ См. указанные в прим. 1 и 3 работы Арнхайма и Овербека.

спорно и положение об исключительности той роли, которую играли испанцы в окружении Феодосия I. В самом деле, в период его правления ключевую позицию в имперской администрации восточной части империи — должность префекта претория Востока — последовательно занимали: Фл. Неотерий (380—381), Флор (381—383), Постумиан (383), Матерн Кинегий (384—388), Татиан (388—392), Руфин (392—395)⁸. Из них Флор и Матерн Кинегий были испанцами. Из шести комитов *rei privatae* испанцами были двое: Небридий и Декстер⁹. За весь период правления Феодосия лишь один испанец (Флор) был удостоен поста магистра официй¹⁰. Должность префекта города Константинополя лишь короткое время (с января 386 по июнь 386 или 387 г.) занимал испанец Небридий¹¹. Существенно и другое: из тех испанцев, которые последовали на Восток за Феодосием, никто, в сущности, не задержался там надолго и не оставил своих корней, наличием и влиянием которых можно было бы объяснить дальнейшее укрепление там христианства. Политическая карьера Амелия Флора Патерна, сына Флора, префекта претория Востока в 381—383 гг., и при жизни Феодосия, и после его смерти была связана с Западом. В 393 г. он — проконсул Африки, затем после смерти Феодосия оказывается в Милане как важная фигура при дворе Гонория, в 396—398 гг. он — комит священных щедрот¹². Префект претория Востока 384—388 гг. Матерн Кинегий умер в 388 г., и его останки жена перевезла в Испанию (с. 110). Еще при жизни Феодосия умер и Небридий, префект Константинополя 386 г. От его недолгого брака с Олимпиадой, представительницей одной из богатейших фамилий Константинополя, детей, по-видимому, не осталось. Его сын от первого брака, носивший то же имя Небридий, умер молодым, оставив жену (дочь Гильдона Сальвина) с двумя маленькими детьми. Сальвина впоследствии стала активной сторонницей Иоанна Златоуста¹³, но испанкой она не была, и на ее образ мыслей мог воздействовать скорее великий проповедник, чем испанское окружение императора. Еще один испанец при дворе Феодосия — комит *rei privatae* 387 г. Нуммий Эмилиан Декстер — вскоре после смерти императора оказался на Западе и уже в марте 395 г. был префектом претория Италии¹⁴.

Итак, едва ли можно говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии испанцев на общество восточной половины империи.

С сожалением приходится констатировать, что в монографии Мэтьюза не учтены работы советских исследователей (В. И. Кузицина, Е. М. Штаерман, З. В. Удальцовой, М. Я. Сюзюмова, Г. Л. Курбатова, А. Р. Корсунского и др.), а также ряд трудов зарубежных авторов¹⁵.

А. А. Чекалова

G. R ö s c h. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaiser-titel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978, 180 S.

В основе монографии Г. Рэша лежит диссертация, представленная к защите осенью 1976 г. на философско-историческом факультете Гейдельбергского университета. Цель автора — дать обзор развития императорского титула «в официальном языке римско-византийской империи в период между Константином Великим и правлением Ирины» (с. 157). Труд Г. Рэша во многом восполняет пробел, существующий в византиноведении по данной проблеме, тем более что известные работы О. Зеека, Ф. Дэльгера, К. Бранди и Л. Брейе, имеющие к ней отношение, ограничивались, как правило, сбором соответствующего материала. Г. Рэш, пользуясь просопографическим методом исследования, справедливо считает собранный до него материал не-

⁸ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971, p. 1051—1052.

⁹ Ibid., p. 1064, 520, 251.

¹⁰ Ibid., p. 1060—1061.

¹¹ Ibid., p. 1056—1057, 620.

¹² Ibid., p. 671—672.

¹³ Ibid., p. 799.

¹⁴ Ibid., p. 251.

¹⁵ См. указанные выше работы Арсака, Кастаньоля, Малкюса.

достаточным, а принципы его отбора — неудовлетворительными и посвящает первую часть книги составлению анкеты титулярных апеллятивов.

В анкете вычлениются четыре группы: 1) «функциональные титулы», 2) почетные именованья и апеллятивы, отражающие добродетели императоров, 3) триумфальные титулы и 4) христианские формулы в титулах. Г. Рэш привлекает наряду с формами титулов, содержащимися в документах и письмах римских и византийских монархов, также другие императорские именованья, если они носят официальный характер. Принцип, лежащий в основе такого членения, нельзя назвать узкоформальным, но рассмотрение исторического развития каждой анкетной «клеточки»-предиката почти не касается ее социально-сущностной основы. Например, под «функциональным титулом» Г. Рэш, следуя за Х. Вольфрамом, понимает любой титул, который приводит сам император или который прилагается к нему другими лицами, т. е. «каждый титул, который обозначает императора как такового или государственную должность, которой правитель обладает» (с. 29). Поэтому «функциональные титулы», в свою очередь, легко дифференцируются на понятия, обозначающие республиканские, государственные должности, входящие в императорскую титулатуру (*pontifex maximus*, *consul* и т. д.), и на «функциональные титулы для обозначения императорского достоинства» (*Augustus*, *imperator*, *basileus* и т. п.), хотя — надо в этом отдать Г. Рэшу должное — изменение содержания предиката во времени фиксируется довольно скрупулезно. Привлечение для констатации этих изменений значительного источниковедческого и историографического материала делает первую часть монографии хорошим справочником.

Уже на уровне анкеты Г. Рэшу, учитывая хронологическое значение и сферу применения титула, удается установить большую цепкость античных традиций в титуловании и известную перемену в «официальном языке» VI в., выразившуюся в более редком применении ранее общеупотребительных именованний императоров; в языке императорской канцелярии это фиксируется немного позже. Лишь Ираклий решительно рвет с позднеантичной титулярной традицией (особенно хорошо это показано на примере терминов, обозначающих императорское достоинство), но остатки бывших именованний устраниаются только к концу VII в. Характерно, что, рассматривая историю каждого апеллятива, Г. Рэш стремится выдержать применение понятий *Selbstbezeichnung* и *Fremdbezeichnung*. Первое понятие, по мнению автора, присуще «в узком смысле официальным императорским титулам», приводимым главным образом в собственно императорских документах, указах и т. п., второе — титулам полуофициального характера (с. 20—21), сообщаемым монетами, надписями, актами соборов, письмами. Связывая указанные понятия с типами и, естественно, конъюнктурой источников, Г. Рэш все же не развивает такую типологию до уровня ее социального содержания. Поэтому уже в начале второй части монографии — «Die Intitulationen Kaiserlicher Schreiben» — само понятие «императорские документы» опять-таки носит формальную окраску: это — все виды письменных документов, которые составлены либо самими императорами, либо от имени последних (безразлично, официального, полуофициального или частного характера). В отличие от первой части своего труда, Г. Рэш исследует здесь развитие *intitulationes* в их совокупности от Августа до Ирины.

Делая подобный хронологический срез, автор не ограничивается обзором изменения комбинаций собственно античных титулов в I—начале VI в. Особенно важным представляется наблюдение Г. Рэша над вытеснением в *intitulatio* классических античных формул новыми и их сосуществованием при Константине I. Продолжая высказанную ранее (с. 45) мысль о замене в титуле Константина после победы над Лицинием предиката *invictus* апеллятивом *victor*, исследователь подчеркивает христианизированное содержание последнего (с. 79, 123). В основе своей «смешение» в императорской титулатуре «старого и нового» (с. 83, 157), подмеченное для правления Константина I, акцентированно проглядывает в приводимых автором реалиях вплоть до Юстиниана I. Акцентирование Константином II внимания на понятии «вечности» применительно к императорской особе, отказ Грациана от титула *pontifex maximus* (чему Г. Рэш придает большое значение), введение в *intitulatio* понятия *inclitus* здесь ничего принципиально не меняют. Автор сам указывает на ограниченное социально-политическое звучание апеллятива *victor* (имевшего определенный вес для Валентиниана I, провозглашенного солдатами) и на нейтральность титула *inclitus*, в известной мере заменившего титул

pontifex maximus (ибо *inclitus* имел корни и в античной мифологии — как атрибут героев и в христианстве — как атрибут мучеников). В V в. все совершающиеся в титулатуре перемены, по Г. Рэшу, остаются в рамках созданного от Константина I до Грациана канона. Это наблюдение дает автору возможность предпринять своего рода «типологический срез» и выделить для V в. три типа титулов, «основные формы которых (курсив наш. — А. К.) относительно прочны», т. е. делать упор не столько на сущностные признаки титулов, сколько на формально-комбинационные (с. 88—94). Здесь же Г. Рэш ставит вопрос о коротких титулах, широко известных по кодексам Феодосия II и Юстиниана I, и предполагает, что полный титул мог применяться в императорских документах, предназначенных для «общественности», а краткий — в юридических сборниках, имеющих иную цель (с. 98). Тем не менее все выделяемые типы титулов, по мнению автора, почти не имели пропагандистского, политического заряда вплоть до Юстиниана I (с. 100).

Не говоря о спорности такого положения, отметим вместе с тем правильность увязывания автором перемен в императорской титулатуре, совершенных при Юстиниане, с политической программой последнего. Очевидно, пропагандистские цели имели и *mansuetus* Юстина II (в противоположность «жестокости» его предшественника), и *pacificus* Тиверия (в связи с обострением внешнеполитической обстановки). Г. Рэш справедливо придает серьезное значение появлению универсального титула *basileus* и отказу от старой титулатуры при Ираклии. Другое дело, что если и говорить в связи с этим о крахе «в своих основах» «вековых традиций римской титулатуры» и ликвидации их остатков при Льве III (с. 107, 158), то звенья внутрититулярных комбинационных изменений VII—VIII вв. (в частности, «всплеск» античных эпитетов в титуле Юстиниана II) также следовало бы привязать к конкретно-исторической ситуации. Подобное изыскание было бы тем более логичным, что судьбу такого важного именованья, как *basileus* τῶν Ῥωμαίων, Г. Рэш не просто связывает с коронацией Карла Великого, но проследивает в плане асинхронности появления титула на печатях, с одной стороны, и монетах — с другой.

Рассмотрение *intitulationes* в совокупности и на большом хронологическом отрезке позволило автору сделать интересные источниковедческие наблюдения в очерке об императорском титуле в *Constitutum Constantini*, а именно предположить в качестве образца для этого титула именованья, содержащиеся в документах византийской канцелярии 565—582 гг. и *Collectio Avellana*.

В третьей части монографии рассмотрено употребление императорского титула на монетах, печатях, в датах документов и актов, а также в письмах. Специфика каждого вида названных источников влияла на форму титулатуры — об этом автор говорит еще во «Введении». В силу данного обстоятельства указанные источники содержат в сравнении с официальными документами лишь вспомогательный материал. Предлагаемый Г. Рэшем обзор титулатуры, представленной, например, на монетах IV—VIII вв., опять-таки приводит автора к необходимости связывать ее с нюансами политического характера; это — и формулировка *victoria Augusti* на монетах Фоки, отражающая его «волю к единоличной власти», и термин *victor* на солидах Тиверия, при котором актуальным вопросом была пропаганда борьбы с персами, и титулы на монетах Льва IV, показывающие его стремление легитимировать династию (с. 130—131, 133). Та же проблема возникает при обзоре титулатуры императоров, отраженной датами документов и актов 537—800 гг., но Г. Рэш касается ее в той же мере, в какой давал свое объяснение политической пропаганде Юстиниана I (ср. с. 101—102, 130, 136). Что касается титулатуры в письменных обращениях к императору, то автор делит их на исходящие от подданных-византийцев, с одной стороны, и от иностранных государей — с другой. Правда, если формы обращений второго типа, по Г. Рэшу, отражают какую-то политическую ситуацию (например, разницу в отношениях к Византии Тевдебальда и Хильдеберта II), то обязательно ли урегулирование титулярных обращений самих византийцев предусматривало статичность внутримперской конъюнктуры? Приведенный свод титулов-обращений внутримперского происхождения (с. 144—154) может, на наш взгляд, служить источником для исследования такого вопроса.

Автор не всегда решает поставленную во «Введении» задачу — исследовать не только происхождение титула, но и его значение в какой-либо политической ситуации

(с. 22). И в этой связи хочется сделать еще одно замечание. Затронутый хронологический период Г. Рэш считает «эпохой перехода от римского к византийскому государству, перехода, который в те столетия... осуществлялся во всех сферах общественной жизни» (с. 157), причем характер этого перехода, отражающегося и в идеологических переменах, — сугубо эволюционный (ссылка на «принципиальные» изменения в титулатуре Грациана, Юстиниана I и Ираклия здесь мало что меняет). С другой стороны, в монографии практически не рассматривается влияние на *intitulatio* со стороны отдельных групп населения империи: как правило, титул — творение императоров и их канцелярии (с оглядкой на внешнюю политику и христианизацию), и в восприятии его общественное мнение в основном пассивно (см., например, с. 49—59). Не отрицая огромного влияния правящих групп и официальной доктрины на характер титулатуры, мы считаем необходимым также учитывать совокупность идейно-политических и — главное — социальных факторов.

А. С. Козлов

Actes de Kastamonitou. Edition diplomatique par Nicolas Oikonomides. Texte et planches (=Archives de l'Athos, IX). Paris, 1978.

Одно из наиболее значительных начинаний в зарубежной византистике — систематическое издание актов из архивов афонских монастырей — продолжает успешно осуществляться: перед нами уже девятый том этой серии, посвященный архиву монастыря Кастамониту. Он подготовлен к публикации Н. Икономидисом, отлично зарекомендовавшим себя образцовым изданием актов Дионисиевского монастыря (ему же предстоит в сотрудничестве с Ж. Лефором подготовить к изданию акты Ивирского монастыря и в сотрудничестве с Е. Зизика — акты Дохиарского монастыря).

По сравнению с предыдущими томами серии этот выпуск отличается скромным объемом вследствие крайней скудости дошедших до нас материалов архива Кастамонитского монастыря. Дело в том, что почти все материалы архива, которые датировались временем до XV в., погибли в результате пожара в 20-е годы XV в. (сохранившиеся единичные документы публикуются). Всего в томе опубликовано восемь подлинных документов, из которых самым ранним является акт прота Феофилакта от 1047 г., а самым поздним — акт прота Савы от 1513 г. Между ними документы располагаются в такой хронологической последовательности: 1310 г. — акт прота Феофана, 1317 г. — акт прота Исаака, 1333 г. — акт прота Исаака, 1362 г. — акт прота Дорофея, 1426 г. — акт патриарха Константинопольского Иосифа II, 1471 г. — акт прота Даниила. За исключением акта Феофилакта, который опубликован по копии XVI в., все остальные — оригиналы, и все они публикуются впервые. Кроме того, публикуются документы, включенные издателем в три приложения, из которых первое содержит пять подложных документов (подделка акта прота Исаака от 1333 г., подделка хрисовула Иоанна V Палеолога предположительно от 1363 г., подделка хрисовула Мануила II Палеолога от 1407 г., начало и конец грамоты патриарха Иеремии II от 1579 г., подделка акта патриарха Иосифа II от 1426 г.), второе — легендарный рассказ о монастыре Кастамониту, третье — хранящийся в Кастамоните в негативе на стеклянной пластинке акт прота Игнатия от 1483 г., подлинник которого находится в архиве Зографского монастыря.

Незначительное число публикуемых документов позволило объединить в одном томе и тексты и фотокопии, хотя наряду с выгодами это создает и некоторые неудобства в пользовании ими: читатель лишен возможности положить рядом изданный текст и фототипическое воспроизведение документа и сравнить их. Приходится также с сожалением констатировать, что плохая сохранность документов и невозможность для издателя обеспечить их фотографирование в инфракрасных лучах обусловили плохое качество некоторых фотоснимков: многие из них совершенно нечитабельны. Тем более мы должны быть благодарны публикатору за его большой труд по установлению текстов документов на основе многократного обращения к подлинникам. Одно только замечание: можно понять и принять принципы издания, которые предписаны рамками серии и которые предусматривают адекватное воспроизведение издаваемых текстов со всеми их особенностями вплоть до воспроизведения орфографии

ских особенностей писца (скажем, неправильного употребления или отсутствия придыханий, ударений, обилия итализмов и т. д.), но в сравнении с таким ригоризмом кажется непоследовательным воспроизведение славянских подписей, встречающихся в некоторых документах, в латинской транскрипции.

По своему происхождению документы кастамонитского архива весьма разнообразны. Среди них нет подлинных императорских хрисовулов, только одна патриаршая грамота, отсутствуют документы центральной и провинциальной администрации, частные акты. Только акты протата! Конечно, и они представляют большой интерес, особенно с точки зрения византийской дипломатики. Так, любопытен акт Феофилакта 1047 г. (№ 1), подтверждающий продажу игуменом Ксерокастропа Никифором монаху Арсению монастырька Неакиту (который обозначается также термином *ἀγρός*) и сочетающий в себе элементы запродажного акта и дарительной (это отразилось и в неустойчивой терминологии для обозначения номенклатуры акта: *ὑπορεά και χάρις, οἰκονομία, δικαίωμα*). В акте прота Исаака от 1317 г. (№ 3), разрешающем возникший между Кутлумушским и Ксенофонтовским монастырями спор по поводу оливковой рощи Скамандрену, описывается экспертиза подлинности представленного монахами Ксенофонтовского монастыря документа, который был признан подозрительным из-за особенностей написания букв, ясности чернил и неповрежденности пергамента (стк. 55: *ἡ τε γὰρ τῶν γραμμάτων εἰκὼν καὶ ἡ τοῦτων ὑποπερπομένη τοῦ μέλανος αὐτῇ καὶ αὐτὸ δὴ τὸ τῶν μεμβράνων μονονουχί*). Речь между тем шла о копии с подлинного акта 1083 г. из архива Ксенофонтовского монастыря, о существовании которого почему-то не знали монахи этого монастыря, а представили копию, считая ее оригиналом. В акте прота Исаака 1333 г. (по поводу спора между монастырями Зографским и Неакиту) говорится о том, что один из представленных зографитами документов был признан *ψαλλόγραφον* на том основании, что был написан двумя почерками (№ 4, стк. 33).

Следует также отметить мастерство и тонкость анализа, которые демонстрирует Икономидис при рассмотрении подложных документов, — этого специфического исторического источника, которому ученый с полным правом уделяет столь же большое внимание, как и подлинным актам. Изучение способа подделки, текстологические изыскания приводят ученого к интересным и убедительным выводам, особенно в отношении поддельного хрисовула императора Мануила II Палеолога, подтверждающего права Кастамонитского монастыря на монирий Скамандрену (1407 г.). По его мнению, прототипом по крайней мере некоторых частей подделки послужил хрисовул Иоанна V; в свою очередь поддельный хрисовул Мануила II был включен в грамоту (подлинную) патриарха Иеремии II от апреля 1579 г. и, таким образом, как бы получил законную силу (Appendice I γ). Надо сказать, что еще Порфирий Успенский считал этот документ подложным. В сборнике его копий афонских документов, хранящемся в Отделе рукописей Библиотеки АН СССР (текущие поступления, № 600), на с. 289 им записано (орфографию исправляю на современную): «Хрисовул царя Мануила, 6915-1407 года, я видел это Деписание в первую бытность мою в Кастамоните в 1846 году и усомнился в подлинности его. Но, может быть, мне показали худо списанную копию сего акта». Кстати, Икономидису известно, что на с. 261—288 данного сборника (им указан уже устаревший шифр) содержится и переписанный рукой Успенского легендарный рассказ о монастыре Кастамониту (*Δόχος ιστορικός τῆς παρόσης Μονῆς*). Мне, к сожалению, не удалось разрешить загадки о той греческой рукописи данного сочинения, которую якобы привез с собой из Кастамонитского монастыря Порфирий Успенский, — работа Е. Куриласса, на которую ссылается Икономидис (с. 97, прим. 2), для меня оказалась недоступной. Никаких указаний на это я не встретил ни в вышеуказанном сборнике Порфирия Успенского, ни в подробном описании рукописей, привезенных им и хранящихся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹.

Публикуемые в рецензируемой работе акты важны и как источник по истории социально-экономических отношений. Как и акты других монастырей, они отражают процесс укрупнения и концентрации монастырской земельной собственности. Интересно отметить, что в подлинном акте прота Исаака от 1317 г. (№ 3) *expressis verbis*

¹ См. Краткий обзор собрания рукописей, принадлежащих Порфирию, а ныне находящихся в императорской Публичной библиотеке. СПб., 1885.

сказано о процессе поглощения мелких монастырьков (монидриев и эвктериев) крупными, что «это стало почти законом на Афоне» и что «большинство монастырей находится в подчинении у более крупных». Подтверждением этому является история собственно Кастамонитского монастыря, которую тщательно реконструирует Икономидис, опираясь при этом не только на скудные данные публикуемых документов, но и на свое превосходное знание всего архивного фонда афонских монастырей, в том числе и в значительной мере неизданного. Он скрупулезно отделяет легендарное и вымышленное в истории монастыря от достоверного; выясняет то обстоятельство, что Кастамонит был императорским, а не ставропигиальным монастырем; подчеркивает, что качественно новым этапом в обогащении монастыря явились вклады серба Радича, великого чельника сербского деспота Стефана Лазаревича (1389—1427) и его преемника Георгия Бранковича (1427—1456), с вступлением которого в монастырь в качестве монаха (Радич ввел в Кастамоните киновийный устав) изменился и этнический состав монастырской братии: он стал все больше славянизироваться.

Восстанавливая историю монастыря, следовало бы учесть и данные русских источников, свидетельствующих, например, о том, что посланником Грозного Иваном Мешениновым «в монастырь Кастамонит, где не было Игумена, дано пятидесяти челоуекам братии восемьдесят рублей, и осьминадцати скитникам пять рублей»². В другом месте этой публикации³ содержится известие о том, что в начале царствования Феодора Ивановича отпущен был из Москвы через Смоленск игумен Дионисий Кастамонитский со старцем, который, однако, не фигурирует в составленном Икономидисом списке игуменов Кастамонитского монастыря (с. 10).

Наконец, для меня остается загадкой, находятся ли в архиве Кастамонитского монастыря две грамоты патриарха Неофита, датированные 1799 г., снабженные подписью патриарха и его собственной сургучной печатью и относящиеся к данному монастырю (мы узнаем, в частности, что в это время игуменом в Кастамоните был Гавриил). Текст этих грамот (начало первой: 'Οσιώτατοι ἐπιστάται καὶ Μαγίστηδες τῆς κοινότητος τοῦ ἀγῶνιζοντος ὁρους, второй: 'Οσιώτατε ἐν πνευματικῇς πατρᾷσι χὸρ Γαβριήλ) переписан карандашом Порфирием Успенским в уже упоминавшемся сборнике его копий афонских актов (с. 297—299).

И. М.

L. Balletto. *Genova. Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII—XV). Genova, 1976 (Civico Istituto Colombiano, Studi e Testi, Ser. storica, I)*

Книга сотрудницы Института палеографии и средневековых исследований Генуэзского университета Лауры Баллетто посвящена экономической и политической роли Генуи в Средиземноморье в период наивысшего могущества Лигурийской морской республики, поддерживавшей тесные связи как со странами Леванта и Византией, так и с государствами Западной Европы. Ценность исследования Л. Баллетто, построенного как система очерков, заключена прежде всего в тщательном анализе недавно опубликованных генуэзских источников по истории Леванта и введении в научный оборот новых материалов из фондов Генуэзского государственного архива. Хронологические рамки исследования традиционны: вторая половина XIII (период, когда Генуя утвердилась на Босфоре и основала крупнейшую черноморскую колонию — Каффу) — конец XV в. (когда наступившее в результате османских завоеваний «закрывание» средиземноморского мира привело к поискам новых торговых путей и подвело черту под историей генуэзского средневековья — см. с. 5—6). Отметим, впрочем, условность этого «закрывания»: ведь, несмотря на общий упадок итальянской торговли в Восточном Средиземноморье, она продолжала существовать и зафиксирована в генуэзских источниках конца XV—XVI в.¹

В I части книги рассмотрены эпизоды борьбы Генуи с Арагоном за Северо-Западную Сардинию, генуэзская торговля с Сирией, Египтом и Тунисом в 1418—1423 гг.

² Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, т. 1, с. 142.

³ Там же, с. 147.

¹ См., например: Musso G. G. Le ultime speranze dei Genovesi per il Levante; ricerche d'Archivio. — In: Genova, la Liguria e l'Oltremare. Genova, 1974, v. 1, p. 1—39.

проблемы истории генуэзской Корсики конца XV в., а также прослежена по новым материалам фонда Diversorum история генуэзского порта в 1460—1461 гг.

Прямое отношение к истории Византии имеют II и III части книги. В главе о связях Перы и Генуи в 1281 г., т. е. через 20 лет после заключения Нимфейского договора, перед нами — картина уже налаженной и интенсивной торговой жизни генуэзской колонии в Галате. На основании 20 актов, охватывающих период от 27 июня до 9 октября 1281 г.², автор анализирует типы судов, совершавших плавание из Генуи к византийским берегам, условия контрактов по перевозу товаров, стоимость фрахта судов, состав купечества Перы. Все данные свидетельствуют о большом разнообразии торговой деятельности генуэзского купечества, позволяют установить, что в это время в основном из Византии экспортировались две группы товаров: 1) «merci sottili» — меха, лаки, перец и т. п., 2) «тяжелые» товары, как кожи и воск. Вывоз последних объясняется тем, что их стоимость в Византии была существенно ниже, чем в странах Западной Европы. Первая группа товаров транспортировалась на быстроходных вооруженных галерах, а вторая — на более вместительных и менее маневренных навах, на которых цена фрахта была примерно в два раза ниже, чем на галерах. Среди предметов, ввозившихся из Генуи в Романию, явно преобладают ремесленные изделия: шелковые и льняные ткани, обувь, оружие, ножи, предметы роскоши. Из сырья вывозится только свинец.

Вторая глава II части посвящена генуэзской навигации в Черном море по нотариальным документам 1289—1290 г. (акты Ламберто ди Самбучето, составленные в Каффе), 1343—1344 г. (акты нотариуса Николо Бельтраме, Каффа), 1360—1361 г. (акты Антонио Ди Понцо, составленные в Килие)³. Хотя три указанных промежутка времени рассмотрены по отдельности, можно проследить единую схему анализа; типы и наименования участвовавших в плавании судов — собственники и патроны судов — стоимость судов и фрахта — маршруты — предметы и масштабы торговли. В этот период из Византии и черноморских областей вывозятся, помимо кож и воска, квасцы, зерно, рыба, соль, сыры, солонина, вино, серебро, рабы. Основным маршрутом навигации является линия Константинополь (Пера) — Каффа. Крупными торговыми пунктами в Крыму являются также Чиприко (экспорт соли) и Солгат, на Азовском море — Тана (Азов), в устье Кубани — Ло Коп, на Кавказском побережье — Фасис или Ло Вати (Батуми), на анатолийском берегу — Трапезунд, Кerasунт, Симиссо, Синоп.

Приведенные автором материалы показывают, что основные принципы генуэзской навигации не претерпели существенных изменений с конца XIII до середины XIV в. Вместе с тем нельзя не заметить постепенного увеличения роли неитальянского населения в генуэзских торговле и мореплавании. С середины XIV в. среди собственников судов и владельцев квот (кратов) все чаще встречаются греки, а также жители генуэзских колоний и факторий на Черном море — Килии, Трапезунда, Маврокастро, Кerasунта⁴.

В третьей главе II части Л. Баллетто публикует 11 документов из картулярия № 356, хранящегося в Государственном архиве Генуи: десять из них освещают торговую жизнь Перы в 1331—1332 гг. и один составлен на острове Митилена (Лесбос) 20 сентября 1334 г. По своему содержанию эти документы довольно разнообразны: доверенности на ведение дел, оформление кредитов, аккомодации, акты купли-продажи. Все документы свидетельствуют об интенсивности экономической жизни Перы в момент нарастания генуэзско-византийских противоречий, вылившихся в известный

² Brătianu G. I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle (1281—1290). — In: Etudes et Recherches. Bucarest, 1927, 2.

³ Публикации: Balard M. Gênes et l'Outre-mer, I. Les actes de Caffa du notaire Lambert de Sambuceto, 1289—1290. Paris, 1973; Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973; Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360—1361). Genova, 1971.

⁴ О купцах восточного происхождения см.: Musso G. G. Gli orientali nei notai genovesi di Caffa. — Archivi e cultura, 1973, 7, p. 97—110; Idem. Gli ebrei nel Levante genovese: ricerche di archivio. — La Berio. Bollettino bibliografico quadrimestrale, 1970, 10, N 2, p. 5—27.

конфликт 1336 г. В Пере находились представители наиболее влиятельных и богатых генуэзских фамилий (например, Дриа, Спинола, Саули).

III часть книги посвящена разным аспектам истории Каффы. Весьма интересно исследование монетных систем Черноморья, проведенное на материалах нумизматических наблюдений автора, дополняющие известную книгу Шильбаха о византийской метрологии⁵. В главе «Каффа, 1371 г.» Баллетто издает серию интересных документов, и в их числе — уникальные акты распродажи с аукциона имущества умершего в Каффе нотариуса Николо Боссони, дающие представление о материальном положении средних слоев генуэзского чиновничества, занимавшегося и торговлей в Северном Причерноморье. Общая выручка составила солидную сумму — 19 тысяч аспров барикатов; распродавалось недвижимое имущество (8960 аспров), две рабыни и один раб (1945 аспров), много одежды, украшений, домашней утвари, оружия, товаров. Среди покупателей названы греки, в том числе — из Симиссо и Севастополя (современные Сухуми), татары, немцы и даже гасконец. Автор провел исчерпывающий анализ состава покупателей, относящихся к разным социальным слоям. В последней главе книги опубликованы акты нотариуса Эмануэле Гранелло, составленные в Каффе в 1467 г. и отражающие развитие в городе стекольного ремесла, торговлю книгами и другие интересные явления в экономической жизни Каффы накануне ее падения.

В заключение еще раз отметим, что Л. Баллетто не предлагает новых концепций развития связей Генуи и Леванта, не делает широких обобщений. Значение монографии — в том, что она вводит в научный оборот новые материалы, которые подлежат скрупулезному анализу⁶.

С. Д.

Х. К. Παπαστάθης. Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίᾳ (= 'Ελληνικὴ ἑταιρεία σλαβικῶν μελετῶν, 2). Θεσσαλονίκη, 1978

Работами ученых разных стран убедительно доказано, что с деятельностью «славянских апостолов» Кирилла и Мефодия было связано появление таких древнейших памятников славянского права, как Номоканон Мефодия, представляющий собой переводную выборку из известной византийской юридической компиляции — Синагог Иоанна Антиохийского (Схоластика) — и так называемая анонимная Гомилия сеньора Клоца (Codex Clozianus), в которой Гривец и Вайян независимо друг от друга определили наставление Мефодия судьям-князьям. Спорным считается отнесение некоторыми учеными также к деятельности византийских миссионеров Закона Судного дня — памятника, возникновение которого одними исследователями (преимущественно чехословацкими) связывается с великоморавской средой, другими же — с Болгарией, Македонией или Паннонией.

В рецензируемой книге греческого историка Х. Папастатиса, известного своими работами в области византийского права и его судеб в славянских странах, предпринята попытка пересмотра сложившихся точек зрения на проблему происхождения и соотношения этих трех древнейших памятников славянского права, всестороннее изучения церковно-правового аспекта миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, где в основном и протекала деятельность этих просветителей. Новое в подходе греческого историка к рассматриваемым вопросам заключается в том, что если его предшественники пользовались преимущественно филологическими и лингвистическими методами, то он изучает названные тексты с точки зрения юридической и исторической

в контексте развития римско-византийского права в целом. Причем своеобразным ключом для решения поставленных проблем автору служит гомилия, рассмотрению которой посвящены три главы из семи, имеющихся в книге.

В главе I подробно анализируется сборник Клоца, этот *codex unicus* (XI в.), в составе которого дошла до нас гомилия. Подчеркивается, что анонимная гомилия не имеет собственного титула, как остальные гомилии кодекса, и находится между двумя гомилиями Иоанна Златоуста. Папастатис указывает издания анонимной гомилии и ее переводы на латинский (Копитар, Гривец), чешский (Досталь, Вашица), словацкий (Паулини), словенский (Гривец) и французский (Вайян) языки и, в свою очередь, дает ее перевод на греческий язык (с. 19—24), используя в качестве оригинала критическое издание Достала. Анализ содержания гомилии приводит автора к выводу о том, что она адресуется к князю и местным судьям, что народ, о котором говорится в гомилии, был недавно обращен в христианство и не оставил еще полностью языческих обычаев, что поводом для ее написания был поступок какого-то знатного христианина, который развелся со своей женой, чтобы жениться затем на собственной крестнице или на матери крестницы с согласия князя. Отмечается, что гомилия предполагает существование письменного, но не полного законодательства, лакуны которого она и пытается заполнить новыми распоряжениями, что по своему характеру гомилия представляет собой пособие по судебной процедуре, *δικονομικὸν ἔργον* (с. 26).

Интересна глава II (с. 27—36), в которой анализируются те правовые нормы, которых касается анонимная гомилия: запрет языческих обычаев, запрет брака по причине «духовного родства» первой и второй степени, моногамия, прелюбодеяние, расторжение брака. Сопоставление их с соответствующими нормами римско-византийского права показывает, что автор гомилии точно следует римско-византийской правовой традиции и церковным канонам. То же самое Папастатис констатирует и в отношении принципов судопроизводства, вводимых гомилией: равенство сторон перед законом, беспристрастность судьи, разбирательство только с привлечением свидетелей (число которых, однако, не определено), применение судьями писаного права, принцип законности судопроизводства, выражающийся в том, что только назначенный богом отправлять правосудие может заниматься разбором тяжб (*nemo iudex sine lege*) и что никто не может подвергаться наказанию иначе, чем через суд и в соответствии с распоряжениями действующего права (*nemo poena sine iudicio*); наконец, принцип необратимости закона.

Глава III (с. 37—42) целиком посвящена обоснованию тезиса об оригинальном характере анонимной гомилии, который автор выдвигает и отстаивает в полемике с господствующей в настоящее время точкой зрения, согласно которой гомилия представляет собой перевод утраченного или невыявленного сочинения (Копитар, Вондрак, Гривец, Вайян, Вашица). Аргументы Папастатиса черпает в самом содержании документа. По его мнению, с которым трудно не согласиться, такое предписание, как запрет брака по причине духовного родства, санкционированное Трулльским собором в 692 г., показывает, что гомилия, а также ее греческий оригинал (если он существовал), были сочинены после этой даты. Но поскольку христианизация империи была завершена задолго до этой даты, то в самой империи не было нужды сочинять гомилию, касающуюся новообращенных, и, следовательно, она могла быть составлена в областях, находившихся за пределами старого христианского мира и только что подвергшихся христианизации. Что же касается тех многочисленных греческих идиоматизмов, который Вайян выявил в старославянском тексте гомилии, то они могли появиться вследствие того, что автором памятника был византиец, который, составляя текст на старославянском, воспроизвел грамматические и синтаксические обороты родного ему греческого языка (с. 39). Следует также отметить важное, на наш взгляд, наблюдение Папастатиса относительно термина «Закон», употребленного в гомилии в двойном значении: 1) в значении «св. Писания» (в этом случае он всегда сопровождается соответствующими эпитетами, подобающими Ветхому и Новому Заветам) и 2) в значении, очевидно, уже известного суду действующего положительного законодательства, которое Папастатис склонен отождествлять с Номоканонем Мефодия и Законом Судным людям (с. 41).

Для обоснования этого тезиса предпринимается детальное рассмотрение двух названных памятников. Правда, вызывает некоторое недоумение то, что только в главе IV

⁵ Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. К сожалению, данные Шильбаха практически не учтены в книге Баллетто.

⁶ К теме монографии примыкают также исследования автора: *Balletto L. Un car d'argento in fondo al Mare (Constantinopoli — 1281). — Atti dell'Accademia Lig di Scienze e Lettere, 1977, v. 333, p. 3—8; Eadem. Astigiani, alessandrini e monferr a Caffa sulla fine del sec. XIII. — Rivista di Storia, Arte e Archeologia per le P vince di Alessandria e Asti, 1976, annata 85, p. 171—184; Eadem. Il commercio del p nel Mar Nero sulla fine del Duecento. — Critica storica, 1976, 13, N 3, p. 390—400. Eadem. Commercio di grano dal Mar Nero all'Occidente (1290—91). — Ibid., 1977, N 1, p. 57—65.*

(с. 43—66) автор подробно излагает все перипетии миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии (очевидно, с этого нужно было начать книгу). Как известно, И. Вашица считал, что Номоканон Мефодия представляет собой выборку из Синагоги Иоанна Схоластика, которая была обработана им с учетом местных событий, так что можно говорить о «новом, великоморавском типе Номоканона», отмеченном чертами тенденциозности по отношению к восточнохристианской церкви. Папастатис отрицает это, полагая, что Номоканон Мефодия ничем не отличается от традиционных византийских номоканонов. «Если бы Мефодий хотел приуменьшить патриарший трон Константинополя, — говорит Папастатис, — то он бы не перевел из Синагоги (Иоанн Схоластика) в свой Номоканон третий канон второго Константинопольского собора (381 г.) о примате епископа Константинополя перед епископом Рима» (с. 53—54). Большое значение автор придает и тому факту, что Номоканон Мефодия сохранился лишь в составе кормчих на Руси, т. е. в стране, которая принадлежала к юрисдикции византийской церкви. С другой стороны, по его мнению, неправ и Троицкий, который вопреки Вашице, считал, что Мефодий своим Номоканоном пытался ввести нормы, направленные против западной церкви (например, 34 канон апостолов). Папастатис подчеркивает, что данный канон не содержит ничего, ущемляющего престиж папы, но лишь подтверждает права «первого епископа каждого народа» по отношению к его суффраганам. Мнение Троицкого можно было бы принять, «если бы Мефодий вместо Синагоги перевел так называемый Номоканон Фотия или, что правильнее, Номоканон в 14 титулах» (с. 56). Номоканон же Мефодия (Папастатис датирует его 883 г.) содержит канон, одобряемый обеими церквями, и отвечает сугубо религиозным и пасторским целям: а сам Мефодий, этот «верный сын нераздельной церкви», как иерарх и переводчик, был выше конфликта двух церквей (с. 59). Думается, что последний тезис греческого историка не бесспорен, причем независимо от того, содержал или нет Номоканон Мефодия какие-либо распоряжения, ущемляющие или возвышающие одну из церквей.

В этой же главе автор детально освещает историю изучения Закона Судного людям (с. 60—66), подчеркивает, что лучшим изданием памятника является издание М. Н. Тихомирова и Л. В. Милова (на котором он и основывается), анализирует имеющиеся на сегодняшний день точки зрения на происхождение памятника — «болгарскую теорию (господствующую), «великоморавскую», «македонскую», «паннонскую», придерживаясь, однако, собственного мнения для другого раздела книги.

Основу главы V (с. 67—86) составляет сопоставление юридических норм, присущих всем трем рассматриваемым текстам (такими нормами являются запрет языческих обычаев, провозглашение моногамии, осуждение прелюбодеяния, принципы судопроизводства) или же двум из них. Так, общими для анонимной гомилии и Закона Судного людям являются такие правовые нормы, как запрет брака по причине духовного родства и расторжение брака, для Номоканона Мефодия и Закона Судного людям — воровство, гробокопательство, ограбление храмов. Это сопоставление приводит автора к важному, на наш взгляд, выводу о том, что все три памятника рассматриваемые, указанные юридические сюжеты, дополняя друг друга и нигде не сталкиваясь (с. 79). Внимание автора привлекает также система наказаний за уголовные преступления, которая содержится в Законе Судного людям и на которую, по мнению Папастатиса, оказала большое влияние практика наложения церковных эпитимий, характерная для западной церкви и введенная в Великой Моравии франкскими миссионерами задолго до Кирилла и Мефодия. Тот факт, что эта практика не нашла своего применения в Болгарии, хотя представление о ней болгары могли составить из такого известного документа, как *Responsa ad Consulta Bulgarorum* папы Николая I, лишний раз доказывает, по мысли автора, моравское происхождение Закона Судного. Это объясняет также включение анонимной гомилии в кодекс Клоца, который содержит гомилии, предназначенные для оглашения на святой неделе: канонические наказания в католической церкви налагаемые на верующих, публично оглашались в самой церкви в святой четверг (с. 86).

В главе VI (с. 87—96) делается попытка установить источники указанных памятников — Номоканона Мефодия, Закона Судного и анонимной гомилии. Что касается первого из них, то здесь все более или менее ясно: Номоканон представляет собой, как уже отмечалось, выборочный, но точный перевод Синагоги в 50 титулов Иоанна

Схоластика (235 канонов из 377, содержащихся в Синагоге). Менее бесспорным является вопрос об источниках Закона Судного. Автор пересматривает устоявшуюся точку зрения на то, что составитель этого памятника наряду с византийской Эклогой использовал в качестве источника также *Responsa Nicolai Papae ad consulta Bulgarorum*. Сопоставление Закона Судного с этими двумя юридическими текстами дало следующие результаты: 29 глав из 32, содержащихся в Законе Судном (в издании Тихомирова — Милова), основаны на Эклоге, причем 18 из них являются точными переводами соответствующих распоряжений Эклоги, 11 других — тоже из Эклоги, но отличаются от соответствующих распоряжений по способу формулировок или по подбору наказаний. «*Responsa*» здесь ни при чем, ибо даже те 11 глав Закона Судного, которые перекликаются с содержанием «*Ответов*» Николая I, соответствуют последним только по рассматриваемым в них сюжетам, а не по существу (с. 89). Только 3 главы являются «действительно общими» для Закона Судного и «*Ответов*», но и они в той же точно формулировке наличествуют в Эклоге (с. 91). Таким образом, сопоставление этих текстов приводит автора к выводу о том, что источник Закона Судного — Эклога, а не «*Ответы*».

Что касается гомилии из сборника Клоца, то мы уже знаем точку зрения греческого ученого, согласно которой она является оригинальным сочинением в том смысле, что это не перевод. В данной же главе Папастатис устанавливает со всей очевидностью, что составитель гомилии использовал в качестве источника юридическую компиляцию, восходящую к VI в. и известную под названием Моисеев Закон (в разных вариантах). Отмечается, что текст этого памятника был переведен на старославянский и сохранился в русской Кормчей книге, образуя в последней 45-ю главу. Если учесть, что глава 46 Кормчей — это Закон Судный и что в двух древних рукописях Кормчей содержится также и Номоканон Мефодия, становится понятным и вывод автора о том, что такое «сосуществование» этих трех источников в Кормчей не случайно. А поскольку Моисеев Закон имеет отношение и к анонимной гомилии сборника Клоца, то «очень вероятно, что выборка и Моисеева Закона была переведена с греческого в тот же самый хронологический период, в том же самом месте и тем же автором, который сочинил анонимную гомилию» (с. 95).

Наконец, в последней, седьмой главе (с. 97—112) Папастатис, суммируя свои наблюдения, приходит к выводу, что тексты Номоканона Мефодия, Закона Судного людям и гомилии сборника Клоца составляют единый корпус юридических источников, написанных в одном месте и одним автором (с. 100). Последовательное же сопоставление их с житиями Кирилла и Мефодия и обнаружение прямой связи между теми событиями, на которые намекает гомилия, и деятельностью кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии, как она предстает в житиях Кирилла и Мефодия, делают весьма убедительным заключение греческого ученого о том, что автором этих текстов был Мефодий, а местом возникновения — Великая Моравия. Обширная эрудиция, хорошее знание римско-византийского и славянского права, вдумчивый анализ источников, четкость и ясность в изложении собственной концепции делают выводы греческого историка общезначимыми, а его труд — крупным вкладом в разработку проблем древнейшего славянского права.

И. М.

Искусство поздней античности и раннего средневековья

В конце 1977 г. музей Метрополитен в Нью-Йорке организовал большую выставку ранневизантийского искусства (период III—VII вв.), на которой были представлены памятники не только из музеев Америки, но также из Лувра, парижской Национальной библиотеки, библиотеки Ватикана, Национального музея Белграда, Музея Виктории и Альберта в Лондоне, собраний Вены и Берлина. Во вступительной статье к краткому каталогу, вышедшему к открытию выставки, К. Вейцман определил значение в истории византийского искусства того отрезка времени, который был выбран организаторами экспозиции¹.

¹ Age of Spirituality. Late antique and early christian Art. Third to seventh century/ Introduction by K. Weitzmann, texts by M. E. Frazer. The Metropolitan Museum of Art, 1977.

Переход от умирающей античности к триумфальной христианской культуре был длительным процессом, растянувшимся на несколько столетий. С III по VII в. языческое и христианское искусства существовали на территории империи одновременно, бок о бок друг с другом. Только к концу этого периода новое, средневековое по своему содержанию и художественным принципам искусство окончательно восторжествовало. Христианская культура выросла из разных источников. Среди них античному искусству, к которому в Византии всегда относились особенно бережно, принадлежала главная роль.

Материал выставки был разделен на пять больших разделов. К первому относилось «императорское искусство», т. е. те памятники, которые изображали и прославляли императоров, их деяния и современные им события. Большинство произведений такого рода было создано в Риме и Константинополе. Портативные изображения императоров распространялись по всей империи. В создании этих произведений были заняты самые искусные мастера, использовались самые дорогие материалы. Это было искусство, тесно связанное с императорскими церемониями. На выставке этот раздел был представлен такими памятниками, как бронзовая голова Константина из Национального музея Белграда, мраморная статуэтка, представляющая супругу императора Феодосия I (Кабинет медалей парижской Национальной библиотеки), пластина из слоновой кости, очевидно, изображающая триумф Юстиниана (Лувр), а также многими ювелирными произведениями, изделиями из серебра, стекла, камня.

Второй значительный раздел выставки был посвящен классическому наследию в византийском искусстве раннего периода. После Миланского эдикта изображать языческих богов для культовых целей перестали, но произведения на старые темы продолжали создаваться для украшения предметов роскоши. Популярными, как и прежде, оставались иллюстрации к научным текстам, буколические мотивы, темы древнегреческой поэзии. Эти памятники сохраняли образы классической культуры для последующих поколений. На выставке этот раздел включил целый ряд миниатюр, в том числе и лл. 47 об. и 48 об. рукописи Suppl. gr. 247 парижской Национальной библиотеки (Никандр). Эта рукопись X столетия представляет собой копию более раннего образца.

Третьей областью византийского искусства, которая определила особый раздел выставки, были памятники, выполненные на светские сюжеты, многие из которых могли входить и в другие разделы выставки. Эти произведения создавались для частного пользования. Их заказчиками были представители богатых слоев общества. Правда, надо признать, что сохранились до наших дней также очень немногие вещи, созданные для рядовых граждан империи. Все эти произведения предназначались для украшения домов. К ним относятся как обширные композиции напольных мозаик, так и маленькие серебряные блюда и чаши. Бронзовая статуэтка рыбака, несущего пустую сеть, из Метрополитен-музея, серебряная позолоченная шкатулка из Британского музея, агатовая ваза из Уолтер-галереи Балтимора, ювелирные изделия, находящиеся ныне в Берлине, представляли этот раздел выставки.

Четвертый, самый маленький раздел выставки был посвящен роли иудейского наследия в ранневизантийском искусстве. Здесь были представлены изделия из стекла и керамики с изображением библейских сцен, относящиеся к началу IV в.

Наконец, пятый, самый большой раздел выставки включал христианское искусство. Оно выросло из многих источников, и прежде всего — из античного наследия. С III в. христианство стало использовать искусство в дидактических целях. Монументальная скульптура постепенно исчезла, но с IV в. расцветает иконопись, а также миниатюра. В этот раздел выставки в качестве особенно ценных ее экспонатов вошли так называемое Синопское евангелие (фрагменты) из собрания парижской Национальной библиотеки (Suppl. gr. 1286), а также икона с изображением евангелиста Марка того же собрания.

Одновременно с открытием выставки позднеантичного и ранневизантийского искусства, организованной по инициативе К. Вейцмана, вышла в свет новая книга этого выдающегося исследователя византийского искусства, посвященная тому же периоду².

Как и выставка в Метрополитен-музее, исследование К. Вейцмана освещает те же основные особенности возникновения византийского искусства и особую роль, которая принадлежала в период сложения его художественных принципов античному наследию. Но К. Вейцман рассматривает эти проблемы только на примере памятников ранневизантийской иллюстрированной рукописной книги. Ученый исходит из того положения, что при изучении первых книг, имеющих форму кодекса, необходимо учитывать длительность античной традиции. Средневековая миниатюра не составляла нового вида искусства, но византийские художники по сравнению с античными ввели иные технические и художественные принципы. В центре внимания миниатюристов в средние века стало оформление Библии подобно тому, как ранее иллюстрировался прежде всего Гомер.

Обращаясь к рукописям IV—VI вв., К. Вейцман отмечает не только использование в них античного наследия, но стремится доказать, что основной чертой этого периода была такая тесная связь всех видов искусства между собой, какой после уже никогда не достигли византийские мастера. В эти годы, как было показано К. Вейцманом и при подборе экспонатов выставки, фрески, иконы и миниатюры свободно влияли друг на друга. От этого периода сохранилось мало памятников, однако их, подобно экспонатам выставки, можно отнести к основным художественным центрам той эпохи Риму, Константинополю, Александрии, Антиохии. Главной особенностью искусства книги этого времени К. Вейцман считает ее «вселенский» характер, который она утратила в дальнейшем. Рукописи последующего периода, которых было создано гораздо больше и которые сохранились несравненно лучше, мы можем отнести к определенным и многочисленным мастерским. В каждом из художественных центров их создания были свои особенности. Того единства художественных принципов, которое характерно для книг раннего периода, после VI столетия уже невозможно найти.

Выставка позднеантичного и ранневизантийского искусства и новая книга К. Вейцмана значительно обогатили наше представление о столь сложном, противоречивом и малоизученном периоде культуры Византии, каким являются III—VII столетия.

В. Д. Лихачева

А. Е. Καραθανάσης. 'Η Φλαγγίνειος σχολή τῆς Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975

В истории греческой культуры послевизантийского периода важная роль в деле образования греков, сохранения традиций греческой культуры, формирования национального самосознания принадлежит основанному в XVI—XVII столетиях греческим учебным заведением Рима, Падуи и Венеции. Видное место среди них занимает Флангиниевская школа, открытая в Венеции в 1665 г. и просуществовавшая (с перерывом в конце XVIII—начале XIX в.) до начала XX в. Основанное на средства Фомы Флангиниса (1578—1648), выдающегося деятеля греко-венецианской истории, руководителя экономической, политической и культурной жизни греческой общины в Венеции в первой половине XVII в., это училище в XVII—XVIII столетиях стало alma mater для сотен молодых греков Ионических островов, Крита, Кипра, Константинополя, Афин, Пелопоннеса и других городов и островов поработенной Эллады. Тесно связанная с римской Греческой коллегией св. Афанасия и Падуанским университетом, Флангиниевская школа была тем учебным заведением, которое не только давало своим ученикам среднее образование, но и вводило их в европейскую науку, приобщало к достижениям итальянской культуры, а для некоторых выпускников являлась промежуточной ступенью на их пути к высшему образованию. Многие преподаватели и воспитанники Флангиниевского фронтистирия были видными деятелями греческой истории XVII—XVIII вв. — профессорами европейских университетов, преподавателями национальных учебных заведений на Балканах и в России, активными участниками церковной борьбы, издателями и исследователями греческих рукописей.

Рецензируемая книга А. Каратанассиса посвящена истории Флангиниевской школы. Нельзя сказать, чтобы эта тема оставалась до сих пор без внимания специалистов, однако работа Каратанассиса является первой монографией, в которой на основе анализа многих сотен документов таких богатейших хранилищ Венеции, как

² Weitzmann K. Late Antique and Early Christian Book Illumination. New York, 1977.

Государственный архив, Греческий институт византийских и послевизантийских исследований, Марцианская библиотека и др., изучения печатной продукции центров греческой диаспоры XVII—XIX вв., а также обширной специальной литературы, исследующей судьбы греческой культуры послевизантийского периода, детально воссоздана история основания и долголетней жизни Флангиниевского училища.

Книга состоит из трех частей: I. Основание и деятельность школы; II. Эволюция и значение школы; III. Замечательные воспитанники Флангиниевского училища. В Приложении впервые публикуются важнейшие документы, относящиеся к основанию и деятельности Флангиниевского фронтистирия.

Опираясь на сведения многочисленных документов, А. Каратанассис последовательно рассматривает основные факты биографии Фомы Флангиниса, определяет его интересы и место в греко-венецианской культурной среде первой половины XVII в., а также анализирует экономическое состояние его семьи, позволившее в конечном счете выделить значительную сумму на основание в Венеции греческого православного училища, которое после настойчивых усилий самого Флангиниса и продолжавших его дело руководителей венецианской греческой общины было открыто 7 августа 1665 г. В сентябре того же года Реформаторы Падуанского университета, на которых главным образом было возложено по завещанию Флангиниса управление училищем, составили его устав. Сравнивая 26 статей этого устава с правилами, определявшими деятельность трех других греческих учебных заведений того времени — папской Коллегии св. Афанасия и падуанских училищ Палеокапы и Коттунниановского, автор приходит к выводу, что, хотя Флангиниевская школа создавалась как своего рода православный противовес католической Коллегии св. Афанасия, устав последней явился прототипом для организации венецианской школы; кроме того, распорядок жизни Флангиниевского училища был создан с учетом практики функционировавшего с 1653 г. Коттунниановского училища. В книге подробно рассмотрены вопросы об управлении Флангиниевской школой (с. 69—73), экономической основе ее жизни (с. 73—78), прослежена история постройки специального здания для училища (с. 78—85).

Возникшее в недрах венецианского греческого братства, Флангиниевское училище на протяжении своего существования было теснейшим образом связано с его жизнью и интересами; находясь в зависимости от братства как одного из организаторов своей деятельности, училище приносило ему большую пользу, отовсюду привлекая к венецианской общине греков, многие из которых способствовали росту ее экономического значения, а также воспитывая для братства, для существовавшей при нем с конца XVI в. Греческой школы преподавателей: А. Каратанассис убедительно показал, что многие преподаватели этой школы, особенно в XVIII в., были воспитанниками Флангиниевского училища (с. 85—89).

Исключительно важной является III глава первой части книги — «Деятельность школы» (с. 90—221): в ней собран богатый материал о преподавателях Флангиниевского училища (биографии 18 профессоров, преподававших здесь с 1665 по 1797 г.), об игравших большую роль в его внутренней жизни префектах (список 34 префектов за тот же период 1665—1797 гг. и биографические сведения о них), об экономах школы, заботившихся о быте студентов, и, наконец, о воспитанниках училища — архивные материалы позволили А. Каратанассису восстановить список 517 студентов, прошедших через это учебное заведение за указанный выше 132 года его функционирования, а приведенные в этом списке сведения о происхождении воспитанников и времени обучения в школе послужили надежной основой для выводов о связях Флангиниевского училища с греческим миром, для наблюдений о притоке в Венецию молодых греков в зависимости от политической ситуации в Восточном Средиземноморье. Кроме того, в III главе детально рассмотрена программа обучения во Флангиниевском фронтистирии, прослежена судьба его библиотеки, восстановлена картина религиозной жизни этого учебного заведения.

Положение о выдающейся роли Флангиниевского училища в истории греческой культуры эпохи туркокрации иллюстрируют биографии замечательных его воспитанников XVII—XVIII столетий (с. 249—284). Среди них мы видим крупных филологов, издателей, философов, писателей, врачей, преподавателей высших и средних учебных заведений (Падуанский университет, Греческая школа в Венеции, академии Молды,

валахии, Славяно-греко-латинская академия в Москве и др.), людей, осуществлявших культурные связи стран греко-православного мира как между собой, так и с европейскими государствами.

Монография А. Каратанассиса привлекает читателя богатством содержания, обилием фактов (во многих случаях — совершенно новых), добытых из документов, скрупулезностью и последовательностью в изучении своей темы, обоснованностью выводов.

Книга содержит интересный материал и для историка греческо-русских культурных связей.

1. В архиве Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции А. Каратанассисом обнаружена копия письма Фомы Флангиниса от 28 июня 1642 г. к царю Михаилу Федоровичу с просьбой о материальной помощи для реставрации дворца Фоскарини, в котором, как справедливо заключает автор, Флангинис предполагал открыть свою школу (с. 51). Этот документ важен не только потому, что его подлинник в делах Посольского приказа в Москве, в фонде «Сношения России с Венецией» (ЦГАДА, ф. 41), не сохранился, но и потому, что он — наряду с такими памятниками, как *Παρηγία* греческой церкви св. Георгия и послание 1656 г. Герасима Влаха к Алексею Михайловичу с призывом об освобождении греков¹, — является еще одним свидетельством тесных связей греческой общины Венеции с Россией в 40—50-х годах XVII в.²

2. В своей книге (с. 266—271) и в вышедшей после этого статье³ А. Каратанассис, основываясь на документах венецианских архивов и существующих печатных изданиях и исследованиях, реконструирует биографии Афанасия Кондоидиса и Афанасия Скиады, двух видных греческих деятелей на русской службе: первый был воспитателем детей Кантемира, преподавателем Славяно-греко-латинской академии, членом синода русской церкви, епископом вологодским и белозерским, затем — суздальским и юрьевским; второму мы, помимо его активной деятельности как преподавателя академий в Москве и Петербурге, обязаны первым описанием греческих рукописей Синодальной и Типографской библиотек. Материалы русских архивов, относящиеся к периоду жизни указанных лиц в России, остаются до сих пор неизученными, и книга А. Каратанассиса побуждает продолжить начатое им исследование.

Б. Ф.

¹ Греческий текст послания неизвестен. Его русский перевод в списке начала XVIII в. недавно исследован Д. К. Уо; см.: Уо Д. К. «Одоление на Турское царство» — памятник антитурецкой публицистики XVII в. — ТОДРЛ, 1979, т. XXXIII, с. 88—107.

² См. интересное исследование, рассматривающее вопрос о связях Венеции, греческого мира и России в XVII—начале XVIII в.: *Συλλαβέντης Τ. Ε. Χρημολογικὴ εἰκονογραφημένη μονότυλλο τῶν ἀρχῶν τοῦ 18 οῦ αἰῶνα*. — Μυῦμων, 1978, 7, с. 46—59.

³ Karathanassis A. E. Contribution à la connaissance de la vie et de l'oeuvre de deux grecs de la diaspora: Athanasios Kondoidis et Athanasios Skiadas (18e siècle). — Balkan Studies, 1978, 19, № 1, p. 159—184.

ХРОНИКА

С ноября 1977 по август 1978 г. С. П. Карпов находился на научной стажировке в Италии. Принимающей организацией были научные институты Фондационе Дж. Чини в Венеции. Основная задача стажировки состояла в поиске и изучении материалов по истории итальянской колонизации Южного и Юго-Восточного Черноморья в XIII—XV вв., а также по истории Трапезундской империи. Исследования проводились в Венецианском и Генуэзском гос. архивах, Библиотеке Марциана (Венеция), Ватиканской библиотеке, городской библиотеке Берлио (Генуя), Библиотеке Генуэзского университета и в ряде книгохранилищ научных институтов и обществ.

Наиболее полную картину истории политических связей Венеции с Трапезундской империей, Синопом, а также истории венецианских факторий в этих городах и в Танае дают документы венецианского Сената (серии *Misti, Mar, Secreta, Sindicati*), Большого Совета, Коллегии. Несмотря на то, что исследователи неоднократно обращались к этим фондам, значительное число содержащихся в них документов не введено в научный оборот, а известные «Регесты» Ф. Тирье далеко не в полной мере отражают относящиеся к Черноморью материалы названных ассамблей Венеции. Для изучения истории экономических связей Венеции с городами-эмпориями Южного и Юго-Восточного Черноморья привлекались также и другие фонды Венецианского гос. архива — судей по петициям, официалов по делам торговли, акты венецианских нотариусов. В Национальной библиотеке Марциана изучались греческие, латинские и староитальянские рукописи. Назовем важнейшие: *Mag. gr.* 608 (306) — уникальная рукопись, содержащая текст «Трапезундской хроники» Михаила Панарета; *Mag. gr.* 533 (778) — сборник ранних произведений Виссариона Никейского, написанный его рукой; *it. Cl.* VII, 2448 (10514) и 128 A (8639) — рукописи, содержащие текст неизданной и интереснейшей хроники Дж. Карольдо; *it. Cl.* VII, 800 (7151) и 801 (7152) — автограф «Жизнеописания дождей» Марино Санудо Младшего — и многие другие рукописи с текстами венецианских хроник.

Огромный интерес для истории Черноморья представляют богатейшие собрания Генуэзского гос. архива, в частности книги Массарий Каффы (охватывающие с перерывами период с 1374 по 1472 г.) и Перы (1390—1402), Оффиции Попечения Романии, многие документы, содержащиеся в *Archivio Segreto* (прежде всего серии *Litterarum* и *Diversorum*), Архиве Банка сан-Джорджо и Архиве Древней Коммуны. Названные собрания документов охватывают в основном период с 30—40-х годов XIV в. до середины XV в. Для предшествующего периода времени необходимо обращаться прежде всего к актовым материалам нотариусов (собрание нотариальных документов Генуэзского архива — одно из богатейших в Италии и сохраняет свое значение и для периода середины XIV—XV вв.).

Во время пребывания в Италии стажер ознакомился также с работой и текущими исследованиями научных центров, изучающих итало-византийские связи в XIII—XV вв., историю итальянской колонизации Восточного Средиземноморья, — Института по изучению взаимоотношений Венеции со странами Востока при Фондационе Чини, Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции (директор проф. М. Мануссакас), Института палеографии и средневековых исследо-

ваний Генуэзского университета (директор проф. Дж. Пистарино), Сицилийского института византийских и новогреческих исследований (директор проф. Б. Лаваньини), Лигурийского общества отечественной истории (председатель проф. Д. Пунчух).

Материалы, собранные во время стажировки, войдут в подготовленную С. П. Карповым монографию «Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв.», а также в исследование по истории итальянской колонизации Южного и Юго-Восточного Черноморья (конец XIII—первая половина XV в.), будут широко использоваться на лекционных и просеминарских занятиях на историческом факультете МГУ.

* * *

С 28 октября по 9 ноября 1978 г. А. В. Банк находилась в Женеве по приглашению Музея искусства и истории г. Женевы. Целью командировки была экспертиза новых приобретений византийских памятников музея и чтение посвященного некоторым из этих памятников доклада. Доклад «Византийские кресты Музея искусства и истории г. Женевы» состоялся 1 ноября 1978 г. в конференц-зале музея (присутствовало более 200 человек, в том числе и лица, съехавшиеся из разных городов Швейцарии). 6 ноября по приглашению Женевского университета А. В. Банк читала для студентов-классиков и преподавательского состава лекцию-доклад «Памятники византийского прикладного искусства в музеях Советского Союза и проблемы их изучения». С этой лекции начинался цикл докладов и лекций, посвященных различным сторонам византийской культуры.

Во время пребывания в Швейцарии А. В. Банк знакомилась с позднеантичными, византийскими и средневековыми западноевропейскими памятниками, хранящимися в музеях, Публичной библиотеке Женевы и в частных коллекциях, давая попутно консультации. Имела встречи с М. Лазовичем (сотрудником Музея искусства и истории г. Женевы, специалистом по византийскому и средневековому сербскому искусству), Н. Дюрром (специалистом по античному искусству и археологии и византийской нумизматике), проф. Б. Бувье (эллинистом, специалистом по средневековой и новой греческой литературе), И. Христом (специалистом по византийскому и средневековому искусству Западной Европы) и некоторыми другими.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К. В. Хвостова (Москва). Расслоение поздневизантийских крестьян . . .	3
С. Н. Лишев (София). Некоторые вопросы феодальных отношений в Болгарии в X в. и в эпоху византийского господства . . .	21
З. В. Удальцова (Москва). Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры . . .	46
В. В. Кучма (Волгоград). «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания . . .	68
Г. Г. Литаврин (Москва). Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства . . .	92
Ж.-П. Ариньон (Пуатье). Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги . . .	113
Н. К. Голейзовский (Москва). Два эпизода из деятельности новгородского архиепископа Геннадия . . .	125
В. П. Буданова (Москва). Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах . . .	141
Ю. Р. Джафаров (Баку). Овогуры византийских писателей и хайландуры Елиша . . .	153
В. П. Степаненко (Тюмень). К идентификации личности веста «Матиане Картлиса» . . .	163
М. А. Поляковская (Свердловск). Димитрий Кидонис и Иоанн Кантакюзин (к вопросу о политической концепции середины XIV в.) . . .	173
П. И. Жаворонков (Москва). Дополнения к третьему тому «Регест» Ф. Дэлгера периода Никейской империи . . .	183
И. П. Медведев (Ленинград). Предварительные заметки о рукописной традиции Земледельческого закона. 1. Рукописи X—XII вв. . .	194
Б. Л. Фонкич (Москва). Палеографические заметки о греческих рукописях итальянских библиотек . . .	210
И. Л. Кызласова (Москва). Начальный этап в становлении иконографического метода Н. П. Кондакова . . .	221
Е. В. Герцман (Владивосток), С. Е. Монахова (Хабаровск). Об актуальных проблемах изучения ладовых особенностей византийской музыки . .	234

Сообщения

М. В. Кривов (Солнечногорск). Λόγος εἰς τὸ ἔχρον βάπτισμα Софрония Иерусалимского как источник по истории завоевания Палестины арабами . . .	249
В. Н. Завражин (Ленинград). К вопросу о толковании одного фрагмента из «Приложений» Феодора Скутариота . . .	252
М. В. Бибииков (Москва). О греческих рукописях Бачковского монастыря в собраниях Софии и Пловдива . . .	256

АДСВ	— Античная древность и средние века	ркп.	— рукопись
БАН	— Библиотека Академии наук СССР	СВ	— Средние века
ВВ	— Византийский временник	СГПИ	— Свердловский гос. педагогический институт
ВДИ	— Вестник древней истории	СПбДА	— Санкт-Петербургская духовная академия
ВИ	— Вопросы истории	ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ВЛ	— Вопросы литературы	УЗ	— Ученые записки
ВО	— Византийские очерки	ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских
ВОН	— Вестник общественных наук АН Армянской ССР	BNJb	— Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
ГБЛ	— Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина	BS	— Byzantinoslavica
ГИМ	— Гос. Исторический музей	Byz.	— Byzantion
ГПБ	— Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	BZ	— Byzantinische Zeitschrift
ГРМ	— Гос. Русский музей	DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ДАН	— Доклады Академии наук СССР	GGM	— Geographi Graeci Minores
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	GLM	— Geographi Latini Minores
ЗИНУ	— Записки имп. Новороссийского университета	JA	— Journal Asiatique
ЗИРАО	— Записки имп. Русского археологического общества	JHS	— Journal of Hellenic Studies
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византологический институт	JJP	— Journal of Juristic Papyrology
ИАН	— Известия Академии наук СССР	JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
ИБ	— История Византии. М., 1967, т. 1—3	JÖBG	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии	JRS	— Journal of Roman Studies
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности	MGH	— Monumenta Germaniae Historica
ИПр	— Исторически преглед	OCP	— Orientalia Christiana Periodica
ИФЖ	— Историко-филологический журнал	PG	— J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca
ЛГУ	— Ленинградский гос. университет	PL	— J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina
Леруа	— J. Leroy. Les Types de Regleure des Manuscrits Grecs. Paris, 1976	REArm	— Revue des Etudes Arméniennes
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР	REB	— Revue des Etudes Byzantines
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности	RESEE	— Revue des Etudes Sud-Est Européennes
ПВЛ	— Повесть временных лет	RH	— Revue Historique
ПС	— Палестинский сборник	RSBN	— Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей	SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
РИБ	— Русская историческая библиотека	SHA	— Scriptores Historiae Augustae
		SK	— Seminarium Kondakovianum
		SS (MGH)	— Scriptores
		TM	— Travaux et Mémoires

Р е ц е н з и и

З. В. Удальцова (Москва). И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976	258
Г. Г. Литаврин (Москва). И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976	262
С. П. Карнов (Москва). Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 2. Л., 1978	267
Н. Н. Покровский (Новосибирск). Н. В. Сеницына. Максим Грек в России. М., 1977	269
В. Н. Завражин (Ленинград). Некоторые проблемы истории поздневизантийского города в новейших исследованиях	273
Т. А. Измайлова (Ленинград). Sirarpie Der Nersessian. L'Art arménien des origines au XVII ^e siècle. Paris, 1977	280

Аннотации

J. Matthews. Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364—425. Oxford, 1975	290
G. Rösch. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaiser-titel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978	293
Actes de Kastamonitou. Edition diplomatique par N. Oikonomidès. Paris, 1978	296
L. Balletto. Genova. Mediterraneo Mar Nero (secc. XIII—XV). Genova, 1976	298
X. Κ. Παπαστάθης. Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυριλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίᾳ. Θεσσαλονίκη, 1978	300
Искусство поздней античности и раннего средневековья	303
A. E. Καραθανάσης. Ἡ Φλαγγίνειος σχολή τῆς Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975	305

Хроника

- Список сокращений 310

[illegible]

Рис. 1. Марс. гр. 579, л. 191 об.

τοῦ ἀλη-θινοῦ τοῦ ἡμεῶν· πρὸς αὐτὸν τὴν ὑποδρεμδύου δε
αυτοῖς ὁ ἡμεῶν τοῦ καὶ ἐπὶ παρθεῖν μου μαρίκο τὰ μ-θθοεῖ δωρ
ἀλλ' ἄνω καὶ πάντ.

ἄλλω. αὐ
μελὺς.

ἡ νόμος γεωργίας καὶ τεκνογονίας τοῦ Ἰουδαίου βιβλίου :
 Χρητὸν ἴδωμεν τὸ μέγα μυστήριον τοῦ ἰδοῦ ἡτοῦ· εἰναὶ δὲ ἡμεῖς καὶ
 μὴ παρορίζεσθαι λακκὰς τοῦ πηλοῦ· ταρδὸς τὸ παρορίζεσθαι παρορί-
 σθαι· καὶ κοινὸς μυστήριον ἡμεῶν αὐτοῦ· εἰ μὲν γὰρ αὐτὸ τοῦτο πρὸς
 τοῦ κεῖν· ἀπὸ λεπτομέρειας αὐτοῦ· εἰδὲ καὶ ἐκαστὸν αὐτῶν παρο-
 ρίσσονται νόμοι· αὐτὰ δὲ τὰ παρορμικὰ τῶν ἰδωμένων καὶ τῶν
 ἰδωμένων πρὸς τὸ παρορίσσασθαι ἰδωμένων :

Ε αὐτοῖς ἰδοὺς· ἀρ' οὗτος ἐδίδωκεν τοῦ κυρίου τῆς χεῖρας εἰς θάνατον
μεσση^{αν}· αὐτὴν μὲν λαμψαμένην πύργον σῶσαι ὑπὲρ τῶν μεσση^{ων}
μήτε βούλησιν αὐτῆς ὑπὲρ τοῦ σώσαντος· ἀλλ' οὐδέ τοι κοκκομεται
καταμνηθεῖσθαι·

Γ' Ἐν σφραγίδι τοῦ κυρίου ἡμῶν κατὰ τὴν χάριν· ἀνα
μνηστὴν διὰ τῆς μαρτυρίας· εἰς τὸ δοῦν ἡμῖν σφραγῖδα
μετὰ τοῦτον τοῦ λόγου· καὶ τὸ ὑποκαταλαλεῖν ἡμῖν
καὶ ἀποφασίσαι αὐτό·

δ' ἔτι δὲ ἰσχυρὸν συμβαίνει σπουδαία καταλλὰ χαίρειν πρὸς καὶ ἑμὸν τοῦ
 αὐτοῦ ἐργασίᾳ καὶ διατρέτῃ ἐν μέρῳ· εἰ μὲν οὐκ αἰεὶ κοσμοκαταμύθευ
 διατρέτῃσι· εἰδὲ καὶ οὐκ αὖτε μετὰ διατρέτῃσι· εἰδὲ οὐ διατρέφ
 οὐκ ἐμείσθῃ· ἔτερος δὲ ἐμείσθῃ· μέσσει καὶ οὐ διατρέφῃσι·

Ε⁻² ὁὖν διὰ τὸ ὅτι καὶ καταλαβὼσι χάρις· εἴτε προσκαίρου· εἴτε εἰς τὸ δι-
ήκεν· ἡμεῖς ἐθελοῦμεν ὑμῶς κολλοῦμεν πρὸς τὸ ἄλλο· καὶ οὕτως ἐ-
φάρμασάμεν ὑμῶς· δοῦναι ὑμῖν τὸ πνεῦμα ὅτι πλεονέχου· τῷ ὅλῳ ὅτι
εἶδε ὑμῶς σινεφῶ· μὴ ἐπιδιδώτωσαν·

[illegible][illegible]

δὲ αὐτὸ συνεχροῖσιν τὰ ῥαββί-
 ρας, ὑπὸ ἄλλω λείπει τὰ

Disadvantages:-

[illegible]

ἰ. τοῦ παλαιο γαιολόγου ποσ.
 Ὁραίνω σε ἀπὸ τοῦ ὁδοιπορίου
 λα. ἀπὸ ἐβλανερείου πορ
 χεία. οὐδὲν ἐκβαλλομένη

κεφάλαια τοῦ γεωργικοῦ νόμου.
καὶ τὰς ἐκ τῶν ἰσχυρῶν
ἀνὸς βιβλίων ὡς ἔστιν

ΚΕΦΑΛ. 7

2 Χρὶ τὸν ἕαυτον. τὸν ἐν τῷ
 μενοῖ τὸν ἴδιον αἶμα. εἰς
 θάνατον. ἡμῶν ὁρίξειν
 αἵματός τοῦ ἁγίου.

μαδοι δε ομασλασ ορ
 θωσ και δικαιοσ δε δι
 και ραι τορ υψοκοσων
 τασ οφχαταισ υψοκω
 εθοβω τη μορτασ
 ρκουδε φβομβουκ
 (ω ασηεκατωρ τηρ)
 η του διαδικαιου υψφε
 ροκτοσ και παρσχεθε
 τοσ η ουχ ωρ εν θετος
 εα της εη η δακν ουδε
 τοσ προσχηματισωρ
 κιασδω ατασ ανασ
 λαφαιται ~ κεφα
 α νομου γεωρ ηκουκω
 τεκλογη ~ εκ της ιον
 στηνιανουσ βιβλου ~
 χεν τορ γεωρ ρορ ερτα
 ζομβρορ τυρ ιδου ανω
 ειραδικαον και μη
 δαμει κρεικτορ ορον
 του ατορ αιτου ειδε
 παρ ισκ και κρατησ
 εκ του μβριδου του
 τορσ αιτου ειμβροτ
 τοσσι ειβρτασ και ρω
 τωρ μηρσι αποχνη
 πληρωσ η αιτου ειδε
 βρωκμ ρω τουσ ορ
 τωρ τωρ ορ ειανιδ
 οσ αποχνη αιτον σου

εορκα και τινι βωρη κα
 αιτου και τινι βοζ καρπι:-
 Γαυ τις βωρη ποδ εισαλλη
 και νεωσ τη χωρα. ον α
 το φβλ ηματος του κυ
 χωρ. η αποειρε. μηδε
 βαβω μητε βρωσι
 πορ τη νεωσ. μητε
 πικαρπησιν βωρ τοι απο
 ρου. διχον δε τοι κατα
 μη εβρωσ κοκκωρη
 αν σμφωρησω σδω β
 ωρη τοι μεθω κατα ηδω
 χωρ. παρουντων βη
 μαρτιρ. και βωρ ωρη
 βωρ τοι δε το αν νεκω
 βωρ βω το εβλ ηματος
 και η κατα ηδω αιτ. με
 παα βω αιτ:-
 αν βωρ τοι βωρ ωρη
 σ κατα ηδω χωρ πορ
 και ροι τοι αυδω. και
 μεθω ηδω τοι εβωρ
 φβω ος κοκκωσ κατα βλ
 η. μη αν νεκωσιν.
 εδω ος κατα βλ η. δι
 πατα μεθω οηα. ειδε
 ο μεθω οη ος κερωσιν.
 βωρ δε νεωσ. και αν
 ο μεθω οη νεωσιν μεθω:-

[illegible]

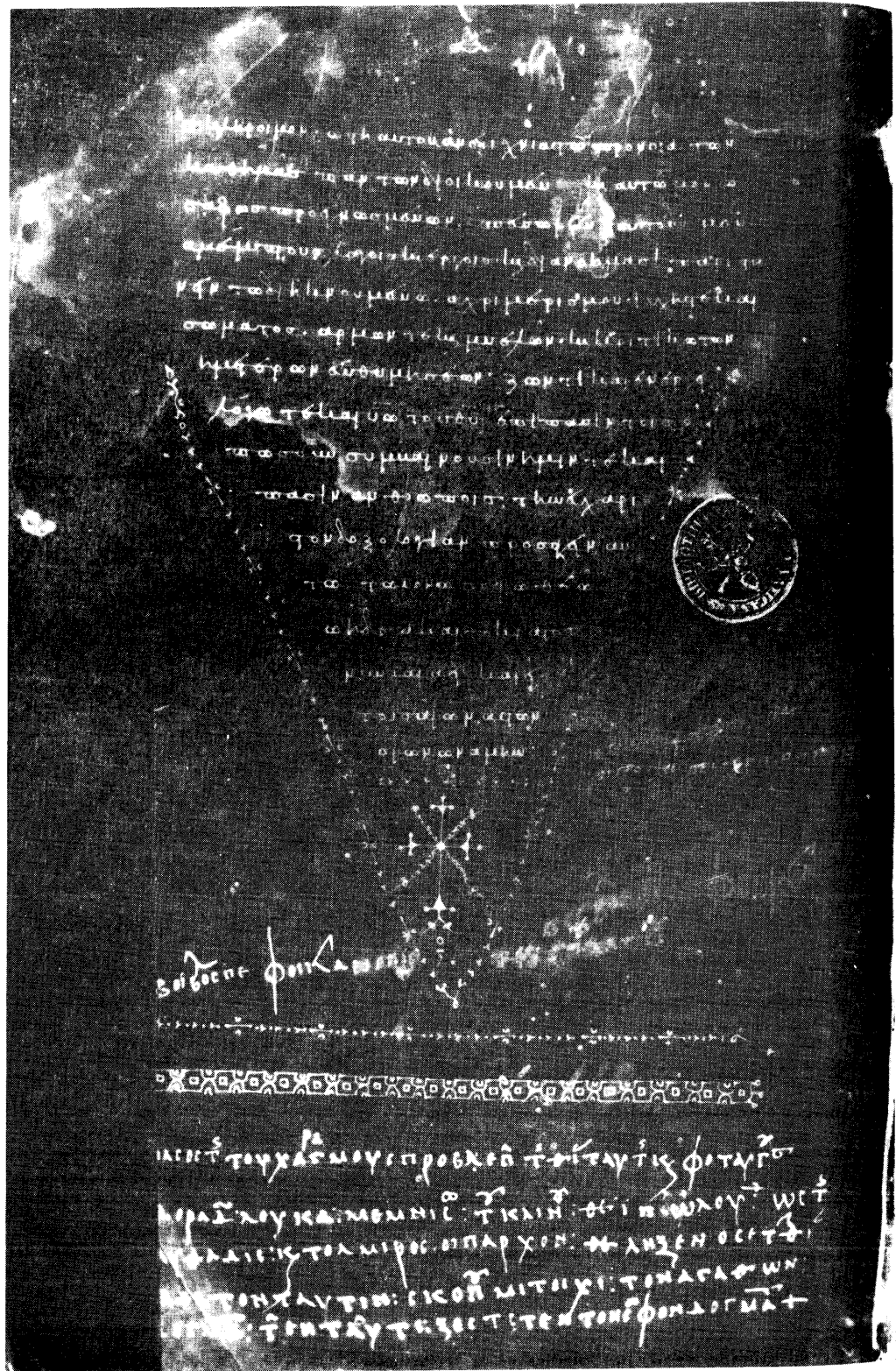

Рис. 2. Ottob. gr. 86, л. 232 об.

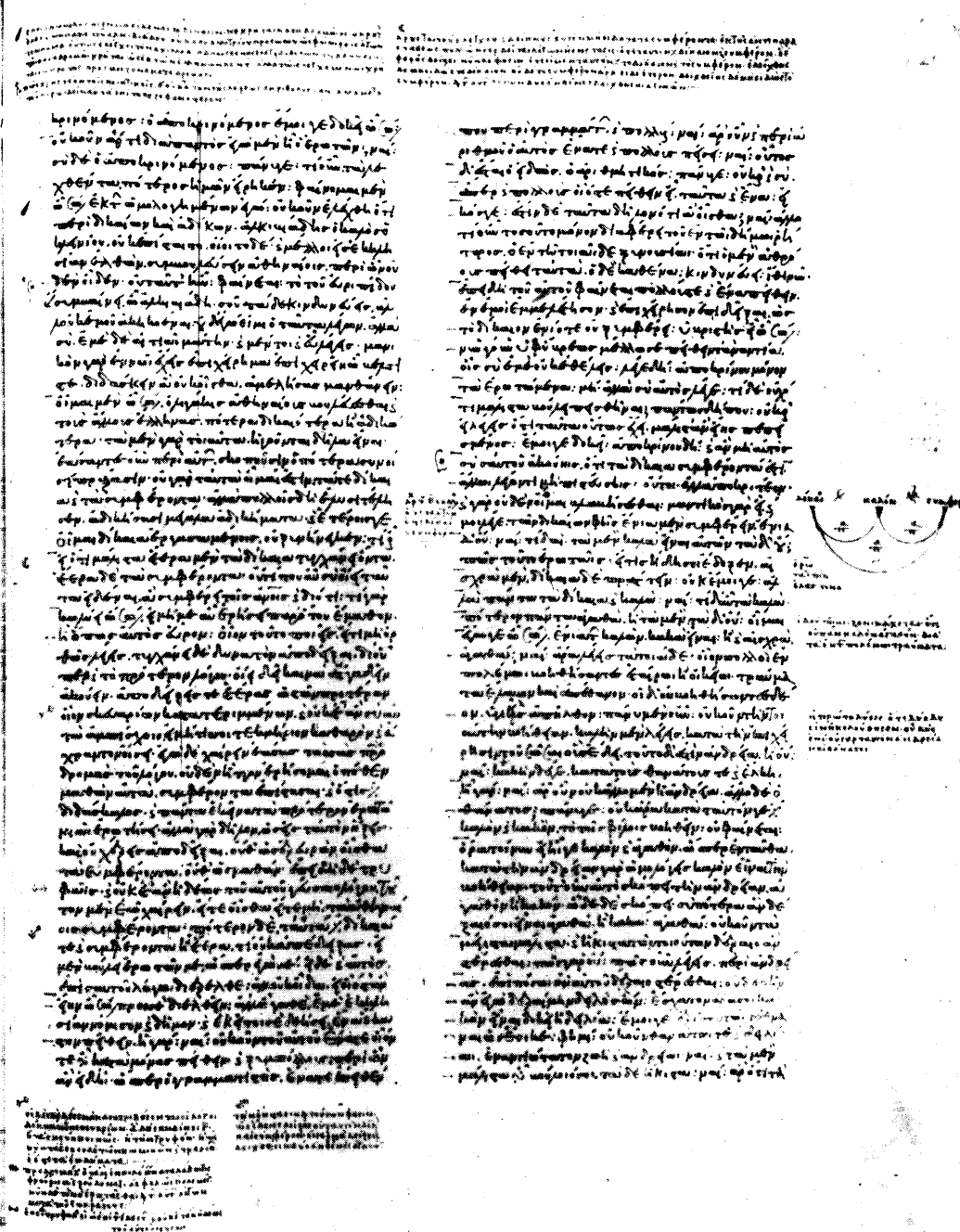

Рис. 3. Marc. gr. IV, 1 (coll. 542), л. 121. Автограф Ефрема.

Византийский временник

том 41

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории Академии наук СССР

Редактор **Б. Л. Фонкич**
Редактор издательства **Ф. Н. Арский**
Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **О. Г. Ульянова**
Корректоры **В. А. Бобров, В. А. Шварцер**

ИБ № 18002

Сдано в набор 16.10.79
Подписано к печати 12.03.80
Т-05241, Формат 70×108¹/₁₆
Бумага № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 29,4, Уч.-изд. л. 32,5
Тираж 2200 экз. Тип. зак. 821
Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12